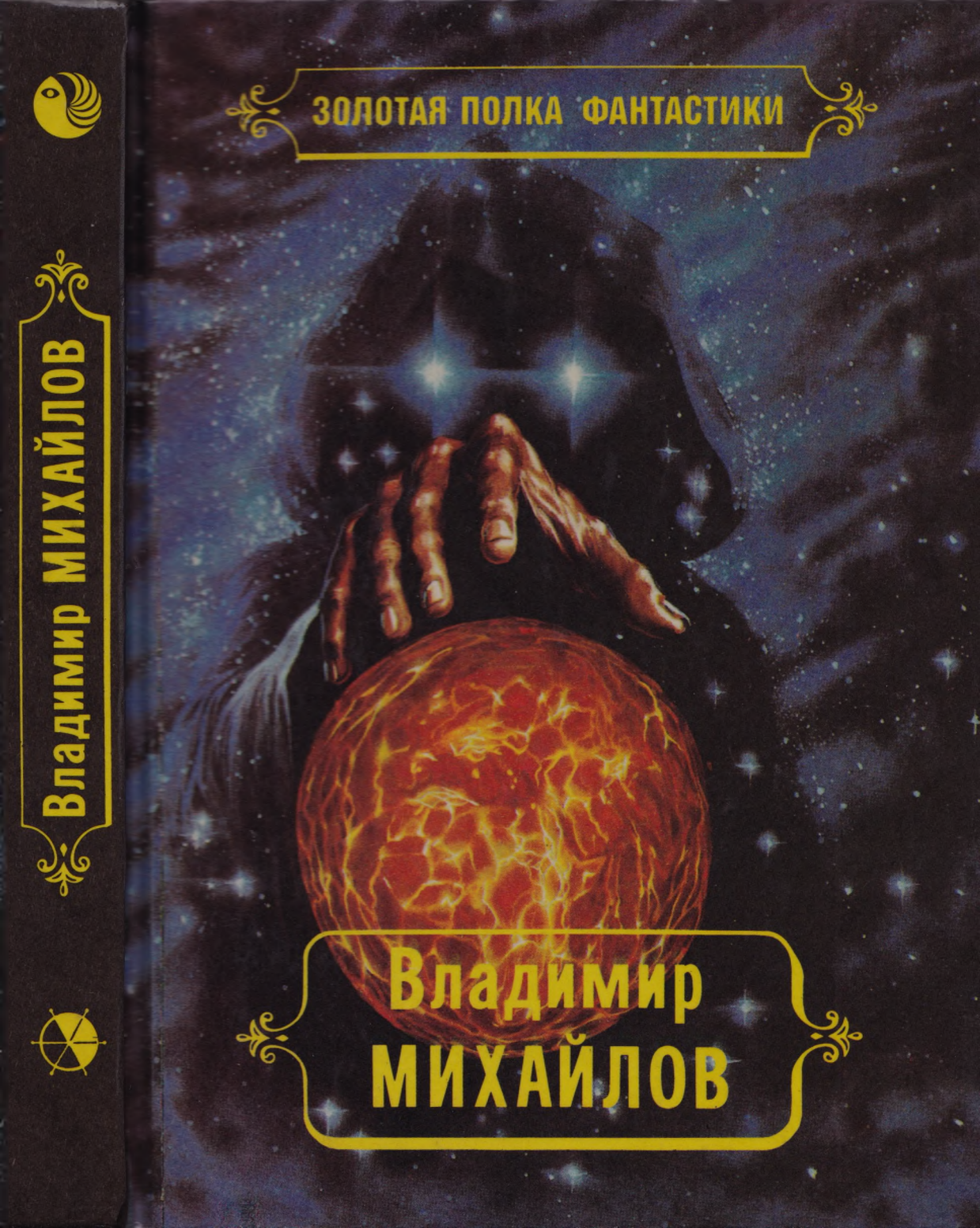

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Владимир МИХАЙЛОВ
Владимир
МИХАЙЛОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Владимир
МИХАЙЛОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Владимир МИХАЙЛОВ

Том 3

...И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

Повесть

ВЛАСТЕЛИН

Роман

книга первая

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

ББК 2.84
М 69

Художники **С. ФИЛЯЕВ, А. ТАРАСОВ**

На обложке использована работа
РОВЕНЫ МОРЕЛЛ

Михайлов В.

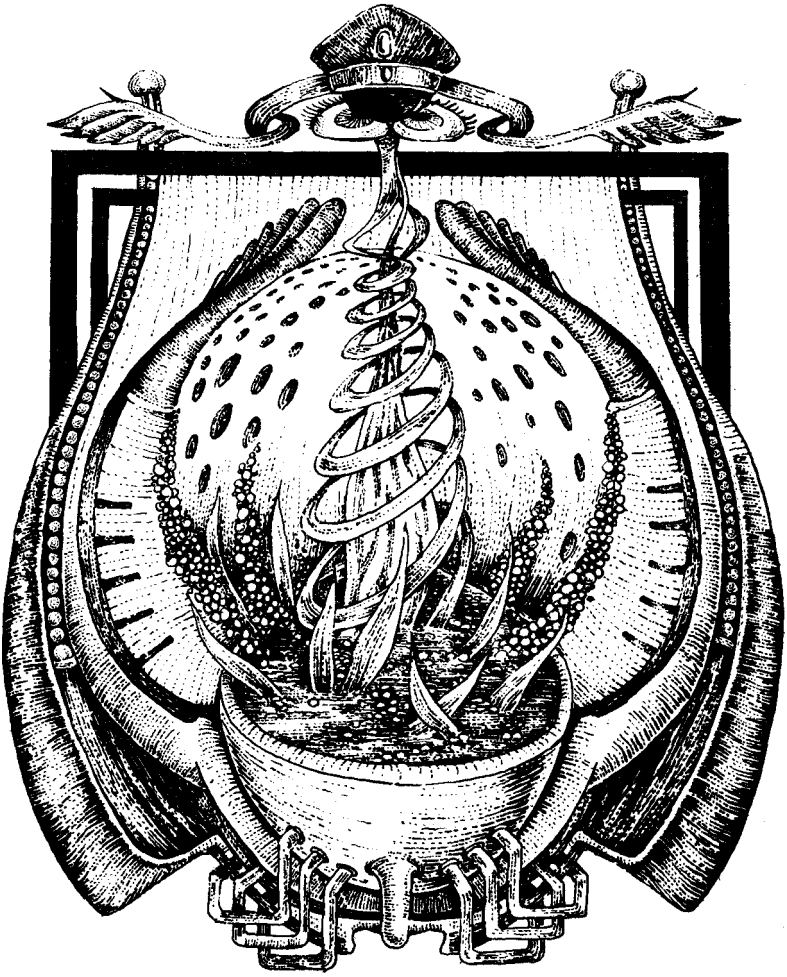
М69 Избранные произведения: Т. 3. И всяческая суета. Повесть. Властелин. Фантастический роман в двух книгах. Книга первая.— Нижний Новгород. Флокс, 1993.— 416 с.: ил.
ISBN 5-87198-024-4

Издательство «Флокс» продолжает публикацию произведений известного российского фантаста Владимира Михайлова. В томе третьем представлены новые, впервые опубликованные произведения. Острогротесковая сатирическая повесть «И всяческая суета» вдохновлена постперестроечной реальностью, превосходящей самые безумные выдумки фантастов. Роман «Властелин», где сложная интрига сочетается с иронией и мистикой, продолжает популярный цикл о капитане Ульдемире. В этом томе читайте первую книгу романа «И прочие услышат и убоятся».

М $\frac{47002010201—020}{Д40(03)—93}$ без объявл. **ББК 2.84**

ISBN 5-87198-024-4

© В. Михайлов, составление, оформление, издательство «Флокс», 1993

...И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

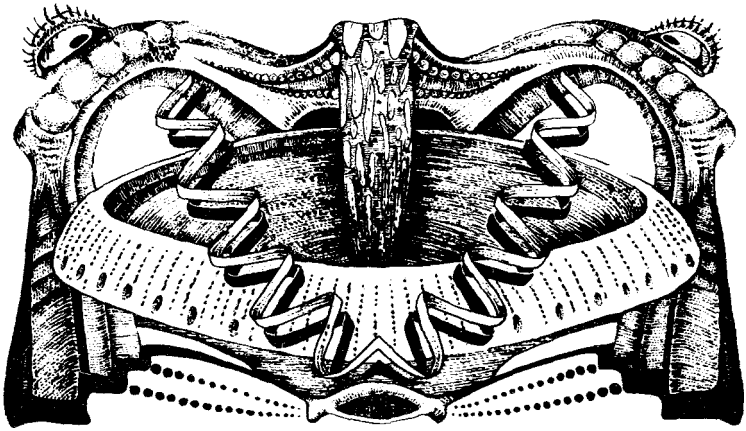
Я вряд ли взялся бы за нелегкий и неблагодарный труд превращения в повесть моих беглых записей, сделанных по горячим следам в 1989—1990 годах. То, что происходило у нас в те годы, сейчас уже вспоминается с трудом, и повесть эта сейчас уже может быть с полным правом названа исторической. Однако одно соображение и один факт заставили меня все-таки приняться за дело. В результате и получилось то, что я сейчас предлагаю вниманию читателей.

Соображение заключалось в том, что, когда стремительное нынче развитие событий замедлится и жизнь наша станет хоть в чем-то похожа на нормальную, интерес к тому, как все это начиналось и происходило, неизбежно воскреснет и люди заинтересуются всем тем, что хоть в какой-то мере сохранит аромат тех минувших несуразных лет.

Что же касается факта, то в одной из недавно возникших многочисленных газет (правда, не из самых авторитетных) на днях промелькнула заметка, вернее — крохотная информация о том, что в одной из латиноамериканских стран сведущими людьми был якобы опознан Гитлер — живой, здоровый и, невзирая на прошедшие десятилетия, не очень даже постаревший.

Разумеется, подавляющее большинство читателей усмотрело в этом материале всего лишь утку — и не из лучших. Другое дело — я. Потому что мне сразу вспомнилось все, связанное с возникновением в Москве кооператива, в котором реализовал свои идеи никому не известный человек со странной фамилией Маркграф.

Если у вас хватит времени и терпения прочитать повесть — вы будете знать об этом ровно столько, сколько знаю и я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Двое разговаривали в дурно освещенном московском переулке.

— Нет, я на Востряковском лежу,— говорил один: долговязый, пожилой, лысый.— Бывали?

— Не приходилось,— отвечал второй, среднего роста, носивший шляпу, хотя время стояло летнее, теплое.— И как там, у вас?

—. Ничего, лежать можно. Сыро, правда, бывает. И временами шумно. Однако уход есть. И некоторые лежат очень приличные.

— Сыро — что же, это, конечно, неприятно,— сказал тот, что был в шляпе.— Когда сквозь тебя водичка льется... Хотя это, безусловно, сейчас, когда со стороны поглядишь. А пока лежали, ведь все равно было, а?

— Да уж, тогда сырость как-то не замечалась,— подтвердил первый, и оба как-то странно посмеялись.

— А вы,— затянувшись сигаретой, возобновил разговор лысый,— надо думать, на Ваганьковом прописаны? А то и на Новодевичьем? Каково там?

— Почему же это вы так решили?

— Облик у вас внушительный. Похороны государственные, наверное, были?

— М-да, пожалуй, государственные... Нет, я далеко лежу. В Заполярье, в мерзлоте. В веселой компании.

— Еще не съездили туда?

— Куда же двинешься без паспорта? А вы разжились уже?

— Где там. И не светит. Живу с профсоюзным билетом...

— Просто беда,— грустно подтвердил человек в шляпе.— Как и всегда у нас, до конца не додумают. Хорошо, что милиции теперь не до нас с вами. Если кооператив с паспортами не поможет, то...

— Так-то оно так,— согласился первый.— Однако же теперь торговля по паспортам, и визитки вводят, а работы нет и пенсии гоже. Хорошо еще — я после себя оставил малую толику. Дети спорить не стали, отдают понемножку. Тем и сыт.

— Повезло,— сказал обладатель шляпы.— А мое все пошло в доход государству. Так что скоро с этой вот шляпой встану в подземном переходе где-нибудь тут, близ Арбата...

— Не подадут,— сказал долговязый уверенно.

— Отчего же?

— Выглядите благополучно.

— О, это ненадолго.

Оба докурили, долговязый бросил окурок и затоптал, второй погасил слюной и сунул в карман.

— Ну, всего вам доброго.

— Будьте здоровы!

И они разошлись: один — направо, к кольцу, второй же прямо, под уклон, к набережной Москвы-реки.

II

Тогда из темноты, из-за строительного забора выбрался на тротуар Тригорьев, участковый инспектор милиции, Павел Никодимович.

Он не затем оказался за забором, чтобы подкараулить и подслушать разговорщиков. Он незадолго до тех двоих проходил тут же и ощутил вдруг сильное желание укрыться от возможных взглядов, хотя и сознавал в этом некоторое нарушение порядка. Тригорьев и воспользовался забором как укрытием, а тут подошли эти люди, и сперва выходить при них показалось неудобным, а потом очень заинтересовал разговор. Вот отчего инспектор только сейчас показался.

Нечаянно услышанный разговор заинтересовал потому его, что в нем прозвучало слово «паспорт». А участкового инспектора капитана Тригорьева с недавнего времени как раз заботило то, что в пределах его участка стали чаще обычного возникать люди, лишенные этого первого и основного признака гражданства. Выяснялось это чаще всего в магазинах, где хотя и далеко не всег-

да, но требовали все же предъявить названный документ. И не рвань какая-нибудь то была, но люди внешне вполне приличные. Вот как эти двое.

Какая-то должна была быть тому причина. И Тригорьеву хотелось ее установить. А кроме того, было в разговоре и еще нечто странное, капитан только не сразу уловил, что именно. Но — было.

Он уже начал над этой странностью раздумывать. Но тут из-за угла Второго Тарутинского переулка показался Лев Толстой, и участковый инспектор прервал свои размышления, чтобы вежливо первым поздороваться.

Нет, это совсем не то, что вы подумали. Лев Израилевич Толстой был старым одноногим евреем, инвалидом войны, а по профессии — сапожником. И капитан Тригорьев поздоровался с сапожником первым не из уважения к литературным заслугам последнего,— Лев Израилевич и писал-то не очень правильно, с образованием у него был недобор,— а потому, что уважал инвалидов войны, а что Толстой был евреем, так тем более можно было поздороваться первым, чтобы лишний раз подчеркнуть, что перед законом все равны.

Итак, капитан Тригорьев поздоровался и доброжелательно спросил:

— Ну, что нового слышно, Лев Израилевич?

— Что слышно? — переспросил старик, подняв на капитана свои большие и неизменно грустные глаза.— Это я хотел у вас спросить, что слышно. Например, о погромах: что вы об этом думаете?

Слухи такие действительно по Москве ходили, и не первый год уже, но сейчас как раз приутихли. Поэтому инспектор ответил спокойно:

— Насчет погромов, Лев Израилевич, никаких указаний не было. Но если что, порядок, конечно, восторжествует. А откуда такая у вас информация? С митинга идете?

— А, нет,— ответил Лев Толстой.— Не с митинга, нет. Я тут в кооператив заходил, возникло, знаете ли, дело...

— И там об этом услыхали?

— Откуда вы взяли? — удивился Толстой.— Нет, это я днем стоял в очереди в овощном, так там... Нет-нет, не в кооперативе. Туда я просто так зашел...

— Это какой кооператив?— на всякий случай поинтересовался капитан Тригорьев.— Новый? Тут, за углом? Что же у них такого — интересного?

Тут печальные глаза Льва Израилевича неожиданно забегали из стороны в сторону, и он неохотно пробормотал:

— Да так, знаете, ничего особенного. Мелочи... Но они, види-

те ли, по частям не возвращают. Они могут только целиком. Одним словом, зря сходил...

— Постойте, постойте,— насторожился капитан, вспомнивший, что кооператив и в недавнем разговоре упоминался — и вроде бы в какой-то связи с паспортами.— Что же они там возвращают? Уж не...

Но тут сапожник вдруг страшно заторопился.

— Ох, я же совсем забыл — у меня чайник на плите стоит, не дай Бог, уже выкипел — вы представляете, что тогда будет? До свидания, будьте здоровы, я спешу, спешу...

И, быстренько произнеся все это, Лев Толстой заковылял по переулку, размашисто занося неуклюжий протез и усердно помогая себе палкой.

Капитан Тригорьев секунду-другую глядел ему вслед. Затем повернулся и решительно зашагал в ту сторону, откуда и появился инвалид. А именно — в сторону кооператива.

III

Пресловутый кооператив не столь давно возник в том уголке Москвы, где названия площадей, проспектов, мостов, улиц и переулков напоминают о славном прошлом России. Открылся он в старом трехэтажном доме, что не выходил фасадом к проезжей части, но, как бы стесняясь непрезентабельного своего облика, прятался в глубине двора, отгораживаясь от прохожих еще и батареей мусорных контейнеров. Точнее, даже не в самом доме, но в его подвале, в четырех небольших помещениях с зарешеченными окошками под потолком. Подвал этот ранее был захламлен и заброшен и лишь временами использовался местной молодежью для тусовок. Теперь же его очистили, обновили, дверь обили рейками и покрыли немецким лаком, а на стене утвердили скромную вывеску, гласившую: «Обретение». А пониже и мельче: «Встречи с близкими». Сейчас капитан Тригорьев вспомнил, что поначалу такое название его несколько смутило, наведя на мысли о чем-то вроде дома свиданий, а то и просто публичного дома. Но, установив, что привезенное оборудование годилось скорее для слесарной или какой-нибудь другой технической мастерской, успокоился. И лишь вот сейчас возник у инспектора повод зайти туда — чтобы рассеять или, напротив, подтвердить возникшие у него подозрения.

Несмотря на достаточно поздний уже час, низкие окошки кооператива еще светились. Капитан Тригорьев вошел в подъезд, спустился на одиннадцать ступенек и оказался на тесноватой, слабо освещенной площадке, на которую выходила дверь слева и другая — справа. Правую капитан сразу отверг: на ней висел

увесистый и ржавый замок, пожалуй, даже излишний, поскольку держался он только на одной пружине, вторая же отсутствовала начисто. Увидев замок, Тригорьев вспомнил, что бывал в этом подвале не раз — и во время тусовок, и еще раньше, когда здесь помещался чей-то склад. Он повернулся и нанес левой двери два легких удара костяшками пальцев и потянул ручку на себя. Дверь отворилась легко, не скрипнув. Шагнув, капитан Тригорьев оказался в крохотном предбанничке. За его спиной дверь, влекомая сочетавшейся с нею пружиной, мягко затворилась, и Павел Никодимович уже собрался распахнуть и другую — ту, что вела в четырехкомнатный кооперативный лабиринт. Но, словно бы угадав его намерение, дверь рывком отворилась сама собой, и участковый инспектор невольно сделал шаг назад. Скорее всего просто из присущей ему вежливости — чтобы освободить путь людям, в следующее мгновение выделившимся из открывшейся комнаты.

Их было трое.

Первой из вытиснувшихся в предбанничек людей оказалась, как сразу определил капитан, Амелехина Револьвера Иоанновна, пенсионерка двадцать второго года рождения, женщина вполне добропорядочная. Тригорьев это хорошо знал, поскольку проживала Амелехина на территории его участка, по адресу — Первый Отечественный тупик, семнадцать, квартира, помнится, двадцать шесть; да, точно, двадцать шесть. Все он знал, до такой даже детали вплоть, что имя Револьвера вовсе не связано было с огнестрельным неавтоматическим личным оружием, но происходило от слияния слов «Революция» и «Вера»; да такие ли еще имена давали новорожденным в двадцатых годах? И старая Револьвера вовсе не привлекла бы тригорьевского внимания, если бы не блеск ее глаз, всегда свинцово-тусклых, ныне же сиявших нестерпимым голубым светом, какой дает хорошо отрегулированная горелка газовой плиты. И все выражение лица гражданки Амелехиной было таким нештатным, что Тригорьев невольно сказал про себя: «Гм?». И лишь после этого перевел взгляд на второго человека, которого старуха крепко-накрепко держала за руку, словно нашкодившего мальчишку, влекомого для сурового наказания.

То был мужчина лет не более тридцати. Выше среднего роста, правильного телосложения, человек этот имел лицо овальное, удлиненное, бритое, глаза небольшие, голубые, нос прямой, короткий, волосы светлые, брови также светлые, широкие, дугообразные, на правой щеке небольшой горизонтально расположенный шрам, подбородок слегка скошенный вниз и назад, уши большие, средней оттопыренности, мочки ушей длинные, скулы слабо обозначенные — и так далее. Одет был в темно-синий в белую полоску костюм-тройку отечественного производства, устаревшего —

с узкими лацканами — покроя; то ли от человека, то ли от костюма явственно пахло нафталином.

Человека этого инспектор — голову на отсечение — никогда не встречал. И все же было в его внешности, в его тут же мысленно составленном словесном портрете что-то до боли знакомое. И Тригорьев внутренне напрягся, стараясь понять, в чем тут дело.

Тем более, что показавшаяся вслед за мужчиной вторая женщина, державшая его за другую руку и всем своим обликом показывавшая полную готовность в любой момент пресечь всякую попытку к бегству, в том числе и шаг влево или вправо,— женщина эта никакого особого внимания от капитана не требовала, ибо была она давно известна инспектору как вдова покойного сына Амелехиной, Альбина, проживавшая вместе со старухой в их двухкомнатной квартирке, где обе женщины тихо и искренне ненавидели друг друга, но разъехаться то ли не могли, то ли не хотели, ибо без любви жить плохо, но без ненависти — совсем уж никуда.

В таком вот порядке последовали все трое от внутренней двери предбанничка к выходной, как-то даже и не заметив Тригорьева. Вышли, дверь за ними запахнулась, и было слышно, как после мгновенной запинки шаги их вразнобой застучали по ступенькам, выводившим из подвала на свет Божий.

— Гм,— еще раз сказал про себя Тригорьев, томимый желанием понять, что же тут не так.

И тут его ожгло понимание. Сработала профессиональная память.

Он нашел вдруг, на кого походил этот мужчина. И, не теряя более времени, толкнул внутреннюю дверь и, перешагнув порог, вступил в комнату.

IV

Здесь было тепло, светло и сухо, хотя и пустовато как-то для солидного кооператива. Наличествовал в комнате письменный стол, наидешевейший, из мореной фанеры, шесть стульев, издревле именуемых венскими, и табличка над столом, чуть повыше головы сидящего; на табличке написано было не очень тщательно: «Консультант по вызовам и встречам А. М. Бык». Стены выглядели покрашенными водяной краской, пол — обычной желто-коричневой эмалью, но без предварительной шпаклевки и грунтовки, так что виднелись все углубления и шероховатости досок. Наспех все делалось, кое-как, и Тригорьеву, в котором глубоко сидело исконное милицейское стремление к порядку, это не понравилось. Но ведь не за тем он сюда пришел, чтобы оценивать качество ремонта? Нет, вовсе не за тем, конечно. И Тригорьев поспешил перевести

взгляд на человека, сидевшего за столом как раз под табличкой.

Человек этот был человек-невидимка. То есть внешность его была того сорта, от какого ровно ничего не остается в памяти: только что видели человека, смотрели во все глаза, а через минуту спроси у вас: а как он выглядел? — и ничего не сможете сказать, потому что никак он не выглядел, не за что было взгляду зацепиться, все как-то нечетко, как-то условно, может, так, а может, этак — ну, вы понимаете. Вот именно таким и был консультант по имени А. М. Бык.

Тем не менее, ничто человеческое, видимо, не было консультанту чуждо, и под заурядной его внешностью крылись полнокровные чувства — судя по той радостной улыбке, какой приветствовал он капитана Тригорьева.

— Антруйте, антруйте,— произнес он, когда участковый инспектор, переступив порог, на долю секунды задержался,— и указал на один из стульев перед столом.

Слова, сказанного консультантом А. М. Быком, капитан, признаться, не понял, потому что французским не владел, иначе, конечно, сразу догадался бы, что означало оно всего лишь предложение войти, «антрэ», оформленное, правда, по законам русского спряжения. Но жест А. М. Быка Тригорьев истолковал правильно и уселся на указанное место.

Небольшое время они сидели, глядя друг на друга, как бы ведя некий бессловесный диалог; словно бы ожидая, кто первым не выдержит. Но капитан Тригорьев, издавна наученный смотреть пристально, проницательно и понимающе, не опуская глаз, мог в это время думать о вещах совершенно посторонних, как-то: застанет ли он еще молоко в гастрономе по пути домой или, как вообще в последнее время, от полезного продукта не останется даже и воспоминания. Так что вполне закономерным можно почесть, что первым не выдержал игры в гляделки А. М. Бык. Он снова приятно улыбнулся, обнажая не совсем белые, но комплектные еще зубы, и произнес:

— Очень люблю помолчать в компании. Бывает, такие глубокие мысли приходят!

— А говорить не разучитесь? — спросил Тригорьев, подумав. И, таким образом несколько запутав собеседника, сразу же в упор заявил:

— Тут у вас только что люди были.

А. М. Бык, в свою очередь несколько поразмыслив, ответил:

— Совершенно верно. Имели быть. Вот только что перед вами.

— Так вот, я хотел бы знать, что это за люди.

Капитан Тригорьев разговаривал всегда исключительно вежливо.

— Вас имена интересуют? Одну минуту!

С этими словами А. М. Бык проворно вытянул верхний ящик

стола, извлек из него конторскую книгу в красном синтетическом переплете, недавно только начатую, раскрыл ее и, водя пальцем по странице, быстро нашел требуемый ответ:

— Амелехины были.

И, захлопнув книгу, выжидающе поднял на инспектора глаза.

— Конкретней,— сказал Тригорьев.— Вы поконкретней давайте.

— Ну, эта... Алебарда Ивановна? Нет, как ее...

А. М. Бык снова растворил книгу и зашарил пальцем.

— Револьвера, вот. Я помнил, что имя такое — воинское.

— Так,— сказал Тригорьев.— А еще кто?

— Амелехина же,— продолжил консультант.— Альбина Панталоновна.

— Пантелеймоновна,— строго поправил Тригорьев.— Ну, и дальше?

— Что же дальше? — поинтересовался А. М. Бык.

— Дальше, дальше давайте!

— А дальше — тишина,— сказал начитанный А. М.

— Вы, пожалуйста, третьего назовите,— попросил терпеливый Тригорьев.

— Третьего? — несколько озадаченно переспросил А. М. Бык.— Так ведь это только Бог троицу любит. Почему кого-то обязательно должно быть трое?

— Это вы что имеете в виду?

— Их двое приходило,— объяснил А. М.

— Двое, по-вашему? — прищурился Тригорьев.

— Даю вам мое честное слово.

— Как же получилось, что вышли они втроем?

— Вы так полагаете?

— Гражданин Бык! — сказал Тригорьев служебным голосом.— Я — лицо должностное и пришел по делу. Улавливаете момент?

— Простая кинематика,— сказал А. М. Бык.

— Вот и давайте кончим этот волейбол и начнем говорить по делу.

— Умоляю,— сказал А. М. Бык.— Я весь — внимание.

— С ваших слов,— сказал капитан Тригорьев,— их было двое. Две женщины, так?

— Момент абсолютной истины,— подтвердил А. М. Бык.— Амелехина Пистолета Ивановна, а также...

Тригорьев остановил его жестом, как останавливают уличное движение.

— Отсюда,— раздельно произнес он,— вышли три человека: подраму... зева... подразумеваемые вами две женщины, а также один мужчина. Вот он меня как раз интересует. Так что давайте уж, будьте любезны.

— Какой мужчина? — спросил А. М. Бык с недоумением.

— Позвольте-ка вашу книгу,— вместо ответа проговорил Тригорьев и, не ожидая более, перегнулся через стол, взял синтетическую книгу и раскрыл ее.

Интересовавшее его место было заполнено вот какой записью: «Амелехины, Револьвера Иоанновна, Альбина Пант-на. Дом. адрес: Первый Отечественный тупик, д. 17, кв. 26. Вид работы: чистый возврат. Источник информации: по местожительству заказчиков. Информация относится к: май 1980 г. Стоимость заказа: 335 руб. 80 коп. Заказ принят: 15.01.1990 г. Срок исполнения: 05.1990 г.». И уже другого цвета пастой в последней графе было занесено: «Заказ выполнен 13.06.1990 г. Заказчики извещены телефонно». Далее шла уже расписка — другим почерком, несколько прыгающими буквами: «Заказ получила 13.06.1990. Претензий не имею. К сему Амелехина Р. И.». Вот и все, что там было.

Не сказать, чтобы Тригорьев много понял в прочтенной записи. Однако он на всякий случай сделал вид, что все до последней точки ему ясно, да еще многое другое ясно, чего в записи не было. И, несколько более нахмурившись, инспектор произнес:

— Так, значит.

— Вот именно! — едва ли не воодушевленно подхватил А. М.— Сами видите, именно так, и никак не иначе. Никаких неясностей, недоговоренностей, намеков, подтекстов, а также надтекстов и междустрочий, и вообще никакого мухлежа. Простая, я уже сказал, кинематика!

— Так,— повторил капитан с ударением.— Скажите, Бык — ваша первая фамилия?

— Я не замужем,— охотно ответил А. М.

— То есть, настоящая?

— Моему папе всю жизнь задавали этот вопрос.

— Где работали раньше?

— На заводе «Красный лом».

— А почему ушли? — И Тригорьев даже слегка пригнулся, как перед прыжком.

— А жить надо?

— Жить надо честно,— наставительно молвил инспектор.

— Всю жизнь! — убежденно ответил консультант.— Копейку найду на тротуаре — и ту снесу и сдам.

— А сто рублей? — круто спросил Тригорьев.

— А чтобы сто рублей найти, надо сперва потрудиться, чтобы другой их потерял.

— Так вот,— сказал Тригорьев сурово, в такт словам постукивая пальцем по все еще раскрытой книге.— Вы желаете добровольно объяснить, откуда взялся тот мужчина, которого я здесь застал? Учтите: темнить не надо. Нам ведь и так все известно.

— Я всегда утверждал,— заверил А. М. Бык,— что наша милиция на высоте. Поскольку она над преступностью. А преступность все растет. Лично же я никакого мужчины здесь не заставал. Исключая, конечно, работников кооператива.

Капитан понял, что сейчас больше ничего говорить не надо: спугнуть подозреваемых означало бы — испортить главное, если только не все. Поэтому он встал и, нависнув над столом своей ладной фигурой, проговорил лишь:

— Ну что же, так и запишем. А пока что посоветую вам...

Он не закончил, потому что дверь за его спиной — не та, в которую он вошел, но другая, что вела вглубь кооператива — шумно распахнулась, и капитан мгновенно повернулся лицом к возможному, как он полагал уже, противнику.

Из кооперативных недр в комнату широкими и поспешными шагами вошел человек лет пятидесяти, среднего роста, русоволосый с незначительной проседью, в очках, взлохмаченный и давно не стриженный и с выражением на лице сумрачно-отсутствующим.

Не обратив на присутствовавших ровно никакого внимания, человек этот подошел к столу, снял трубку телефона, набрал номер и, дождавшись ответа, негромко произнес: — Мама, ты?

Соблазн услышать, о чем пойдет речь, был велик. Дело в том, что мысли капитана Тригорьева шли сейчас в одном определенном направлении и всякая вещь виделась с одной определенной точки зрения. Так что сейчас он готов был поверить в то, что «мама» на самом деле означало не степень родства, но было лишь блатной кликухой. И вместо того, чтобы откланяться, Тригорьев снова взял конторскую книгу и стал медленно ее рассматривать, словно стараясь отыскать среди записей что-то крайне важное. На самом же деле он очень внимательно слушал.

— Да нет, ничего,— говорил тем временем стоявший у телефона.— Вот только что закончил... Нет, к сожалению. Да и чего можно было ожидать: столетняя дистанция, следов почти никаких... Ну, что-что: в раствор, конечно... Ничего, всякий опыт полезен... Да, выхожу. Ну, какой же кефир в такой час?..

Капитан Тригорьев и еще послушал бы для пользы дела. Но А. М. Бык уже поднялся и принялся убирать все со стола, потом деликатно потянул из рук инспектора книгу, и тот лишь скользнул глазами еще по одной из множества записей:

«Перестук Борис Петрович... Полный возврат... Информация — по месту жительства... Дополнительная: Востряк. кл.»...

Где-то сегодня он уже слышал о Востряковском кладбище. Совпадение?

А. М. Бык уже застегнул свой пиджачок и готов был покинуть помещение — но не прежде капитана Тригорьева. Когда они вышли в предбанник, капитан очень негромко спросил:

— Это кто был?

— Землянин,— ответил А. М. Бык таким же средней громкости шепотом.

Эта явная насмешка рассердила капитана Тригорьева. Хотя и пахнуло на него от этого слова юностью — фантастикой, пришельцами, землянами и гиперпереходами,— сейчас это было вовсе некстати.

— У меня все,— сухо проговорил он и быстро двинулся вверх по лестнице.

Шагай он и дальше с такой скоростью, Тригорьев минуты через три оказался бы уже на троллейбусной остановке, а через пять — в метро. Но у него успел созреть совсем иной план действий.

Поэтому он дошел только до ближайшего перекрестка, свернул, вышел на кстати подвернувшуюся детскую площадку, в этот час опустевшую, уселся на скамейку и стал уговаривать самого себя и доказывать, что для блага закона приходится иногда этот самый закон нарушать, что моральное право (хотя, может быть, он и не этими именно словами думал) на его стороне и что он просто-таки обязан совершить замышленное в ближайшие полчаса, от силы час. Он просидел на детской площадке ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что А. М. Бык пересек перекресток и скрылся в переулке. Тогда капитан встал и решительно направился туда, откуда столь недавно вышел.

V

Он рассчитал правильно. Кооперативщики ушли, но на их территории сейчас орудовала уборщица, и верхняя дверь потому не была заперта. Бесшумно ступая, Тригорьев спустился по лестнице, но, оказавшись на площадке, не пошел по старым следам, но совершил нечто вроде бы совсем неожиданное, а именно: отворил правую с площадки дверь с болтающимся замком, прошмыгнул в нее — и так же бесшумно затворил ее за собой.

Здесь было почти совсем темно. На окнах, под самым потолком, давно уже наросла толстая кора грязи. Гнилые половицы предательски прогибались под ногами, чтобы больше уже не выпрямиться. С потолка свисали длинные пряди пыльной паутины. Пахло давней, затхлой тишиной. Безотчетно морщась, Тригорьев медленно, осторожно продвигался, вспоминая на ходу. Сейчас будет дверь налево? Он пошарил. Двери не оказалось, но проем, точно, существовал. Жалея о лежащем дома фонарике, капитан повернул. Эту комнату — или бывшую комнату, черт ее знает — надо было пересечь и там, миновав еще одну дверь, снова свернуть налево.

Что-то заворчало рядом, и он вздрогнул. Но то лишь труба была,

толстая, четырехдюймовая, «сотка». Правильно, тут ей и следовало находиться. Подумав так, капитан тут же зашипел. Тут одной половицы был недочет, и его угораздило как раз попасть ногой в щель. «Только ногу сломать мне сейчас и не хватало»,— подумал он. Хотя — пока его еще ни в чем нельзя было упрекнуть: он находился еще на нейтральной территории, на ничьей земле. Но и запретная уже приближалась: Тригорьев убедился в этом, потянув носом воздух и явственно ощутив шершавый запах кислоты, не резкий, но специфический — тот самый, который (показалось ему) он уловил, еще сидя визави А. М. Быка в кооперативной приемной. Сейчас будет переборка. Глухая вроде бы, делящая подвал на две независимых половины. Тригорьев вытянул руки перед собой и пошел совсем медленно, приоткрыв от напряжения рот. Ага. Вот она. Капитан осторожно зашарил растопыренными пальцами. Сухой шорох увядших газет, коими оклеена была переборка, прерывался, когда пальцы попадали на голую доску, неприятно-занозистую. Старая переборка. Кооператив не стал ставить новой, и понятно: деньги-то не чужие, и нечего зря бросаться. А в старой переборке справа, в углу, была раньше дверца, проделанная в складские времена и потом снова заколоченная, но — кое-как, понятно, потому что все в жизни делалось кое-как. Где же она? Неужели наглухо заделали? Не верилось: не станут у нас делать что-то, чего можно и не делать, это дело принципиальное, а принципами у нас, как известно, не поступаются. Тригорьев внимательно смещался вправо. Ага! Просто память подвела немного, и до дверцы оказалось чуть дальше. Он повел пальцами по контуру. Так и есть: гвозди были просто загнуты, ничего не стоило расшатать их и отвести в сторону. Так Тригорьев и сделал. Потом прислушался, держа ухо близко к переборке. Слабый шум доносился издалека, затем глухо стукнуло, и все умолкло. Ушла. Для верности Тригорьев обождал еще с минуту, потом потянул дверь. Ржавые петли откликнулись хриплым, неприятным визгом, но уступили.

Видимо, он попал в кладовку: оставляя лишь узкий проход, вдоль стен тянулись массивные полки, на которых стояли бутылки и банки, лежали бумажные и пленочные пакеты — увесистые, тугие. Пришлось снять несколько, чтобы между заслонявшими путь полками пролезть в проход. Двигаться приходилось наощупь; впрочем, немного света с улицы все же пробивалось. Проход уперся в дверь — запертую, но замок был накладной, с этой стороны. Следующая комната оказалась озвученной: что-то шуршало, что-то сдержанно, удовлетворенно гудело. После первого смущения выяснилось, что звуки понятны — шуршал вентилятор, гнавший воздух наружу, гудел же, похоже, трансформатор в шкафчике. Еще стояли какие-то баки, и в них медленно булькало. Похоже было на лабораторию, уголовщиной тут и не пахло вроде бы — но ведь не ошибся же

Тригорьев тогда, опознав у лестницы человека по давнему, но уцелевшему в цепкой памяти словесному портрету?.. Оставалась одна дверь впереди, она даже не была заперта. Капитан отворил ее и вошел.

Эта комната была просторней, в ней стоял теплый воздух и кислотой пахло сильнее. Горела лампочка, слабая, правда — то ли уборщица забыла выключить, то ли так и полагалось. Сюда шли трубы из той комнаты, откуда Тригорьев вышел, другие выходили из боковой стены. Все трубы впадали в большую ванну, занимавшую один угол и накрытую белым непрозрачным колпаком; в ней едва слышно что-то плескалось. Тригорьев продолжал оглядываться. Уходил в ванну также и толстый кабель, и еще какие-то тонкие провода, некоторые из них шли к стоявшему в другом углу столу, на котором возвышалось нечто, накрытое чем-то вроде скатерти. Тригорьев приблизился, осторожно приподнял ее: под нею оказался персональный компьютер, сейчас выключенный. «Хорошо,— подумал капитан,— что никто из блатных не знает, отсюда только ленивый не возьмет...» Он бережно опустил покрывало. Оставалось лишь заглянуть в ванну и уходить, откуда пришел. Ничего не обнаружено — и слава Богу. Тригорьев примерился и попробовал сдвинуть крышку. Колпак не поддавался: его удерживала целая система рычагов. Хорошо, что лампочка горела: Тригорьев быстро разобрался, как сделать, чтобы и колпак приподнять, и не повредить ничего, не наследить. Наконец белая крышка позволила приподнять ее и заглянуть в ванну, и капитан Тригорьев так и сделал и увидел труп.

Труп плавал в ванне, и, судя по запаху и по состоянию тела, там не вода была, а крепкая кислота — серная, скорее всего. Хорошо бы взять на анализ, подумал капитан. Но не во что было. Капитан махнул рукой и, силясь не закашляться от скверного испарения, стал всматриваться в тело. Уже не определить было ни черт лица, ни каких-либо других особенностей; пол, правда, еще угадывался: тело принадлежало мужчине. Фотоаппарат был сейчас просто необходим, но он, как и фонарик, находился не близко: ну, можно ли так бездарно выходить на операцию? — упрекнул Тригорьев сам себя. Но, значит, не подвела интуиция: труп налицо, а значит, и преступление. Самое трудное, понятно, впереди: установить — чей труп, и как сюда попал, и — кто убил, и — почему, и так далее. Но главное — не зря он пробрался сюда, нарушив закон...

Он медленно, аккуратно опустил колпак на место. Огляделся: не оставил ли следов? Нет. Двинулся в обратный путь, осторожно пролез между полками и вернул на место два пакета, что снял раньше. Тихо вышел на лестницу.

Оказавшись на улице, Тригорьев сразу заторопился. Нельзя было терять времени. Выскочив через три минуты на Садовое

кольцо, капитан почти бегом направился к остановке и там дождался троллейбуса, следовавшего в сторону Парка Культуры.

То, что он видел, и то, что по этому поводу думал, показалось ему настолько серьезным, что капитан решил, не откладывая, еще прежде доклада по команде, неофициально обсудить дело с дружком, с которым они в свое время вместе кончали училище; у дружка служба проходила куда успешнее, был он уже подполковником и работал не в отделении, и даже не в Московском Главном управлении, но в Министерстве, в новом его здании. Туда-то и направился сейчас Павел Никодимович, участковый инспектор и капитан.

VI

Подполковник Маскуратов, работавший в Министерстве, встретил однокашника по-дружески, не чинясь, не преминул поинтересоваться, как жена и дети, как служба, а затем выказал готовность послушать то, с чем пришел к нему старый приятель.

— Понимаешь,— сказал Тригорьев.— Зашел я сегодня на моем участке в один кооператив...

Услыхав слово «кооператив», подполковник не то, чтобы прервал Тригорьева, но только чуть склонил голову к плечу, давая понять, что если уж говорить о кооперативах, то разве что открылось что-нибудь вроде торговли танками, как в АНТе, а еще лучше — истребителями-перехватчиками, мелочи же всякие — дело отделений, но уж никак не Министерства.

— Погоди, дослушай. Знаешь, кого я там засек? Андрюшеньку Амелехина!

— Мм? — спросил подполковник Маскуратов.

— Не помнишь? Лет одиннадцать назад — ты тогда еще в городе работал — мы с тобой оба по тому делу бегали, но его так и не взяли, объявили в розыск. У него еще кличка была «Трепетный Долдон»...

— А! — оживился подполковник.— Доля Трепетный? Здоровый такой, мрачный лоб? Помню, да... И что он сейчас — в кооперативе вынырнул?

— Сейчас я тебе всё по порядку...

Подполковник слушал внимательно. Потом сказал:

— Надо было сразу, оттуда, из подвала, вызвать опергруппу.

— Хотел было. Но понял: пока приедут, труп и совсем растает. И потом — спугнули бы зря, сейчас трудно сказать, сколько и какого народа в этом деле завязано.

— Пожалуй, что и так. Ну, а что такое этот кооператив на самом деле, как полагаешь?

— Да версии разные. Вот например: крадут сейчас в Москве и грабят активно...

— Тсс! — сказал Маскуратов.— Враг подслушивает!

Оба немного посмеялись.

— И вот представь себе такую возможность. У людей взяли что-то ценное, дорогое — не только по стоимости, цена там может быть и небольшой, но, скажем, реликвию. Лорнет прабабушки там, или какой-нибудь прапрадедушкин Станислав с мечами...

— Ну, Паша! — сказал Маскуратов.— Просто не ожидал от тебя.

— А что? — насторожился Тригорьев.

— Растешь на глазах! Какие слова знаешь! Лорнет, а? Просто приятно слышать. Ну, допустим. И что же?

— И вот возникает некая организация, которая с одной стороны контачит с преступным элементом, а с другой — предлагает услуги потерпевшим. Уркам хорошо: не надо рисковать при сбыте. И потерпевшим: получают свое назад, а мы ведь далеко не всегда... И вот кооператив назначает цену за отыскание похищенного: то, что хотят урки, плюс какой-то процент в свою пользу. Просто и доходно. Как тебе моя версия?

— А труп тогда при чем?

— Ну, это уже другой вопрос. С кем-то не договорились, кто-то стал права качать — так что ничего удивительного — в наши-то времена...

Маскуратов немного подумал.

— Конечно, если прямо говорить,— молвил он затем,— не самое по сегодняшней московской обстановке актуальное дело. Хотя... кто знает, если начнем разматывать — мало ли еще на кого выйти можно. Слушай, тут ведь может и другое еще быть: кооператив может и наводку давать, заранее прикидывая свою выгоду...— Подполковник явно заинтересовался.— Да, может элегантно получиться,— в свою очередь щегольнул он нештатным словечком.— Да еще тело — значит, дела там идут и всерьез. Во всяком случае, стоит заняться. Как полагаешь?

— Думаю, в первую очередь приглядеться к Долдону. Не случайно ведь он оказался в кооперативе? Может, он связной? Или доставщик товара?

— Гм,— проговорил подполковник.— Что-то мне о нем вспоминается, и, прямо скажем, мрачноватое. Связной? Да нет, как бы он исполнителем не оказался? Тело-то откуда-то взялось? Тут, Паша, может и такой оборот быть: кооператив — просто вывеска для завлечения людей, а как только денежный человек зайдет — его и кончают — и в кислоту, и никаких следов. Значит, нужен кто-то, убийца нужен, на это даже и нынче не всякий решается... Но интересно: куда же Амелехин тогда девался и где все эти годы

пребывал? Или его тогда повязали все-таки, и он срок отбывал? Ну-ка, потревожим спецотдел...

Он набрал номер, немного поговорил, немного обождал, потом еще некоторое время слушал, непонятно хмыкая под нос, положил трубку и повернулся к Тригорьеву.

— Слушай-ка, Паша, а обознаться ты не мог?

— Точно, он. У меня словесный портрет по ориентировке до сих пор в памяти сидит. Да не он один, у меня, понимаешь, память такая...— произнес Тригорьев, как бы даже оправдываясь.— Даже я удивился: столько времени прошло, а он и не постарел ничуть... А в чем дело? А, Боря?

Он тут же спохватился: не надо было, наверное, так называть подполковника в его служебном кабинете. Тот, однако, не обратил на фамильярность никакого внимания.

— Ну да, ну да,— бормотал он.— Вспоминаю теперь... Потому он и по делу в дальнейшем не проходил.

— Да что такое?

— А то,— сказал подполковник, склонив голову к правому погону,— что, по имеющимся данным, Амелехин Андрей Спартакович скончался во время следствия, а точнее — убит при задержании и похоронен двадцать первого мая восьмидесятого года!

— Двадцать первого мая восьмидесятого года...— повторил, словно угасающее эхо, капитан Тригорьев.

Друзья помолчали.

— М-да, Паша,— сказал затем старший из друзей.— Странно получается: ты опознаешь того, кого давно на свете нет, обнаруживаешь тело — а оно на глазах тает... Как, на тебя перемены погоды не действуют? Все же мы с тобой не молодеем...

Тригорьев проглотил комок и отрицательно покачал головой.

— Ну, тогда иди, займись делами. И учти: хватает нам и живых правонарушителей, а чтобы покойники вставали и выходили на дело — это, конечно, сенсационно звучит, но, ей-Богу, никто не поверит. Все. Бывай!

Тригорьев машинально поднялся, надел фуражку, откозырял и вышел.

Уже снаружи, между колоннами, выйдя из Министерства и остановившись, чтобы закурить дефицитную сигарету, Тригорьев заметил, как дверь подъезда, из которого он только что вышел, снова отворилась и выпустила еще одного человека. И в человеке этом капитан с немалым удивлением сразу же опознал не кого иного, как того самого, по кличке «Землянин», не столь давно покинутого им в подвальном кооперативе.

Землянин тоже остановился неподалеку, но закуривать не стал, а лишь машинально приглаживал свои неухоженные волосы, никак не желавшие прилично улечься на голове.

«Вот это номер,— подумал Тригорьев невольно.— Ему-то здесь что делать? Не с повинной же являлся. А может быть...— вдруг ужалила мысль,— может быть, у него тут какой-то свой человек завелся? Ну, дела...»

Землянин еще немного потоптался на месте, потом, словно решившись на что-то, широким, торопливым, чуть подпрыгивающим шагом двинулся по Хлебной улице к остановке троллейбуса.

VII

Прежде, чем продолжить повествование, мы вынуждены со всею свойственной нам деликатностью указать на ошибку, допущенную капитаном Тригорьевым в его рассуждениях.

Дело в том, что «Землянин» было вовсе не кличкой, как предположил было Павел Никодимович, но фамилией. К сожалению, мы не можем подкрепить эту информацию безотказно убеждающей ссылкой на то, что такую же, мол, фамилию носили и отец его, и дед, и прадед; не можем потому, что как раз отец Вадима Робертовича, нашего героя,— Роберт Карлович носил другую фамилию, а именно — Маркграф. Нет, он был немец, и даже не из давно обрусевших колонистов, но приехал в Москву в двадцатые годы, чтобы работать в Коминтерне, чем и вызвано то, что век его оказался прискорбно недолгим. Судьба отца и привела к тому, что носил Вадим Робертович фамилию матери, а не отцовскую, уже самим звучанием наводившую на мысль не только о национальной, но и о классовой чуждости; хотя нам, например, был знаком человек по фамилии Кайзер, ни в каком родстве ни с Габсбургами, ни с Гогенцоллернами не состоявший. А напротив... Ну да ладно, это все пустяки.

Пока мы объясняли эти обстоятельства, Вадим Робертович успел уже добраться до дома и теперь приближался к двери двухкомнатной квартирки на третьем этаже пятиэтажки так называемого районного строительства. Квартиру эту его мама получила на себя и сына в ту пору, когда доказано было, что покойный Р. К. Маркграф ничьим агентом не являлся, преступлений не совершал и потому подлежал полной реабилитации по линии как государственной, так и партийной. Итак, В. Р. Землянин нашарил в кармане ключ, существовавший отдельно от связки, имевшей отношение к кооперативу, и отпер дверь. И тут же из кухни в прихожую, навстречу ему, вышла женщина, которой он сказал ласково:

— Ну, вот и я, мамочка.

— Ну, что? — спросила мама, не дав даже сыну времени, чтобы войти в комнату.

— Плохо,— сказал он, разводя руками.— Как горох об стенку.

— Наверное,— сказала мама недоверчиво,— ты как-нибудь не так разговаривал.

— Ну, не знаю, как еще,— сказал Землянин.— Я все логично объяснил.

— А он, как, по-твоему, поверил?

— Боюсь, что нет... Мама, я ужасно проголодался.

— Да, действительно, что же это я... Впрочем, мне кажется, с моей стороны это вполне извинительное волнение. Мой руки и садись, Вадик, сейчас я тебя покормлю. Но пока ты моешь руки, ты ведь можешь рассказывать? Так значит, он не поверил?

— Похоже на то. Он сказал, что такого не бывает и быть не может, а значит, и говорить не о чем. И знаешь, его можно понять.

— Пожалуй, можно,— сказала мама, подумав.— Но как же быть? Не могу же я жить без паспорта, без прописки, визитной карточки. Хорошо еще, что дворник не спрашивает. Но ведь я боюсь даже выйти на прогулку — вдруг спросят документы. Я уже не говорю о пенсии...

— Закон о пенсиях как раз принят,— сказал Землянин.

— Знаю, я внимательно следила. Если бы не телевизор, вообще не знаю, чем бы я жила. Но ты ведь знаешь: пассивное существование не по мне, и я всю жизнь...

— Потерпи, мама,— попросил Вадим Робертович, быстро доедая суп.— Вот возьмут и отменят вскоре и паспорта, и прописку, и все будет в полном порядке!

— Не знаю,— сказала мама задумчиво,— станет ли от этого больше порядка. И вообще, сильно сомневаюсь, что такой закон будет принят. Нет, я категорически против того, чтобы сидеть и ждать у моря погоды. Жизнь есть движение.

— Хорошо, мама,— покорно проговорил Землянин, принимаясь за американские, почти совсем мясные котлеты.— В конце концов, как говорят знающие люди, в наше время за деньги можно купить все, что угодно: паспорт, диплом доктора наук... Хочешь быть доктором наук?

— Вадим! — сказала мама металлическим голосом.— Во-первых, таких денег у тебя нет. А во-вторых, прошу раз и навсегда не вести подобных разговоров. Да, мне нужен и мой паспорт, и партийный билет, и пенсионная книжка. Но, как ты прекрасно знаешь, моя совесть всегда была чиста перед родиной и перед партией, и я ни в коем случае не позволю себе... Сейчас, когда партии так нужна поддержка...

— Но я просто не знаю,— сказал Землянин,— что еще можно сделать после того, как я получил полный отказ властей.

— Если бы ты следил за событиями жизни так же внимательно, как я,— назидательно произнесла мама, указав рукой на приютившийся на подоконнике телевизор «Юность» в розовом пластмас-

совом корпусе,— то понял бы, что сегодня власть — это Верховный Совет! Подумаешь — отказал какой-то полковник или пусть даже генерал в министерстве! Надо идти к депутату! Нужно добиваться, чтобы был принят закон, как ты не понимаешь, сын!

— Может быть, тогда уж прямо к Ельцину? — спросил сын с той долей иронии, которую любящий сын может позволить себе по отношению к своей маме.

— Нет,— сказала мама.— После того, как он вышел из партии?! И не к этой... межрегиональной группе: они мне представляются слишком рреволюционными, как писал Ленин в...

Тут Землянин поспешил согласиться. Мама до ухода на пенсию преподавала Научный коммунизм, а до того Основы марксизма-ленинизма, а еще до того — Историю партии в одном из московских вузов, и когда она в разговорах добиралась до первоисточников, ключи начинали бить обильно. А обращаться к первоисточникам она любила.

— Ладно,— сказал он.— Попробую попасть к нашему депутату.

— Вот что,— решительно сказала мама.— К депутату я пойду сама. Ты слишком нерешителен и недостаточно принципиален и не скажешь того и так, как нужно. Но еще раньше я пойду в райком партии. Там меня поймут. Я почти пятьдесят лет в партии и хочу жить полнокровной партийной и гражданской жизнью, а не просто восстановить прописку и пенсию. Да, я завтра же запишусь на прием к секретарю — и вот увидишь, как быстро и правильно все решится!

— Мама! — сказал Вадим Робертович.— У нас сегодня кофе или чай?

— Прости,— сказала мама,— совсем забыла. Чай. К сожалению, в магазине не было твоего любимого печенья. И вообще никакого не было. Но удалось достать белого хлеба. Я могу поджарить его на маргарине. Белый хлеб. Если бы мы в годы войны могли каждый день есть белый хлеб...

— Спасибо, мамочка, я попью просто так, я сыт,— сказал Землянин, подумав, что мама его и сегодня осталась такой, какой была всю жизнь; а если бы оказалась иной, то это была бы уже не его мама и Землянин наверняка упрекнул бы себя в том, что в своих расчетах или действиях в кооперативном подвале допустил какую-то ошибку. Однако все было сделано точно: что называется, мастерская то была работа. Штучная. Высокое ремесло.

VIII

Но хватит о Землянине: события заставляют нас немедля вернуться к капитану Тригорьеву.

Старший участковый инспектор еще некоторое время не мог

выйти из неопределенно-растерянного состояния духа, в какое начал впадать еще наверху, в Министерстве, когда узнал, что человек, встреченный им не далее, как пару часов назад, на самом деле давно уже умер и погребен,— и в котором окончательно утвердился, увидев крайне подозрительного субъекта по кличке «землянин» непринужденно покидающим здание Министерства.

В таком вот состоянии Тригорьев медленно отдалился от только что названного строения, даже не подумав поискать попутчика среди множества ведомственных машин, занимавших просторную стоянку. Он сел в троллейбус и поехал, даже не думая, куда именно едет, вылез через несколько остановок, опять-таки не контролируя своих действий, свернул с магистрали, прошел переулком, свернул в другой — и в конечном итоге оказался именно во Втором Тарутинском переулке, во дворе, прямо напротив кооперативной двери в узкую реечку.

Уже не рано было, все рабочие времена закончились, в полуподвальных окошках было беспросветно, кроме одного — там слабо отсвечивала та самая лампочка, при помощи которой капитану удалось усмотреть в ванне медленно таявший труп; может быть, следовало еще раз проникнуть в кооператив, посмотреть, и впрямь ли тело растаяло, а может быть, есть там какие-то следы чего-то? Но капитан Тригорьев такой попытки не сделал почему-то; он лишь глубоко вздохнул, как если бы пережил глубокое разочарование. Хотя, может быть, вздох этот означал совсем другое: а именно, глубокое сожаление о временах определенности и порядка, когда жулики нарушали закон, а милиция их ловила, и было ясно, кто жулик, а кто — нет; а рабочие работали, а политики занимались политикой, а друзья были друзьями, враги — врагами, а в киосках были сигареты, а в булочных — хлеб... Но мы не беремся точно определить, что именно лежало на душе у старшего участкового инспектора, знаем только, что он стоял, глядя в сгустившуюся уже мглу и ничего не видя, да и не желая видеть во дворе — весьма дурно, впрочем, освещенном лишь тремя или четырьмя окошками второго этажа. Было тихо, только раз где-то рядом несмело мяукнула кошка, и больше уже ничего не слышно было. Только приглушенно ревела неподалеку знаменитая Тарутинская-Овсяная площадь, где мимо островерхой бывшей Горемыкиной хижины проносился автотранспорт — семь рядов в одном направлении; океанский этот рокот совершенно заглушал звуки машин, заполнявших также недалекий отсюда проспект имени товарища Тверского — овеществленную в камне ночную мечту сверхсрочного фельдфебеля об идеальном равнении и полном единообразии: все, как один — и не шевелись! Но на эти звуки капитан Тригорьев никакого внимания не обращал; он просто стоял, отдавшись на волю подсознания, пытавшегося как-то связать в один кружевной узор урку по

кличке «трепетный долдон», его во благовремении кончину и сегодняшнее явление в кооперативе, где подвизался некто по кличке «землянин», в конце рабочего дня навещавший, как оказалось, Министерство, которое ему бы обходить за десять кварталов... Странные, прямо скажем, образы возникали в подсознании и образовывали совсем уж невразумительные картины. Вдруг почудилось капитану Тригорьеву Павлу Никодимовичу, что так называемый Землянин, выйдя из Министерства, вовсе не к троллейбусу двинулся и не к метро, что было бы естественно, но дошел до стоянки только, а там сел в машину, и не в «жигулек» или «Москвич» какой-нибудь, а сел он — упорно внушало старшему участковому подсознание — в черную «Волгу», причем не за руль, а рядом, и «Волга» будто бы потом проскользнула поблизости от Тригорьева, так что он, чисто механически, даже номер заметил и, естественно, запомнил, и номер этот был не какой-нибудь там, но с Лужайки — то есть, имевший прямое отношение к большому дому на Лужайке с видом на памятник и обратно. Если этим картинкам поверить, то получалось очень даже интересно: что и весь кооператив этот был ни чем иным, как каким-то из лужаечных подразделений; а из этого могло следовать, что пресловутый Амелехин на деле не помирал вовсе, не был официально списан в покойники, потому что понадобился для выполнения каких-то заданий, а вот теперь, по прошествии лет, выполнив задание, был возвращен сюда для свидания с родными — может быть, в связи с награждением или с присвоением звания полковника (подсознание Павла Никодимовича уверенно было, что в системе Лужайки все сплошь полковники, хотя здравая память подсказывала, что есть там и капитаны, и даже лейтенанты наличествуют, но ведь десять лет отсутствовать — значит, зарубежье, а уж там ниже полковника никого не бывает, точно)... Правда, как-то не вязалось даже в подсознании представление, составленное по произведениям разных искусств, о наших зарубежниках — с туповатым, скажем прямо, мурлом Доли Трепетного; одного, Лужайка есть Лужайка, кто их там разберет, может, им такие тоже нужны бывают? Вот как все выстраивалось; и если в это поверить — надо было на все плюнуть и кооператив этот обходить по дуге большого круга. Однако же, подсознание подсознанием, но профессиональное милицейское чутье Тригорьеву подсказывало, что не так все, вовсе не так, хотя с другой стороны и не так, скорее всего, как он спервоначалу подумал. А значит —...

Тут ему не дали додумать, прямо-таки грубо спугнули мысль, и она, шумно затрещав крылышками, вмиг улетела — поди, насыпь ей соли на хвост. Капитан Тригорьев резко тряхнул головой, резво отшагнул назад и даже чуть было не применил неуставное выражение. И тут же обрадовался тому, что такой промашки не совершил, иначе замучили бы его тяжкие угрызения совести.

Потому что не злоумышленник потревожил его раздумья, и не алкаш какой-нибудь, и даже не заблудившийся командировочный, мечтающий выйти к станции метро. Но — девушка, совсем небольшая, молоденькая, в светлом платьице, позволявшем и при этом освещении, а правильнее — при его отсутствии — различить, какая она тонкая, хрупкая и — порядочная. Нет, в этом сомнений никаких не было, тут у капитана чутье было профессиональное, и шалаву он в два счета срисовал бы даже и на дипломатическом приеме, будь она хоть в каменьях и соболях — если бы его, конечно, на такие приемы приглашали. Нет, это девушка была из тех, кому, по нынешним нашим временам и нравам, ходить в темноте по темным переулкам, не говоря уже о дворах, противопоказано. Вот почему Тригорьев отнесся к девушке положительно: приложил, как положено, руку к фуражке и произнес ободряющим голосом:

— Слушаю вас.

Он, конечно, не мог заранее знать, о чем его попросят. Но предположить имел право. Скорее всего, девушка припозднилась и боится идти в одиночку, а увидела милиционера и решилась попросить: пусть проводит — ну хоть до метро. А он и проводит, и даже с удовольствием: пройтись рядом с такой девушкой всякому приятно. Но девушка, вопреки его готовности, что-то медлила, и он поощрил ее еще более доброжелательно:

— Чем могу помочь?

Она решилась наконец. И сказала совершенно неожиданное:

— Скажите... вы это охраняете? — И, чтобы яснее было, даже тронула пальцами кооперативную дверь, рядом с которой они стояли.

Капитан Тригорьев, привыкший быстро справляться с удивлением, хотел было честно ответить «нет», однако что-то побудило его дать ответ неопределенный:

— Гм...

Видимо, девушка приняла это междометие за утверждение.

— Значит, вы их знаете? Ну, вот... кто тут работает.

На этот вопрос капитану ответить было легче:

— Знаком.

Что было, как мы знаем, чистой правдой — хотя и не всей.

— Тогда помогите! — сказала девушка странно напряженным голосом.— Попросите их... у них уже очередь, а я не могу ждать, просто не могу так жить... Пусть они побыстрее вернут маму! Иначе я...

Она не сказала, что — иначе: видно, самой стало страшно от того, что хотела вымолвить. Тригорьев же сразу насторожился: тут начинался разговор, похоже, очень даже интересный.

— Так-так,— произнес он внушительно.— Конечно, милая девушка, маму вернуть это, так сказать, дело святое. Вы только

расскажите: куда же они ее девали, когда и при каких обстоятельствах. Внешность опишите, что запомнили. А мы уж сразу...

Он не закончил, потому что даже в темноте увидел, какими вдруг расширившимися глазами посмотрела на него девушка.

— Почему — девали? — спросила она с искренним и каким-то надрывным недоумением.— При чем тут?.. Мама же умерла! — Она с отчаянием взмахнула рукой.— Ничего вы не знаете, лжете вы!

Тригорьев невольно огляделся: когда в темноте рядом с тобой так кричит женщина, это может быть превратно истолковано сторонним наблюдателем, который обязательно подвернется. И он протянул было руку, чтобы прикосновением успокоить собеседницу,— но ее больше не было рядом, платье только кратко пробелело в глубине двора — и все.

Да, воистину был сегодня день неожиданностей — одна другой похлеще.

Умерла мама. Так. И Амелехин А. С. тоже умер. И вновь оказался среди живых. Мама, судя по разговору, тоже может вернуться к жизни — если эти помогут. И к ним уже по этому поводу стоит целая очередь, на предмет оживления — если только девушка эта не из психушки сбежала. Могло, конечно, и так быть. Но уж очень все совпадало, чтобы быть простым совпадением.

— Так-так,— вновь проговорил капитан, уже самому себе. И почувствовал загорающийся в груди веселый огонек азарта.

Девушку он упустил, зря, конечно: растерялся. Но она и сама выйдет на кооператив. А вот Долдона упускать никак нельзя. Адрес его известен. Сегодня? Нет, лучше завтра с утра.

IX

Нередко события умирают вместе с ушедшим днем: минует ночь, наступает новое утро — и то, что накануне волновало нас столь остро, оказывается вдруг незначительным и не заслуживающим хоть сколько-нибудь пристального внимания. Но в нашем случае получилось вовсе не так, и начавшиеся вчера события продолжали развиваться — порой, откровенно говоря, совершенно неожиданно даже для нас, кому уж следовало бы хоть как-то их предвидеть.

Кое-что, правда, мы предугадали верно. И в частности — что уже ранним утром в дверь квартиры номер двадцать шесть в Первом Отечественном тупике позвонят. Так и случилось на самом деле.

Когда звонок этот прозвучал, Револьвера Ивановна успела уже проснуться, но была еще не вполне одета. Молодые же (так она по привычке все еще называла своего сына с супругой) крепко

спали в соседней комнате, потому что, надо думать, вчера уснули поздно; и то — когда и потешиться, как не в молодости, да еще после долгого перерыва? Бинка, конечно, за эти годы моложе не стала, под сорок уже, но даст Бог, еще и внучонка состряпают, Андрюшка зато в самом соку... Так размышляла Револьвера Ивановна, накидывая белый, в фиолетовых розах домашний халатик, прежде чем направиться к двери, в которую тем временем уже и повторно позвонили, громко и продолжительно, выражая явное нетерпение. Да, утомились, верно, молодые, раз и от такого трезвона не просыпаются... Да иду я, иду, вот горячий какой... Кого это нам Господь сподобил?

Сохраняя прежнюю неспешность в движениях, она приблизилась, наконец, к двери, откинула цепочку, открыла верхний замок, нижний и отодвинула надежный засов. Действия эти она производила вдумчиво, с удовольствием. Револьвера Ивановна любила замки, и не потому, чтобы обладала ценностями, на какие могли польститься столь активные в наши дни налетчики; нет, добра у нее было накоплено — всего ничего, но именно накоплено, а не раз-два схвачено, каждая табуретка приобреталась не сразу, а после долгих сборов и расчетов, и была потому куда дороже иного финского гарнитура, за дурные деньги купленного. Дурные деньги,— она знала,— водились раньше у Андрюшки, но от них Револьвера Ивановна давно уже раз и навсегда наотрез отказалась, и в доме они не застревали, вовсе и не пахло ими. Вот почему свои крюки и задвижки холила, ласкала и смазывала, предвидя, быть может, что не за горами времена, когда и за трехногой табуреткой станут охотиться, как за редким зверем. Странные предчувствия бывают у пожилых людей, так что уж простим ей. Тем более, что она как раз и последний запор освободила.

Дверь тут же распахнулась, и Револьвера Ивановна невольно совершила шаг назад, хотя еще за миг до того впускать никого не собиралась, но лишь выговорить строго, что лезут вот, ни свет ни заря, пронюхали, что вернулся Андрюшка, и хотят снова сбить его с пути, отвратить от честной жизни, но он-то теперь знает, чем это кончается, и больше к ним нипочем не пойдет, и она, Револьвера Ивановна, им с порога так и скажет, и — веником, веником, да по сусалам, веник тут же был, под рукой... Так она прикидывала; отступила же невольно потому, что никого из недобрых дружков за порогом не оказалось, а реально фигурировал в дверном проеме сам капитан милиции Тригорьев Павел Никодимович, и что-то в ней, в самом нутре, затрепетало и опустилось, потому что ждать добра от визита не приходилось, а не позволить участковому вступить в жилье было никак невозможно.

— Здравствуйте, Вера Ивановна, с бодрым утречком,— доброжелательно поздоровался Тригорьев. У него чувство юмора не вовсе

отсутствовало, и с людьми солидными и добропорядочными он иногда позволял себе поздороваться именно так: с бодрым, а не с добрым утречком. Как бы предупреждая неброско, что будет ли добро от его визита — еще надвое сказано, но уж бодрости он даже ленивому придаст.— Разрешите вас побеспокоить?

— Ранняя ты пташка, Павел Никодимович,— молвила в ответ старуха, сделав тем не менее еще один попятный шаг. Обращение Тригорьева пришлось ей по нраву: назвал он ее по-людски Верой Ивановной, а не Револьверой (с похмелья тогда были отец с матерью, что ли, прости, Господи, мое прегрешение — так думала обычно о своем имени старшая представительница семейства Амелехиных),— а значит, разговор будет не вполне служебным с его стороны, да и то — до вчерашнего дня Андрюшки десять лет дома не было, а там, где был, он ничего такого совершить не мог, так что опасаться ей было вроде нечего.— Мои все спят еще,— продолжала она, приободрившись такими размышлениями,— и будить не стану, не неволь — дело, сам понимаешь, молодое...

— А и не буди, Верванна,— согласился капитан, тоже перейдя на ты в знак неофициальности своего визита.— Пускай спят. А мы с тобой хотя бы на кухне потолкуем. И чайком, может, угостишь, а то я и позавтракать не успел...

— И у меня маковой росинки еще во рту не было. Попьем чайку, как же не попить,— сразу захлопотала Вера Ивановна, утвердившись в своих соображениях: приди милиционер с казенным делом — он, как человек щепетильный, ни к чему не прикоснулся бы.— Чай только турецкий. Другой весь выпили.

— Имею уже опыт,— откликнулся Тригорьев.— Ты его сыпь горстью, ничего, заварится.

Они прошли на кухню — тесноватую, но вдвоем, да и втроем даже можно было уместиться за раскладным столиком под клеенкой; тут же заголубел газ, приглушенно, как бы только для своих, доверительно зашумел чайник. Вера же Ивановна тем временем поставила на стол две разных чашки с блюдцами, хлеб, масло и банку болгарского сливового джема. Сахар тоже поставила, но знала, что к нему участковый не прикоснется, как к продукту нормируемому, на который сейчас оказалось уже три человека на два талона; в этом месяце давали, правда, на талон по три кило, так что запас образовался, варенья не варили — к ягодам на рынке в этом году и не подступиться было, дешевле оказалось брать в овощном повидло или джем. Положила хозяйка также ложечки и нож, чтобы хлеб резать, и другой — чем мазать. Нет, не то, чтобы в доме ничего больше и не было, запасли кое-что, но для того только, чтобы по-людски отметить Андрюшкино возвращение, а не для угощения пусть даже и милиционера; знай Вера Ивановна за собой хоть какую-то вину, тогда, конечно, и достала бы что-нибудь из загашника, банку сайры

хотя бы. Но вины она никакой не чувствовала, жила по закону, и даже у Андрея все теперь осталось в далеком прошлом.

Чайник поспел, и она заварила чай, сказав радушно: «Угощайся, Павел Никодимыч, чем богаты, тем и рады» — и уселась сама. Отпили по глоточку, намазали и съели по куску батона с джемом (Тригорьев, намазывая, сказал: «Вот, глядишь, скоро и болгары давать перестанут, а венгры уж точно, что на хлеб мазать будем?», на что хозяйка ответила со вздохом: «Уж и не знаю, в Америке, что ли, джем покупать станем»), еще запили, и только тогда Тригорьев заговорил по делу, хотя внутренне так и сотрясался, словно перегретый котел.

— Вернулся, значит, Андрей Спартакович,— задумчиво произнес он, по милицейской своей привычке глядя Револьвере Ивановне прямо в глаза.— Вот радость-то в дом.

— Уж такая радость, такая радость,— подтвердила хозяйка, и даже вытерла глаза уголком посудного полотенца.

— И понятно,— согласился Тригорьев.— Долгонько его не было. Вербовался куда, что ли?

— Ты только не подумай, Никодимыч,— сказала старуха.— За ним все эти годы ничего плохого не было. А что когда-то случалось — так это все дружки его сбивали, а он — душа простая, доверчивая... Тогда у нас еще старый участковый был, Сидоряка...

— Майор Сидоряка, так точно,— подтвердил Тригорьев.— Сейчас на пенсии уже Николай Гаврилович, на заслуженном отдыхе. А насчет плохого — так или не так, да ведь срок давности вышел. Куда же вербовался он — далеко ли?

— Да как сказать...— несколько замялась Вера Ивановна.

Замялась она потому, что врать не любила, да и не очень-то умела; и все же правду сказать ей что-то мешало. Вроде бы и не было в Андреевом возвращении никакого нарушения закона, ничего ни стыдного, ни подлого, но вдруг старуха поняла, что правда ее — такая, что скорее самому окаянному вранью поверят, чем тому, что на самом деле произошло.— Далеко, Павел Никодимыч,— лишь подтвердила она.— Дальше некуда.

— На Дальнем Востоке был? Или, может, в Заполярье? Вид у него, прямо сказать, не больно здоровый.

— Хворает, оттого и вернулся. Уж я просила, просила. А то и еще бы там остался.— На всякий случай она перекрестила себе живот — чтобы пониже стола, незаметно. Хотя это сейчас в вину уже не вменялось, но все же непривычно было.

— Денег, наверное, привез. Будет вам теперь облегчение.

— Деньги-то у него были,— не очень уверенно согласилась Амелехина,— но не так, чтобы много. Болеть — дело дорогое. Конечно, вроде бы и бесплатно, только... Да и жизнь там дорога. И у нас тут не дешево, а уж там...

— Оттого и супругу к себе не выписывал?

— Оттого, а как же, от того самого. Да и потом,— вдруг осенило ее,— сейчас вернулся он, и его к жене сразу пропишут, а уедь она туда к нему — кто бы их сейчас заново в Москве прописал?

— Не прописали бы,— сурово подтвердил участковый.— А без прописки, сами понимаете, проживать не только в столице, а и где угодно запрещено. Такой существует порядок. Разве что в лимит попали бы, но сейчас вон новый Моссовет грозится и вовсе лимиту упразднить. Хотя, конечно, грозить проще всего, а вот сделать...— Он пошевелил пальцами, и Амелехина согласно кивнула.

— Ну что же,— сказал после небольшой паузы Тригорьев, как бы собираясь закончить разговор, хотя на самом деле до конца еще очень далеко было.— Приехал, значит. На каком вокзале встречала-то?

— А... на Казанском,— нашлась старуха, внутренне страдая.

— Так, так. Багаж, наверное, большой был?

— Н-ну... Багаж, знаешь, он малой скоростью отправил.

— Понятно. Значит, с вокзала без помех — домой?

— Куда же еще; домой, конечно.

— И верно, куда же еще? В кооператив, может, по дороге?

— Да разве что по дороге,— сказала старуха и смолкла.

— Ну ясно, по дороге. Наверное, срочность большая была. Что вы там заказывали-то?

— Да так... Вроде и ничего такого, Павел Никодимыч...

— Так заказывали — или нет?

— Нет,— сказала Револьвера Ивановна, изнемогая.

— Зачем же такая срочность была?

— Да надо было Андрею кого-то там повидать... Привет, словом, передать... издалека.

— Так и запишем,— сказал Тригорьев казенным голосом.— Ну, раз так, пойду я. Я ведь зачем зашел: только предупредить, чтобы с пропиской не мешкали. Прямо сразу пусть сходит, сегодня же. Вот встанет, позавтракает — и сразу туда.

— А как же, Пал Никодимыч,— глядя в сторону, подтвердила старуха.— Непременно, как же иначе.

— Дай-ка мне паспорт его на минутку, взглянуть только,— как бы невзначай попросил участковый, уже совсем было собравшись распрощаться.— Человек он для меня все же новый, и должен я знать, что с ним все в порядке.

Хозяйка дома стала болтать ложечкой в пустой чашке так усердно, словно звонила к ранней обедне.

— А я и не знаю,— сказала она нерешительно,— где у него этот самый паспорт лежит.

— Ну, где лежит! — не согласился Тригорьев.— Не под пол же он его спрятал. В пиджаке лежит, в кармане — где же еще? Ну,

в крайнем случае в тумбочку сунул, или в шкаф, под белье. Сходи, возьми тихонечко и принеси, чтобы мне лишний раз не ходить к вам, а то мало ли что...

Это «мало ли что», кажется, напугало старуху больше всего остального, и она, как бы совершив над собой некоторое насилие, проговорила:

— Понимаешь, Павел Никодимович, какая беда вышла,— говоря это, она глядела в чашку с таким видом, словно надеялась найти на дне по меньшей мере три рубля,— тут это...— Не найдя трешки, она с последней надеждой перевела взгляд в окно.— Ах, батюшки, мальчишкам в школу идти, а они на качели залезли! Ты бы приструнил их, Павел Никодимович, а то видишь, какая растет смена...

— Имею в виду,— откликнулся Тригорьев казенным голосом и так же продолжал: — Но не будем, Револьвера Ивановна, отвлекаться от дела. Какая же это беда у вас вышла? Объяснитесь.

— Да потерял он паспорт, когда возвращался. Или украли, кто его знает. И паспорт, и деньги последние, и вообще все дочиста. Ехать ведь далеко пришлось, ну, выпил с попутчиками, а ему, хворому, много ли надо...

— Так-так,— молвил Тригорьев почти уже совсем строго.— Заявление об утрате паспорта подали уже?

— Да когда же, батюшка мой? Вчера только приехал...

— Когда же собираетесь? Сегодня?

— Сегодня подадим, Павел Никодимович, непременно.

— У него что же — справка с собой есть?

— Какая справка?

— Обыкновенная, по форме: такой-то прописан и проживает там-то...

— Так еще не прописан он тут.

— Значит — оттуда нужна справка, где он все это время жил.

— Напишем туда, напишем,— из последних уже сил боролась Револьвера Ивановна.— Но пока туда напишем, пока ответят — ты уж дай ему пожить спокойно, не чужой ведь человек, мне он сын, Бинке — муж законный...

— Гм,— издал Павел Никодимович, выражая как бы сомнение.

— Да ты что — мне не веришь, что ли?

— Ладно, помогу вам, Вера Ивановна,— сказал Тригорьев, как бы входя в положение.— Милиция поможет. Вы мне назовите то место, где он жительствовал — адрес, название и прочее,— и мы по своим каналам их милицию запросим. Хоть по телефону. Подтвердят — и не буду вас беспокоить до самой справки.

— Да вот — не помню я, там название какое-то секретное.

— Ну,— сказал Тригорьев,— от милиции секреты бывают разве что у правонарушителей. Не можете вспомнить — придется Андрея Спартаковича будить, чтобы достичь полной ясности.

Сказав это, участковый решительно встал с табуретки, вышел в тесную прихожую и твердо стукнул в ближайшую дверь.

— Гражданин Амелехин! Выйдите-ка на минутку!

Дверь распахнулась сразу, будто в комнате только и ждали такого приглашения. И в самом деле, Амелехин был уже, в общем, готов к разговору — уже в брюках, хотя и в нижней рубашке.

— Гражданин нача-альник! — провозгласил он едва ли не радостно.— Кто бы мог подумать! Я Амелехин, я, не сомневайтесь!

Тригорьев отступил, и Андрей Спартакович вышел в прихожую, аккуратно, без стука затворив за собою дверь.

— Жена спит еще,— пояснил он.— Утомил я ее.

— Дело молодое,— поддакнула старуха из-за милицейского плеча.

— Пройдемте на кухню, побеседуем,— предложил участковый.

— Это мы с радостью. Мать, сообрази поесть чего-нибудь. И пошарь там...

— Шарить не надо,— остановил Тригорьев.— Разговор будет короткий — если темнить не станете.

— Я тут весь, как на ладошке,— сказал Амелехин.— Чист, как малое дитя. А кто старое помянет, окривеет. Верно, гражданин начальник?

— О старом не будем,— согласился Тригорьев.— Хватит и новостей. Попрошу предъявить документы.

— Еще не обзавелся,— сказал Амелехин и развел руками.— Да вам же мамаша объяснила, как и что было.

— Вот и оденьтесь, пройдемте со мной, там напишете все ваши объяснения и заявления, а милиция их рассмотрит и решит.

— Да что ж тут решать?

— А то: поверить ли вашему объяснению, или задержать, как проживающего без документов, и поступить соответственно...

— Гражданин начальник! — сказал Амелехин убедительно.— Да что я, паспорта не достану? Век свободы не видать...

— Не только в паспорте дело,— сказал Тригорьев.— Вы и о том напишете, зачем вчера, едва успев приехать, направились в известный вам кооператив. Уж не документы ли заказывать туда ходили? Фальшивые, понятно? Признавайтесь откровенно и сразу, вам же легче станет, как только ясность наступит. С кем вели переговоры? Кто вас на этот кооператив навел? Ну? Ну?

— Нет,— возразил Амелехин,— чего не было, того не было, что ж попусту на людей катить...

— Зачем же туда ходили?

— Ну, значит надо было. Пришел и ушел.

— Пришли и ушли, да.— Тригорьев наклонился к самому уху Андрея Спартаковича.— А тело осталось.

— Да вы что? Какое еще тело?

— А то. Которое в ванне. Почем вас наняли человека убить?

— Да Христос с вами! — на этот раз Амелехин возмутился совершенно искренне.— В жизнь мокрухой не занимался, а сейчас тем более мне не в цвет...

— Вы мне не лепите горбатого к стенке!

— Да я хоть по-ростовски побожусь...

— Кто же его завалил?

— А я почем знаю?

— Тогда зачем же туда ходили? Давай-ка, Доля, рассказывай все по порядку, как было...

X

Так начали этот день три — отнюдь не главных, впрочем — героя нашего повествования. Но и остальные не дремали.

Землянин, например, в то самое время, когда разговор между участковым уполномоченным и двумя поколениями Амелехиных вошел в самую интересную свою фазу (где и был нами прерван), находился на приеме у народного депутата. Их собеседование тоже не лишено интереса, и мы постараемся воспроизвести его как можно точнее.

Депутат был очень занят, потому что входил в одну из комиссий Верховного Совета, имевшую своей задачей — разработать такую систему налогообложения, какая как можно скорее привела бы к полному прекращению любого производства и таким образом сделала бы жизнь в стране намного проще, а следовательно — совершеннее, ибо давно уже известно, что все совершенное — просто. Тем не менее, несмотря на свою погруженность в налоговые проблемы, депутат старался выслушать каждого посетителя по возможности внимательно — в том числе и Землянина, который постарался изложить свое дело как можно короче и понятнее.

— Так,— сказал депутат, когда кооператор закончил.— Это все очень интересно. Но я считаю, у вас нет никаких оснований ходатайствовать о снижении налоговой ставки.

— Но я же вовсе не об этом ходатайствую!

— Гм. Тогда я не понимаю...

— Я хочу,— сказал Землянин,— чтобы вы помогли. Не мне. Старому человеку, прожившему нелегкую и честную жизнь и сейчас оказавшемуся в сложном, я бы сказал, даже драматическом положении. В конце концов, она — советская гражданка, этого у нее никто не отнимал, не лишал, и она требует лишь своих законных прав, гарантированных Конституцией СССР.

— Ага,— сказал депутат.— Она проживала за границей, будучи гражданкой СССР? Да-да, вы говорили, что она отсутствовала де-

сять лет... Скажите, а она получала там какой-то доход? А налог с него она уплачивала? Я имею в виду не их, а нашим финансовым органам. В рублях или в валюте? В какой именно? С нее взяли слишком много? В чем конкретно проблема?

— Ну что вы! — сказал Землянин.— Там она, естественно, никаких доходов не получала. Она...

— Что же в этом естественного? — удивился депутат.— Это, простите меня, ретроградная позиция. Мы же считаем, что естественно как раз, проживая за границей, получать как можно больший доход и исправно уплачивать налоги. Если вас интересуют конкретные ставки... Или там напутали с курсом? Можно пересчитать.

— Боюсь,— сказал Землянин, начиная несколько раздражаться,— что вы не очень внимательно меня выслушали. Моя мать скончалась несколько лет назад...

— Ну да, извините,— спохватился депутат.— Вы и в самом деле говорили... Речь, следовательно, идет о налоге на наследство? Согласен, это проблема достаточно сложная, и наша комиссия сейчас как раз ею и занимается. Что оставила вам ваша покойная матушка? У нее была там недвижимость?

— Где — там?!

— Ну, она же проживала за границей — я так понял?

— Совершенно не так. Кроме того, она совершенно не покойная. То есть, она была покойной, но сейчас снова живет...

— Ах, она ожила. Я понимаю, бывает. Но тогда мне совершенно неясно... С нее что, требуют налог на оживание? Простите, но мне кажется, что такого налога... Минутку, я освежу в памяти...

И депутат принялся быстро-быстро перебирать бумаги на своем столе:

— Ну да, так и есть! — заявил он едва ли не торжествующе.— Нет такого налога! Это, безусловно, крупное наше упущение, и я от души благодарю вас за то, что вы подсказали нам... указали на этот недостаток. Если приравнять оживление к... гм... производству новой продукции, то налоговая ставка может быть... гм... Минуточку, я прикину в общих чертах... Да, тут, очевидно, речь идет о двух разных ставках: за оживление — это налог на тех, кто занимается оживлением, и за оживление — на тех, кто подвергается оживлению. Очень интересно... Скажите, а как по-вашему, оживление относится к области здравоохранения? Или культуры? Или промышленного производства? Крайне, крайне занятно... Скажите, вот вы, сами лично, тоже занимаетесь оживлением? Да? В таком случае, к какой области деятельности вы сами относите свою работу? Согласитесь, что это ведь не здравоохранение: если уж человек умер, то никакого здоровья у него, естественно, не осталось и охранять тут нечего. К области культуры? Тоже вряд ли. Хотя, конечно, среди оживляемых могут оказаться и деятели культуры, даже крупные...

И тем не менее... Вообще-то это, конечно, сфера обслуживания... Ремонт, восстановление, реставрация... М-да, задали вы нам задачку... Но я очень, очень вам благодарен, поверьте... Ваш приход еще раз убедил меня в том, что наш законопроект еще сыроват, видите — даже налога на оживление не предусмотрели — а ведь, кажется, следовало бы... Понимаете, вся беда в том, что законопроекты составляются разными аппаратными чиновниками, при чисто формальном подходе, присущей им безответственности... Еще раз — большое спасибо! — Депутат наконец перевел взгляд с бумаг на Землянина.— Ну, не стану далее отвлекать вас от вашей гуманной деятельности... Скажите, а вы не задумывались о создании Фонда Оживления? С точки зрения налогов, это было бы вам очень полезно. Всесоюзный фонд... Вы подумайте об этом на досуге. Всего вам наилучшего!

— Простите, а как же с моей просьбой?

На этот раз в голосе Землянина одновременно прозвучали и раздражение, и удивление, и даже некоторое сомнение. Причем сомнение его касалось в первую очередь его собственной персоны: неужели же даже на столь простое дело он оказался неспособным? И в самом деле: потратить столько времени на разговор с депутатом, и не только не получить какого-то конкретного ответа, но, похоже, даже не суметь растолковать общественному деятелю всю сущность проблемы? Налоги? Да при чем тут налоги, если понадобится их платить — он будет платить, но дело ведь совершенно не в этом... Может быть, не следовало ударяться в амбиции и идти сюда, но предоставить это маме, как она и предлагала? Хотел помочь, но что же получилось?..

— С вашей просьбой? Э-э... гм... Ах, ну да, конечно. Извините, я, конечно, несколько отвлекся. Итак, в чем же она заключается?

— Я ведь объяснял,— сказал Землянин с усталой терпеливостью.— Моя мама, оживленная, как вы говорите, не имеет необходимых и, безусловно, полагающихся ей документов. Ее права...

— Ага, да, да,— оживился депутат.— Тогда вы просто неправильно обратились. Нет, я понимаю, что вы — мой избиратель, я очень рад тому, что вы пришли именно ко мне, и могу дать вам совет: вам следует обратиться в комиссию по правам человека, это их тема, а не наша, не моя в частности...

Однако Землянин решил держаться до последнего.

— Но мне кажется, что если происходит нарушение Конституции нашей страны...

— Происходит, тут вы совершенно правы. Но Конституция наша сейчас находится в, так сказать, несколько промежуточном положении... Я думаю, что, если вы хотите, чтобы права оживленных были запечатлены в основном законе страны, вам нужно не мешкая обратиться в конституционную комиссию... Только не спутайте ее с уп-

равлением по защите Конституции — это совсем иное учреждение. Да-да, именно в комиссию по выработке новой Конституции СССР — вот куда следует вам сейчас пойти... А теперь — до свидания, и желаю вам больших успехов...

Землянин был уже в дверях, когда депутат окликнул его.

— А скажите пожалуйста... вы только людей оживляете?

— А что?

— Да нет, я, собственно... Вот у нас была собака, знаете, верный друг, член семьи, по сути дела. Мы все так переживаем... Раз уж теперь стало возможным оживлять — то, может быть... Я, разумеется, оплатил бы...

— Скажите,— после паузы спросил Землянин,— все это даже не удивляет? Это, вы считаете, такое обыденное явление?

— Что именно?

— Да вот хотя бы оживление, как вы это назвали.

— Удивляет? Дорогой мой, после всего, что у нас за последние годы произошло и происходит, разве можно еще хоть чему-то удивляться? Уходят в небытие режимы, гибнут всесильные идеологии, воскресают забытые ценности — как же может удивить такой частный случай, как оживление одного или нескольких человек? Так вы подумаете насчет собачки? Ведь в конце концов разница не так уж велика...

— Хорошо,— сказал Землянин.— Я подумаю.

— Подумайте, ладно? А я со своей стороны!.. О! Нашел! Мы создадим в Верховном Совете комиссию по оживлениям! Я займусь этим сам! И как только она будет создана — приходите к нам, и мы сможем обсудить все вопросы, какие у вас к тому времени возникнут. Нет-нет, не сомневайтесь, они непременно возникнут! До свидания! До свидания! И нижайший поклон матушке!

XI

Матушка, товарищ Землянина А. Е., к чести ее, в эти утренние часы тоже не сидела дома в ожидании нижайших поклонов, но, проводив сына на прием к депутату, сразу же собралась и сама и решительно направилась на прием в райком партии, и не к кому-либо там, а именно к первому секретарю. Шла она в тот райком, где ранее, при жизни, находилась на партийном учете; а поскольку была она уже тогда пенсионеркой, то пришлось ей из того района, где она работала, перейти в парторганизацию при ЖЭКе по месту жительства, так что в этом райкоме ее по-настоящему не знали, и это ее слегка смущало. Тем не менее, она шла, исполненная бодрости и надежды.

Первый секретарь райкома КПСС в Москве, как известно, работ-

ник крупный, потому что в любом районе города Москвы состоит на учете еще и сегодня больше членов и кандидатов в члены партии, чем в иной союзной республике, где даже свой Центральный Комитет есть; да и экономика такого района порой позначительнее союзно-республиканской, так что даже странно, почему до сих пор ни один из тридцати шести московских районов не выразил желания выйти из состава Советского Союза и провозгласить, скажем, республику Марьиной Рощи со своим государственным языком и таможенной службой. Говорим все это для тех, кто полагает, что это так просто: взять да прийти к первому секретарю. Однако же Анна Ефимовна пришла и попала, потому что времена нынче пошли такие, когда и первые секретари проигрывают на выборах — и тогда, естественно, сразу же начинают думать о победе на следующих. Анна Ефимовна же попала на прием еще и потому, что записалась заблаговременно. И пришла вовремя, и была принята.

— Здравствуйте, товарищ Землянина,— радушно ответил на ее приветствие секретарь, которого звали Федором Петровичем.— Садитесь, пожалуйста. Что привело вас ко мне? Я, признаться, не очень понял, хотя помощник мне докладывал и заявление ваше о восстановлении в рядах партии — вот, у меня на столе. Объясните, пожалуйста, вкратце: при каких обстоятельствах выбыли из партии? Исключены были? Кем, за что? Рассматривала ли дело Комиссия Партийного контроля?

Говоря это, секретарь выглядел несколько удивленным, да и был таким на самом деле. Что ж удивительного: все последние месяцы люди из партии в основном уходили, а вот такая просьба о восстановлении была за ощутимое время, пожалуй, первой. Вот почему он, спрашивая, очень внимательно вглядывался в посетительницу: человек, как-никак, немолодой, значит — со всякими извивами психики, мало ли что... А может быть еще — и того хуже.

— Федор Петрович! — отвечала Анна Ефимовна, глубоко задетая одним уж предположением о том, что она могла совершить нечто, заслуживающее исключения из монолитных рядов КПСС.— Меня из партии никто и никогда не исключал! Безусловно, я выбыла из нее, да — на некоторое время! Но время это прошло, и я ходатайствую о восстановлении. И надеюсь, что вопрос решится очень быстро. Я не привыкла, Федор Петрович, находиться вне партии. Тем более в такое сложное время, как сейчас.

— М-да, время, действительно...— проговорил Федор Петрович, глядя при этом куда-то вдаль.— Но партия...— он глянул на нее мельком,— Анна Ефимовна, Партия выдержит. Выстоит. Она избавится от всего лишнего в своих рядах, от раскольников и ревизионистов всех мастей, от тех, кто хочет дискредитировать партию в глазах народа и лишить ее занимаемого ею места, авангардной роли в нашем обществе. Заверяю вас! Да! Слушаю! Нет! Ни в коем

случае! Я заверил и Юрия Анатольевича, и Ивана Кузьмича... Есть ведь ясная установка. Так и сделайте. Все, пока.

Тут следует заметить, что последние двадцать семь слов были адресованы не Земляниной, но собеседнику на другом конце телефонной линии. Звонки то и дело вторгались в их разговор, но мы не станем отвлекать внимание читателя ненужными подробностями. Скажем лишь, что, закончив телефонный разговор, Федор Петрович несколько секунд обождал, прежде чем вернуться к теме.

— Так,— сказал он затем.— При каких же обстоятельствах вы из партий выбыли, по вашим словам, на срок? Приостановили членство? Работали в правоохранительных органах? Уставом, товарищ Землянина, приостановка стажа не предусматривается. Или вы были осуждены за совершенные преступления? Однако, если коммунист приговаривается судом к определенному сроку, то уж из рядов партии он исключается, заверяю вас, навсегда!

— Из партии,— сказала Анна Ефимовна,— я выбыла по причине смерти.

— Чьей смерти? — спросил Федор Петрович, понявший это так, что чья-то смерть в свое время потрясла его нынешнюю посетительницу настолько, что последняя положила на стол свой партийный документ. Или, может быть, это она сама нечаянно причинила кому-то смерть и, не будучи осужденной, все-таки испытывала настолько сильные угрызения совести, что сочла себя недостойной...

— Моей смерти, чьей же еще? — ответила Анна Ефимовна.

— То есть, это следует, видимо, понимать иносказательно? — осторожно спросил секретарь, быстро соображая, не вызвать ли милиционера снизу. Лучше бы, конечно, скорую помощь с санитарами, но ведь пойдут потом разговоры, что, мол, из райкома отвозят прямиком в желтый дом...

— Отнюдь,— возразила Анна Ефимовна.— Нет, я просто умерла, как это случается со всеми.

— Что же так? — машинально поинтересовался Федор Петрович, чувствуя себя все менее уютно в кабинете, не столь давно перешедшем из собственности Моссовета в нераздельное партийное владение.

— Это не столь важно,— сказала Землянина, не любившая вспоминать о той печальной поре.— Своею смертью, как принято выражаться.

— Вы, значит, полагаете, что это неважно? — спросил секретарь, одновременно нажимая кнопку. Помощник явился на вызов безотлагательно.

— Присядь, Иван Сергеевич, посиди, послушай. Случай с товарищем интересный.

Вдвоем было все-таки надежней: если она и в самом деле — с приветом, то они, говорят, обладают силой неимоверной.

Помощник послушно присел.

— Ты поближе, Иван Сергеевич, поближе.

Помощник переместился вдоль длинного стола и расположился поближе.

— Я вот тебя, Иван Сергеевич, сейчас введу в суть вопроса.

— Знаком я, Федор Петрович. Все документы изучил, и потом мы запрос и в партархив посылали, и в бюро ЗАГС. Случай, действительно, из ряда вон выходящий, уставом партии, а также инструкциями и постановлениями не предусмотренный.

— Да,— подтвердил Федор Петрович,— на этот счет даже и в проекте нового устава ничего не говорится. Однако, товарищ Землянина, из документов следует, что вы состояли на учете в Краснопресненском райкоме партии куда дольше, чем у нас. Вас там, безусловно, знают лучше. Почему бы вам для решения вопроса о вашей партийности не обратиться туда?

— Потому что умерла я у вас,— ответила Землянина,— и партбилет мой после смерти был сдан в ваш сектор учета. То есть, я вынужденно выбыла из рядов в вашем районе, тут и должна в них вернуться.

— Логично,— согласился Федор Петрович.— А скажите, Анна Ефимовна: из документов следует, что вы... м-м... выбыли в возрасте семидесяти двух лет. Выглядите вы куда моложе. Это очень приятно, разумеется, но...

— Когда происходило мое возрождение,— отвечала Анна Ефимовна,— мой сын воспользовался старой записью...

— Сын? — переспросил секретарь.— При чем тут сын?

— Так он же меня и реставрировал. Он ученый...

— Ах, вот как. Ну и что же?

— То, что мне сейчас примерно — практически — шестьдесят с небольшим, хотя календарно, если бы не этот перерыв, было бы восемьдесят с хвостиком.

— Возрождение, вы говорите? — взглядом испросив разрешения, вмешался Иван Сергеевич.— Возрождение, товарищ Землянина, это скорее из историко-культурной терминологии. А то, что произошло с вами, уместнее было бы назвать воскрешением из мертвых.

И он, несколько приподняв брови, почему-то покачал головой.

— Возрождение, воскрешение — какая разница? — проговорила Землянина, менее всего думавшая сейчас о терминологии.

Теперь покачал головой и Федор Петрович.

— Ну нет,— сказал он, прищурясь,— разница есть, и немалая. Странно, что вам, товарищ Землянина, в прошлом члену партии с немалым стажем, она не бросается в глаза. Даже обладая элементарным политическим чутьем, можно было бы понять, что «воскрешение» — совсем не то, что «возрождение». Потому что тер-

мин этот, как вы прекрасно знаете, относится к сфере религиозной. А партия, товарищ Землянина, к религии относится по-прежнему отрицательно, как к искаженному, неверному мировоззрению, уводящему людей в сторону от понимания подлинных задач трудящихся. То, что в рамках перестройки и гласности религия, как может показаться, восстановлена в некоторых правах, вовсе не значит... Но скажите мне: как вы сами, коммунистка, насколько я могу судить, во всяком случае, по убеждениям... так ведь?

— Безусловно,— гордо кивнула Землянина.

— Какую оценку вы сами можете дать своей деятельности по вашему... восстановлению в живых, в ходе которой вы прибегли к помощи идеологически чуждого партии — и вам, следовательно — мировоззрения? Нет ли в этом элементов оппортунизма, беспринципности и отхода от атеистического мировоззрения?

— Категорически протестую,— твердо ответила Землянина.— Я ни слова не говорила о воскрешении. Меня не воскрешали! — вы правы, для коммуниста это звучало бы по меньшей мере странно. Меня восстановили; разве позорно для коммуниста быть восстановленным — сперва в жизни, а потом и в партии? В истории нашей родины имеется восстановительный период!

— Да, конечно. Но коммунист, товарищ Землянина, должен всегда и во всем сохранять кристальную чистоту.

— Разумеется,— подтвердила Землянина.

— Как же в таком случае следует расценивать то, что вы в таком серьезном деле прибегли к той самой семейственности, которая всегда осуждалась партией?

— Не понимаю,— сказала Анна Ефимовна растерянно.

— Чего же тут не понимать? Вы ведь сами признали, что вновь возникнуть в жизни вам помог не кто иной, как ваш собственный сын. Вот и Иван Сергеевич слышал. Что же это, по-вашему, как не семейственность?

— Простите,— сказала Анна Ефимовна, собравшись с силами,— но не кажется ли вам, что вы тоже возникли в этой жизни благодаря действиям ваших собственных отца и матери? Может быть, это тоже семейственность? И как к этому вашему появлению относится районная партийная организация?

— М-м... Ну, это спорно,— сказал Федор Петрович, несколько смущенный неожиданным поворотом темы.— Как ты думаешь, Иван Сергеевич?

— Очень, очень спорно,— поддержал помощник.

Наступило молчание, продолжавшееся с минуту.

— Хорошо,— сказал секретарь, во время паузы вновь перелиставший бумаги в папке.— Но вот существенное обстоятельство. Тут, среди документов, я никак не могу найти решение о вашем восстановлении.

— Я ведь и прошу,— сказала Землянина,— о решении бюро райкома о моем восстановлении.

— Что касается восстановления в партии, то начинать вам следовало не с нас, а с первичной парторганизации, и уже ее решение мы стали бы рассматривать,— сказал Федор Петрович.— Но сейчас я имел в виду другое решение: о вашем восстановлении в жизни. Кем принималось такое решение, товарищ Землянина? И принималось ли оно вообще?

Тут Анна Ефимовна несколько смутилась.

— Я, собственно, не в курсе,— сказала она.— Это лучше было бы спросить у сына...

— Не было решения, не было,— сообщил Иван Сергеевич.— Мы запрашивали. Никто не разрешал.

— А кто должен давать такое разрешение? — еще менее уверенно спросила Землянина.

— Ну, тут надо подумать,— сказал Федор Петрович.— Может быть, трудовой коллектив. Или райсовет. Или Мосгорисполком.

— Верховный суд,— подсказал Иван Сергеевич.— Коллегия по гражданским делам.

— Да, это лучше всего,— согласился Федор Петрович.— По протесту прокурора.

— Совершенно верно,— поддержал помощник.

— Ну да. Вот пусть прокуратура Союза опротестует... ну, хотя бы свидетельство о вашей смерти. По вновь открывшимся обстоятельствам. Прокурор принесет протест, суд вынесет соответствующее решение — вот тогда и можно будет считать вас восстановленной в жизни по всем правилам.

— А если суд оставит протест без удовлетворения? — тихо проговорила Землянина.— Что же, мне опять...

— Подадите прошение на имя Верховного Совета. Или даже Президента страны. Подумайте, товарищ Землянина, и вы поймете: мы сейчас стремимся создать правовое государство, мы, выполняя заветы Октября, передаем всю власть Советам — и потому никак не можем восстановить вас в партии, пока вы легально не восстановлены в жизни!

— Я надеялась,— сказала Анна Ефимовна,— что указания, данного партийным органом, будет достаточно хотя бы для милиции, чтобы...

— Такая практика, товарищ Землянина,— строго произнес Федор Петрович,— так называемое телефонное право, строго осуждена как порочная. Мы, Анна Ефимовна, готовимся к деятельности в условиях парламентаризма и многопартийного плюрализма, и, в духе постановлений XIX партконференций и XXVIII съезда, а также лично товарища Горбачева, не собираемся решать вопросы за милицию, прокуратуру, суд и даже наш районный совет.

— Да и вообще совет этот...— пробормотал Иван Сергеевич.— Навыбирали неизвестно кого, прямо не совет, а путь из варяг в греки...— Тут Иван Сергеевич даже встрепенулся.— Постойте, у вас что же — и паспорта даже нет?

— Нет,— откровенно призналась Землянина.— Я признаю свою ошибку и в ней раскаиваюсь, но тем не менее...

— По какому же документу вас сюда пропустили? — строго продолжал Иван Сергеевич.

— А по свидетельству о смерти,— сказала Анна Ефимовна.

— Да какой же это документ! — возопил помощник.

— Официальный. С печатью.

— Гм,— сказал Федор Петрович.— Безусловно, свидетельство о смерти может в определенном смысле служить удостоверением личности. И тем не менее, если у вас нет паспорта, то, по сути дела, ничто не доказывает, что вы являетесь гражданкой СССР. А в КПСС могут состоять лишь граждане нашей страны.

— Чья же я, по-вашему, гражданка? — Анна Ефимовна была уже близка к слезам.— И в какую же партию мне вступать?

— А в любую,— сказал Федор Петрович.— Хоть к кадетам.

— Товарищ! — грозно произнесла Землянина.

— Ну, это я пошутил, конечно. А вообще... Сложный период переживаем мы, товарищ Землянина. Братские партии в лагере мира и социализма, по сути, перестали существовать, да и сам лагерь тоже. Смутные стоят времена.

— Прямо скажем,— подтвердил Иван Сергеевич.— Правда, это только в странах Варшавского договора. В капстранах — там компартии существуют, как и прежде. Вот если вы куда-нибудь выедете...

— Как же я могу выехать без паспорта?

— Товарищ Землянина! — Федор Петрович почувствовал себя вынужденным даже несколько повысить голос.— Повторяю: это дело не наше, а соответствующих учреждений и органов. А ошибку действительно совершили и вы, и ваш сын, восстановивший вас без соответствующего решения... Кстати, он в какой системе работает? Академии наук?

— Нет. Он в кооперативе...

— Опять кооператив,— вздохнул Федор Петрович.— Просто диву даешься, на что только они не идут ради прибыли! Вот, пожалуйста — людей воскрешают уже! А самовольное восстановление людей в жизни, товарищ Землянина,— голос его снова окреп,— есть не что иное, как нарушение социалистической законности. Это антиперестроечное действие, вы понимаете? Думаю, что вопрос о восстановившем вас кооперативе следует рассмотреть со всею серьезностью. Иван Сергеевич, отметь. Тоже мода: инкорпорировать в наше общество людей без гражданства! Вот так, товарищ

Землянина! К сожалению, на данном этапе помочь вам ничем не можем!

— Если разрешите, Федор Петрович,— сказал помощник,— одно замечание.

— Говори, Иван Сергеич.

— Вообще-то вопрос, как мне кажется, очень прост. Товарищ Землянина, независимо от смерти и восстановления, уже давно автоматически выбыла из партии в связи с неуплатой членских взносов за срок, намного превышающий три месяца. А по Уставу партии и трех месяцев более чем достаточно.

— М-да,— кашлянул Федор Петрович.— Конечно. Но в последнее время приходится терпеть...

— Верно, Федор Петрович, но ведь уставное требование никем не отменялось? Следовательно, нет оснований говорить о восстановлении в партии, ибо товарищ Землянина выбыла из рядов КПСС вполне обоснованно.

— Ну, и какой же ты делаешь окончательный вывод? — поинтересовался секретарь.

— Вывод простой: если товарищ Землянина оформит все необходимые документы, мы сможем посоветовать ей подать заявление о приеме в партию на общих основаниях. А там уж как бюро решит.

— Вы поняли, Анна Ефимовна? — подвел итоги Федор Петрович.— На общих основаниях. Ну, все. Вопрос исчерпан. Желаю вам всего наилучшего, крепкого здоровья и счастья в личной жизни.

«Я в КПК пожалуюсь!» — хотела было воскликнуть Анна Ефимовна, но тут же поняла, что жаловаться не станет. Ибо прав был райком, а не она. Потому что партия всегда права по отношению к любому из своих членов. Иначе это была бы уже какая-то не та партия. Не нового типа. Так что вместо угроз она произнесла только:

— До свидания, товарищи!

И осторожно затворила за собою дверь.

«Прокуратура! — думала она, медленно спускаясь по лестнице, устланной ковровой дорожкой.— Прокуратура запросит милицию, а что милиция, если Вадим уже и в Министерстве отказ получил? Нет, если только депутат не поможет, то...»

Что «то», она и сама не знала. Умирать вторично не хотелось, жить хотелось так, как хочется только старикам. Но жить так — подпольно — было унизительно. Это при царе большевики уходили в подполье. Но сейчас? В годы перестройки? Чушь какая-то. Хотя, если подумать... не оказалась ли партия и сейчас в положении гонимой и преследуемой? Если читать и слушать все, что сейчас пишут и говорят, то получалось, что только партия во всем и виновата, что даже и власть не надо было брать в семнадцатом, что и Владимир Ильич был и таким, и сяким, и только и делал, что ошибался. И все это нынче сходило с рук! Нет, воистину, партия подвергалась

жестоким преследованиям, и о подполье, право же, стоило подумать всерьез...

С такими мыслями она неторопливо шла к трамвайной остановке, машинально нашаривая в сумочке зеленые пятачковые талончики для проезда. С лотка продавали говяжий фарш. Она хотела было купить, но вдруг усомнилась: имеет ли она, человек, по сути, без подданства, гражданства, родины право покупать советский фарш, предназначенный для советских граждан? Наверное же, нет.

Федор же Петрович, как только она вышла, многозначительно глянул на помощника.

— Видишь, до чего дошли? Хотел бы я только знать, чья это провокация: чтобы потом на весь мир растрезвонить, что мы в партию покойников принимаем, поскольку живые уходят! Крепко задумано, да ведь и мы не дурачки...

— Это демплатформа, никто иной,— уверенно сказал помощник.— Они пакостят. И кооперативы они поддерживают.

Федор Петрович снял трубку телефона и набрал номер одного из отделов Мосгорисполкома.

— Что вы там, Коля, регистрируете, кого попало? — строго спросил он.— Тоже друг, называется. Вот ты послушай, что они выкидывают...

Друг Коля внимательно выслушал, а потом ответил:

— Да ну, Федя, право, не узнаю тебя, мелочевкой какой-то стал заниматься... Хорошо живете, видно. Подумаешь, старуху у тебя воскресили! Тут, друг милый, капитализм воскресили, того и гляди — монархию воскресят, а ты — старуху. Гляди, как бы там у тебя царя не воскресили. Да какого же: Николая Александровича, какого же еще? Ну ладно, разберемся с твоим кооперативом, но ты глубже смотри, ты в корень смотри, задумайся. Разгромить недолго, но может, лучше подержать это дело в резерве, даже поддержать? Мысли, Федя, и о дне завтрашнем...

И Федор Петрович задумался.

А товарищ Землянина (несмотря ни на что, мы будем называть ее именно так: ей приятно это, а ведь не о каждом сегодня можно сказать такое), уже миновав лоточек с питательным фаршем, внезапно остановилась. И всплеснула руками.

— Боря! — воскликнула она.— Борис Петрович! — Тут же поправилась: — Ты... вы ли это? Сколько лет, сколько зим!

— Нюша! — вскричал названный в свою очередь.— Ну, что ты скажешь! Недаром говорят, что в Москве раз в год можно встретить даже покойни... Гм! — тут же оборвал он сам себя.— То есть, я хотел сказать, что...— Видно было, что он явно смущен.

— Ладно, ладно, Борис Петрович,— успокоительно произнесла Анна Ефимовна, отлично помнившая, как в свое время хоронили Бориса Петровича — за три года до того, как и сама она.— Ничего

страшного: я и сама оттуда. Можешь не объяснять: это ведь мой Вадик нашими делами занимается. Ты куда: в райком? По поводу документов?

Чуть помешкав, Борис Петрович признался:

— За документами, верно.

— Можешь не ходить,— деловито сказала она.— Впустую. Только что имела беседу. Никакого понимания.

— Да? — спросил Борис Петрович без особого, впрочем, удивления.— Боятся, слабаки? Ну ладно, еще не вечер. Ты где живешь? У сына?

— Куда же мне еще деваться?

— Вот и я тоже у детей. Но, понимаешь ли, объедать их не хочу, а тут еще визитки эти вводят, и паспорт нужен. Конечно, с другой стороны, я их не просил, они меня, так сказать, породили — значит, должны и содержать, но по-человечески жаль их. Жизнь-то какая пошла... Нет, не дорубили мы в свое время, вот и страдаем теперь.

— Не вешай головы, Боря! — ободрила Анна Ефимовна.— За права человека надо бороться! Создавать массовую организацию из таких, как мы. И как можно скорее!

— М-м...— промычал Борис Петрович.— В нелегалы зовешь?

Тут сразу же оговорим одно обстоятельство. Борис Петрович при жизни (мы, разумеется, первую его жизнь имеем в виду) работал в том самом учреждении, которое мы здесь для краткости называем Лужайкой; зная это, мы без труда поймем, что ко всякого рода нелегалам, которые теперь, став почти совсем легальными, получили наименование неформалов, Борис Петрович относился скорее отрицательно, чем наоборот.

— А беспачпортным бродягой — лучше?

Такое определение Борису Петровичу тоже было не по душе, и он поморщился.

— Поглядим,— сказал он.— Есть еще, куда пойти, где поискать поддержку...

На этом мы их пока что и оставим, чтобы обратиться к другим персонажам нашего почти абсолютно документального, и уж во всяком случае (мы надеемся) ментального произведения.

XII

Револьвера Ивановна затворила дверь за Тригорьевым и не без робости взглянула на сына, который проворчал:

— Вот настырный мусор... Ну нет покоя от них.

— Что делать-то будешь, Андрюшенька?

— Да будут ему корки, пусть не жмурится, глядь.

— Что ж ты его так? Он тебе хорошего желает.

— От его пожеланий у меня в брюхе сосет, банные ворота. И чего-то роет он под профессора, все старался меня расколоть, что да как. Ты смотри, ты с ним ровно дыши в тряпулю и лишних звуков не издавай, поняла?

Вера Ивановна скорбно кивнула, глядя, как сын кончает одеваться.

— Позавтракал бы, Андрюша...

— Там пожру,— неопределенно обещал он.— А к обеду вернусь. Надо срочно к профессору сбегать — предупредить. И еще по разным делам. Ну, чего трясешься — чистый я, все сроки вышли, да и я пока что в покойниках числюсь, секешь? Ну, все.

И он громко, не таясь, захлопнул за собою дверь.

Предмет же его недовольства и подозрений был сейчас уже далеко. Капитан Тригорьев держал путь все в тот же кооператив, а по дороге сперва размышлял, точно, об Андрее Спартаковиче, и тоже без большой ласки. Инспектор анализировал возникшую проблему: не стоило ли все же взять с Амелехина подписку о невыезде? Но можно ли взять такую подписку с лица, нигде не прописанного и, следовательно, не имеющего местожительства, с которого ему можно было бы запретить выезд. Похоже, что подписка никак не получалась. Проще было бы задержать его — но как раз этого Тригорьев обещал не делать — в обмен на весьма полезную информацию о кооперативе, которую ему Амелехин все же дал, хотя и хорохорился вначале. Да бог с ним, с Амелехиным, подумал капитан, кооператив куда важнее. Это же придумать надо: плодить людей без документов! Незаконно внедрять! И потом — останки, виденные в ванне: не подходили ли они все же под понятие преступления против личности? Значит, так: оживляли человека, он не оживился — и его в кислоту — так растолковал Амелехин, который, околачиваясь в кооперативе чуть не полный день, пока свои не принесли ему, что надеть, и не забрали его домой, успел кое-что увидеть, кое-что услышать, а остальное и сам сообразил, он ведь только с виду туповат был, Амелехин. В кислоту. Но ведь человек, пусть еще и не оживший — или не совсем там оживший — он человек все же или нет? И можно ли его прямо так — в стружку? Сразу и не разберешься. Или например: кого оживлять? Ну вот зачем было выпускать на свет божий урку Долю Трепетного? Насколько лучше было бы вернуть людям — ну, хотя бы Витю Синичкина?

Дойдя до этого рассуждения, Тригорьев невольно вздохнул. Витя Синичкин был постоянным упреком его жизни вот уже лет десять. Хороший парень и ладный оперативник, отец двух малолетних сыновей, он нашел свою пулю, когда они вдвоем преследовали вооруженного и особо опасного бандита и завязалась перестрелка. Витя был впереди, дело было в темноте. И хотя потом неопровержимо установлено было, что застрелил Витю бандит, Три-

горьеву почему-то вновь и вновь мерещилось, что то его пуля была, и никак он не мог от этой тяжкой мысли избавиться. Насколько было бы лучше, если бы не Амелехина оживили в этом странном и незаконном кооперативе, а как раз Витю! И хотя, по представлениям капитана, долг его сейчас состоял прежде всего в том, чтобы закрыть кооператив — вплоть до выяснения, мысль эта его почему-то не грела... За подобными размышлениями Тригорьев и добрался до кооператива незаметно.

Когда он вошел в знакомую уже приемную, А. М. Бык находился на своем рабочем месте и говорил по телефону. Завидев участкового, он быстренько проговорил в трубку: «Ну, мы к этому еще вернемся, будьте здоровы», положил трубку и приветливо молвил:

— Гость в дом — Бог в дом! Присаживайтесь, Павел Никонович, в ногах правды нет. Хотя, скажу вам — в том, чем сидят, ее тоже нет. Где же она? Вот вопрос.

Но выражение его лица при этом было настороженно-выжидательным.

Снова, как и при первой их встрече, они несколько секунд гипнотизировали друг друга взглядами; при этом А. М. Бык еще и улыбался, Тригорьев же был, напротив, сама серьезность. Но на этот раз молчание прервал капитан.

— Навестил я только что Амелехиных,— сообщил он.

— Ага,— ответил А. М. Бык.— А евреям от этого хорошо или плохо?

— А при чем тут евреи? — удивился капитан.

— А я знаю? — сказал А. М. Бык.— Так, мало ли.

— Ну да,— сказал Тригорьев, несколько сбитый с толку. Однако он быстро собрался с мыслями.

— Вы не уводите в сторону,— попросил он,— поскольку я теперь полностью в курсе дела.

— Ваше дело такое: быть в курсе,— сказал в ответ А. М. с той примерно интонацией, с какой бывалые люди произносят традиционное: гражданин начальник, наше дело — бежать, ваше — нас ловить... Некий скрытый вопрос угадывался в тоне А. М. Быка, однако смотрел он на Тригорьева взглядом спокойным и полным достоинства, словно хотел выразить, что истина и право — на его стороне, и это единственное, в курсе чего следует быть капитану милиции.

— Так вот,— сказал Тригорьев сурово, опустившись на стул и постукивая пальцами по крышке стола.— Я знаю, кто вчера вышел отсюда третьим. Опознал. И, будьте уверены, не ошибся.

— Если бы я знал все, чего вы не знаете,— несколько туманно выразился А. М. Бык,— то президентом Академии наук избрали бы не Марчука, а может быть, как раз меня.

Сарказм этот, однако же, не сбил капитана с намеченного пути.

Он только шевельнул бровями, как бы для того, чтобы лучше запомнить сказанное.

— А вышел отсюда не кто иной, как Амелехин Андрей Спартакович, который первой из находившихся тут женщин приходился сыном, второй же — мужем.

— Это же очень интересно! — воскликнул А. М. Бык и всплеснул руками.— Но почему «приходился»? Почему, скажите мне, раньше приходился сыном, а теперь вдруг не приходится? Ну, мужем — другое дело, сегодня муж, завтра — нет, дело житейское. Но сыном-то — почему?

— А потому,— сказал Тригорьев раздельно,— что гражданин Амелехин А. С. скончался двадцать первого мая восьмидесятого года, о чем сделаны, будьте уверены, все необходимые записи, и не только у вас здесь.— И он показал пальцем на уже знакомую нам книгу в химическом переплете.

— Бедный юноша,— вздохнул А. М. Бык.— Однако же, если столь печально и безвременно завершилась его жизнь, то я не вижу, каким образом мог он вчера оказаться тут? Знаете, при всем уважении я осмеливаюсь предположить, что вы тут ошиблись, и не Андрей, как вы говорите, Спартакович вовсе это был, а просто некто, в немалой степени на него похожий. И в самом деле,— продолжал он, несколько даже воодушевившись,— представьте себе: две несчастных женщины, утратившие одна — сына, другая — горячо любимого супруга, чувствуют, что просто не может продолжаться течение их жизни, если не будут они воочию видеть и общаться с навеки покинувшим их. И вот они обращаются, предположим, даже и к нам, готовым оказывать услуги — обращаются с просьбой разыскать в великом людском многообразии человека, максимально похожего на их любимого. Нет, уверяю вас, на свете человека, который не был бы похож на кого-либо другого, порой даже и до неразличимости. Найти такого человека и свести с ними, а они, допустим, предложат ему стать их сыном и, соответственно, супругом.

— Так, может, у него своя мать есть и своя жена,— высказал сомнение Тригорьев, невольно начавший поддаваться своеобразной логике А. М. Быка.

— Совершенно с вами согласен, даже более — я и сам так считаю. Но однако же: у одного есть мать и жена, у другого, у третьего — но ведь не у всех матери есть, не так ли? И жены — тоже ведь не у каждого? Или вы не согласны?

— Так ведь это сколько надо похожих...— усомнился капитан.

— А откуда мы с вами знаем, сколько их есть на самом деле? — возразил А. М.— Вы видали где-нибудь подобную статистику? Читали? Слышали? Нет, здесь мы с вами погружаемся целиком и полностью в область неизведанного. Вот сделайте такое предположение — и все очень удобно становится на свои места. Если же, как вы

предполагаете, гражданин этот усоп и погребен, то каким же путем он мог бы, как опять-таки лично вы предполагаете, оказаться здесь?

— Вот об этом я вас и спрашиваю,— сказал Тригорьев.

— А я вашего вопроса, простите, в упор не понимаю. И подозреваю, что продиктован он тем, прямо скажем, предубеждением против кооперативов, которое не только не изжито в наши дни, но даже и культивируется кое-где в связи с некоторыми неясностями перехода к рынку. Ведь этот ваш вопрос и предположение — что они означают? Какой скрытый смысл содержат? Что мы, кооператив, занимаемся эксгумацией? Что мы, так сказать, просто кладбищенские воры? Но ведь даже и в таком полностью невероятном случае гражданин Амелехин был бы тут представлен в, так сказать, совершенно другой кондиции, не так ли? Ведь в черную магию мы с вами не верим? Или, может, вы верите? Возможно, работникам милиции нынче полагается верить в черную магию для повышения процента раскрываемости преступлений?

— Никак нет,— сказал Тригорьев, на миг ошеломленный неожиданным натиском.

— Ну вот. Человек же, которого вы здесь якобы видели, шел, по вашим же словам, своими ногами. Расскажите об этом кому угодно, присовокупите мое объяснение, только что вами полученное в устной форме — и подумайте, чему легче поверить: мне ли, или тому, что, хотя и в косвенной форме, высказали вы?

После этих слов наступила пауза, затянувшаяся, правда, лишь секунд на пять, самое большее на шесть.

— Нет,— молвил Тригорьев, когда пауза эта миновала.— Ни в каком кладбищенском воровстве никто вас не подозревает, что за глупости, товарищ Бык. Я ведь почему спросил вас о нем (тут капитан Тригорьев слегка прищурился): если это другой человек, просто схожий с покойным, то ведь, может быть, со своего прежнего местожительства он убыл, так сказать, не афишируя, и если у него есть близкие, то они ведь могут объявить его безвестно пропавшим, тогда, чего доброго, придется объявлять его во всесоюзный розыск — лишняя работа, если мы с вами уже сейчас знаем, где он находится. Если можете сообщить мне интересующие меня данные, то прошу вас, а если нет,— тут капитан помедлил немного и даже кашлянул, чтобы особо заострить внимание собеседника,— если нет, то, как говорится, на нет и суда нет, а где нет суда, там, сами понимаете, с законом плохо...

— Да я бы с удовольствием,— сказал невозмутимо А. М. Бык.— Только ведь я о нем так-таки ничего и не знаю. Это ведь не у меня надо спрашивать. Круг моей компетенции я вам еще в прошлом диалоге обрисовал, тут простая кинематика. А к вещам сложным я отношения не имею, и в любом суде на Конституции в этом присягну, хоть с поправками, хоть без них.

— Значит, не имеете,— сказал Тригорьев.

— Значит, не имею,— согласился А. М. Бык.

— Значит, людей воскрешаете? — в упор спросил капитан.

— Ну, так мы воскрешаем,— как ни в чем не бывало подтвердил А. М. Бык.— И что?

Тригорьев немного подумал.

— Зачем?

— А почему нет?

— А разрешение у вас есть?

— А где сказано, что у нас должно быть разрешение?

На все должно быть разрешение; несомненно, именно так ответил бы Тригорьев еще не очень давно. Сейчас — понимал он — этого уже не скажешь. Сложной стала жизнь.

— Ну допустим,— сказал он вслух.— А диплом? Вот вы например: вы врач?

— А я воскрешаю? — спросил Бык.— Или, может быть, воскрешает Землянин, а я только оформляю и выдаю заказы? По-вашему, для этого нужно быть врачом?

— Ну, а Землянин — он-то хоть врач?

— Скажите,— поинтересовался А. М. Бык,— а Иисус Христос был врачом? Кончал медицинский институт? Иерусалимский университет? Уверяю вас, что нет. Но воскрешал же? И вообще, хотел бы я знать, при чем тут медицина. Она воскрешает? Наоборот — это бывает, да; но чтобы воскрешать? Возьмите какую угодно медицинскую книгу — там есть хоть полслова о воскрешении?

— Ну, не знаю,— сказал Тригорьев.— Может, и нет. И тем не менее, есть в вашей деятельности нечто неясное. Вот например: в уставе вашего кооператива говорится о воскрешении?

— Далось вам это слово,— с досадой сказал Бык.— У нас в уставе не говорится о воскрешении — ну, и что из этого? Мы занимаемся не воскрешением, а реставрацией, и вот это у нас записано. Что это, по-вашему: незаконный промысел?

— Реставрацией? Умерших людей?

— Вы говорите таким тоном,— заметил А. М. Бык,— словно в этом есть что-то противоправное. Но вот ведь в последнее время на государственном уровне реставрировано множество людей, весьма известных; вы скажете — реставрированы не сами люди, а их биографии, роль в истории и тому подобное. Но разве биография и роль в истории не есть сам человек? Мы просто сделали следующий шаг. Никто и никогда этого не запрещал, вы и сами знаете.

— Не запрещал, потому что никто и не пытался!

— Откуда вы знаете? Об этом не писали в газетах? А что, в газетах всегда обо всем пишут? Когда убивают — всегда пишут? А когда вы родились — об этом писали? Женились — писали? Умрете, так напишут в стенгазете, а обо мне и там не напишут, потому что мы

стенгазеты не выпускаем. Так почему же должны писать, что мы, допустим, реставрировали Амелехина? Кто такой Амелехин? Лауреат? Народный артист? Член Политбюро или Президентского совета? Может быть, вы думаете, что Амелехин написал «Войну и мир», так я вас разочарую: это не он написал. И «Малую землю» тоже не он. Что Амелехин? Даже не народный депутат, хотя это сейчас и редкость. Какое же дело газетам или телевидению до того, воскрес Амелехин А. С. или нет?

— Ну,— сказал Тригорьев,— в зарубежной прессе, охочей до сенсаций...

— А вы что читаете? — с большим интересом спросил А. М. Бык.— «Нью-Йорк Таймс»? Просто «Таймс»? «Кёльнишер Рундшау»? «Монд»? Хотя бы «Жэнь мин жибао»? Нет? Я их тоже не читаю, мало того — я даже радио не слушаю, мне некогда бегать по магазинам и искать батарейки. Может быть, там и пишут — если там тоже делают такие вещи. Но вы знаете — я уверен, что они этого не делают. Потому что у них еще не нашли своего Землянина. Циолковский тоже жил в Калуге, а не в Вашингтоне, дистрикт Коламбиа. Я уверен, что на этот раз мы оказались первыми, как с «Бип-бипом». Мы первые, вам ясно? А что мы от этого имеем? Сидим в подвале, и когда у нашей страны есть наконец-то новый шанс заявить свой бесспорный приоритет, к нам приходит не председатель госкомитета — не помню, как он там сегодня называется,— и не президент Академии наук, а участковый инспектор. Лично вы. Как вы думаете, можно так работать, а? И вообще, скажите, почему все наши открытия уходят за рубеж, а все закрытия остаются нам, все до единого?

— Вот если бы вы открылись при Академии наук,— наставительно проговорил Тригорьев, никак не отреагировав на политически окрашенные пассажи А. М. Быка,— оповестили о ваших открытиях ученый мир и получили научное признание...

— Ха! — сказал Бык.— И еще раз — громкое «Ха»! Куда же побежал Землянин в первую очередь со своими идеями, как вы думаете? Скажу вам по секрету: именно в Академию наук! И что ему там сказали? Что вообще это, конечно, бред собачий, не имеющий с наукой ничего общего, но если Землянин хочет сделать сообщение об этом для журнала, то его подключат к соавторскому кооперативу: две дюжины профессиональных соавторов с титулами, степенями и званиями. А ему не нужны были соавторы. Вот я — а я, к вашему сведению, не мальчик с улицы, я А. М. Бык! — не лезу в соавторы, но помогаю ему всеми силами, какие у меня есть.

— И сколько вы здесь получаете? — поинтересовался между прочим Тригорьев.

— Меньше, чем вы думаете. Но, безусловно, надеюсь на лучшее — когда мы всерьез развернемся. Думаете, Бык пошел сюда ради денег? Меня звали директором одного театра-студии, меня

приглашали коммерческим директором в одно Всесоюзное объединение... Я мог бы ездить на гастроли в Штаты и иметь валюту — да, и поверьте, я не страдаю манией величия. Но я пошел сюда — почему? А знаете, почему? Потому, что мне нравится, когда оживают люди! Это вам не шашлыки по пяти рублей порция и не Рекс Стаут с лотка по тридцатке! Это — люди! И пусть я никогда не знал такого Амелехина — сейчас он мне дорог, как родной брат! И когда я вижу маму нашего Землянина...

На этом А. М. Бык прервал свой темпераментный монолог, захлопнув рот с таким звоном и шипением одновременно, какие происходят, когда закрывают сейф в солидном учреждении.

— Мама, значит,— проговорил Тригорьев нейтрально.

— Ну, мама, ну? — откликнулся А. М. Бык.— Что из этого? Почему у него нет права иметь маму?

— Ну, почему же,— сказал Григорьев.— И что же она — тоже без паспорта живет?

— Я у нее не спрашивал,— сказал А. М.— Не в курсе.

— Нехорошо,— сказал Тригорьев.— Как же вы их так — без паспортов?

— У нас что — паспортный стол? — спросил А. М. Бык.

— Что у вас — это вы лучше знаете,— сказал Тригорьев.— А сейчас вы мне вот на что ответьте: а чувство ответственности у вас есть?

— Интересно,— сказал А. М. Бык.— А что, кто-нибудь жалуется на качество работы? Уверяю вас...

— Я не об этом. Вот вы, как вы это называете, реставрируете. А кого — вы об этом думали?

— Естественно. Людей.

— Люди-то бывают разные.

— Не перед лицом смерти.

— Вот оживили вы Амелехина. А он ведь уголовник.

— Нет, мы не уголовника оживляли. А сына и мужа. По просьбе и по заказу ближайших родственников.

— И от этого будут лишние хлопоты и вам, и нам. Потому что он ведь старыми делами заниматься станет, ручаюсь. Он же вас еще и ограбит при случае. А вот если бы вы вместо него вернули к жизни, скажем, хорошего милицейского работника...

— А разве мы отказывались? — спросил А. М. Бык.— Наверное, до сих пор просто никто не заказывал. Вот закажите — и вернем.

— Ага,— сказал Тригорьев, соображая.— И во сколько же это может обойтись?

— Ну, заранее сказать трудно — зависит от технических условий. Но об этом уже не со мной надо говорить. Вообще-то мы пока берем недорого. Но, учтите, инфляция растет быстро. Так что если у вас есть намерение — медлить не советую.

— А по перечислению оплачивать можно? Или только наличными?

— Мы — солидная фирма,— едва не обиделся А. М. Бык.— Можно и перечислением. Готов продиктовать вам наши банковские реквизиты. Будете записывать?

— Буду,— сказал Тригорьев и полез в карман за записной книжкой.

Такая вот была интересная беседа.

XIII

Что, неужели еще разговоры не кончились?

Вот — нет еще. Да и что удивительного? Эпоха разговоров на дворе. Минули времена, когда разговаривали разве что на кухне, да и то далеко не на каждой. Нынче словно бы вся страна превратилась в огромную кухню, потому что говорят везде: на съездах, в Верховных Советах, на заседаниях, совещаниях, митингах, на работе и дома, в очередях, где покупают, и в тех, где сдают, где получают, где меняют, где... Много говорят, громко, со вкусом. И ведь хорошо говорят! И одни — хорошо, и другие, те, что против — тоже ладненько. Их бы словами — да кого-нибудь в ухо. Стоит ли после этого удивляться тому, что и в нашей повести — говорят, говорят, говорят, так что ни ушей не хватает — слышать, ни рук — записывать.

И вот еще один разговор. Может, хоть этот будет последним — на время, по крайней мере.

Этот разговор вот так случился. Амелехин Андрей Спартакович, умерший тогда-то и воскрешенный тогда-то (а что, ведь чего доброго появится когда-нибудь в анкете и такой вопрос — если сохранятся до того времени анкеты), вышел из дома, как мы помним, чтобы разыскать профессора и с ним поговорить, предупредить его о милицейском внимании — наверное, в благодарность за оказанную ему, Амелехину, услугу. Тут надо пояснить, что профессором Доля Трепетный называл не кого иного, как Землянина — просто потому, что более уважительного обозначения не знал. Помимо чисто этических, были у Амелехина на этот счет еще и другие соображения, как мы чуть позже если не увидим, то уж услышим обязательно. Вот почему Амелехин тоже явился в кооператив. Пришел он туда несколько позже участкового инспектора, потому что предварительно еще кое-куда зашел, где его помнили, и по старым своим каналам — не по Беломорско-Балтийскому, нет — достал кое-что, дабы не являться к профессору с пустыми руками, что с его точки зрения было бы совершенно неприличным.

А. М. Бык к тому времени успел уже проститься с капитаном Тригорьевым, и когда Амелехин появился в дверях, консультант

по встречам как раз здоровался с другим посетителем, появившимся за несколько секунд перед Андреем Спартаковичем.

— А, Лев Израилевич, здравствуйте, шолом. Снова к нам? Но я ведь говорил вам: только людей в сборе. Отдельные части тела не производим. Я вас понимаю, Лев Израилевич, и сочувствую, но что поделаешь — до запчастей наука еще не дошла, ни для автомобилей, ни даже для людей...

— Нет, я к вам совсем по другому делу. Знаете, у меня идея. Можно сделать прекрасный гешефт, или, как теперь выражаются, бизнес. Колоссальный, уверяю вас. И работы немного.

— И что же вы надумали? — с непроницаемым лицом спросил А. М. Бык.

— Вот слушайте. Давайте сделаем Гитлера. А? А? Чувствуете?

— Бог с вами, Бог с вами, Лев Израилевич...

— Нет, вы послушайте. Мы воскрешаем Гитлера — это раз. И два — за валюту, за хорошие доллары продаем его — вы уже поняли, куда?

— Не в Германию, надеюсь — сейчас, после объединения...

— Ох, ну что вы, как у вас язык повернулся... В Израиль, конечно! Для всенародного суда! Вы помните процесс Эйхмана? Помните, помните, я знаю. Так вот — это мелочь по сравнению с процессом Гитлера, вы понимаете? И я вас уверяю — такой процесс окажет хорошее влияние и на тех, кто сегодня снова — даже и у нас здесь, вы понимаете... Тут ведь двумя годами лагеря не отделаться... И на журнал «Юный штурмовик» тоже... Поверьте мне, это прекрасная мысль!

— Мысль изумительная,— согласился А. М. Бык.— Но надо ее, конечно, всесторонне проработать. Знаете что? Вот я освобожусь сегодня, зайду вечерком к вам, если вы не против; у меня, знаете, есть такая бутылочка — прихвачу с собой... Посидим, посмотрим телевизор, потолкуем и о вашей идее без помех, а то тут, сами видите... Вы ко мне, гражданин?

Эти слова были обращены уже к Амелехину, вот уже несколько минут стоявшему близ стола и прислушивавшемуся к разговору.

— Привет, начальник,— выразил он почтение А. М. Быку.— Профессор действует?

А. М. Бык, прощаясь со Львом Израилевичем, лишь механически кивнул в сторону внутренней двери, к которой Амелехин незамедлительно и направился. Он беспрепятственно отворил дверь — ту самую, из которой только вчера вышел,— и оказался в помещении, громко называвшемся лабораторией, в котором священнодействовал или попросту работал сам Землянин. Мы с вами здесь уже бывали одновременно с капитаном Тригорьевым, так что вновь описывать обстановку не станем. Скажем лишь, что тут куда громче, чем ночью, что-то дышало, что-то пожужживало вокруг, поми-

гивало, пощелкивало и позвякивало, а пахло на этот раз не кислотой, а лавандой — потому что Вадим Робертович после бритья пользовался именно «Лавандой», а не «Консулом» или чем-нибудь еще. Сам источник этого запаха сидел за угловым столиком, спиной почти упираясь в теплый цилиндр (Вадим Робертович с детства любил тепло) и, подперев скулы пальцами, о чем-то думал — так сосредоточенно, что на возникновение перед ним Амелехина отозвался не сразу.

Амелехин же никаких особых приветствий или приглашений и не ожидал. Он, не теряя ни мгновения, ногой пододвинул стоявшую неподалеку кухонную табуретку, сел на нее, извлек из бывшей при нем черной пластиковой сумки увесистый сверток, развернул, обнажив старинные часы с нимфой, и поставил их на стол. Часы удивленно пробили десять раз, и лишь на эти мелодичные старинные звуки Землянин поднял, наконец, глаза.

— Что вы хотели? — спросил он, все еще отвлекаясь мыслями.— Принесли данные? Давайте.

И он протянул руку.

— Вот, профессор, принес,— сказал Амелехин и осторожно подвинул часы по столику.— В благодарность. Порядок знаю.

— Простите? — сказал Землянин.— Это почему?

— Затуркался совсем, профессор? — вздохнул Амелехин.— Не срисовал, что ли? Вчера только меня отсюда на волю выпускал. Из этого вот изолятора,— и он указал пальцем на ванну.— Что, уже новый варится? — полюбопытствовал он.— И долго это? Сколько, например, я у вас в ней пролежал?

Вот когда Землянин наконец узнал своего пациента.

— А, это вы,— сказал он.— А я смотрю — как будто знакомое лицо, а кто — сразу не вспомнил. Здравствуйте, Андрей... Андрей...

— Можно без отчества,— сказал Амелехин, помнивший, как в детстве дразнили его Андреем Динамовичем. Это, между прочим, свидетельствует о высоком качестве землянинской работы — то, что даже детские воспоминания сохранились у реставрированного.

— Ну что вы,— сказал Землянин,— неудобно как-то. Хорошо, что вы зашли. Как себя чувствуете? Какие ощущения? Не возникает ли каких-нибудь неудобств — телесных, психических?

— Да нет вроде,— ответил Амелехин, подумав.— Вот только наколка исчезла. Как и не было. Попадешь опять на нары — за фраера примут. Ну ничего, это дело поправимое.

— Вы думаете? — сказал Землянин.— Да, разумеется, это уже чисто внешний, так сказать, не органический признак... Но можно и не восстанавливать, не так ли? Однако что это вы принесли? Прелестные часы... Только зачем?

— В благодарность, я же сказал. Не то себя уважать перестал бы.

— Ну, я просто не знаю,— стал стесняться Землянин.— Неудобно. Да и потом, я бы сказал, даже противозаконно...

— Стоп! — сказал Амелехин и поднял руку.— Насчет закона — все в ажуре, глядь буду. Ах, извините, вырвалось. Ну...— он чуть подумал,— зуб даю, что никаких неприятностей. Их в розыске нет и не было. Часики чистые.,

— Но я не могу взять...— сказал Землянин несколько растерянно.

— Обижаете,— не согласился Амелехин.— Я простой человек. Не надо простым человеком брезговать. Мало ли.

— Ну что вы, что вы! — морально засуетился Землянин, которому с детства казалось самым постыдным — если тебя обвинят в пренебрежении простым человеком. Интеллигенция вообще позволяет всем и каждому пренебрегать ею, но сама — ни-ни! Не так она воспитана.— Я нимало не хотел обидеть... Я вас очень уважаю, и я понимаю... Но знаете, как-то неудобно просто...

В ответ на это Андрей Спартакович разъяснил, что если что и неудобно, то это снимать штаны через голову, а также пользоваться бутылкой в одной естественной ситуации.

— И учтите,— сказал он затем.— Мало ли у кого бывают какие трудности. В случае чего — только кивните. Телефончик мне свой дайте — буду позванивать. Хозяйство ваше растущее, я вижу, так что всякие жизненные вопросы могут возникнуть.

Слово «трудности» задело в Землянине слабую струну.

— Да, трудностей хватает, и у вас тоже,— согласился он, невесело усмехнувшись.— Вот хотя бы с документами. Моя мама — она еще раньше вас вернулась, самой первой — очень страдает без документов. Да что я вам объясняю...

Амелехин в ответ пожал плечами.

— Тоже мне,— сказал он,— вот уж трудность нашли. У меня, к примеру, завтра все корки будут. Мамаше вашей нужно? Сделаем в два счета, какие угодно. По первому классу.

— То есть, вы хотите сказать,— насторожился Землянин,— что эти документы будут, если можно так выразиться... поддельными?

— Да что вы! — обиделся Амелехин.— Что мы, настоящие достать не сможем?

— Но, так сказать, в обход закона? — доискивался Вадим Робертович.

— Профессор! — сказал Амелехин проникновенно.— Закон обойти невозможно, потому что если ты прямо идешь, тебе ни одного закона на пути не попадется, гля... зуб даю! Вот если все законы соблюдать, то и надо петлять из стороны в сторону, потому что они все растут в разные стороны, и чтобы один соблюсти, надо два других нарушить. Тебе, профессор, что требуется: закон или ксивы?

Я же за них ни с тебя, ни с мамаши твоей ничего не возьму!

— Нет, нет,— сказал Землянин, собрав всю решительность.— На это моя мама никогда не пойдет. Совершенно исключается. Вот если бы существовал законный способ... Но, понимаете, везде отказы, отказы...

— Отказы — это для лопухов,— сказал Амелехин.— Но и по закону, конечно, тоже можно. Запросто. Только неудобно. Сказать?

— Если вам не трудно,— проговорил Землянин с надеждой.

— Чего тут трудного. Она ведь сейчас по закону — чистый бомж. Бродяга. Бумаг нет, прописки нет, ничего нет. Ну, так чего же еще?

— То есть как?

— Ей теперь надо только пойти и сдаться.

— И все-таки не понимаю.

— В милицию сдаться, что ж мудреного?

— Ну, Андрей, что вы...

— Да погоди. Смотри: вот сдалась она милиции. Теперь: для милиции она кто? Отвечаю: злостный нарушитель паспортного режима. Законным образом передают ее в суд, и она получает свой срок.

— Да вы что — неужели хотите ее в тюрьму?..

— А в тюрьме — не люди сидят? Срок она получит легкий, отбудет шутя. Ну, год, скажем. Статья пустяковая. Люди вон по десятке ломают... Зато выйдет она на волю с казенной справкой. По закону, как вам охота. А по справке оформят ей и чистые корки, и все прочее, что полагается. И прописка, и разное такое все идет само по себе, она ведь не урка. Теперь усек?

— Господи! — только и сказал Вадим Робертович.— Странная у вас какая-то логика, но все же — логика, нельзя отрицать. Однако же, год тюрьмы для немолодого человека... страшно!

— Да почему же в тюрьме? — спросил Андрей Спартакович.— В колонии, на свежем воздухе. На лесоповал ее не пошлют, и на химию тоже.

— Но вокруг — преступники...

— Да какие там преступники,— сказал Амелехин и поглядел, куда бы сплюнуть.— Сявки, салага. Настоящие разве там?

— А где же?

— Газеты читаешь? Ящик смотришь? Чего же спрашивать? А за нее не бойся: ее там обижать не будут. Это уж я устрою.

— По закону обойти закон! — сказал Землянин, покачивая головой и изумляясь.— Немыслимо!

— У нас немыслимого нет,— уверил Амелехин.— Страна такая. Великая. Ну, ладно. Я зайду еще, подскажу, чего ей с собой надо взять, а остальное потом подошлешь, передачки поносишь...

Он кивнул и вывинтился из лаборатории.

Землянин несколько оторопело смотрел ему вслед, забыв даже о часах, исправно тикавших на столе. Посочувствуем ему. Когда дают — надо уметь взять, но и не взять — тоже надо уметь, и тут, и там нужна если не практика, то хотя бы некий заблаговременный настрой. А если неожиданно дают неподготовленному человеку, то он от растерянности не то что часы — он мину с часовым механизмом возьмет, пятисекундного действия...

Наконец Землянин отвернулся от двери. Совсем выбил его Амелехин из рабочего настроения. Он смотрел на презентованные ему часы, пока не сообразил, что смотрит он именно на часы, чьи стрелки показывают самое начало обеденного перерыва.

Тогда он встал и вышел в приемную. А. М. Бык все еще трудился, а в уголке сидела какая-то девушка. Землянин никогда раньше ее не встречал, но если бы тут все еще находился Тригорьев, он девушку сразу опознал бы: это ведь она заговорила с ним вчера вечером в двух шагах отсюда.

Землянин посмотрел на нее, а она посмотрела на него. И ощутила, видимо, к этому человеку вдруг большое доверие. Встала и решительно подошла к нему.

— Скажите,— проговорила она.— Это вы все это делаете?

Странно, но он понял ее сразу.

— Да,— сказал он.— Это все я делаю.

— Мне надо поговорить с вами. Можно?

— Я обедать иду,— сказал Землянин нерешительно.— Может быть, пойдемте вместе? И поговорим заодно.

— Да,— сказала девушка.

И они вышли вдвоем.

XIV

На этом бы нам и закончить первую — предварительную, так сказать, часть нашего повествования. Потому что после нее, весьма вероятно, последует некоторый перерыв во времени. Но именно это не позволяет нам обойти вниманием еще несколько встреч, не зная о которых, мы вряд ли сможем быстро и правильно разобраться в дальнейшем.

Постараемся, впрочем, рассказать о них так кратко, как только возможно. Дело в том, что жизнь-то продолжается. И пока мы описывали предыдущую встречу и пытались воспроизвести столь богатый содержанием разговор ее участников, Борис Петрович — тот самый, кого мы встретили не так давно в обществе матушки Землянина,— успел уже обратиться (предварительно, разумеется, созвонившись) в Большой дом на Лужайке и договориться о встрече.

Его приняли там очень любезно, даже больше — по-дружески, и не выказали никакого удивления по поводу его вторичного возник-

новения в сей юдоли слёз — потому, может быть, что внезапные смерти мало кого удивляют, а следовательно, и внезапные воскрешения не должны удивлять. По логике так выходит. Во всяком случае, Борису Петровичу никакого вопроса по этому поводу задано не было; однако ему вопросов не нужно было, он ведь и пришел для того, чтобы все доложить, проинформировать, как положено, и предупредить, что вот возникло такое явление — восстановление в жизни самых разных людей, в том числе, возможно, и недостаточно проверенных — и что на него, на явление это, безусловно, следует обратить пристальное внимание. С ним на эту тему побеседовали, по-дружески расспросили, заверили, что внимание, безусловно, обратят, что ему, Борису то есть Петровичу, очень благодарны, и что приятно, когда ветераны не теряют связи с родным учреждением и даже вот в таких, прямо сказать, нештатных обстоятельствах не забывают зайти. Что же касается бытовых проблем, то его на этот счет успокоили, сказали, что может жить спокойно, все надлежащее ему незамедлительно оформят и неотложными нуждами его займутся, так что и пенсия будет восстановлена, и документы все выправят, и насчет жилья, хотя и трудно, но похлопочут, чтобы не стеснять ему родных детей. То есть, отнеслись к нему действительно по-дружески и серьезно, не тратя времени на восклицания вроде «Не может быть!» и «Что вы говорите» — потому, видимо, что знали: все может быть, потому что всякое бывало, всякое бывает и, следовательно, всякое может случиться.

Хотя, если вдуматься, тут все-таки возникнут, пожалуй, некоторые сомнения. Не слишком ли все-таки спокойно его на Лужайке встретили? Уж не было ли там заранее известно, что Борис Петрович пожалует? А значит — не было ли там и без его информации ведомо, что людей уже воскрешать начали? Конечно, такое предположение кажется нам маловероятным и особого доверия не заслуживающим: и в самом деле, откуда бы им знать это? Совершенно, вроде бы, неоткуда! И тем не менее, мы об этом поразмыслим, как только выдастся свободная минутка.

А сейчас обратимся ко встрече совсем другого рода, которая состоялась в тот же день, но позже, уже после конца рабочего времени в большинстве учреждений. Консультант А. М. Бык шел по Колхозной площади — просто затрудняемся сказать, как он туда попал и зачем,— и вдруг — было это как раз напротив редакции «Медицинской газеты», к которой А. М. Бык, честное слово, никакого отношения не имеет,— к тротуару вильнула и остановилась черная «Волга» с государственным номером, правая дверца распахнулась, и из нее на тротуар вышел человек, которого мы с вами уже где-то встречали, и не далее, как нынче утром. Человек этот бросился наперерез А. М. Быку и схватил его за руку.

— Аркашка! — сказал он с упреком в голосе.— Тебя искать —

мозоли на сердце наживешь! Где это ты так законспирировался?

Что сказать об этой встрече? Нет, напрасно все-таки порой упрекают у нас руководящих работников из партийного и всяких других аппаратов в том, что зазнаются они, теряют живую связь с массами и не знают жизни. Если бы так — ни за что не скомандовал бы Федор Петрович своему водиле остановиться, завидев на тротуаре А. М. Быка, друга своего еще с самых ранних детских лет. Проехал бы Федор Петрович мимо, и лишь вскользь подумал, может быть, что в детстве человек судьбы своей не знает и потому друзей не выбирает, а в зрелом возрасте просто обязан выбирать и вовсе не обязан возобновлять хотя и старые, но сомнительные знакомства. Но ведь все же остановил Федор Петрович машину и лично сам выскочил, нагнал, окликнул...

— Привет, Федя,— сказал А. М. Бык в ответ, сделал шаг назад и критически оглядел волговского пассажира, и его хороший серый костюм оглядел, и галстук, и туфли, и шляпу — все как бы излучавшее информацию о зарубежном, более того — об очень западном происхождении.— Альпинистом сделался? Покоряешь вершины власти? И как оно там, на вершинах?

— Неплохо, неплохо. Но разве чем-нибудь заменишь незабвенное детство? Я как-то даже искал тебя, но помощник доложил, что у тебя телефона нет — или есть, да ты его засекретил.

— Ах, вот как,— сказал А. М. Бык.— И зачем же ты меня разыскивал? Сентиментальность одолела? На тебя непохоже.

— Ну, как сказать,— слегка усмехнулся Федор Петрович.— Допустим, понадобился мне совет умного человека. Ты ведь умный?

— С детства,— сказал А. М.— А что тебя волнует? Партийными проблемами я не занимаюсь.

— А, кстати, чем ты действительно занимаешься?

— Я, Федя,— сказал А. М. Бык,— сейчас сижу на таком деле, что из золота мы будем вскоре разве что унитазы делать, как советовал один ваш классик.

Вместо ответа Федор Петрович окинул Быка весьма критическим взглядом.— Не шибко-то похоже,— сделал он вывод.

— Федя! — сказал А. М. невозмутимо.— Учти: я сейчас выгляжу как американская финансовая акула, а ты — как чиновник из ее банка. Что же касается совета, то посидеть вместе вечерок я могу, но только не сегодня: обещал уже одному старику. И, кстати, не хочу опаздывать.

— Подвезу,— быстро сказал Федор Петрович.— А ты мне расскажешь про свое дело. Не бойся, дороги не перебегу.

— Знаю, что не перебежишь,— согласился Бык.— И захотел бы, да не сможешь: дело — уникальное!

Федор Петрович подвел А. М. Быка к машине и сам распахнул заднюю дверцу.

— Тебе куда?

— По кольцу.

— Медленно,— сказал Федор Петрович шоферу.— Ну, рассказывай.

Отчего же и не рассказать было, не ущипнуть немножко самолюбивого старого приятеля? Бык и рассказал. Федор Петрович слушал все внимательнее. И одновременно думал свою думу.

Ибо Федор Петрович с легкой внутренней дрожью понимал, что приходит к концу обширный и значительный этап его биографии, с кабинетами и лимузинами, уровнем снабжения и здравоохранения, влиянием, поездками и многими другими приятными и полезными вещами. Нет, не сегодня еще, конечно, и не завтра, но, основательно задумавшись по совету друга Коли, он пришел к выводу, что, плохо или хорошо, все кончится, когда ему еще далеко будет до пенсии — да и какой еще эта пенсия будет, кто сейчас мог сказать? Да, творилось, если вдуматься, страшное. Исчезал мир. То, что казалось на веки вечные вырубленным в скалах, на самом деле оказалось основанным на льду, и стоило климату немного потеплеть, как все двинулось, поползло, стало обращаться в жидкость, просто-напросто в воду, в которой надо было или плыть, или тонуть — третьего не давалось. Нет, то не оттепель уже была, какую в свое время благополучно пережили, тут потопом пахло. И самое время было, не полагаясь более на «авось пронесет», строить ковчег, причем без всякой надежды на скорое возвращение голубя с образчиком растительности в клюве.

Если бы еще была какая-то гражданская специальность, хотя бы формально позволявшая вовремя уйти в какое-нибудь промышленное, торговое или иное перспективное дело. Однако со младых лет он ходил в руководителях — комсомольских, спортивных, профсоюзных и наконец партийных, и все, что он знал, были правила этой игры, законы аппаратной борьбы и выживания. Нынешнее свое занятие он в нечастые минуты внутренней откровенности характеризовал как сухую перегонку дерьма в идеологию. И отлично понимал, что из этого сырья ничего другого не сделаешь, кроме органического удобрения,— но сама мысль о чем-то, связанном с сельским хозяйством, его пугала страшно: оно означало для всякого разумного работника пожизненную ссылку и крушение надежд. Что же касается конечного продукта, им производившегося, то в нынешние времена его никто не хотел брать, даже и с доплатой.

Нет, воистину Божий промысел был в том, что он заметил на улице Аркашку Быка, а заметив — велел остановиться, сам даже не зная, чего ради. Теперь-то он знал; сидя в машине, он слушал этого самого Быка, и от перспектив голова начинала кружиться куда быстрее, чем «волгины» колеса.

И в самом деле: тут сразу же возникала совершенно ясная про-

грамма действий. То, что сейчас делает Бык — это даже аморально: плодить нищих и бесполезных людей. Вроде этой самой... как ее? Ну, той, что у него не далее как сегодня была. Нет, дело так и просилось на мировой рынок. Надо было сразу же создавать совместное производство — то есть, организовать смешанное предприятие, лучше всего советско-американское. Или с японцами. А может быть, и с южнокорейцами, с которыми сейчас уже пошла робкая любовь. Секретом производства ни в коем случае не делиться, но затребовать оборудование и принимать заказы за валюту. Для строительства предприятия нужно теперь же подыскать местечко в его районе — или, может быть, не для предприятия, но для штаб-квартиры; насчет же самого предприятия — подумать, кого можно позвать в дело из обкома или облисполкома, и найти местечко в области, где в скором времени возникнет целый центр — с гостиницами, торговлей, может быть, даже «фри шоп», и всем таким прочим. На внутреннем рынке выполнять строго ограниченное количество тщательно просеянных заказов, и цены установить разумные, чтобы не вызвать недовольства у населения; зато уж с иностранцев — брать, не кладя на руку охулки. Конечно, одним такого дела не сдвинуть; придется обращаться к другим людям, пока еще нынешнее правительство держится; обратиться — равносильно «заинтересовать». Чем? Задай кто-нибудь этот вопрос, Федор Петрович лишь улыбнулся бы: тут уже сама причастность к делу давала такую заинтересованность для любого смертного, с которой вряд ли что-нибудь другое могло сравниться.

— Аркаша! — сказал он.— Если я правильно ваш технологический процесс понял, вам ведь не обязательно, чтобы покойник был? Данные ведь можно и у живого получить, и сохранить, сколько потребуется?

Бык ответил не сразу: ему потребовалась секунда, чтобы оценить весь масштаб неожиданного поворота мыслей его собеседника.

— Ничего, у тебя варит,— сказал он даже с некоторым уважением.— С живых — даже лучше. Проще и качественней.

Вот! Вот на что сразу вышел Федор Петрович, вот за что наперебой полезут помогать ему самые крупные капиталисты — в нашем смысле слова: у нас даже и сегодня еще единственный реальный капитал, который никакая денежная реформа не поколеблет, есть связи (причем по непонятному упущению Минфина капитал этот даже не облагается никакими налогами — это в наши-то дни!).

Вот какие соображения вихрились в голове хозяина черной «волги» с казенным номером.

— Ну, Аркаша, думаю, мы с тобой договоримся,— такими словами возобновил он разговор.— Идея у вас, действительно, богатейшая, но бензина явно маловато. Ничего, дело поправимое. Значит, так. Вы пока работайте потихоньку, а я вам в ближайшее время

подброшу спецзаказик — чтобы убедить кое-кого. А пока вы будете его выполнять — по высшему классу, без дураков — я, надо думать, подготовлю условия для совместного предприятия. Расклад такой: я — генеральный директор, ты — коммерческий, этот твой профессор, или кто он там — научный руководитель, остальную команду я подберу, сам понимаешь: подбор и расстановка кадров — залог будущих успехов...

— А тебя, Федя,— проговорил А. М. Бык,— пока еще в дело не приняли. Так что сбавь обороты. Пока скажу только: подумаю над твоим вариантом. Ну, вот здесь меня можно выпустить. Пойду, выпью с ветераном водочки, поговорю о политике... Старик внутренние дела хорошо комментирует.

Федор Петрович покровительственно усмехнулся.

— Ну-ну, убивай время. Даже завидую...

Он бы и сам рад убить вечерок на легкую болтовню обо всем и ни о чем,— так следовало понимать эту усмешку,— но дела не позволяют, важнейшие государственные дела. Однако вслух он ничего такого не сказал. Раньше, когда власть обходилась без трансляций, каждому легко было поверить, что там, где решались какие-то важные вопросы, и Федор Петрович непременно присутствовал. Думать иначе как-то даже неудобно было. А теперь не так уж трудно стало увидеть, кто там решает, а кто — нет...

— И привыкай, привыкай, Аркаша, масштабно мыслить, широко. Избавляйся от своих местечковых размахов!

Этими словами он укрепил свое пошатнувшееся было моральное состояние, попрощался с А. М. Быком и вновь вернулся на переднее сиденье «волги».

Вот, значит, вам и второй существенный разговор. А дальше?

Дальше расскажем, пожалуй, и о том, как участковый инспектор, капитан Тригорьев, после известного нам собеседования с А. М. Быком (ну прямо нарасхват наш А. М., бывают же такие всем необходимые люди!) поехал в свою конторку под вывеской ОПОП, и там, без труда разобравшись с текущими делами, предался нелегким размышлениям.

Потом что Павел Никодимович испытывал крайне противоречивые чувства, что вообще-то бывало с ним очень и очень не часто.

С одной стороны, после всех сегодняшних разговоров Тригорьев полностью уверился в том, что практика обследованного им, расположенного на территории вверенного ему участка кооператива вела к систематическому возникновению в этой жизни вообще, и на его участке — в частности, людей, не только не имеющих документов, что полагались каждому гражданину, но лишенных даже и самого гражданского состояния, и мало того: обделенных даже надеждой приобрести и то, и другое в обозримом будущем — во всяком случае, законным путем. Уже само существование таких людей,

а следовательно, и всякое попущение их появлению в жизни, являлось, таким образом, нарушением закона и должно было незамедлительно и эффективно пресекаться.

Однако с другой стороны капитан Тригорьев был человеком, и ничто человеческое не было ему чуждо. В том числе и самая обычная доброта и милосердие. И вот эти чувства заставляли его радоваться тому, что мертвые воскресали: любой нормальный человек, сознательно или нет, ко всякому противостоянию смерти всегда относится с одобрением. А фантазия, которой он тоже не был совершенно лишен, вдруг, в минуты самых напряженных внутренних борений, заставляла его увидеть улыбающегося Витю Синичкина выходящим из кооперативного подвала живым, здоровым и готовым возобновить несение прервавшейся не по его вине службы.

То есть, воспитанный службой, дисциплинированный рассудок требовал, чтобы деятельность кооператива была, самое малое, приостановлена до той поры, когда на соответствующих уровнях будет улажен вопрос о правовом статусе воскрешенных.

Чувства же требовали, чтобы доброе дело (явление, в наши дни дефицитное, как и многое другое, впрочем) было не только не запрещено, но, напротив, поддержано всяческими силами и средствами, какие только имелись в его, капитана, распоряжении.

Две силы схватились — и ни одной не удавалось одержать верх.

Капитан Тригорьев долго сидел, невидяще глядя на шероховатую поверхность своего письменного стола, пока не понял, что никакого гражданского мира в его душе не наступит: его доселе единое Я разделилось пополам, и каждая половина, словно союзная республика, стремилась провозгласить независимость и реализовать ее. Так что капитану Тригорьеву приходилось сейчас немногим легче, чем президенту СССР — если, конечно, внести поправку на масштабы проблем.

Придя к такому неутешительному выводу, капитан вздохнул и достал из стола чистый лист бумаги. И на этом листе написал обстоятельный рапорт по начальству обо всем, что знал, и видел, и слышал — не прибавляя ничего, но и не убавляя.

А закончив, поставив число и расписавшись, Тригорьев еще раз вздохнул, аккуратно сложил рапорт вдоль и поперек и, вместо того, чтобы направить его туда, куда он и был адресован, спрятал важный документ в бумажник, бумажник же — в собственный карман. Таким оказался компромисс, к которому пришли обе его половины.

И вот пока все о нем.

Наконец последнее, о чем нельзя не упомянуть прежде, чем завершится нынешний, столь богатый событиями день.

Когда Землянин после работы вернулся домой, мама сказала:

— Вадим, у меня к тебе серьезный разговор. И просьба. Которую, я надеюсь, ты выполнишь, не увиливая, как бывало.

Землянин несколько испугался. Потому что именно таким тоном и примерно с такими же словами мама обращалась к нему, когда знакомилась с очередной женщиной, которая, по ее мнению, могла бы составить счастье ее сына — потому что долг каждого человека перед природой, обществом и государством заключается, конечно же, в том, чтобы оставить потомство, и вообще — крепкая семья есть, как известно, ячейка государства, его, так сказать, первичная организация. Но разговаривать на матримониальные темы с обсуждением подобранных мамой кандидатур Вадим Робертович сегодня был расположен еще менее, чем когда-либо; уверяем вас в том, что на сей раз дело не столько в его упрямстве было, сколько в том, что у него возникли на то определенные причины, в которых ему самому хотелось еще разобраться. Он с облегчением воспринял последующие слова мамы, повернувшие его мысли совсем в ином направлении.

— Ты должен,— сказала мама торжественно,— работать как можно больше. И сделать так, чтобы в наикратчайшие сроки число таких, как я, беспрáвных людей, выросло во много раз. Ты понял? Потому что только в таком случае мы сможем успешно бороться за наши права. Сделай все! Расширяй производство, прояви деловую активность и коммерческую инициативу, завяжи связи по горизонтали и вертикали, кооперируйся с другими предприятиями — одним словом, сделай все, что сегодня рекомендуют наши выдающиеся экономисты и политики,— но добейся того, о чем я говорю! В конце концов, ты возвращаешь нас на этот свет, а значит — ты и в ответе за нашу судьбу. Ты понял меня, сын?

— Понял, мама,— ответил Землянин, чувствуя, что хочет он того или нет, но мама его права.

«Господи,— подумал он,— почему я не могу просто работать, заниматься своим делом, право же, хорошим делом; почему я должен, кроме этого, еще и что-то доказывать, пробивать, оправдывать; почему...» Он, может быть, и еще дальше зайдет в своих рассуждениях на эту тему. Но мы с вами тут его покинем. Потому что нечто подобное каждый из нас не раз себе говорил и повторял, и ничего нового для нас в таких мыслях нет и быть не может.

Впрочем, откровенно говоря, мы не вполне уверены в том, что именно об этом будут его размышления. Да-да, это именно намек на то, что теперь у него возник и другой повод для серьезных раздумий и даже некоторых планов.

Дело в том, что на завтрашний день...

XV

Если говорить честно, завтрашний день мы хотели сделать своего рода выходным: избавить Землянина от нашего общества и позволить ему самому, без подсказки, разобраться в своих личных, только что возникших делах.

При этом мы, однако, упустили из виду, что Вадим Робертович в делах такого рода — сущий младенец и без дружеской помощи людей опытных, чего доброго, все испортит, желая, разумеется, сделать все, как лучше. И решили, что разумно будет все же находиться где-то вблизи от него, чтобы, с одной стороны, без нужды не вмешиваться, но с другой (а она всегда бывает, эта спасительная другая сторона!) все видеть и слышать, чтобы уж в самом крайнем случае все-таки вмешаться и спасти дело от полного провала.

Завтрашний день выдался воистину необычным.

Начать с того, что Вадим Робертович не пошел в кооператив. Это было что-то небывалое. С минуты открытия кооператива Землянин ни одного дня не пропускал. Включая субботы и воскресенья. Потому что оживление людей — процесс непрерывный, подобный, скажем, выплавке стали. А кроме того, останься Землянин дома, он просто не знал бы, чем себя занять. И, вернее всего, сидя перед телевизором или держа в руках журнал, все равно думал бы о том же самом: о своей работе. Но ведь ясно, что о работе удобнее всего думать именно на работе, где все под руками.

Из этого наблюдения, кстати, вытекает, что Землянин был представителем очень редкой категории людей, а именно — людей счастливых. Потому что он, во-первых, мог заниматься — и занимался действительно — именно тем, чем хотел, своим делом, а не чьим-то другим. И во-вторых — потому, что (до сих пор, по крайней мере) ничего, кроме этого, он и не хотел.

И вот вдруг — Вадим Робертович с утра звонит верному А. М. Быку и заявляет, что сегодня на работе не появится. И в достаточной мере сбивчиво оправдывается тем, что сегодня никого запускать не надо, а процесс выполнения очередного заказа находится в самой спокойной стадии, так что если А. М. Бык время от времени будет заходить в лабораторию и поглядывать на приборы...

— Хотя,— торопливо завершил Землянин,— может быть, к вечеру я загляну все-таки. Но не сейчас. У меня... срочные дела.

— Вы не простудились, Вадим Робертович? — деликатно поинтересовался А. М. Бык в ответ.

— Ни в коей мере,— уверенно ответил А. М. Быку его шеф.— Чувствую себя прекрасно. Как никогда ранее.

И он решительно положил трубку и выбежал на улицу.

Вы уже поняли. Да-да, вот именно. У него было назначено свидание. И, разумеется, именно с той девушкой, которую он вчера пригласил пообедать вместе.

Вот так бывает в жизни: существует человек спокойно, не ожидая никаких осложнений, кроме неизбежных, запланированных и привычных. Но вдруг появляется такая маленькая, хрупкая, большеглазая девушка с тихим голосом — и погиб глава чудотворного кооператива.

Или, по крайней мере, полагает, что погиб.

Потому что если до сих пор ему казалось, что смысл его пребывания на Земле заключается в воскрешении людей, то теперь внезапно оказывается: главное — не воскресить, но рассказать об этом девушке, рассказать подробно, чтобы получить в ответ ее взгляд, исполненный уважения и даже, кажется, восхищения.

Землянину не пришло в голову, что неплохо было бы, например, пригласить девушку в ресторан или еще куда-нибудь в этом роде. Он как-то сразу почувствовал, что суетность ей чужда, что она — человек во многом не от мира сего, и все модные и престижные развлечения для нее означают столь же мало, как и для него самого. А не почувствуй он этого, она и не задела бы его душу.

И вот они бродили, бродили, бродили по улицам и переулкам великого и грязного города, и Землянин говорил, говорил, говорил не уставая. И все об одном: о своей работе.

А девушка терпеливо слушала. Кажется, даже с интересом. И задавала вопросы.

Правда, началось не с этого.

Началось с того, что, когда они встретились в назначенный час (вы не поверите, но девушка не опоздала ни на минуту), Землянин застенчиво извинился: — Вы простите, как-то уж так получилось... Я вчера не успел спросить, как вас зовут.

Глядя себе под ноги, она смущенно ответила: — Сеня.

— Сеня? — удивился он.— Вот оригинально. А почему Сеня?

— Потому что Арсена,— пояснила она. Есть такой рассказ: Арсена Гийо. Мама его очень любила. И назвала так...

— Это прекрасно! — воскликнул Землянин, но тут же увидел, что девушка, вспомнив о своей маме, погрустнела вдруг и даже отвернулась — может быть, для того, чтобы он не заметил ее слез.

— Да вы не волнуйтесь, Сеня! — горячо заговорил он.— Все с вашей мамой будет в совершенном порядке, она снова появится, и вы будете жить с ней. Уверяю вас, все будет просто чудесно!

Тут Сеня подняла на него глаза.

— Правда? — тихо проговорила она.— Знаете, я, конечно, уже слышала об этом, но как-то до сих пор по-настоящему не верю. Вы и в самом деле умеете воскрешать людей?

— Ну,— сказал Землянин,— мы, собственно, это так не называем, у нас другая терминология... но можно, конечно, и так сказать. Не верите? Ну, вот моя мама, например. Ее ведь тоже... не было некоторое время. А теперь она прекрасно живет! Да вот вы заходите к нам — познакомитесь с нею, поговорите и убедитесь...

— Спасибо...— почти прошептала она.— Но это и в самом деле... чудесно! Вы действительно чудотворец!

— Ну, что вы, Сеня! Никаких чудес, только расчет и знания.

— Наверное, это очень страшно,— сказала она.— Мне даже

холодно становится, когда представлю: ночь почему-то, кладбище, разрывают могилу...

Землянин искренне рассмеялся.

— Ну, что вы, Сеня, при чем тут кладбище? Прах усопших мы не тревожим. Он нам не нужен. У меня совсем другой принцип.

— Но ведь нужна же, наверное, какая-то основа?

— Основа? Но вот если, допустим, решат восстановить храм Христа Спасителя, что же прикажете — основой считать бассейн «Москва»? Или разыскивать именно те самые кирпичи, из которых храм был сложен? Кирпичи-то будут другими, надо полагать?

— Ну да, конечно,— сказала Сеня и слабо улыбнулась.— Вы меня простите, я такая глупая...

— Ну, что вы,— не согласился он.— Вы... вы... Одним словом... Да, чтобы восстановить храм, придется исходить из фотографий, чертежей, планов, воспоминаний... Но ведь вы не можете взять, скажем, фотографию, пусть даже рентгеновский снимок, поманипулировать с ним — и оживить. Это, быть может, одному Пигмалиону удавалось... А использовать их все же необходимо. Вот вы находитесь здесь. А еще лучше — дома, где посторонних совсем нет или их бывает очень мало...

— У меня никого не бывает,— зачем-то вставила Сеня.

— Это очень хорошо... Да, и вот когда вы там находитесь, незримая для глаза запись вашего присутствия происходит на всем окружающем: стенах, полу, потолке, мебели — не говорю уже о вашей одежде. Как на фотопластинке или, скорее, как на видеопленке. Но не только ваша внешность запечатлевается: ведь каждая клетка тела излучает, и сумма этих излучений так же неповторима, как узор на коже ваших пальцев. Отпечатки пальцев существовали всегда, но не сразу люди нашли способ их использовать. То же самое и в нашем случае. Невидимые отпечатки людей на всем окружающем существовали всегда, сколько существует человечество, но вот только недавно мне удалось найти методику их считывания и фиксации. Таким образом мы приходим к, условно говоря, рабочим чертежам, и это будет именно ваш чертеж — не мой, не Петрова и не Сидорова, причем вы на этом чертеже окажетесь именно такой, каковы вы сегодня — или были в момент, к которому записывать нет надобности, потому что она и не гибнет, это каждому ясно...

— Вы не обижайтесь,— сказала Сеня и дотронулась до его руки.— Я ведь сказала, что я глупая... Но ведь все-таки надо, чтобы душа это созданное вами тело как-то... ну, одушевила?

— Ну естественно,— сказал Землянин так, если бы ему предложили доказать, что один на один равно двум.— Она и одушевляет.

— Как?

— Знаете, Сеня,— сказал Землянин после небольшой паузы,— тут есть всякие технологические и другие тонкости, и без специаль-

ной подготовки их трудно... Я ведь ни одного из своих открытий и изобретений пока не патентовал и не собираюсь, откровенно говоря, так что не могу даже дать вам что-нибудь почитать по этому поводу... А знаете что? Если это дело вас интересует не только из-за мамы, но и, так сказать, более широко — идите ко мне работать ассистентом, что ли... Все поймете, всему научитесь и станете сами оживлять людей... Разве это не благородное дело, которому стоит посвятить себя?

— Ой, Вадим Робертович, вы серьезно?

— Неужели, Сеня, я стал бы с вами шутить об этом!

— Ну, я не знаю... Я ведь вас совсем не... Да и вы меня...

— Ну, хорошо, Сеня,— сказал Вадим Робертович как только мог решительно.— Давайте сделаем так: над моими словами вы подумаете, немедленно отвечать не надо. Поймите только, что люди нам все равно понадобятся: за нашим делом — громадное будущее! Это сегодня наш кооператив еще беден и не может позволить себе... Но именно потому всякий, кто сейчас придет нам на помощь...

— А как вам представляется будущее?

— Ну, это настолько ясно... Мы будем в специальных помещениях записывать людей еще при их жизни, желательно в годы расцвета человека, или, как говорили древние, акмэ. И впоследствии, если будут заявки на реставрацию этой личности, ее без всяких сложностей можно будет восстановить в наилучшем варианте...

— А кто же будет подавать такие заявки?

Землянин моргнул.

— Ну, собственно, о таких деталях мы еще не думали, да и это, мне кажется, вопрос непринципиальный. Может быть, какие-то собрания граждан, комитеты, не знаю... Главное, что люди, чтобы удостоиться впоследствии такой заявки, волей-неволей начнут жить как-то лучше, станут честнее, добрее, отзывчивее, стремясь завоевать авторитет, уважение, любовь окружающих, наконец...

— И настанет царство Божие на Земле,— сказала Сеня.

— А вы не верите? Но в бессмертную душу — верите?

— Вадим Робертович... вы воскресите мою маму?

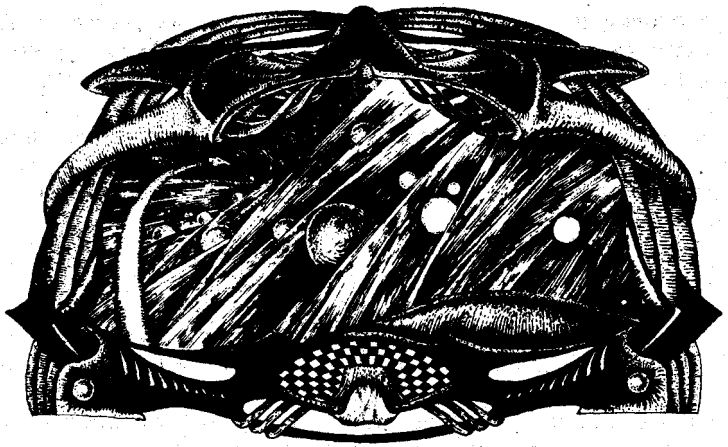
— Я ведь обещал уже! Неужели вы думаете, что я способен обмануть вас? Вас!

Что-то такое прозвучало в его голосе, что Сеня внимательно взглянула на него и потупилась.

— Хотите,— сказала она,— я вам почитаю стихи?

— Конечно, хочу! — не задумываясь, ответил Землянин...

Но тут мы с вами их покинем. Нескромно было бы и дальше подслушивать, а кроме того, как раз наступило самое время нам немного перевести дыхание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Грузовик ревел, как разъяренный буйвол, тупым носом едва ли не расталкивая толпу; люди расступались неохотно — казалось, опасность попасть под колеса мало кого пугала, словно бы все перестали бояться смерти. А может быть, так оно и было? Грузовик вновь и вновь взрыкивал, выпускал, подобно каракатице, синий непрозрачный шлейф, удушливый к тому же, шофер, до пупа высунувшись из окошка, извергал разные обороты речи, столь же плотные, как и выхлопные газы — ничто не помогало, и уже представлялось, что машина так никогда и не прорвется сквозь сплоченные ряды, не достигнет двора, забитого людьми еще плотнее даже, чем переулок. Двор был обильно расцвечен лозунгами и плакатами, вроде: «Ветераны имеют право!», «Заказам коренных москвичей — зеленую улицу!», «Партия коммунистов-монархистов призывает к восстановлению исторической справедливости», «Верните нам бабушек!» — да всего и не перечислишь, и не надо. Малочисленная группа милиционеров с трудом защищала рейчатую дверь кооператива от вторжения массового заказчика; капитан Тригорьев, надсаживаясь, что-то кричал толпе, но за ее слитным гулом ни слова не разобрать было, никакое усиление не помогало. Просто с ума сойти, что творилось нынче во Втором Тарутинском переулке, да и вчера, и позавчера ничуть не легче было.

Грузовик наконец остановился, всего лишь на десяток-другой

метров не довезя груз: большие аккуратные ящики из гладко обструганных досок с черными маркировочными надписями не по-русски. Шофер бесприцельно плюнул и закурил сигарету. Людей скапливалось все более. Кто-то истошно взывал: «Какой список идет? От какого числа?», в ответ ему другой не менее зычно добивался ясности: «Где запись? Заново кто записывает?». Совсем рядом с кабиной грузовика двое обменивались информацией: «Говорят, запись уже на следующий год идет, на апрель месяц».— «Нет,— отвечал собеседник,— вроде бы на июль уже». Тут в разговор негромко, ненавязчиво вступил третий: «Хотите быстрее? Здесь кооперативчик такой образовался, гарантируют исполнение за месяц». «Сколько берут?» — полюбопытствовал первый. «Шестьсот за голову»,— кратко ответствовал предлагавший. «Ничего,— буркнул второй,— обойдемся». Борец за быстрое обслуживание не стал уговаривать — видимо, не очень-то гонялся за клиентурой пиратский кооператив, шестьсот рублей для многих теперь были деньгами несерьезными, большинство платило, не торгуясь.

Вдруг шум усилился, но не повсеместно, а избирательно — в одном только направлении, и там началось некоторое дополнительное движение: люди сжимались, освобождая проход. Это появились среди людей двое, направлявшиеся к кооперативу, сразу узнанные многими: А. М. Бык шел, а с ним — Федор Петрович, оставивший казенную «волгу» на площади: ее здесь вряд ли встретили бы доброжелательно. Перед ними двумя и теснились люди, выделяя пространство для пути. Федор Петрович лишь солидноукоризненно приговаривал: «Товарищи, товарищи...», Бык ступал молча, с видом крайне озабоченным. Завидев несколько в стороне застрявший грузовик, он сразу же повернул туда — люди и здесь очищали дорогу, хотя нельзя сказать, что кооперативные дельцы шли беспрепятственно: то один из толпы, то другой хватал за плечо, за рукав, заговаривал, пытался всучить какое-то письмо или кто знает, что там было; А. М. Бык никак не реагировал, Федор же Петрович никак не мог отказаться от привычного словечка: «Товарищи, товарищи...». К грузовику их все же пропустили. А. М. задрал голову. «Ты что загораешь?» — поинтересовался он сердито. «А тут проедешь? — обоснованно возразил водитель.— Сунется какая-нибудь глядь под колеса — ты сидеть будешь?». Не вступая в дискуссию по существу, Бык влез на высокую подножку и обратился к окружающим — негромко вроде бы, но все оказалось слышно: «Прошу пропустить машину с оборудованием, учтите: чем скорее смонтируем, тем больше примем заказов». Тут же отыскались в толпе энтузиасты порядка, заговорили, обращаясь к совести и разуму, стали теснить других, расчищая на этот раз уже широкую дорогу, шофер немедля завел мотор и тронулся. А. М. Бык так и не слез с подножки и ехал теперь, гордо возвышаясь над толпой,

на лице его было выражение, как у гумилевского капитана — брабантские манжеты, правда, отсутствовали. Федор Петрович — ничего не поделаешь — шел вплотную за грузовиком, стараясь не отстать, но выражение лица имея такое, словно грузовик специально и ехал только для того, чтобы расчистить ему, Федору Петровичу, дорогу. Дышать, правда, трудно было, черт знает что испускал грузовик из выхлопной трубы, однако на что не пойдешь ради успеха любимого дела, а Федор Петрович успел уже кооперативное дело полюбить куда больше партийной работы — хотя связей с последней еще не порывал, потому что политическая погода была двусмысленной какой-то, звезды то затуманивались, то снова начинали сверкать ярко-ярко — звезды на генеральских погонах, конечно, другие Федора Петровича не интересовали.

Доехали. А. М. Бык тут же стал скликать доброхотных грузчиков. Федор Петрович не забывал добавить: «И список, товарищи, составьте всех, кто будет участвовать, список учтем!». Уговаривать не пришлось, ящики сняли и понесли на руках бережно, как сырые яйца — хотя от последних уже как-то отвыкли, но навыки сохранились. Милиционеры у дверей вежливо пропустили начальство и снова неумолимо сомкнули строй; правда, никто и не пытался прорваться: все понимали, что там, за дверью, идет тонкая работа и помехи только повредят. А. М. Бык и Федор Петрович вступили в лестничную прохладу и полумрак. «Уф»,— сказал Федор Петрович, утираясь платком. «А ты как думал?» — ответил на это А. М. Бык.

Но и тут, внизу, покоя не было. Та часть подвала, что не столь давно еще дремала в пустоте и паутине, явно преображалась: ремонт уже завершился, на забетонированном и покрытом пластиком полу монтировали оборудование, шесть ванн стояли в ряд, не такие, как та, первая — старая бытовая, с отколовшейся местами эмалью, но шведские, фаянсовые, белоснежные, со специальными креплениями для колпаков, накрывавших их во время процесса. Дальше, позади операционного зала — так называлось теперь это помещение,— в другой комнате, тоже просторной, где капитан Тригорьев едва не сломал ногу при своем незаконном вторжении в кооператив — стояли компьютеры, другая дверь вела в щитовую, еще одна — в растворную (конечно, не раствор для каменщиков приготовлялся там, но те тонкие субстанции, из которых все мы состоим — и вы, и вы тоже). Складское помещение оказалось слишком тесным, настоящий склад еще предстояло создать. «Дозаторы привезли,— сказал А. М. Бык бригадиру монтажников (кооперативных, разумеется, высокооплачиваемых, но зато и работяги были сплошь кандидаты и доктора технических, один только затесался физико-математических, и еще один, что было вовсе уж непонятно — филологических наук),— и центрифугу тоже. Сейчас

начнут спускать. Готовы?». Бригадир только кивнул, не теряя времени на разговоры.

Отсюда А. М. Бык и Федор Петрович направились на старую территорию — в ту, левую половину подвала, где еще недавно А. М. тратил свое драгоценное время на то, чтобы лично объясняться с заказчиками. Теперь на его месте (но стол был уже другой, куда более достойный) сидел молодой человек, так одетый и причесанный, что его и в Министерство Иностранных дел не стыдно было бы посадить; у Федора Петровича таких молодых людей было множество на примете, с улицы сюда никого не брали.

До сих пор мы с вами попадали в этот подвал в идиллические времена, когда тихо здесь было, тепло и спокойно. Не то теперь. В комнатке толпились стар и млад, обоего пола. Тихий старичок, неиссякаемо печальный, сидел на стуле в дальнем от двери углу, и непохоже было, чтобы ему удалось когда-либо обратить на себя внимание; то же хотелось сказать и о двух старушках, оттесненных к самой стене — но терпение старости бывает беспредельным (терпеть — единственное, чему учит нас долгая жизнь), и старушки такие в конце концов своего все же добиваются. В большинстве же тут был народ тертый в очередях, ничего и никого не пугающийся и не смущающийся, привыкший ходить по чужим головам, переть грудью, разгребать локтями, а то и кулаками окружающую субстанцию, и если потребуется, хоть по потолку, но добираться до нужного места. Вот куда уходит энергия, сэкономленная в производственном процессе, которому беззаветно предаваться мы давно уже разучились. Как можно в такой обстановке работать, нам лично совершенно непонятно; молодого человека, однако, она нимало не беспокоила, и он вдумчиво, не тратя лишнего времени, разговаривал с очередным клиентом, кому повезло только что опуститься на тот самый стул, на котором сиживал при нас капитан Тригорьев, участковый инспектор.

— Итак,— сосредоточенно спрашивал молодой человек,— сколько лет, вы говорите, было утраченному?

— Тринадцать,— отвечал собеседник, непроизвольно всхлипывая.

— Значит, год рождения семьдесят седьмой... Имя, отчество, фамилия? Не спеша и отчетливо, пожалуйста.

— Блажной. Блажной Иван Федорович...

— Какова же причина столь печального события?

— Это какого события? — звучало настороженное.

— Да смерти, понятно. Умер, умер отчего?

— Да от старости, от чего же другого. Пора пришла, и умер. И убедительная просьба — вернуть безутешным...

— Так-с. Блажной Иван Федорович, умер от старости... Э-э, постойте-ка!

— Нет, это вы погодите! Как это — умер? Кто?

— Блажной Иван Федорович. Только как это — от старости в тринадцать лет от роду?

— Да вы что говорите-то! Вот он — я, перед вами сижу. Блажной Иван Федорович. Что же вы меня прежде времени хороните? Я жаловаться буду!

— Это вы — Блажной?

— Кто же еще?

— И верно. В таком случае, кто покойник?

— Ну Чарлик же!

— Полностью — фамилия, имя, отчество...

— Да какое отчество, если он кот?

— Кот? — Как ни странно, молодой человек ни в малой мере не утратил самообладания.— Не по адресу обратились. Животных не восстанавливаем. Только людей.

— Ну,— звучало уже не агрессивно, а почти ласково.— Раз людей можете, то уж одного котика для вас — раз плюнуть. Вы уж окажите содействие, я вам очень благодарен буду...

И рука просителя сделала как бы непроизвольное, легкое, но для внимательного взгляда ясное движение к внутреннему карману.

— Котов не восстанавливаем,— повторил молодой человек в той же тональности.

— А вот и нет! — заговорил заказчик уже целой октавой выше.— Восстанавливаете котов. Доказать могу! Значит, только своим, да? Так получается?

— Было два таких случая,— с неиссякаемым терпением объяснил молодой человек.— Кот и канарейка. Их запись не удалось отфильтровать от записей основного объекта, и они восстановились. Как своего рода побочные явления. Если бы вы заказали восстановление кого-либо из близких, то случайно могло бы и там... Но вы же видите — мы и людей всех не можем удовлетворить, а вы хотите, чтобы мы на кошек время и место расходовали. Негуманно, гражданин.

— Кого-нибудь из близких,— сказал Блажной Иван Федорович,— мне в наши времена не прокормить. Сами знаете. А на кота еще хватило бы...

Но на лице молодого человека уже возникло такое фундаментально-непреклонное выражение, что неудачливый заказчик невольно приподнялся, а клиент, дышавший ему в затылок, сделал движение, чтобы занять стул — и с изумлением убедился, что на стуле уже сидела одна из тех старушек, которых только что едва не по стене размазали — и уже объясняла свою потребность невозмутимому молодому человеку...

А. М. Бык и Федор Петрович увиденным остались довольны

и вышли, чтобы теперь подняться по лестнице наверх. Не так давно тут еще жили люди, однако, благодаря усилиям Федора Петровича и вложенным средствам, весь этаж теперь был освобожден, и в нем разместилась контора с бухгалтерией и прочими нужными подразделениями. У А. М. Быка был тут свой кабинет, а для Федора Петровича помещение только еще ремонтировалось, поскольку он пока еще не переизбрался и ждал конференции. Перед кабинетами, как и полагается, находилась приемная, небольшая, но комфортабельная. В ней за изящным столиком сидела секретарша, дама неполного среднего возраста, эффектная и строгая; на вошедших она, однако же, взглянула ласково. Звали даму Сирена Константиновна.

— Что нового, Рена? — поинтересовался А. М. Бык прежде, чем проследовать в кабинет.

— Все в порядке,— ответила она голосом низким и приятным.— Принято шестнадцать заказов, два выданы, два в процессе.— Данные эти она считала с дисплея, поскольку ее рабочее место было оборудовано компьютером (ай-би-эмовским: отечественный — слишком большая редкость).

— Каменный век,— сказал А. М. Бык, обращаясь к обоим присутствующим.— Если мы вскоре не начнем выпускать продукцию сотнями, народ нас просто растерзает.

— Почему у вас окно закрыто? — недовольно спросил Федор Петрович.— Задохнуться можно.

Задохнуться, правда, помешал бы кондиционер, но с открытым окном было бы, конечно, еще лучше.

— Галдеж,— ответила Сирена Константиновна.— Невозможно работать, Федор Петрович.

И, словно подтверждая слова секретарши, гул за окном еще усилился. А. М. Бык подошел к окну и решительно распахнул его. Сирена Константиновна зажала уши. Бык высунулся.

Дополнительный шум возник оттого, что какая-то не очень многочисленная группа людей, при галстуках и кейсах, ухитрившись как-то пробиться к милицейскому посту, теперь весьма желала быть пропущенной, в ответ на что капитан Тригорьев просил не создавать беспорядка и встать в общую очередь на запись. Главарь же группы, потрясая каким-то удостоверением, настаивал на своем.

— Павел Никодимович! — крикнул сверху А. М. Бык.— Кто это там качает права?

Участковый инспектор пожал плечами.

— Да какая-то ревизия вроде...

— Что за ревизия? — насторожился А. М. Бык.

— Что за ревизия? — транслировал капитан Тригорьев.

— Районного финансового отдела,— холодно ответил предво-

дитель группы.— И налоговой инспекции. Согласно решению райисполкома.

— Пропустите,— распорядился А. М. Бык, выпрямился, затворил окно и сказал соратникам:

— Новые новости.

— Что там? — поинтересовался Федор Петрович.

— Ревизия районного масштаба.

— Ага,— сказал Федор Петрович и ухмыльнулся.— Не выдержал все-таки коллега. Решил подставить ножку.

— Кто?

— Да здешний хозяин. Считает, что я ему дорогу перебежал. А кто виноват, если он вовремя не подумал, куда податься... Сирена Константиновна! Соедините меня с — ну, вы знаете: с Седовым.

— Сию минуту,— откликнулась секретарша с готовностью.— Из кабинета?

— Да,— согласился Федор Петрович.— Так, чтобы я с ним говорил, когда они войдут.

— Думаешь? — спросил А. М. Бык.

— Так лучше,— ответил Федор Петрович.

— Тебе виднее,— согласился А. М. Бык.— А не покатят потом?

— Кому? — спросил Федор Петрович с обильной иронией в голосе. Бык только кивнул, считая, видимо, тему исчерпанной.

Федор Петрович скрылся в кабинете, а в приемную уже входили ревизоры.

Было их, ни много, ни мало, семь человек, все — в государственных, в узенькую полосочку, костюмах, аккуратненько причесанные и крайне серьезные. Возглавлял их небольшого росточка рыжеватый мужчина с гордо запрокинутой головкой.

— Безмыльцев! — представился он громко и отчетливо.— Попрошу указать нам удобное для работы место и выдать всю документацию.

— Прошу в кабинет,— сухо пригласил А. М. Бык.

— Одну минуту,— остановил его Безмыльцев.— Хочу заранее предупредить вас: в случае, если помещение нас не удовлетворит, будем разговаривать в моей машине, где все сказанное запишется на магнитофон. И уж будьте уверены, вы скажете все, что я от вас потребую!

— Прошу,— еще суше повторил А. М.

В кабинет все они вошли как раз в тот миг, когда Федор Петрович говорил в телефон:

— Николай Варфоломеевич, опять работать не дают, снова какая-то ревизия, уж не знаю, чего они хотят, просто делами некогда заниматься. Никак не могут отрешиться от навыков, понимаешь ли, командно-бюрократической системы...— Он помолчал и послушал.— Кто возглавляет? Сейчас...

— Безмыльцев,— подсказал А. М. Бык.

— Безмыльцев,— сказал Федор Петрович в трубку.— В кино? Не знаю, может и тот самый... Ах, вы знаете? Стукач? Ну, может быть, нам-то от этого что? Да пусть он хоть десять раз бабник, это еще не основание, чтобы он являлся сюда с какой-то шайкой...

— Я попрошу! — грозно сказал Безмыльцев.

— Пожалуйста,— сказал Федор Петрович, протягивая ему трубку, из которой и сейчас доносился чей-то командный голос.

Товарищ Безмыльцев сделал отвергающий жест.

— Не хочет разговаривать,— перевел Федор Петрович это движение на язык слов.— Примете меры? Хорошо, Николай Варфоломеевич, мы рассчитываем. Да? Не сомневайтесь. Все будет в порядке.

Он положил трубку.

— Я человек твердый и решительный,— отрекомендовался Безмыльцев.— Так что будьте любезны выполнить мою просьбу. Учтите: у меня и здесь в кейсе имеется включенный диктофон.

— А пожалуйста,— сказал А. М. Бык.— Работать можете здесь. Это, конечно, чужой кабинет, но другого пока предоставить вам не можем. Документацию? Сию минуту.— Он подошел к столу, нажал кнопку.— Сирена Константиновна? Документацию, пожалуйста, ревизорский комплект.

Уже в следующую секунду в кабинете возникла Сирена Константиновна, державшая в руках стопку футляров с дискетами.

— Вот здесь все, пожалуйста,— сказала она и положила дискеты на стол.

— Тут все, с самого начала деятельности,— сказал и А. М.— Ну, не будем больше отвлекать вас. Работайте.

Наступила пауза.

— А, собственно, где же документация? — не совсем уверенно спросил один из узкополосатых.

— Вот это она и есть,— сказал А. М. Бык.

— Где же накладные, платежные требования, соглашения, ведомости, договоры?

— Да здесь все! — повторил А. М. Бык с некоторым уже нетерпением.— Вам что, бумажки нужны? Это, извините, уровень застойного периода. Вот компьютер — приступайте...

— Попрошу не саботировать! — грозно произнес Безмыльцев.— Немедленно предоставьте все необходимое!

— Им, наверное, распечатки нужны,— предположила Сирена Константиновна.

— Ну, это вам придется неделю ждать,— сказал А. М. Бык с некоторым пренебрежением в голосе.— У нас и бумаги столько нет в конторе, шутка ли. Что же, приходите завтра, что-нибудь попробуем...

Полосатая шестерка нерешительно глядела на Безмыльцева.

— Хорошо,— сказал он твердо и решительно.— В таком случае, сегодня мы ознакомимся с вашим производством. Все равно нам предстоит все проверить на вредность, на экологичность, уровень охраны труда...

— И пожарную опасность,— подсказал один полосатик.

— И пожарную опасность, вот именно.

— А пожалуйста, проверяйте,— сказал А. М. Бык, делая широкий жест.— Здесь, в приемной, в прихожей — где угодно.

— Нам угодно прежде всего в цех,— сказал Безмыльцев.

— А в цех посторонним доступ запрещен,— сообщил А. М. Бык.

— Значит, мы, по-вашему, посторонние?

— Федор Петрович,— сказал А. М.— Разве они только по-моему посторонние?

— Я стою на той же точке зрения,— ответил Федор Петрович.— А вы, Сирена Константиновна, как полагаете?

— О, точно так же,— сказала Сирена Константиновна, обаятельно улыбаясь.

— Ах, вот как! — сказал Безмыльцев грозно.

Неизвестно, что услышал бы он в ответ. Но как раз в этот миг за окном снова усилился шум, производимый прежде всего чьим-то пронзительным голосом — и голос этот, видимо, был знаком Безмыльцеву. Он заторопился к окну.

— Отворите, пожалуйста! — выразил он настойчивое пожелание.

А. М. Бык с готовностью отворил, и Безмыльцев высунулся.

— Эсхил Вильямович! — завидев рыжую головку, возопил обладатель оперного фальцета.— Там на углу вашу «вольву» шпана курочит, стекла уже повыбивали, сейчас крышу топчут!

— Милиция! Куда смотрит милиция! — твердо и решительно воззвал Безмыльцев.

Милиция, стоявшая внизу, именно в это время с интересом смотрела на него, не покидая, однако, доверенного ее вниманию поста.

Товарищ Безмыльцев сделал движение, едва не перенесшее его по другую сторону окна, но вовремя удержался и повернулся к присутствовавшим в кабинете.

— Вот видите,— с грустью сказал Федор Петрович.— А поговорили бы с Николай Варфоломеичем, может быть, и обошлось бы добром...

Безмыльцев дико глянул на него и вылетел в дверь, с места развив вторую космическую скорость. Его команда последовала за ним — без такой, впрочем, прыти и с выражением сдержанного сочувствия на лицах.

— Есть мнение,— сказал Федор Петрович,— считать инцидент исчерпанным.

— Целиком поддерживаю,— ответил А. М. Бык.— Давайте-ка работать, дела невпроворот... Как, заказ Тригорьева у нас пошел в производство?

— Сейчас в процессе,— немедля ответила Сирена Константиновна.

— Надо, надо,— одобрительно сказал Федор Петрович.— Они по совести служат.

— Только ли они,— сказал А. М. Бык.

Федор Петрович лишь усмехнулся.

II

Многое изменилось, не правда ли, с тех пор, как мы впервые оказались под кровлей кооператива?

А ведь скоро сказка сказывалась, да не скоро дело делалось. Ускорилось же оно тогда, когда А. М. Бык совместно с Федором Петровичем решили, что есть уже все основания выводить кооператив на глубокую воду.

Механизм такого вывода прост, хорошо отработан и обоим нашим деятелям (впрочем, Федору Петровичу в большей степени) был досконально известен. Поэтому начали они с того, что пригласили журналиста из большой и популярной газеты «Дни нашей жизни».

Газетчик направлялся на свидание с кооператорами без особого воодушевления. Захваченный, как и все мы, магистральными событиями преобразования нашей жизни, он занимался в эти дни преимущественно тем, что пытался проанализировать сходства и различия великого множества рецептов радикального и коренного улучшения экономики, политики, экологии, морали и нравственности — того великого множества, какое к описываемому нами времени успело не только возникнуть, но стало уже как-то и надоедать всем, начиная с первых людей руководства и кончая контингентом домов для престарелых. Однако, увидев и услышав, корреспондент, что называется, загорелся и набрал материала на три больших стояка в газете, из которых после всех сокращений, неизбежных в любом периодическом издании, два четырехколонных стояка все же получились и были опубликованы почти без промедления как раз в дни переговоров между Президентом СССР и Председателем Верховного Совета РСФСР по поводу пятисот дней.

Разговор с журналистом происходил в той самой лаборатории, где в те дни стояла, как мы помним, всего лишь одна старая ванна, в которой тем временем возникал очередной клиент. Присутствовали, кроме обоих директоров, Землянин и девушка Сеня, к тому времени начавшая уже постигать тайны необычного ремесла, которое, подобно шахматам, относилось частью к науке, частью же к ис-

кусству, и только от игры в нем ничего не было, и от политики, возможно, тоже. Сеня, впрочем, в разговоре не участвовала, хотя корреспондент и пытался было ее вовлечь; вообще, у мужчин при виде ее почему-то сразу возникало желание вовлечь ее во что-нибудь. Сеня не поддалась и лишь тихо сидела в теплом уголке на табуретке; было у нее такое свойство — присутствуя, как бы исчезать для всех, как если бы она умела становиться невидимой. Потом, по ходу разговора, появлялись в лаборатории и другие люди. Но не станем забегать вперед.

Журналист, увидев обстановку лаборатории, сперва покрутил носом: впечатления вся эта свалочная арматура не производила. Нехотя стал он слушать, потом потребовал доказательств, еще потом — свидетелей. Предусмотрительный А. М. Бык их, как вы уже поняли, подготовил, и когда пятым по счету дал свои показания капитан милиции Тригорьев, журналист уже почти поверил, когда же — шестым — перед ним предстал Амелехин А. С. и мягко и проникновенно сказал: «Писатель, глядь ты, глядь, слушай внимательно, банные ворота, пусть мне спать у параши — здесь не лапшу варят, тебе на уши вешать, глядь буду, верь профессору, он меня лично вытащил, я там полный срок отлежал — десятку в строгой изоляции, и это, хочешь, вся кодла тебе подтвердит — хочешь, глядь?»,— когда он это сказал, журналист поверил окончательно и стопроцентно и зарядил в аппарат новую кассету. Потом свидетели вышли, причем с порога Амелехин еще раз намекнул: «Смотри, глядь, если что не так будет — как бы не пришлось профессору и тебя вытаскивать, а очередь сейчас длинная, успеешь отвыкнуть жить!» — но это уже лишнее было, газетчик уже уверовал и стал сторонником и даже поклонником.

Вот и все, чем мы хотели предварить официально опубликованный текст. Копирайт, напоминаю, принадлежит газете «Дни нашей жизни», при перепечатке ссылки на нее обязательны. Привыкайте вести себя по-людски.

«*Журналист:* Знаете, Вадим Робертович, даже в наше время коренных перемен как-то трудно всерьез произносить и принимать такие сочетания слов, как «воскрешение людей», к которым мы всю жизнь относились, как бы сказать, несерьезно, что ли. С вами так не было? Вы сразу привыкли?

Землянин: А мы этих слов как раз и не употребляем. Они, я бы сказал, слишком эмоциональны, а у нас тут на протяжении почти всего процесса — точная наука и техника. Восстановление — вот термин, которым мы чаще всего пользуемся. Восстановление народного хозяйства, восстановление ленинских норм партийной жизни — это ведь все было? Ну, а у нас — в буквальном смысле слова восстановление человеческой личности. Всего лишь, и никаких эмоций.

Ж.: И вот вся эта техника, все то, что я вижу вокруг...

А. М. Бык: Производит убогое впечатление, не так ли? Да, это все буквально подобрано по домам, по свалкам, начинали ведь с нуля, денег не было, спонсоров так и не нашли... Но ведь не это главное. Вот вы — человек пишущий и знаете: разве для того, чтобы написать хорошую книгу, обязательно нужен мраморный стол? Нет, на мраморном хорошо играть в биллиард, а книгу можно и на кухонном написать, и на табуретке можно. Вот мы и начинали с табуретки.

Ж.: И добились, судя по тому, что я увидел и слышал, блестящих результатов.

З.: Я бы так не сказал. Во всяком случае, если в слово «результаты» вкладывать практический смысл. Вот смотрите: процесс восстановления человека, или, как мы тут на своем жаргоне говорим, «ванна» занимает неполных четверо суток. Значит, если мы хотим восстанавливать ежедневно по одному человеку, нужны как минимум четыре ванны, а у нас — одна. А что касается самой теории и конструкторских разработок, то они возникли, когда кооператива еще не было, это продукт индивидуальной трудовой деятельности.

Ж.: Вашей деятельности.

З.: Ну, было бы глупо отрицать это. Но, как вы понимаете, моей заслуги в этом нет.

Ж.: Простите, но этого я как раз не понимаю.

З.: В самом деле? Ну, подумайте: Пушкин, скажем, создал великую поэзию. Или Гёте. Их ли это заслуга? Нет, я считаю — это заслуга природы, создавшей их такими. Ведь создание этой поэзии было для каждого из них делом естественным и необходимым, их способом жизни. Пушкин не заставлял себя работать, напротив — тяжело переживал, когда работать не мог. Понимаете теперь? Для каждого из нас сунуть, скажем, руку в огонь — противоестественно, болезненно, опасно, для того, чтобы сделать это, нужно заставить себя; вот за такой поступок человека надо хвалить, это его заслуга. А если некто, скажем, в жаркий день полез в воду купаться — это что, заслуга? Нет, это естественный и приятный поступок, природа создала человека так, что в жаркий день ему и приятно, и полезно охладить свои кожные покровы при помощи относительно прохладной воды, а потом за счет ее испарения с поверхности тела... Вот так и со мной. Природа создала меня способным на это, мне очень нравилось заниматься теорией, а теперь и практикой, в чем же моя заслуга? Нет, если хвалить, то скорее уж тех, кто дал мне возможность осуществлять мои замыслы — вот как присутствующие здесь, например...

Ж.: О них мы еще будем говорить. А сейчас хотелось бы услышать более конкретно: как вы начали думать об этом, как все стало получаться...

З.: Знаете, я не уверен, что удастся все вспомнить... мне кажется, вы непрочь настроиться на то, что я — какая-то необычная личность, этакий вундерменш или юберменш... А я человек совершенно обычный, я бы сказал даже — обыденный, и родился общепринятым способом, и рос, и учился, не перескакивая через классы, в самой обычной школе, без уклона, и в детстве мечтал стать моряком, а не физиком и не кибернетиком; и, когда приходило время, вступал, куда полагалось, а куда мне не полагалось по разным причинам — не вступал, и где не надо было быть — не бывал, и в чем не надо было участвовать — не участвовал, рос тихо, а потому и не привлекался, не подвергался и не имел. Зато поступил, хотя и с некоторым запозданием и не могу сказать что беспрепятственно, туда, куда хотел, а хотел я туда, где были теорфизика и кибернетика — тогда она только-только перестала быть буржуазной лженаукой. Учился неплохо, и неплохо же проходил практику на одном московском предприятии, так что хотя закончил и без красного диплома, но на меня уже была заявка, и я остался тут. Узкой специальностью моей были некие измерительные приборы...

Ж.: Вы не могли бы поточнее? Видимо, здесь вы приближаетесь уже к сути...

З.: К сожалению, поточнее не имею права.

Ж.: То есть я понимаю так, что за границу вы не ездите?

З.: Да, невыездной из соображений безопасности — но последний год уже... Зато по стране я поездил много. Вместе с моими приборами, разумеется, то есть теми, в разработке которых принимал участие, меньшее или большее, и которые я обслуживал, и уже считался заметным специалистом в этой узкой области... Кстати, именно в одной из командировок, когда проводилась очередная серия измерений — ну, после испытания изделия — мне удалось подметить один побочный, возникавший в процессе измерений эффект. Он был непредвиденным и, кроме того, совершенно ненужным, никому не мешавшим и не помогавшим — однако же, неизбежным. Ну вот, чтобы вам было яснее, приведу такой пример: ночью в темноте вы, чтобы увидеть нечто, вам нужное, направляете на него луч света. И видите. При этом вам все равно, начало ли это «нечто» при освещении отбрасывать тень, или нет: она вам не помощь и не помеха, ее вполне могло бы не быть — однако же она есть, и без специальных ухищрений вам от нее не избавиться. Вот мне и удалось увидеть нечто, в принципе подобное этой неизбежно возникающей тени. Самое удивительное — что я почти сразу догадался о сущности явления, но понимание перспектив пришло позже, куда позже!

Ж.: То есть, именно тогда и совершилось открытие? Что же — вы выскочили из ванны с криком «Эврика»?

З.: Не совсем так. И по многим причинам. Во-первых, я был

одет, а ванны в радиусе многих километров просто не было, да и выскакивать из укрытия в тот миг было бы крайне опасно для здоровья. А во-вторых, я люблю семь раз измерить, а потом еще семь, и только тогда хвататься за ножницы. Так что тогда я просто-напросто промолчал. Зато очень много думал. Потом, через несколько месяцев, было еще одно испытание — и эффект подтвердился и на сей раз. Еще через полгода — то же самое. А в промежутках сперва были одни только мысли, потом уже кое-какие прикидки на бумаге,— перейти на компьютер я еще не решался, мне казалось, что это нарушило бы интимность процесса, все-таки компьютер — это не я, это уже кто-то другой... Попытки найти нужную математику, потом стали появляться какие-то схемы, крайне примитивные, наивные, как я сейчас вижу... Но если неотступную мысль можно без особых натяжек сравнить с обуявшим бесом, то могу сказать, что лукавый уже вселился в меня и чем дальше, тем больше одолевал и толкал на всякие, не очень разумные, быть может, поступки. Во всяком случае, тогда так казалось.

Ж.: Например?

З.: Ну, например, я добился перевода из моего учреждения в другое, хотя при этом потерял очень ощутимо в зарплате.

Ж.: Перестали платить за степень?

З.: Нет, остепениться я и до сегодня не собрался, как-то не было нужды... Просто там должность была пониже, да и уровень всего хозяйства другой. Зато я получил доступ к вычислительной технике такого уровня, какой... какой я даже и не знаю, откуда у нас возник. То есть откуда географически — ясно, но каким образом...

Ж.: Ну, в конце концов это не имеет решающего значения. Важно то, что вы туда попали.

З.: К тому времени я уже достаточно четко представлял те возможности, какие раскрывал мой побочный эффект, и угадывал даже тот путь, каким следовало двигаться, чтобы осуществить эти возможности на практике. Пришла пора создавать принципиальную конструкцию аппаратуры, а затем и перевести замысел с бумаги в материал.

Ж.: И тогда...

З.: Нет, совсем еще не тогда. Я понял лишь, что мне надо уйти и из этого учреждения, чтобы пополнить мое образование, а именно — заняться химией. Это, как вы понимаете, еще более разрушительно сказалось на моем бюджете...

Ж.: Интересно, как отнеслась к этому ваша семья? Жена?

З.: Ну что вы, я не женат и никогда не был. Конечно, такой жизни ни одна женщина, я думаю, не выдержала бы. Ну, может быть одна из десяти тысяч, но ведь ее еще найти надо. Инфляция уже и тогда ощущалась, хотя не так, конечно, как сейчас.

Ж.: Ну, это уже другая тема. Итак, пришла пора химии...

З.: Она завершилась почти одновременно с созданием первой действовавшей установки.

Ж.: Кто помогал вам в ее создании?

З.: Никто, я ее сделал сам, руки у меня растут нужным концом, недаром, наверное, предки мои были ремесленниками...

Ж.: Да, слава русских ремесленников известна.

З.: Совершенно верно. Мои предки, правда, были немецкими ремесленниками, но это дела не меняет. Если бы я сам не научился — не представляю, как смог бы я платить и слесарям, и стеклодуву, и электронщикам, да еще и несунам — тем, у кого приходилось доставать нужные детали... Одним словом, действующая модель возникла, и я стал думать об ее практическом применении.

Ж.: Вот тут мы подошли к вопросу, который меня очень интересует. Скажите, Вадим Робертович: вынашивая свой замысел и воплощая его в материале — думали ли вы о последствиях, какие неизбежно возникнут, если ваше устройство начнет применяться? Или для вас, как для многих представителей научного и технического мира главным было — создать, а там хоть трава не расти? Вы не думали о том, что ведь и впрямь бывает — трава перестает расти после реализации...

З.: Я понимаю вас. Но скажите, можно ли в этом винить творцов? Виноват ли Резерфорд в Хиросиме или Маркс в... много в чем? Ученый — не пророк, и если пытается пророчить, то, как правило, ошибается: познание сегодняшнего и предвидение будущего — вещи принципиально различные, да и некогда ученому всерьез предсказывать, это ведь страшно трудоемкое занятие, а он занят своими делами... Вообще я думаю, что это задача, решения не имеющая из-за внутренней противоречивости самой проблемы, в свою очередь проистекающей из внутренней противоречивости самого человека. Так что сколько бы мы об этом ни говорили...

Ж.: Следует ли это понимать так, что соображения чисто морального свойства вас не занимали? В морально-этическом аспекте вы все это не пытались увидеть, дать оценку?

З.: Таких аспектов может быть множество. Что конкретно вы имеете в виду сейчас?

Ж.: Вы ведь понимали, что сделали дело не рядовое, а принципиальное, последствия которого предусмотреть трудно, но сразу ясно, что они могут быть грандиозными. Так вот, не является ли отступлением от гражданской этики то, что вы не только не предоставили своего открытия государству, но даже словом не обмолвились, хранили втайне до поры, пока не возникла возможность использовать его в своих корыстных интересах. Вы уж не обижайтесь, Вадим Робертович, но ведь такая мысль неизбежно возникает.

З.: Нет, я не обижаюсь, вопрос совершенно уместен и, я бы сказал, закономерен. Да, среди многих путей реализации моих замыс-

лов я анализировал и этот. Скажу больше: одно время даже к нему склонялся. Однако по зрелом размышлении такую возможность отбросил.

Ж.: Почему же?

З.: Мне кажется, это легко понять, тут все лежит на поверхности. Во-первых, предоставить государству по сути значило — подарить, а я не столь богат, чтобы делать подобные подарки.

Ж.: Ну, почему же так? Неужели государство не вознаградило бы вас?

З.: Далеко не уверен. Для государства я просто изобретатель. Вам приходилось заниматься изобретательскими проблемами?

Ж.: Непосредственно — нет, но вообще-то я в курсе.

З.: Тогда незачем и объяснять. Пойти по этой дороге означало бы — похоронить мое дело без больших надежд на воскрешение. И за чисто номинальное вознаграждение. А через год-другой убедиться в том, что мои идеи и конструкции успешно используются — в Штатах, Японии, Германии, мало ли где, только не у нас.

Ж.: Но вы могли предварительно сделать сообщение в серьезном научном журнале, и тем самым обозначить ваш приоритет...

З.: Ну, в добродетельную науку я уже давно не верю. Она стала таким же средством завоевания теплого местечка под солнцем, как, скажем, управленческая карьера или торговля. Но допустим, я в какой-то форме предоставил бы свои материалы государству; как бы оно их использовало? Кто контролировал бы восстановление людей? Мы с вами? Вряд ли. И, следовательно, кого стали бы восстанавливать? Мне кажется, нет нужды объяснять. Я не хотел, чтобы моя работа стала еще одним источником привилегий — их и без того, по-моему, достаточно.

Ж.: Интересная позиция. Но скажите: насколько я понимаю, всех, на кого могут возникнуть заказы, вы восстановить не в силах?

З.: Разумеется, нет. Сейчас вообще речь идет о единицах, но даже и когда дело встанет на прочную основу, можно будет говорить лишь о каком-то небольшом сравнительно количестве...

Ж.: Мне только хотелось, чтобы вы сами это признали. Значит, какой-то отбор всегда останется необходимым?

З: Это не вызывает сомнений.

Ж.: И в то же время вы не хотите, чтобы этим отбором занималась, скажем так, авторитетная группа людей.

З.: Не хочу. Один великий человек, наш современник, в молодости способствовал решению крупнейшей научно-технической задачи, а потом, когда понял, какие опасности для людей таит в себе плод его труда, ему пришлось взывать к весьма, весьма авторитетным людям — и, как вы знаете, безуспешно. Я не хочу взывать и потому не собираюсь выпускать дело из своих рук.

Ж.: Но ведь кто-то же должен решать? Кто же?

З.: Я.

Ж.: Но почему именно вы? Считаете себя лучше, выше, справедливее других?

З.: Таких иллюзий не питаю. Но тут действует простая арифметика. Скажем, вы создали комиссию по отбору кандидатур — из десяти, допустим, человек. У каждого из этих десяти будет, самое малое, один свой личный заказ. И еще один — не свой, но, так сказать, лежащий близко к сердцу. А кроме того — у каждого будет право на свою ошибку. Вот вам десять спецзаказов, плюс еще десять и плюс десять ошибок. И это при условии, что в прочем комиссия будет единогласна. Но ведь так не бывает. Далее, сам состав комиссии станет предметом споров, дискуссий, торгов, компрометации, шантажа, интриг — и так далее, и тому подобное. Всего этого я хочу избежать. У меня был один личный заказ — его я уже реализовал; один, возможно, близкий к сердцу — его я реализую в ближайшем будущем. И, допустим, одна ошибка — ее, думаю, я уже сделал. Вот и все издержки. А споров о составе не будет: только я мог решить этот вопрос, и я его решил.

Ж.: Дорогой Вадим Робертович! Отдаю должное вашей убежденности, но ведь нельзя же так! Ведь не ребенок вы, а взрослый вроде бы человек, газеты читаете... Читаете?

З.: Не вполне регулярно... но вообще, конечно. И за съездами наблюдал, и за сессиями частично... Но у меня мама все читает и смотрит, она меня информирует о важнейшем.

Ж.: Значит, вы должны хоть в общих чертах представлять, что делается в стране!

З.: Естественно. Я вот ваши статьи с удовольствием читаю...

Ж.: Дефицит, инфляция, межнациональные конфликты, забастовки... Товарищ дорогой, мало ведь что-то изобрести, надо еще и подумать: ко времени ли? Чего сейчас от этого будет больше: пользы для страны, или вреда?

З.: Да какой же от этого может быть вред?

Ж.: Самый натуральный. Даже при беглом взгляде видно. Вот вы воскресили, допустим, свою маму...

З.: Восстановил. Да вы поймите правильно: тут дело не в том, что она — моя мама... Нет, и в этом тоже, конечно, но главное — есть ведь такая медицина, трагическая, когда врач новое средство испытывает на себе на первом. А я себя реставрировать, понятно, не мог, я жив пока, а два одинаковых Землянина — кому они нужны? Еще перессорились бы... Хотя, конечно, если бы мы сейчас работали вдвоем... Но это мне тогда просто не пришло в голову. А если не на себе, то испытываешь новое так, чтобы если и причинить кому-то боль, то лишь себе: а вдруг окажется что-то не так? Вот почему я, а не потому...

Ж.: Да не об этом речь! Но вот воскресили вы свою маму, да?

Пенсия сейчас ей требуется? Несомненно. А вы следили за продвижением законопроекта о пенсиях? Видимо, нет — иначе подумали бы. Пить, кушать вашей маме надо? И всем другим таким же? Безусловно. А у государства нет денег, и в стране не хватает продуктов, и здравоохранение разваливается — да мало ли...

З.: В конце концов, моя мама может на худой конец обойтись и без пенсии, я ведь работаю, и это для нее скорее моральный фактор. И при каждом заказе мы уточняем: берут ли на себя те, кто просит о восстановлении, обязательство содержать... Еда — ну, сколько она там съест, старый человек... Да и сам я мяса, например, практически не употребляю, так что пресловутая колбасная проблема... С другой стороны, государству вся моя работа не стоит ни копейки, я ведь не прошу никаких средств, даже материалов, хотя с ними приходится страшно крутиться, покупаем втридорога все, кроме воды, даже хлористый натрий сейчас исчез из магазинов... Единственное, что нужно этим людям — это их гражданские права!

Ж.: Да не в матушке вашей дело, я искренне желаю ей всяческих благ! Но поймите же: возникает прецедент! И очень опасный. Потому что стоит вам поставить дело на промышленные рельсы — к чему мы придем? Ведь основная масса вашей, так сказать, клиентуры — люди потребляющие, но не производящие...

З.: Не скажите, не только. Детская смертность у нас велика.

Ж.: Да, и детская смертность тоже. А вывод? Мы еще с вами жилищного вопроса не касались, а если говорить о детях, возникают другие специфические проблемы: дошкольных учреждений, школ, педиатрии, послеродовых отпусков... Представляете, какая новая и неожиданная нагрузка ложится на экономику страны — на экономику, которой, если говорить серьезно, сегодня вообще не существует? Вот если бы вместо воскрешения людей вы придумали методику безболезненного и быстрого воскрешения экономики... Да, я понимаю: это не ваш профиль. Но поймите же и вы, насколько вы с вашими, безусловно, значительными открытиями сейчас не ко времени! Обождите, вот наладится хозяйство, справимся с инфляцией, сделаем рубль конвертируемым... Конечно, если бы вы могли наладить конвеерное производство рабочей силы, хотя бы крестьян... Впрочем, сейчас, когда у нас ожидается безработица миллионов этак в двенадцать, и этот вопрос, пожалуй, теряет актуальность...

З.: Тут есть частность, которой вы, по-моему, не заметили. Мне ведь не обязательно реставрировать человека в том возрасте, в каком он почил. Если я смогу снять его запись в сорокалетнем или даже более молодом возрасте, то он таким и возродится, и о пенсии вообще речи не будет: он сразу с великой охотой включится, так сказать, в перестройку... Вы сомневаетесь?

Ж.: Да как сказать... Вот вы представьте, что этому человеку сорок лет было, предположим, году в сорок пятом — пятидесятом.

И он, естественно, будет мыслить в ключе тех лет. А тут вы ему — про сталинщину и все прочее. Да он вас без тени сомнения по стенке размажет и будет считать, что совершил благое дело. Это если он один. А если они начнут сотнями появляться?

З.: Ну, таких и не умиравших много. Я сам, например, многих вещей понять не могу, хотя и стараюсь. Но тут, однако, получается, что вы отказываете человеку в восстановлении потому, что его политические взгляды могут оказаться иными — а это, по-моему, никак с демократией не соотносится. Я считаю, что право на восстановление является естественным правом каждого человека, разве не так?

Ж.: Бесспорно, тут возникает целый пакет проблем. Наследование, жилищный вопрос, восстановление на работе... Тем хуже. Как будто мало у нас реальных проблем — вы хотите нам еще подбросить... Боюсь, Вадим Робертович, что хотя все преклонятся перед вашей, может быть даже, гениальностью и перед душой вашей, но вряд ли законодательная и исполнительная власть вас поддержит.

З.: Ну хорошо, это все касается будущего. Но некоторое, небольшое количество людей уже восстановлено — им-то документы оформить можно? Ей-богу, не изменят эти люди общей картины, ничего не пошатнут и не нарушат. А для них это очень важно: людито живые!

Ж.: Не уверен, что газета захочет поддержать вас в этом. На каком законном основании? Сделать так — значит, признать наше производство хотя бы де-факто. А уж потом вам просто не дадут его закрыть — такие массовые волнения начнутся, что твои Карабах и Молдавия!

З.: Но вот вы говорили тут о гражданской морали. Не говорит ли она вам, что всегда есть в государстве люди, которым надо бы еще жить и жить для блага сограждан и всего мира, но судьба такова, что они уходят. И вот представьте, что мы можем такого человека вернуть в наши ряды: как прекрасно было бы, не правда ли?

Ж.: Безусловно. Я полагаю, что ваши и мои представления о том, кого надо и кого не надо возвращать, в основном совпадают. Но представьте, что дело ушло из ваших рук, его перехватили какие-то другие люди, с иными взглядами...

З.: Зачем мне представлять это? Дело в моих руках.

Ж.: Но вот кооператив вам пришлось ведь создать!

З.: Это был единственный способ начать восстановление. Прекрасно, что возникла такая возможность. Собственно, создал его не я, вернее — не я один, но возник он, безусловно, для реализации моих идей.

Ж.: Значит, уже не вы один решаете, но кооператив?

З.: Могу предложить такую аналогию. Предположим, вы написали книгу. И для издания и распространения ее создали коопера-

тив. Во главе его стоят деловые люди. Они будут решать вопросы: где печатать, где взять бумагу, какую именно, как, где и почем продавать, и так далее. Но какой будет книга — решать не им, а только вам. Если вы уверены в себе как в авторе, никто не сможет диктовать вам, что писать и чего не писать. Тут автор хозяин.

Ж.: Кооператив, если возникнут разногласия, может обратиться к другим авторам.

З.: Конечно. Но... предположим, что в обществе существует большой и устойчивый спрос на книги на определенном языке, но существует только один человек, умеющий писать на этом языке книги: вы. Кооператив может делать что угодно, но эту потребность, этот спрос он может удовлетворить только при вашем участии. В данном случае вы — монополист.

Ж.: Ну, овладение языком — лишь вопрос времени.

З.: Разумеется. Но вот вы, владеющий русским языком, почему-то до сих пор не написали ни «Войну и мир», ни «Архипелаг»...

Ж.: Одного языка тут мало.

З.: Вот именно. Мало знать слова и правила их сочетания и изменения — нужно еще какое-то свойство, способность, дар, талант, то, что позволяет вам сочетать известные слова каким-то иным образом. Или цвета, линии, звуки...

Ж.: Но это уже целиком из сферы искусства. А у вас — наука и техника.

З.: Хирургия — тоже наука и тоже техника. Тем не менее, есть великие хирурги, есть хорошие и есть никуда не годные. Значит, что-то зависит и от чего-то сугубо индивидуального? Вот и у меня то же самое. И здесь есть секреты, которых, пожалуй, и не передашь словами, и есть вещи, которые передаются от учителя ученику как-то подсознательно, телепатически, если угодно — в случае, если ученик способен воспринять это. Теперь вы понимаете, почему я не боюсь, что секрет украдут, отнимут или еще что-нибудь в этом роде. Секрета нет. Конструкция аппаратуры? Пожалуйста! Как и во всех тонких процессах, тут главное — технология. А она — здесь, в голове. Украдете голову? Но ею управляет воля. Моя. Как и во многих других случаях, все решается тем: дал Бог таланта или воздержался.

Ж.: Вы говорите о Боге — это интересно, если учесть, что своей работой опровергаете один из краеугольных камней религии.

З.: Интересно. Мне так не кажется. Почему?

Ж.: Вы, по сути дела, создаете человека заново — а ведь это всегда считалось прерогативой одного лишь Бога. Или вы действуете по его лицензии?

З.: Во-первых, человек может быть лишь инструментом Бога. А во-вторых, вы допускаете ошибку. Я не создаю человека, а лишь восстанавливаю тело — по возможности точно. А потом... Каждый раз это таинственный и необъяснимый миг: потом оно оживает. То

есть, возникает человек — одушевленное тело... Я не восстанавливаю дух. Не знаю, откуда он берется. Знаю, что приходит. Иногда почти мгновенно, иногда приходится ждать секунды, даже минуты...

Ж.: И вы для этого совершенно ничего не делаете?

З.: Не совсем. Но это уже относится к той тонкой технологии, которую я пока предпочитаю не разглашать. Скажу лишь, что для этого, видимо, тоже нужны определенные способности.

Ж.: Это, конечно, ваше право. А сейчас задам вам главный вопрос: что побудило вас заниматься этим? Любовь к людям? Желание славы? Стремление разбогатеть? Жажда осуществить свое открытие из любви к познанию? Еще что-либо?

З.: Собственно, в несколько иной форме вы об этом уже спрашивали. Ответ мой может вам показаться по-детски наивным, и тем не менее, примите его всерьез, иначе ничего не поймете. Я занимаюсь этой работой в какой-то степени по всем тем причинам, которые вы назвали, я уже говорил, что не лучше других, я не идеальный герой. Но главное для меня в другом: я хочу, чтобы люди стали лучше. Вам это кажется смешным?

Ж.: Может быть, вы разовьете эту мысль?

З.: Отчего же нет? Понимаете, при решении вопроса, кого восстанавливать, большую роль будет играть — ну, скажем так,— общественное мнение. Для меня, например, оно очень важно. Каким был человек? Что о нем думают? Что хорошего и что плохого говорят? Скольким людям его восстановление доставит радость и скольким оно окажется неприятным? И так далее. То есть в принципе всем будет известно, что возвращаются к жизни хорошие люди. Конечно, будут и здесь ошибки, и тем не менее, общей картины это не изменит...

Ж.: То есть вы полагаете, что это станет для людей стимулом к более, так сказать, добродетельной жизни?

З.: Ну, всех проблем таким путем, разумеется, не решить, но я надеюсь... Сейчас, когда в стране рушится культура в самом широком смысле слова — мне кажется, никакая попытка, никакой способ повлиять на людей к лучшему не должен быть отброшен. Я уверен, что люди волей-неволей начнут жить как-то лучше, стараясь завоевать авторитет, уважение, любовь окружающих...

Ж.: И настанет царство Божие на Земле.

З.: Интересно. В бессмертную душу вы верите, а в царство Божие на Земле — нет?

Ж.: Есть все же разница. Про душу мне всю жизнь твердили, что ее нет. А про ЦБ на Земле — что его-то мы и строим в поте лица.

З.: Мы ушли далеко от темы.

Ж.: Пожалуй, вы правы... Скажите, а вам не приходило в голову уехать за рубеж и начать эксплуатировать ваше открытие там?

З.: Приходило, разумеется, как пришло бы и всякому другому на моем месте. Но я от этой мысли отказался. Я просто уверен, что мне с моими работами сейчас место здесь. Тут мы нужны.

Ж.: А знаете, вы завоевали меня в союзники. Спасибо...».

III

С этой публикации все и началось. На нее не могло, конечно, не последовать откликов — и они последовали. Сперва очень центральная газета «Счастье лучше» выступила с небольшой, но авторитетной статьей за подписью «Мыслитель», где утверждалось, что слухи о воскрешении из мертвых являются не чем иным, как измышлениями людей слишком уж впечатлительных, насмотревшихся некоторое время тому назад на выступления экстрасенсов по телевидению, и теперь, после их прекращения, стремящихся отыскать или выдумать другой объект истерической веры. Содержала статья и мягкий упрек в адрес газеты «Дни нашей жизни», которая, по мнению автора, питается слухами, и если завтра кто-нибудь пустит слух о том, что в магазинах Москультторга появились персональные компьютеры за рубли, то она и такой нелепице поверит, в то время как масса серьезных вопросов не получает на страницах газеты должного освещения. На этот выпад, в свою очередь, немедленно ответили и Кашпировский, и Чумак, категорически заявившие, что занимаются исключительно исцелениями на научной основе, а воскрешение мертвых не практикуют не только по телевидению, но даже и при непосредственном общении. После выступления «Счастья» уже все поголовно поверили в реальность возвращения покойников к жизни, и для кооператива настали тяжелые, но и приятные времена неустранимого превышения спроса над предложением. В Верховном Совете СССР был депутатский запрос и возникло требование создать комиссию по выяснению и регламентации всех вопросов, связанных с воскрешением; потом, правда, решили для начала создать комиссию по подготовке создания той комиссии. Вынуждена была выступить на злобу дня и Академия Наук, но ее реакция была краткой и не очень выразительной и сводилась к тому, что данная проблема, как и все прочие, связанные с парапсихологией, оккультными исследованиями, астрологией, хиромантией и так далее относятся к областям, лежащим вне пределов серьезной науки, и потому Академия в обсуждении этого вопроса участвовать не намерена. Множество запросов от людей верующих поступило и в храмы, так что патриархия должна была выступить со сдержанным заявлением, смысл коего сводился к тому, что восстановление людей из праха никоим образом не может быть относимо к чудесам господним, но есть скорее соблазн; подробное

исследование нового явления потребует немало времени, однако уже сейчас позволительно предположить, что св. крещение, полученное человеком в предыдущей жизни, остается действительным и после восстановления, поскольку крещается душа, но не тело, душа же не может быть создана заново в силу ее изначального бессмертия, а посему производить повторный обряд крещения не обязательно (последнее умозаключение, правда, принадлежало богословам-мирянам и было высказано как бы для постановки проблемы). Патриотическое общество «Ну, заяц, погоди!» сразу же затребовало статистические данные о национальном составе восстановленных и предназначенных к восстановлению, а также и сведений о такой же принадлежности персонала кооператива. И еще было великое множество самых разнообразных откликов.

Что же касается кооператива, то цены за его услуги стремительно росли в полном соответствии с законами рыночной экономики. Хотя было тут, конечно, много всяких непониманий, недоразумений и просто ерунды, вызванных прежде всего тем, что население слабо разбиралось в технических проблемах восстановления. Например: группа энтузиастов из школы с математическим уклоном пришла с петицией о возвращении к жизни известного математика Ферма — чтобы он объяснил, наконец, как доказывается его знаменитая теорема, на которой не один человек вывихнул себе мозги; и оказалось нелегким делом втолковать им, что Ферма почил слишком давно, что восстановление людей — процесс, ограниченный временем отсутствия восстанавливаемого, которое даже при наилучших условиях не может превышать ста лет, и это вовсе не связано с качеством аппаратуры, но является принципиальной константой — то есть, тело восстановить можно, но оно не оживет. Но, объясняй, не объясняй — все равно, люди приходили и с требованием вызвать к жизни государя Петра Алексеевича — потому что, мол, только такой правитель и мог бы сейчас спасти страну, поотрубав необходимое количество голов и поотрезав не менее бород: и Владимира Ильича — с такой же мотивировкой,— и приходилось объяснять, что исторические лица такого масштаба могут быть восстановлены (если есть физическая возможность) только по государственному заказу, то есть по решению Правительства, Верховного Совета или лично Президента; таких заказов, однако же, в кооператив не поступало. Требовали восстановить Есенина, Милюкова, Григория Федотова, Аркадия Райкина, маршала Жукова, Маяковского, Станиславского и Немировича-Данченко (и неясно было, какого из братьев), Льва Яшина, академика Ландау, Н. С. Хрущева — в общем, такие заказы, по тем или иным причинам не принимавшиеся к исполнению, но тем не менее регистрировавшиеся, шли десятками.

Федор Петрович, теперь возглавлявший районную парторгани-

зацию лишь номинально, а на деле целиком ушедший в дела кооперативные, вел активные переговоры по учреждению совместного предприятия, в чем ему помогали давние знакомства с людьми, работавшими нынче в области внешних экономических связей. Несмотря на их посильную помощь, дела тут продвигались ни шатко, ни валко. Иностранцы не то, чтобы сомневались в идее, но не согласны были вкладывать средства, чтобы создавать всемирный центр по восстановлению на советской территории. Немцы, правда, заикались насчет того, что если строить в Калининградской области с тем, чтобы большинство новых рабочих мест было предоставлено этническим немцам, то можно подумать и всерьез; однако Федор Петрович, проконсультировавшись с давними приятелями, обитавшими близ высоких эшелонов власти, такой вариант вынужден был отклонить. Прибалтийские республики, все, как одна, выразили согласие — но тут Федор Петрович даже не стал вести переговоры, дав понять, что дураки все вымерли в последний ледниковый период (невзирая на то, что один из тех же дружков, напротив, советовал согласиться, аргументируя так: «Боишься, они отойдут? Да кто их пустит?»). Японские предприниматели соглашались на Южный Сахалин, при условии, что на Карафуто будет создана свободная экономическая зона и производством займутся японские работники, а сторона, представляемая Федором Петровичем, будет получать свою часть прибыли в валюте. Он бы, собственно, на это пошел, но Землянин уперся всеми четырьмя, да и наверху не посоветовали. Так что, пока суд да дело, он ограничился тем, что устроил кредит в банке и закупил кое-какое оборудование для расширения хотя бы уже существовавшего производства; как была доставлена небольшая часть этого оборудования, мы с вами уже наблюдали.

Но это все — шум в очереди, записи и перезаписи, митинги «за» и митинги «против» — все это было лишь той верхушкой айсберга, что возвышается над водой и видна невооруженным глазом. А то, что было куда важнее, происходило под уровнем моря. Кое-что из этих подводных происшествий стало нам известно, и мы не преминем поделиться полученной информацией со всеми, кого она интересует — не оглашая, впрочем, источников.

IV

Газеты читают везде. Хотя это, пожалуй, сказано не совсем точно. Вы, например, газету вряд ли читаете: вы ее скорее просматриваете, в зависимости от времени и настроения. Это — мимо, это — тоже, это, пожалуй, пробежим, а это, наверное, надо бы внимательно прочитать — когда время будет... Но есть места, и есть в них люди, которые читают газеты внимательно, неторопливо,

вдумчиво, что-то отмечая, что-то выделяя — чтобы потом доложить. И можете быть уверены, что пространное собеседование с В. Р. Земляниным не прошло мимо внимания, было отмечено, а затем и доложено. И не в одном только месте, но в нескольких.

В Большом доме на Лужайке, ознакомившись с публикацией, нимало не удивились, но поняли, что процесс вступает в очередную фазу и, возможно, следует уже приступать к более активным действиям. Поэтому работники, которые могли иметь к этому отношение, собрались вместе, чтобы выработать план действий.

— Потому что высшему руководству в самое ближайшее время неизбежно понадобятся самые подробные данные,— пояснило должностное лицо, возглавившее совещание.— А также наша оценка и хотя бы элементарные прогнозы.

— Работа ведется,— доложил один из сотрудников рангом пониже.— Кодовое название — «Остров Пасхи».

— Почему Пасхи? — поинтересовалось начальство.

— По аналогии. Пасха — праздник воскрешения из мертвых.

— Остроумно. Что же там?

— Наш работник внедрился. Информирует, что воскрешение или восстановление людей действительно происходит. На чисто научной основе, без каких-либо мистических или религиозных обрядов и тому подобного. Заказы на восстановление принимаются официально, оплата производится открыто, бухгалтерия ведется, злоупотребления не установлены.

— Связи с иностранцами?

— По производственной линии не установлено. По экономической — нащупываются возможности создания совместного предприятия, но пока безрезультатно.

— Как ведут себя люди? Их ориентация, активность?

— Автор методики некоторое время был связан с секретной работой, имел допуск, за рубеж не выезжал, переписки не ведет, политически инертен, с иностранцами не общается...

— Зачем русскому человеку с ними общаться,— заметил один из участников.

— Нет,— сказал докладывавший,— по национальности он немец, по отцу. Отец в начале войны подвергался перемещениям, согласно указу.

— Вы говорите, с иностранцами не общается,— проговорило главное лицо.— А он сам иностранец.

— Ну, почему же...— усомнился было докладчик.

— Все равно иностранец,— твердо сказало лицо.— Надо помнить. Контингентом восстанавливаемых интересовались?

— Располагаем полным списком со всеми данными. Какой-либо четкой системы отбора не установлено. Отмечено, что с большинством восстанавливаемых Землянин при их жизни контактов не

имел. За исключением своей матери. Не замечено какого-то предпочтения ни по линии профессии, ни по национальной, ни по местам рождения, проживания, работы, ни по партийной принадлежности...

— Немцев много восстановил?

— Немцев пока нет.

— Так. А евреи?

— Евреи есть,— признал докладывавший товарищ.

— Так,— повторило Лицо, но уже с несколько иной интонацией.— Ну, и каковы ваши выводы: представляет ли производство на данном этапе опасность для страны, и если да, то в чем она заключается?

— Прямой опасности не выявлено,— был ответ.— Напротив, представляется возможным при определенных обстоятельствах использовать производство в интересах укрепления государственной безопасности.

— Каким же способом? — поинтересовалось Лицо.

— Ну... хотя бы путем возвращения в кадры некоторых особо ценных работников, обладавших опытом и заслугами.

— Гм,— издало Лицо.— Конечно, определенные основания считать так у нас есть. Однако надо видеть проблему во всей ее полноте. Вот вы сказали — восстанавливает евреев. Наверное, и армян тоже?

— Пока зафиксирован один,— вынужден был признать докладывавший.

— Я так и предполагал. Думаю, нет нужды говорить вам, насколько мы далеки от каких-либо расистских и тому подобных воззрений. Для нас, товарищи, все люди равны, если только они — честные советские граждане. И тем не менее, смотрите, что получается. Восстановлено некоторое количество евреев. В свете сегодняшних событий есть все основания полагать, что они в самом скором времени окажутся в Израиле. И не просто в Израиле, но на оккупированных сионистами арабских территориях. Когда о процессе восстановления станет известно в арабских странах, вообще в исламском мире, это будет воспринято как намеренная помощь Израилю путем усиления их людского контингента. Что в свою очередь приведет к осложнению наших отношений с указанным миром, а следовательно, к некоторому ослаблению безопасности нашей страны. Логично?

— Так точно,— сказал докладчик.— Логично.

— Вот видите. А вы не учли.

— Этот фактор мы учитывали,— сказал докладчик.— Но мы исходили из другой трактовки. А именно: приток советских иммигрантов в Израиль вызывает множество сложностей с их размещением и трудоустройством, приводит к недовольству населения, ослабляет позиции правительства, нарушает экономический баланс.

И с этой точки зрения некоторое увеличение числа выезжающих...

— Да ну бросьте,— не согласился начальствующий.— Сложности, недовольства... Что они — не выкрутятся, по-вашему?

Присутствующие, видимо, в грубине души полагали, что хитроумные израильтяне выкрутятся. Во всяком случае, спорить с Лицом никто не стал.

— Ну, что же,— после краткой паузы сказал еще один участник.— Значит, надо производство прекратить. Дело небольшое.

Дело было, действительно, небольшим, и выбрать методику тоже труда не составило бы. Однако высказанное мнение открытой поддержки не получило.

— Не будем хлебать горячего до слез,— сказало Лицо наставительно.— Подождем,— и он на короткий миг поднял взгляд — не то, чтобы к потолку, но все же чуть выше горизонтали.— Но глаз не спускать. Сейчас подготовьте мне справку на страничку. На этом пока все. Вопросы?

— Разрешите? — вдруг, нарушая этикет, в обгон старших поднялся молодой работник, совсем недавно появившийся на Лужайке.— А может быть... Мне кажется, тут есть способ сделать очень удачный политический ход. Произвести полную и мгновенную реабилитацию наших Органов. Ведь в чем только нас не обвиняют. И в самом деле, в давние времена...

— Это известно, известно,— сказало Лицо.— И осуждено. И мы с вами делаем все, чтобы народ понял, что на самом деле наши Органы — вовсе не то, что о них болтают, но наоборот, совсем даже наоборот.

— Да конечно же! — подхватил молодой.— Вот я и предлагаю: использовать эту самую лавочку, чтобы воскресить всех, кто в былые времена сделался, так сказать, жертвой... так сказать, событий. Кто по ОСО, и тому подобное. Вот такую операцию осуществить. С широкой оглаской. Подчеркивая, что это — наша операция. Представляете, какая волна общественного мнения во всем мире...

Его слушали молча, прощая ему неуместную горячность за то, что он только-только как пришел в Органы с комсомольской работы. Путь вообще-то нормальный, но молодому человеку, как правило, требуется, некоторое время, чтобы войти в курс, а поначалу почти все они от большого желания и энтузиазма перехлестывают. Когда он умолк, остальные немного помолчали, потом один покашлял, другой, третий — этакая вроде бы перекличка произошла. А затем Лицо сказало:

— Что-то в этой идее, пожалуй, есть. Но, конечно... Не думаю, чтобы тут можно было проводить такое — массовое мероприятие. Как нас информируют, мощность производства невелика...

— Разрешите? — негромко вступил в разговор еще один работник, ветеран с мечом и листьями на груди.— Это как раз не явля-

ется непреодолимым препятствием. Имеющийся опыт подсказывает...

Опыта оперативного у него и правда было больше, чем даже у Лица, потому что Лицо не столь давно пришло из парторганов, а ветеран с листьями в органах служил с незапамятных времен. Но уж политического опыта Лицу было не занимать.

— По шарашкам соскучились? — спросило Лицо ветерана.— Не те времена. Да и нужно ли возвращаться к уже пройденным этапам жизни? Зачем начинать сначала? А эти... воскресанты — думаете, они молчать станут?

— Да что они смогут сказать такого, что уже не было сказано, да и написано? — махнул рукой ветеран.

V

Высокое лицо не ошиблось: еще не успел рабочий день закончиться, как на самый верх по диагонали затребовали справку, каковая и была незамедлительно предоставлена. В разговоре наверху участвовали и предсидящие, и присидящие, и даже наивышие в государстве лица. У нас на руках нет полной стенограммы совещания, поэтому некоторая обрывистость высказываний, к сожалению, неизбежна. Но, во всяком случае, достоверно известно, что в начале званым и избранным напомнили содержание публикации в газете, а также огласили справку, выращенную на Лужайке. И попросили высказываться.

— Ну, это, собственно, не такая уж новость,— сказал один из присидентов, не так давно еще бывший просто депутатом, но быстро ставший почти министром, а потом и еще возвысившийся.— Он был у меня на приеме, изобретатель этот. Я хотел было предложить создать комиссию, потом решил, что сначала давайте перейдем к регулируемому рынку, а потом уже начнем думать, кого воскрешать, а кого обождать. Потому что, товарищи, если мы хотим быть правовым государством, как же можно двигать какое-то начинание, которое никакой правовой основы под собой не имеет? Давайте сперва поручим ученым разработать соответствующую отрасль правовой науки, можно назвать ее «воскресным правом» или еще как-нибудь иначе — и тогда уже практически развивать. Потому что мы достаточно уже накопили опыта по линии — что бывает, когда желание есть, а правовой базы нет. Взять хотя бы аренду или приватизацию, да мало ли... Я думаю, надо заложить в новую Конституцию, что наш гражданин имеет право на воскрешение, это его природное и неотъемлемое право. Тогда будет ясность. Вряд ли, товарищи, нас поймут правильно, если мы откажемся признать за каждым человеком самое гуманное изо всех, имеющихся у чело-

века прав. И вспомните: не зря ведь сотни лет существует у каждого из нас инстинктивное представление о необычной, судьбоносной роли России в мировой истории. Мы только не могли точно сказать, в чем эта наша роль заключалась. А теперь совершенно ясно: мы, Россия, несем человечеству возможность жизни вечной во плоти! Это прекрасно, товарищи. Конечно, надо тщательно продумать практические аспекты, но в принципе, я считаю, мы должны подтвердить и провозгласить право каждого человека на воскрешение!

— А кормить чем? — подал кто-то реплику.

— Мы же закон собираемся принять — о выезде,— с места же ответил другой.

— Ну, ясно,— сказал сидевший впереди.— Кто еще?

— Если позволите... Товарищи, я считаю, что тут вообще нет никакой проблемы, нуждающейся в специальном обсуждении. Потому что право, о котором только что говорил мой коллега, уже изначально заложено в признанном нами праве каждого человека на жизнь. Нигде ведь не сказано, что право это чем-либо ограничивается во времени или зависит от каких-то случайных обстоятельств, а ведь императивная неизбежность смерти, ее фатальность наукой никогда не была доказана и сейчас не доказана. Сегодня изобрели воскрешение, значит, завтра наверняка изобретут и бессмертие — так что же мы тогда, будем насильно принуждать людей умирать вследствие разного рода политических или экономических соображений? Право нами провозглашено, и мы от него не отступим!

— Понятно,— сказал председящий.— Еще кто желает?

— Я, с вашего разрешения. Трудно, товарищи, не согласиться с доводами выступавших товарищей. И, вероятно, с ними придется согласиться. Однако, товарищи, ни экономикой, ни политикой мы сегодня пренебрегать не вправе, достаточно уже напренебрегались. Я думаю, комиссию надо все же создать, и незамедлительно, и пусть она работает. А до того, как комиссия сделает свои выводы и внесет предложения, восстановление людей следует приостановить. В этом не будет никакого нарушения прав, это просто разумный и естественный ход событий.

— Кто следующий?

— Я хочу сказать. Мне кажется, мы тут пренебрегаем очень важным аспектом... Представление о воскрешении из мертвых во все времена было свойственно нашему народу, оно, по сути, является частью его культуры, от которой мы не вправе отказываться. Вспомните русские сказки с их живой водой хотя бы... И я бы сказал, что возникновение возможности воскрешать людей именно сейчас, когда решается судьба перестройки, глубоко символично и свидетельствует о том, что мы с вами — на верном пути...

— Благодарю вас. Кто?.. Пожалуйста.

— Я хочу обратить внимание присутствующих на то, что государство продолжает терять позиции, пуская на самотек одну важнейшую отрасль за другой. Вот и в данном случае. Мы ведь, товарищи, не собираемся, по-моему, отдавать кооперативам такие области деятельности, как оборону, внешнюю политику, космонавтику и так далее? Не собираемся. Но неужели кому-то кажется, что вопросы восстановления из мертвых и политически, и практически менее важны, чем та же космонавтика? Пожалуйста, конкретно: я тут переговорил с военными, и они всецело за. Потому что, как вы знаете, с призывом в ряды армии последнее время возникают сложности. А новый способ дает возможности... Я думаю, ясно. Мы не считаться с армией не можем, и так она терпит одну обиду за другой, но ведь и военному долготерпению, товарищи, может прийти конец! Мы должны сразу же оценить масштабность происходящего, поставить его под строжайший контроль, взять инициативу в свои руки и уж не выпускать ее. А то, видите, они сами уже пытаются выйти на внешний рынок! Этого допускать нельзя. И я совершенно согласен, что комиссию нужно создать; но, товарищи, наряду с комиссией Верховного Совета, а может быть и вместо нее, следует, я уверен, создать такую комиссию и в ЦК партии. Назвать ее хотя бы «Комиссия по вопросам жизни», или как-нибудь так. Мы совершенно согласны с тем, что партии не следует подменять собою административные и хозяйственные органы, но ведь тут, товарищи, совсем другая группа вопросов, это вопросы гуманитарные, и партия имеет полное право внести свой вклад. Или поручить курировать эти дела комиссии по идеологии. Потому что жизнь и идеология неразделимы, и это должно быть всем понятно раз и навсегда!

— В нашем ЦК мы во всяком случае такую комиссию создадим! (Реплика с места).

— Кто хочет? Вы? Пожалуйста. Нет-нет, вы пока сядьте, я дам вам слово потом. Сядьте, я вас прошу. Так. Пожалуйста.

— Товарищи, что же получается: один шаг вперед — три скачка назад? Ведь, кажется, проблемы развития кооперативного движения обсуждены и выяснены — так мы снова начинаем душить их? Новый заход? Обсуждаемое явление, товарищи, возникло в недрах кооперации, государство и пальцем не пошевелило, ни рубля не вложило — а мы вместо того, чтобы поддержать кооператив, собираемся его прихлопнуть... Что? Пусть грубо, зато точно. Это, товарищи, неизбежно вызовет негодование не только в среде кооператоров, но и у потребителя, то есть — у всего народа! Мало того, что в магазинах шаром покати, так уже и жизнь отнимают! Тут не только кабинет не удержится, это бы еще с полбеды, тут, товарищи, такое начнется, что...

— Хорошо, хорошо. Вы только нас не пугайте. У вас все? Тогда вы.

— Товарищи, я могу понять негодование предыдущего оратора, но понять — не значит согласиться. Явление, с которым мы столкнулись, действительно весьма перспективно, и именно поэтому кооперативу, каким бы мощным он ни был, просто-напросто не под силу будет использовать его должным образом. Это явно — государственная область, а в будущем и международная. И поэтому с самого начала следует отнести всю эту группу вопросов к компетенции Центра. Наконец-то, товарищи, у нас появилось нечто, что мы можем с чистым сердцем предлагать всему миру — и не задаром, товарищи, а за хорошие деньги, и при этом не жертвовать никакими естественными ресурсами, потому что с точки зрения сырьевых потребностей что такое человек? Да ничего, горсть отходов, недаром же говорится: из праха возник... Ну, словом, никакого дефицита. Так что же, мы позволим кооперативу грести даже не лопатой — бульдозерами грести валюту, в которой так нуждается вся страна, народное хозяйство? Сейчас уже на Центральном рынке цветы, что получше, за валюту продают, а тогда и вовсе...

— Дай вам валюту — и вы ее туда же отправите... Где нефтяные доллары, двести миллиардов? (Реплика с места).

— Да какие двести, не надо питаться слухами. И вообще...

— Товарищи, товарищи. Обождите с валютой. Я думаю, тут мнения в целом уже проявились, и их можно выразить так: мы за то, чтобы предоставить народу его законное право, но пути реализации этого права нужно сначала как следует проработать, потому что очень много сложностей. Возможно, вначале придется пойти на определенные ограничения. Думаю, нам надо посоветоваться со специалистами — биологами, экономистами, с другими, нельзя упускать из виду и политические, так сказать, аспекты... Но уже сейчас ясно, что бесконтрольное и нерегулируемое восстановление людей приведет только к усилению дестабилизации: тут нужна программа очень продуманная, хорошо сбалансированная в плоскости и национальной, и территориальной, и даже классовой. Нерегулируемое и непредусмотренное возникновение в обществе восстанавливаемых людей может привести к новым затруднениям с обеспечением населения продовольствием и другими товарами народного потребления, и по линии рабочих мест... Вы хотите еще что-то сказать? Мне кажется, тут все уже высказано, все ясно. Вы настаиваете? Ну хорошо, две минуты.

— Я только хочу добавить, что экономически, если обложить каждого восстанавливаемого твердым налогом, это может оказаться даже полезным в деле изъятия из обращения массы денег, не имеющих товарного покрытия...

— Мысль неплохая, и мы ее учтем в процессе выработки окончательного решения. Но в целом, товарищи, надо разобраться. Потому что вот руководство России уже выступило с заявлением, что

право решать эту проблему имеет только оно, поскольку и открытие, и реализация его совершены на территории РСФСР и российскими гражданами... Много еще неясностей, товарищи. Я думаю, что пока мы поступим по совету, который здесь прозвучал: временно приостановим производство — до того, как определимся окончательно. Возможно, надо это оформить Президентским указом и, надо надеяться, республиканские власти обойдутся на этот раз без обструкции...

Так и определились.

VI

Есть такая поговорка: сказано — сделано. Но это она в самом кратком, зато не в самом точном виде. В полном же объеме звучание ее таково: сказано одно — сделано вовсе другое.

Так оно чаще всего и получается.

И вот, поскольку высокое совещание пришло к выводу, что восстановление людей в жизни необходимо приостановить вплоть до полной проработки вопроса — что чаще всего означает до морковкина заговенья или же до греческих календ (желающие могут выбрать выражение по вкусу), соответствующее распоряжение было спущено и, долго ли, коротко ли, но дошло до соответствующего райисполкома. А параллельно позвонили и Федору Петровичу — в силу того, что он все еще оставался первым секретарем указанного райкома — а в Москве это все еще очень немало значит, что бы там ни говорили и даже ни писали.

Позвонили ему по вертушке. Понимающему — достаточно.

— Там твоей советской власти команда спущена: кооператив до поры прикрыть. Ну тот, с воскресантами. Слыхал, надо думать?

— Слыхал. В курсе.— Ответил Федор Петрович. Отвечал он очень медленно, зато думал в эти мгновения со страшной быстротой.— Спасибо, что проинформировал. Прослежу. А Моссовет что — пропустил?

— А это не через них,— сказали ему.

— Ага, понятно,— сказал он.— Ладно.

— Федор Петрович!

— Слушаю.

— Только ты пойми правильно. Хлебать горячего не к чему. Есть, конечно, указание о закрытии. Но есть и другие мнения. В частности — что спешить не следует. Тебе ситуация ясна?

Федор Петрович подумал самую малость. На самом деле он, пожалуй, знал даже несколько больше чем тот товарищ, что звонил ему.

— Все понятно.

И в самом деле, чего же тут не понять было? Указания идут

по линии правительственной. А вот мнения — это уже свое, родное. Что ж такого? Мнение должно, просто-таки обязано возникать у каждого самостоятельно мыслящего человека. А другим в наше время и нельзя быть.

Теперь Федор Петрович позвонил и сам.

— Там по твоей линии поступила команда — кооператив прикрыть? — спросил он напрямик.

— Так точно,— было ему отвечено.

— Значит, так,— сказал Федор Петрович.— Команды, конечно, уважать надо. Но только чтобы не поспешить себе во вред.

— А что,— спросили его,— есть мнение?

— Ну, это только мое мнение,— сказал Федор Петрович.— Ты его выполнять, понятно, не обязан. Но лично я торопиться не стал бы. Как-то несуразно получается: нам надо борьбу с преступностью развертывать и усиливать, решительную борьбу, не на жизнь, а на смерть, а правоохранительные органы, понимаешь, занимаются тем, что кооперативы прикрывают. Народ может неправильно понять. Тем более что кооператив этот вообще чистый, ни в какие такие дела не замешан.

— Вот и я ведь так же подумал,— сказали Федору Петровичу.— У нас и так хлопот полон рот. Да вы в курсе.

— *Я в курсе,— подтвердил Федор Петрович.*— Ну, давай, действуй.

Он положил трубку, и тот, кому он звонил, тоже положил трубку, но тут же снова поднял и набрал номер.

— У нас кооператив этот, что людей оживляет, в чьем участке? Тригорьева? Сориентируй его, чтобы смотрел внимательно — чтобы никто там работать не мешал. Чтобы проявил заботу.

— Слушаюсь,— ответили.— Сориентирую.

Однако, ориентировать Павла Никодимовича никакой особой нужды не было. Он и так проявлял заботу. И бывал в кооперативе каждый день. К нему там привыкли, и когда он приходил, никто, конечно, с места не вскакивал, но все здоровались и улыбались. А надо было — советовались. А то и просто просили что-нибудь подержать, или подать, или даже из кладовой принести. И он помогал охотно. Хоть на полчасика, но каждый день заглядывал. И сейчас тоже там был. Потому что сегодня должно было произойти событие для него важное: заканчивалось выполнение не какого-то, но именно его личного заказа, и на свет должен был заново появиться тот самый Витя Синичкин, опер, гибель которого, как мы уже слышали, до сих пор отягощала совесть участкового инспектора — хотя, повторяем, вины его в этом не было. И вот в честь такого события Тригорьеву сегодня впервые разрешили присутствовать.

Присутствовать означало: находиться вместе с Земляниным и ближайшим его соратником в лаборатории в тот миг, когда отки-

нется крышка ванны и на свет возвратится оживший Витя, самый настоящий Витя, пусть еще и без формы и без погон — но он и при жизни форму надевал только по большим праздникам... Когда Тригорьев представлял себе это событие, у него сладостно холодело где-то пониже сердца, и губы невольно раздвигались в улыбку. Ну, а кроме того, приглашение означало, что заслуги Павла Никодимовича в благородном деле восстановления людей признаны и оценены по заслугам. Это тоже было приятно.

Поначалу в такие ответственные минуты Землянин в лабораторию вообще никого не впускал. Находился там и переживал сам один. Еще не был, надо думать, совершенно уверен в удаче каждого восстановления. Но потом, когда само слово «удача» как-то перестало употребляться в применении к его работе, а заменил его сухой деловой термин «конечный результат», стал понемногу разрешать. И к сегодняшнему дню уже все, пожалуй, работники кооператива там побывали, и присутствовали, и видели. За исключением только А. М. Быка. Но не потому, чтобы его не приглашали. Напротив, ему первому честь и была предложена. Однако А. М. отказался раз и навсегда. Он так сказал:

— Ну чего вы от меня хотите? Это ваша работа? Ваша. Вот и делайте ее. А я буду делать свою. Когда я консервированную кровь выбиваю в здравотделе, я что — прошу вас при этом присутствовать? Хотя мне, может быть, с вами было бы легче. Нет, я не прошу. Потому что там — мой бизнес. А здесь — ваш. Если когда-нибудь меня за эту кровь или мало ли за что будут вязать, я вовсе не хочу, чтобы вам шили то же самое. Так вот, если будут вязать вас за нарушение каких-нибудь там медицинских законов или я не знаю каких еще других, то я не хочу, чтобы это шили мне как соучастнику. Вы имеете вашу кровь? Ну так пейте ее, а мою оставьте в покое.

На самом деле не в том, конечно, была причина, что А. М. Бык чего-то там боялся. Ни черта Бык не боялся, и ОБХСС меньше всего, все это было чистой воды кокетством. Просто был он человеком, как ни смешно, донельзя стеснительным, и видеть посторонних людей совершенно голыми в столь интимный миг их жизни, как воскресение из мертвых, для него было смерти подобно. Он и в бане признавал только номера, и сексуального кинематографа не одобрял. Ну ладно, А. М. Бык вообще — человек странный.

Что же касается Федора Петровича, то он однажды побывал. Вел себя весьма достойно, и даже официально поздравил восстановленного с приятным событием, выбрав для этого случай, когда восстанавливался мужчина зрелого возраста — чтобы случайно не возникло потом никаких слухов и всего прочего. Заметный работник должен заблаговременно и тщательно продумывать каждый свой поступок. Хотя в глубине души Федор Петрович полагал, что было

бы интереснее наблюдать процесс восстановления девушки лет этак шестнадцати-семнадцати. Но не рискнул даже и заикнуться о таком. Всему, знал он, свое время и свое место.

А сегодня вот удостоился приглашения капитан Тригорьев. Чему был он вдвойне рад: и потому, что восстановиться должен был старый друг, но еще и по той причине, что работник милиции во всем, что происходит на доверенной ему территории, должен разбираться глубоко и основательно, если хочет соответствовать эпохе; так, во всяком случае, Тригорьев полагал.

Так что в то время, когда велись телефонные разговоры, уже изложенные нами достаточно близко к подлиннику, капитан находился в лаборатории, где даже дышать старался потише — чтобы ничего ненароком не нарушить. Кроме него был там, само собою, В. Р. Землянин. А также девушка, нам уже знакомая, которая с Земляниным как будто срослась, хотя простым глазом этой связи и не увидеть было. Тригорьев, привыкший каждому событию, поступку и человеку давать свою оценку, ее за это не осуждал. Девушка домашняя, осталась одна, нужно к кому-то прислониться. Землянин же человек холостой, так что если там что и есть — кто осудит? Тем более, что она и с мамой Землянина успела вроде бы познакомиться и, кажется, так никаких препятствий не возникало (что же касалось отсутствия у этой самой матушки паспорта, как и у других землянинских порожденцев, то Федор Петрович уверил Тригорьева, что вопрос этот в срочном порядке решается на самом верху и будет решен положительно, так что надо только потерпеть еще немного; а Федор Петрович был, без сомнения, человеком уважаемым и информированным). Да, любовь, как понимал капитан Тригорьев, дело житейское, а в общем-то им самим виднее, по таким вопросам в милицию не обращаются.

И вот они втроем находились в лабораторном подвале; а вернее, почти вчетвером уже — Витя Синичкин должен был появиться с минуты на минуту. Он лежал в ванной сейчас, под непрозрачным колпаком, где-то уже совсем близко был к появлению в этом не самом уютном из миров,— но все-таки что-то, вероятно, влекло их сюда из того края, где же несть ни печали, ни воздыхания... Горела только одна лампочка, на столике, так что стоял полумрак, цилиндр в углу как-то волнами гнал тепло, что-то журчало, шуршало, иногда как бы даже попискивало, словно мышка — но от мышей и крыс лаборатория была изолирована надежно, их отсюда давно уже вытравили по всей науке. Тригорьев замер, совсем потеряв как будто ощущение времени, Землянин целиком, казалось, переместился в другой мир, в котором только и существовало, что несколько приборов, от которых он сейчас не отрывался; девушка же по имени Сеня стояла близ Тригорьева, дыхание ее было легким и таким же невесомым — шепот, которым она капитана предупреди-

ла: «Совсем немного осталось, вот сейчас, сейчас...». Землянин, не разгибаясь над приборами, поднял руку — то ли просил полной тишины, то ли объявлял готовность. И, словно это он аппаратам подал команду — всякий шелест вдруг стих, все умолкло, какие-то светлячки погасли, какие-то новые зажглись, потом оглушительно (по ощущению) заскрипело — и рычаги стали медленно поднимать колпак, будто крышку ювелирной коробочки, в которой на атласной подушечке лежит драгоценность; так и здесь было — лежала великая драгоценность, человек лежал; только не на атласной подушке, а в каком-то растворе, словно в жирном и густом бульоне. Наверное, атлас лучше смотрелся бы; но человек и рождается не в атласе, когда появляется на свет впервые — и сейчас, рождаясь вторично, тоже в чем-то таком купался — однако же не зря ведь сказано поэтом: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Вот и люди тоже.

Негромко щелкнул выключатель; тихо зашуршал насос, высасывая жидкость; и вот человек лежал уже на дне. Из трубы со множеством отверстий (труба эта огибала ванну изнутри поверху) наискось ударили вниз струйки, омывая тело, очищая кожу, и вот уже стало можно смотреть на него без некоторой невольной брезгливости. Землянин теперь только поднял глаза, глянул на тело, потом перевел взгляд на Тригорьева, усмехнулся едва заметно и поднял брови, как бы спрашивая: ну как, узнаешь? Тригорьев шагнул к ванне и посмотрел уже пристально, серьезно, по-деловому.

Никаких сомнений не было: точно, Витя Синичкин лежал там. Совершенно такой, каким был в жизни: с короткими, ежиком стриженными светлыми волосами, округлым приятным лицом, слегка вздернутым носом, хорошо развитыми мускулами (при жизни Витя постоянно следил за своей физической формой, служба того требовала, да и нравилось ему быть сильным, ловким, быстрым — а кому бы это не понравилось?) — и со всеми другими своими несомненными приметами, и тою в том числе, о которой Тригорьев невольно подумал: «Не след бы девушке глядеть, без привычки...» Но тут Землянин извлек уже откуда-то чистую простыню, развернул, взмахнув в воздухе, и поспешил накрыть тело — но не с головой, как накрывают покойников, а лишь до подбородка, как человека спящего. Тело можно разглядывать как угодно, трогать руками, резать, зарывать в землю или сжигать; спящего можно, в крайнем случае, разбудить — осторожно, чтобы не напугать нечаянно, а мягко, ласково вывести из сна...

Пока в ванне лежало именно тело, не человек еще, хотя бы и спящий: ничто не двигалось, грудь не дышала, кожица не подрагивала в тех местах, где бьются у живого пульсы, закрытые глаза не суетились под веками, как бывает, когда снится что-то. Тригорьеву не раз приходилось видеть мертвецов, и вовсе не только своею

смертью повергнутых; и он сразу понял, что тело не живет, и испугался, что у Землянина на этот раз не получилось, и может быть, как раз оттого, что он, Тригорьев, пришел посмотреть: кто его знает, дело ведь тонкое... Он уже собрался что-то сказать, просто чтобы нарушить застывшую тишину, но девушка ветерком подышала ему в ухо: «Сейчас... сейчас вот...» И вдруг не удержалась и хоть тихо, но вскрикнула: что-то шевельнулось в ванне — не тело, нет, что-то маленькое, яркое, какое-то пятнышко ожило, оторвалось от ванны, поднялось в воздух, пересекло полосу света от настольной лампы, и все узнали: бабочка! Неизвестно откуда взялась здесь бабочка, вспорхнула и полетела. И не успели еще люди опомниться от неожиданности, как с телом произошла какая-то перемена. Нельзя было сразу сказать какая: так же неподвижно лежало оно, и в той же позе, и по-прежнему лишь голова с чуть потемневшими от влаги волосами виднелась из-под простыни, и не замечалось дыхания; но почему-то вдруг очевидно стало: жив! Жив! Тригорьеву захотелось кинуться к другу, обнять, поцеловать — от радости, из благодарности за то, что ожил — как будто сделал этим одолжение стоявшим здесь людям, не наоборот; впрочем, если о самом Тригорьеве говорить, то и в самом деле большую услугу ему оказал опер Витя, великий груз снял с души... Капитан едва совладал с собой — а Витя уже дышал! Открыл глаза. Миг смотрел бессмысленно. Потом негромко произнес: «Э?» и стал водить открывшимися глазами, никак не разумея, видимо, как, и почему, и где он вдруг оказался, и почему в ванне, и кто эти люди вокруг него. На Тригорьеве взгляд Виктора на миг остановился, скользнул дальше, но морщинка пересекла лоб, глаза возвратились к милицейскому мундиру, поднялись выше и стали разумеющими, узнающими, потом удивление мелькнуло в них, губы дрогнули, Синичкин улыбнулся — как-то неуверенно, словно разучился. Тригорьев поймал себя на том, что и сам улыбается, как мальчишка, рот до ушей. А Витя заговорил. Он сказал:

— Тригорьев, ты, что ли? Пашка?

— Я, Витя,— сказал Тригорьев почему-то хрипло.

— Ну да,— сказал Синичкин.— А что это с тобой?

— Со мной? — Тригорьев несколько растерялся даже.— А что со мной? Нет, у меня все в порядке, Витя...

— Постарел ты как-то очень,— сказал Синичкин.— Крепко. Болеешь, что ли? Э, да ты капитан уже! Когда успел?

— Потом,— сказал Тригорьев, косясь на Землянина с ассистенткой, что скромно отошли в другой угол, чтобы не мешать друзьям.— Потом, Витя. Ты-то как?

— А что мне! — сказал Витя уже совсем уверенным голосом.— Все о'кей. Только почему я тут в ванне? Мы же вроде с тобой только что в отделении были... Что тут — медвытрезвитель, что ли? Но я-то при чем?

— Успокойтесь,— это уже Землянин вступил в разговор.— С вами ничего страшного не случилось, совсем наоборот. Ваш друг вам все объяснит — попозже. А сейчас скажите: как вы себя чувствуете?

— Это кто там — доктор? — Сев в ванне, Синичкин всматривался в обоих, стоявших поодаль.— Доктор, а чего это я в ванне? Чувствую себя нормально...

— И все же я вас посмотрю. Позвольте, Павел Никодимович...

Сейчас Землянин заговорил уже нормальным своим тоном, и капитан послушно отступил подальше. Девушка же успела тем временем отворить дверцу шкафчика и теперь доставала оттуда форменную милицейскую одежду, заранее принесенную Тригорьевым. Одежда эта хранилась как реликвия у вдовы Синичкина, но отдала она ее без возражений, потому что, как оказалось, была уже не вдовой, но женой — только другого мужа. И это, и многое другое предстояло теперь объяснить Виктору, и Тригорьев чувствовал, что очень трудно будет сделать это — но никуда не денешься, надо...

— Сейчас вам нужно еще пять минут полежать неподвижно, на этой вот кушетке,— втолковывал Землянин оперуполномоченному.— Потом оденетесь и сможете идти. Ну, попробуйте встать... Сеня, вы можете выйти. Ну, смелей, смелей... Поддержите его, капитан. Теперь шаг вперед...

— Ноги как ватные,— сказал Синичкин недовольно.— Что за чудеса в решете?

— Потом, потом... Еще шажок... И ложитесь. Вот так. Одежда ваша здесь. А мы выйдем, чтобы вас не беспокоить.

Он и в самом деле повернулся к двери и взял Тригорьева под локоть, увлекая с собой. В приемной А. М. Бык вполголоса разговаривал о чем-то с молодым человеком, ведавшим теперь химической книгой. Тригорьев ощутил, что лоб его взмок. Он вытер лоб платком. Землянин сказал:

— Вот оборудуемся, тогда у нас будет специальная палата для приведения клиентов в норму. Наймем врача, медсестру или даже двух...— Он помолчал.— Ну как — интересно было?

Тригорьев немного подумал и признался, не удержавшись от смущенной улыбки:

— Испугался немного — был момент...

— Испугались? Чего?

— Да вот — когда он все не оживал. И у вас выражение лица было такое, словно все идет прахом...

— Серьезно? — Землянин усмехнулся.— Ну, не знаю, может быть, со стороны это так и выглядело. На самом деле это — обычное и неизбежное явление. Тело созрело, но еще не живет. Нет в нем чего-то такого... что мы для простоты называем душой. И вот приходится сконцентрировать всего себя на том, чтобы она — душа —

возникла. Как бы призываешь ее войти в тело, одушевить его, оживить. И она входит — чуть раньше, чуть позже... Сегодня это еще быстро получилось, бывает, куда дольше приходится ждать. На эту работу больше всего уходит сил.— Наверное, Землянину приятно было после удачно проделанного дела поговорить о нем, расслабиться, да и слов нет — куда приятнее и легче объяснять удачу, чем неудачу.— А если взять старые записи — по отпечаткам, которым больше ста лет — то душа может и не прийти. И тело не оживет.

— Куда же она девается? — Тригорьев чувствовал, что тут надо задать вопрос, чтобы Землянину хотелось говорить дальше.

— Ну, этого я наверняка не знаю. Может быть, уже что-то другое для себя нашла. А возможно, за это время ослабела, рассеялась или слилась с основой, первоисточником... Я предполагаю, что души ведь бывают разные — и сильные, и слабые, вот сильные дольше существуют, а слабые, может статься, уже и после сорока дней теряют способность... Ну, да это все гипотезы, не более. Я только знаю, что надо сосредоточиться и звать ее — и она придет.

— Учились этому? — полюбопытствовал капитан.

— Нет, этому нигде не учат — у нас, да и нигде, по-моему. Просто почувствовал, что вот — надо так. Наверное, для этого дела тоже какая-то специальная способность нужна.

— Как у экстрасенса,— сказал Тригорьев.

— Как аналогию можно принять, хотя сама способность, видимо, заключается в ином. И еще: тут никаких задних мыслей быть не должно — только добро, желание блага, никаких скрытых целей. Неясностей, конечно, множество, над теорией надо еще работать и работать.

— Вот бабочка,— неожиданно для себя сказал участковый.

— Что? — Землянин даже оглянулся.— Ах, эта бабочка, да...

— Это она и есть душа?

— Ну, что вы — конечно, нет. Это, так сказать, отходы производства, побочный эффект. Записывающая техника у нас не очень качественная, все ведь своими руками, из чего попало. И вот когда я снимаю данные человека, случается — запишешь и что-то постороннее, что находилось поблизости в то время, которое мы записываем, и тоже оставило на окружающем свои следы. Вашего друга мы записывали по летним отпечаткам — наверное, и бабочка там была тогда, аппаратура же ее восстановила — приборам ведь все равно, что там возникает, их дело — расшифровка записи, не более. Вот если...

Но продолжить объяснение Землянин не смог, потому что дверь распахнулась и вошел милиционер, с порога спросивший:

— Капитан Тригорьев? А, вот вы где, товарищ капитан. К начальнику райотдела, срочно.

И был таков.

— Ну дела,— сказал Тригорьев озадаченно.— Как же я Виктора оставлю — ему ведь деваться некуда, кроме как ко мне...

— А вы забирайте,— посоветовал Землянин.— Сейчас уже можно.

— В райотдел? Нет, что вы. Он же хотя и милиционер, но незаконный пока — без документов, как и все ваши... Нельзя. Нет, мы иначе сделаем.

Он отворил дверь в лабораторию. Виктор заканчивал одеваться.

— Я сейчас,— сказал он инспектору.

— Лейтенант,— проговорил Тригорьев официально.— Я срочно по вызову, а вы тут остаетесь за меня. Чтобы был порядок. Без меня поста не оставлять.

— Слушаюсь,— ответил Синичкин.— Ты скоро?

— По обстановке,— сказал Тригорьев.— Пришлю тебе поесть в любом случае.

— Да,— сказал Виктор.— А то я почему-то вовсе без денег. Хотя помню — мелкая заначка оставалась.

— Ну, все,— сказал Тригорьев и вышел, не задерживаясь более: служба есть служба. Патрульный «уазик» фыркал у подъезда и даже, кажется, постукивал резиновым копытом.

По дороге Тригорьев размышлял о том, как же будет с оформлением Синичкина, а также о другом: есть ли у бабочки душа. Но, оказавшись в кабинете начальника, обо всем этом забыл. Потому что начальник сказал ему сразу:

— Тригорьев, кооператив твой закрывать собираются.

Тригорьев проглотил комок.

— Так ведь они вроде ничего такого...— начал было он.

— А им ничего и не предъявляют. Просто...— Начальник сделал выразительный жест.— Но, думаю, с этим можно потянуть.

— Да хорошо бы,— сказал Тригорьев. Он чуть оживился, поняв, что начальник тоже рвением не горит. И тут же вспомнил, что совсем недавно не кто иной, как А. М. Бык расспрашивал его о начальнике — что, мол, за человек, и все такое. Не зря, наверное, расспрашивал: Бык ничего не делает зря.

— А на каком основании потянем, как думаешь? — продолжал разговор начальник.

— На каком, на каком...— пробормотал Тригорьев, размышляя.— Есть, товарищ полковник! — вдруг ожил он.— Кооператив, особенно после газеты, сильно в рост пошел, зарабатывать стал вовсе даже неплохо...

— Ну да,— кивнул начальник,— вот и я слышал. Ну, и что с того?

— Значит, на него вот-вот какая-нибудь группа выйдет. Это непременно.

— Организованная преступность,— сказал начальник.— А мы, значит, их ждем.

— Так точно,— сказал Тригорьев.— И кооператив этот у нас вроде наживки. Так что закрывать его сейчас никак нельзя, поскольку он играет свою роль в борьбе с организованной преступностью этой самой.

— Годится,— согласился подполковник.— В случае чего так и доложим: что с этим кооперативом связаны наши оперативные интересы.— Он помолчал.— А что ты думаешь: вполне ведь могут выйти.

— Непременно выйдут,— убежденно подтвердил Тригорьев.

— Что же,— сказал начальник.— Ну, иди, работай дальше.

— Товарищ начальник... Вопрос разрешите?

— Если в двух словах. Некогда.

— Вы лейтенанта Синичкина помните?

— Синичкина? Это какого? Из ГАИ?

— Нет. Из розыска. Которого убили.

— А. Ну, помню.

— Этот кооператив наш — он ведь людей возобновляет...

— Стоп! — прервал подполковник.— Дальше не говори. Никаких нарушений законности, понял? С такими мыслями ко мне не ходи.

— Товарищ подполковник! — схитрил Тригорьев.— Так ведь почему мы? Скажем, жена его бывшая закажет... Но придет-то он к нам — он ведь наш парень. Неужели дадим пропасть?

— Я тебе сказал: с этим ко мне не ходи. Вот будет по ним общее постановление — тогда посмотрим. Ступай, займись делом.

VII

Оба милицейских работника и предположить не могли в тот час, как близко вдруг оказались к истине.

Потому что та группа, что контролировала и посильно разгружала от лишних денег этот район, и в самом деле кооперативом очень заинтересовалась. И все из-за той же газеты. Ведь время малограмотного преступника, который газет не читает и радио не слушает, ушло; такие если и остались, то ходят они в шестерках, и в них ходить будут по гроб жизни. А беседу в газете прочитал если не кто-нибудь из главарей, то уж из их консультантов — во всяком случае. Так что информация и сюда незамедлительно проникла и тоже побудила заинтересованных людей к немедленным действиям.

Поэтому в дверь квартиры Амелехина А. С. позвонили, а когда дверь отворили, то вошел в нее молодой человек, прилично одетый, даже фирмово, и с быстрыми глазенками.

Андрей Спартакович в этот миг был расположен на своей диван-кровати и обдумывал некий возникший у него замысел. На вошедшего он глянул без особого привета.

— Чего надо? — спросил он нелюбезно.

— Разговор есть,— сказал пришелец.— Скидай кости с нар.

— Нет разговора,— возразил Амелехин.— Один ахай.

— Сам сходи,— предложил визитер.— Ну, давай по-быстрому. Пахан обидится.

Услыхав, что пахан, Амелехин спустил ноги с дивана.

— Чё-йто вдруг? — спросил он.— Сказали же, чтобы пока не шустрить.

— Потолковать хочет.

— Мать! — крикнул Амелехин уже из прихожей.— Пойду прокинусь. Да не трясись: не на дело иду.

«Жигуль» ждал их у подъезда. Молодой сел за руль. Ехали недолго.

Дни моей юности, где вы? Где наивная эпоха, когда вор был вором, милиционер — милиционером, чиновник — чиновником... Но все смешалось в громадном, в одну шестую суши, бывшем доме Облонских; и теперь ты разговариваешь с кем-то, и вроде бы знаешь, с кем разговариваешь, а потом оказывается — нет, не знал с кем. И заподозрить не мог. Раньше ты знал, что хаза есть хаза, волчья нора с непотребными женщинами, обилием водки, игрой в буру или железку, ну, в очишко на худой конец — но, собственно, зачем пересказывать всем известные книжки и фильмы. А теперь...

— Ты только ноги вытирай, как следует,— предупредил молодой, когда они, поднявшись на лифте на четвертый этаж не самого худшего, прямо сказать, дома в исторической части столицы, остановились перед дверью, котельное железо которой скромно пряталось под стеганой обивкой из японской квазикожи.— Три, три, силы-то накопил на казенной пайке!

Молодец этот, как и все прочие коллеги, был свято уверен в том, что Доля Трепетный имел хороший срок, а потом рванул, и в родных местах не показывался столь долго по причине пребывания во всесоюзном розыске.

Амелехин в ответ только фыркнул, но послушно зашаркал подошвами по аккуратно уложенному перед дверью коврику.

Позвонили, и было отворено. Пол в прихожей радовал хорошим ковром. На стенах висели картины, ярко выделяясь на фоне обоев-иммигрантов с преобладанием зеленых тонов. Дверь им отворила приглядная девица в валютной упаковке; глянув на нее, Доля стал громко дышать, но застеснялся. Девица собиралась на выход, имея при себе объемистую адидасовскую сумку, из которой торчали рукоятки двух теннисных ракеток. На мизинце она вертела колечко с автомобильными ключиками. Колечко было рыженьким.

— Проходите,— сказала она, ничуть не удивившись.— Папа с гостями — вторая дверь направо.

Они прошли, и молодой прежде, чем войти, вежливо постучал в дверь. Доля-Амелехин только плечами пожал: ну и порядки пошли!

Изнутри пригласили. Двое вошли.

Здесь тоже наличествовал ковер, а также финская стенка, видеосистема «Сейко» и шарповская — аудио. В глубоких креслах, напоминавших рюмочки для яиц, сидели трое — в отличных костюмах, белых воротничках, при галстуках. На низком обширном столе располагалась целая батарея бутылочек с «фантой». Справа, ближе к противоположной стене, находился кабинетный «Стейнвей», за которым сидел четвертый гость и задумчиво играл — не «Мурку», увы, а Шопена. Если бы Доля в этом сёк, он признал бы, что играл музыкант неплохо, очень даже прилично, профессионально.

Все это для Доли было настолько неожиданно, что он сперва решил было, что везли его на дело, брать квартиру, но не рассчитали и попали как раз, когда хозяева были дома, так что сейчас его начнут вязать. Он заробел и дернулся было к выходу. Но привезший его молодой водитель был на стреме и слегка завернул Доле руку.

— Замри, падло,— проговорил он негромко, но явственно.

— Ну, Толик, зачем же так,— укоризненно проговорил от стола самый пожилой из присутствовавших.— Я же просил: привыкайте обходиться без жаргонизмов, оставьте их постановщикам фильмов. Друзья, приветствуем нашего, так сказать, блудного сына. Садитесь... э-э... Доля? Да, конечно же, Доля. Садитесь, расслабьтесь, обретите уверенность. Толя, налейте ему, пожалуйста, водички. Алкоголя в моем доме, Доля, не употребляют. Самое дорогое, что имеем мы в жизни — не это вовсе,— хозяин сделал округлый жест,— но здоровье. Садитесь, садитесь, не заставляйте меня быть назойливым и повторять приглашение.

Доля послушно сел, куда было указано: в такое же кресло. «Ну, глядь,— подумал он,— предупредили бы, так я тоже классные шмотки надел бы, а то сижу здесь, как придурок у зама по режиму...»

Он выпил кисловатой водички и, чтобы придать себе уверенности, независимо огляделся и принялся даже что-то негромко насвистывать.

— Этого не надо, Доля,— сказал хозяин.— Для музыки тут есть инструмент. Кроме того, мы и так знаем, что вы человек смелый и решительный. И, откровенно говоря, удивлены тем, что вы, вернувшись домой и не опасаясь гулять по улице, всего лишь однажды заглянули к старым друзьям.

— Что я вернулся, кому надо — знают,— сказал Доля независимо.— А я не фраер, чтобы навязываться. Кому надо — сам пускай приходит.

— Вы совершенно правы,— сказал хозяин.— Вот мы и пришли — Толик пришел, чтобы от нашего имени пригласить вас провести вечер в приятной и полезной беседе. Но должен сказать — мы немного помедлили, потому что о вас, Доля, ходят странные слухи.

— Если кто считает, что я ссучился,— ответил Доля,— то, глядь буду, я ему, банные ворота, глотку перегрызу или чтобы мне век свободы не видать.

— Ну, что вы, нет, нет,— возразил хозяин, приятно улыбаясь и показывая полный набор отличных фарфоровых зубов.— В этом вас никто не подозревает. Но толкуют, что вы были вовсе не там, где один смеется, а все плачут, а убывали, так сказать, на Луну, и вас оттуда каким-то приемом вернули.

— Быть мне падлой, если не так,— подтвердил Доля.— Мусора с оружием неосторожно обращались, и была мне хана.

— А приятную возможность вновь увидеться с вами предоставил некий кооператив. Ну, вы знаете, что я имею в виду.

— Ну,— согласился Доля.— Но это дело чистое, в этом кооперативе гадов нет.

— Вот видите,— сказал хозяин, обращаясь к одному из гостей.— Все подтверждается.

— Меня в этом мире уже ничто не удивляет,— пожал плечами тот, к кому обращались.— А скажите, Доля: как там у них с первоначальным накоплением?

— Чего? — не понял Доля.

— Зарабатывают хорошо?

— Сейчас — вполне,— сказал Амелехин.— На молоко хватает.

— И только?

— Ну,— сказал Доля, уразумевший, о чем речь,— взять там пока особо нечего. Но скоро будут грести мешками. Сейчас ремонтируются, новое чего-то там ставят.

— Расширяют производство,— сказал тот, что сидел за роялем; он перестал играть и на табуретке повернулся к разговаривавшим.— Думаю, надо позволить им встать на крыло. И уж тогда предложить услуги.

— Дать курочке научиться нести золотые яйца,— задумчиво проговорил хозяин.

Доля неожиданно заржал, громко и коротко.

— Боже, какие звуки! — поморщился сидевший у рояля.

— Что сие должно обозначать, Доля? — спросил хозяин.

— Да так просто...— застеснялся Трепетный.— Вы про яйца сказали, ну, я и вспомнил... Рассказывал как-то один на пересылке. Смешно.

— Очень интересно,— сказал хозяин.— Обожаю смешное. Расскажите, если не секрет.

— Да нет, чего же,— сказад Доля; он чувствовал себя все более свободно, ему здесь начало даже нравиться.— Это был такой путешественник, Колун. Вот. И этот Колун поехал как-то на пароходе в Америку.

— Колумб,— поправил музыкант.— У вас какое образование?

— Десять камер, тут все ясно,— сказал тот, что ничему не удивлялся.

— Ну, я как слыхал, так и рассказываю, а вы если лучше знаете, то я и помолчать могу,— обиделся Амелехин.— Я, это... не люблю, когда поправляют. Не в КВЧ пришел.

— Продолжайте, Доля,— попросил хозяин.— Мы не будем вас прерывать.

— Ну, вот. Плывут, а морячманы стали бодягу тянуть — мол, не поплывем дальше, чего мы там, у капиталистов, не видали, хотим по домам. Вот. Тогда Колун говорит: хотите, падлы, я вас удивлю, чтобы веселее было? Те говорят: давай. А неделю еще поплывете? Те подумали, любопытство их взяло, говорят: поплывем. Тогда Колун говорит: кто знает, как яйцо поставить, чтобы стояло? Ему говорят: темнишь, дед, стоит не яйцо, а что повыше. Он говорит: значит, не знаете? Нет, не знаем. Удивитесь — поплывете? Поплывем. И тут он вытаскивает перо, и себе одно яйцо — чик! И поставил на стол. А оно стоит: мягкое ведь. Те удивились и притихли. И поплыли. А до Америки всего неделя и оставалась. Вот.

— Потрясающе,— сказал ничему не удивляющийся.— Современный фольклор. Это надо бы записать.

— Время, коллеги,— сказал четвертый, до этого сидевший молча.— Доля, слушай сюда. Пойдешь в кооператив, потолкуешь с ними. Там главный кто?

— Профессор,— ответил Доля.

— Он что же — и бабки считает?

— Нет, это другой. Шухерной мужик.

— Не мусор?

— Не, зуб даю. Сдается, лежал на нарах когда-то.

— Вот с ним потолкуй. Скажи: такое дело, как у них, нельзя ставить без охраны. Скажи: к нему придут, чтобы об охране договориться. Условься, когда и как — ну ладно, это я тебе потом объясню.— Он повернулся к остальным.— Я не думаю, что им надо давать время. Начинать надо сейчас, не то другие забегут, придется спорить. А дальше — будем брать больше, только и всего. Приучать к порядку надо с детства, аксиома педагогики. Ты им скажешь: если нет — то мы не ручаемся, что их никто не обидит. Как бы тогда не погорело все их хозяйство. Все понял?

— Чего ж не понять? — пожал плечами Доля.— Дело простое.

Он уже собрался было встать, полагая, что потолковали довольно, но хозяин заговорил, и Доля остался сидеть.

— Мне бы хотелось, друзья,— начал хозяин неторопливо, налив себе «фанты»,— чтобы вы рассматривали это дело не как обычную операцию по наведению порядка и извлечению дохода. Давайте мыслить перспективно. Заглянем в будущее, посмотрим, что там светит, и заблаговременно сделаем необходимые выводы.

Его слушали внимательно.

— Вам кажется, что дела идут хорошо,— продолжал хозяин.— Даже прекрасно. Мы организовались. Наши люди повсюду. Мусо... э-э... правоохранительные органы с нами справиться не могут: нет людей, нет машин, электроники — они нищие. Мы можем работать спокойно и плодотворно.

— Разве не так? — спросил не удивляющийся.

— Сегодня — так. А завтра? Друзья мои, страна гибнет. Власть шатается. И это трагично. Это прямая угроза нам. Говорю вам серьезно, коллеги: мы приближаемся к краю пропасти!

Легкий гул несогласия возник в комнате.

— Вы не согласны? Что же, возьму на себя труд растолковать вам. Задумайтесь: вам кажется, что слабая власть — это хорошо, а никакой власти — еще лучше для нас? Чепуха, друзья мои, поверхностный, легкомысленный взгляд, психология щипача. Мы, большие фирмы, можем существовать только при сильной власти и развитой законности. И вот почему: сильная власть, подобная той, которая существовала тут еще на нашей памяти — это надежный зонтик, под которым мы можем укрыться и от проливного дождя, и от чересчур яркого солнца. Вы ежитесь при воспоминании о сроках в четвертак? Но кто из вас хоть раз отломал — не скажу двадцать пять, но даже десятку от звонка до звонка? Никто. А ведь мы с вами не мальчики, за каждым из нас — богатая, насыщенная биография, начиная еще с артелей и потребкооперации. Но что значит — твердая власть? Это чиновники, которых можно купить — и мы покупали. Это прокуроры и судьи, которым можно позвонить, приказать — и они выполнят. Это лагеря, где порядок был настолько же нашим, насколько — их. Это амнистии по разным поводам, радостным и печальным. В случае, если вам не повезет, что вы предпочтете, коллеги: народный суд — или самосуд остервеневшего населения? Не сомневаюсь, что никто не выберет последнего. Потому что там, где существует закон, всегда имеется возможность обойти его или даже прикрыться им. А где законов нет — там суд Линча с немедленным исполнением приговора! Это один аспект. И вот другой. Мы сейчас не нуждаемся, верно. Мы зарабатываем достаточно. Но ведь эти деньги обесцениваются точно так же, как зарплата какого-нибудь работяги! Разве мы с вами не переплачиваем все больше? А ведь это все цветочки! Мы катимся к положению, когда ничего больше нельзя будет взять — потому что ни у кого ничего больше не будет! Всяким ремеслом можно заниматься только

при наличии сырья. А его становится все меньше. И как бы не получилось так, что всем нам придется эмигрировать — туда, где есть, что взять, и есть, что за деньги купить. Но увы — нас там не ждут и вряд ли встретят с цветами. Нет, нам не просто нужно — нам, как воздух, необходимо твердое правительство, не какое-нибудь там демократическое с независимым судом — конечно, и такой суд можно приручить, но сколько времени и денег это потребует! — но такая власть нам нужна, при какой мы уже когда-то жили. Вот о чем надо думать, дорогие мои соратники!

Все помолчали, усваивая слышанное.

— Спели вы хорошо,— сказал затем музыкант.— Но я что-то не вижу, чем мы тут можем помочь. Назначить свое правительство? Пока это еще не в наших силах.

— Ну, я не стал бы ручаться,— ответил хозяин.— Конечно, мы так, прямо, его не назначим. Однако если, предположим, появится человек, который сможет такую власть реализовать...

— Надо, чтобы его еще допустили к власти,— сказал не удивляющийся.

— Его внесут туда на руках! Это вас устроит? Сегодня еще достаточно тех, кто делает это с криком «Ура!». Вы все еще не поняли? А ведь все это прямо вытекает из специфики того самого кооператива, в котором вы если что-то и видите, то всего лишь несколько несчастных тысяч, которые можно с них взять — в то время, как они могут дать нам нужного человека — того, кто сможет навести порядок, чтобы мы смогли воспрянуть духом!

— Воскресить, что ли? — спросил четвертый, практик.— Кого же, если не секрет?

— Неужели вы еще не поняли? Ну, я был более высокого мнения о ваших логических способностях.

— Постойте, постойте... Неужели?..

И практик сделал движение, будто разглаживал усы.

— Именно! — торжествующе подтвердил хозяин.

— Всех времен и народов? — спросил и музыкант.

— Да!

Тогда музыкант повернулся к роялю и ударил по клавишам. Он играл мелодию, на которую некогда пели такие слова:

> От края до края, по горным вершинам,
> Где горный орел совершает полет...

Все слушали молча. А потом хозяин сказал:

— Значит так, Доля. Договоритесь там о свидании. О бабках пока ни слова. Дело, друзья, какое навертывается дело! Это вам не какое-нибудь ограбление века на полтора миллиона фунтов стерлингов! Это ограбление истории, и причем в белых перчатках и безо всяких следов!

— Ограбление истории уже было,— возразил не удивляющийся,— и не раз. Он же и грабил.

— Конечно,— сказал хозяин.— Он же по сути наш. Это вам не всякие нынешние фраера! Это — Пахан! Ей-богу, такое надо отметить! Едем в «Националь»!

— Тут поездишь,— недовольно сказал практик.— Когда ты не позволяешь живые деньги взять.

— Кто тебе мешает? — спросил хозяин, встав с кресла и застегивая пиджак.— Вот, например, я слышал, в Москве Дворянское собрание открылось. Вот с них бери. За амбиции надо платить, и по высшей ставке. А этих пока оставь в покое. Ну — поехали, пока настроение у нас праздничное!

VIII

Вот так после газетной публикации нависла было беда над нашим кооперативом — но, как видим, обошлось пока. Нет, указание, конечно, осталось в силе. Но и мнения тоже остались. А мнение всегда сильнее. Потому что указание можно отменить, а мнение нельзя. Оно, как говорится, реальной фигуры не имеет. Ну и, скажем прямо, дело с одним кооперативом — все-таки не такого масштаба дело, чтобы ставить его на особый контроль. Наша же жизнь вообще на том построена, что если вынесено решение, принято постановление или дано указание, то как бы подразумевается, что оно уже и выполнено, вопрос решен, проблемы больше нет. Очень заразная привычка, и не просто от нее избавиться.

Однако все сказанное вовсе не означает, что там, за облаками, о деле с кооперативом так никто и не вспомнил. Нет, вспомнили, и не далее как в тот самый день, когда произошли все уже описанные нами встречи и разговоры. А случилось это так. Работы в этот день было немного, и самое малое два облеченных высокой (но, увы, не самой уже высокой, заметьте это, это очень важно) властью мужа решили вечером на дачу к семействам не ехать, а переночевать в городе, и соответственно проинструктировали шоферов. Вечером, уже поздно, одному из них стало что-то скучно, по ящику шла какая-то мура, и он позвонил другому, двумя этажами ниже. Оказалось, что тому тоже скучно и можно скоротать вечерок вдвоем. Так они и собрались. И каждый из них обратил внимание на то, что коллега его и товарищ был явно не в лучшем настроении и печать забот и грусти лежала на обеих лицах.

— Что невесел? — поинтересовался тот, что пришел.

— Да ну... Бардак такой, что прямо хоть плачь.

— Это верно,— согласился гость.— Не знаю прямо, что за люди. Никак не научатся. Правду говорят: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. А когда грянет, то уже и поздно...

— А что им сделаешь! — сказал первый.— С работы снимешь? Так он завтра организует что-нибудь этакое, СП какое-никакое...

— Конечно,— сказал гость,— за такие дела можно бы и под суд отдать, но только — люди-то все неплохие и могут ведь работать, если захотят.

— Под суд...— повторил хозяин задумчиво.— А помнишь,— он вдруг оживился,— как раньше в таких случаях делалось? Одно слово — и не стало их, разогнали, ликвидировали как класс. И никто и не пикнул! Сколько лет прошло, а и до сих пор вспоминают...

— Ты о чем? — спросил гость.— О ленинградском деле, что ли? Или о генетиках?

— При чем тут генетики! — несколько даже обиделся хозяин.— Я о том, как он команду ЦДКА разогнал, когда они продули за рубежом. Одно слово — и нет команды! А эти засранцы снова две игры в Италии профукали — и ничего, и дальше играть будут!

— А, вот что,— усвоил второй.— Я думал, ты о взрыве на шахте...

— Тоже плохо, конечно. И опять же. Был бы Хозяин — сразу полдюжины к стенке, остальных в лагеря — и справедливость торжествует, и никаких забастовок тебе, никаких запросов...

— Хозяин дело знал,— кивнул гость.

— Вот как хочешь, а не хватает его сегодня,— сказал первый.— Ведь, кажется, работаем, стараемся — а все равно, сползаем к капитализму, к анархии, социализм своими руками разрушаем, предаем мировую систему. А будь он... Выпьешь рюмку?

— А отчего нет? — не отказался гость.

— Ну, пойдем в гостиную.

В гостиной, сплошь затянутой ковром, стояла финская стенка (хозяин дома отличался спартанской непритязательностью), несколько глубоких кресел, видом напоминавших рюмки для вареных яиц, низкий обширный стол, на котором возвышалась высокая яркая коробка, заключавшая в себе бутылку; еще были в комнате видеосистема «Шарп», аудиосистема японской фирмы «Сейко» и кабинетный рояль «Стейнвей», на котором супруга хозяина иногда играла. Самого его Бог не сподобил, а дети по отдельности жили.

Собеседники удобно уселись у стола. Хозяин налил.

— Ну,— произнес он,— вечная память!

Немножко закусили тем, что было под рукой.

— И с каждым днем все хуже,— продолжил гость.— Куда уж дальше, если кооперативы начинают покойников воскрешать.

— Ты о чем? А, ну да, слышал.

— Навоскрешали, кого попало...

— Повторим? — посоветовался хозяин: все же привычка к коллективному руководству — великая вещь.

— Отчего же,— поддержал гость.

Повторили.

— Ну конечно,— сказал хозяин, прожевывая.— Вот именно: кого попало... Слушай-ка: а если не кого попало?

— В каком смысле?

— Погоди, сейчас додумаю... Ну да. Выходит, они могут кого хочешь воскресить?

— Ну и что?

— А если — его?

— Его...— медленно повторил гость, ощущая, как идея эта, вместе с выпитым, растекается по всему телу и приятно согревает.

— Вот именно. Память — памятью, но если он вдруг появится — ведь признают? Признают!

— Армия,— сказал гость.— И органы. Признают. Наверняка. Они от беспорядка больше всех страдают.

— А если они признают — кто воспротивится?

— Не я,— сказал гость.

— И не я. Значит так. У военных надо позондировать и в Комитете. Военных возьмешь на себя? Они тебя уважают.

— Договорились. А ты — остальное.

— Принято. Ну — за успех?

— Грех отказаться.

Рюмки нежно прозвенели, соприкоснувшись. Это еще не благовест, конечно, не колокольный перезвон на том, что осталось в столице от былых сорока сороков. А удастся — ох, в какие колокола ударим! Заставим-таки мир задрожать! Нам не привыкать! Будь здоров! И ты будь здоров! И — его здоровье! Его!

А все-таки смирновскую хорошо очищают. Легко идет. Мелкими пташечками.

IX

Недаром говорят, что идеи, которым пора приспела, носятся в воздухе. Иначе как могли бы в один и тот же день три совершенно разных группы людей, не сговариваясь между собой, прийти к одному и тому же выводу? Никак не могли бы. Но пришли же!

Ну, ладно. А чем заняты те, кто ни к каким идеям не приходит? Землянин, например?

Ну, я уж и не знаю, удобно ли... Только если вы настаиваете.

А Землянин проводил тогда капитана Тригорьева и вместо того, чтобы вернуться в лабораторию, где еще завершал свой туалет восстановленный лейтенант Синичкин, поднялся по лестнице и вышел во двор — подышать. Во дворе было тихо и спокойно. И Сеня одиноко стояла в углу, спиной к Землянину. Даже по спине этой чувствовалось, какой одинокой и неприкаянной ощущала себя девушка сейчас. Поэтому Землянин тут же направился к ней. Подо-

шел и положил руку на плечо, как бы приобнял. И Сеня сразу прижалась к нему.

— Ну, что ты? — спросил он не сердито, а наоборот, как бы виновато.— Что?

Она всхлипнула.

— Нет, это просто так... Грустно стало. Прости.— Она повернулась к Землянину, стараясь улыбнуться.

— Ну, не надо...— снова затянул он. И вдруг его осенило.— Знаешь что? Не надо плакать. Займемся лучше делом. И знаешь каким? Снимем запись твоей матери. И так все откладываем, откладываем — сколько можно? Согласна?

Теперь ей удалось действительно улыбнуться. Она кивнула.

— Тогда я сразу же,— сказал он.— Сейчас, только возьму технику. А ты вытри глаза. Платок есть? На.

Он вытащил из кармана свежий платочек, повернулся и скрылся в подъезде. Девушка ждала. Вскоре он возвратился с увесистым чемоданом в руке. Кустарной была все-таки его аппаратура; будь она сделана по-современному — весила бы впятеро меньше и места занимала соответственно. Но ничего не поделаешь, работать приходилось с тем, что есть, и возлагать надежды на будущее. Впрочем, пусть и тяжелая и неуклюжая, техника все же действовала.

— Пошли,— сказал Землянин, покряхтывя немного: все же не первой уже молодости был он.— Может, поймаем машину.

— Помочь тебе?

— Еще чего! — Как-никак, он мужчиной был.— Донесу!

Машину пусть и не сразу, но все-таки поймали. Цены теперь настали какие-то несуразные: левак заломил десятку, хотя ехать было, по московским меркам, всего ничего. Раньше Землянин еще крепко подумал бы, но теперь — кооперативщик все-таки! — десятку мог отдать без судорожных размышлений. Водитель рулил и все время недовольно косился на чемодан, который Землянин не пожелал поместить в багажник и держал на коленях. Доехали. Дом был солидным, построенным году в тридцатом — шесть этажей, но без лифта, и наружный тоже почему-то не поставили тогда, когда везде ставили. Пришлось тащить чемодан на четвертый этаж своим ходом и потом переводить дыхание.

Девушка отперла. Квартира оказалась двухкомнатной, небольшой, обставленной небогато, но аккуратно. Землянин опустил чемодан на пол в прихожей, вытер пот. Осмотрелся.

— У тебя приятно... Разуваться нужно?

— Да? Я привыкла... Нет, не надо, пол и так... Выпьешь чаю? Кофе?

— Нет, не люблю спешить. Лучше потом, после работы — чашечку кофе... Где, по-твоему, могут быть самые четкие следы? Где мама находилась больше времени? На кухне, наверное?

— Нет,— сказала Сеня.— Кухней мы не очень увлекались. Вот в этой комнате. Это была ее. Последнее время она лежала тут на тахте. Читала... или просто так лежала. Думала...

Голос её задрожал.

— Хорошо, я понял,— сказал Землянин.— Ладно, за дело!

Он внес чемодан, раскрыл, принялся устанавливать свои приборы, соединять друг с другом.

— Где у тебя розетка? Ага, спасибо. Включи, пожалуйста.— Он перекинул несколько тумблеров на небольшой панели ящика, который установил на овальном столике в углу — наверное, раньше столик этот играл роль туалетного. Прислушался — приборы едва уловимо гудели. Землянин удовлетворенно кивнул, достал длинный, свернутый в кольцо кабель, снабженный с одного конца штеккером, с другого — чем-то вроде воронки, только с закрытым раструбом.— Сеня... Сейчас лучше будет, если ты выйдешь из комнаты — чтобы не наводить помех.

— Мне хочется посмотреть — этого я еще никогда не видела.

— Да? Ну ладно; тогда посиди вон там, в уголке у окна — только не двигайся, спокойно сиди и смотри, раз интересно.

— Мне интересно все, что ты делаешь,— сказала Сеня.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Ну, начали.

Выглядело это не очень эффектно и больше всего походило, пожалуй, на работу маляра, красящего стену и все, что вокруг него, неторопливыми, плавными, не размашистыми движениями флейца. Движение за движением, одно параллельно другому и совсем рядом, чтобы не осталось непрокрашенных мест. За полчаса и даже за час такую работу не закончить было.

— А говорить можно? — спросила Сеня.

— Говоришь? Можно.

— Это всегда так долго?

— Что ты, здесь хорошая четкость, управимся быстро. Бывает, приходится по нескольку раз... Вот разбогатеем, закажем хороший сканер, он у меня уже в чертежах, все рассчитано... Тогда так ползать не придется. Сиди только да поглядывай, автоматика сама поведет, компьютер...

— Наверное,— сказала Сеня после паузы,— за границей тебе работать было бы легче?

— Наверное,— согласился Землянин.— Если бы я жил за границей. Но я ведь здесь живу.

— Можно уехать. Люди уезжают...

— Да, конечно. Но я здесь привык — за столько лет.— Он улыбнулся, не глядя на нее — работа требовала внимания.— Привычка — вторая натура, как говорят. А у меня, по-моему, даже первая. Первая, первая...— забормотал он себе под нос, протянул, не глядя, руку, что-то переключил, еще раз переключил. Сеня

умолкла и уже не заговаривала более, пока Землянин не вздохнул наконец облегченно и не отошел к приборам, потирая спину.

— Ну, вот и дело с концом,— сказал он.— По-моему, запись получилась по первому классу. Можно смело реализовать.

— Спасибо вам,— тихо молвила Сеня, все еще сидя в уголке.

— Ну нет, одним «спасибом» не отделаешься. Мне обещаны были чаи, кофеи, ананасы в шампанском и вообще сорок бочек арестантов! Крови жажду! Или все это только обещания были? Как в предвыборной кампании?

— Нет, фирма не жалеет затрат,— ответила она, подделываясь под его легкомысленный тон.— Только... ты не обидишься, если на кухне? Я так привыкла, да и удобнее, два человека там вполне помещаются.

— Обожаю на кухне! — провозгласил он.— Иди, мечи все на стол, пока я уложу свое достояние.

Укладывая приборы в чемодан, аккуратно упаковывая кассету с записью, он слышал, как позвякивала на кухне посуда, и у него почему-то сладко замирало сердце, словно не выпить чашку кофе предстояло ему, а испытать какое-то доселе неведомое блаженство. Но анализировать свои чувства не хотелось. Хорошо на душе — ну и слава Богу, строго говоря, у человека всегда должно быть хорошо на душе...

Сеня позвала из кухни, Землянин защелкнул чемодан и послушно пошел. Маленький столик был накрыт, и кроме обещанного, на нем даже бутылка стояла — семнадцатирублевая, загодя, видно, припасенная. Закуска была небогатой, но девушка старалась — это чувствовалось — сделать все достойно, насколько позволяли ее пока не очень-то большие заработки. Это тронуло Землянина, почти до слез проняло. Оттого, может быть, что давно уже его никто так не принимал? Мама дома — ну, это было привычно, непременная часть жизни, сама собою подразумевающаяся. А вот так, как здесь — необычно было. Землянин был отзывчив на ласку, но как-то получалось в жизни, что ласки всегда доставались кому-то другому.

— Садись, где тебе удобнее,— предложил Сеня.— Тут?

— Могу,— согласился он.— Ну, здесь прямо пиршественный стол! Будем кутить?

— Будем кутить! — подхватила она.— Вода уже закипает. Может быть, нальешь пока?

— С радостью! — откликнулся Землянин, наливая осторожно: большого застольного опыта у него не было, но все же он ухитрился не накапать на скатерть — льняную, ему показалось, хотя на самом деле то был пластик.— Ну, за что? За исполнение желаний?

— За вас,— сказала Сеня тихо.

— Ну, зачем же,— смешался он.— Я еще ничего не сделал.

Вот когда вернется твоя мама — тогда, пожалуй, не откажусь. А пока — давай просто за то, чтобы все было хорошо!

Рюмки встретились над столом. Были они не совсем хрустальными, и звук получился не очень чистым, но пирующих это не смутило. Потом была еще рюмка, и еще, и кофе в промежутке, закуски остались почти нетронутыми, потому что все время велись разные разговоры; говорил больше Землянин, а Сеня слушала и временами вставляла словечко или о чем-то еще спрашивала. Такие вечера пролетают мгновенно, и когда Землянин взглянул на часы, то удивленно ужаснулся: — Это мы столько просидели? Второй час! Пора, как говорится, и честь знать...

Он вскочил. Сеня тоже поднялась.

— Я и не заметила,— тихо сказала она.— Как же ты теперь — с чемоданом? Ночью здесь у нас с машинами нелегко...

— Да уж как-нибудь,— браво сказал он,— доберусь. И поделом мне: столько времени у тебя отнял, спала бы давно, ты вон какая измученная.

Сеня стояла неподвижно, уронив руки.

— Да, конечно...— проговорила она.

Что-то было в ее голосе, что заставило Землянина внимательно взглянуть на девушку. Сеня смотрела на него пристально, и в глазах ее Землянин вдруг прочитал тоскливый упрек, и не поверил, и одновременно поверил. И невольно сделал шаг вперед, ногой отодвинув разделявшую их табуретку. А Сеня со вздохом облегчения одновременно шагнула навстречу, и он обнял ее. Волосы Сени тонко пахли чем-то горьковатым. Нечаянно закрыв глаза, он нашел ее губы и долго не отрывался от них.

— Не уходи,— прошептала она.— Будь со мной, будь...

А он даже и не подумал о том, о чем обязательно вспомнил бы в другой раз: а что скажет мама? Сеня, чуть высвободившись, шагнула, и Землянин послушно пошел за нею в комнату — не туда, где оставался чемодан, а в другую. Там было темно, однако Сеня не стала включать свет, его было достаточно из окна (на улице еще горели фонари), а главное — он вовсе и не был им нужен.

X

Силен все-таки у нас общественный инстинкт: если нынче вечером один выпивает, допустим, здесь, то где-нибудь там, вовсе на другом, может быть, конце города человек, связанный с этим первым какими-то неощутимыми душевными нитями, выпьет тоже, даже и не подозревая, что это не просто так, а единство судьбы. И если Землянин, чему мы уже были свидетелями, с девушкой Сеней выпили на двоих чуть ли не целую бутылку коньяку — ну, не целую, это мы просто, как говорится, для звону, но уж никак не ме-

нее половины выпили, совершенно точно,— то во многом близкий ему романтик рынка А. М. Бык совместно со своим компаньоном по бизнесу Федором Петровичем тоже причастились одновременно. Правда, не на кухоньке, а в неплохом номере гостиницы «Белград», и не семнадцатирублевого коньяку, а другого — не можем точно сказать, сколькорублевого, потому что за рубли он, коньяк этот, называемый также бренди, на данном этапе перехода к регулируемому рынку и не продается вовсе,— но коньяк был точно другой, слышали мы, что испанский, то ли «Три розы», то ли другой какой, но с ощутимым запахом плесени, что в случае с коньяком является достоинством, хотя вовсе неприменимо к закуске. А кроме того, было их не двое, а трое; третьим был иностранец, деловой человек из мира желтого дьявола, который там правит бал, и весело правит, так что бал все не кончается и не кончается, хотя по всем теоретическим выкладкам уже давно должно было бы наступить похмелье. Оно, кстати сазать, и наступило, но по какой-то странности не там, а тут — воистину, в чужом пиру... Так вот, третьим был иностранец, которому, собственно говоря, и коньяк принадлежал, и номер гостиничный был — его, то есть, он за него платил волшебными бумажками, бумажками-оборотнями, имеющими свойство во всем мире превращаться во все, чего душа ни пожелает — в отличие от наших отечественных, которые, каких ни произноси заклинаний, так ни во что и не пресуществляются, а остаются самими собой, желтыми бумажками. Был в номере обширный ковер на полу, и финская стенка, и картины на стенах, и импортные обои в желтоватых тонах, и глубокие кресла, напоминавшие рюмочки для яиц всмятку, и просторный низкий стол, на котором упомянутый коньяк имел местоположение, не в одиночку, впрочем, были там и другие бутылки, но предпочтение отдавалось именно этой. И — еще одна странность — разговор тоже шел о восстановлении людей, а в воздухе витала, хотя по имени никем и не названная, мысль о любви — только на этот раз любви, так сказать, коммерческой, свое проявление находящей в кредитах, льготах, взаимовыгодных соглашениях и всем таком прочем. Разговор велся на русском языке, которым все трое участников собеседования владели, хотя и не в совершенстве, причем первые двое говорили на нем без акцента, но грамматически, синтаксически и стилистически неправильно (так уж у нас принято даже и в высших — или прежде всего в высших эшелонах власти), третий же, иностранец, говорил грамматически, синтаксически и стилистически правильно, но с заметным акцентом, когда вместо четкого и недвусмысленного русского звука Р выплевывается нечто, плохо пережеванное. Но это, однако, не так и важно: все участники друг друга понимали, вот что главное, понимали и то, что сказано, и то, что не высказано, но подразумевается; без такого умения понимать в подобные разговоры лучше вообще не пускаться.

— Да,— говорил иностранец, покручивая в пальцах хрустальную рюмку, в которой еще недавно было налито на два пальца.— Этого я, совершенно откровенно, не представляю. Вы, я бы сказал, не совсем хорошо ориентируетесь в наших условиях. Вам кажется, что стоит воскресить, например, президента Джона Ф. Кеннеди, как все завалят вас заказами, и вам останется думать лишь о том, как бы уплатить поменьше налогов. Так вот, смею вас заверить: у вас, может быть, такой ход и привел бы к успеху, но в нашем мире... Президент, быть может, действительно является в какой-то степени, или даже без всяких степеней, национальным героем, мучеником, пусть так. Однако мучеником может быть только мертвый, если он воскресает — это уже не мученик...

— Однако, Христос воскрес,— возразил А. М. Бык.

— Простите. Он воскрес, да; но — и этого нельзя упускать из виду — воскреснув, не остался на земле, но вознесся. И это весьма существенная деталь: он не остался, чтобы продолжить свое дело, он уполномочил на это других, сам же отошел от конкретного руководства, выдал, так сказать, генеральную доверенность. А политик так не может. Политик жив в политике лишь до тех пор, пока руководит сам — иначе он становится всего лишь символом добра, как Спаситель, или зла, как ваш старый Джо. Так вот, покойный президент, о котором мы говорим, тоже стал в известной мере символом американской традиции, американской мечты; и чтобы оставаться таким, ему вовсе не нужно воскресать, изн't ит? Воскреснув, он вынужден был бы снова пробиваться к руководству политикой, что было бы крайне трудно. Но допустим, он снова стал бы президентом; согласитесь, однако, что политика времен Карибского кризиса — одно, а политика эпохи перестройки — нечто не просто совсем другое, но, я бы даже сказал, противоположное. Сегодня политический лидер обязан мыслить совсем другими категориями, мир сейчас воспринимается совершенно не так, как в начале шестидесятых; уверяю вас, ему не хватило бы всей второй жизни, чтобы все понять и измениться. Вот, в самых общих чертах, причина того, почему ни один серьезный человек не вложит в такое дело и пяти долларов. И тоже относится к другой вашей идее — относительно Мартина Лютера Кинга. Всякой идее, всякому движению нужны мученики, святые и герои — и движение их получает, а получив, вовсе не намерено от них отказываться. Когда человек становится легендой, обратный процесс делается невозможным: легенда не должна становиться снова реальным человеком с его мелкими, но весьма реальными недостатками — потливостью ног, допустим, несварением желудка, дурными настроениями, и так далее. Нет-нет, господа, в такой форме ваше предложение, мягко говоря, не вызывает ни энтузиазма, ни, тем более, желания рискнуть своими деньгами. Вы уж извините, но в делах надо говорить прямо и исчерпы-

вающе. Правда, у вас этого большей частью все еще не поняли.

И говоривший снова налил себе на два пальца.

— Ну хорошо,— сказал терпеливый Федор Петрович.— А если ограничиться частными заказами? В конце концов мы знаем, что американцы — народ добрый. И если возникнет возможность вернуть в жизнь, предположим, покойных родителей — неужели найдется кто-то, кто пожалеет на это не таких уж больших денег?

Американец доел персик и вытер пальцы салфеткой.

— Дело не в деньгах,— сказал он, покачивая головой.— Но, господа. Соединенные Штаты стали великой державой не в последнюю очередь благодаря четкости и ясности наших гражданских отношений, в том числе имущественных, денежных... Это, кстати, то, чего у вас не было и сейчас еще нет. Ясность отношений. То есть, если это — мое, то я знаю, что оно — мое, и я вправе, и всегда буду вправе распоряжаться им так, как считаю нужным именно я, а не кто-либо иной. А то, что вы предлагаете, грозит... Ну вот, возьмем конкретный пример. Вот перед вами сижу я. Поверьте, господа: я всегда любил моего отца, ныне, увы, покойного. Он был прекрасным человеком — способным, энергичным, честным, добрым, больше всего на свете любившим свою семью и жившим ее интересами. Я уже не молод, но и сегодня воспоминания о нем и о временах, когда он был с нами, помогают мне сохранять бодрость, ясность мышления и определенность поведения даже в очень неблагоприятных ситуациях. Я знаю, у вас иные думают, что Штаты — это рай, в котором не бывает тяжелых ситуаций; но это даже не миф, джентльмены, это суеверие. У нас много трудностей, просто они не на уровне покупки еды или автомобиля, они на других уровнях... Да, итак — память об отце помогает мне. И вот сегодня явились вы и сказали: мистер Фьючер или даже просто — Дэн, хотите, мы вернем к жизни вашего отца, и это обойдется вам недорого?

— Собственно мы...— начал Федор Петрович.

— Да, вы не предлагали именно так, но я говорю например. Что я отвечу вам на такое предложение? Или вернее: о чем я подумаю, получив его? Первым движением души — а на свете существует не только загадочная русская душа, господа, есть и американская,— было бы: о, как прекрасно! Провести уикэнд с отцом, слышать его всегда точные и часто остроумные суждения, ощущать все тепло его отцовской любви и знать, что он так же точно чувствует и мою сыновнюю... Как прекрасно!

Кажется, даже слезы навернулись на глаза мистера Фьючера, Даллас, Техас, Ю-эС-Эй. Да и романтический А. М. Бык тоже едва не всхлипнул — вспомнив, может быть, собственного папу?

— Ну,— сказал Федор Петрович, суровая партийная биография которого не располагала к сентиментам,— и разве вы пожалели бы на это денег?

— Деньги,— сказал мистер Фьючер.— Да, у меня есть кое-какие деньги, господа, не очень маленькие даже по нашим представлениям. Часть их я заработал сам, другую же часть унаследовал от покойного отца. Его средства, джентльмены, были вложены в предприятия, выполнявшие правительственные военные заказы. Он был одной из заметных фигур в этой области. Я, господа, сторонник разоружения, я — за мирный бизнес, за сохранение среды и так далее. Поэтому я постепенно перевел унаследованный капитал в другие отрасли деятельности, весьма перспективные. И не проиграл, заверяю вас. Конечно, найти сумму, нужную для восстановления моего отца по вашим расценкам, не составляет труда: автомобиль моей дочери стоит дороже. И вот, предположим, мы договорились, я заплатил, вы выполнили работу. Отец вернулся. Праздник. День, два, три... Но всякому празднику приходит конец: непрерывный праздник — это только у вас может быть, мы же не забываем, что Америку создал труд. И вот в первый же послепраздничный день отец спрашивает меня: Дэн, где деньги? Он имеет право спросить, господа: он жив — значит, это его деньги, а не мои. Я должен их вернуть. Я объясняю ему, как я успел ими распорядиться. Но он со мной не соглашается, потому что всю жизнь действовал в той области, от которой я отказался, его связи — там, партнеры — там, весь его опыт — там, господа. Продавать ракеты и продавать, допустим, тонкие технологии, что я делаю сейчас — это разные искусства. Отец мой владеет первым и не владеет вторым. Нам не удается договориться. Я вынужден свернуть какие-то области своей деятельности, где нельзя медлить, чтобы наши японские друзья не забежали слишком далеко вперед; но все во мне восстает против этого, потому что в сегодняшнем бизнесе я понимаю больше, чем отец, не участвовавший в нем более двадцати лет. А уйти на покой и пользоваться только дивидендами он не захочет: он, пока жил, работал сам, и я, пока живу, работаю сам, и ни за что не откажусь от этого: тогда я потеряю ценность не только в глазах общества, что само по себе очень важно, но и в моих собственных глазах. А человек, господа, должен уважать себя, должен в собственных глазах представлять немалую ценность — иначе он вообще ничего не стоит, поверьте мне. И вот я обдумаю все это и при следующей встрече скажу вам: господа, как ни жаль, я не могу принять вашего предложения. Оно прекрасно, но оно нарушит естественный ход вещей — и потому неприемлемо.

Он умолк, обвел присутствующих взглядом и улыбнулся.

— Вижу, что разочаровал вас, джентльмены. Да, понимаю: сейчас я нанес вам удар. Но учитесь вести дела: не бывает, чтобы все сразу получалось. Умейте, как боксеры, держать удары, иначе вам нечего делать в бизнесе. Ищите, ищите другие возможности, не позволяйте себе расслабляться... Сделаем выпить, а?

Сделали. Федор Петрович вытер губы. Он не спешил уйти в свой угол ринга.

— Ну, ладно,— сказал он,— это родители. Допустим, вы правы. Но ведь и у вас умирают дети. Вы ведь любите своих детей, мистер Фьючер? Лично вы, и американцы вообще?

— Разумеется,— согласился мистер Фьючер.— Думаю, что детей любят все — кроме душевнобольных, может быть. Но, должен сказать, у нас дети умирают намного реже, чем у вас. Хотя направление, конечно, верное. Дети, жертвы автомобильных инцидентов, авиационных катастроф... Кое-что тут заработать, конечно, можно.

— Так почему бы вам не принять наше предложение? — спросил нетерпеливый А. М. Бык.

— А я и не сказал, что не приму его вообще. Я только хотел, чтобы вы представили себе реальную картину и не ждали, что весь мир окажется у ваших ног. А что касается непосредственно ваших условий... Боюсь, что снова разочарую вас: в таком виде они неприемлемы. Но хочу тут же ободрить: во всяком случае, есть основания для переговоров. Хотите, чтобы я пояснил мою мысль?

Оба собеседника закивали.

— Пожалуйста. Поскольку вы хотите зарабатывать обратимую валюту и, следовательно — возвращать к жизни в данном случае американцев, то и работа должна делаться у нас. Вы ведь не станете посылать вашего человека к нам каждый раз для снятия записи? Естественно, нет, это невыгодно. Значит, служба записи должна находиться в Штатах. Это первое. Второе: и служба восстановления — тоже. Потому что вся аппаратура будет изготавливаться, естественно, у нас, я уже представляю, кому следует ее заказать. Обслуживаться, ремонтироваться и тому подобное она будет тоже нашими специалистами. Что, собственно, вы вложите в это производство? Только одно: идею и первоначальную технологию. Первоначальную — потому что не сомневаюсь, что мы сможем ее усовершенствовать. Но, господа, как говорят у вас в народе: сено к лошади не ходит! Следующее обстоятельство: сырье, исходные материалы. Не хочу вас обидеть, но скажу откровенно: не верю в химическую чистоту ваших материалов и в возможность получать их регулярно и бесперебойно, что необходимо при массовом производстве. И напротив: уверен, что мы можем в этом поручиться. Таким образом, что же получается: заказчики — у нас, техника — у нас, сырье — у нас. А что у вас, кроме идеи? Дешевая рабочая сила? Но тут ведь речь идет о самое большее десятках, а не тысячах работников. Для чего же мне вкладывать деньги в создание предприятия у вас? Только у нас его можно и нужно создать. Берите билеты, прилетайте к нам с вашим ученым — и начнем работать. Ваша сторона будет получать определенный процент прибыли. Это вполне разумный под-

ход к делу. Расходы по вашей поездке я могу взять на себя.

— Спасибо,— поблагодарил Федор Петрович.— А какой именно процент?

— Ну, это мы решим уже при конкретных переговорах. А пока, я думаю, вам надо обсудить то, что сказал я, а я поразмыслю обо всем еще раз, со своей стороны. И поверьте: ни один серьезный человек — американец, японец, немец, француз, кто угодно — не пойдет на ваши условия, но предложит вам то же, что и я; разница может быть только во второстепенных деталях. Позвоните мне — одного дня вам хватит? — послезавтра в девять часов. Было очень приятно, господа. Бай-бай.

Они вышли. Классная девица, проходившая по коридору, на миг подняла на них глаза, но тут же утратила интерес.

— Да в конце концов,— сказал Федор Петрович,— какая разница: тут, там? Там даже лучше! — И он засмеялся.— А тебя такой вариант не радует? Родные березы держат?

— Березы не березы,— сказал А. М. Бык,— но вижу сложности. Землянин пока что невыездной: срок секретности не истек. А ты, наоборот, так сказать, невъездной.

— Это еще почему? — нахмурился обидчивый Федор Петрович.

— Они коммунистов не очень любят впускать.

— Это-то дело поправимое,— сказал Федор Петрович.— Да и они, говорят, собираются смягчить... А вот с Земляниным. Без него нельзя? Пусть обучит кого-нибудь на первое время, а там и сам подъедет. Не станем же мы его надувать! Или, думаешь, не поверит?

— Да нет, он вообще доверчивый,— сказал А. М. Бык.— Но вот насчет обучения — тут не всякий человек подойдет.

— Уж такие там тонкости!

— А ты можешь взять первого попавшегося, дать ему краски, кисти и сказать: нарисуйте-ка мне портрет вождя! Нет, его надо сперва обучить, а для этого талант нужен, верно?

— Значит, нужно найти. Не бросать же дело из-за этого! Подсуетиться надо... Да вот хотя бы эту его ассистентку взять: она уже наверняка дело освоила... Как думаешь, а он ее? Ничего, между прочим, девуля...— Тут мысли его сделали поворот.— И та, что нам только что попалась — тоже ничего-о!

— Дай сто долларов! — попросил Бык неожиданно.

— Спятил? Где я возьму тебе?

— А мне и не надо. Просто эта девушка меньше не возьмет.

— Распустился,— вздохнул Федор Петрович.— Вконец распустился народ...— Тут он снова повеселел: — А представляешь, Аркашка: приезжаем мы оттуда в отпуск домой, в Москву, полные карманы долларов? Ну жизнь пойдет!..— И он громко захохотал.

— Тихо ты,— сказал А. М. Бык.— Глядей разбудишь. Об охране труда не думаешь, тоже мне руководитель...

XI

И опять приходится повторить: есть какая-то незримая связь между людьми! Потому что подумал вот Федор Петрович о Землянине и девушке Сене — и ведь как в воду глядел!

...Они лежали тесно, первый зной схлынул, но осязание друг друга продолжалось, а удивление случившимся не только не уменьшалось — у Вадима Робертовича во всяком случае,— но росло даже. Что-то хотелось ему сказать, но слов не находилось, чтобы выразить, это только прикосновениями и можно было передать — рук, губ... Сеня молчала, и не понять было: жалеет ли о совершившемся, раскаивается ли — или просто живет сейчас телом, и телу хорошо. Но уж таким был Землянин: сомнения для него были, что зубная боль. И не удержался, чтобы не спросить тихо, одним дуновением:

— Не жалеешь?

Она в ответ легко засмеялась.

— Чему ты?

— Просто пришло в голову... Знаешь, кто ты был сейчас?

— Я? — Он тоже невольно улыбнулся, радуясь легкому ее настроению.— Кто же?

— Собака на сене.

Он не понял:

— Почему?

— Набросился, как собака на кость. Даже СПИДа не испугался.

— Не подумал даже. А почему на сене?

— Как зовут меня — забыл?

Каламбур ему не понравился, и Сеня почувствовала это.

— Извини, я плохо пошутила... Ты спросил, не жалею ли. Нет. Я ведь сама этого хотела. Потому что тебя давно уже поняла. Почувствовала. И так решила. Женщине вовсе не обязательно знать: она чувствует, что ей нужно, что подходит... и что — нет.

— И ты решила?

— На сегодня,— сказала она.— Вот на эту ночь. Дальше — еще не знаю. А вот ты... подумал о чем-нибудь? Ты-то ведь меня совсем не знаешь.

— Ну, как же не знаю,— лениво протянул он.— Очень даже знаю.

И вдруг задумался: а ведь и в самом деле — что он знает? Даже приподнялся на локте.

— Слушай, а и в самом деле... Пришла ниоткуда...

— Как же — ниоткуда? Вот отсюда, из этого самого дома.

— Кто ты? Где работаешь?

Она чуть усмехнулась.

— Неудавшаяся кинозвезда. Ныне — дипломированная секретарша со знанием стенографии, умением обращаться с магнитофо-

ном, работать на компьютере, печатать — это уже само собой.

— И работаешь?

— Конечно. Кто бы стал меня кормить?

— Разве ты ходишь на службу? Ты все время у нас...

— Не навечно, к сожалению,— вздохнула Сеня.— Просто у меня сейчас отпуск. Кончится — и придется тебе с Быком думать, то ли приглашать меня на постоянную работу — а я запрошу много, можете столько не захотеть,— или же будешь меня видеть от случая к случаю.— Она погладила его по голове, по плечу — крепкому еще, мужскому.— Одичаешь без меня, отвыкнешь...

— Не хочу так. Хочу, чтобы ты была всегда.

— Наверное, и я тоже... Хотя нет — не знаю еще точно.

Сейчас, в темноте, в постели, совсем другой она показалась Землянину: более взрослой, что ли, зрелой, рассуждающей, в чем-то своем уверенной...

— Мешает прошлое? — спросил он нечаянно: вряд ли надо было спрашивать об этом.

— Прошлое? Это то, чего нет сейчас, а как может мешать то, чего нет?

— Если бы так, зачем бы люди боялись призраков?

— Кто же тебе сказал, что призраки не существуют? Так ведь и о душе говорили, что ее не существует — а у тебя на ней все построено, вся твоя практика... Скажи: ты своим делом доволен?

— Иначе не работал бы. Но, если правду говорить, иногда думаю: неужели добро и зло — одно и то же, только с разных сторон?

— Откуда такие мысли?

— Да вот хотя бы... Вернули мы с тобой сегодня паренька этого, милиционера. Он пока еще ничего не знает. А ему трудно будет. И не только потому, что без документов, без работы — тут ему коллеги помогут, Тригорьев говорил — своего не бросят. Но был у него дом, семья — ничего нет.

— Почему?

— Жена его — бывшая — замуж вышла. И не в чем ее упрекнуть: имела право, не бросила ведь, не сбежала, не обманула — похоронила. И теперь, конечно, новую семью ломать из-за воскресшего не станет. Она не виновата. А он — тем более...

— Зачем же ты его восстанавливал?

— Да уж очень просили.

— Не надо было тебе соглашаться.

— Может быть,— сказал он.— Не знаю. Жизнь ведь и в несчастье — жизнь. Что-то. А смерть — ничего.

— Раз душа — значит, не ничего?

— Не знаю, Сеня... Никто не знает. Нельзя знать. Верить — разве что. Что там душа, как она? Восстановленные об этом ничего

сказать не могут: я ведь их перехватываю до того, как умерли, часто — задолго до того. А душа... может, и помнит что-то, но не говорит.

— Наверное, подписку дала,— усмехнулась Сеня.— О неразглашении.

— Да, высший уровень секретности...

— Ладно, что это мы вдруг — о чем заговорили. Ты меня о моем прошлом спросил; ну, а твое — не тяготит?

— А у меня если и есть прошлое, Сеня, то — несостоявшееся. У каждого в прошлом множество вырытых котлованов, не использованных под фундаменты, и множество фундаментов, на которых ничего не построено, и построек, в которых так никогда никто и не жил...— Он вдруг сел на диване.— Слушай, Сеня! Я хочу, чтобы ты поговорила с мамой. Моей. Сначала, конечно, я сам. Но и ты. У вас ведь, по-моему, знакомство уже состоялось, и без осложнений...

— Ну, какое знакомство: она к тебе зашла, перекинулись парой слов... Но, по-моему, я ей понравилась. А потом — с моей мамой?

— Непременно.

— Ты так хочешь?

— Разве ты — нет?

— Сейчас — хочу... Но только не разговоров.— Она потянула его за плечи, заставляя снова лечь. Прижалась.— Обними меня. Дай руку. Вот так... Ты...

— Скажи: Вадим.

— Вадим...

Еще много времени до утра. Выпала им такая ночь — ночь любви. Не будем мешать, пусть это и старомодно, пусть теперь принято демонстрировать сексуальную технику широким массам. Вадим Робертович — человек очень во многом старомодный. Простим ему отсталость. И нам тоже. Жаль только, что вряд ли они выспятся как следует.

XII

Но вот кто точно не выспался этой ночью: Федор Петрович.

Он, как мы знаем, пришел домой достаточно поздно. А во время самого сладкого, предутреннего сна его разбудил телефон.

— Да! — сердито сказал он в трубку, косясь на жену: не проснулась бы. Она, однако, только пробормотала что-то сквозь сон недоброжелательно и стала спать дальше.

— Федор Петрович? — поинтересовался голос. Уверенный голос, ничуть не заспанный, словно не рассвет был, а полдень уже по крайней мере.

— Да, я,— сказал Федор Петрович, медленно просыпаясь.— Что случилось? — Его первой ясной мыслью было, что в районе какое-то ЧП, раз уж ни свет, ни заря будят первое лицо.— Докладывайте! Кто говорит?

Собеседник его на том конце провода кратко представился, и тогда Федор Петрович проснулся окончательно и почему-то огляделся вокруг.

— Да, да, слушаю,— проговорил он с готовностью.

— Вы извините, что так рано, но дело неотложное, возникла необходимость посоветоваться с вами.

— Разумеется, я всегда... Я уже вставал, собственно.

— Вот и прекрасно. Итак, сможете ли вы подъехать к нам... ну, скажем, через час? Мы подошлем машину.

— Да зачем же, я свою...

— Вы не знаете, куда.

— А разве не?..

— Ну, зачем же. Не беспокойтесь, потом вас и отвезут, куда скажете. Итак, через пятьдесят минут спуститесь к подъезду.

— Непременно. А как я узнаю?..

— Вас узнают, не беспокойтесь. Всего доброго.

На этом трубка с той стороны была повешена. Федор Петрович только покрутил головой и спешно направился бриться и совершать прочий туалет. В голове все время вертелось: по какому поводу? Какую неосторожность себе позволил? Да если бы даже и позволил, не те времена нынче, не те, чтобы так просто брали людей его ранга! Но сколько ни утешал он себя, инстинктивный страх становился все сильнее, да и простая логика подсказывала: времена не те, это верно, но ведь что стоит временам измениться? В теперешней обстановке секунда — и все повернулось иначе, и снова пришла пора, когда не только районного масштаба вождей, но и с самого верха, с набатными именами людей просто так, двумя пальчиками снимали, как пешку с доски — и вечная память, а вернее — вечное забвение. Или все-таки не следовало связываться с кооперативом этим, чертов Аркашка Бык, даром что Бык, а подложил такую свиньищу, с мамонта размером! Нет, рвать надо с ними, рвать и держаться своей стези, надежной, аппаратной...

Так он страшился и но и любопытно было; любопытство — очень распространенный грех, и почему-то мало кто считается с тем, что многия знания дают многия печали.

В страхе или нет, через пятьдесят минут, даже раньше, Федор Петрович был уже у подъезда, а машина уже ждала — черная «волга», совсем как его, с затемненными стеклами и телефонной антенной посреди крыши. Когда Федор Петрович ступил на тротуар, дверца «волги» отворилась, вылез молодой, аккуратно одетый человек и пригласил:

— Пожалуйста, Федор Петрович. Нас ждут.

Ехали недолго. Их и в самом деле ждали — в просторной квартире, где полы были устланы коврами, на стене в прихожей висели неплохие картины, импортные обои были голубоватого оттенка, а в комнате, куда его провели, стояла финская стенка, несколько современных кресел, напоминавших яичные рюмки с выщербленным краем, обширный низкий стол, на котором возвышалось несколько бутылок с боржомом; кроме того, наличествовали видеосистема, аудиосистема, и то и другое — дальневосточного производства, а в углу — кабинетный, кажется, «Бехштейн»; на такие вещи глаз у Федора Петровича был наметанный, тем более, что и у него самого дома было в общем то же самое, разве что обои другого цвета и картины другие, и от этого совпадения у него почему-то возникло ощущение спокойствия, и в комнату он вошел, уже вполне владея собой.

В креслах уже сидели трое, все скромно, но весьма качественно одетые и, невзирая на ранний час, ничуть не заспанные, не усталые, но свежие и жизнерадостные.

— Здравствуйте, Федор Петрович,— сказали ему, взблескивая доброжелательными улыбками.— Садитесь. Мы вас надолго отрывать не будем, но возникла действительно серьезная необходимость поговорить.

— В районе что-нибудь? — спросил Федор Петрович несколько даже отрывисто, тоном человека, готового и нести ответственность, но и действовать незамедлительно.

— Нет, если бы в районе, то мы бы к вам приехали — доложить. А сейчас разговор о другой вашей работе.

— Я слушаю,— сказал Федор Петрович готовно.

— Мы знаем вас как человека надежного и честного, и руководство, как известно, вам доверяет, и коммунисты района. И в этой связи вчера вечером были несколько удивлены, Федор Петрович! Этично ли переправлять за рубеж ценности, являющиеся составной частью нашей культуры?

— Товарищи! — сказал Федор Петрович.— Скажите мне только: кто осмелился? И если он — член партии...

— Значит, вы понимаете,— холодным голосом сказал второй собеседник.— А тем не менее, готовы переправить за границу — и не бескорыстно — крупное открытие, которое является частью нашей культуры не меньше, чем какие-нибудь иконы или картины.

— Минутку, товарищи,— проговорил Федор Петрович едва ли не оскорбленно.— Тут фатальное недоразумение! Я вовсе не собирался передавать. Наоборот. Речь шла о создании — здесь, у нас! — совместного предприятия с целью привлечения валютных инвестиций. Именно так стоял вопрос, и никак не иначе!

Достойно держался Федор Петрович, слов нет.

— То есть, так вы поставили вопрос первоначально,— слегка поправили его.— Но вам предложили другие условия. И вы их не отвергли.

— Нет, не отвергли. Но ведь и согласия не дали, как вы знаете. А сразу не отказались потому, что хотели основательно проработать этот вопрос со специалистами в области экономики, международного права — и, разумеется, с вами, товарищи.

Все трое одновременно слегка улыбнулись, как бы давая понять, что одобряют его находчивость. Потом заговорил третий, самый пожилой.

— Так вот, Федор Петрович,— сказал он негромко, но как-то очень авторитетно.— Никакой утечки такой информации за рубеж мы не допустим. Но не хотим пренебрегать и вашими интересами, как и интересами всей нашей экономики в целом. Поэтому вот что мы предлагаем. Составьте заявку на все, в чем вы нуждаетесь. Не вы лично, конечно, но кооператив. Не скромничая, детально. С учетом всех мелочей. С перспективой развития. Все: сырье, оборудование, изготовление конструкций, расширение производственных площадей. И заявку эту передайте вот товарищу Халимову (один из сидевших на миг наклонил голову). Он будет помогать вам в этих вопросах. Но вы немедленно, окончательно и категорически откажетесь от дальнейших переговоров с Фьючером или с кем бы то ни было из-за рубежа. Устраивает вас?

— Что же, вполне разумная постановка вопроса,— сказал Федор Петрович, уже совсем освоившись, а также окончательно убедившись, что воистину не те времена нынче.— Но ведь я не один разговаривал, там был еще...

— Мы знаем, кто был,— сказал старший.— Но мы разговариваем с вами. И только с вами. А для остальных дело будет обстоять так: вы, проявив и использовав ваши способности и связи, нашли такие вот кредитные и снабженческие возможности. Скажете, что условия не кабальные и часть кредита можно будет погашать продукцией — по нашим заказам. Это и в самом деле будет так. Скажете, что вы пробили в Моссовете возможность расширения площадей, хотя бы аренды того дома, в чьем подвале вы сейчас располагаетесь. Вот такой будет легенда. У вас есть вопросы?

— Сейчас нет. Но если возникнут?

— Вот мой телефон,— сказал товарищ Халимов.— Запомните, пожалуйста. Да-да, записать тоже можно. И чуть что — звоните, Кстати: преступный мир вас не беспокоит пока?

— Нет,— сказал Федор Петрович.— Кстати, у нас хорошие отношения с милицией.

— Продолжайте их, отчего же нет. Ну, мы рады, что вы ясно поняли обстановку. Вызовете свою машину? Или подвезти на нашей?

XIII

Надо сказать, что Федор Петрович только что на наших глазах впал, сам того не ведая, в тяжкий грех, а именно — исказил истину. Дело в том, что еще раньше, когда он, прибыв домой после разговора с мистером Фьючером, укладывался спать, одновременно давая полный отчет о событиях дня допрашивавшей его сквозь сон супруге,— другой участник разговора, а именно А. М. Бык, у самого подъезда своего дома был остановлен неким молодым человеком.

— Не курю,— сказал А. М. Бык, не дожидаясь ритуального вопроса,— денег и ценностей с собой не ношу. Простая кинематика. Усек?

— Ты, фраер жидковатый,— поведал в ответ юноша,— не тарахти, аккумулятор посадишь. Зовут тебя потолковать, понял? Только не намочи в штаны, пахнуть будет. Тачка за углом, шевелись, не спи.

— Так,— произнес А. М. Бык со значением.— Слушай, что я тебе скажу...

И вслед за этими словами он принялся негромко, но выразительно, помахивая для вящей убедительности указательным пальцем, словно отбивая такт, излагать юноше некоторые факты своей биографии. Из которых со все очевидностью явствовало, что А. М. на протяжении своей жизни неоднократно вступал в интимные отношения со стоявшим перед ним юношей; с его матерью, бабушкой и всеми другими членами семейства как женского, так и мужского и среднего рода; со всеми их родными и близкими; друзьями и знакомыми вплоть до седьмого колена; а также с теми, кому сегодня вздумалось с ним, Быком, толковать; и с теми, кому это могло вздуматься вчера, позавчера и в прошлом столетии, равно как и с теми, кому такая идея могла бы прийти в голову завтра, вообще в этом веке и веке будущем. Перечень фактов биографии сопровождался подробным изложением методики упомянутых интимных связей, которое мы здесь не приводим только лишь из опасения, что для немалой части читателей оно и окажется главной ценностью, содержащейся в нашем повествовании, хотя мы искренне надеемся, что это не так.

Инструктируемый молодой человек сначала от биографии А. М. Быка просто отмахнулся, и пришлось удерживать его за пуговицу. Но чем дальше, тем с большим вниманием, а затем и с возрастающим крещендо восхищением слушал, непроизвольно кивая в соответствии с размеренными движениями быкова пальца, и на лице его, обычно не очень выразительном, возникло и стало ширится и крепнуть выражение истинного и бескорыстного счастья, какое бывает у людей при встрече с подлинным искусством. После того, как А. М. Бык весьма убедительно изложил историю своей интим-

ной близости с той машиной, которая, по словам юноши, ждала их за углом, ему пришлось сделать краткий перерыв, чтобы запастись воздухом для продолжения своей саги. Юноша же ухитрился проскользнуть в эту паузу с такой же ненавязчивостью, с какой проникал в чужие карманы, чтобы щипнуть. А проскользнув, выступил с кратким заявлением.

— Ну, батя! — высказался он с легким придыханием.— Ты даешь! А я думал, ты фраер. Но все равно хиляем: Седой же зовет, не кто-нибудь. Ты что, Седого не знаешь?

Знал ли А. М. Бык Седого или нет, так и осталось неустановленным — но это и неважно, потому что через несколько минут им так или иначе предстояло познакомиться. Выслушав своего оппонента, Бык мгновение подумал и неожиданно согласился:

— Ну поехали. Только бекицер.

Вот таким образом А. М. Бык оказался в той самой квартире, в которой незадолго до этого мы уже застали Долю Трепетного. Здесь полезно будет вспомнить, что сношения с Быком в тот раз были поручены именно Доле; однако обстоятельства, о которых речь еще впереди, помешали ему выполнить почетное задание. Вот по какой причине А. М. и был вызван для личной встречи.

Вступив в комнату, Бык склонил голову к левому плечу, невозмутимо оглядел присутствовавших, задержал взгляд на старшем из них (он-то, как мы предполагаем, и был Седым) и произнес следующее:

— А-а!

На что Седой отвечал в той же интонации:

— А-а!

Этот обмен репликами заставляет нас заподозрить, что люди эти когда-то уже встречались; но когда, где и при каких обстоятельствах — остается для нас тайной: у нас нет отдела кадров, своих героев мы не выбираем — они приходят по собственному желанию, анкет не заполняют, а мы на этом и не настаиваем.

Не станем и подробно излагать содержание разговора между высокими сторонами. Он не затянулся, ибо участники его были людьми глубоко компетентными. Важно лишь, что в результате оказалось достигнуто соглашение, по которому кооператив на неопределенное время освобождался от налогов и сборов (вы поняли, конечно, что речь идет не о платежах в госбюджет, от которого освобождает лишь смерть), и тем не менее получал право пользоваться защитой Седого и его неформальной организации, а также прибегать к их услугам, если потребуется, с расчетом на договорных основах. А возмещением за охрану и услуги послужит выполнение кооперативом некоторых специальных заказов по его профилю.

В заключение Седой спросил:

— Лужайка к вам еще не шьется?

— Нет покуда,— ответил А. М. Бык.

Он не соврал. Потому что до звонка Федору Петровичу оставалось еще никак не менее четырех с половиной часов.

XIV

Что же касается Доли Трепетного, то с ним приключилось вот что. Выполняя поручение, он бодрым шагом добрался до кооператива, спустился в подвал и уже хотел было проникнуть в приемную, как вдруг — в том самом тесном предбанничке, в котором мы уже бывали,— ощутил неожиданное прикосновение к спине, прямо между лопатками, чего-то очень твердого, и одновременно до его слуха донеслось негромкое:

— Стоять! Руки вверх!

Слова эти, не единожды слышанные им в предыдущей жизни, на сей раз оказались настолько неожиданными и даже незаслуженными, что Андрей Спартакович послушно остановился, поднял руки и позволил неизвестному прогладить себя твердыми ладонями на предмет обнаружения оружия. Следующим, чего можно было ожидать после подобного начала, было наложение наручников; его, однако, не последовало, потому, что Витя Синичкин получил в приданое комплект обмундирования, однако ни оружия, ни прочего служебного снаряжения Тригорьев ему, естественно, не оставил. А ведь это именно лейтенант Синичкин застопорил Долю на подступах к резиденции А. М. Быка — сейчас, кстати, все равно отсутствовавшего.

— Ну, все, Доля,— продолжал тем временем лейтенант.— Побегал — хватит. Как веревочка ни вьется... Сейчас я тебя доставлю в отделение. Будешь вести себя хорошо — зачтется. Нет — применю оружие.

Тут надо заметить, что, подобно тому, как лейтенант сразу опознал Амелехина, так и Доля мгновенно узнал голос. И удивился. Потому что он-то знал, что немало времени уже минуло с тех пор, как пребывал он в розыске и должен был бояться каждого мента. Синичкин же этого узнать просто не успел, и для него все события более чем десятилетней давности были сегодняшними.

— Ладно, лейтенант,— мирно сказал Доля.— Сдаюсь. Веди. Только позволь руки опустить. Не побегу. Мое дело чистое.

— Ну да,— подтвердил Витя не без сарказма.— Ангелок. Ладно, там разберемся. Давай спокойно на выход.

И оба затопали вверх по лестнице.

Странная это была встреча, если вдуматься. Потому что десяток лет назад, когда Доля действительно был в розыске, это ведь

именно лейтенант Синичкин остановил его пулей. А самого лейтенанта убил один из Долиных подельников, тоже скрывавщийся. Но сейчас ни тот, ни другой этого не знали: для каждого из восстановленных Земляниным жизнь продолжалась с того часа, к которому относилась запись, и ничего из более поздних событий своей первой жизни они не помнили. Иначе трудно сказать, такой ли бы мирной оказалась их нечаянная встреча.

Они вышли в переулок; по счастью, мимо проезжала патрульная машина, без помех подбросившая их к отделению, где Синичкин доставил задержанного к дежурному для проведения формальностей. Долю посадили до выяснения в камеру; он не сопротивлялся, попросил только, чтобы как только появится капитан Григорьев, ему доложили о том, что произошло. Синичкин же остался в дежурке, с удовольствием оглядывая привычные ее стены.

— А ты откуда, лейтенант? — спросил дежурный.— Из какого отделения?

Синичкин глянул на дежурного так, словно тот был голым.

— Как это — откуда? Отсюда, ясно. Из этого отделения. Ты что, первый день служишь? — И нахмурился.— Или шутишь?

Теперь в свою очередь нахмурился дежурный.

— Может, это вы шутите? Попрошу предъявить удостоверение личности.

Лейтенант Синичкин пошарил по карманам и убедился, что никаких документов с собой не имеет.

— Дома забыл, что ли? — поднял он брови.— Погоди, сейчас позвоню...

И набрал номер.

— Нина? Слушай, посмотри в гражданском костюме, я, наверное, там удостоверение забыл... В моем, в каком же еще? Как это — кто я? Да вроде с утра был твоим мужем... Что? Ты что, выпила? Что? Что??

После этого он несколько минут слушал; сначала недоуменно крутил головой, пытался вставить словечко, потом лишь бледнел с каждой минутой все больше. Наконец опустил трубку на аппарат и посмотрел на дежурного пустыми глазами. Потом стремительно бросился к столу. Глянул на календарь. Закрыл глаза. Открыл и снова уставился на дежурного.

— Что же это такое, старший лейтенант?

Дежурному все уже стало ясно: кооператив находился на территории этого отделения, так что...

— Присядь, лейтенант,— сказал он,— приди в себя. Твоя как фамилия? А-а, слышал... Да слушай, твой портрет ведь у нас висит, наверху... То-то мне показалось, что знакомый... Погоди, поговорим, я только этого мужика отпущу. Не имеешь ты права задерживать. Извини, конечно, но надо, чтобы по закону.

Синичкин махнул рукой. Ему сейчас все равно было.

Скрежетнул ключ, и через минуту Доля остановился перед бывшим лейтенантом.

— Ладно,— примирительно сказал Амелехин,— я не в обиде. Мало ли что бывает. Ты куда сейчас: домой?

Синичкин посмотрел на него и опустил глаза.

— Нет у меня дома,— пробормотал он хмуро.— Ничего нет...

— Тогда давай ко мне. Посидим, подумаем, у меня и переночевать можно, пока не устроишься, раскладушку на кухне поставим.

— Устроюсь? Куда я — без документов?

— Ну, это дело наживное, был бы человек... Пошли, пошли. Не бойся, я теперь человек с правами. И тебе помогу. И работу найдем. А сперва — посидим, потолкуем, может, выпьем по маленькой, отметим твое возвращение с того света...

Синичкин вздохнул. Очень не хотелось принимать помощь от преступника — хотя бы и бывшего. Но дежурный не возразил, понимая, что лейтенанту сейчас деваться вовсе некуда. И восстановленный в жизни оперуполномоченный встал. Тряхнул головой.

— Ладно, пошли,— сказал он.

— Вот сейчас скомандую тебе «Руки за спину!» — пошутил Доля у выхода.— Ну-ну, не обижайся. Та жизнь прошла, надо к новой приноравливаться.

И дверь отделения милиции затворилась, выпустив их на волю.

XV

Ну, наконец-то кончился этот день — напряженный, утомительный. А вместе с ним завершился и наш возврат к событиям недавнего прошлого. Окунемся же снова в настоящее с его очередями, толпами, демонстрациями, раскурочиванием чужих машин и со многим другим, что временами омрачает нашу и без того уже не текущую млеком и медом жизнь.

Кстати, о раскурочивании: любитель ревизий и других решительных действий товарищ Безмыльцев, исполнив траурный танец перед трупом своей незадешево купленной шведки, не стал ни искать свидетелей, чтобы потом допросить их в своей машине, записывая разговор на скрытый магнитофон, чтобы потом использовать запись как компромат — потому не стал, наверное, что допрашивать оказалось негде,— ни пристраиваться к какой-нибудь команде, создающейся, чтобы доставить кому-нибудь неприятности, учинить пакость, что вообще-то любил. Нет, он пошел по самому прямому пути, то есть набрал номер, чтобы пожаловаться и попросить защиты.

По странному совпадению, номер этот оказался тем самым, что был дан Федору Петровичу на случай нужды, так что оказался у телефона именно товарищ Халимов. Безмыльцев немедля принес устную жалобу и потребовал наказания виновных. В ответ он после краткой паузы услышал:

— Знаешь, Зоркий (такое у него обозначение было в той системе учета), работаешь ты не бог весть как, а горшки за тобою выносить мы не собираемся. Совет: от кооператива этого держись подальше, не твоего это ума дело, а иди-ка ты сейчас лучше в политику, влево куда-нибудь примкни — может, тогда и оправдаешь наше к тебе доброе отношение.

— Так ведь,— возразил было Безмыльцев,— когда с левыми начнут разбираться, мне тогда...

— А ты вовремя успей отыграть вправо, может, и имя себе заработаешь,— посоветовал товарищ Халимов.

После чего Безмыльцев как человек, реально мыслящий, действительно ударился в политику. И на этом мы его оставим. Вернемся лучше к нашим событиям.

А они развиваются. К рынку — значит, к рынку, наоборот — как наоборот, поедем с ярмарки, на юг, на запад — пусть на юг, пусть на запад... Главное — ехать, не стоять на месте. Или хотя бы греметь пустыми котелками, если колеса не крутятся. Помчимся, как необгонимая тройка! Не слишком ли быстро? Кондуктор, нажми на тормоза. Вот только всю тормозную жидкость выпили после указа о воздержании...

Итак, мы покинули Землянина и девушку по имени Сеня в самой, так сказать, высшей точке развития их отношений. Авторы, знающие и выполняющие законы литературного творчества, именно тут спешат распрощаться со своими героями, ибо ничего более прекрасного нам уже не увидать, отношения же между героями, достигнув высшей точки, неизбежно пойдут по нисходящей — зачем же разочаровывать читателя? Верно; но неодолимая приверженность истине заставляет нас продолжать, как бы в дальнейшем ни повернулось дело.

Так вот, Вадим Робертович, верный данному обещанию, при всей своей неимоверной теперь занятости нашел время поговорить с мамой на семейную тему. Анна Ефимовна, несколько утомившаяся от бесплодной борьбы за гражданские права восстановленных в жизни, выслушала его внимательно.

— Ты прекрасно знаешь, Вадик,— сказала она, когда он умолк,— что для меня главное — чтобы ты был счастлив. Ты хочешь так — пожалуйста, ты взрослый человек и вправе сам решать такие вопросы. Я не собираюсь становиться вам поперек дороги.

— Я хотел бы,— сказал Землянин,— чтобы ты все-таки поговорила с Сеней всерьез. Зная мое отношение...

— Можно подумать, что я отказываюсь,— сказала мама.

— Я попрошу ее зайти сегодня вечером. Хорошо?

— Пусть сегодня. Только сделай так, чтобы тебя не было дома. Я почувствую себя свободнее. Да и она тоже. Поговорим с ней тет-а-тет. Согласен?

— У меня сейчас столько работы,— сказал в ответ Вадим Робертович,— что я могу не приходить домой неделями. К тому же, как раз нынче вечером мне предстоит, видимо, серьезный разговор.

— Да? Почему же ты сразу не сказал? С кем?

— Мне позвонили утром. Сказали, что от имени товарища Б. Ф. Строганова.

— Строганова? — проговорила мама, невольно понизив голос.— Неужели о тебе знают уже так высоко? Вадик, но это же прекрасно! Вот великолепная возможность поговорить о нашем статусе возвращенцев на самых верхах! Дай честное слово, что ты поговоришь с ним об этом!

— Мама, но я же не знаю, зачем вызван! И потом, они ведь сейчас стараются не вмешиваться в проблемы власти...

— Ах, это все разговоры для бедных. Вмешивались и будут. Хотя почему — вмешиваться? Руководить! Правящая партия есть правящая партия. Одним словом, ты просто обязан!

— Конечно, поговорю. Обещаю.

— И как же — ты просто вот так возьмешь и пойдешь к нему?

— Ну, что ты. За мной пришлют машину. Так что сейчас мне уже пора. Значит, Сеня зайдет вечером. Будь дома.

— Как будто я когда-нибудь бываю не дома!

— Ну да, ну да. И пожалуйста...

— Не беспокойся, Вадим. Я буду предельно благожелательна.

— Я уверен — она тебе понравится еще больше, чем в тот раз.

— Надеюсь. Ну, желаю тебе удачи! Буду держать кулак.

Тут, видимо, нужно небольшое пояснение. Товарищ Б. Ф. Строганов — это как раз тот товарищ, в гости к кому однажды вечером зашел другой непременный член, товарищ Домкратьев. Ну, вы помните. Так что вам ясна причина волнения и мамы, да и самого Землянина тоже, хотя он и пытается это скрыть.

Вообще-то нашим героям везет. Откровенно говоря, мы в этом им немного подыгрываем. Поэтому когда наши персонажи собираются куда-то зайти, с кем-то встретиться или кому-то позвонить, то им это, как правило, удается с первого же раза. В жизни, как мы знаем, так не бывает. Однако в нашем повествовании это — единственное отступление от истины. Все остальное описано в точном соответствии с действительностью.

Правда, когда Сеня вечером пришла в гости к Анне Ефимовне и застала ее дома, тут авторский произвол ни при чем: мама ее

ждала, и чайник уже кипел. Из сластей были медовые пряники и халва цвета ноябрьской грязи, тем не менее вполне съедобная. Дамы поговорили о погоде — о том, что человек так жестоко ведет себя по отношению к природе, что все меняется к худшему и нет больше ни зимы, ни лета, а что-то такое же неопределенное, как безударный гласный в английском языке. Поговорили о снабжении и перспективе голода в Москве. О съездах и сессиях. Горбачеве и Ельцине. О Литве и Прибалтике в целом. Но уже с самого начала было так запрограммировано, что разговор не мог не перейти на права человека, и не вообще человека, а восстановленного. Не мог, потому что тема была близка обеим, хотя и с разных позиций.

— Ах, это ужасно! — сказала мама Землянина.— Жить — и не чувствовать себя человеком. Вот если бы кто-нибудь из них побыл в нашей шкуре — они не только посочувствовали, но сразу приняли бы постановление.

— О, как вы правы! — сказала Сеня, которой светский разговор был вовсе не чужд.— Но никто из них не был на вашем месте. А знаете, я как-то подумала, что решить проблему сможет лишь руководитель из вас. Из восстановленных. Способный жить вашими нуждами и бедами.

— Это было бы прекрасно,— вздохнула мама.— Но, к сожалению, совершенно нереально.

— Почему?

— Если даже Вадик восстановит человека, способного занимать такой пост,— в чем я сильно сомневаюсь...

— Почему? — повторил Сеня.— Не понимаю.

— Ну да, вы его знаете пока очень поверхностно... У него свои принципы: он хочет восстанавливать лишь высокопорядочных людей, никогда и ничем не запятнавших себя.

— Разве это плохой принцип?

— Да, но видите ли, для того, чтобы пробиться в руководство, нужно обладать и... некоторыми другими качествами. Путь наверх ведет не по асфальту... Ну, вы сами понимаете.

— А я думаю,— возразила Сеня,— что это всего лишь обывательский предрассудок. Наши сегодняшние руководители опровергают его, разве не так?

— Конечно,— поспешила согласиться осторожная мама.— Но предрассудок существует, и Вадик, увы, ему привержен.

— Но разве ваша судьба,— сказала Сеня,— ваше счастье не стоят того, чтобы хоть однажды отклониться от принципа? Пока у вас не будет поддержки на самом верху — ничего не получится!

— Тут я с вами согласна,— сказала мама.— Но надо же найти такого человека! И чтобы он пришел к власти как можно скорее. А где взять такого?

— Зачем искать,— сказала Сеня.— Он есть.

— Есть? Такой, что сможет сразу прийти к власти?
— Весь народ поднимет его. Народ хочет порядка.
— И он решит нашу проблему?
— Он решит все проблемы!
— Кто же это? — спросила мама.
— Неужели не догадались?
— Постойте, постойте... Но ведь это не...
— Да,— сказала Сеня.— Именно он.
— Это невозможно. После всего, что мы узнали...
— А много ли мы узнали? И какая часть этого — правда? Говорят, что у нас любить умеют только мертвых. Нет. У нас умеют все валить на мертвых. В расчете именно на то, что они не воскреснут. Но если такой человек воскреснет — придется отделять правду от лжи. И вот тогда увидим...
— Вы знаете,— признала мама,— страшновато.
— А мне — нет,— сказала Сеня.— Ошибки все равно не повторятся... но разве не было правильных действий? Тогда у него не нашлось бы сейчас тех последователей и сторонников, какие есть.
— Да,— сказала мама, подумав.— Они действительно есть.
— Так почему бы вам не сказать об этом Вадиму?
— Я подумаю... Но ведь и вы можете. Вы не чужой ему человек...

И мама улыбнулась понимающе и прощающе, как свойственно людям в возрасте, когда речь заходит о грехах молодости, их или чужих — все равно.

— Да, и я. Но будет лучше, если вы меня поддержите. Поверьте, я принимаю ваши заботы очень близко к сердцу.
— Вадик вообще — хороший мальчик,— молвила мама.— Добрый. Немного ограничен, конечно, как все мужчины, но из них он — далеко не худший образец. А вы как думаете?

...Но тут разговор поворачивает в таком направлении, что нам становится просто неудобно нарушать дамский тет-а-тет. И мы спешим удалиться. Тем более, что дела требуют нашего с вами присутствия в другом месте.

XVI

А именно — в том, куда приглашен был товарищ Землянин для разговора.

Привезли его вовсе не на Древнюю площадь, как ожидал он. А на проспект, в тот самый дом, где и поныне живут и тов. Строганов Б. Ф., и тов. Домкратьев И. Л., и многие другие, знакомые нам если не лично, то по недавним еще изображениям. Поэтому никаких пропусков Землянину выписывать не понадобилось, охрану он миновал в сопровождении привезшего его товарища, был воз-

несен на лифте и введен в квартиру, где семейство все еще отсутствовало по причине дачного сезона. Поэтому принимали В. Р. Землянина по-холостяцки.

— Товарищ Землянин! — сразу же начал Б. Ф. Строганов, не теряя времени на увертюры и предварения.— Товарищи проинформировали нас о ваших проблемах. Со своей стороны, мы с пристальным вниманием следим за вашими успехами. Как у вас сейчас со снабжением, с техникой, с помещениями?

— Спасибо,— искренне ответил Землянин.— Как-то все образовалось наилучшим образом. Я даже не ожидал.

— Но, вероятно, есть еще и нерешенные проблемы?

Землянин хотел ответить, что нет, но вовремя вспомнил о наказе матери.

— Статус тех людей, что... м-м... возникли в результате нашей деятельности, весьма неопределенен. И хотелось бы добиться положительного решения вопроса об их гражданских правах.

При последних словах товарищ Домкратьев слегка поморщился. С этим словосочетанием были у него связаны дурные ассоциации. Впрочем, таким уж был товарищ Домкратьев: узнав как-то, что за глаза его окрестили «товарищ Демократьев», не на шутку обиделся. Он был закаленным бойцом.

— Тут требуется правительственное решение,— сказал Б. Ф. Строганов.— Сегодня от имени правительства мы ничего обещать не можем. Однако наше мнение имеет некоторый вес. И, возможно, отношение к вашему ходатайству будет благоприятным, если мы с вами найдем общий язык.

— Ну почему же нет,— сказал Землянин, довольный уже тем, что с честью выполнил мамино поручение и не встретил, как в нижних инстанциях, полного и категорического отказа.

— Мы, разумеется, не вправе приказывать вам или давать какие-либо указания,— продолжил между тем Б. Ф. Строганов.— Командно-административный стиль руководства, как вы знаете, отошел в прошлое. Что нас всех, безусловно, радует, поскольку мы являемся горячими сторонниками перестройки. И нас заботит то, что она пробуксовывает, положение в стране ухудшается. Это не только наше мнение, это мнение народа — и ваше наверняка тоже.

Землянин кивнул, поскольку с утра успел пробежать по магазинам.

— Между тем, есть испытанный и верный метод: если какое-то дело делается плохо, надо усилить, укрепить руководство им. Вы согласны?

При этих словах у Землянина мелькнула нелепая мысль, что ему собираются предложить руководящую должность в управлении страной. Он хотел уже отказаться, но удержался и решил послушать дальше, осторожно промолвив лишь:

— Н-ну, разумеется...

— Да нет,— впервые подал голос товарищ Домкратьев.— Он — наш человек, чего тут, он мне сразу понравился.

Землянин ощутил необходимость приятно улыбнуться и поклониться, что и исполнил.

— Так вот, в этом очень важном деле вы можете помочь нам.

— Я готов,— ответил Землянин, всегда согласный на помощь хорошему делу.

— Мы не хотим обязывать вас как члена партии, но...

— А я беспартийный,— тихо, стеснительно молвил Землянин.

— Неужели? Почему же? Собираетесь вступать... куда-нибудь?

При этих словах тов. Домкратьев снова поморщился. Множественность политических партий казалась ему столь же противоестественной, сколь христианину отвратительна идея полигамии.

— Нет, признаться, я как-то не думал.

— Ну, это уже неплохо. Вы, безусловно, один из передовых людей нашей эпохи, а таких всегда объединяла наша партия. Но об этом в другой раз. Итак, вы готовы нам помочь.

— Насколько это будет в моих силах,— сказал Землянин.

— В ваших, в ваших,— сказал тов. Домкратьев.— Надо восстановить — так вы говорите? — человека, настоятельно необходимого для укрепления руководства перестройкой. Можете?

— Ну, если после его кончины прошло менее ста лет...

— Да нет, далеко еще!

— И... если это действительно хороший... порядочный...

— Светлая личность! — сказал Б. Ф. Строганов.— Бессребреник! Себе — ничего, все — людям! Скромности великой!

— В рваных носках ходил! — сказал тов. Домкратьев со слезой в голосе.— Есть свидетельства.

— Ну, что же,— сказал Землянин, почувствовавший себя уверенно, когда речь зашла о профессиональных делах.— Помещение есть, где он часто бывал?

— И не одно,— заверил Б. Ф. Строганов.— Можно выбирать. Но вы со своей стороны используйте наилучшую технику, сырье...

— Мы как раз получили японский сканер,— сказал Землянин.— Так что качество записи можно гарантировать.

— На ближнюю дачу повезем? — предположил тов. Домкратьев.

— Подумаем, посоветуемся,— сказал Б. Ф. Строганов.— Так что готовьтесь, товарищ Землянин. По уровню выполнения нашей просьбы будем судить о дальнейшей работе вашего кооператива. Дело архиважное. Со своей стороны, чтобы простимулировать, мы завтра же поручим оформить документы на восстановленных вами людей. Но не более пяти человек на первый случай. По списку, составленному и подписанному лично вами.

— Спасибо...— пробормотал Землянин. На такое и во сне рассчитывать нельзя было! Немного, конечно, но ведь это лишь первые ласточки, а уж там...— Большое спасибо!

— Значит, договорились,— подвел итоги тов. Домкратьев.

— У вас есть вопросы, товарищ Землянин? — спросил Б. Ф.

— Нет-нет... То есть да, один вопрос: кого же надо будет восстановить?

— Разве есть неясность? — удивился Б. Ф. Строганов.— Товарища Сталина, конечно!

— Иосифа Виссарионовича, кого же еще! — поддержал товарищ Демокра... Домкратьев, то есть, простите.

Землянин даже не успел осмыслить услышанное, и тем более — продолжить разговор. Потому что неизвестно откуда возникший товарищ уже вежливо взял его под локоток и вел к выходу, а там к лифту, а внизу — к подъезду и на улицу, где ждала машина. Нет, не персональный лимузин, а всего лишь дежурная «волга», но тоже очень хорошая, с телефоном и другими причиндалами.

— Куда везти? — спросил водитель.

Землянин механически назвал адрес. Он еще не успел прийти в себя.

XVII

Дома он оказался, когда Сеня уже успела уйти. Хорошо, наверное, что так. Потому что был он не в себе.

А Сеня с мамой Землянина наговорилась вдосталь и поэтому припозднилась. Когда она вышла во двор, было уже совсем темно. А жили Землянины в одном из таких московских дворов, что еще сохранились от доисторической эпохи. Чтобы попасть в такой двор, надо прежде миновать два других, проходных, в этот час пустынных и, как правило, очень плохо освещенных, а то и вовсе темных.

Сеня, однако же, смело канула во мглу. А из соседнего подъезда как раз в это время вышел капитан Тригорьев. Он заходил там к одному человеку, побеседовать для профилактики. Вышел — и увидел, как в темноте удаляется светлая фигурка. Зрительная память у Тригорьева была прекрасной и подсказала ему, что девушка со спины напоминает Сеню. Он ведь впервые встретил ее тоже в темноте — и вот, запомнилось.

Тригорьев постоял, доставая сигарету и прикуривая: курить в чужих квартирах он себе, как правило, не позволял. Пламя спички слегка ослепило его, а когда он снова посмотрел, то ему почудилось, что в соседнем дворе, куда уже прошла девушка, произошло какое-то движение, а именно: к ее светлой фигурке с разных сторон подскочили три тени и началась какая-то возня.

Тригорьеву не нравилось, когда насиловали женщин. А тут как раз можно было предположить такое. И капитан, не раздумывая, кинулся на помощь. Стартовая скорость у него была хорошей, мощный такой рывок. Тригорьев всегда поддерживал себя в хорошей форме.

Но как ни спешил он — только считанные секунды заняла пробежка,— опоздал.

Когда он подбежал, только тихие стоны доносились снизу, с асфальта.

Тригорьев вынул фонарик и посветил.

Три парня валялись на земле в очень неудобных позах. Один из них постанывал, другой молчал, отключившись. Третий, менее других пострадавший, открыл глаза и, таращась на свет, медленно приподнялся и сел.

— *Во гля!* — сказал он.— *Во дает!*

— Так-так,— сказал Тригорьев.— Узнаю красавца. Что же вы так, Петя, сплоховали? Хотели повеселиться, а тут — вон как вас!

— Да мы ничего,— глубоко обиженным голосом сказал Петя.— Хотели, это, в кино пригласить, боле ничего, гля буду...

— Не выражайся,— остановил его Тригорьев.

— А я что, я разве не так сказал? — удивился Петя.— Я говорю, мы по-хорошему, хотели в кино пригласить. А дальше — я и не знаю, как и что. Вырубили меня. Ну, девки у нас пошли...— Он перевел взгляд на лежавшего ближе.— Шурка, эй... Оживай, киря... Начальник пришел... Ну что, начальник: забирать будешь? Так мы же ничего не сделали!

— Ну да,— сказал Тригорьев.— Вы потерпевшие.

— А что? — сказал Петя.— Мы и есть потерпевшие. Ты вот эту девку найди, и с нее спрашивай. А мы при чем?

— Ладно,— сказал Тригорьев, усмехнувшись.— Домой своим ходом доберетесь? Или машину прислать?

— Чем вашу машину, так мы лучше раком доползем,— сообщил Петя.— Только помоги в сторону оттащить, пока очнутся, а то мы на самом ходу. И не пили ведь...— это он пробормотал уже скорее про себя.

«Да,— подумал Тригорьев, когда, оказав помощь и убедившись, что жизни пострадавших опасность не угрожает и серьезных повреждений их здоровью тоже не причинено.— Профессионально сделано. Очень даже. Так оперативник бы мог. ОМОНовец. Десантник. Или...

М-да,— думал он, идя по переулку.— Или».

Машина с Земляниным проскользнула мимо него, но участковый его не заметил: машина была типа «малый членовоз» и к его компетенции, в общем, не относилась.

Землянин же, войдя в квартиру, застал мать в одиночестве,

занятую вытиранием чайной посуды, вымытой еще вдвоем с Сеней. Он даже не поинтересовался, как поговорили. Сел в комнате за стол, подпер голову кулаками и стал то ли думать, то ли переживать — кто знает.

В свои мысли была погружена и мама. Она думала о том, как начать разговор, который — она понимала — будет нелегким. И чисто механически спросила:

— Чай пить будешь?

На что Землянин столь же механически ответил:

— Буду, буду.

— Сейчас подогрею.

Сказав это, она продолжала расставлять посуду, сын же ее все так же сидел за столом.

Мама нашла, наконец, как ей показалось, самый удобный подход к щекотливому разговору.

— Ну как,— спросила она, налив наконец сыну стакан чаю,— удалось тебе поговорить о нашей судьбе?

Зная своего сына, она не сомневалась, что не удалось. И когда он признает это, самое время будет предложить ему подсказанный умницей Сеней вариант.

— Удалось,— ответил он все тем же отрешенным тоном.

— Правда? — удивилась она.— И что? Отказали, конечно?

— Все в порядке,— ответил он нехотя.

— Не может быть, Вадик! — воскликнула она, искренне удивленная.— Что, согласились выдать документы? И когда же?

— Может быть, и завтра. Вот составлю список...

— Вадим, но это же чудесно! Победа! Виктория! Счастье! Но тебя, кажется, не радует, что твоя мать снова ощутит себя человеком?

— Радует,— тускло ответил сын.

— В таком случае, я отказываюсь понять...

— Мама,— сказал он.— Ты когда-нибудь была проституткой?

— Ну, знаешь ли! — сказала мама возмущенно и гневно.— Я считаю, что ты должен немедленно извиниться!

— Да, конечно. Прости. И все же. Я знаю, что не была. Но скажи: есть ли в мире что-то, что могло бы толкнуть тебя на панель? Есть ли плата, за которую ты согласилась бы...

Она поняла, что сын спрашивает всерьез и что это важно.

— Знаешь, легче всего было бы сказать «нет»... Но если чистосердечно... Когда ты был маленьким, да и не только тогда... если бы нужно было лечь с кем-то, чтобы спасти тебя от голодной смерти или отдаться за, допустим, лекарство, которым можно было бы вылечить тебя и которого никак иначе не достать, то я бы... честное слово...

Землянин встал и поцеловал ее.

— Спасибо, мамочка. Я знаю, ты ради меня... И я, конечно, должен... Но, наверное, это было бы нелегко?

— Насколько я могу понять,— сказала мама,— за наши документы, за право быть людьми, тебе надо чем-то таким заплатить?

Землянин посмотрел на нее и опустил веки.

— И при этом пойти на какие-то... моральные жертвы?

— Ты всегда понимала меня, мамочка.

— Ну, давай же попробуем рассудить здраво. Так ли уж велика жертва?

— Мама! Ты же знаешь: я хочу возвращать жизнь людям достойным. Тем, чье присутствие изменяло и еще будет изменять мир к лучшему. У меня и список есть — приблизительный, конечно, но все же... А мне предлагают восстановить человека, от которого исходило и будет исходить зло, зло, зло...

— Постой,— сказала мама.— Зло, зло... А так ли ты в этом уверен? Не слишком ли доверяешься общему мнению?

— Если бы ты знала...

— Не будем играть в секреты. Речь ведь идет о Сталине, верно?

Он пристально взглянул на мать, кажется, даже не удивившись.

— А ты полагаешь, он принес мало зла?

— Об этом не берусь судить, Вадик. Написано и сказано много, но я уже давно не принимаю написанного на веру. Мы — народ увлекающийся и в любви, и в ненависти... Мне вот что ясно: никогда не может быть виноват один-единственный. Виноваты мы все. Потому что не только позволяли, но и поддерживали. Шли за ним... Такими мы были, и это мы сами позволили сделать нас такими. Без сопротивления делегировали, как теперь выражаются, все свои права немногим людям — одному в конечном итоге,— мы отказались от всего, согласились отказаться. А он виноват в том, что этого хотел и этим воспользовался.

— Однако...

— Обожди, не перебивай меня. С другой стороны, представь, что ты выполнил просьбу. Предположим, он сегодня возник снова. Но уже во многом другими стали люди. Начиная хотя бы с нас с тобой. И все другие. Позволим ли мы повторить то же самое — хотя бы в иной форме? Ему или кому-то другому — все равно?

— Не знаю,— задумчиво покачал головой Землянин.

— А это очень важно. Если да — то пусть он воскресает, потому что кто-то в него верит, а он уже многим пресыщен и не станет начинать с самого начала, и лучше он, чем кто-то совсем новый. А если нет — то воскресят его или нет, ничто от этого не изменится, потому что он не сможет сделать ничего такого, что было раньше. И не нужно лишних угрызений совести, Вадим. Не ты решаешь. И даже не он. И не те, кто хочет, чтобы он возник опять. Может

быть, даже лучше, чтобы он возник и те, кто верит в него, убедились: он не может принести с собой ничего, кроме злой памяти. Возврата на самом деле нет. Сто дней не спасли Наполеона.

— Ты так думаешь, мама? — спросил Землянин после паузы.

— Более чем уверена.

— Дай Бог,— вздохнул он,— чтобы ты не ошибалась...

— Я вижу, ты склонен согласиться. Я рада. Потому что все мы, возвращенные тобой, будем благодарны тебе и обязаны.

На это Землянин не ответил. Он снова опустил голову на кулаки. Потом резко поднял.

— Забавно: мои кооперативщики тоже пытались внушить мне эту мысль. Еще до того, как меня вызвали сегодня. Только мотивировали иначе. Они считают, что осуществление этой операции сразу же даст нам мировую известность, сделает великолепную рекламу...

— Ну, вот видишь,— сказала мама.— Если трое говорят, что ты пьян — или и ложись спать.

Она любила старые поговорки. Да в них и действительно немало мудрости.

XVIII

Согласился все-таки. И не потому, чтобы мать его так уж убедила. Но слишком много составляющих было в этой проблеме. Будущность не только кооператива, но и самой идеи. Оборудование, снабжение, расширение. И реклама, да, и слава. И много прочего. В конечном итоге, он сам себя уговорил по известной схеме: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься.

А кроме того... возникали все-таки и у него задние мыслишки. Порядка ведь действительно нет? Нет. Нужна не просто сильная рука, нужна непоколебимая воля, уверенность в своей правоте. А что такая уверенность дает человеку право доказывать свою истину любыми целями, не останавливаясь ни перед чем — увы, таковы законы жизни, действующие независимо от того, признаем мы их или не признаем.

Что касается нас, то мы в глубине души тоже приветствуем решение Землянина. Хотя исходим при этом из своих корыстных, чисто литературных интересов.

Ведь если Землянин согласится восстановить и действительно восстановит величайшего... всех времен и народов (в этой формуле после слова «величайший» каждый волен вставить любое слово, какое покажется ему наиболее правильным), то какие же возможности продолжения этого повествования откроются перед нами! Просто-таки небывалые возможности, неисчерпаемые, такие, что даже только думать о них уже очень приятно.

Потому что фантазия заставляет нас представить: вот свершi-

лось. И пока сторонники недавно еще покойного генералиссимуса готовят почву для реставрации на самых верхах, товарищ Сталин живет в тесной квартирке Землянина (в куда более просторных апартаментах Б. Ф. Строганова или тов. Домкратьева опасно: слишком много вокруг глаз), смотрит телевизор, читает газеты и книги, в том числе и о себе, разумеется,— дает свои оценки, свои мнения и прогнозы.

И, конечно, строит кое-какие планы. И решает чьи-то судьбы.

А иногда просто сидит в уголке, и ни о чем вроде бы не думает — вспоминает, может быть, или наслаждается самим процессом бытия: маленький, рябенький старичок.

После рабочего дня начинают съезжаться соратники. И он разговаривает с ними. Сеет семена мудрости.

— Нас обвиняют в ошибках,— говорит он со своим известным всему миру акцентом.— Однако философия учит, что не может быть абсолютного понятия ошибки. То, что является ошибкой с одной точки зрения, совсем не является ошибкой с другой точки зрения. Это азы марксизма-ленинизма. В чем же наши противники в их, с позволения сказать, рассуждениях усматривают наши так называемые ошибки? В установлении колхозного строя? В создании широкой сети лагерей? Интересно, каким же еще способом эти товарищи собираются установить равенство? Ибо равенство потому и называется равенством, что при нем все равны. А где люди более равны, чем в лагере или в колхозе?

Далее, товарищи, некоторые горе-марксисты обвиняют нас в жестокости, в уничтожении множества людей. Они закрывают глаза на то, что жестокость является одним из основных законов природы. Они сползают в идеализм. Жестокость, стремление к уничтожению — главное правило жизни. Уместно заметить, что товарищи явно пренебрегают диалектикой: ведь если есть жизнь, то должна быть и смерть. А поскольку смерть существует, постольку она и должна быть использована в борьбе. В свете диалектического анализа, товарищи, становится ясным и место того процесса, который позволил мне снова возглавить вас: это третий член гегелевской триады, отрицание отрицания. Итак, разве можно обвинять нас, товарищи, в том, что мы следовали основным законам природы и философии, тем самым заботясь о, как это теперь называется, экологии, избегая перенаселения? Разве можно обвинять нас, товарищи, в том, что, устраняя значительную часть партийной, советской, военной и прочей верхушки мы очень результативно боролись с ростом той самой бюрократии, на которую теперь слышится так много жалоб?

За последние дни, товарищи,— говорит далее Иосиф Виссарионович,— я выслушал и прочитал много критических замечаний в адрес партии и в свой лично. Я думаю, что авторы подобных незре-

лых суждений не владеют методологией. Если бы они дали себе труд подумать всерьез, то вспомнили бы, что в эстетике, например, существует правило: судить творца по тем законам, которые он сам для себя создал. А не по тем законам, которые хотел бы навязать кто-то другой. Но политика, товарищи, тоже является искусством; так почему же эти так называемые критики отказывают политикам в том праве, какое признают за художником? Почему не желают давать нам оценку по тем законам, которые мы сами для себя создали? Можно ли всерьез считаться с их якобы судом? Говорят о суде истории. Но история будущего, товарищи, уже была написана нами, написана на основании анализа прошлого и настоящего, на незыблемой основе исторического материализма; суд только такой истории мы можем признать, и никакой другой.

А к чему же привели партию и страну те, кто понимает историю неправильно? К тому, что вы начали стесняться своей бедности — в то время, как ею надо гордиться; и начали даже стесняться своей силы в то время, как ею надо было не только гордиться, но и пользоваться. И результаты, товарищи, налицо. Это факты; факты же, как известно — упрямая вещь.

Безответственные крикуны говорят, что семьдесят лет мы прожили не так. Нет, семьдесят лет прожили именно т а к , это последние годы вы живете не так. Мы построили фундамент для крепости, а теперь хотят на этом фундаменте строить санаторий — и удивляются, что не совпадает. Нет, товарищи, начав строить крепость, надо ее и построить, и укрепиться в ней, а потом уже думать о возведении других зданий. Вот это будет подлинно творческим подходом к марксизму-ленинизму, а не то, о чем дилетанты от политики кричат сейчас на каждом углу.

Задают нелепый вопрос: что делать? Только совершенно отказавшись от марксизма как от руководства к действию, можно задавать такие беспомощные вопросы. У нашей партии есть богатейший опыт борьбы с уклонами и ревизионизмом во всех его разновидностях. Надо использовать этот опыт. Действовать с большевистской принципиальностью. А избавившись от ревизионистской и прямо антисоветской коросты, вернуться на правильный путь. Потому что другого для нас не существует. На другом пути мы неизбежно отстанем, на этом же будем опережать, пойдем во главе развития. А со всех тех, кто позволил себе пренебречь коренными интересами партии, народа и государства — спросить по всей строгости!

...Вот такие и многие другие вещи говорит товарищ Сталин, и его внимательно слушают, нередко прерывая аплодисментами.

Потом мама Землянина вносит чай и медовые пряники, и все пьют чай, и товарищ Сталин шутит.

— Я привык, товарищи, работать с моими соратниками, и мне

в моем возрасте не хотелось бы переучиваться. Поэтому вот вы теперь будете Молотов. А вы — Маленков. А вы... нет, на Лаврентия вы непохожи. Найдите мне Лаврентия. Нет, Хрущева не надо: каким ведь прохиндеем оказался. А прикидывался шутом. Плохо, товарищи, плохо работали наши органы, не разоблачили вовремя. Нашим органам впредь надо учесть ошибки. А вы будете Каганович. Что? Жив еще? Очень странно. Еще один недосмотр. Вот за это нас действительно надо критиковать...

А однажды вечером ему приносят мундир генералиссимуса. И с тех пор он носит только мундир.

По ночам подъезжают черные машины. Привозят еду и питье. Нет, Землянин не страдает от присутствия товарища Сталина. Правда, кооператив на некоторое время приостановил деятельность: товарищ Сталин разрабатывает свой список для восстановления. Тут не может быть анархии, но строгий классовый подход, учит он.

А дальше еще интереснее.

Потому что в кооперативной лаборатории возникает второй товарищ Сталин. Лет на двадцать моложе первого. Удалось сделать такую запись. Дело в том, что некоторым соратникам стало казаться, что этот, первый, слишком стар. Он был хорош при испытанном аппарате, находясь уже на самом верху. Но сейчас на этот верх надо еще пробиться. И у него может просто не хватить сил и энергии. Нужен человек с запасом времени. С перспективой, как у нас говорят.

И вот в бывшем кабинетике Землянина живут два товарища Сталина: старый и помоложе. И часто, ожесточенно спорят друг с другом.

— Знаешь, Коба,— говорит молодой старому,— кого бы я сейчас расстрелял в первую очередь? Тебя. Посмотри, во что ты превратился. Почему столько болтовни после твоей смерти? Потому, что все эти говоруны остались живы. Если бы ты действовал последовательно, как я, некому было бы трясти грязное белье. Нет, ты просто интеллигент какой-то, я прямо удивляюсь.

— Сосо, бичо,— посмеивается старший товарищ Сталин.— Ай, какой горячий! Слушай, хочешь — я тебя усыновлю? У меня все дети какие-то... не такие. Не наследники. А ты — энергичный. Хочешь? Ты ведь в плен не сдашься, верно? И за кордон не удерешь?

— Зачем мне такой отец,— ворчит молодой товарищ Сталин.— Потом тебя отмывать от грязи? Не надо. Мой отец знаешь кто был?

— Дурак ты,— говорит старший.— Ты вот подумай...

— Некогда тебя слушать,— говорит молодой.— Работы много.

И выходит на кухню, чтобы переговорить с пришедшим Седым, крупным, как мы знаем, паханом. Речь идет об экспроприации: для борьбы нужны деньги. В прихожей он встречает маму Земля-

нина и делает ей комплимент. Мама тает. И думает: есть в нем все-таки что-то... очень мужское.

— Слушай! — кричит из комнаты старший.— Я вот подумал: они за нас большую работу делают! Потом взять эти их списки, по партиям и платформам — и прямо в эшелоны. А есть хорошие товарищи, их мы сохраним, с ними работать будем...

...Вот такие видятся нам сценки, и многие другие еще: этакий оперативный простор, на какой можно выйти. Не станет же автор пренебрегать такими возможностями.

Совсем немного осталось: дождаться, пока Землянин восстановит товарища Сталина. Пусть для начала хоть одного.

А процесс, кстати, уже идет. Из чистейшего сырья: доставили из-за границы в опломбированном контейнере. Немецкий продукт.

При оптимальном режиме процесс длится четыре дня. И уже три дня минули с начала. Землянин из лаборатории не выходит ни днем, ни ночью. Все-таки велико у него чувство ответственности. Да и потом — если бы он и захотел выйти, ему бы посоветовали этого не делать. Он ведь не один сейчас. Четыре молодых человека дежурят: двое постоянно с ним, один в прихожей, четвертый во дворе. Четверки регулярно меняются, а Землянин остается. Коечку ему поставили в кабинете А. М. Быка, питание привозят из ресторана «Прага». Так что условия для работы созданы.

Так что завтра...

Ух, даже мурашки по спине побежали.

XIX

Едва стало темнеть, как прибыло подразделение ОМОН, и хорошо знающий местность капитан Тригорьев совместно с командиром подразделения развел людей на посты.

Внутреннее кольцо составилось из первоклассных оперативников с Лужайки.

Двор был пуст: жителей давно не осталось, они получили новые квартиры, кто в Бирилеве, кто где, в зависимости от социального и всякого иного положения.

К десяти вечера стали подъезжать машины.

Первыми прибыли три черные волги с Лужайки. Седоки вылезли, спустились в подвал, все внимательно осмотрели и снова вышли во двор и стали поджидать остальных.

Чуть позже подъехали три мерседеса с частными номерами. Из одного вышел Седой, из других — его соратники, а также несколько молодых и крепких людей. Тот, что возглавлял их, на миг подошел к Тригорьеву и сказал ему: «Привет, Паша», на что капитан ответил: «Привет, Витя». Все вели себя серьезно и сосредоточенно.

И наконец подплыли три длинных лимузина отечественного производства, высшего класса. Из одного вышел Б. Ф. Строганов, из другого товарищ Домкратьев, из третьего — военный человек. Приехали они тоже не в одиночку, так что тесновато стало во дворе.

Прибывшие недолго постояли во дворе, поговорили. Потом Б. Ф. Строганов глянул на часы и сказал:

— Ну что же, товарищи — видимо, пора.

И, сопровождаемые частью охраны, стали спускаться. В лаборатории вполголоса поздоровались с находившимся там Землянином и заняли места там, где он каждому указал. Чтобы им удобно было наблюдать, но чтобы и не мешали.

И наступила тишина. Оборудование новой лаборатории, закупленное за валюту или за нее же изготовленное по землянинским заказам, работало бесшумно. Казалось, все спит, только приборы перемахиваются стрелками да сменяют друг друга на дисплеях какие-то тут — надписи, там — линии, еще дальше — символы какие-то... Тишину же нарушил только шелест бумаги: Б. Ф. Строганов проверил, удобно ли лежит в кармане бумага с текстом приветственного слова. А товарищ Домкратьев при этом звуке обернулся — поглядел, не забыли ли внести пакет с мундиром и брюками в лампасах. А вообще непонятно было и жутковато, припахивало чертовщиной, хотя все и понимали, что тут дело чистое, наука и техника, убедительное доказательство преимуществ социалистического все еще строя.

Вязко текло время. Но текло все же. И все ждали. И однако когда прозвучал сигнал — не грубый, не резкий, а мелодичный, но показавшийся неуместно громким, все вздрогнули. Даже Землянин.

Он приблизился к средней ванне. Всего в этом ряду стояло их теперь три, и все три были под нагрузкой. Товарищ Сталин возникал в средней. А в крайних были люди по землянинскому выбору, он на этом настоял, говорил, что вхолостую гонять оборудование невыгодно, если можно заодно выполнить еще два заказа. С ним поспорили, но не очень. Приходилось с ним считаться, пока работа еще не была завершена. Кто лежит в крайних, никто толком не знал. Говорили, что в одной вроде бы — некий академик и депутат, в другой же — какое-то духовное лицо, иерарх, почивший еще в двадцатые годы; иные, впрочем, говорили, что во второй не иерарх, а наоборот, писатель, при жизни знавшийся с нечистой силой и очень убедительно о ней писавший. Однако эти двое должны были выйти не сегодня, а лишь через два дня. Нынешний же день был целиком отдан товарищу Сталину. Который прибывал.

Или правильнее сказать уже — прибыл?

Потому что крышка над средней ванной только что начала медленно приподниматься, отходить все дальше... Все невольно

шагнули, приблизились, сталкиваясь плечами и животами и не обижаясь на это: великий миг настал, судьбоносный, тут не до мелочей.

Уже заканчивал шептать насос, раствор быстро уходил из ванны, нагретой до нормальной температуры человеческого тела, и обсыхали стенки; плеснула в воздухе белая крахмальная простыня, и накрыла лежавшее в ванне тело — нагое, как и подобает приходящему в этот мир; но словно бы при теле что-то все же было, ему собственно не принадлежащее — серое такое, с рыжинкой? Нет, вернее всего, это просто тень так легла; разглядеть же не удалось: простыня скрыла тело, оставив на виду только голову — с закрытыми глазами, со спокойным, хотя и несколько брюзгливым выражением лица. Тело еще не дышало, и Землянин, склонившись над ванной, постепенно багровел от напряжения. Шел, по его гипотезе, самый сложный и научно не объясненный этап восстановления: одушевление, и Землянин в один узел стянул все свои странные способности, призывая душу. Сеня, непременный ассистент с некоторых пор, часто-часто дышала за его плечом. И множество взволнованных дыханий сталкивалось сейчас в лабораторном пространстве.

И тут раздался визг. Истошный, вызванный ужасом.

Потому что простыня в ванне шевельнулась. И не успели еще зрители счастливо вздохнуть, как из-под края ее вылезла крыса. Обыкновенная крупная крыса серой масти. Очень живая.

А Сеня до ужаса боялась крыс. И завизжала.

Крыса же, как ни странно, от этого визга не шарахнулась, как ей полагалось бы. Примерившись, она вспрыгнула на край ванны, уселась там и немного побыла в неподвижности, медленно поворачивая голову, переводя взгляд с одного человека на другого. Потом, не усмотрев, видимо, ничего интересного, она пошевелила усами, мягко спрыгнула на пол и неспешно, с неоспоримым достоинством направилась к двери. Так уверенно топала она ножками по плиткам пола, что все невольно посторонились, хотя сейчас любой мог бы размозжить ее каблуком. Крыса достигла двери, на миг задержалась, оглянулась — шмыгнула, и исчезла. Крысы вообще хорошо ориентируются в подвалах.

После этого легкое волнение вокруг ванны улеглось, и взоры вновь обратились к телу.

Тело же не дышало и не жило.

А ведь не менее пяти минут прошло. Дальше же в мозге, лишенном притока кислорода, начинаются, как известно, необратимые изменения.

Все глаза перешли на Землянина, и взгляды начали медленно ввинчиваться в него.

Багровый то ли от усилий, то ли от стыда, а может быть, и по обеим причинам, он старался казаться спокойным.

— Ну, где же результат? — неприятным голосом поинтересовался Б. Ф. Строганов.

Землянин лишь развел руками.

— И как же вы оцениваете свои действия? — спросил Домкратьев.

Землянин пожал плечами:

— Техника сработала нормально. Но вот — души не хватило.

— То есть — чего?

— Души. Разве непонятно? Очень маленькой душа оказалась, да и выветрилась за прошедшие годы, истаяла. Вот на крысу ее хватило, крыса и ожила. А на человека оказалось мало.

— Значит, вы хотите сказать, что в этой крысе... душа... его?

— Так получается.

— И теперь она где-то здесь... в подвале?

— Покойный любил уединение. Ну, все,— сказал Землянин, отошел к пульту, что-то нажал — и крышка стала медленно опускаться, накрывая ванну вместе с телом.

— Что вы собираетесь делать? — спросил кто-то.

— Растворить, что же еще? Попытка не удалась. Очень жаль.

Можно было ожидать, что сейчас посыплются упреки, угрозы... Но все присутствующие были людьми сдержанными и словами не бросались. Они просто повернулись и двинулись наверх. Захлопали дверцы машин. Приглушенно заурчали моторы.

Через полчаса во дворе снова было пусто и безмолвно. Землянин вышел из лаборатории. Во дворе к нему присоединился А. М. Бык, а еще через минуту — Федор Петрович.

— Вот так,— сказал А. М. Бык,— проходит слава мира. Знаете, всю жизнь я мечтал разбогатеть. И сейчас уже казалось — вот, вот. Так нет.— Он пожал плечами.— Не судьба.

— Лучше было бы вообще не браться,— сказал Федор Петрович.— Этого нам не простят. Пожалуй, пора мне сосредоточиться на моей основной работе.

— В чем же мы виноваты? — спросил Землянин.

— Кого это волнует? — спросил в свою очередь А. М. Бык.— Когда рушатся надежды, под их обломками гибнут люди — те, кто стоял ближе всего к надеждам. М-да. Знаете что? Пойду-ка я сейчас ко Льву Толстому, выпью со стариком водочки... Кто со мной?

— Я — пас,— сказал Федор Петрович поспешно.— У меня дела.

Он прислушался. По переулку ехала машина.

— Вот уже и за нами,— сказал Федор Петрович вполголоса.— Меня здесь нет, и где я — вы не знаете. Всего!

И он исчез так же бесследно, как крыса полчаса назад.

Машина действительно въехала во двор. То была черная «волга». Из нее вылез молодой человек и подошел к Землянину.

— Мне приказано забрать у вас запись,— сказал он деловито.

— Какую? Его?

— Другие нас не интересуют.

Землянин чуть заметно усмехнулся.

— Думаете, она вам пригодится?

— Вы выдадите добровольно? — спросил молодой человек.

— Да ради Бога! — сказал Землянин.— Йдемте со мной.

Они оба спустились.

— Интересно,— сказал Землянин через несколько минут безуспешных поисков.— Вот же сюда она была заложена, вот даже обрывок остался под валиком...

Они проискали еще полчаса. Потом молодой человек сказал:

— Советую найти. У вас могут быть крупные неприятности.

Кивнув на прощанье, он сел в машину и уехал.

— Жулье увело,— сказал А. М. Бык.— Мафиози. Они на ней еще заработают, будьте спокойны. Так как насчет выпить водки? Как говорится, на росстанях?

— Вы тоже уйдете?

— Все мы уйдем. Думаете, нам после этого дадут жить?

— Куда же? — спросил Землянин.

— Мир велик,— задумчиво ответил А. М. Бык.— Так идете?

— Раз мир велик, то пошли,— сказал Землянин.— Сеня! Сеня!

Отклика не прозвучало.

XX

Буквально на следующий день после описанных выше событий автору настоящего повествования пришлось уехать из Москвы по делам, никакого отношения к Землянину не имеющим. Поездка затянулась, и только через два месяца мы смогли навестить места, где происходило все, описанное на предыдущих страницах.

Едва сойдя с троллейбуса, мы уже встретили знакомого. Лев Толстой, поскрипывая протезом, медленно шагал, отягощенный хозяйственной сумкой, в которой краснели пачки пельменей. Мы радостно с ним поздоровались.

— Ну, что у вас тут нового? — поспешили мы спросить.

Лев Израилевич махнул рукой.

— Кто знает, что ново и что — нет? — ответил он неопределенно.— Царь Соломон говорил по этому поводу, что...

Но нас терзало нетерпение.

— Как Землянин? Работает? Успешно?

Лев Толстой переложил сумку в другую руку, чтобы удобнее было жестикулировать.— Так вот,— сказал он.— Если вы войдете в этот переулок, что вы увидите?

— Наверное, дома, машины...

— Нет. Вы увидите забор. Что за ним, вы не увидите, потому что он высокий и без щелей, и вход совсем с другой стороны. Но я вам скажу, что там. Развалины.

— Постойте, постойте. Это что же — там, где был кооператив?

— Ну, а я вам что говорю? Он был, да. Но он сгорел. Дотла. На следующий же день после... ну, вы понимаете, о чем я говорю. Потом поставили забор, чтобы было прилично, а сейчас уже расчищают, тут собираются строить что-то большое.

— Отчего же возник пожар?

— Я знаю? Никто не знает, кроме тех, кто знает — но они об этом в газетах не пишут. Сгорел — и все. Его тушили, приехало много пожарных, но они, по-моему, немного опоздали. Хотя на часы я не смотрел, и вообще была ночь...

— А сейчас строит кто: кооператив?

— Кооператив? — переспросил Толстой и пожевал губами.— А кого вы, собственно, имеете в виду? Тот, старый? Так его нет.

— Куда же девался Землянин?

— Откуда я знаю? Я не был так уж близко знаком с ним. Говорят — уехал. Секретность вроде бы у него кончилась... Во всяком случае там, где он жил, теперь совсем другие люди. Они его даже не знали. Квартиру получили через жилотдел.

— Куда же он уехал?

— Одни говорят — в Германию, другие — в Израиль, третьи — в Америку, четвертые — куда-то под Норильск... Какая разница? Уехал. И Бык тоже исчез. Может быть, тоже уехал в другую страну. Или в другой город. Может быть, где-нибудь он все-таки разбогатеет? Дай ему Бог. Он хороший человек.— Тут Лев Толстой как-то опасливо огляделся.— И знаете что? Люди, которых он воскрешал, тоже... Их как-то не видно. Люди болтают всякое. Что он их делал из наших скверных материалов, и все они оказались недолговечными. Хотя я в это не верю: ну, а все мы из чего сделаны? Из импорта? Едим импорт? Дышим импортом? И все же живы... Я думаю, что они просто ходят по другим улицам. Мне ведь ходить трудно, я только до гастронома и обратно, а так — сижу дома и ставлю набойки и рубчики... У нас старую обувь теперь уже больше не выбрасывают, как привыкли одно время, а отдают снова в починку. Нет, сапожнику еще можно жить.

— Значит, о кооперативе больше ничего не говорят?

— Вы же знаете, в какие мы живем времена: каждый день что-нибудь новое, а о том, что было вчера, позавчера, завтра уже и не вспомнят. Сейчас о чем говорят? Где давали масло, где — колбасу по два двадцать... Нет, тогда, конечно, говорили... Например, что в одном учреждении, не стану говорить, в каком именно, поставили такие же аппараты, или те же самые... Потому что, видите ли, перед пожаром кооператив же ограбили — разве я не

сказал? Годы, склероз. Я думал, что сказал. Да, вывезли все, прямо среди бела дня. Ну да, так вот, эти машины поставили и пробовали-таки воскресить этого... да. И как будто даже не один раз пробовали. Но ничего так и не получилось. Хотя эта девочка, помните, которую Землянин обучал...

— Конечно, помним! Что же она?

— Она, говорят, больше всех там старалась. Такая видная, знаете, стала, вся в погонах, в пуговицах... Но, видно, плохо училась, или не хватает у нее каких-то способностей.

— Вот как. А мы подумали, что она уехала с Землянином...

— Видите — она с ним не уехала. А вообще — я не знаю, это же все слухи. Мы, старики, иногда сидим на скамеечке и разговариваем, один знает одно, другой другое, но кто поручится, что все это так и было?

— Да, действительно,— согласились мы.— Ну, спасибо, Лев Израилевич. Может быть, нам удастся встретить Тригорьева...

Уже тронувшийся было Толстой остановил свою ногу.

— Вы хотите повидаться с Тригорьевым? Так это вам надо ехать к нему в больницу, знаете — их ведомственная. Хотя к нему, кажется, еще не так и пускают.

— В больницу? Он болен?

— Да, но теперь говорят, что выживет. Собственно, он не столько болен, сколько ранен. Он же был старательный, знаете, а за этим кооперативом особенно присматривал, заботился о нем.

— Мы помним: там его друга восстановили.

— Друга, да. Вот этот друг в него и стрелял. И попал, иначе Тригорьев не лежал бы в госпитале. Дело в том, что, когда приехали грабить, Тригорьев бросился туда и хотел помешать. А этот его друг, бывший милиционер, был среди тех. Тригорьев был один, а тех — много, все крепкие ребята... Хулиганье, знаете.

Мы с ним внимательно посмотрели друг другу в глаза.

— Конечно,— согласились мы.— Хулиганье, кто же еще. И как же, нашли их?

— Ищут,— сказал Лев Толстой.— Все время ищут. Но не находят. Может быть, не там ищут? Хотя — что я знаю?

Он кивнул нам и пошел. Скрип-стук, скрип-стук.

А мы пошли своей дорогой, размышляя о том, что если вдруг где-нибудь там, на Западе, Юге или, может быть, на Дальнем Востоке начнут оживать люди, то наверняка там не обойдется без Землянина. Если даже сейчас он уехал в четвертом направлении, северном. Рукописи, может, не горят, а может, и горят, но мысли — нет. Они сохраняются, как те отпечатки на стенах. Надо только суметь прочитать их.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ

Перед тем, как отдать рукопись для публикации, я еще раз перечитал ее. И подумал: невероятно, но все это было, оказывается, так давно: без малого полжизни тому назад. В одна тысяча девятьсот девяностом году. А у нас на дворе уже девяносто третий.

Да, полжизни прошло. За три года всего. Наверное, сейчас год жизни надо считать, самое малое, за десять. И не только потому, что время на самом деле измеряется не часами или календарем, но количеством уложившихся в это время событий и вызванных ими перемен. Но еще и потому, что сейчас для большинства из нас прожить год, пожалуй, труднее, чем раньше — десяток. И если прежде нас призывали досрочно выполнить очередную пятилетку, то теперь эта досрочность стала какой-то, как ныне принято говорить, обвальной. Изнашиваемся вдесятеро быстрее...

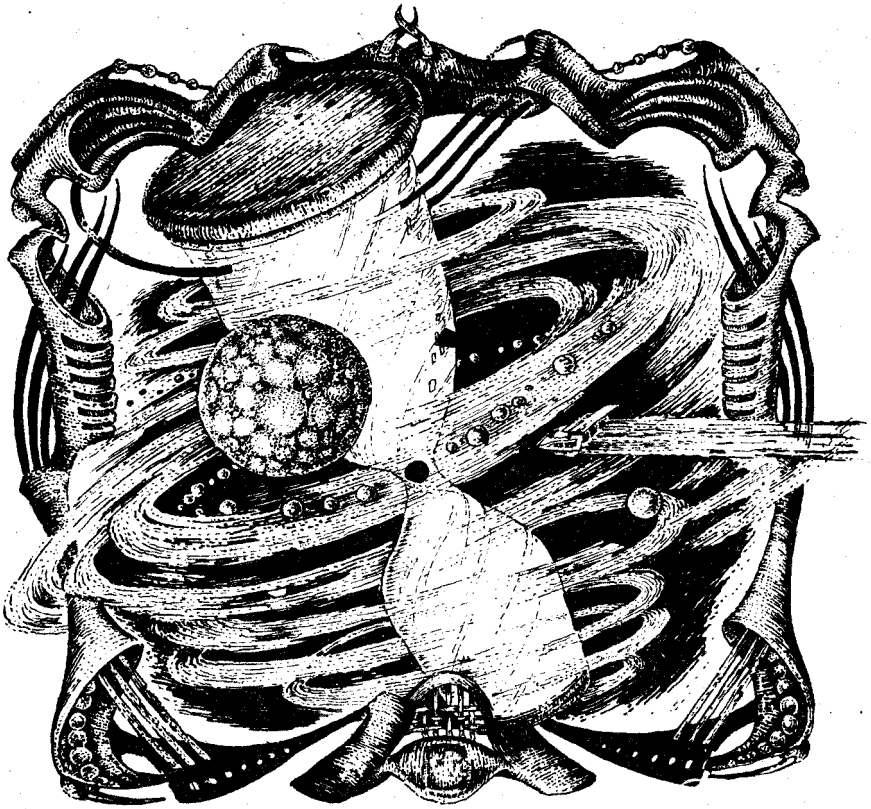
И поэтому, перечитывая свои записи, сделанные по горячим следам событий в самом начале девяностого, я часто не могу не удивиться: неужели все это было на самом деле? Неуверенно возникали кооперативы, исправно работали райкомы партии, пятирублевый шашлык на улице казался неподъемно дорогим, а обладатели иномарок насчитывались единицами. Еще не было путча, еще был Советский Союз во главе лагеря мира и социализма. Много что было, и много чего не было. И вот эти записи уже начали представляться мне лишь набросками по новейшей истории — так все это отошло, так скоропостижно забылось. И я стал спрашивать себя: а стоит ли публиковать их, если сегодня нас волнуют уже другие вещи и другие проблемы?

Но все же стоит. Потому что, во-первых, историю бывает полезно напоминать. Особенно такую, в которой все мы участвовали. Снова увидеть события глазами тех лет.

И во-вторых — потому, что Маркграф, несомненно, жив, хотя о его нынешнем местопребывании мне ничего не известно, и сколько я ни расспрашивал людей, знавших его в прошлом, никто так и не смог помочь мне в его розысках. Он жив, и жива его методика. Но если прежде я считал самым вероятным, что он уехал куда-нибудь на Запад — или наоборот, на Восток (Ближний) — то теперь я все более прихожу к выводу, что он все же, скорее всего, находится по-прежнему в России. Иногда мне кажется, что скрылся он не совсем по своей воле: его упрятали в подполье, где он сейчас и работает. Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что в нашей жизни — прежде всего в политике, но не только в ней — появляется все больше людей, чье настоящее место — в прошлом, и только вмешательство Маркграфа позволило им продлить, а точнее — возобновить их существование.

Вот почему я не считаю себя вправе умолчать о событиях, свидетелем которых мне довелось быть — хотя непосредственным их участником я не был, ограничившись привычной мне ролью наблюдателя и летописца. Имеющуюся у меня информацию я хочу разделить с вами, чтобы уменьшить бремя ответственности. Ведь события и их участники имеют привычку возвращаться — в крайнем случае, после пластической операции...

ВЛАСТЕЛИН

КНИГА ПЕРВАЯ

И прочие услышат и убоятся

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Никогда не знаешь, как быть с памятью. Мне она порой кажется похожей на старый наряд, последний раз надеванный тобою лет с тридцать назад, а то и больше, и сейчас вдруг извлеченный из окутанных мраком глубин старого сундука, вскрытого в поисках чего-то совершенно другого. Держа этот наряд в вытянутой руке, с немалым удивлением его разглядывая, ты оторопело думаешь: что, я и в самом деле надевал такое — вызывающе-яркое, залихватски скроенное? Надевал, милый, надевал; только больше уже ты в него не влезешь, а если и подберешь живот до предела, то все равно не решишься показаться людям в таком виде. Так что единственное, что тебе остается,— это запихнуть его в самый дальний угол и продолжить охоту за тем, что тебе действительно нужно.

Вот так и с воспоминаниями. Когда они вдруг возникают по какой-то мне совершенно не понятной закономерности, я уже больше просто не верю, что когда-то, утонув, воскрес (ладно уж, будем называть вещи своими именами) командиром звездного экипажа в неимоверно отдаленном будущем, совершил две не очень-то простых дальних экспедиции, в ходе которых однажды ухитрился распылиться на атомы, снова воскреснуть и испытать любовь поочередно к двум женщинам, оказавшимся в конце концов одною и той же. С любовью, правда, сложнее: она продолжилась и здесь, на Земле, и продолжается сейчас — только вот ее, той женщины, боль-

ше нет со мною. И это, может быть, и есть причина того, что воспоминания причиняют боль и стараешься держать их на расстоянии; когда тебе скверно, лучше не окунаться в те времена, когда был (как теперь понимаешь) счастлив, потому что тем болезненнее будет возвращение в нынешний день.

Особенно если день этот, все наши дни оказываются такими сумасшедшими. Когда меняется все: география, психология, система ценностей, сами представления о жизни — да все меняется до полного неприятия. Чтобы жить в настоящем времени, надо держать ухо востро и как можно меньше отвлекаться от действительности, потому что возвращаться в нее каждый раз становится все труднее и рискуешь в один прекрасный миг вообще выпасть из современности — и тогда уже жить станет и вообще незачем.

Я старался держаться на плаву; в моем возрасте это куда труднее, чем в тридцати- или сорокалетнем. Надо было крутиться, и я крутился.

Это привело к тому, что в начале текущего года я почти случайно оказался в Мюнхене — по делам одного совместного предприятия, где я иногда подрабатываю; немецкая марка нынче стоит высоко. Прекрасный, богатый город, хотя жизнь в нем и дороговата, в особенности для нашего брата — всех тех, для кого марка не является родной и кто с детства привык разговаривать на невнятном языке рубля. Все свободное время — а его оставалось у меня немало — я проводил на улицах, а если быть совершенно откровенным, то в магазинах, которых на этих улицах полным-полно; не то, чтобы я сам много покупал, просто с удовольствием смотрел, как люди покупают всякие хорошие вещи, ухитряясь обходиться без таких фундаментальных понятий, как «дефицит» и «очередь». И вот однажды, ближе к вечеру, когда я выходил из филиала Вульворта, что под землей, на станции метро «Карлстор», кто-то мягко взял меня за плечо. Я обернулся, движением бровей просигнализировав удивление. В ответ человек улыбнулся.

Я не сразу узнал его. В последний раз мы виделись давно, да и в совершенно других галактических широтах; минувшее время изменило нас, как преображает оно каждого — и, как правило, не к лучшему. Так что память моя сработала не сразу, и я успел спросить — по-немецки, разумеется:

— Чем могу служить?

— Не думал, капитан,— проговорил он, продолжая улыбаться,— что встречу тебя именно здесь. Я очень рад.

Только сейчас я сообразил наконец с кем разговариваю.

— Уве-Йорген! — Я почувствовал, как искренняя радость разливается и по моим сосудам.— Старый черт! Я и понятия не имел, что ты записался в баварцы.

— Нет,— сказал Уве-Йорген.— Я тут проездом.

— Откуда и куда? Как ты вообще живешь, чем занимаешься?

Мы уже поднялись на поверхность и теперь неторопливо шли по направлению к Мариенплатц.

— Просто сделал небольшую остановку по пути в Россию — так теперь называется твоя страна? У меня здесь родня. Не близкая, но, когда другой нет, выбирать не приходится.

— Это чудесно, что именно в Россию. Я как раз собираюсь домой. Поедем вместе?

— Нет,— отказался Рыцарь, чем немало меня огорчил.— Теперь я уже не поеду.

— Планы переменились? Или думаешь, что я тебе помешаю?

— Что ты, наоборот. Просто больше нет надобности ехать туда, раз уж я повстречал тебя здесь.

— Что за черт! Так значит, ты ко мне собирался?

— Ты соображаешь по-прежнему довольно быстро.

— Так...— произнес я медленно.— В таком случае я догадываюсь, откуда ты едешь.

— Мастер шлет тебе привет,— сказал он.

Может быть, он ожидал, что я обрадуюсь. Но у меня не получилось. На Мастера я был обижен — глубоко и всерьез. Пожалуй даже, обида — не то слово. Я посмотрел Уве-Йоргену в глаза — и встретил его грустный взгляд.

— Не надо, Ульдемир,— сказал он и даже поднял руку в предостерегающем жесте.— Не объясняй. Я знаю. И глубоко тебе сочувствую.

Но я уже не мог сдержаться.

— Когда он забрал ее, он отнял у меня все! Дьявол, он же понимал, что она для меня значит!

— Я знаю. И он знает. Но она была там очень нужна. И сейчас очень нужна. Весьма напряженные времена, Ульдемир. Кроме того, ты ведь не остался в полном одиночестве. Она родила тебе...

— Если бы не это,— буркнул я,— вряд ли ты застал бы меня в этом мире. Ладно, давай-ка самую малость помолчим.

Я остановился — как бы для того, чтобы полюбоваться выставленным в витрине набором кожаных чемоданов, объемом от атташе-кейса до сундука моей бабушки, но все — одного фасона. Этакая кожаная «матрешка», но отнюдь не бесполезная.

— Ты желаешь купить это? — спросил Рыцарь.

Мои желания тут роли не играли: комплект стоил не дешевле пристойного автомобиля. Однако я не успел объяснить это — да, пожалуй, все равно не стал бы. Не люблю выглядеть бедным родственником.

— Не покупай,— сказал Уве-Йорген.— Сделаешь это в другой раз. (Немцы все-таки страшно наивный народ и не понимают, что у нас, россиян, этого другого раза может и не быть: «Аэрофлот»

опять задерет цену — и прощай, Макар, ноги озябли.) На этот случай чемоданы тебе не понадобятся, ибо ехать придется налегке.

— Налегке не получится,— сказал я.— Жаль, что ты раздумал съездить к нам: тогда понял бы, что наши не возвращаются из-за границы налегке. Мы очень заботимся о процветании вашей торговли. Иначе где вы возьмете деньги, чтобы помогать нам?

Кажется, Рыцарь не оценил моей иронии.

— О да,— сказал он,— я представляю себе. Однако ты поедешь не в Россию. Отнюдь.

Мы миновали еще с полдюжины витрин, прежде чем я ответил, собрав в кулак всю свою решимость:

— Никуда я не поеду. Я достаточно стар, чтобы оставаться самим собой вместо того, чтобы переселяться в черт знает чье тело и пускаться в разные авантюры.

— Нет,— возразил он, кажется, не очень удивившись моему отказу.— Перевоплощаться не понадобится. На этот раз ты сможешь остаться самим собой.

— На этот раз я останусь самим собой во всем, включая место пребывания. Что мне до неурядиц Вселенной, если у меня забрали... Но что толку повторять, если ты не желаешь понять.

— Я понимаю.— Он произнес это слово протяжно, чуть ли не нараспев.— И Мастер понимает, и Фермер, и весь экипаж. Но здесь играют роль два обстоятельства. Первое: в свое время ты дал слово эмиссара. Это, Ульдемир, то же самое, что воинская присяга. Освободить тебя от данного слова мог бы только Мастер. Но он не освобождает.

— Ах, милый Мастер! — сказал я.— Старый человеколюбец! Как он обо мне заботится! Ну, а каково же второе обстоятельство?

— Она тоже просит тебя об этом.

Я невольно согнул руку, чтобы убедиться, что сердце все так же тарахтит на своем месте: на миг мне почудилось, что оно куда-то провалилось.

— Ты видел ее? Говорил с ней?

— Ну, разумеется! Кем бы я был, если бы не повидался, не поговорил с нею, зная, что меня посылают, чтобы пригласить тебя.

— Ну рассказывай же! Как она там? Или ее уже послали куда-нибудь в очередное чертово пекло?

— Она была еще там. Ты ведь знаешь: после окончательного перехода дается какое-то время, чтобы человек мог привыкнуть к своему новому положению. Как она? Ну, ей, кажется, тоже не хватает тебя — и дочери, конечно же. Но извини, подробнее я расскажу как-нибудь в другой раз. Она просит — вот то, что тебе нужно знать сейчас.

— А ты не врешь, Рыцарь? — спросил я с подозрением.— Может быть, решил применить солдатскую хитрость?

Он, по-моему, обиделся всерьез.

— Одно из двух, Ульдемир: или «врешь», или «Рыцарь». Рыцари, как ты должен бы знать, не лгут. Если они рыцари. Не оскорбляй меня, будь добр.

— Извини,— проворчал я.— И все равно. Не хочу его видеть.

— Он понимает это. Почему бы иначе он послал меня? Приглашение можно было бы передать тебе и более простым способом. Но подумай хорошенько: если ты сейчас откажешься, что же ты скажешь ему — и ей — когда встретишься с ними?

— Если встречусь...

— А ты что — рассчитываешь на бессмертие в этом мире? Этого, как мне кажется, никто тебе не обещал... Ты ведь захочешь снова быть с нею — потом, когда здесь тебя уже не останется?

— Господи, что за идиотский вопрос!

— Так вот: она ждет тебя, и будет ждать столько, сколько потребуется. Но, по-моему, сейчас тебе еще рано уходить отсюда насовсем. Ты, собственно, и сам это сказал. Не так ли?

— Так,— признал я.— Хочется, чтобы дочка выросла при мне.

— Ну вот. А сейчас — только непродолжительная командировка. И надо, чтобы отправился именно ты. Я был готов взять все на себя. Но мне это не по силам.

— Почему?

— Потому, что условия, в которых придется работать, хотя и не копируют, но все же в определенном смысле походят на те, какие сейчас существуют в твоей стране. Так что твой опыт очень важен.

— О, конечно,— сказал я, пожав плечами.— Наша отработанная технология развала общества и государства...

— Ты смеешься совершенно напрасно.

— Что, еще где-нибудь социалистическая революция? Или перестройка? Или просто голод?

— Ты узнаешь все подробно, без этого тебя не выпустят.

— Послушай...— сказал я.— А может быть, Мастер позволит мне увидеться с нею — прямо сейчас?..

— Ну, я рад, что ты так быстро согласился,— сказал он.

— Ах, так? В таком случае, я еще поупрямлюсь.

— Уже некогда,— сказал Рыцарь.— Транспорт ждет.

— Что — прямо сейчас?

— Нет — после дождичка в четверг! (Я почувствовал, как Увейорген надулся от гордости, уместно ввернув именно русскую поговорку.) Конечно же, сейчас.

— Нет, ну я не могу — прямо так, с места в карьер...

— Мой Бог, не надо простые вещи представлять сложными. Ну хорошо, чтобы ты пришел в себя — зайдем, посидим за кружкой-другой пива...

— Где?
— Да вот хотя бы здесь,— и он указал на дверь.
Кружка пива была бы кстати. Я кивнул. И мы вошли.
Но там была не пивная.

2

А в то же самое время...

Нет, не надо придавать слишком большого значения тому, что «в то же самое время». Великое множество событий происходит в любое то же самое время; время — как коммунальная квартира, где мы вынуждены сосуществовать с другими, потому что отдельных слишком мало. Так и со временем: оно одно, и его слишком мало на всех; и тем не менее, все мы как-то в нем умещаемся. Кстати сказать, мы и не слишком уверены в том, что события, о которых сейчас пойдет речь, происходили именно в то самое время, что и описанные выше. С таким же успехом они могли произойти немного раньше или несколько позже. Важно то, что они произошли.

То для нас важно, что человек, сидевший в глубоком кресле подле низкого стола...

Тут опять приходится задержаться. Говоря «человек», мы имеем в виду существо, на первый взгляд похожее на вас или на меня. Детали могут и не совпадать. У себя на Земле мы точно так же подходим к определению встречающихся нам в изобилии, в общем похожих на нас созданий — хотя сколько среди них действительно людей, нам неведомо; может быть, не так уж и много («может быть» мы вставили из деликатности). Так что здесь и ниже термин «человек» мы просим понимать расширительно, как и многие другие часто употребляемые названия. Конечно, с научной точки зрения было бы предпочтительнее воспользоваться точным термином; однако приводить его без перевода, транскрибируя ассартское звучание этого слова, означало бы — привнести в наш язык еще толику чужих корней, а нам очень хочется избежать этого, поскольку наш язык и так уже напоминает тот «пиджин-инглиш», на котором объясняются где-то в Океании (правда, там — лишь с приезжими, мы же — и между собой уже). Так что хотя «зарт» звучит совсем неплохо, мы все же воспользуемся словом «человек», ручаясь за совершенную точность перевода.

Итак — человек, сидевший в полной неподвижности, пожалуй, не менее часа, наконец проявил признаки жизни. Он опустил ладони, которыми, точно маской, закрывал нижнюю часть лица, нос и рот, поднял голову и открыл глаза.

За окнами смеркалось. В углах обширного покоя, в котором человек находился, сгущалась темнота, и в ней растворялись только

что еще различимые предметы обстановки и убранства: невысокие и плоские оружейные шкафы, застекленные витрины с коллекциями редких раковин, минералов, бабочек; боевые топоры, мечи, сабли, кинжалы, висевшие поверх ковров на одной из стен; висевшие на другой длинноствольные винтовки, карабины, автоматы, лазерные фламмеры. Темнота клубилась уже и на полу, поднимаясь все выше — то был час прилива темноты — и поглощая низкие столы с устройствами и аппаратами связи, компьютерами, звучащей и показывающей техникой. Но оставался ясно видимым как бы повисший в пространстве портрет, на котором был изображен мужчина в расцвете лет, одетый в золотистую мантию, с зубчатой — в восемь зубцов — короной на черных густых волосах. Портрет был исполнен светящимися красками, и улыбка человека, очень доброжелательная, в вечерней мгле едва ли не ослепляла; однако глаза его с красноватыми радужками не выражали доброты, но заставляли насторожиться. На этот портрет и смотрел сейчас человек, сидевший в кресле.

Спустя еще минуту или две он встал. Повинуясь негромко сказанному слову, вспыхнул свет. Комната снова заполнилась предметами. Медленно ступая по мохнатому, искусно сшитому ковру из шкур гру, обитателя холодных степей донкалата Мероз, он подошел к стоявшему особняком невысокому — чуть выше человеческого роста — двухстворчатому шкафу. Помедлив, распахнул дверцы.

В шкафу стояла человеческая фигура, с высокой степенью правдоподобия изготовленный муляж в натуральную величину. Фигура была одета в такую же мантию, что и человек на портрете; мало того — черты лица обладали несомненным сходством с портретом. Скорее всего, это был один и тот же человек, но если на полотне он был запечатлен в лучшую пору своей жизни, то муляж изображал его уже вплотную подступившим к пределу этой жизни.

Открывший шкаф человек помешкал еще с минуту. Потом осторожно вынул муляж из вместилища и, сделав несколько шагов, положил фигуру на широкий, низкий диван. Отодвинул подальше от края и сел рядом. Вытянул перед собой, ладонями вверх, руки с длинными, сильными пальцами. Несколько секунд смотрел на них. Усмехнулся одной половиной рта. Медленно поднес руки к открытому горлу фигуры. Лицо муляжа засветилось молочно-белым светом. Человек положил ладони на подставленное горло. Медленно стал сжимать пальцы. На молочном фоне возникла и запульсировала зеленая точка. Пальцы сжимались. Рядом с зеленой вспыхнула синяя. Человек продолжал. Белый цвет лица стал темнеть, проступили фиолетовые пятна, затем лиловым стало и все оно. Точки погасли. Раздался слабый звук — словно кто-то случайно задел струну.

— Вот и все,— проговорил человек негромко. Отняв руки, опять

посмотрел на пальцы; повернул ладони вниз и посмотрел еще. Пальцы не дрожали. Он потер ладони одну о другую. Упругим движением встал. Громко позвал:

— Эфат!

Тотчас же распахнулась одна из трех имевшихся в комнате — в зале, вернее сказать,— дверей, и в проеме остановился пожилой человек в красной отблескивавшей ливрее. На лице его не было выражения, как не бывает его на плитке кафеля.

— Можно убрать,— сказал человек, движением головы указав на диван.

— Да, Рубин Власти.

Подняв легкий муляж на руки, он направился к шкафу.

— Нет, Эфат, не туда. Унеси совсем. Пусть побудет где-нибудь. До завтра.

— Разумеется, Рубин Власти. До завтра.

— И возвращайся. Мне пора одеваться.

Оставшись в одиночестве, человек, названный Рубином Власти, медленно прошелся вдоль стены с холодным оружием. Не доходя до середины, остановился, снова обретя неподвижность. В дальнем углу низко загудели, потом гулко, колокольно ударили стоявшие там часы, созданные в виде крепостной башни. Десять ударов. При каждом из них уголок рта Рубина Власти чуть заметно дергался. С последним ударом возвратился Эфат.

— Рубин Власти прикажет подать ритуальное?

— Все, что полагается для малого преклонения перед Бриллиантом Власти.

(Оба они отлично знали, что сейчас следует надеть; но и вопрос и ответ тоже давно уже стали частью ритуала, и вопрос должен был быть задан, и ответ должен был быть дан.)

— Прошу Рубина Власти проследовать в гардеробную...

Прошло около получаса, прежде чем Рубин Власти вновь появился в зале. Вместо легкого летнего костюма, в котором он был раньше, он надел узкий, на шнурках, камзол рубинового цвета, такие же по цвету штаны с манжетами под коленом, высокие красные сапоги для верховой езды. Красные перчатки грубой кожи он держал в руках. Эфат следовал за ним.

— Шпагу, Рубин Власти?

Он отрицательно качнул головой:

— Дай два тарменарских кинжала. Те, что под круглым щитом.

Он пристегнул кинжалы к поясу.

— Эфат, машину пусть поставят на улице Мостовщиков, напротив калитки для угольщиков и трубочистов.

— Да, Рубин, Власти. Троггер?

— Турбер. И пусть там будет все, что может понадобиться даме в... в предстоящей ситуации.

— Рубин Власти поведет сам?

— На всякий случай шофер пусть ждет. Не знаю.— Он едва уловимо вздохнул и повторил уже как бы самому себе, чуть слышно: — Не знаю...

Эфат кашлянул.

— Рубин Власти не возьмет больше ничего?

— А что... А, да. Возьми там, в левом ящике. Диктат-девятку. И запасную обойму.— Не без труда задрав полу камзола, он засунул пистолет за пояс.— Великая Рыба, до чего неудобно. И выпирает... Да, тогдашние моды не были рассчитаны на современное оружие. Пожалуй, я его оставлю все-таки. А?

— Изар...— тихо проговорил слуга совсем не по ритуалу.— Не оставляй, возьми. Неспокойно, Изар.

— Отец говорил мне.— Похоже, Рубин Власти не обиделся на фамильярное к нему обращение.— И Советник тоже. Но мне кажется, это у них уже от бремени лет.

— Я тоже не молод, Изар. И так же прошу: возьми.

— Ну хорошо. Теперь, кажется, все? Эфат, плащ!

— Не все, Рубин Власти.

— Да, ты прав. Перчатки... Те.— Он запнулся.

— Да, Рубин Власти,— сказал Эфат. Вынул из особого ящичка тончайшие, из синтетика. С поклоном подал. Затем по его губам прошла тень улыбки.

— Звонили с телевидения, Изар. Интересовались, как вы будете одеты.

— Невежды,— сказал Изар.— Это им давно следовало знать из истории. Чему их учили?

— Телевидение, Рубин Власти.— Эфат пожал плечами.

— Да, ты прав. Ну, что же — мне пора. Не волнуйся. Отдыхай. Смотри телевизор.

— Я буду смотреть телевизор, Изар. Весь мир будет.

— Конечно,— согласился Изар.— Сегодня весь мир без исключения будет смотреть телевизор.

Он кивнул камердинеру и вышел. Спустился по лестнице, пересек пустой вестибюль. Швейцар поклонился, нажал кнопку — тяжелая дверь отъехала.

— Удачи, Рубин Власти,— проговорил он вдогонку.

Изар, не оборачиваясь, кивнул. Дверь за его спиной затворилась, басовито рокоча. Четверо стражей — сегодня то были Уидонские гвардейцы — отсалютовали и вновь окаменели. Конюший и два прислужника внизу, у крыльца, склонились, лошадь, которую конюший держал под уздцы, тоже опустила длинную, породистую голову.

— Я приказал оседлать «Огонь милосердия», Рубин Власти.

— Да,— сказал Изар.— Прекрасная лошадь, благодарю вас, Топаз. Но велите расседлать. Я пойду пешком. Прекрасный вечер.

Он повернулся и пошел. Не так уж далеко было до Жилища Власти, и лучше было пройти это расстояние пешком, глубоко и спокойно дыша, ни на что не обращая внимания и ни о чем не думая; ни о незримой охране, ни о столь же незаметном телевидении, и меньше всего — о том, что предстояло. Все было продумано заранее. Задолго до его рождения. И не раз испытано на практике. Не раз, подумал Изар. А сколько же? Он принялся считать. Арифметика помогала идти, ни о чем другом не думая.

3

Странно: здесь ничего не изменилось за столько лет. Хотя — тут годы как раз не проходят. Да и чему меняться? Все тот же дом, и та же веранда, залитая исходящим отовсюду золотистым светом; и поросший яркой муравой луг, пересеченный медленно струящейся речкой, окаймленной невысокими кустами; и кромка леса вдали — у высокого горизонта. Я стоял и смотрел; но если много лет назад, глядя на все это впервые и еще совершенно не понимая, где я оказался и что это такое,— если тогда я старался как бы вобрать все, доступное взгляду, в себя, то сейчас мне не на шутку захотелось вдруг самому раствориться во всем окружающем, и уже никогда, никогда больше не уходить отсюда; потому, быть может, что мне было известно: только здесь — и нигде больше я смогу в будущем находиться с нею. Только здесь — когда там, дома, мои дни истекут, и останется один только вечный, непреходящий день здесь... Впрочем,— тут же подумал я,— Мастер и тогда не даст подолгу засиживаться без работы. Не тот у него характер. А, да пускай гоняет — все равно, каждый раз мы — и она, и я — будем возвращаться сюда, если не в этот двухэтажный дом с высокой крышей, то во всяком случае в его окрестности — и пребудем, пока существуют миры, а также те, кто следит, чтобы эти миры продолжали существовать. Станем постоянными жителями Фермы — как иеромонах Никодим, например...

Мысли мои прервались от звука шагов. Занятно: я не разучился узнавать шаги, и сейчас, едва услышав, уже знал, кто приближается: высокий, сильный, чуть насмешливый человек вечно среднего возраста.

Мастер подошел и, как встарь, положил мне руку на плечо, как бы обнимая.

— С приездом, Ульдемир,— сказал он таким голосом, будто мы не виделись — ну, от силы каких-нибудь три дня. Словно мы вернулись в те времена, когда все были молоды и — ну да, наверное же мы были тогда счастливы, хотя и не понимали этого; подлинное счастье всегда остается в прошлом, оно всегда уже ушло, и его

видишь только со спины, потому что никак нельзя обогнать его, чтобы снова встретиться лицом к лицу, чтобы воскликнуть: «Я знаю тебя! Твое имя — Счастье!» — и в ответ увидеть ту улыбку, которой улыбается только Счастье — но тогда тебе казалось, что всего лишь улыбнулась женщина...

— Здравствуй, Мастер,— сказал я и вздохнул невольно.— Тепла тебе.

— Ты рад снова оказаться здесь, капитан?

Серьезный ответ занял бы слишком много времени. И я предпочел увести разговор в сторону:

— Я давно уже перестал быть капитаном, Мастер.

— Нет,— откликнулся он серьезно.— Однажды возникнув, это не проходит. Дремлет, может быть. И когда нужно — просыпается.

— Если экипаж отлично обходится без того, кто возглавлял его, значит...— И я развел руками.

— Ну, не вижу в этом ничего плохого: и капитану нужен отдых — когда все благополучно и корабль идет в фордевинд.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться: кажется, то была не свойственная Мастеру тревога.

— Что-то случилось, Мастер? Ветер зашел, и приходится идти острым курсом?

— Похоже, что твой экипаж в беде,— сказал он невесело.— Вот почему пришлось нарушить твои планы.

Я мотнул головой.

— Нельзя нарушить то, чего нет. Говори, Мастер. Что случилось?

— Может быть, и ничего страшного,— проговорил он как бы с сомнением.— И все же я обеспокоен. Пойдем, прогуляемся по травке? Движение задает разговору свой ритм...

Мастер снова заговорил, когда мы прошли уже чуть не полдороги к ручью.

— Собственно, все начиналось весьма заурядно. В нашей повседневной работе мне понадобилось ознакомиться с обстановкой в одном из шаровых звездных скоплений. Я покажу его тебе, когда вернемся в дом. Семнадцать звезд этого скопления обладают планетами, населенными людьми. Уровень цивилизации — в чем-то, может быть, выше твоей, а в чем-то и нет.

— Уровень везде один и тот же?

— Есть, видимо, определенный разброс — было бы странно, если бы его не оказалось, но в целом, насколько нам известно, они развиваются параллельно. Как ты знаешь, расстояния между звездами в шаровых скоплениях,— а следовательно, и между планетами — намного меньше, чем, например, в твоих краях. Поэтому населенные планеты издавна находились в более тесной связи, чем бу-

дут находиться у вас — когда вы обнаружите своих ближайших соседей или они обнаружат вас.

— Ну да,— сказал я.— С планеты на планету там добирались в долбленых челноках...

— Во всяком случае, между ними установилось достаточно регулярное сообщение еще до перехода к сопространственным полетам; а что касается резонансного переноса, которым пользуемся, в частности мы, то до него им еще далеко. Сколько, я сказал, там обитаемых планет?

— Семнадцать.

— Ну вот,— усмехнулся он,— я невольно оговорился. На самом деле их восемнадцать. Или, еще точнее,— семнадцать и еще одна. Восемнадцатая планета — или первая, возможен и такой отсчет. Ее имя — Ассарт.

— Чем же она так отличается от других?

— Посидим тут, на берегу,— предложил Мастер.— Может быть, смешно — но мне редко удается посидеть вот так близ журчащей воды, посидеть и поразмыслить спокойно. Нас ведь мало, а мир велик...

— Вас — таких, как ты и Фермер?

— Даже если считать со всеми нашими эмиссарами, все равно, нас — горстка. А на уровне сил моих и Фермера — вообще единицы. Когда-то нас было несколько больше. Но, как и везде, где существует жизнь, разум,— расходятся мысли, мнения, оценки, желания. И люди расходятся. В таких случаях испытываешь облегчение от того, что мир велик и пути в нем могут не пересекаться.

— А если бы пересеклись?

— Н-ну... Мир велик, да; но он не слишком устойчив. Ваш уровень знания позволяет догадываться об этом, мы же знаем наверняка.

— Объясни, если это не трудно.

— Объясню с удовольствием — но не сейчас. Это разговор для спокойного, свободного времяпрепровождения, разговор, доставляющий радость — но для радости всегда не хватает минут. Поэтому вернемся к нашей теме.

— Я внимательно слушаю, Мастер.

— Ты спросил, чем отличается Ассарт.

— Да,— сказал я.— Может быть, интуиция подводит меня, но мне кажется, что для меня это будет не просто названием. Я прав?

— Да. Поэтому я и делюсь с тобой тем немногим, что мне ведомо. Видишь ли, поскольку эти планеты развивались параллельно, должен был неизбежно наступить миг, когда параллельные эти пересекутся. Это произошло достаточно давно. Возникла империя с центром именно в Ассарте. Почему? Планета большая, достаточ-

но густо населенная; объединение населявших ее племен закончилось раньше, чем на других планетах — объединение, разумеется, не всегда мирное и бескровное, скорее, наоборот; и когда оно завершилось, инерция экспансии сохранилась. И когда технический уровень позволил — она устремилась вовне... Во всяком случае, так мы представляем.

— Понятно.

— Но, поскольку все проходит, миновал и отведенный империи срок, и семнадцать планет — одни раньше, другие позже — начали уходить из-под единой власти. Эти семнадцать уходов, или освобождений, означали для Ассарта семнадцать тяжелых поражений. И в этом человечестве что-то сломалось, видимо. Развитие замедлилось, кое в чем пошло даже вспять. Но похоже, что эти сведения...— Он умолк.

— Что же,— сказал я,— картина знакомая.

— Да, это не редкость в населенных мирах, и именно поэтому мы не стали обращать на тамошние процессы особого внимания: Мирозданию они ничем не грозили.— Он хотел сказать еще что-то, но смолчал.

— Что же изменилось? Вы решили вмешаться в планетарные процессы? Мне кажется, вы этого избегаете. Во всяком случае, на то, что происходит на моей планете вы, похоже, не обращаете особого внимания.

— Обращаем ровно столько, сколько вы заслуживаете. Ваша планета, да и весь ваш регион Галактики еще не так скоро начнут играть сколько-нибудь заметную роль в развитии Мироздания...

Ему была свойственна этакая округлая, академическая манера выражаться, если даже речь шла о вещах, требовавших вроде бы более приземленного, что ли, отношения. Я подозреваю, что ему нравилось слышать самого себя — черта, свойственная многим. Так я подумал, но вслух сказал другое:

— Ладно, значит, развитие планеты замедлилось. Что же она — так важна для бытия миров?

(Это было в пику ему: не один он умеет выражаться округло!)

— Я сказал уже: повседневные дела, не более.

— Хотелось бы услышать подробнее.

Хотя я и перебил его, он не обиделся: знал, что сейчас у меня есть такое право.

— Разумеется. Вернемся в дом — воспринимать объяснения легче, когда видишь все своими глазами.

Пока мы возвращались, неторопливо ступая по легко пружинившей траве, я попробовал заговорить о том, что, если быть откровенным, сейчас волновало меня куда больше, чем все шаровые звездные скопления Галактики, оптом и в розницу.

— Мастер! — сказал я.— Где она?

Сперва он лишь покосился на меня и нахмурился; возможно, мой вопрос показался ему неуместным или бестактным. Но коли уж я заговорил об этом, отступать было нельзя. Он же, со своей стороны, прекрасно понимал, что если он хочет отправить меня с каким-то заданием, связанным с риском, то нельзя оставлять между нами каких угодно недосказанностей.

— Мне нетрудно понять, что у тебя сейчас на душе,— сказал Мастер, и я поверил ему.— И хотя так делать не полагается, я мог бы — ну, хотя бы позволить тебе увидеться с нею, пусть и ненадолго. Но я этого не сделаю.

Кивком головы он как бы поставил печать под сказанным.

— Прежде всего я хочу знать: нужно ли было так поступать с нею? Она ведь могла жить еще долго-долго...

Кажется, у меня перехватило горло; пришлось сделать паузу.

— Ты обратился не по адресу,— сказал Мастер.— Мы не распоряжаемся судьбами людей, ни Фермер, ни я. Это — право Высшей Силы. Да, мы иногда спасаем людей, когда им грозит что-то, помогаем им задержаться в Планетарной стадии, как это было с тобой и всем твоим экипажем. Но, если помнишь, я еще в прошлый раз предупреждал тебя: если там тебя постигнет гибель, то это будет настоящая гибель — хотя ты выступал и не в своем теле. Нет, капитан, мы — не судьба. Но ты неправ и в другом: когда говоришь, что она могла бы еще жить. Она и сейчас жива — просто ее Планетарная стадия завершена, началась новая, Космическая. И совершенно естественно, что после этого я забрал ее, моего давнего эмиссара, сюда, на Ферму.

— Значит, она здесь,— сказал я, подтверждая то, что и без того знал.— Почему же мне нельзя увидеться с нею — пусть и ненадолго, как ты сказал?

— *Твоя любовь к ней не прошла? Или я ошибаюсь?*

Я чуть было не сказал, что для того, чтобы понять это, не надо быть большого ума. Но вовремя спохватился: все-таки, не с Уве-Йоргеном разговаривал я, а с Мастером.

— Ты не ошибся.

— Вот поэтому.

Мне оставалось только пожать плечами:

— Не улавливаю логики.

— *Если ты увидишь ее сейчас,* тебе вряд ли захочется расстаться с нею надолго. Да, я знаю, что у тебя дома осталась дочь, но из двух женщин чаще побеждает та, что ближе... И ты, я боюсь, захочешь прибегнуть к простейшему способу вновь соединиться с ней, и на этот раз очень надолго. Ты ведь уже понял, о чем я говорю?

— Понял,— признал я без особой охоты.

— Конечно. Потому что ты знаешь: если прервется и твоя

Планетарная стадия, вы снова окажетесь доступны друг для друга.

— Разве это не так? — спросил я довольно сухо.

— Не совсем. Подумай: если бы всякий, в великом множестве обитаемых времен, пройдя Планетарную пору своего бытия, оказывался здесь, у нас,— какая толчея тут царила бы. А раз ее нет, то вывод можешь сделать один: на Ферме оказывается в конце концов лишь тот, на кого мы — Фермер и я — сможем положиться всегда и во всем. И не только тогда, после окончательного прихода к нам, когда ни у кого не остается выбора,— но и в пору, когда выбор есть, как он есть сейчас у тебя: ты можешь принять мое поручение, но можешь и отказаться, твоя воля свободна. Решаешь ты сам.

— А уж потом решать будете вы — так следует понимать?

— Совершенно правильно. Так вот, капитан, я не хочу, чтобы ты, ради скорой встречи с нею, стал рисковать там, где не нужно. Я желаю, чтобы ты выжил.

— Не знал, что ты меня так любишь.

— Ты вообще многого еще не знаешь... Но вот мы и пришли. Поднимемся.

Мы поднялись по крутой лестнице наверх — в Место, откуда видно все.

— Теперь смотри,— сказал Мастер, когда необъятное пространство распахнулось перед нами, как витрина ювелирного магазина, где бриллианты, и рубины, и изумруды, и сапфиры лучатся на черном бархате, и ранняя седина туманностей, видимых так, словно ты уже приблизился к ним на последнее допустимое расстояние, лишь оттеняет молодую черноту Мироздания.— Смотри внимательно. Приближаю...

Затаив дыхание, я смотрел, как неисчислимые небесные тела пришли в движение. Я понимал, конечно, что это всего лишь оптический эффект, а точнее — наши взгляды проходили сейчас через какое-то иное пространство; но впечатление было таким, как будто Мастер и на самом деле повелевал движением миров.

— Видишь? Это Нагор.

— Что значит Нагор?

— Так называется то шаровое скопление, о котором я говорил. Теперь обрати внимание на соседние шаровые скопления, подобные Нагору. Видишь? Ну вот — одно, два, три... всего их шесть.

— Очень похожи.

— За одним исключением: там нет обитаемых планет.

— Почему нет?

— Этого мы так и не поняли. Видимо, была какая-то неточность при Большом Засеве. Может быть, повлияли какие-нибудь гравитационные или магнитые эффекты... Одним словом, все досталось Нагору, и ничего — остальным. Предположений у нас немало, но ни одного, в котором не было бы противоречий.

— По-моему, тоже. Повторите засев — и дело с концом.

— Разве ты забыл правило: если в нужном направлении есть хоть одна живая планета, то засевать извне ни в коем случае нельзя: чтобы не возникла форма жизни, противоречащая уже имеющейся по соседству — иначе возникнет опасность столкновения прежней и новой жизни, пусть и в далеком будущем. Забыл?

— Проще, Мастер: никогда не знал.

— Да, прости: вечно забываю, что ты у нас практик.

(Ничего он не забывал, конечно; наверное, просто не хотел, чтобы я чувствовал свою ущербность по сравнению с постоянными обитателями Фермы. Я был ему благодарен за это.)

— Ничего, главное я понял: что засеять нельзя. Но так ли уж необходимо, чтобы эти шесть скоплений оказались заселенными?

— Мы ведь исходим из того, Ульдемир, что Мироздание, начиная с определенного этапа, не может развиваться должным образом без контроля и участия Разума.

— Это я помню: именно Разум порождает большую часть Тепла. Настолько вы все-таки успели меня просветить.

— Есть вещи куда важнее. Лишь Разумом создается устойчивость; ведь Мироздание время от времени проходит через критические периоды, буквально балансирует на грани. И не будь в нем разума...

— Снимаю свое возражение. Итак, в тех шести скоплениях тоже должна возникнуть жизнь.

— Верно. И в этих условиях она может попасть туда лишь одним естественным способом: путем заселения пригодных планет колонистами из Нагора. С любой из восемнадцати планет или со всех, вместе взятых.

— То есть Нагор понадобился вам как стартовая площадка.

— Уместное сравнение. Однако, как ты сам видишь, задача не весьма сложная — часть нашей повседневной работы, как я уже сказал.

— Я чувствую, мы подходим собственно к делу.

— Меня радует, что твоя интуиция не притупилась. Итак, чтобы выяснить, что происходит на этой самой стартовой площадке и нужно или не нужно применять какие-то тихие меры, чтобы ускорить их развитие в нужном направлении...

— То есть к экспансии вовне Нагора?

— Именно... Для этого мне понадобилось послать туда людей. Выражаясь твоим языком — произвести разведку.

— И ты послал экипаж.

— Разве они не годились для этого?

— Годились больше, чем все другие, кого я знаю.

— Я послал их прежде всего на Ассарт. По моим расчетам, именно там наука и техника стояли ближе всего к решению задачи.

Потом, как продолжение работы, они должны были посетить и другие планеты Нагора.

— Они хоть как-то защищены? Могут свободно передвигаться?

— У них есть корабль. Небольшой, но вполне отвечающий задаче.

— Почему же ты не позвал меня сразу же?

— Я хотел. Но Фермер решил, что нужно дать тебе время прийти в себя. Да и кроме того — дело ведь представлялось заурядным. Они прошли нужную подготовку, в них вложили все, что нужно было для действий на Ассарте,— начиная с языка. У них были прекрасные легенды...

— Они полетели втроем?

— Втроем. Рыцарь оставался в резерве — на случай, если придется произвести какие-то одновременные действия на других планетах; отсюда попасть на любую из них легче, чем с Ассарта — мы перебросили бы его своей связью, с Ассарта же пришлось бы пользоваться кораблем, своим или другим.

— Они полетели. Дальше?

— А дальше ничего, капитан,— сказал Мастер, и, кажется, впервые в жизни я увидел, что Мастер несколько смутился.— Придется разочаровать тебя, Ульдемир: я просто не знаю. Они вылетели — и как провалились. Не выходили на связь. Не откликались на вызовы.

— Мало утешительного,— признал я.

— Что могло случиться? Долетели они благополучно: сигнал о прибытии мы получили, но его дает автоматика корабля. А люди молчат. Я уверен, что тамошним силам они не по зубам. Какой-то несчастый случай? Или просто загуляли?

— Мастер! — сказал я укоризненно.

— Что же, приходится предполагать и такое — хотя я, разумеется, подобным глупостям не верю. Как и ты. Но что-то ведь произошло, согласен?

— Тут двух мнений быть не может. Но почему ты не послал к ним Рыцаря?

— Он был нужен, чтобы прежде всего найти и доставить тебя.

— Ну, а потом?

— Он отправился туда, едва ты оказался на Ферме. Уже не кораблем, конечно. По нашему каналу.

— В таком случае, он уже там?

— Должен быть. Но сигнала не поступало.

— М-да,— сказал я.— Замысловато. Скажи: а чем все это может грозить? И кому? Вашим планам заселения шести скоплений? Еще чему-то?

— Это может грозить жизни трех — нет, теперь уже четырех наших людей,— медленно сказал Мастер.

— А кроме того?

— Кроме того... Домысливать можно многое. В самом трагическом варианте, речь может идти о существовании Мироздания.

— Не может быть!

— Никогда не произноси этих слов. Они неверны. Нет ничего такого, что не могло бы быть. То, что происходит ежедневно,— реально. Но и то, что случается раз в миллиард или десять миллиардов лет, не менее реально.

— Ладно,— сказал я после паузы.— По-моему, я тут теряю время. Отправляй меня — я готов.

— Ничего подобного,— усмехнулся он.— Ты совершенно не готов. Не забудь: ты не будешь прикрыт кем-то, имеющим в мире Ассарта свое имя и свое место. Не будет никакого Форамы Ро, честного физика. Ты будешь в собственной плоти — это куда опаснее. И я выпущу тебя не раньше, чем смогу убедиться в твоей готовности. Я постараюсь передать тебе кое-что из умения, собранного у разных звезд...

Он вытянул ко мне руку.

— Отойди на три... нет, на пять шагов.

Несколько удивившись, я отступил.

Не опуская руки, Мастер сделал какое-то неуловимое движение тремя пальцами. И одновременно непонятная сила подбросила меня в воздух, перевернула и швырнула оземь — и только на расстоянии нескольких сантиметров я был плавно остановлен и бережно опущен на пол.

— Ну, боцман...— только и сказал я, поднимаясь.

Мастер улыбнулся.

— Не думай, это не уровень моей силы, но — твоей.... Ты идешь на риск и должен быть готов постоять за себя. Всеми способами. И борьбой в отрыве — вот как я сейчас. И в схватке. Ножом. Мечом. Шпагой. Фламмером. Штурмовой пушкой. Мало ли чем... А кроме того, как у тебя с ассартским языком? Не отвечай, я и сам знаю.

— Боюсь,— сказал я,— что пока я все это постигну, мир успеет состариться, а мой экипаж...

— По твоему счету времени это займет неделю. Но как бы им ни было сейчас плохо — такой, как теперь, ты им не помощник.

Я кивнул, понимая, что он прав. И все же не удержался, чтобы не заметить:

— А тебе не кажется, Мастер, что для таких упражнений я уже староват?

Говорить это было несладко, но дело оборачивалось слишком серьезно.

— Что за чушь, Ульдемир! Я дам тебе рабочий возраст... Какой ты хотел бы?

Я почувствовал, как физиономия моя растягивается в улыбке.

— Ну, лет сорок. Не много прошу?

— Наоборот, очень скромно. Хорошо. Возвращаю тебе твои сорок лет!

Он приопустил веки и на несколько мгновений словно погрузился в размышления. Я же вдруг ощутил, как давно забытые бодрость и уверенность загорелись во мне, заиграли в крови, заставили чуть ли не пританцовывать на месте от нетерпения — двигаться, делать, решать, пробиваться, расшвыривая неприятеля...

— Зеркало не нужно? — С чуть заметной улыбкой он наблюдал за мной прищуренными глазами.

— Ладно, нагляжусь потом...

— Пойдем. Я отведу тебя в твою комнату. Кстати — ту самую, где ты некогда очнулся от небытия.

Мы спустились на первый этаж. Может быть, это действительно была та самая комната; не знаю, от нее у меня ничего не осталось в памяти.

— Мастер,— сказал я, когда он уже собрался уходить.— А что будет с моей дочерью?

— Она уже знает, что ты ненадолго задерживаешься в своей — как это у вас называется — командировке.

— Ненадолго?..

— Я надеюсь, капитан, что это так и будет. Сейчас — отдыхай. Приду к тебе, когда будет нужно.

Я послушно разделся, лег на свежее белье, закрыл глаза. И тотчас мне почудилось, что я не один здесь; что кто-то смотрит на меня, смотрит с добротой и даже, может быть, с нежностью.

— Эла? — негромко спросил я.

Но ответа не получил.

Последовавшая затем неделя мало что оставила в памяти — если не считать ассартского языка и кое-как скроенной для меня легенды. Зато очень многое осело в мускулах, в нервах, в рефлексах, в подсознании. И, например, то самое движение пальцами, что тогда показалось мне неуловимым, сейчас я сам выполнял, даже не думая. Боюсь, что работавшие со мною люди Мастера (не знаю, были ли они его постоянной командой, или приглашены откуда-то на время) заработали немало синяков. Впрочем, и сам я не меньше.

Потом Мастер пожелал убедиться в моих успехах. Пожалуй, он решил не жалеть меня, я разозлился — и не стал жалеть его. В конце концов он одолел меня — но не по правилам. Я так и сказал ему:

— Мастер, это была атака на подсознание; она из другой игры, твоего уровня, но не нашего.

— А что же мне было — сдаваться? — проворчал он.— Ладно. Можешь считать, что экзамен ты сдал. Теперь можно и отправляться. Кстати, медлить более нельзя. Они по-прежнему молчат. Но если они живы, то тебя встретят. Сегодня. А завтра встречать не станут, потому что Уве-Йорген увез с собой именно такую инструкцию.

— Я готов.

— Прекрасно. Только вот возникло маленькое осложнение. По неизвестной причине канал резонансной связи с Ассартом нарушен. Неожиданно на пути возникло мертвое пространство.

— Опять что-то новое для меня.

— Да и для нас тоже. Пока мы поняли только то, что через область мертвого пространства ничто не проходит. Ни тела, ни колебания... Так что добираться придется зигзагом. С пересадкой в точке Таргит.

— Это планета?

— Это всего лишь пересадка. Из любого места в любое. Так что заодно обогатишь свои знания и впечатления. Иначе когда бы ты еще оказался в Таргите?

— Я и не возражаю.— Сейчас мне, молодому, сорокалетнему, все на свете казалось пустяками.

— Что же, пойдем, позавтракаем — и в путь.

Мы позавтракали: печень минейского корха в собственном соку, с маринованными стиками, со спелыми ведейскими шертами в сливках на десерт (это не ягоды, а моллюски, вроде устриц, но сладкие) и черный кофе. Потом я стартовал — неожиданно, как и всегда.

4

Принято считать, что наш мир в основном симметричен. Правому противостоит левое, горячему — холодное, плюсу — минус. Так что даже не обладая никакими убедительными доказательствами, можно чисто умозрительно предположить, что в непостижимых для нас хитросплетениях измерений времени и пространства Ферме, ее принципам и делам, противостоит некая — ну, скажем, Антиферма, где руководствуются иными представлениями и движутся (или пытаются двигаться) к другим целям.

Те, кто не отвергает этой простой мысли, вряд ли будут удивлены, услышав, что подобная Антиферма действительно существует. Правда, называют ее иначе, но не в названии дело. Как и Ферма, она представляет собою относительно небольшой объем пространства, оборудованный в соответствии с потребностями и задачами тех, кто на ней работает. Там есть свои мастера и эмиссары, временами там появляются и люди; там тоже проявляются иногда силы,

которые мы обычно называем сверхъестественными — вследствие наших весьма скудных представлений о естестве. Люди задерживаются там ненадолго — ровно на столько, чтобы получить задание и возвратиться на свою планету, в свой мир.

Явившись туда непрошеными соглядатаями, мы с вами как раз поспеваем к разговору, в котором участвуют двое. Один из них — средних лет и среднего роста, и вряд ли мы выделили бы его из множества людей, если бы не ощущение бесконечной уверенности в себе, которое сквозит и в каждом движении его, и во всяком слове и взгляде. Собеседник его, напротив, обладает запоминающейся внешностью — он высок, массивен, с крупными, грубоватыми чертами лица, но в его взгляде, пожалуй, жестокость преобладает над уверенностью и хитрость над мудростью. К первому он обращается крайне почтительно. Они сидят на веранде дома, расположенного как бы в самом центре песчаной пустыни — ничего, кроме черного песка, простирающегося до самого горизонта, не видно окрест, ни травинки, ни ручейка; тем не менее, на столике, что стоит между собеседниками, виднеется объемистый глиняный кувшин с холодной водой, а вокруг него — тарелочки с фруктами и плоскими лепешками. Видимо, быту здесь уделяют не очень-то много внимания. Это и не удивительно, впрочем, тут занимаются куда более серьезными вещами. Однако тем, что имеется, хозяин дома (тот, что велик не ростом, но некоей внутренней силой, ощущаемой, как уже сказано, во всем) гостеприимно потчует гостя:

— Берите, Магистр, не стесняйтесь. Домой вы вернетесь хорошо, если к ужину.

— Благодарю вас, Охранитель. Я совершенно сыт.

— Рад слышать... Итак, мы, кажется, пришли к соглашению?

— Могу только повторить: я готов поступать в соответствии с вашими планами, для блага Заставы.

— Не Заставы, дорогой Магистр. У Заставы нет своих благ. Как мы уже говорили, речь идет о судьбах Вселенной.

— Это я и имел в виду, Охранитель.

— Давайте все же уточним. Вы действуете по моим указаниям; после реализации планов вы получаете то, что принадлежит вам по праву рождения, но чего вы лишены в силу множества обстоятельств.

— Совершенно верно.

— Однако и после этого наше соглашение сохраняется. Если же вы попытаетесь...

— Рискну показаться невежливым, перебивая вас: я никогда не попытаюсь.

— Я лишь хотел сказать, Магистр, что, если в результате наших действий вашему достоянию будет нанесен ущерб, я компенсирую его в любой приемлемой для вас форме.

— Я никогда не сомневался в вашей справедливости.

— Что же, очень хорошо. По сути, сейчас нам обоим нужно одно и то же.

— Ассарт.

— Именно.

— Сейчас самый удобный час для того, чтобы предпринять решительные действия, не так ли?

— Пришло время перемен. Властелин уходит...

— Ваш, если я не ошибаюсь...

— Совершенно верно, Охранитель. У нас на Ассарте — весьма своеобразный ритуал передачи власти...

— Я знаю. Вы уже подробно говорили об этом.

— Не буду повторяться. Однако подчеркну: в течение нескольких дней власть как бы повисает в воздухе. Практически, конечно, она не прерывается, но формально...

— Да-да, это все ясно. И если официальный претендент по какой-либо причине не в состоянии приять власть, то этой возможностью может воспользоваться другой.

— Отнюдь не всякий!

— Но вы можете.

— Я — да. По праву.

— Следовательно, все дело в том, чтобы официальный претендент отступился. У вас, Магистр, уже есть, разумеется, какие-то соображения по этому поводу?

— Я полагаю, Охранитель, что чем проще, тем надежнее.

— В принципе вы правы. Но простоты добиться иногда бывает очень нелегко.

— Не в данном случае. Собственно говоря, все уже готово.

— А вы позаботились, Магистр, о том, чтобы все выглядело совершенно естественно? Иначе с вашим воцарением будет крайне сложно, ритуалистика требует предельной четкости.

— Все будет как нельзя более естественно. И, главное, произойдет у всех на глазах.

— Какую же оценку событие получит в глазах всех зрителей?

— Несчастный случай, по сути дела. Эксцесс исполнителя, чья нервная система не выдержала.

— Да, это, пожалуй, убедительно. Что же, пусть будет так. Пожалуй, я не стану вас более спрашивать. Вы опытный человек.

— Куда более опытный, Охранитель, чем тот, другой. Заверяю вас: Ассарт только выиграет от замены.

Хозяин дома откинулся на спинку стула, отпил воды из стакана, прищурился.

— Откровенно говоря, Магистр, блага Ассарта — ничто по сравнению с теми благами, которые выиграет Вселенная в результате нашего с вами успеха.

Снова наступила пауза.

— Охранитель...

— Вы хотите о чем-то спросить, Магистр, и не решаетесь? Непохоже на вас. Знаю вас как человека храброго и решительного.

— В таком случае, я действительно спрошу. Охранитель, какова же роль Ассарта во всем этом? И не придется ли ему слишком дорого заплатить за те блага, которые получит Мироздание?

— На этот простой вопрос ответить достаточно сложно. Все, в конечном итоге, зависит от иерархии ценностей... Пожалуй, скажу вам так: Ассарт выиграет значительно больше, чем потеряет, даже в самом неблагоприятном варианте. Впрочем, у нас еще будет возможность поговорить об этом. Но не сейчас. У нас очень мало времени. К сожалению, во всех наших расчетах есть одна величина, которой управлять мы не в силах: время. И оно играет едва ли не самую главную роль. Я хочу, чтобы вы запомнили это, Магистр, раз и навсегда: все должно происходить с точностью до секунды.

— Вы уже говорили об этом, Охранитель. Думаю, однако, что секунды тут названы в переносном смысле?

— В самом буквальном. Ну как сказать, чтобы вы уяснили?.. Это расписание поездов — вот с чем можно сравнить наше положение в доступных вам понятиях. Вы можете явиться на вокзал за час раньше, даже за сутки раньше — это вызовет некоторые неудобства, но не более. Однако стоит вам прибежать на секунду после того, как поезд покинул вокзал — и ваше дело проиграно.

— Почему же?

— Это сложная физика, Магистр. Вы ведь не физик? Вот и не будем углубляться в дремучие проблемы. Просто запомните: сколь угодно раньше — но ни секундой позже.

Охранитель снова выпил воды.

— Со своей стороны, я делаю все необходимое. А ведь мои противники серьезнее, чем ваш претендент. Это — Ферма! И мне известно, что некоторое количество их эмиссаров уже находится на Ассарте. Это наша вина: мы спохватились слишком поздно. Зато теперь я взял под контроль все каналы, по которым Ферма могла бы реализовать транспортировку и связь.

— А если они обнаружат это?

— Естественно, они обнаружат; как могло бы случиться иначе? Но пусть обнаруживают сто, тысячу раз — они ничего не смогут поделать. Потому что на сей раз на моей стороне выступают такие силы, какими Ферма не обладает. И перехватить эти силы им никак не удастся — ибо силы эти заинтересованы именно в моем успехе, никак не в их. Время, Магистр, точность, расчет — и успех. Спешите! Желаю вам самых больших удач!

5

На улице было темно, прохладно. Пустынно. Безмолвно. «В центре мира — тишина и пустота»,— подумал Изар и невольно усмехнулся. Ученые ломают головы над тем, что находится в центре Ассарта, нашей планеты: кристаллическое ядро, расплавленное — или, может быть, вообще ничего? А вот в центре другого мира, хотя и совпадающего с первым,— в центре Державы, в Сомонте, столице, городе Власти — тишина и пустота.

Не всегда, конечно; лишь начиная с раннего вечера, когда заканчивается присутствие и многочисленные подъезды извергают целые толпы советников, исполнителей, наблюдателей всех и всяческих рангов — маленькие детали механизма Власти. Тогда здесь, в центре Сомонта, улицы вскипают людьми и машинами, как если бы приливная волна ворвалась в узкий залив; и тут же не менее стремительным отливом все уносилось прочь, подальше отсюда — в жилые кварталы, в загородные дома, в гавань, где лениво переваливаются с бока на бок яхты — и мало ли куда еще. До утра центр вымирал, и казалось, что в нем и на самом деле не осталось ни единой живой души, ни малейшего признака жизни. На самом же деле жизнь продолжалась, менялись лишь ее проявления. Пожалуй, самые важные события происходили тут именно в неприсутственное время. Как и то, которому сейчас только еще предстояло совершиться.

Изар шел медленно, наслаждаясь тишиной и безлюдьем. С раннего детства он не любил подолгу бывать на людях, и если бы можно было, все свое время проводил бы в одиночестве. Увы, Наследнику Власти, ее Рубину, такое простое счастье было недоступно. Тем больше он стремился использовать каждый миг одиночества с наибольшей полнотой. Как, например, и сейчас.

Пожалуй, никто из окружающих его не понимал причин столь странной для высокопоставленного ассартианина тяги к уединению, порою приводившей даже к попыткам избавиться от охраны, явной и скрытой, что было вопиющим нарушением Порядка — не говоря уже о том, что противоречило здравому смыслу: кому неизвестно, что облик Власти всегда притягивает пули и кинжалы? Долгое время это объясняли чудачествами подростка, капризами юноши; сейчас Изар уже не был ни тем, ни другим, его возраст насчитывал полную правую руку и еще один ее палец, и три пальца с левой, или же, если считать иначе, пятую часть Малого круга времени, называемого также кругом жизни. Он был совершенно взрослым человеком, в начале самой плодотворной поры, но, как ни удивительно, желание быть одному не проходило, напротив, становилось все более последовательным и четким. Среди приближенных к Жилищу Власти людей возникло даже некоторое опа-

сение: не помешает ли эта особенность характера исполнению долга, когда в один прекрасный день Наследник станет Властелином, Рубин Власти — ее Бриллиантом. Однако, когда сомнениями поделились с Умом Совета, старый сановник, позволив себе лишь чуть усмехнуться, уверенно ответил: «Бояться нечего. Власть сильнее человека. Власть сильнее Властелина. Он будет делать все, чего она потребует». О старике, по сути, втором человеке во Власти, было известно, что он не умеет ошибаться, ему поверили и решили, что поведение Наследника вызвано лишь его презрением к людям вообще, что для Властелина вовсе не являлось недостатком, но было едва ли не необходимым. Каждый, разумеется, считал, что лично к нему такое презрение никак не относится — но почему-то все понемногу перестали навязывать Изару свое общество,— исключая, может быть, игру в мяч, где без партнеров уж никак было не обойтись. Наследника это вполне устраивало; настоящую же причину знал лишь он сам (и, не исключено, догадывался Ум Совета) — но на эту тему не собирался откровенничать ни с кем. Даже с собственным отцом.

Что же касается охраны, то Изару давно уже казалось, что подлинной нужды в ней не было: кто и когда слышал пусть даже не о попытке, но хотя бы о замысле покушения на Властелина или на него, Наследника? Кому и зачем вообще могла прийти в голову такая мысль, у какого безумца могло возникнуть подобное намерение? Система Власти была сводом, возносящимся над всей Державой, защищающим мир от возможных (фигурально выражаясь) молний и камнепадов. Ключевым же камнем этого свода был Властелин. Держава была (думал Наследник; но не он один, а еще сотни миллионов населявших ее людей) самым процветающим миром обитаемой Вселенной, в которой насчитывалось, ни много ни мало, еще семнадцать таких же; ну, не совсем таких, разумеется, но похожих. Так что если бы не требования вечного и неизменного Порядка, охраной можно было бы и пренебречь.

...И тем не менее сейчас Изар поймал себя на том, что старается ступать бесшумно и слишком часто поворачивает голову направо и налево. Улица была почти совершенно темна, фонари горели только на перекрестках и возле инопланетных посольств и миссий, но даже этот тусклый свет терялся в листве деревьев, окаймлявших улицу — как и бледное сияние Уты, и совсем уже бедное свечение маленького Латона. Обычно темнота не пугала Изара; но на этот раз Наследнику мерещились какие-то шевеления у запертых (а может быть, и не запертых) подъездов, в колоннадах, под арками ворот; какие-то лишние звуки чудились напряженному слуху: мягкие, крадущиеся шаги, сдавленные голоса, металлический щелчок...

Или не только чудились?

Упругим прыжком Изар отскочил в сторону, прижался, как

приклеился к гранитной стене Департамента Унификации. Нет, не от страха ему казалось... Успевшие притерпеться к темноте глаза его сейчас выделили несомненные уплотнения мрака: две человеческие фигуры, плавно крадущиеся по противоположному тротуару. Двигались они в том же направлении, что и сам Изар. Злодеи? Наяву, не в сказке? Наследник плотно сжал губы, нехорошо усмехаясь. Что же, сегодня такое приключение даже кстати было бы: разогнать застоявшуюся кровь, разозлиться до предела — тем легче окажется предстоящее. Он сунул руку за пояс, достал изрядно мешавший все время пистолет, диктат-девятку, комбинацию пулевого и лучевого боя с электронной корректировкой, срабатывавшей, если огонь велся по заказанной цели. Массивная рукоятка сама влегла в ладонь. Ну, прошу покорно, милостивые государи, ожидаю в нетерпении...

Те, однако, не спешили. Остановились — потеряв, надо думать, Изара из виду. Затоптались. Наследник вытянул шею, полузакрыл глаза, прислушиваясь: злоумышленники, показалось ему, стали перешептываться,— да, сомнений не осталось: зашептались, и даже отдельные слова как бы перепорхнули через улицу: «Свет?..— С ума ты...— Где?..— Все равно, он не минует...— Упустили. Согер нас убьет...— К площади, не то и там...». Фигуры сдвинулись, пошли. Изар глядел им в спину. Теперь он был уверен: один тащил на плече что-то, пулемет-не пулемет, нет, скорее, лазерную штурмовую пушку... Подожди, что он сказал? Согер... Согер? Да конечно же, Согер. О, Господи...

Изар едва не расхохотался. Согер был Верховным директором ДТК — Державной Телекомпании. Вот чьи люди это были, и, конечно, вовсе не штурмовую пушку нес один из них, но камеру с длинным стволом ночного объектива. Ну и охотнички! Потеряли дичь на ровном месте... Но и сам Наследник Власти хорош: успел фундаментально забыть, что этим вечером одиночество его неизбежно окажется мнимым; телевидение не упустит своего звездного часа, да и не имеет права упустить, весь мир ждет. Просто раньше показ начинался с площади — так, во всяком случае, ему рассказывали, сам он не видел, и не мог видеть, и никогда не увидит. Потому что во время предыдущей подобной передачи его, понятно, еще не было на свете, сегодня он — действующее лицо, а при следующей передаче снова окажется действующим лицом — но уже в иной роли... Ну что же, свою роль, во всяком случае, надо играть честно. А значит — никак не скрываться, напротив: позировать, подставляться объективам везде, где только можно станет. Потому что для того все и делалось всерьез, без малейшего обмана: чтобы мир видел, мир знал, что неуклонно соблюдается Порядок, ничто не меняется, бытие катится по раз и навсегда уложенным рельсам!

Изар нарочито громко закашлялся, оторвался от стены и, четко стуча высокими каблуками, вышел на проезжую часть улицы. Двинулся бодрым шагом. Тени с телекамерой застыли шагах в двадцати, потом на цыпочках заскакали назад. Не поворачивая лица, Изар скосил глаза: ну, все в порядке, снимают. Нахмурился, стянул лоб морщинами, прикусил губу — на случай, если они там захотят дать крупный план. И стал ступать напряженнее, как бы скованно: все-таки на страшное преступление идет человек...

По-ночному мигали светофоры на перекрестках, слабо светились лампочки над подъездами редких здесь жилых домов; в этой части Сомонта обитали министры, немногие директора державных департаментов, многолучевые генералы. Ни одно окно не было освещено, однако Наследник знал: изнутри прильнули к стеклам белесые ночные лица, встречают и провожают взглядами, ощущают свою причастность к событию исторического масштаба. До следующего — может быть, лет сорок, а то и все пятьдесят: на здоровье он, Изар, не жалуется...

Площадь распахнулась неожиданно, главная площадь мира, предполье Жилища Власти. Изар скользнул взглядом по куполам, колоннам, шпилям, царапавшим небо, но за столетия так и не оставившим на нем заметных следов. Великая Рыба, прародительница, на самой высокой и острой игле величественно плыла под облаками, не шевеля ни плавником. Изар вытянул руки на уровне груди, сложил ладони чашей, зашевелил губами — вознес просьбу. Прошел, даже не покосившись на длинный, массивный вагон телевидения (слышно было, как за стенками его глухо урчала силовая установка), перешагнул, тоже как бы не видя, не отрывая глаз от Рыбы, через жгут кабелей, тянувшихся к Жилищу Власти. В центре Площади, на высоких, плавно изгибавшихся мачтах, сияли лампы; Изар принял правее, огибая площадь по периметру, избегая освещенных мест: по логике преступления, именно так он должен был поступать. Медленная группка людей двигалась навстречу, шагали вперевалку. Патруль, горные тарменары в черных кожаных плащах, мохнатых колпаках, увешанные кинжалами, с волнисто-изогнутой саблей на боку, поперек груди у каждого висел лазерный фламмер. Декан, старший патруля, возглавлял группу, шаги его были мягкими, скользящими — поступь охотника или зверя. Прошли в десятке метров от прижавшегося к стене Наследника (ему на мгновение и в самом деле сделалось страшно, с тарменарами случалось, что они забывали правила игры; они всегда жили всерьез) — никто из них даже бровью не повел, упорно смотрели только вперед. Пронесло.

Изар обождал, пока патруль не отдалится шагов на двадцать: он почти физически ощущал, как телеобъектив притиснул его к стене, как впивается в черты лица схватывая и самомалейшее изменение. Ну что же, это хорошо, если поймали выражение искрен-

него испуга. Наследник знал, что в будущем не раз и не десять все эти кадры будут просматриваться, анализироваться, оцениваться всеми причастными к ремеслу предосуждения: от достойнейших членов Академии Поведения до базарных прорицательниц. По ним будут пытаться предсказать, какой будет пора его власти, каким окажется он сам, войдя в ранг Властелина, какие доселе скрытые черты проявятся, и надо ли ожидать от него великих дел или благодарить Рыбу за то, что никаких перемен не происходит... «Собачьи ублюдки,— подумал он, двинувшись дальше и сохраняя на лице выражение напряженного внимания,— ведь и закон принят был раз и навсегда, и строго-настрого заказано — под страхом полного отлучения телевидения от показа — записывать происходящее, разрешена только прямая передача — и все равно записывают, и размножают, и дня через три после события полную запись любой сможет не так уж дорого купить на Большом Торге. Запись всего того, что уже сейчас происходит, и того, что сбудется через каких-нибудь полчаса. Ну, погодите,— подумал он, чувствуя, как в нем просыпается злость,— на этот раз вы у меня не весьма расторгуетесь, на этот раз как бы не пришлось одному-другому горько поплакать, мне-то наплевать, я, если понадобится, могу вам позировать, в чем мать родила, но Ястру тиражировать, на ней зарабатывать вы у меня закаетесь, клянусь жабрами!»

Он обошел правое крыло Жилища Власти и решительно свернул к Главному крыльцу. У него было право входить сюда в любой час дня и ночи. Изар мог выбрать и другой, не столь откровенный вариант: в левом крыле специально было приотворено одно из окон первого этажа, шестнадцатое от угла, окно малой фельдъегерской, ныне пустовавшей по сокращению внешней переписки; дверь фельдъегерской выходила в малый служебный коридор, дальше шел большой, а он уже выходил к лестнице, что вела в покои Властелина. На случай, если бы он избрал этот путь, в большом служебном коридоре засел один из операторов телевидения с камерой. Но Наследник решил идти прямо; хотелось, чтобы поскорее все закончилось.

Четверо Ратанских гвардейцев перед входом единым движением скрестили копья с широкими режущими наконечниками, преграждая путь. За два шага до них Изар остановился. «Слава гвардии!»— проговорил он громко и спокойно. «Слава наследнику!»— гвардейцы не задержались с ответом ни на секунду. Копья беззвучно разошлись, фламмеры на широкой серебряной груди каждого не шелохнулись. Двери медленно, торжественно (иначе они не умели) растворились. Изар вступил в Жилище Власти, о котором всю жизнь думал, как о доме, где живет его отец.

Из-за позднего часа челяди внизу не должно было быть; ее и не видно было, но Изару почудилось, что дыхание многих людей

доносилось до него. Под высоченным потолком, на плечах беломраморного изваяния Ленка Фаринского, основателя Державы, Объединителя, угнездился оператор с ручной камерой. Простотаки ничего святого не было для них. Горчичное семя, репортеры. Наследник был уверен, что по другую сторону вестибюля, на статуе Азры Менотата, Законодателя, приютился и другой такой же ловец новостей. Сегодня придется все стерпеть, сегодня их день.

Оставляя лифты слева, Изар направился к главной лестнице; он так решил заранее, потому что ни в одном лифте, даже в Жилище Власти, нельзя быть до конца уверенным: возьмет и застрянет в самый неподходящий момент, превращая высокую трагедию в непристойный фарс. В последние годы вещи служили людям все хуже и хуже, черт знает — почему, в этом еще предстояло разобраться. На лестнице он камер не заметил, но остался в уверенности, что они там были — где-нибудь в листве окаймляющих лестницу деревьев. Второй этаж. Смотритель Большого зала сделал шаг от двери, низко поклонился. Не утерпел, значит, старый дурак; ему ведь сейчас тут делать совершенно нечего, но — захотелось своими глазами увидеть, как поднимается Наследник к совершению главного своего поступка. Третий этаж. Здесь еще сохранились ароматы давно уже закончившегося ужина. И — четвертый.

Сам того не замечая, Изар на четвертый этаж поднимался уже почти бегом, перемахивая через две ступеньки. Сейчас он остановился, чтобы смирить дыхание. Здесь начинались собственно апартаменты Властелина. Наследнику вдруг стало страшно. Потому что если только забыть о Порядке — то на что же он, Рубин, шел, как называется у людей то, что он должен был — и собирался сделать? И не знай он, что Порядок — превыше всего...

Он шагал по Спальному коридору, в конце которого, конечно же, тоже утвердилась камера, расстреливая его в упор. Миновал Большую спальню, дверь в Малое святилище, где молился только сам Властелин с женой, и Изар тоже — когда был еще мальчиком и мать его еще была женой Властелина. Еще жива была. Следующая дверь — малая гардеробная. Мимо, мимо. И вот наконец... Он остановился и снова вознес слова. Но не Рыбе уже; другому, тайному божеству Глубины.

Перед дверью Малой спальни, в тесной прихожей, как заводные, вскочили с мест четыре офицера Легиона Морского дна. Это войско вершителей темных дел Наследник ненавидел, хотя и знал, что без него Держава обойтись не может. Люди туда набирались из подонков, другие бы и не пошли. О Легионе ходили темные слухи; Наследник по рангу своему знал о нем почти все, все вряд ли было ведомо и самому Властелину. Обычно здесь стояла дворцовая стража, набиравшаяся из близких к Власти людей; на этот раз Изар сам попросил, чтобы их подменили легионерами: преддве-

рие спальни было единственным местом,— не считая самой спальни, конечно,— где не разыгрывалась игра, но все было всерьез. Здесь не могло, и не должно было обойтись без крови; такие дела не делаются без крови, это знает каждый, и ничему другому не поверит. Почему-то кровь людская всегда служила свидетельством подлинности. Так пусть уж это будет кровь легионеров — ее на каждом из них наверняка было во много раз больше, и если кто и не верил в это, то достаточно было ему заглянуть в их равнодушные, без выражения, мертвые глаза, которые только от вида крови и оживали.

— Слава Легиону! — все же проговорил Изар едва ли не сквозь зубы.

— Слава Наследнику.— Ответ прозвучал как-то небрежно, между прочим. В этой небрежности чудился вызов.

— Бриллиант Власти один?

Изар намеренно назвал Властелина так, как по протоколу полагалось; будь на месте этих четырех свои, дворцовые, он спросил бы более интимно.

— Властелин отдыхает. А может, спит — мы не заглядывали.

Это уж и просто грубостью было: назвать разговорным титулом, а не по ритуалу. «Свиньи,— подумал Изар,— что они — не понимают, что сейчас совершается? Или наоборот — слишком хорошо понимают, и мне решили с самого начала указать мое место? Хорошо: это им зачтется. И очень, очень скоро... Им воздастся; а мне простится. В эту ночь мне будет прощено все — будь их даже дюжина...»

Но вслух он отвечать ничего не стал, только сверкнул взором. На легионеров это, похоже, никак не подействовало. Слабина чувствовалась здесь, явная слабина... Сделал шаг к внутренней двери. Тот, что был ближе к нему, проговорил, по-плебейски растягивая слова:

— Прошу оставить оружие.

Такое правило существовало; другое дело, что у Наследника оружия никогда не требовали — с таким же смыслом можно было пытаться разоружить его перед входом в его собственную спальню. Изар вскинул голову. Все взгляды как бы сошлись в одной точке. И Наследник вдруг понял: нет, они неспроста так. Они тоже натянуты, как струны. Кто-то все сделал для того, чтобы он, Изар, войдя, уже не вышел из Жилища Власти живым. И повод прекрасный: они люди маленькие, в традициях не искушены, а тут страшное дело произошло, и нам, мол, ничего другого не оставалось, как... Ага, значит, игра на игру, удар на удар. И совесть чиста.

— С кем говоришь, пес безродный! — Он откинул голову, обождал секунду: не заведется ли? Тот сдержался, только скрипнул зубами. Теперь можно было пройти.

Ах, как страшно ему вдруг стало на миг. Все ломалось. Все...

Он протянул руку. Мягко щелкнул замок двери. Изар вошел, и дверь с едва слышным шорохом закрылась за ним.

6

Малая спальня Властелина уже почти год, как была преобразована в больничную палату, потому что уже почти год Властелин не вставал с постели. Никто не питал надежды, что он когда-нибудь встанет. Властелин был стар и болен, и доживал свою жизнь среди ампул, шприцев и капельниц, дыша воздухом, пропитанным запахом лекарств, не выводившимся, невзирая на самую совершенную вентиляцию. Такая жизнь была не по нему, и несколько дней назад он бросил цепляться за нее, прекратил последние попытки. Тогда же он пригласил Наследника, и они говорили долго и обстоятельно; о многом надо было сказать, да к тому же Властелин и говорил теперь с трудом, медленно. А ведь много лет считался — и был лучшим оратором мира. И тогда же, в самом конце разговора, они установили день.

Наследник знал, конечно, что когда-нибудь это произойдет. Но знал как-то отвлеченно. Думал об этом, как и о собственной смерти: придет ее срок, конечно, но ведь не сегодня и не завтра же, Великая Рыба добра... И так же об этом дне: не сегодня, не завтра. И когда вдруг оказалось, что событие подошло вплотную, Изар не сразу смирился с этим.

— Не надо! — сказал он тогда отцу почти в ужасе.— Не сейчас! Я не готов...

— Неправда,— сказал ему отец.— Ты всю жизнь к этому готов. Ты знал, что это неизбежно. И все знали и знают. Ты никогда не был трусом. Ты знаешь, что в этом действии, определенном Порядком, есть глубочайший смысл; об этом написаны сотни книг. Нарушь Порядок — и мир поколеблется. Я понимаю тебя. В свое время и мне было не по себе. Но иного выхода у меня не было — да и у тебя нет и не может быть. Полная власть достается не даром. За нее нужно платить. И не единовременно; платить придется каждый день и каждый час, пусть и по-разному. И вот это, сейчас предстоящее,— твой первый взнос...

Отец говорил тяжело, задыхаясь, иногда умолкая надолго: и на самом деле был он уже не жилец, это любой понял бы, едва взглянув на него. Но что-то протестовало в Изаре против предстоящего, против отведенной ему роли. Как бы ни было все это освящено традицией — от этого не становилось оно ни менее жестоким, ни более человечным.

— Папа, папа, а если... если я просто не могу?

Отец медленно открыл глаза. Не сразу собрался с силами, чтобы ответить:

— Слушай меня внимательно... Никому и никогда не говори таких слов. Они означают лишь одно: что ты непригоден для того, чтобы перенять власть. Ты — не властелин. И если только люди поймут это, они отстранят тебя. Или устранят. Законно или незаконно, все равно. Даже сам себе никогда больше не говори этого.

— Но почему, почему? Неужели по одному этому поступку можно судить о том, способен ли человек управлять Державой, или нет?

— Может быть, в каком-то другом мире и нельзя. Но в нашей Державе... в нашей Державе власть — прежде всего твердость, даже жестокость. Мы издавна приучены понимать только такой язык. Да, быть жестоким, порой очень жестоким — неприятно. Никому не приятно. И если ты берешься за власть, то первым твоим врагом, с которым придется схватиться не на жизнь, а на смерть, будешь ты сам. То доброе и ласковое, что есть в тебе. Это ты можешь оставить для твоих близких — но и только. Для остальных ты — сама твердость, сама жестокость, непреклонность. И по тому, что тебе предстоит сейчас сделать, люди составят свое первое впечатление о тебе. А первое впечатление бывает самым сильным и остается надолго...

— А если это свыше моих сил?

— Глупости. Минутная слабость. Но для нее нет никаких причин. Ты видишь меня? Разве не ясно, что меня уже и нет здесь... что я — уже там, перевоплощенный в одну из блистательных рыб в окружении Великой... Днем позже это все равно произойдет само собой, но тогда ты потеряешь все...

— Так скоро. Но почему? Разве ты не мог бы жить еще?

— Пока врач не назвал мне дня, я не посылал за тобою. Все. Больше не желаю слышать ни слова об этом. Да, вот еще что... Найди своего... Обязательно. И не спускай с него глаз. Он...

Отец не договорил — видно, силы иссякли и он не то уснул, не то потерял сознание; так и осталось неясным, что хотел он сказать, от чего — или от кого предостеречь. Больше он не пришел в себя.

...И сейчас он лежал спокойно, укрытый до подбородка. Горел маленький светильник на прикроватном столике. Изар протянул руку, не глядя — нашарил выключатель, включил верхний, сильный свет (об этом просили — как было ему передано — телевизионщики). И, твердо ступая, пересек комнату, приблизился к кровати. Властелин не шевельнулся. Когда Изар остановился рядом, отец открыл глаза, но в них не было мысли — бездумная пустота. Наркотик?.. Изар резко, почти грубо, откинул одеяло. Худая, морщинистая шея... Старик медленно, как во сне, стал поднимать руки —

инстинктивно? Но Наследник уже наложил пальцы на горло отца. Он умел душить, он был научен с детства. Как и его отец. Как и сын будет научен, когда явится на свет: душить безболезненно, пережимая сперва артерии, выключая сознание... Изар душил. Тело отца напряглось, рот раскрылся, вывалился язык. «Он не чувствует этого,— повторял про себя Изар,— не чувствует...» Тело опало, но Изар все еще не отпускал руку: пальцы свело, и мгновенно промелькнула идиотская мысль, что вот так он и останется навеки соединенным со своим отцом — с руками на его горле... Мертвая тишина стояла, только журчала едва слышно установленная на спинке кровати — откровенно, по-деловому — камера.

Наконец он отнял руки. Пошевелил пальцами, потом растер их: сейчас ему понадобится не только сила их, но и гибкость, точность — едва уловимыми движениями пальцев изменяется направление разящего клинка... На миг закрыл глаза, прощаясь с переставшим быть. Повернулся. Решительно подошел к двери. Распахнул. Вышел в прихожую, уже держа кинжалы в руках, готовый с хода атаковать.

Он не ошибся: четверо стояли, приготовившись к убийству. Не по-благородному, как полагалось бы офицерам — со шпагами наголо (как-то не обращались мысли к огнестрельному оружию в этой обители традиций, где, кажется, за всю историю так и не раздалось ни единого выстрела — а клинки, случалось, звенели весенними ручьями, и подлинные ручьи текли по самоцветным полам — только не вода то была...). Вместо шпаг даже не кинжалы были у них в руках, а воровские ножи, воистину более всего другого им годившиеся. Четыре ножа взвились, кратко блеснув белым — и голубоватые молнии вылетели, казалось, из двух кинжалов; но то были лишь отблески на благородной стали... «Ну, посмотрим, как вас натаскали,— про себя говорил он,— какие секреты открыли, какие приемы преподали...»— продолжал, отбивая еще одну атаку. Конечно, драться тут было неудобно, тесно — однако это мешало легионерам больше, чем ему. Все же один или два удара он пропустил; не наряди его Эфат в десантный жилет под камзолом — добром бы не обошлось... Но и эти четверо снарядились, как на генеральное сражение, так что бить их приходилось в горло. Что же, он и это умел, он мог бы лихо командовать десантным взводом — вот хватит ли его умения на Державу?..— Бой шел, его загоняли в угол. Что же, тем хуже для них! В последний момент Изар нырком ушел от удара, показал ложный удар ниже живота, тот невольно пригнулся, пальцы Изара чуть повернули граненую рукоятку кинжала — клинок, словно в воду, вошел в открывшееся на долю секунды горло. Это не первый был, сейчас их оставалось двое, и те их сотоварищи, что теперь смирно-смирно лежали на полу, и вовсе ограничили возможность наступательного маневра, нахрап кончил-

ся, теперь решала техника — а-а! — выпад — снизу в челюсть, кинжал застрял — но ведь и враг остался только один. Кинжал Наследника мельничным крылом завертелся в воздухе, быстрее, еще быстрее — уже не различить стало, где клинок — последний остервенело кинулся вперед наугад, вобрав голову в плечи — но ведь шлема с забралом на нем не было, не полагалось такого при нанесении дворцового караула...

Изар медленно вытер кинжал о мундир ближайшего поверженного, с усилием высвободил второй. Ах, как сейчас млеют люди у телевизоров! Прав был Ум Совета: «Тебя не знают, ты не показывался. Так пусть сразу же поймут, что ты человек серьезный и плохой партнер для шуток». Смотрите, понимайте... Впрочем, еще не все сделано. Впереди — действие второе.

Он вышел в коридор, всем своим видом показывая, что — совершенно спокоен и не ожидает никаких случайностей. Сделал несколько шагов. Впереди распахнулась дверь. В коридор метнулась женщина и встала на пути Изара. Жемчужина Власти, молодая супруга Властелина, вот уже несколько минут как его вдова. В ночном убранстве, с распущенными волосами, молодая, прекрасная, разъяренная.

— Убийца! Люди, слуги! Хватайте убийцу!

— Пропусти меня!

— Ты убил Властелина!

— Не по злобе, но ради величия мира!

— Тогда погибнешь и ты!

И она бросилась на Изара, сжимая в пальчиках смешной дамский кинжальчик — остро, впрочем, наточенный. Изар, разумеется, и не подумал применить оружие — просто перехватил ее руки, завел их назад, за ее спину, неизбежно прижавшись при этом голой грудью — лохмотья камзола не в счет, жилет нараспашку — к ее груди. На мгновение-другое оба застыли так; потом он начал медленно сгибать ее, заступил ногой, повалил на затянутый ковром пол. Она сопротивлялась. Пеньюар распахнулся. Тень промелькнула над ними, Изар как-то боком подумал, что повесит того, кто ухитрился протащить в Жилище Власти операторский кран. Мысль тут же исчезла, он уже одолевал Жемчужину — одолел. В борьбе она уступила. Где-то наверху влажно сопел оператор. И сами они тоже дышали громко, хрипло, наперебой, она едва слышно стонала, он лишь стискивал зубы — начатое надо доводить до конца...

Ну наконец-то! Свет выключили вовремя, не то Изар был уже готов вскочить и — к дьяволу все традиции! — выпустить всю обойму по объективам камер, по операторским черепам. «Хватит с них — попировали,— подумал он, застегиваясь и поднимая с пола упавший раньше «диктат».— Их работа кончилась, наша только в начале».

Он бережно поднял женщину с пола. Поцеловал. Она прижалась лицом к его груди.

— Прости, Ястра,— прошептал Изар ей на ухо.— Я не сделал тебе слишком больно?

Она, не отрывая лица от его груди, покачала головой.

— Ты простишь меня?

— Так было нужно?..— прошептала она.

— Одевайся,— сказал он.— Поедем в летнюю Обитель. Придем в себя. Там накрыт ужин. Безумно хочется есть...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Мне давно уже казалось, что прожитые годы дают мне право считаться испытанным путешественником в Пространстве; во всяком случае, немало повидавшим. Поэтому я не ожидал, что предстоящая пересадка в точке Таргит чем-то обогатит мой опыт. Оказалось не так. У меня понятие пересадки, видимо, подсознательно связывалось с каким-то подобием вокзала, кассовых окошечек, информационных табло, громкоговорителей и массы пассажиров, половина из которых терпеливо ждет, другая же суетливо спешит. В точке Таргит я не увидел ничего похожего. Когда неизбежное мгновенное помутнение сознания прошло, я обнаружил себя висящим в воздухе примерно в метре над черной монолитной поверхностью, кроме которой здесь ничего не было. Поверхность уходила в бесконечность. Предполагая, что в следующий миг я на нее грохнусь, я рефлекторно подтянул ноги, чтобы смягчить удар. Однако продолжал висеть в полной неподвижности. Мне это не понравилось; как и Архимеду, мне нужна точка опоры, чтобы чувствовать себя пристойно. Я сделал несколько не весьма красивых телодвижений, но не сдвинулся ни на миллиметр. Тем временем кусочек поверхности, находившийся прямо подо мной — круг около метра в поперечнике — желто засветился изнутри. Одновременно кто-то как бы сказал мне: «Туннель временно занят. Ожидайте». Я произнес: «Гм...»; не знаю, что еще тут можно было сказать. Круг налился красным светом, все более интенсивным (мне почудилось даже, что оттуда, снизу, повеяло жаром, и возникла смешная мысль о том, что в Ассарт мне суждено попасть в хорошо прожаренном виде), слегка завибрировал,— дрожь каким-то образом передалась и мне, потом раздался звук, словно вскрыли хорошо укупоренную бутылку — свечение погасло, а на том месте, где оно было, что-то заворочалось, темное на черном фоне и оттого с трудом различимое; я и по сегодня не знаю, было ли это существо человекоподоб-

ным, или еще каким-то. Оно переместилось на несколько метров в сторону, я внутренним слухом уловил звуки, сложившиеся в некое слово, похожее на «Ирмас, ах, ах, у-у», черная плита заворчала, щелкнула, вспыхнула ярко-зеленым. Существо немедленно заняло освещенный круг. Снова дрожь — и площадь очистилась. Это было любопытно, но еще более любопытным, пожалуй, являлось все-таки то, что я продолжал висеть, никому вроде бы не нужный. Я решил обидеться, и в этот миг плоскость подпрыгнула и сделала мне подсечку, так что я оказался на черном — и, как оказалось, очень твердом — грунте. Во мне заговорили: «Задерживаете обмен, задерживаете обмен. Ваша точка, в темпе, в темпе — ваша точка?» «Ассарт,— громко подумал я,— Ассарт восемь-восемь, семь, три». Координаты эти я затвердил еще на Ферме. Одновременно кто-то, невидимый и наглый, забормотал рядом: «Застава, застава, застава». «Ассарт,— настаивал я,— Ассарт восемь-восемь...» Другой, как показалось, голос не дал мне договорить: «Застава, Ассарт закрыт, только застава, просьба не прекословить!» «Никто и не прекословит,— возразил я,— место следования Ассарт». Мне показалось, что вслед за мной повторили: «Ассарт»; потом уже я решил, что слово было «Старт». Несуществующий мир вокруг меня пожелтел, покраснел, голова снова нырнула в туман, и последним, что я понял, было — что меня больше нет.

2

Происшедшее видел весь мир. Не удивительно: лишь раз в жизни приходится наблюдать такое, и сейчас не так уж много оставалось людей на Ассарте, видевших, как старый Властелин так же вот расправился со своим отцом, тогдашним Властелином Мира, и как тут же, в том же коридоре в незапамятные времена построенного Жилища Власти, изнасиловал молодую вдову, которая потом стала его женой и родила ему сына. А если забраться еще дальше в потемки истории, то окажется, что и тот, тогдашний Властелин в свое время — лет уже сто с лишним назад — подобным же образом поступил с отцом и с его молодой женой — и его отец тоже — и отец его отца тоже...

На многие поколения в истории, на несказанную глубину уходил странный этот обычай, давно уже включенный в Порядок и потому нерушимый и неотменяемый. Причиной же тому было, что когда к власти пришел родоначальник нынешней династии, Эгор Маленький, то он таким именно способом и пришел: задушил последнего, бездетного Властелина династии Шан по имени Ан-Зет-ан-Гри, и, проявив силу членов, привел к покорности его вдову — потому что женитьба на вдове покойного Властелина по древ-

нему обычному праву давала ему законное право на власть — одного только убийства здесь было недостаточно. Эгор Маленький правил удачно; ему удалось привести к подчинению властительных донков на всей планете, и если пришел он к власти лишь в одном, хотя и самом обширном донкалате, то ко дню его кончины (официально это всегда так называлось: преждевременная кончина) под властью Ассарта (таково было название донкалата) находилась уже едва ли не половина земель и вод планеты — хотя, к слову сказать, окончательное объединение всех донкалатов и маригатов в единую всепланетную Державу произошло лишь двумя поколениями спустя. Но эпоха Эгора Маленького ознаменовалась не только выгодными территориальными приобретениями, но и улучшением жизни: еды стало больше, ткацкие станы работали беспрерывно, стада множились — как нетрудно понять, именно потому, что закончились постоянные стычки и неразлучные с ними грабежи, угоны и убийства; успешно искоренялась преступность и процветали добродетели, науки и искусства. В национальном характере ассартиан (а они были всегда, по сути дела, одной нацией, с перегородками или без) всегда присутствовала такая любопытная черта, как любовь и внимание ко всякого рода ритуалам, которым придавалось едва ли не магическое значение, и никакая цивилизованность не могла заставить людей отказаться от таких воззрений. Ничем иным нельзя объяснить, в частности, то, что и поныне не только уцелел, но процветал неизвестно в каких безднах прошлого зародившийся культ Великой Рыбы — возможно, возникновение его относилось ко временам, когда впервые осознан был факт, что жизнь зародилась именно в океане, а также и то, что человек в своем развитии в утробе матери какое-то время является, по сути дела, рыбой и лишь потом лишается жаберных щелей. Культу этому давно пора бы отмереть — но он жил. Итак, весьма внимательные ко всему внешнему ассартиане легко связывали внешние проявления, сопровождавшие какой-либо процесс, с его сутью и крайне неохотно отказывались, а чаще вообще не отказывались от многих, казалось бы, совершенно уже устаревших вещей. По этой причине на вооружении, к примеру, вместе с лазерными фламмерами состояли — пусть только как оружие церемониальное — шпаги и мечи, копья и кинжалы. И потому же в дни, когда звезда жизни Эгора Маленького склонилась к закату и готова была вот-вот угаснуть, старейшины (в те давние эпохи они еще играли в жизни немалую роль), хотя и не сразу и не единогласно, но все же решили: правление уходящего Властелина было крайне удачным и не было оснований не связывать это с теми действиями, которые были им предприняты, чтобы его правление вообще стало возможным. А следовательно, для того, чтобы и следующее правление оказалось не худшим, все надо было повторить в точности. Надо сказать, что сын, рожденный Эгору вдовой

убитого им Властелина, далеко на сразу согласился на то, чего от него потребовали, хотя особой любви к отцу, человеку жесткому и жестокому по отношению к близким даже в большей степени, нежели ко всем прочим, включая открытых врагов, Наследник не испытывал; он просто полагал, что если дело так или иначе близится к развязке, то и не следует человеку брать на себя обязанности природы. То есть молодой человек еще не проникся всерьез ощущением важности ритуальных сторон жизни. Однако тогда ему объяснили, что уж коли старейшины так решили, то ритуал будет соблюден, а кто его соблюдет — Наследник или кто-либо иной — дело второе. Прижатый таким образом к стене, юноша перестал возражать против первой части ритуала, что же касается части второй, то ему было все равно, на ком жениться — была бы она женщиной; нетрудно понять, впрочем, что женщина, ставшая второй супругой Властелина, была далеко не самой худшей в мире, а что касается ее мыслей по этому — матримониальному — поводу, то ими никто не интересовался; да ей и хотелось остаться хозяйкой в Жилище Власти, которое, конечно, в те сказочные времена было далеко не столь комфортабельным, как сегодня, однако и тогда уже являлось наилучшим из всех возможных.

Вот так обстояли дела с историей. И поскольку все это было известно всему миру — недаром в школах преподавали историю,— и поскольку, в силу уже упомянутой особенности характера, поголовно все на планете были знатоками — подчас очень тонкими! — ритуалов, умели подмечать малейшие детали и потом их истолковывать — то никакого удивления не должно вызывать, во-первых, то, что у телевизоров сидел весь мир, и во-вторых,— что совершенное на их глазах никому и в голову не пришло расценить, как преступление, как надругательство над женщиной и так далее. Это был всего лишь нерушимый ритуал, это было исполнение Порядка — и ничто больше. Вот когда миру стало известно, что ритуальный насильник Изар и подвергшаяся насилию Ястра уже два года любили друг друга и спали в одной постели куда чаще, чем порознь — это, разумеется, возмутило многих и многих моралистов, ибо не было освящено ни законом, ни традицией. Убийство же, когда оно совершается в соответствии с тем и другим — это уже не убийство. Что же? Хотя бы безвременная кончина, когда смерть вырывает из рядов. И так далее.

Вот, следовательно, по каким причинам,— а не только развлечения ради, как мог бы подумать легкомысленный наблюдатель со стороны, окажись такой в Ассарте,— жители Державы в тот исторический вечер напряженно вглядывались в свои экраны. И те же мотивы заставили их все ближайшие дни только тем и заниматься, что обсуждать виденное — точно так же, как футбольные болельщики смакуют разные детали виденной игры: кто как отдал пас, кто

как обвел трех защитников у самой штрафной, и как ударил в падении через себя, и как и почему вратарь мяч не взял, но отбил кулаками, а защитники, спохватившись, вынесли мяч из штрафной и тут же дали длинный пас для контратаки...

— Вы видели, конечно?

— Ну, разумеется!

— Убедительно, не правда ли? Я всегда был уверен, что Наследник — человек с характером. Надеюсь, волею Рыбы он будет достойным Властелином.

— Да, конечно, есть основания и так думать, однако же...

— А что? Вам что-нибудь не понравилось?

— Не то, чтобы не понравилось, но все же... Конечно, схватка с офицерами — это хорошо, я бы сказал даже — прекрасно, и главное действие — тоже, не скажу — безупречно, но вполне, вполне прилично. Однако, что касается последнего поступка, то у меня такое впечатление, что он... как бы сказать... жалел ее. А это заставляет подозревать, что в характере его есть какие-то скрытые слабости.

— Вы думаете? Но, дорогой коллега, разве вы не знаете, что он и она...

— Великая Рыба, об этом знает весь мир. Но до сих пор это было их личным делом, а в тот вечер стало общедержавным! И как бы он к ней ни относился, в те минуты он обязан был все принести в жертву государственному интересу.

— Но что, собственно, вы имеете в виду?

— А разве вы не заметили, как он старался укрыть ее лицо от объектива? Да и овладел ею, я бы сказал, очень нежно, а тут нужна была, не испугаюсь этого слова, жестокость! И предельная выразительность! Мой дядя Таш рассказывал, как получилось это у бывшего Властелина, когда он приходил к власти: во-первых, действие продолжалось раза в два дольше, затем, оно было не столь... как бы это определить... академичным, что ли. И темперамент, темперамент! Люди сходили с ума, глядя на это, один из операторов отбросил камеру и повалил свою ассистентку — а по всей Державе через положенные месяцы был зарегистрирован резкий всплеск рождаемости. На этот же раз ничего подобного не было. Так что какие-то сомнения есть...

— И тем не менее, я искренне желаю им счастья!

— О, конечно, конечно! Но все же я далек от полного спокойствия. Великая Рыба, сохрани нас!

— От чего же, коллега?

— Ну, как вам сказать... Вы не находите, что жизнь становится не лучше? Скорее наоборот?

— Не стану спорить, это чувствует каждый. Но я объясняю это тем, что покойный Властелин уже лет десять тому назад... э-э...

утратил возможность активно влиять на события в Державе. А нам ведь нужна твердая рука! Вот если бы тогда Наследник был всерьез допущен к власти... пусть и без официального провозглашения...

— Вы сами знаете, коллега, что это было невозможно. Это шло бы вразрез со всеми традициями, стало бы грубым нарушением Порядка!

— Ну что же, нам остается только ожидать от нового Властелина поступков.

— Совершенно согласен. Значительных, серьезных поступков. Я бы сказал даже — крутых.

— Подождем...

Такие вот разговоры шли. Но не только такие, понятно.

— Мама, ну почему он такой злой?

— Злой? С чего ты взяла?

— Ну, как он мог так поступить с нею! Это грубо, жестоко, это... Не знаю, но я в нем разочаровалась.

— Ты видишь, видишь? Я говорил тебе, что ей еще рано смотреть на такие вещи! Она еще девочка!

— Молчи лучше. С каких пор это ты сделался специалистом по женскому восприятию! Может быть, раз уж ты стал таким просвещенным, может быть, ты скажешь мне...

— Прости, но мне некогда — я опаздываю.

— Счастливого пути, но ты меня не удивил: ты вообще никогда ничего не делаешь вовремя... Да, дочка, я с тобой согласна в том смысле, что мужчины вообще существа несовершенные,— как и твой папа, как и наш новый Властелин. Однако должна сказать тебе, что в этом есть глубокий смысл.

— Фу! Так овладеть женщиной — смысл?

— Да. Ученые объясняют это так: приходя к Власти таким образом, новый Властелин как бы показывает всему народу, что он виноват, что он совершил то, что можно было бы назвать преступлением. И вся его жизнь после этого, все его дела будут направлены на то, чтобы искупить эту свою всем известную вину, а значит — сделать нашу жизнь лучше. Кстати, ты успела разглядеть ее пеньюар?

— Тебе понравился? А я бы сказала, что он слишком закрытый.

— Зато ты, дочка, последнее время стала носить все слишком открытое, тебе не кажется?

— А если у меня есть, что показать?

— И — кому, не правда ли?

— Мама! Я уже не маленькая. И вообще, не будем об этом. Я хотела только сказать, что Властелину, чтобы я его опять полюбила, надо совершить что-то такое... выдающееся. Небывалое.

— Вот не знала, что ты влюблена в него.

— Не было такой девочки, которая не любила бы Наследника.

— А сейчас он вам изменил и вы обиделись?

— Не надо смеяться над нашими чувствами, мама. Я надеюсь, он очень скоро поймет, чего мы от него ждем.

— Небывалого поступка? Ну что же, будем ждать поступков. Это, кстати сказать, не только вас, молодых, волнует... Мы все надеемся, что ждать не придется слишком долго.

— Вот увидишь!

...Сколько людей — столько мнений, не правда ли? Но если мнением юных девиц можно пока пренебречь (хотя совсем сбрасывать его со счетов нельзя: молодежь — материя, взрывающаяся легко и охотно, едва лишь сработает детонатор), то мнение аккредитованных в Ассарте дипломатов — послов и посланников семнадцати иных миров — имеет немалое значение уже сейчас. И очень интересно то, что в принципе представления квалифицированных политиков почти не отличаются от впечатлений ассартского обывателя. В срочных отчетах своим правительствам по поводу давно ожидавшейся и наконец совершившейся смены власти послы не преминули отметить, что новый, до сей поры почти неизвестный в политической среде Властелин первыми своими действиями заставил считать себя человеком твердым, решительным и жестоким, а его замкнутый образ жизни до сих пор позволяет предполагать, что эти свойства его характера, лишенные тех сдерживающих рефлексов, какие неизбежно вырабатываются при жизни в обществе, в постоянном общении с людьми, в сложных ситуациях могут приобретать весьма высокие значения. А следовательно, вряд ли разумно ожидать какого-либо смягчения как внутренней, так и внешней политики Ассарта, которая если и будет меняться, то в сторону ужесточения, к чему соседние миры должны быть готовы... Короче говоря, правительства были предупреждены о том, что Ассарт при новом Властелине вряд ли отойдет от всегдашней привычки решать политические проблемы военными способами, а потому надо держать порох сухим и быть постоянно начеку.

Странно, но далеко не все послы сочли нужным проанализировать факт серьезной, а вовсе не ритуальной, стычки между Наследником и охраной почившего Властелина, в результате которой четверых гвардейцев пришлось исключить из списков полка вследствие, как было сказано, их гибели при исполнении служебных обязанностей. То ли потому, что дипломаты не очень поняли разницу между одним и другим и решили, что так оно и должно было быть, то ли по другим причинам. И лишь трое или четверо заметили, что стычка эта весьма смахивала на заранее подготовленное покушение, а следовательно, что новый Властелин может столкнуться с сильным противодействием на самых верхних уровнях власти — если только в самом ближайшем будущем не предпримет таких шагов, которые заставят даже оппозицию если не согласиться с ним, то

во всяком случае притихнуть. Правда, тут следует заметить, что никто из дипломатов — и не только они — собственно, и не знал, существует ли вообще какая-то оппозиция, а если существует, то каких взглядов придерживается, чего хочет от нового Властелина и чего не хочет. Они просто исходили из того, в общем правильного, предположения, что какая-то оппозиция, явная или скрытая, существовала, существует и будет существовать всегда и везде — все по той же причине биполярности мира.

Итак, все, поголовно все ожидали от нового Властелина каких-то решительных действий, на которые он своим поведением при выполнении древнего ритуала как бы подал заявку. И нельзя сказать, чтобы он этого не понимал: все-таки он рос в Жилище Власти, и политика была тем воздухом, каким в этом доме дышали все, от Властелина до последней судомойки. Однако он был, пожалуй, единственным человеком, понимавшим, что сегодня он ни к каким действиям готов не был, завтра тоже мог еще оказаться недостаточно подготовленным, и лишь послезавтра, может быть... Думая так, он имел в виду, разумеется, не календарные, а политические «завтра» и «послезавтра», которые, как известно, могут растягиваться на недели, месяцы и даже годы. И мы с вами, пожалуй, можем понять причины этой его неуверенности.

Вынужденный совершить требуемое и оправданное Порядком насилие, и не единичное, а многократное — включавшее в себя пять убийств,— он тем самым совершил и еще одно насилие: над самим собой, как и предсказывал его ныне покойный отец. И как Ястре (он чувствовал) необходимо было время, чтобы прийти в себя после учиненного над нею, опять-таки законного и неизбежного, надругательства — так и ему требовалось не меньше часов и дней, чтобы понять, кто же он теперь таков и на каком обретается свете. Потому что именно от этого зависело — что он должен и чего не должен впредь делать.

Ему нужно было примириться с самим собой; и он старался сделать это. Он видел два пути для достижения такого примирения. Можно было признать себя виноватым и пообещать самому себе тем или иным способом искупить вину, и впредь поступать совершенно иначе. Но можно было и наоборот: раз и навсегда сказать себе, что все произошло именно так, как только и могло, и должно было произойти, что его личная вина во всем случившемся была не большей, чем вина топора, которым рубят головы; ручку топора в данном случае сжимали и все его многочисленные предки, установившие и выполнявшие такой порядок, и бесчисленные современники, которые этот порядок принимали и одобряли — а следовательно, виниться было не в чем и нечего искупать. В таком случае не следовало искать никаких новых путей, но двигаться по проторенной дороге до тех пор, пока не пробьет и его последний час.

Этот второй вариант был проще и в чем-то даже приятнее: в нем была, самое малое, полная ясность. Во всяком случае, так казалось с первого взгляда. И, наверное, Рубину Власти потребовалось бы минимальное время, чтобы справиться со своими переживаниями, если бы не кое-какие несовпадения, на которые он при всем желании не мог не обращать внимания.

Первым, что заставляло его вновь и вновь возвращаться к своей позиции, к ее выбору, была схватка с гвардейцами. В отличие от дипломатов, Изар прекрасно понимал разницу между ритуальным бряцанием шпагами и серьезной дракой, когда тебя хотят убить. Он не сомневался в том, что это было покушение, но пока еще не мог понять: кто и зачем его организовал. Значит, существовали в Ассарте какие-то силы, о которых не предупредил его ни отец, ни кто-либо другой.

Вторым же являлось чисто интуитивное ощущение того, что в Державе что-то идет не так, как нужно, как должно бы идти.

Не поняв того и другого, считал он, нельзя было предпринимать никаких серьезных шагов. Об этом он и думал днями и ночами, не покидая Летней Обители Властелинов, где находился вдвоем с грустной Ястрой — не считая, разумеется, прислуги и охраны.

...Он лежал в постели, но не спал, когда ему доложили, что его просит незамедлительно принять Ум Совета для важной беседы.

3

Женщина, с которой мы не раз уже встречались в былые времена, стояла на опоясывавшей дом галерее и, опершись локтями о балюстраду, глядела в небо — густое, южное, цвета индиго — в котором, однако, не было солнца, хотя все вокруг заливал июньский, утренний, животворный свет. Пахло цветущими травами, и казалось, размышлять там можно было лишь об одном: о прекрасном чуде жизни, не прерывающейся даже и тогда, когда завершился твой планетарный цикл; нет, не прерывающейся, хотя и во многом меняющейся. Однако, судя по выражению лица женщины, по нахмуренному лбу, сведенным к переносице бровям, плотно сжатым губам — ее занимали совсем другие мысли.

Она была совершенно неподвижна, и никто не взялся бы сказать, как долго уже она стоит так: неподвижность — палач времени, она его уничтожает. Но вот женщина распрямилась — резко, как лук, у которого лопнула тетива; посмотрела по сторонам, топнула ногой, как бы в нетерпении. И решительно двинулась по галерее.

Она нашла Мастера наверху — там, откуда видны миры и пространства. Мастер смотрел в одно из них и чуть заметно покачивал головой, словно что-то отрицая, не соглашаясь с кем-то. На ее шаги

он обернулся не сразу. Но обернулся все-таки, и на лице его возникла улыбка. Но по мере того, как женщина приближалась,— улыбка угасала и на лицо возвращалось выражение озабоченности.

— Ну что? — спросила она кратко, как спрашивают, когда не может возникнуть сомнений в смысле вопроса.— По-прежнему?

Мастер медленно кивнул.

— Ничего нового. Ни от экипажа, ни от Рыцаря, ни от капитана. Хотя на точке Таргит он оказался вовремя.

— Что же могло случиться?

— Трудно сказать. Его прибытие на точку обозначено четко. А вот выход как-то смазан. Словно кто-то пытался подавить наш канал связи.

— Но он продолжил путь?

— Несомненно.

— Разве он мог направиться оттуда в другое место — не в Ассарт?

— Не допускаю такой мысли. Ему известны только те координаты. И он никогда не пользовался такими линиями самостоятельно.

Женщина решительно тряхнула головой.

— Я немедленно отправляюсь туда.

— Куда?

— В Таргит. На Ассарт. В любое место, где можно будет найти хоть какие-то следы — его или любого из них.

— Я не позволю тебе, Эла.

— Ты, кажется, забыл: теперь я независима ни от кого. И от тебя тоже. Как всякий человек Космической стадии жизни.

— Не забыл, поверь мне. Однако...

Она перебила:

— Не трать слов попусту. Я не хочу потерять его. Хватит и того, что он потерял меня.

Мастер с грустью посмотрел на нее.

— Я знаю, Эла, что ты поступишь так, как сочтешь нужным. Но хотя бы выслушай меня. А слушая — вспомни, что Космическая стадия еще не делает тебя всесильной.

— Хорошо,— сказала женщина после секундной паузы.— Я согласна выслушать. А что до моих сил — я сама знаю им меру. Итак, чем же ты станешь убеждать меня?

— Не собираюсь убеждать. Хочу только подумать вслух — а ты дашь оценку моим мыслям — может быть, они ничего и не стоят.

Эла кивнула, принимая его условия.

— Я думаю вот о чем,— продолжал он.— Когда исчезли трое — экипаж — можно было подумать, что возникло какое-то неблагоприятное стечение обстоятельств, случайность — одним словом, некое естественное препятствие, не более того. Потом отправился

Рыцарь — и тоже канул в неизвестность. Это уже вызвало определенные подозрения. Однако и тут еще можно было найти какие-то оправдания: он пустился в дорогу в то время, когда прямой канал был прерван возникшей областью мертвого пространства — и его могло забросить куда-нибудь в другое место, где нет условий для связи со мной. И вот ушел капитан. Но уж его-то я отправил кружным путем, в обход всех возможных помех. И когда пропадает и он...

Не выдержав, она перебила:

— Посылать с таким заданием человека, который чуть ли не двадцать лет не выступал эмиссаром! Разумно, нечего сказать...

— Верно, верно. Хотя тут он успел получить неплохую подготовку, я согласен: отсутствие практики не говорит в его пользу. Но тем не менее, Эла, это — его экипаж. При всех своих недостатках, он и сейчас, да и в любой миг способен повести их за собой. А ведь каждый из них — сильный человек с крутым характером.

— Не хватает малости: чтобы он нашел их — иначе кого он поведет? Он бы разыскал их — если бы с ним самим ничего не случилось. Но, видимо, случилось все-таки...

— Об этом я и говорю.

— Ну, извини. Постараюсь не перебивать тебя. Да, конечно, вы его готовили. И все же он не выглядел совершенно собранным — я ведь знаю его намного, намного лучше, чем ты, или Фермер, или любой здесь!

— Значит, ты все-таки видела его?

— Неужели ты думал, что я подчинюсь твоему запрету? Видела, разумеется. Успокойся: сама я ему не показалась. И теперь понимаю, что напрасно. Потому что я сумела бы придать ему еще что-то... вложить в него... то, что ему пригодилось бы в трудный час и чего ни ты и никто из твоих научителей дать ему не в состоянии. Вот, больше я не стану прерывать твои мысли.

Мастер помолчал, словно вспоминая то, что хотел сказать.

— Итак... После ухода капитана мне стало ясно, что все происходит не случайно. Случившееся — результат чьих-то осмысленных и направленных действий. Направленных против кого? Экипажа? Рыцаря? Капитана? Вряд ли; каждый из них, да и все они вместе — еще не такая сила, чтобы кто-то захотел устранить их именно потому, что это — они, а не кто-то другой. Видимо, будь на их месте совсем другие люди, и тех постигло бы то же самое. Значит, действия направлены не против самих людей, а против их задачи. Иначе говоря, кому-то не нужно, чтобы информация об Ассарте поступила сюда, ко мне, к нам. Я рассуждаю логично?

— Пока, по-моему, да. Продолжай.

— А это может означать лишь одно: с Ассартом — а может быть, и со всем скоплением Нагор, у кого-то связаны свои планы, и они не совпадают с нашими.

— Откуда кто-то может знать о твоих планах?

— Не обязательно, чтобы он знал их содержание. Но он зато хорошо знает свои собственные намерения. И уверен, что они не совпадают, не могут совпасть с нашими.

— Что же, правдоподобно.

— Это, в свою очередь, говорит о том, что тот, кто осуществляет действия против нас, знает меня. Или Фермера. Или нас обоих. Мне кажется очень вероятным, что это — кто-то из нас...

— Из людей Фермы? Невероятно. Тут ты ошибаешься.

— Ты не так поняла меня, Эла. Я сказал — кто-то из нас... То есть из людей того уровня сил, к которому принадлежим и мы с Фермером. В Мироздании их не так уж мало — а ведь некогда все мы вышли из одного гнезда.

— Мастер, ты очень любишь повторять: «мы, люди...» Но я-то знаю, что ты все-таки не совсем человек...

— Это сложная проблема,— улыбнулся он,— и сейчас ни к чему заниматься нашей родословной. Итак, это может быть кто-то из нас. И если это так, то дело сразу становится куда серьезнее, чем представлялось сначала.

— Почему?

— Потому что наш уровень Сил не действует по пустякам. Если задумывается какой-то план, то, даже ничего о нем не зная, можно наверняка сказать: это масштабный план. И последствия его выполнения могут быть, к сожалению, тоже весьма масштабными.

— Ты сказал — к сожалению. Ты уверен, что делается что-то опасное? Для нас, для всего Мироздания?

— Не удивлюсь, если так и окажется. Опасное... Это ведь зависит от системы понимания Бытия — а систем этих может быть множество, и то, что опасно в одном мировоззрении, может казаться благом в другом.

— Обожди, обожди... Мастер, а то, что твои интересы и еще чьи-то столкнулись именно в скоплении Нагор — это случайность, как ты думаешь? Или эта масса светил чем-то выделяется среди прочих?

— Вот видишь, ты заглянула в самый корень. Для меня Нагор — просто место проведения очередной повседневной работы, даже не проведения, а лишь подготовки к нему. Но для моих оппонентов, надо полагать, значение Нагора куда больше. Потому что уже сам способ их действий говорит о немалом размахе.

— Ты об исчезновении наших?

— Не только. Куда более многозначительным кажется мне возникновение того самого мертвого пространства — именно теперь и тут. Это уже не просто перехват эмиссара или даже пятерых. Это уже...

Он неожиданно умолк — словно не знал, как продолжить.

— Ну, Мастер! Что же ты?

— Видишь ли... Откровенно говоря, я не знаю, что такое — мертвое пространство. Никогда не приходилось сталкиваться с этим.

— Разве нельзя спросить у Высших Сил?

— Это уже сделано. Но и им нужно время, чтобы найти ответ. А это, кстати, свидетельствует о том, что им тоже не приходилось встречаться с таким явлением — или, во всяком случае, оно настолько редко, что не сохраняется в памяти. Так что пока мне ясно лишь, что такие необычные явления не используются ради решения однодневных проблем.

— Видимо, ты прав, Мастер. Мне кажется, надо постараться как можно скорее выяснить — кто действует против тебя и что такое это пресловутое мертвое пространство.

— Целиком с тобой согласен. Итак, теперь ты понимаешь, почему я против того, чтобы ты отправился на поиски Ульдемира и его экипажа?

— Совершенно не понимаю. Постой... Ты хочешь послать меня... туда?

— Я не знаю никого другого, Эла, кто справился бы с этим. Человеку Планетарной стадии не стоит и пытаться: он погибнет. А ты...

— А мне, как бессмертной, ничто не грозит — поэтому?

— Не только. Я ведь тоже знаю тебя... в какой-то степени. И уверен, что тебе это по силам. Конечно, я мог бы отправить туда и Никодима, на время оторвав его от пашни...

— Иеромонах — надежный человек. Почему же нет? И он ведь тоже закончил свою Планетарную пору — куда раньше меня...

— Верно. И если бы там предстояло драться или сокрушать что-то, я и не подумал бы о тебе. Но этого не потребуется. Побывать там и попробовать разобраться; тихо, осторожно, быстро и успешно. Это, по-моему, дело как раз для тебя.

— Чувствую себя польщенной. И не колебалась бы ни секунды, если бы могла быть спокойна, целиком отдаться делу. Но сейчас... Мастер...

— Я понимаю.

— Кто же поможет ему, если не я?

— Я могу обидеться, Эла. Неужели мы способны бросить наших людей на произвол судьбы?

— Но время идет — а ты ничего не делаешь...

— Ошибаешься. Я делаю больше, чем тебе кажется.

— Например?

— Хотя бы — верю в него. В отличие от тебя. Ты полагаешь, что он без твоей помощи не переломит обстоятельств, если они неблагоприятны, не одолеет противостоящую силу, не спасется и не выполнит того, что ему поручено. Вот что означает твое стремле-

ние поскорее кинуться на помощь — хотя ты и не знаешь куда. А я уверен, что он сможет справиться с этим сам. И то, что я в него верю, не остается, как ты понимаешь, одним лишь моим душевным движением; я открываюсь миру — и мое ощущение уходит, и где-то оно в эту самую секунду достигает его — хотя сам он и не понимает, откуда вдруг возникает у него уверенность, которой только что не хватало, и прибавляются силы, казалось, уже иссякшие, и возникают нужные мысли... Нет, Эла, я делаю. То, что могу сейчас.

Она виновато улыбнулась.

— Конечно, ты прав, Мастер. Прости. Хорошо, я готова. Когда?

— Я скажу тебе, Скоро.

4

— Я надеялся, Ум Совета, что ты хоть позволишь мне выспаться. Что привело тебя сюда среди ночи? Ритуал? Или дела действительно не терпят отлагательства? — Изар с трудом удержал зевок.— Говори.

Старый вельможа позволил себе чуть улыбнуться. Но глаза оставались серьезными.

— Нет, это не ритуальный визит преклонения. Просто в мои годы ничего нельзя откладывать, иначе дело может оказаться отложенным навсегда. А на мне лежит слишком серьезная обязанность.

— О, я надеюсь, что ты проживешь еще много лет.

Это не просто формулой вежливости было; Ум Совета и в самом деле не был похож на человека, собирающегося в скором будущем распрощаться с жизнью.

— Благодарю тебя, Бриллиант Власти...

Такое обращение было новым, непривычным. Но — приятным.

— Однако, если даже Бог отпустит мне еще какое-то время, то я не собираюсь посвящать его той деятельности, которой отдал так много лет. Пора отдохнуть — начать новую жизнь, последнюю.

— Ты просишь отставки? Сейчас?

— Нет, я сделаю это завтра. А сегодня еще исполню свои обязанности.

— В чем же они заключаются?

— Я должен поговорить с тобой о том, в обладание чем ты вступаешь. О Власти.

— Ты думаешь, во Власти есть еще что-то такое, чего я не знал бы?

— Я знаю, что во Власти есть многое, о чем ты не думаешь. И никогда не думал, потому что не было ни повода, ни нужды.

Изар почувствовал себя несколько задетым.

— Например?

— Сейчас, сейчас. Дело в том, что, по сути, все это должен был проделать твой отец. Но не успел. Нет, время у него, конечно, было, но, видимо, он считал это плохой приметой. Он был немного суеверен — как и все мы, впрочем. А потом болезнь его свалила сразу — и тогда все время понадобилось для лечения. Одним словом, эта обязанность перешла ко мне. Я ведь единственный из того поколения, кому что-то еще известно.

— Что именно?

— Хотя бы — обряд посвящения в служители Тайного бога Глубины.

— Это что-то новое. Я умею возносить просьбы ему, но о служении мне ничего не известно. Это важно?

— По сути, ритуал, не более. Но ты ведь знаешь, как важны ритуалы для нашей жизни, для устойчивости Власти.

— Мне это всегда казалось не вполне понятным. Есть ведь Великая Рыба, к ней возносит слова весь Ассарт...

— Это для всех. Но для нас, для узкого круга Власти, существует поклонение Глубине. Оно намного древнее, никто не может сказать, когда оно зародилось. Наверное, еще до первой истории. Но об этом мы успеем поговорить, когда придет день посвящения. До той поры я еще буду находиться при тебе. И только после выполнения этой церемонии ты отпустишь меня на покой.

— Я не хотел бы.

— Ничего не поделаешь. Это тоже традиция. И она разумна. Новое время — новые песни. Тебе нужен свой Советник. Из твоего поколения. Такой, кто будет советовать то, чего ни за что не посоветовал бы я.

— Хочешь сказать, что твои советы были плохи?

— Они были хороши, Властелин — для того времени, для твоего отца. Но сейчас... Поверь, черствый хлеб не станет мягче от того, что ты намажешь его свежим маслом.

— И ты рекомендуешь мне того, кто заменит тебя?

— Это свыше моих сил. Тот или другой, кого я мог бы предложить тебе, будет лишь мною самим, отличаясь разве что возрастом и опытом. Я ведь не стану, не смогу приблизить к тебе того, кто рассуждает не так, как я. А тебе нужен именно тот, кто думает иначе. Мой кругозор, Властелин, теперь не шире, чем конус разлета дроби из охотничьего ружья. Тебе же нужен советник с кругозором локатора. И у тебя лишь одна возможность: найди его сам.

Изар задумался. Ум Совета терпеливо ждал.

— Но, мне кажется, я не хочу никаких советников. Если уж ты не можешь остаться. Обязательно ли я должен назначать кого-то?

— Н-ну... Властелин всегда волен поступать по-своему — если Порядок при этом нарушается не слишком грубо. Надо быть очень

уверенным в себе. Потому что, если не будет Советника — кто же станет нести ответственность за твои ошибки?

— Разве я обязательно должен ошибаться?

— Может быть, конечно, ты станешь первым в истории Властелином, который не ошибается. Хочу надеяться. Однако практика говорит... Это как со смертью: нет непреложного закона природы, по которому человек должен умирать. Но до сих пор не нашлось ни одного, кто рано или поздно избежал бы этой участи.

Старик задумался — о непреложности смерти, наверное, для него тема эта была актуальной, в отличие от Изара.

— Но слушай, Ум Совета... Я что-то не помню, чтобы в нашей истории нашелся хоть один Властелин, совершавший ошибки.

Сохраняя неподвижность, Советник перевел на него взгляд. Усмехнулся.

— Да, разумеется. Ни один Властелин из нынешней династии — твоей. И, как ты справедливо заметил,— в нашей истории.

— По-твоему, есть и другие? Другие истории, я имею в виду?

— Это не по-моему, а независимо от моего мнения. Вот об истории мы и должны поговорить сейчас. Это первая тема. Будет еще и вторая. Но не станем опережать Порядок. Итак — что тебе известно о нашей истории? И что — о других?

— Мне известно, что никаких других историй не существует. Есть легенды... сказки... мифы, относящиеся к доисторическим временам. Но ведь само слово «доисторическим» свидетельствует о том, что на самом деле никакого отношения к истории они не имеют.

— Легенды и мифы, да. О том, что Ассарт — особая планета, отмеченная и избранная...

— Вот-вот. О том, что она пришла из черной неизвестности и хранит в своих недрах Великую Тайну...

— Совершенно верно. Отсюда, кстати, и наша тайная религия Глубины. С тех времен, когда эти сказки были Историей.

— Разве кто-нибудь хоть когда-то верил в такую чепуху?

— В чепуху верят охотнее всего, Бриллиант. Чепуха — это все то, что не совпадает с привычными нам взглядами и мнениями. Но в совпадающее верить незачем. И люди в свое время охотно верили в то, что возникли не так, как убеждает нас наука, а неким иным образом. Гораздо раньше

— Как же они тогда объясняли отсутствие каких бы то ни было доказательств? Ведь никакие раскопки не дали..:

— Да-да. Объясняли, насколько я знаю, тем, что вовсе и не было таких периодов, таких уровней развития, следы которых наука пытается отыскать. Если ты, взрослый человек, поселился в своем новом доме год назад — бесполезно искать на его чердаке обломки твоих детских игрушек: они остались где-то в другом месте.

— Ну хорошо. Но мы-то знаем, что то были всего лишь поэтические россказни. Конечно, очень приятно размышлять о своей избранности. Но когда приходит наука, то неизбежно возникает и настоящая история. Вот как наша.

— О, безусловно, Властелин. История, как точная наука. О том, как в предшествовавшие века и тысячелетия все делалось не так. Но народ выдвинул из самых своих недр таких людей, которые знали, в чем заключаются потребности народа, их интересы — и с тех пор дела стали идти все лучше и лучше, пока не достигли нашего нынешнего уровня. Я правильно изложил суть научной истории?

— Ну, в общем... да.

— А то, что возникновение этой научной истории по времени почти совпало с приходом к Власти нынешней династии — из самых низов, действительно,— это, видимо, чистая случайность. Не так ли? Или все-таки не случайность?

— Что ты хочешь сказать, Ум Совета? — нахмурился Изар.

— Я просто задаю вопрос и хочу слышать, что ты ответишь.

— Я верю науке. И исторической — в том числе.

— Это меня радует. Но если я положу перед тобой еще, самое малое, три истории — тоже научных, конечно, но различающихся по времени их действия,— какую из четырех ты выберешь? Одна из них просуществовала больше тысячелетия и закончилась с появлением нашей, нынешней, а три тысячелетия назад возникла другая — и была отменена, когда наука дошла до той, о которой я только что сказал. А самая первая из тех, что нам известны как научные,— возникла вскоре после того, как Ленк Фаринский завершил создание Державы, то есть шесть с лишним тысяч лет тому назад. Вот до нее существовала эта самая — мифическая история, назовем ее так. И перестала существовать именно с воцарением Ленка. Так вот: какая из этих многих историй, по-твоему, истинна?

— Наивный вопрос. Наша, конечно.

— Тебя не клонит в сон, Изар, от этих рассуждений?

— Напротив. Совсем расхотелось спать.

— Тогда продолжим. Ты, я думаю, ориентируешься в нашем законодательстве.

— Думаю, что в какой-то мере да. Конечно, сейчас мне потребуется...

— О том, что потребуется — потом. Сейчас скажи: когда возникли основы наших сегодняшних законов?

— Ну... с приходом нашей династии.

— Верно. А до нашего законодательства существовало другое. И третье. И четвертое. И то, которое мы считаем самым ранним,— свод эдиктов Азры Менотата. Я прав?

— Не нахожу никаких ошибок...

— Тогда скажи: какие из этих законов настоящие?

— Постой, Ум, разве можно так спрашивать? Для нас, конечно, настоящие — те, какими мы пользуемся сегодня: наши законы.

— Значит, остальные вовсе не были законами?

— Ну почему! Были — в свое время. Пока они действовали...

— Ага! Стало быть, они все же законы. Почему же тогда те истории — не истории? Не правильнее ли будет сказать: истории, но ныне утратившие свою действенность. Как и законы Азры.

— Гм... Я не думал в этом направлении. Но, в конце концов, почему вообще я должен этим интересоваться? История у нас есть...

— Правильнее будет сказать: была.

— То есть как?

— Да просто, Бриллиант Власти, очень просто. Та история, что была и которую ты называешь научной и настоящей, свою роль сыграла и больше не годится. Она отработала. Кстати, научных историй не бывает, как не бывает и научных законов. Бывают лишь соответствующие запросам времени и не соответствующие. Вот и все. Тебе, Изар, досталась нелегкая судьба. Со смертью твоего отца кончилась, если не бояться громких слов, эпоха. Тебе начинать новую. А новая эпоха — это и новые законы, и новая история...

— Постой, постой. Почему? Что такого произошло? Я вовсе не вижу никаких причин...

— А что ты вообще видишь?

— То же самое, что все.

— Все не видят ровно ничего. Они думают, может быть, что видят, но на самом деле лишь представляют то, что им велят представить. Нет, не приказывают, конечно, это все происходит мягче, деликатнее — и твоя любимая история тут играет не последнюю, совсем не последнюю роль. Как ни странно, в этом отношении наши люди пользуются полной свободой — свободой видеть не то, что есть на самом деле, но то, что им нравится, что они хотят видеть. Но для тебя, Изар, время этой свободы минуло. Отныне ты — Властелин. Ты Бриллиант Власти, но она — твоя оправа, и ты крепко зажат в ней. Так что отныне тебе очень редко будет удаваться делать то, что захочется. Примирись с этим.

— Я подумаю...

— Думать тут совершенно не о чем. Но если тебе угодно — думай. Однако лучше — о том, каков на самом деле врученный тебе мир.

— Полагаю, что знаю о нем достаточно много.

— Ты ничего не знаешь. И не должен был. Еще одна традиция. Основанная на требованиях рассудка. Если бы ты знал наш мир с самого начала, ты успел бы привыкнуть к нему, притерпеться.

И сейчас не смог бы ничего другого, как продолжать начатое другими до тебя. Отцами, дедами... Ехать по той же дороге — лишь сменив возницу. По той же дороге, что не ведет никуда.

— Ты намерен поносить почивших Властелинов? Сказать, что они завели нас в тупик?

— Отнюдь, Властелин. Жизнь — это развитие. Развитие подобно лабиринту. Ты находишь верный путь. Но он будет верным лишь на каком-то своем отрезке — а потом разделится на два, три, четыре рукава — и верным окажется только один из них. Сейчас мир на распутье. Если бы не это, твой усопший отец мог бы еще некоторое время бороться с болезнью. Но власть, Изар, не только жизнь Властелина регулирует, но и смерть. Властелин умирает тогда, когда ему должно умереть. Иначе будущее его становится плачевным.

— Звучит оптимистически...

— Да — если сравнивать с тем, что тебе еще предстоит услышать.

— Хорошо. Я уже готов к самому худшему. Говори.

— Сделаем, с твоего соизволения, иначе. Сначала будешь говорить ты.

— О чем?

— О том мире, в котором, по твоему мнению, мы живем. Потом скажу я. Мы сравним. И ты сможешь начать думать.

— Ладно. Будь по-твоему...

Изар задумался.

В каком мире он жил до нынешней ночи?

Тот мир выглядел устойчивым, неизменным, единым, сильным и нерушимым. Одна Держава, один Народ, одна Цель.

Целью же было достижение Великого Мира.

Что такое Великий Мир, было не вполне понятно. Во всяком случае, Изар не смог бы объяснить смысл этих слов в немногих словах. Когда он начинал думать об этом, мысли как-то не собирались воедино. Представления о Великом Мире походили на загадочную картинку, где во множестве штрихов спрятано нечто. Оно там обязательно есть, но не всякий способен его выявить. Хотя в принципе это очень просто: надо лишь отбросить все лишние линии, сделать вид, что их не существует. Иногда Изару казалось, что он уже вот-вот увидит, что-то начинало складываться — но ощущение оказывалось ложным, линии ни к чему не приводили. Но если не стремиться к точности, то можно было сказать: Великий Мир — это такой мир, в котором всем будет хорошо, все и каждый будут доброжелательны друг к другу, честны, справедливы, обеспечены всем, что нужно для нормальной жизни. А для того, чтобы так было, требовалось очень немногое: чтобы каждый делал свое дело, и по возможности лучше. Народ Державы, всегда единый, всецело под-

держивал такую политику. Жители мира Ассарта любили Властелина и самоё Власть, потому что только она знала, какой путь ведет к цели, и не позволяла никому сбиться с него. Никому, начиная с высших сановников — Сапфиров Власти, ее Шпинелей, Эвклазов, Топазов, Гранатов, Аметистов, Гиацинтов, Опалов и прочих — вплоть до последнего Кирпича Власти, каким был любой житель Ассарта — стены, как известно, складывают из кирпичей... Но они могут и остаться кучей или россыпью, при определенных условиях даже обрушиться, погребая под собою все. Вот Власть и была гарантией порядка, при котором ничего подобного произойти не могло.

В этом мире Изар родился, в нем вырос, и в нем же собирался прожить всю свою жизнь.

— ...Ну, что же,— сказал Ум Совета.— Можно лишь низко поклониться твоим учителям. Да, тебя хорошо учили.

— Значит, я вижу мир правильно?

— Клянусь Глубиной, конечно же нет! Тебя учили видеть мир таким, каким он никогда не был — да и не будет, я думаю.

Изар вытер сразу повлажневший лоб.

— Значит, мне просто врали? Все вы!

— Изар, разве я не учил тебя воздерживаться от выражения чувств с плебейской прямолинейностью? Да, мы рисовали тебе картину желаемую, но, увы, совершенно не схожую с действительностью.

— Извини меня за резкость. Теперь скажи: зачем вам это понадобилось?

— Я ведь тебе сказал уже: надо выбирать новый путь. Но чтобы его выбрать, надо хотя бы знать, к чему ты хочешь прийти! И уж это у тебя есть. Это именно и есть тот мир, в котором ты прожил все годы — твой личный мир, который благодаря твоей деятельности должен стать всеобщим — или хотя бы более приближенным к нему, нежели наш нынешний. Наша задача была — воспитать в тебе чувство Цели, как у игрока на площадке должно возникнуть чувство мяча — иначе он вечно будет проигрывать. И это нам удалось — если только ты сейчас был искренним.

— Совершенно.

— Вот и прекрасно. А теперь повесь эту картину, твою картину мира, на стенку и время от времени поглядывай на нее, чтобы не забывать о конечной станции твоего маршрута. А на рабочий стол положи совсем другое.— Старик перевел дыхание.— Позвони вниз, я с удовольствием выпью чашку кофе с чем-нибудь таким; в мои годы усталость приходит быстро.

Изар повиновался. Он и сам был не против немного освежиться.

— Итак, о чем мы? Да, что тебе положить на рабочий стол —

стол Властелина, правителя и главнокомандующего. Я не могу и не должен делать это за тебя, но мой долг — показать тебе картину, гораздо более приближенную к истине. Приближенную — потому что сама истина неуловима и ее не знает никто. Но с точностью хотя бы до третьего-четвертого десятичного знака.

— Я готов слушать.

— Потерпи еще немного. Пока не принесут кофе. У меня пересохло в горле.

Он умолк, опустил веки, казалось — задремал. Изар встал, сделал несколько шагов по комнате — Летняя Обитель была не столь просторной, как его городской дом, не говоря уже о Жилище Власти. Но ему просто необходимо было двигаться — много, резко, чтобы хоть немного привести чувства в порядок... В дверь поскреблись, приопухший ото сна слуга вкатил столик. Изар кивком отпустил его. Ум Совета открыл глаза.

— Побольше сахара. И добавь несколько капель Золотого Сока Холмов...— Он протянул руку, взял чашку, осторожно поднес ко рту.— Неплохо. Потом напомни мне — я прикажу научить твою челядь варить по-настоящему вкусный кофе. Один из не столь уж многих моих советов, имеющих практическое значение...— Он провел языком по сухим губам.— Итак, о мире, в котором тебе отныне предстоит жить и который я вскоре, к великому моему удовольствию, покину... Как я уже сказал, мы прошли до конца нашу часть дороги — ту часть, что, по нашему мнению, вела к Цели. При этом наша Цель — не совсем та, что представлялась тебе: нам нужна самая сильная и самая богатая Держава; что же касается справедливости, доброжелательности и прочего художественного свиста, то они при этом могут появиться — сытые люди нередко бывают и доброжелательными,— а могут и не развиться совсем; абсолютная справедливость, например — совершенный миф, ее не было и не будет. Итак, наша цель выражается в двух словах: сильная и богатая. Это ты и повесь на стенку. Мы облекли ее в одежды Великого Мира и какое-то время продвигались. Но путь кончился. Потому что со временем самые прекрасные слова перестают обозначать хоть что-либо, становятся сотрясением воздуха, и делать из них приманку оказывается столь же бессмысленным, как пытаться заставить заупрямившегося осла сдвинуться с места при помощи поучений из «Слов Рыбы». Цель исчезает. А людям она необходима. Значит, ее нужно найти и показать. Новую, старые цели больше ничего не стоят. Вот это я и имею в виду, когда говорю, что тебе предстоит начать новую эпоху. Не потому, чтобы ты был более мудрым или гениальным, чем твои праотцы; нет, просто — пришла пора. Не знаю, может быть, тебе придется делать все наоборот. Вернее, не делать — в поступках все мы ограничены реальной действительностью,— но провозглашать. Не знаю, я уже сказал тебе — это

задача для молодых, не для меня. Так вот, один или с чьей-то помощью попытайся найти такую цель. Вообразить ее. Она должна быть простой — чтобы понять ее мог даже дурачок,— и захватывающей, чтобы в нее поверили и умники. Умники, кстати, нередко бывают романтиками — природа любит сбалансированные системы... Итак — найди цель. А потом?

— Что — потом? — спросил Изар в некотором недоумении.

— Определив цель — что ты будешь делать после этого?

— Как — что? Добиваться ее, естественно!

— Ах, Изар, Изар...

— Опять не так?

— Совершенно не так. То есть добиваться, конечно, нужно, однако ты, видимо, имел в виду движение вперед — к цели?

— Какое же еще?

— Противоположное, мой ослепительный Бриллиант! Движение не вперед, но назад; не в будущее, а в прошлое, прежде всего — в прошлое!

— Это слишком умно для меня, Советник моего отца!

— Ничуть не бывало. Это примитивно просто. Представь себе прямую линию. Она кончилась. В точке окончания мы с тобой находимся сейчас. Представил?

— В этом-то нет ничего сложного.

— А в жизни, да и в политике, вообще все просто. Ну, дальше. Из этой точки ты начинаешь движение — ну, допустим, повернув на девяносто градусов вправо. Наглядно?

— Вполне.

— Теперь представь, что идущие за тобой люди оглянулись. Что они увидят позади?

— Ту точку, в которой мы повернули.

— Совершенно верно. Но как раз ее-то они и не должны видеть. Не должны даже представлять, даже заподозрить, что был какой-то поворот.

— Почему?

— Если сохранится память о повороте, то те, кто будет недоволен — тобой ли, вообще ли жизнью, своей ли судьбой, все равно — обязательно скажут: повернули неправильно, надо было не направо, а налево, или же следовало продолжать движение, никуда вообще не сворачивая... Недовольные всегда были и будут, Изар, они есть и сейчас, и их не так мало, как тебе казалось, пока ты пребывал в своем уютном, но нереальном мире. Поэтому — никакого поворота! Вы все время двигались по прямой, никуда не отклоняясь! И те, кому взбредет в голову посмотреть назад, должны видеть за спиной этот самый прямой путь, чье начало теряется где-то далеко-далеко, в неразличимом прошлом, в не то, что седой, но даже в лысой древности. То есть, первой — нет, уже второй твоей задачей,

после отыскания благовидной и благозвучной цели будет — проложить эту прямую в обратном направлении так далеко, как только возможно. Ты понял, о чем я говорю?

— Об истории?

— Наконец-то ты попал в центр мишени. Именно об истории. Только выстроив ее, укрепив таким способом свой тыл, ты сможешь продвигаться вперед — независимо от того, будет ли твоя цель достижима, или нет. Нужно, конечно, постараться, чтобы путь к ней был достаточно протяженным — не только на твое время чтобы хватило, но и сыну осталось, а по возможности — внукам и правнукам.

— Послушай, Ум Совета... А может быть, наоборот?

— Не понял.

— Может быть, если найти такую цель, о какой ты говоришь, окажется нелегко — лучше начать именно с прошлого? Найти историю? И по ней уже определить направление в будущее...

Старый Советник пожевал губами.

— А знаешь, вовсе не исключено. Нет, совершенно не исключено. Неплохая мысль. Только тогда надо учитывать некоторые особенности.

— Что ты имеешь в виду?

— В этом варианте тебе придется не тащить спереди, но толкать сзади. Это может оказаться сложнее — возрастет вероятность непроизвольного поворота, схода с рельсов, так сказать. Видишь ли... Мы — как народ, мечтательны, эмоциональны, непокорны и ленивы. И стараемся делать все одной рукой, оставляя другую свободной для жестов — красивых или угрожающих, все равно. Мы любим жест.

— И мы всегда были такими?

— Нет. Но давно стали. Народ — как человек. Помимо врожденного характера, он формируется обстановкой и воспитанием в первые годы жизни; для народа это будут десятилетия. Обстоятельства прошлого и есть история. Так что каждая новая история в начале своего существования будет испытывать немалые неудобства. Но это преодолимо. Все преодолимо. Если серьезно подумать, непреодолимых препятствий вообще не бывает. Но для того, чтобы находить выход, нужен талант — в нем-то больше всего и нуждаются политики.

— И как же по-твоему, я...

Изар запнулся: каким-то детским получался вопрос. Но Смарагд Власти не улыбнулся.

— А иначе я не тратил бы на тебя время,— ответил он,— которого у меня в любом случае мало, очень мало...

Он взглянул на часы.

— Ну вот, я обеспечил тебе бессонную ночь: задал головоломку. Ничего, в твоем возрасте думать полезно, а вот в моем бывает уже

и бессмысленно. Думай. Ищи людей, которых ты приблизишь к себе. Из нынешнего Корпуса Власти даже те, кто возрастом невелик, все равно морально устарели, износились. Нужны новые люди. Те, кто тебе поверит. Пойдет за тобой. Для начала найди умных, чтобы набрать полный сундук идей. Потом, когда придет пора исполнять — найдешь других, с кулаком вместо головы. Не кривись, это все политика, это искусство. От умных тогда избавишься: всякая идея должна исходить от Властелина, иначе в нее не поверят, да и в тебе, может статься, разуверятся. А этого ни в коем случае не должно быть: если что-то еще держит Ассарт вместе как единое целое, то именно вера во Властелина — не доверие, а именно вера. Ну, все это азбука, это ты быстро освоишь.

— Это и есть то второе, что ты хотел мне сказать?

— Нет, это было затянувшееся первое. Второе заключается вот в чем: хотя я разговариваю с тобой, как с полноправным Властелином, ты еще не стал им. К трону Властелина ведет лестница, в ней не очень много ступеней, но они круты. Пока ты поднялся на две из них. Я имею в виду отца... и Жемчужину.

— Разве бывало, что кто-то не одолевал их?

— В прошлом можно найти все, что угодно. Но не в книгах по истории — таких вещей там нет, они переносятся изустно из поколения в поколение. Бывали такие, кто не мог покончить с уходящим Властелином; жалели, или сама идея убийства была им глубоко чужда; бывали и такие случаи, когда спотыкались на второй ступени. Помню, у одного из наследников ничего не получилось потому, что он настолько ненавидел жену своего отца, что когда надо было... усмирить ее, он оказался просто физиологически не способен на это. Да, многое бывало...

— И как же они выходили из положения?

— Они из него не выходили. У политики, как и у природы, всегда есть резервные кандидаты... Но ты прошел это отлично. Однако еще не все позади. Тебе сейчас надо беречься. Не исключено, что кто-нибудь... Ну, да ты и сам прекрасно понимаешь, что схватка в прихожей, перед спальней твоего отца, была не случайной — не просто у гвардейцев мозги сорвались с резьбы... Но кого из Властелинов не хотели убить — особенно в дни, когда они лишь начинали править?

— Об этом в истории тоже ничего нет.

— И не нужно. Властелинов всегда хотят убить, Изар. И никогда не убивают. Во всяком случае, в Ассарте. Но если говорить о покушениях, то самое опасное для тебя — ритуальные появления, когда заранее известно и где ты будешь, и когда, и откуда появишься. Так что тебе нужны, конечно, преданные люди рядом.

— Хорошо. Сразу после Проводов я назначу Большое преклонение, и там...

— Ради Глубины, не совершай такой ошибки. Нужных тебе людей ты не найдешь ни в Жилище Власти, ни в его окрестностях. Наши близкие слуги хлипки и жадны. Они тебя или оставят, или продадут. Я не говорю, что их нужно прогнать. Нет. Им просто не надо верить ни в чем, что выходит за рамки придворной таблицы умножения. А тебе потребны люди, способные быстро изучить высшую математику власти.

— Где я найду их? Чем привлеку, чем удержу? Богатыми дарами? Но тогда они вскоре станут такими же, как те, о ком ты говорил.

— Без награды нельзя. Но она не обязательно должна быть для желудка. И даже не для спеси. Ищи не жадных и не спесивых, но по-хорошему честолюбивых.

— Но где они, эти люди?

— Они могут быть всюду. На улице. В пивной. В школе. На заводе или верфи. В мелком учреждении или фирме. Их не очень много, Изар, но они есть. Но искать и найти их ты должен сам. Не поручая никому другому. Так твой отец в свое время нашел меня. В дни нашей молодости. А знаешь, кем я был до того, как он призвал меня служить ему?

— Ты? Почему-то я всегда был уверен, что ты родился в кругах Власти...

Старик засмеялся.

— Ты ошибался, Изар, ошибался. Да и не один ты. А на деле у меня тогда была маленькая мастерская — в ней я ремонтировал часы. Да-да, был часовых дел мастером, не более. И, казалось, мирился с перспективой просидеть всю жизнь с лупой в глазу.

— И Властелин пришел к тебе, когда испортились его часы?

— Конечно же, нет. Кстати, тогда он еще не был Властелином. Но, в отличие от тебя... Ты всегда старался поменьше находиться среди людей. В этом есть свое благо: такая привычка нужна, потому что Властелин всегда одинок, сколько бы народу вокруг него ни толпилось. Одиночество не должно причинять ему неудобств. Но вот сейчас эта твоя привычка обращается против тебя. Потому что твой отец в пору прихода к власти уже имел множество людей, которых знал, которым верил. И когда день настал — он просто позвал нас, и мы пришли. Наш мир хорош тем, Изар, что в нем нет аристократии — она погибла в самом начале нынешней истории — с приходом к Власти твоих предков. И никто не удивляется, когда часовщик становится Советником Властелина. Когда человек с улицы приходит в Жилище Власти — и остается там надолго, нередко на всю жизнь.

— Туда было так легко войти?

— Ну, это не следует понимать буквально. Явись мы сами, нас туда бы и на порог не пустили. Нет, сперва твой отец шел к нам,

а не наоборот. Так поступали и многие из твоих, теперь уже легендарных, предков. Просто шли на улицы. В толпу. Бывало, возникали острые положения, доходило до оружия. Такое случается в толпе нередко... Что, ты не знал этого о твоем народе? Да, не знал... Но в таких случаях кто-то бросался на помощь. Вот с лучшими из них Наследник Власти и завязывал дружбу. И с мужчинами, и... не только с мужчинами.

— Но он мог получить и кинжал меж ребер...

— Ты ведь надел не простой камзол, когда шел совершать Действие? Ты не выбросил его? Если и да, ничего страшного — возьмешь новый. Только не спеши показать, что он на тебе надет. А кроме того — ты, как и твой отец, владеешь оружием намного лучше, чем те, с кем ты можешь столкнуться там — даже если то будут отставные десантники. У тебя твердая рука. Кстати, стрелять на наших улицах не принято. Тогда вмешиваются Заботники. А твои выходы, конечно, хороши для рекламы — но только потом, когда ты уже вернешься в безопасность. Вначале тебя просто не должны узнавать. Хорошо, что ты редко показывался. Ну, и существует, конечно, грим...

— Ты словно инструктируешь меня и выпроваживаешь на улицу.

— Не я. Прежде всего традиция. Это — одна из ступеней той лестницы, о которой я говорил. Плата за народную веру в тебя.

— Но ты предостерегал против покушений...

— На ночной улице — кому придет в голову искать тебя там? Могут, конечно, опознать по охране — но от нее тебе придется ускользать. Властелин должен уметь не только являться взорам, но и избегать их, когда нужно. Вот; это был мой последний совет. На сегодня, во всяком случае. Ты все еще обижаешься, что я не дал тебе выспаться? Или, того хуже, оторвал от приятностей времяпрепровождения вдвоем?

— Я благодарен тебе за все сказанное. Я чувствую, что моему отцу было легко работать с тобой.

— Нет, если Властелину становится легко, это значит, что он на пути к своему концу. Но, возможно, это не были последние мои советы: я пока никуда еще не уезжаю, намерен, с твоего позволения, присутствовать и на Проводах, и на Бракосочетании. А вот после них ты, надеюсь, будешь настолько милостив к старику, что отпустишь меня, приняв мою отставку. С твоего соизволения, я уеду тогда в мой лесной дом. Возможно, там мне и в самом деле удастся прожить несколько дольше. Все-таки интересно, как и что у тебя будет получаться.

— Ум Совета, скажи все же: кому нужно, чтобы я умер?

— Не простой вопрос... Тебе отец говорил что-нибудь о...

Старик умолк, не закончив.

— О чем? Или о ком?

— Значит, не сказал. Так я и думал. Не счел нужным. Что же, такова была его воля. И не мне нарушать ее. Прости, Изар — не знаю, что тебе ответить.

— Это следует понимать так, что такой человек есть и тебе он известен...

— Могу с чистой душой сказать: он мне не известен. А что на тебя покушаются — мы об этом говорили, и сам ты знаешь это лучше любого другого. Я сказал тебе, что мог: остерегайся, ищи людей и копи идеи. Да ты и не совсем один: у тебя есть Эфат. Мало, конечно, но лучше, чем совсем ничего. Да, и Ястра у тебя тоже есть — возможно, есть. А теперь, прости за такое затруднение — позвони, пусть подают мою машину. И вправду спать пора.

5

Человеку, побывавшему в центре Сомонта и потом — случайно или по какому-то поводу оказавшемуся в сети переулков Второго городского пояса, может подуматься, что он попал, в лучшем случае, в другой город, а не то и на другую планету: настолько в этих районах все разное. Вместо гладко уложенного плита к плите, без малейшего зазора, тесаного камня, всегда чисто вымытого и только что не лакированного, под ногами окажутся вдруг разнокалиберные булыжники, между которыми буйно растет короткая, но даже по виду жесткая, какая-то чуть ли не проволочная трава. Хотя на обширных участках не видно уже ни травы, ни булыжника, а просто лежит мусор — мощным, хорошо утоптанным слоем — мусор, который уже никак не делится на элементы, но представляет собою некое новое вещество. Местами над забитыми всякой дрянью сточными отверстиями стоят лужи, радужно отблескивающие в хилом свете, выбивающемся из окон, не мытых, можно поверить, со дня восшествия на трон ныне уже покойного Властелина; от луж исходит мускулистый, выразительный запах, к которому, впрочем, обитатели этих мест давно притерпелись. В поле зрения любопытствующего прохожего попадет, в лучшем случае, один мусорный контейнер — да и тот валяющийся на боку; находчивая кошка неопределенной масти нянчит в нем недавно подаренных ею миру котят, и судя по находящейся там же плошке, мать кто-то подкармливает. Уличное освещение, столь нужное здесь, разумеется, отсутствует; то есть, столбы наличествуют, но одни без лампочек, другие же едва доросли до половины, верхнюю часть их то ли забыли смонтировать, то ли обломали, кем и для чего — одна лишь Рыба знает. Дома, не выше четырех этажей, в отличие от дворцов и деловых зданий Центра, стоят, как и полагается нижним чинам, сплошным строем, плечо к плечу; их узкие подворотни ведут в совсем

уже темные дворы, куда зайти, кажется, способен лишь сорвиголова — искатель приключений. Разрисованы дома одними лишь трещинами, но зато обильными, смахивающими на карту неведомой, но весьма богатой реками и ручьями страны, есть даже одно бездонное озеро, через которое виднеется часть шкафа и угол покрытого клеенкой стола. Там, где идущий от уличных луж запах ослабевает, его заменяет другой, комбинирующийся из кухонной гари, гнили подвалов, дешевых харчей и не менее дешевой косметики.

Однако это вовсе не покинутый жителями, по причине невозможности обитания в нем, район. Напротив, улица живет, особенно в вечерние часы, да и в ночные тоже. По ней идут, исчезают и вновь появляются, собираются кучками и расходятся люди. На первый взгляд они могут показаться подозрительными, но это не заговорщики, не подрыватели основ; в самом плохом случае это воровская шушера (крупные воры здесь не живут), а в большинстве — мелкие и мельчайшие чиновники, уличные торговцы, молодежь без определенных занятий, рабочие с небогатых предприятий, пенсионеры низкого ранга, короче — неизбежная и необходимая часть населения всякого большого города. Магазины тут не ослепляют витринами, но все, потребное в этом быту, купить можно без труда и недорого, пиво тоже стоит дешевле, чем в Центре или в Первом поясе. Есть даже один кинотеатр, откуда вдруг сразу повалила толпа, как бывает обычно после окончания сеанса, обмениваясь мнениями насчет только что увиденного: «А я бы на ее месте плюнула ему в рожу — после всего того, что он позволил себе!» «Проплевалась бы! — Это уже мужской голос.— Ей же некуда деваться было, или с ним — или на улицу». «А что, на улице не живут разве? Даже лучше, чем так: на улице все по-честному...» «Ну ладно, нашла, чем хвалиться!..» — ну, и так далее.

Толпа быстро растеклась по улице, и лишь небольшая кучка, состоявшая из четырех человек, задержалась близ выхода, словно затрудняясь выбором — куда же направиться сейчас, чтобы продлить отвлечение от жизни, протяжной и унылой. Четверо ничем, казалось, не выделялись из уличного люда; судя по одежде, один из них был человек сельский, близкий к почве и просторам, некогда зеленым, ныне же изрядно пострадавшим от научного прогресса — он, похоже, не совсем уверенно чувствовал себя в мире булыжника, закрывавшего плодородный слой, и таких же булыжных лиц толпы; второй лесоруб или охотник — такое мнение возникало при взгляде на его высокие сапоги и побелевшую от долгой и постоянной носки кожаную куртку со множеством карманов, карманчиков и кармашков; третий — просто мелкий горожанин, чиновник или, скорее, ремесленник, и четвертый — отставной солдат. И лишь одно могло бы возбудить сомнения у внимательного наблюдателя: их глаза, непроницаемо-спокойные, как будто давно разучившиеся удивляться чему

бы то ни было, а также (что куда важнее) бояться чего-либо на свете. Однако четверо не очень позволяли заглядывать себе в глаза, их же собственные взгляды были мгновенны и неуловимы, как неожиданный удар кинжалом.

Итак, четверо остановились и стали негромко переговариваться. Такой локальный разговор порой вызывает опасения; но они вовсе не походили на людей, замышляющих нарушить общественный порядок — слишком много уверенной солидности в них чувствовалось, так что смотритель улицы, дважды уже за вечер проходивший с неторопливым обходом, только внимательно посмотрел на них, успокоился, видимо, и тревожить не стал. К разговору никто не прислушивался: тут тайна разговора охранялась не менее ревниво, чем тайна переписки в более высоких кругах (здесь переписка просто не была в чести). Но если бы кто и проявил излишнее любопытство, рискуя получить в ухо, он вряд ли услышал бы что-то, способное заинтересовать искателя и распространителя слухов,— хотя говорили они, разумеется, по-ассартски, пусть и с каким-то жестким акцентом. Впрочем, может быть, именно так и разговаривают в густых и далеких лесах донкалата Рамин, расположенного там, где, как известно, зима бывает чаще, чем лето,— или же в степном и хлебном донкалате Мероз.

— Итак, мы его не встретили,— проговорил отставник, сухощавый и горбоносый, вооруженный полагающимся ему после увольнения со службы широким армейским кинжалом.— Так что рассчитывать можно только на самих себя.

— Может быть, там изменились намерения? — предположил горожанин (невысокий, но хорошо сложенный, что замечалось даже под мешковатой одеждой, с прямым носом и большими глазами).— Ты не поинтересовался?

— Не проходит ни единое слово,— ответил отставной.

Трое глянули на него. Он понял вопрос и пожал плечами:

— Объяснения нет. Полная тишина.

Все переглянулись. Потом лесной человек сказал:

— Здесь неудобно. Чье жилье ближе?

— Я пока нигде,— ответил отставник.

— Я недалеко,— откликнулся горожанин.— Но возвращаться не рискну. Там горячо.

— У меня то же самое,— произнес крестьянин.— Мне удалось не оставить следов.

— Что касается меня,— сказал лесовик,— то боюсь, что один, самое малое, след я оставил. Неудачный удар, и лезвие увязло. Правда, тот, у кого остался мой нож, никому уже не пожалуется. Итак, мы все подвешены. Что же, зайдем сюда.— Движением подбородка он указал на дверь пивной по соседству.— Здесь вполне приличное пиво. Я пробовал.

Солдат высоко поднял брови, словно сомневаясь, что в такой дыре можно получить хоть сколько-нибудь приемлемый напиток. Но не стал возражать — напротив, первым распахнув дверь, вошел в помещение, откуда несло плотными запахами всеми уважаемого напитка, а также вареного гороха со шкварками. Прошел между столами. Места еще были за длинным, но тесное соседство с посторонними не устраивало Уве-Йоргена. Он обвел распивочную взглядом.

— Питек, вон там один занимает целый столик — и спит притом.

Лесной человек мягкими шагами приблизился к облюбованной жертве. Прикоснулся пальцем к плечу. Реакции не последовало. Тогда он поднял спящего вместе со стулом и оглянулся. Горожанин Георгий отодвинул от длинного стола стоявший в торце табурет. Питек водворил стул с беспробудно спавшим на освободившееся место. Никто не обратил внимания; в права личности в подобных заведениях всегда вносятся некоторые коррективы. Затем четверо уселись, Уве-Йорген подал знак хозяину, и, дождавшись первой порции пива, они продолжили разговор, так же негромко, как и на улице.

— Не думаю,— сказал Уве-Йорген,— чтобы вам померещилось. Значит, мы здесь кому-то мешаем. Вероятнее всего — местным службам, хотя не исключено и другое. Никакой местной службе не под силу нарушить нашу связь.

— Даже узнать о ее существовании,— добавил Рука.

— Ну, о нашем-то существовании кто-нибудь знает,— пробормотал Питек.— Надо искать пристанище. Я, конечно, могу жить и на дереве, но вам вряд ли это придется по вкусу.

— Я не умею чирикать,— подтвердил Рыцарь,— и нуждаюсь хотя бы в минимальных удобствах. Но об этом станем думать в последнюю очередь. Нас ведь переправили сюда не ради приятного времяпрепровождения.

— Из того, что нам поручали, главное сделано,— сказал Георгий.— Во всяком случае, обстановка на этой планете нам, кажется, достаточно ясна.

— Что же, обменяемся сразу же информацией,— предложил Уве-Йорген.— Если верно то, что некто дышит нам в затылок, то, может статься, и не все из нас доберутся до финиша. Значит, то, что хотел знать Мастер, должно быть известно каждому. Если уцелеет один, он передаст все, что мы смогли выяснить.

— Он не сообщит ничего веселого,— сказал Питек.— Не знаю, обидится Мастер или нет, но он, по-моему, весьма переоценил возможности этого человечества. Им сейчас не до расселения в широком пространстве. Похоже, что они заняты прежде всего тем, чтобы выжить здесь. Во всяком случае, такие выводы я делаю из того, что видел сам.

— Давай по порядку,— предложил Рыцарь.

— Мне удалось побывать в четырех из пяти больших портов Ассарта,— в тех, конечно, что находятся на планете; орбитальные придется исследовать, пользуясь кораблем. Впечатление: все постепенно приходит в негодность. Я говорю о торговых портах. Сообщение весьма скудное, торговля ведется по минимуму: Ассарту нечего продавать и не на что покупать. Старые корабли живут от ремонта до ремонта. Старые экипажи. Была возможность поболтать с пилотами в непринужденной обстановке. Все мрачны, считают, что перспектив никаких. Старые призывы осточертели, высокие порывы улеглись и зреет злость на всех, начиная с собственной Власти, и кончая всеми семнадцатью другими планетами. Считается, что строятся новые корабли, более современные, но никто их и в глаза не видал. Начинали в свое время, это верно, но потихоньку все заглохло.

— Это совпадает с тем, что происходит в армии — если не считать гвардейских полков и, в какой-то степени, космического десанта,— кивнул Рыцарь.— Есть еще Легион Морского дна — ну, это войска специфические. Сейчас, как и полагается, ждут каких-то изменений от нового Властелина, считают, что он способен на крутые решения. Может быть, и так — пока судить рано. Ясно только, что войска питаются настроениями всего общества — но их никак не назовешь жизнерадостными. Георгий, ты у нас столичный житель...

— Я согласен с тобой, Рыцарь,— подтвердил спартиот.— Да вы и сами успели кое-что увидеть. Работы становится меньше, люди недовольны, люди разочарованы, общество постепенно становится толпой, и толпа эта взрывоопасна. В то же время на какие-то слаженные конструктивные действия ее сейчас не поднять, это долгая песня. Сейчас ее можно быстро мобилизовать лишь на разрушение чего-то. Безразлично, чего. В толпе много крикунов разных уровней, но нет программ. Пока людей сдерживает одно: ожидание каких-то благ от Властелина, хотя при простейшем анализе легко понять: он ничего не в состоянии сделать — если он, конечно, не чудотворец. Слишком далеко зашли процессы распада.

— Да,— сказал Уве-Йорген задумчиво.— Мастеру вряд ли понравится услышать такое; он рассчитывал, что здесь едва ли не готовая стартовая площадка, а мы вместо этого дадим ему картину первоклассной свалки. И все же, надо как-то ему все это переправить: возможно, у него есть какие-то средства в запасе, о которых мы и не догадываемся. Рука, может быть, на просторах картина приятнее?

Гибкая Рука промолвил с расстановкой человека, привыкшего к тому, что каждое его слово воспринимается со вниманием, потому что говорит он редко:

— То же самое. Все ждут чудес. Сеют меньше, чем раньше: говорят, невыгодно и никому не нужно. Уходят в города. Говорят, что стало опасно: мир настолько отравлен, что земля отомстит за это, вырастет отравленный хлеб, ядовитым станет молоко. Плохо.

— Дикие люди,— не удержался Питек.

— Люди дичают быстрее, чем деревья,— ответил Георгий.

— Короче говоря,— сказал Рыцарь,— весь мир смотрит на нового Властелина. Пока он показал, что умеет надежно задушить старика и завалить даму. Не знаю, может быть, у них это и считается особой доблестью... Хотя — если порыться в нашей собственной истории, там отыщется немало подобного. Ну, судить его — не наше дело. Теперь займемся делами попроще. Что предпримем в ближайшем будущем?

— У нас есть корабль,— сказал Георгий,— и нет связи. Наверное, самым лучшим будет — возвратиться на Ферму, все рассказать Мастеру и действовать по его указаниям.

— Придется подождать,— покачал головой Питек.

— Почему?

— Ты не знаешь правил. Сейчас траур. И целую неделю ни один корабль не покинет планеты.

— И еще одно,— сказал Рыцарь.— Даже не одно. Во-первых, где Ульдемир?

Переглянувшись, все промолчали.

— Хорошо,— продолжал Уве-Йорген,— если его по каким-то причинам просто не стали отправлять. Но я опасаюсь другого: его направили сюда, но что-то заставило его отклониться от маршрута — или задержаться в пути. Точнее, не что-то, а кто-то. Те неизвестные, что начали проявлять такой интерес к нам здесь.

Остальные трое, один за другим, медленно кивнули.

— В таком случае, он — я уверен — доберется сюда. Не так-то легко выключить его из игры. Но если он окажется здесь, а нас уже не будет — ему придется очень нелегко.

— Беда в том,— сказал Питек,— что мы не можем все время торчать на точке выхода. Каждый может попасть — или уже попал — под наблюдение, и нам ни к чему — вывести их к этой точке.

— Сходить один раз,— сказал Гибкая Рука.— Оставить посылку. Где искать нас. И самое необходимое.

— А где искать нас? — спросил Георгий.

— Не спешите,— посоветовал Уве-Йорген, чья роль командира сейчас не оспаривалась никем.— Об этом мы еще подумаем. Я не успел закончить. Итак, капитан — это одна причина. Вторая заключается вот в чем: Ассарт сейчас — в неустойчивом равновесии, и куда он склонится — станет ясно в ближайшее время. Это будет зависеть от действий Властелина, а ему придется действовать сразу же — и он это прекрасно понимает, да и любой поймет. Следова-

тельно, может получиться так, что, убравшись отсюда сейчас, мы привезем Мастеру тухлую информацию. Мы дадим ему моментальный снимок, но не сможем обозначить тенденцию. Я считаю: мы должны оставаться здесь, пока не станет ясным — куда повернутся дела. Иначе все, что мы сделали, не будет стоить и пфеннига.

Все помолчали.

— Ну что же — придется еще покрутиться,— сказал затем Питек.— Значит, придется все-таки квартировать на деревьях?

— Можно жить в корабле,— сказал Георгий.

— Нет,— отверг его предложение Гибкая Рука.— Тогда узнают, что корабль этот — наш. И мы лишимся его.

— Верно,— согласился Уве-Йорген.— Думаю, так: нам не стоит держаться вместе — на случай, если на нас действительно стремятся выйти. Нужно искать самое безопасное место, где мы сможем обосноваться. Собственно, такое место есть, но нам не попасть туда просто так, с улицы: это не гостиница. Догадались, о чем я? Где никто, я полагаю, не станет искать нас?

— Где нас не станут искать? — пожал плечами Питек.— Разве что в Жилище Власти?

— Это я и имел в виду,— кивнул Уве-Йорген.— Уверен, что мы,— если как следует возьмемся за дело,— отыщем ход туда. А до тех пор, видимо, придется обходиться, кто как сумеет. По-солдатски, черт побери! На свете существуют подъезды, подвалы, чердаки, вокзалы — множество мест, где умеющий устраиваться человек может провести ночь, не привлекая внимания...

— Почему-то ты не упоминаешь дам легкого поведения,— обиженно проговорил Питек.— А я с нетерпением жду этого. Потому что нет лучшего способа сочетать приятное с полезным!

— Отставить! — сурово молвил Рыцарь.— Посмотрите-ка на него: прямо король Генрих Четвертый Бурбон! Но король сперва побеждал, а уж затем... Если ты хочешь сдаться местным властям, так и скажи. А если нет — оставь свой способ до лучших времен.

— Эти рыцари с трудом понимают невинные шутки,— сказал Питек.

— Есть еще одна возможность,— вступил в разговор Георгий.— По-моему, самое надежное место — не уступает Жилищу Власти, но попасть туда будет значительно легче. Я говорю о Летней обители Властелинов. Недалеко от города, но место достаточно глухое, безлюдное...

— А ты что, охрану не считаешь людьми? — спросил Рыцарь.

— Охрану снимут, едва высокие лица покинут усадьбу. Как я слышал, на зиму она вообще консервируется. И, если не устраивать большого шума, мы сможем прожить там достаточно долго.

— Идея неплоха,— согласился Уве-Йорген.— Будем иметь в виду.

— Да,— подтвердил Гибкая Рука.— Там неподалеку наша точка. Куда должен был прибыть капитан.

— Решено,— заключил Уве-Йорген.— Едва начальство сюда — мы туда. Чем мы хуже молодого Властелина с его дамой сердца?

6

— Ястра...— негромко молвил Изар. Они медленно шли по аллее парка, окружавшего Летнюю Обитель Властелинов Ассарта.

Женщина взглянула на него, опустила глаза и отвернулась.

Властелин помедлил. Почему-то ему было трудно говорить со своей будущей — официально будущей, на деле же и сегодня фактической супругой, партнером по Власти, человеком, который, по ритуалу, сам и передаст ему эту власть. Сам он уже более или менее пришел в себя — просто-напросто понял, что сделанного не вернешь, ни хорошего, ни плохого — а значит, не надо и терзаться, надо жить завтрашним, а не вчерашним днем. Ястра же, похоже, никак не могла пережить случившееся, вырваться из его когтей, почувствовать себя новым человеком, которому доступно многое, практически все, чтобы заставить себя забыть... Но вот не мог он...

— Послушай,— заговорил он снова.— Великий Порядок требует, чтобы бракосочетание Властелина со Вдовой Власти совершилось на восьмой день после печального ухода, то есть на четвертый — после воссоединения Старого Властелина с Великой Семьей.

— Я знаю,— едва слышно проговорила она.

— Не думаешь ли ты, что нам пора вернуться в город? Тебе будет там куда веселее. Нам пора готовиться к обоим событиям. Наверное, тебе потребуется что-то сшить. У меня же, как у всякого Властелина, много дел, более не терпящих отлагательства. Положение в мире не внушает спокойствия. Да и негоже в начале правления не проявить достаточной энергии. Сейчас я у всех на глазах.

— Ты прав,— промолвила Вдова Власти так же тихо.— Конечно, тебе нужно быть там. Поезжай.

— Лучше — вместе. Чтобы показать, что между нами согласие.

— Между нами полное согласие,— подтвердила она, но Изару почудился в ее голосе призвук то ли иронии, то ли тоски, а может быть — того и другого вместе. Но Жемчужина Власти тут же продолжила: — Конечно, Изар, я приеду. И на проводы в Семью, и на все... Но мне хотелось бы побыть тут еще денек.

Несколько шагов они прошли в безмолвии.

— Хорошо,— сказал Властелин безрадостно.— Я сообщу, что задерживаюсь еще на день.

— Этого не нужно,— сказала Ястра.— Мне лучше побыть здесь одной. Я... Одним словом, лучше.

— Понимаю...— пробормотал Изар, ударом ноги отбросив упавшую на аллею шишку.— Наверное, ты права.

Он и в самом деле вроде бы понимал. Традиция, которую они блюли, была не то чтобы жестокой — просто возникла она в те времена, когда люди, которым следовало ее выполнять, были другими. Столетия назад изнасилование женщины, даже на глазах у всего мира, было делом, в общем, естественным; войны приучили к этому, как и к убийствам, грабежам, пожарам. В те времена, если насиловал одиночка, считали, что женщина легко отделалась. И чем иным было право первой ночи, принадлежавшее донку, если не узаконенным насилием? Но это было давно. Люди изменились, и женщины, может быть, даже в большей степени, чем мужчины. А ритуал остался прежним. Да, Изар все понимал. Однако — такова жизнь, а другой жизни просто нет. Идиотизм, конечно — силой брать то, что у тебя и так было: они с Ястрой еще два года назад пришли друг к другу, это было неизбежно, потому что Изар избегал женщин, как вообще всех людей, старый Властелин чувственной стороной жизни уже не интересовался, и Ястру сама судьба поставила лицом к лицу с Наследником. Оба они знали: этого все равно не избежать. Близость их недолго оставалась секретом, но никто не усмотрел в случившемся ничего особенного — Ястра была не единственной частью наследства, перешедшей в пользование Рубина Власти прежде, чем наследство открылось официально. Это — жизнь, говорили сановники и шофера. Это и в самом деле была жизнь.

Но женщины — существа, не всегда понятные. Особенно для Изара с его крохотным опытом.

— Хорошо,— повторил он и остановился. Ястра сделала то же. Он взял ее руку и поднес к губам.

— Тебе трудно,— сказал он.— Но ведь не я виноват.

Ее губы дрогнули, словно она хотела что-то возразить; однако промолчала, лишь кивнула в знак согласия.

— Останься еще на два дня. Дай только список — что привезти тебе из туалетов и прочего. Тогда ты сможешь приехать на Проводы на третий день утром — прямо отсюда.

Ястра на миг остановила на нем взгляд — и снова отвела.

— Спасибо,— и на губах ее возникло подобие улыбки.— Ты очень добр.

— Я...— сказал он, но продолжать не стал. Он чувствовал, что сейчас ему нужно уйти, но что-то мешало. Что-то еще хотелось сказать.

— Ястра... Ведь все останется, как было, правда?

На лице ее мелькнуло выражение боли.

— Я не опоздаю на бракосочетание, Изар. Скажу и сделаю все, что полагается. И стану твоей женой. Не беспокойся. Я ничем не хочу мешать тебе...

Ну, в этом он и так был уверен. То есть, ему просто в голову не приходило — усомниться. Но не об этом же он спрашивал!

— Я о другом. Я имел в виду... любовь.

Она резко вскинула голову. Но тут же потупилась.

— Позволь мне сейчас не отвечать на этот вопрос.

Ему ответ показался ударом кинжала — снизу, в незащищенное место.

— Не отвечай,— произнес он, едва разжимая губы.— Если уж это так трудно...

Он повернулся и, широко шагая, почти бегом, направился к Обители.

Не посмотрев ему вслед, Ястра так же медленно, как и раньше, пошла дальше по аллее.

Ей было жаль его — неплохого человека, чьи достоинства и недостатки за два года их близости она успела узнать и понять. Она приняла его с радостью — потому что выбирать было не из чего, то был единственно возможный для нее почти законный выход. Конечно, она заранее знала, что именно ожидало их обоих: традиция требовала, чтобы девушке, которую готовили к роли Жемчужины Власти, все было известно с самого начала: по традиции, она могла и отказаться от предназначения. Она не отказалась, потому что ее несогласие повергло бы в ужас всю семью,— отец ее был главой департамента внешних связей; она, как и полагалось, поблагодарила тогда за высочайшую честь и дала обещание под клятвой Великой Рыбы — выполнять все, чего требовал и еще потребует Порядок. Она и сейчас была готова на это.

Однако, к великому для нее счастью, ни Порядок, ни Традиции ничего не говорили о том, что она должна спать с новым Властелином в одной постели. Не говорили, потому что это само собою подразумевалось: ведь она обязана была родить второму мужу сына, будущего отцеубийцу. Именно сына, никак не дочь; теперь рождение мальчика гарантировалось генной хирургией, и все, связанное с зачатием, из области чувств перешло в ведение технологии; так что родить можно было без соития. Сейчас Ястра воспринимала это именно как счастье. Потому что на близость с Изаром — во всяком случае, в эти дни — никак не чувствовала себя способной. Наверное, что-то не так у нее было устроено, как у других (еще в юности она знала женщин, которым насилие нравилось, они жаждали остроты чувств). Но так или иначе, после того, как великий ритуал был выполнен и мужчина распластал ее на полу коридора (раньше она, минуя это заранее известное место, всякий раз смотрела на него со смесью страха и любопытства), она вдруг почувствовала, что больше не может относиться к нему так, как прежде. И уехав с ним из Жилища Власти сюда, в Летнюю Обитель, лежа в одной постели, Ястра, неожиданно для самой себя, воспротивилась, когда он снова

захотел близости — это после всего, что только что было! Вместо того, чтобы какое-то время думать только об очищении от совершенного, он захотел того, что сейчас стало казаться ей лишь немногим лучше смерти. Это означало, что он не желал понять ее — или не мог. Она решительно запротестовала. Если бы он захотел настоять на своем, она бы... Ястра точно не знала, что сделала бы тогда, но что-то очень страшное. Недаром то была ночь убийств. К счастью, он все-таки что-то понял — или почувствовал,— и оставил ее в покое. И все-таки она не смогла уснуть до утра: боялась, что он повторит попытку. И забылась лишь после того, как он вдруг поднялся и ушел (она тогда решила, что от обиды, но оказалось — ему срочно понадобилось поговорить с Умом Совета — хотя нет, кажется, наоборот, Ум Совета попросил срочной встречи). Вчера они вообще почти не разговаривали, хотя выказывали друг другу все знаки внимания: слишком много глаз было вокруг. Сейчас она искренне радовалась тому, что он уедет и хотя бы на два дня она останется в одиночестве.

Ей вдруг захотелось видеть, как он уезжает — может быть, чтобы совершенно увериться в том, что его тут больше нет. Ястра свернула с главной аллеи на поперечную, которая вела в ту сторону, где пролегала дорога,— по ту сторону высоченной кованой ограды, надежно защищавшей парк от непрошеных визитеров. Но она, во всяком случае, увидит проезжающие машины — его и охраны. Увидит — и станет легче на душе.

Ястра пошла быстрее, чтобы не опоздать. Парк был плохо расчищен, нападало много веток, они хрустели под ногами. Аллею окаймлял густой, давно не подстригавшийся кустарник. Ястре вдруг показалось, что за кустами что-то мелькнуло. Она знала, что зверей в парке не водится, но на миг испугалась, приостановилась, потом вновь двинулась, убеждая себя в том, что ей просто почудилось. Подбежала наконец к ограде и остановилась, ухватившись за железные четырехгранные прутья, облегченно переводя дыхание. Потом подумала, что не нужно стоять здесь, на виду у проезжающих, но лучше укрыться в кустах, откуда дорога была видна ничуть не хуже, но заметить Ястру было бы не так легко. Пригнувшись, она нырнула в кустарник. И едва не потеряла сознания от страха: там, в двух шагах, действительно находился некто! Нет, не зверь — человек, почти совершенно обнаженный, покрытый густым загаром, широкий в плечах, мускулистый, длиннорукий... Сейчас он схватит ее, опрокинет!.. Ястра вдохнула побольше воздуха, чтобы закричать. Человек неожиданно поднес палец к губам, раздвинувшимся в улыбке — или в оскале? — и она даже вскрикнуть не успела, как он исчез. Только наверху, на дереве, зашелестели листья, потом — на соседнем. С дороги послышался приглушенный рокот моторов: уезжал Изар. Ястра не сразу заставила себя двинуться с места — на чет-

вереньках, разрывая платье о кусты, подползла к ограде и увидела, как слева машины уходят, скрываются за поворотом дороги. Она передохнула: оказывается, она забыла выдохнуть воздух, которого была полная грудь. Мгновенный шелест снова прошел по листве где-то высоко над нею, за оградой промелькнул падавший с высоты человек — нет, он не падал, поняла она, он спрыгнул с дерева, пронесся над оградой и сейчас на ее глазах мягко приземлился на согнутые ноги. Тут же вскочил и побежал — длинными, стелющимися прыжками. На дороге показалась еще одна машина. Она была не из гаража Жилища Власти, не принадлежала и никому из вельмож, в этом Ястра была уверена. Таких машин она вообще раньше не видала: эта была какая-то приплюснутая, широкая, с черными стеклами, без номеров... Завидев ее, голый прыгун метнулся к придорожной канаве и скрылся в ней — одновременно боковое стекло машины опустилось, она чуть замедлила ход, короткой дробью простучали выстрелы — и она умчалась, скрылась за тем же поворотом, который минуту назад миновала колонна Властелина. Ястре стало тревожно, сердце провалилось куда-то вниз, во рту пересохло. Она порывисто обернулась: почудилось, что за спиной — новая непонятная опасность... Нет, никого не было. Она перевела дыхание, почувствовала, что дрожит. Снова глянула на дорогу. Прыгающий человек успел уже выбраться из канавы и теперь легко, упруго бежал по дороге, а его, треща глушителем и лязгая расхлябанным корпусом, догонял еще один автомобиль — их тут оказалось сегодня немногим меньше, чем на ежегодной выставке, только там такую развалину не увидеть было... Рыдван поравнялся с бегуном, замедлился, распахнулась дверца, голый метнулся, скрылся внутри, дверца захлопнулась — машина извергла струю дыма, загрохотала сильнее, но вместо того, чтобы следовать за проехавшими раньше, свернула, не доезжая до поворота, на проселочную дорогу, и исчезла, затерялась среди деревьев.

Может быть, ей тоже следовало уехать в город? — подумала Ястра, все еще дрожавшая от испуга и странного возбуждения.— Жилище Власти обширно, там можно жить, даже не встречаясь с Изаром. И все равно ведь придется обитать там: другого жилья у нее просто не было.

Придется. И потому женщина решила, что останется здесь. На позволенные ей два дня. Кто знает, когда еще возникнет такая возможность — побыть совершенно одной? Бояться ей, собственно говоря, нечего: кому она нужна — опозоренная перед всем миром? Разве что любителям острых ощущений? Ну, на этот случай есть пусть и немногочисленная, но охрана, да и у нее самой имеется пистолет, с ним она будет выходить в парк на прогулку. Жемчужине Власти с незапамятных времен полагалось иметь свое оружие. Кстати, и владеть им Ястра умела.

Но Изару, кажется, приходится нелегко: это ведь за ним охотятся — и этот, на дереве в парке, и те, на низкой и скоростной машине. Наверное, он в опасности... Ястра подумала об этом совершенно спокойно, как-то безразлично, словно бы это ее ничуть не касалось. Она сама удивилась собственной бесчувственности, но тут же пожала плечами: не ее вина в этом. А чья же? Жизни? Ну, ладно, если так — жизнь дает яд, она же наделяет и противоядием. Сейчас просто не надо об этом думать...

Она повернулась и неторопливо пошла к Обители. Все-таки было еще страшновато: а вдруг еще кто-нибудь прячется в кроне и в следующий миг, пронесшись в воздухе, окажется тут, перед нею? Да, страшно... Но тут же она почувствовала, что была бы рада, случись так; она сама не знала почему.

Три машины, в средней из которых находился Властелин, были уже невдалеке от выезда на магистральную дорогу, когда в задней из них произошло некоторое движение.

— Кто-то настигает нас. Прытко,— негромко проговорил тот охранник, кому следовало наблюдать за дорогой через заднее стекло. Двое, сидевшие рядом с ним, смотревшие по сторонам, оглянулись; старший, располагавшийся рядом с водителем, секунду-другую смотрел в зеркало.

— Всем наблюдать за своими направлениями,— напомнил он. И еще всмотрелся, повнимательнее.— Военная машина,— определил он.— Дорожный разведчик. Только перекрашена под цивильную. Оружие к бою!

Двое из сидевших сзади изготовили автоматы, третий был вооружен гранатометом.

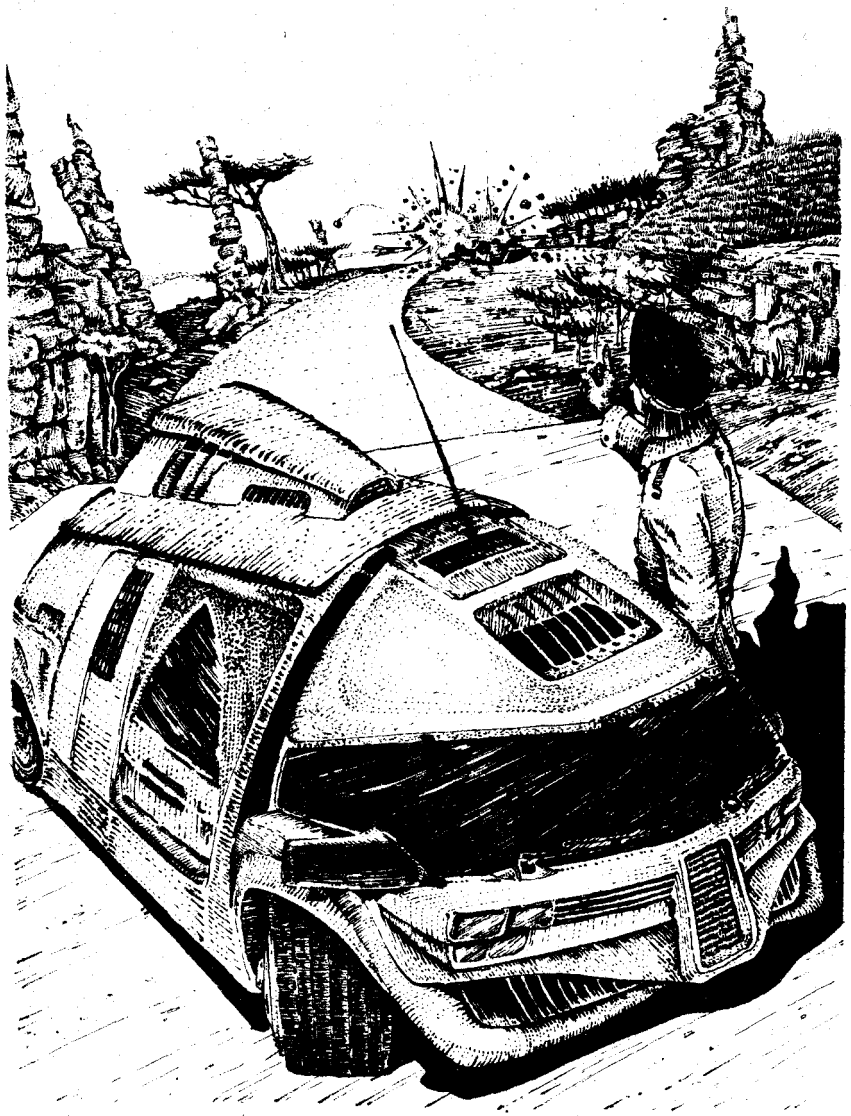
— Первая, вторая! — заговорил старший в микрофон.— Сзади военная машина. Идет на высокой скорости, быстро сближается. Никаких предварительных сигналов мы не получали. Подозреваю умысел. Открою огонь, как только окажется на дистанции выстрела.

— Увеличим скорость,— донеслось по рации из головной.

— Думаю, этого не надо делать. Возможно, нас и хотят заставить разогнаться — чтобы в случае внезапного возникновения препятствия нельзя было избежать катастрофы. Как только сможете, открывайте огонь на поражение. А сейчас зажгите сигнал: «Обгон запрещен. Прошу уменьшить скорость». Помигайте основательно, чтобы они обратили внимание.

— Понял вас.

На задней панели охранной машины яркими буквами вспыхнуло табло. Погасло, вспыхнуло, еще и еще раз. Оновременно замигал голубоватым лучом задний прожектор, и красным — три расположенных треугольником предупреждающих фонаря.

— Сигнал подан.

— Как реагируют?

— Продолжают приближаться.

— Будете отбиваться сами. Я остаюсь в голове колонны: подозреваю засаду. Тут впереди удобное место: выезд из леса, там не одну машину можно укрыть... На случай их огня — старайтесь все время закрывать номер второй.

— Ну, для маневра дорога узковата... Но я вас понял. Они...

— Что у вас?

— Они открыли крышу. Безоткатное орудие.

— Правильно, дорожный разведчик. Не ждите...

Выстрелы ударили одновременно с обеих сторон. Машины мчались зигзагами, шарахаясь от обочины к обочине. Попасть было трудно. В воздухе свистели пули и осколки бетонного покрытия дороги. По сторонам падали срезанные пулями и гранатами ветви деревьев. Высоко, словно жалуясь, выли мощные моторы.

— Черт побери!

Это крикнули в первой машине.

— Что у вас?

— Проколы! Сразу два! Наверняка засада — это тут, рядом! Вторая сейчас попытается проехать, оседлав кювет — может быть, там шипов нет. Прикрывайте ее! Я вынужден остановиться, преследователя приму на себя, попытаюсь нейтрализовать и засаду...

— Вас понял, выполняю. Они показались?

— Медлят... Вперед, вперед! Магистраль совсем рядом, больше перекрестков не будет.

— Вызвали подкрепление?

— Вызываю. Вы дублируйте.

— Наша дальняя разбита пулей. Уходим. Желаю удачи!

— Взаимно... У вас все целы?

— Не совсем. Но боеспособны. Сейчас, дадим по ней последний, прощальный...

Коротко фыркнул гранатомет с задней машины. Секунда — и гулкий взрыв.

— Первая! Мы достали его! Достали! Порядок!

— Что с ним?

— С ним — все! Замедляю скорость. Вернусь к нему. Для верности.

— Опасайтесь ловушки!

— Ну уж нет! У него, похоже, сдетонировал боезапас. Такое изобразить нельзя. Вряд ли там хоть один выжил.

— Согласен, проверьте. Я и вторая ждем здесь.

— Смотрите и вы — насчет засады...

— Кажется, ее не было. Сейчас, пока меняем баллоны, мы сходим тут на разведку. Может быть, они тут были, но не решились...

Они, точно, были. И, наверное, решились бы. Тяжелый грузовик стоял на лесной дороге, мотор урчал на холостых оборотах. Шестеро в штатском располагались в машине и близ нее, вооруженные автоматами, пистолетами, у двоих — лазерные фламмеры, у каждого — сумка с ручными гранатами.

— Без единого выстрела...— с некоторым удивлением сказал начальник охраны, старый десантный волк.— Кинжалом. Каждого — с одного удара.

— Спали они тут, что ли?

— Не верится...

— Кто же это их так? Какой умелец?

— Нет,— сказал начальник охраны.— Их было, самое малое, двое.— Он медленно шел, вглядываясь в дорогу, на которой четко пропечатались следы.— Непонятно, откуда взялись: вот тут следы начинаются с пустого места... С неба спрыгнули, что ли?

Он прошел еще дальше.

— Ага, тут была машина. Другая, не грузовик. Легковая. Не пойму только, что за марка; вроде старье какое-то, времен Ленка Фаринского... Подъехала, тут стояла, развернулась, уехала в лес, откуда пришла. Просто чудеса какие-то...

— Слава Рыбе, мы выкрутились. А могло быть похуже.

— Могло быть и совсем плохо. Задумали они разумно. Но кто-то помешал. Ладно. Двое остаются здесь пока что. А мы — в столицу.

7

Меня взяли под руки, вежливо, но крепко, и повели. Еще даже не успев как следует прийти в себя после переброски, я понял, вернее — почувствовал, что посылку под названием «Капитан Ульдемир» доставили не по адресу: я помнил, что должен был оказаться на планете (хотя название ее восстановилось в памяти не сразу), а тут было явно что-то другое. Человеческий организм определенным образом реагирует на присутствие крупных тяготеющих масс — и, напротив, на их отсутствие; на планетах или околопланетных орбитах мы этого не ощущаем — просто не с чем сравнивать,— но с опытом путешествий в открытом космосе такое чувство вырабатывается и уже не исчезает. И вот сейчас я был уверен, что ни звезд, ни планет в непосредственной близости не имеется; что-то неуловимое подсказало мне, что я нахожусь в какой-то системе, напоминающей Ферму, хотя это наверняка была не она.

Меня то ли провели, то ли протащили по коридору и втолкнули в большую, хорошо освещенную комнату. Невольно я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел перед собой целую компанию — человек пять или шесть, они почему-то никак не сосчитывались

точно. Одного из них я сразу же определил как хозяина дома: что-то было в нем общее с Мастером, хотя внешне они были совершенно непохожи друг на друга; еще один запомнился сразу: здоровый, топорный амбал.

Не дожидаясь, пока мне предоставят слово, я заговорил и с хода произнес что-то около трехсот слов. Слова были русские, и каждое из них в отдельности ни один из тех, к кому я обращался, не смог бы понять, даже будь у него в руках словарь; однако я очень надеялся, что генеральный смысл всего сказанного до моих собеседников дошел, хотя бы благодаря интонации. Правда, слово «собеседники» тут не совсем точно передает обстановку: они, безусловно, хотели бы выйти на трибуну, но я им не позволял, и едва кто-нибудь из них разевал рот, как я снова открывал огонь на поражение. Так что когда мне потребовалось подвезти боеприпасы, они этому страшно обрадовались и заговорили все сразу — очень уж они измолчались, пока я солировал, и грянули враз, словно бы нашей целью было — исполнить концерт для барабана с оркестром, где ударные, конечно, принадлежали мне. Оркестр вступил, я помахал ладонями около ушей, тогда они спохватились, быстренько разобрались в колонну по одному, и направляющий приступил к просветительской деятельности.

— Господин капитан! — сказал он мне.— Мы претендуем на спокойную и содержательную беседу. Мы не думаем, что ее можно заменить извержением вулкана.

Он говорил на каком-то языке, которого я не знал, но тем не менее прекрасно понимал сказанное.

— Вот и зашли бы ко мне вечерком,— ответил я.— Посидели бы за чашкой чая или чего-нибудь другого, в тех же тонах и потолковали бы по душам. Тогда у нас было бы больше шансов для взаимопонимания. А сейчас? Вы, без всякого на то основания, перехватываете меня на точке Таргит, так что вместо того места, где мне следовало бы сейчас находиться, я оказываюсь в какой-то дыре в обществе нескольких подозрительных типов и вынужден выслушивать разные глупости — вроде той, что все это сделано только ради удовольствия видеть меня. Спокойную беседу! А вы на моем месте стали бы беседовать спокойно?

— Да, господин капитан,— соврал он, даже не покраснев при этом.— Я, да и любой из нас, на вашем месте стал бы вот именно беседовать спокойно. И в этой беседе постарался бы как можно скорее установить, во-первых, кто мы такие, во-вторых, куда, и в-третьих, зачем мы вас переместили. Так поступил бы любой здравомыслящий человек.

Должен признаться, что говорливый тип довольно точно изложил ту программу, которую я и сам успел выработать и единогласно (одним голосом при отсутствии прочих) принять. Я и начал, собст-

венно, ее выполнять, только они этого не усекли — их обучали тактике совсем в другом заведении. Я провоцировал их на откровенность, а они решили, что я просто ругаюсь, чтобы стравить пар. Но раз они вроде бы не собирались далеко прятать свои намерения, можно было и принять их подачу и посмотреть, как пойдет игра дальше. Кто знает — может, и на их подаче я смогу выиграть гейм.

— Не могу сказать, чтобы вы были правы,— ответил я, несколько убавив громкость,— но в качестве временно исполняющей обязанности истины вашу концепцию можно и принять. Итак, считайте, что я уже спросил вас: кто вы? Где мы находимся? Зачем я здесь нахожусь и почему? Дополнительные вопросы: долго ли я здесь буду содержаться и когда смогу благополучно завершить свое путешествие. Ваш черед. Если требуется небольшая преамбула — пожалуйста, я настолько терпелив, что перенесу и ее.

Собеседник посмотрел на меня с некоторой, как мне показалось, печалью во взоре.

— Господин капитан! — молвил он.— Хотелось бы, чтобы наш разговор был не только спокойным, но и серьезным. Очень серьезным. Впрочем, вы и сами понимаете, что без достаточно веских причин никто не идет на нарушение Генеральной Транспортной Конвенции, что всегда чревато серьезными неприятностями. Так что будет только лучше, если вы перестанете...

Тут у него, видимо, возникло затруднение с лексикой, и он зашептался со своей бандой, они что-то наперебой стали ему подсказывать,— на этот раз я не понял ни слова,— после чего он вернулся к тексту:

— Будет только лучше, если вы перестанете опрокидывать глупого.

Мне пришлось пустить в ход все мои врожденные способности, благодаря которым я понял сразу три вещи. Прежде всего — что оратор высказал пожелание, чтобы я перестал валять дурака. И что язык, которого я не знал, но почему-то понимал, оказался русским, но в непривычной для моего слуха аранжировке. (Что означало, что я вдвойне прав: никто из нас русского языка толком не знает, и чем дальше, тем хуже; однако когда к нам обращаются по-русски, мы понимаем.) И третье — что если у них и есть какая-то информация обо мне, то она далека от полноты; в противном случае им было бы известно, что человек я достаточно мрачный и валять дурака (о, как вульгарно!) начинаю только тогда, когда дела идут — хуже некуда и известный жареный петух уже поставил клюв на боевой взвод. Ну что же — пусть думают, что я чувствую себя легко и весело. Уверенность противника в своих силах всегда несколько сбивает пыл атакующих; а сейчас инициатива была, безусловно, у них, я же играл свободного защитника.

— О'кей,— сказал я.— Могу перестать. Но уж если серьезно, то серьезно. Без финтов ушами. Итак: вследствие каких причин я оторван от горячо любимой семьи и преданных друзей? На обдумывание дается одна минута.

— Господин Ульдемир,— сказал он с погребальной серьезностью.— Прежде всего, как вы выразились, преамбула. Нам известно, кто вы. На кого работаете. Кто послал вас в Ассарт. И с какой целью. Вряд ли надо говорить об этом подробнее, потому что все это вы и сами прекрасно знаете. Теперь то, чего вы совершенно не знаете. Мы вовсе не собираемся помешать вам в выполнении поставленной перед вами задачи. Наоборот, хотим предельно облегчить это нелегкое дело. Мы намерены заверить вас, что с нашей помощью вы исполните все быстро и успешно. Без нее вы вообще ничего не исполните.

— Откуда такая уверенность? — не удержался я.

— Потому что без нашего согласия вы отсюда вообще не выйдете. Никогда и никуда.

— Ясно,— кивнул я.

— Считаю необходимым добавить: если неприятное постигнет вас именно здесь, то уж на Ферме вы никогда не окажетесь.

Пока он грозил, у меня где-то в затылочной части головы стали складываться некоторые соображения. Но показать это сейчас никак не следовало. Так что я ответил лишь:

— Ну, предположим, что так. Что вы хотите мне предложить?

— Сотрудничество.

— В чем же?

— Я уже сказал: в выполнении вашей задачи. Все дело в том, что необходимо видоизменить эту задачу — в некоторых деталях. От этого она не сделается сложнее. Ни в коем случае.

— Ближе к телу,— сказал я. Впрочем, они не уловили фонетического расхождения.

— Чтобы подойти ближе,— ответил он мне,— сначала отойдем подальше. Чтобы проблемы стали видны нам, так сказать, в общем виде.

Я вздохнул.

— Что же, если без этого никак нельзя...

— Увы, никак нельзя. Но я полагаю, что мы можем продолжить нашу беседу за столом. Вы ведь проголодались, господин капитан?

Вот это уже была сама истина, а не временная концепция. Мне оставалось только склонить голову.

— Где вы предпочли бы: здесь или на воздухе?

— Дождь не идет?

— Нет, господин капитан. Здесь никогда не бывает дождя.

Я так и думал.

— Тогда на природе.
— О'кей,— сказал он и вызывающе посмотрел на меня.

С полчаса, или около этого, за столом все молчали, и я успел убедиться, что в этой игре они ничуть не уступают мне. Правда, все было вкусно, хотя некоторых блюд (например, фаршированного скорпиона — или его ближайшего родственника — под каким-то зеленым с разводами соусом) я так и не решился отведать, боясь несварения. И лишь когда мы прошли примерно две трети дистанции, разговор возобновился. Один из них (всего, как я окончательно установил по числу тарелок, было пятеро, но один то и дело раздваивался, и тогда я на всякий случай придерживал свою тарелку) — не тот, что открывал конференцию, обнажил длинные, янтарного оттенка зубы и произнес:

— Итак, господин Ульдемир. Вам выпала. Редкая возможность. Присутствовать. В резиденции. Охранителя. Которая называется. Застава. В, может быть. Переломный момент. Развития Вселенной...

Он весь свой реферат — не из самых коротких — продекламировал в такой манере; похоже было, что во рту у него больше двух слов сразу не умещалось и каждую новую пару подавали откуда-то с большой глубины. Я попробую изложить смысл его высказываний обычным языком; если подсунуть вам стенограмму, боюсь, вы начнете думать обо мне еще хуже, чем я того заслуживаю.

Так вот, прежде всего он сообщил, что я нахожусь на «Заставе». Попросил обратить внимание на пейзаж. Это я уже успел сделать, как только мы вышли из резиденции — в отличие от Фермы, тут дом был сложен из массивных каменных плит,— и несколько удивился увиденному. Вокруг простирался черный песок со вкраплениями камней; ни травинки, ни кустика, что уж говорить о деревьях. По-видимому, мы — пятеро или шестеро и я — были здесь единственными представителями какой бы то ни было жизни. Ни птиц, ни насекомых, ни единого водоема тоже не было в поле зрения, в котором горизонт так же располагался где-то наверху, образуя подобие чаши — только напиться из этой чаши было нельзя.

Ну что же, о вкусах не спорят. Можно было подумать, что у существа, которым все это было задумано и осуществлено, была стойкая идиосинкразия к зелени (допустим, в детстве поел немытых овощей или ягод, заработал понос и возненавидел все, что растет из почвы),— если так, пейзаж оставался его личным делом. Но дальнейшие откровения показали, что причины были куда более глубокими и, пожалуй, не столь безобидными являлись следствия.

— Мое имя,— сказал тогда докладчик и очень красивым жестом ткнул в себя,— Охранитель. Я издавна знаю и Фермера, и Мастера. Когда-то мы вместе постигали одни и те же премудрости, но потом

оказалось, что мир мы воспринимаем совершенно по-разному и представления о его судьбе у них и у нас совершенно противоположны. Поймите, капитан: мы не враги в обычном смысле этого слова, то есть я не желаю никому из них, да и никому из тех, кто с ними работает, ничего плохого. Но мы — люди противоположных взглядов. Мы по-разному понимаем, что хорошо для мира и что плохо. Это, так сказать, исходная предпосылка. С их точки зрения я глубоко и опасно неправ, с моей — наоборот. Если бы все оставалось в умозрительной сфере, наши расхождения вряд ли заслуживали бы серьезного разговора. Но они стараются реализовать их на практике, и я вынужден делать то же. Как и у них, у меня достаточно своих эмиссаров, которые выполняют мои поручения не хуже, чем вы — задания Мастера или Фермера. То есть, существует противостояние, в котором ни один не обладает решающим перевесом. Вам понятно то, что я изложил?

— У вас несомненный талант популяризатора,— признал я.— Но я не сумел уловить: в чем же заключается расхождение? Безусловно, вы это сказали, но я порой с трудом постигаю фундаментальные истины.

— Нет,— ответил он совершенно серьезно.— Я только собирался сказать это. Хотя, конечно, к каким-то выводам вы могли уже прийти самостоятельно. Поскольку вы знаете суть воззрений Фермера и Мастера.

— Ну, в моем постижении,— сказал я, так как видел, что они ждут моего ответа,— их воззрения — это развитие Вселенной, вернее, развитие жизни во Вселенной, как главного условия продолжения ее существования (уф! Вот такой период я одолел без запинки). Развитие — качественное и количественное — разумной жизни. Это благородная деятельность по насаждению жизни и ее охране.

По их лицам прошли улыбки, а один из них, тот, что постоянно раздваивался, от восторга разделился даже на три ипостаси.

— Охрана — это очень хорошо,— сказал дирижер.— Но Охранитель — это я.

— Ну что же,— сказал я.— Чем больше, тем лучше.

Они поулыбались еще немножко и скисли.

— Главное заключается в том,— сказал докладчик,— что же нуждается в охране, а что, напротив, в ней не нуждается.

— Ну,— сказал я,— мне как-то не кажется, что в охране нуждаются, например, камни. Или... хотя бы газовые туманности.

— Вот здесь вы очень ошибаетесь,— сказал Охранитель.— Они как раз и нуждаются. Они, а не растения или животные...

— Или даже человек,— закончил я его интересную мысль.

— Даже человек,— согласился он,— нуждается в охране вовсе не в такой степени, как кажется Фермеру... и всем вам.

— Это интересно,— сказал я, потому что это действительно становилось интересным.— Может быть, вы объясните подробнее? Не забудьте, я ведь просто человек с планеты, и то не самой развитой.

— Но ведь именно для этого мы вас и пригласили! — воскликнул Охранитель, а остальные скорчили такие рожи, словно я их обидел.

— Я вас внимательно слушаю.

— Конечной целью, так сказать, сверхзадачей вашей стороны является заселение Вселенной целиком. Разумная Вселенная. Прекрасная, благородная задача — на первый взгляд. Но стоит вдуматься — и вы увидите, насколько она несостоятельна.

— Помогите вдуматься,— попросил я.

— С удовольствием. Ваши взгляды можно критиковать с разных позиций. Начнем с простого примера. Нам не очень многое известно о планете, на которой началась ваша лично планетарная стадия — хотя, как видите, мы даже знакомы с вашим языком. Скажите, если смотреть с точки зрения планеты, на которой вы родились: много ли добра принесло ей возникновение на ней разумных существ? Или, может быть, вреда оказалось больше?

— Стоп, стоп,— сказал я.— Вы рассуждаете так, словно планета — разумное существо. Во всяком случае, живое.

— Планета — часть мира, не так ли? Как и вы сами. Если ей нанесен ущерб — то он нанесен и всему миру, и вам — верно?

— Опять вы за свое! Что значит — планете причинен ущерб? Ну ладно, согласен — сведены леса, опустошены недра, отравлены воды и воздух... Но что до этого планете? Она же не живая, я уже сказал вам!

— Сказали, и я это услышал. Но, может быть, вы знаете, что такое жизнь и где проходят ее границы? Тогда поделитесь знанием с нами, потому что нам это неведомо. Или, может быть, это все-таки находится вне нашей компетенции — хотя бы потому, что не мы сотворили жизнь, но сами были сотворены вместе со всей прочей жизнью?

— Ну, если судить по-житейски...

— Нет! Если речь идет о судьбе Мироздания, какое тут может быть житейское суждение! Оно — для вашей кухни, не более. Итак, что такое жизнь, мы не знаем. Зато знаем другое: до нашего с вами появления в мире он развивался по определенным законам. Потом явились мы. Нам показалось, что на дворе прохладно. Мы решили согреться. И подожгли дом, в котором живем. Дом горит. Сейчас мы еще греем руки. Но он догорит, рассыпется угольками последняя головня. И что тогда?

— Но вы ведь знаете, мы вовремя спохватились! И больше не будем...

— Во-первых, я вовсе не уверен, что не будем! Для нас всегда

самое важное — погреть руки сейчас, а завтра — пусть будет, что будет. А во-вторых — вовремя спохватились как раз мы! — Охранитель широким жестом обвел остальных четырех с половиной.— Мы поняли: расселение людей не нужно! Оно вредно! Смертельно опасно! Это процесс, который приведет к гибели мира, потому что разум эгоистичен и недалек!

— Ну, и что по-вашему — заняться истреблением рода людского? Всей жизни вообще? Чтобы мир стал таким, как вот у вас здесь: песок и камни — и ничего более?

— Не надо изображать нас человеконенавистниками. Мы не таковы. Поскольку человек не сам создал себя, можно верить в необходимость его существования. Он нужен как инструмент постижения миром самого себя. Но не более! Он — зеркало. Но в мире, состоящем из одних зеркал, недолго сойти с ума. Представьте себе комнату смеха метагалактических масштабов! Страшновато? Нет, наша позиция такова: что есть — да пребудет. Но — не более! Дадим миру отдохнуть от нашей экспансии! Вместо этого займемся собой. Пусть каждый микрокосм — и вы, и я, каждый! — станет открытым для всех остальных, пусть каждый станет звездой среди прочих светил — и тогда начнем думать о дальнейшем. Сейчас — это просто преступление, и помогать в его осуществлении способен только безумец — или преступник. Вы — не тот и не другой. Зачем же вы помогаете им?

Не знаю, может быть, он ожидал моих возражений; но я промолчал. Не то, чтобы признал его правоту — но что-то в его речах было, в чем следовало разобраться на досуге.

— Капитан Ульдемир! Скажите: вы пойдете с нами?

Я вдруг почувствовал усталость. Мне больше не хотелось ни с кем полемизировать. И тем менее — принимать какие-то решения.

— Вы, однако, не сказали,— ответил я,— чего вы хотите именно сейчас и именно от меня. Ведь не всех же соратников вы вербуете таким способом! Или как раз таким?

Охранитель кивком головы переадресовал мой вопрос одному из тех трех-четырех, что до сих пор лишь слушали, помалкивая в тряпочку. Тот пренебрег вопросом о способах вербовки и сразу схватил быка за рога.

— Вот чего мы хотим,— молвил он негромким и даже приятным голосом.— Фермер и Мастер, как нам — и вам тоже — известно, принимают меры к заселению ближайших шаровых скоплений. Как известно, первая попытка не удалась...

«Теперь можно понять почему»,— подумал я, но высказываться по этому поводу не стал, предпочтя слушать дальше.

— ...теперь предпринимается вторая. И поэтому вас послали сюда. Не так ли?

— Откуда мне знать, что в голове у начальства,— сказал я,

но это положение не нашло поддержки среди присутствующих.

— Ну-ну, господин капитан, вы же прекрасно знаете, да и не в обычае Мастера — посылать эмиссара, не объяснив задачи. Вас послали сюда, чтобы вы постарались разобраться в том, что происходит на восемнадцати обитаемых планетах этого региона — чтобы потом принять меры к установлению здесь длительного мира. Ибо только в условиях длительного мира и научно-технического сотрудничества возможна космическая экспансия такого масштаба, как заселение и колонизация планет в других скоплениях. А другого пути нет, это вы тоже знаете. Вам предстояло сыграть роль разведчика, а если окажется возможным — и миротворца-невидимки. К счастью, это стало известно нам. Каким образом? Можете предположить, что среди окружения Мастера у нас есть сочувствующий нам человек, но можете и не предполагать: весь замысел настолько поддается простому логическому анализу, что затруднение может возникнуть лишь в определении личности эмиссара. Это было бы крайне просто, если бы Мастер послал одного из постоянно действующих эмиссаров; все они нам известны. Но именно поэтому он так не сделал, и нам еще до начала действий было ясно, что он выберет кого-нибудь из своего резерва, но имеющего достаточный опыт самостоятельной деятельности в иных цивилизациях. Безусловно, нам пришлось приложить усилия, чтобы обнаружить вас. Но к моменту, когда вам предстояла пересадка на точке Таргит, мы уже все знали. Техническая же часть не представляла трудностей...

— Вам повезло с этой пересадкой,— вставил я. Он усмехнулся.

— Безусловно, безусловно. Но везет, как правило, тому, кто ищет везения. И даже создает какие-то предпосылки для него.

Я снова кивнул и сделал еще одну зарубку в памяти.

— Теперь перейдем непосредственно к вашей задаче. Как ни прискорбно, но в существующей обстановке нам не нужен мир в этом скоплении. Напротив. Чем меньше будет в нем порядка, тем лучше. Потому что во времена беспорядков государства используют корабли и десанты не для заселения далеких миров, а для борьбы с ближайшими. Да, вы можете сказать, что это негуманно, и прочее. Мы и сами уже не раз говорили себе все это. Но может быть, вы знаете другой способ охранить Вселенную от преждевременной человеческой экспансии? Нам такой способ неизвестен. У вас он есть?

Я лишь пожал плечами.

— Мы были уверены, что нет. Таким образом, вам придется направить свои усилия на Ассарте на создание не мирной, но военной ситуации. Только при таком условии вы вообще попадете туда. Вы нам верите?

В этом я им верил: если уничтожение людей в межпланетной войне,— тысяч, десятков, а может быть, и сотен тысяч людей их не смущало, то жизнь одного эмиссара и подавно. Я сказал:

— Не вижу оснований сомневаться в ваших словах. Однако, думается, вы хватили через край. Я был послан, собственно, для сбора информации, не более того. Вы же требуете от меня куда большего: влияния на власть обширной державы. Боюсь, вы переоцениваете мои скромные возможности.

— Господин Ульдемир! На первый взгляд, сказанное вами выглядит убедительно; но лишь на первый. Мы знаем, что, разобравшись в обстановке, вы так или иначе вмешаетесь в нее. И не вы один: нам известно, что у вас имеется группа поддержки. Эти люди уже там, на Ассарте.

— Вам удалось убедить их? Я спрашиваю не из пустого любопытства.

— Да-да, разумеется...— Тут он сделал секундную паузу.— К сожалению, они прошли точку Таргит раньше, чем мы успели принять меры.Так что убеждать их придется вам. Впрочем, насколько нам известно, они привыкли верить вам — поверят и на этот раз. Теперь вам ясно, чего мы от вас ожидаем.

— Куда уж яснее,— согласился я.

— Итак: вы согласны? На прямой вопрос мы ожидаем столь же откровенного ответа. Мы знаем, что вы человек слова.

Выходит, они знали обо мне даже то, в чем сам я далеко не был уверен. Однако пользоваться хорошей репутацией всегда приятно, а если она не вполне заслуженна — тем более. Поэтому я приятно улыбнулся и сказал:

— Благодарю вас за лестное мнение.

— Следовательно — да?

— Мне нужно подумать.

— К сожалению, мы вынуждены принимать быстрые решения. Обстановка заставляет. Долго вы будете думать?

— Пять минут.

— Мы даем вам пять минут. Думайте. Мы не станем вас тревожить.

Можно было ожидать, что после этих слов они деликатно оставят меня в одиночестве; не тут-то было. Никто из них даже не пошевелился; все остались на своих местах. Они не двигались и не проронили ни полсловечка; но взгляды их, острые и немигающие, были прикованы к моему лицу и рукам, чьи движения часто выдают ход мысли, потому что человек в первую очередь думает о выражении лица, а о пальцах забывает. Я постарался не забыть.

Собственно, думать было не над чем, и я попросил это время главным образом потому, что мгновенное согласие кажется более подозрительным, чем данное по зрелом размышлении. В человеке, которому предложили переметнуться во вражеский стан, должна происходить некая внутренняя борьба — если только он не беспринципный авантюрист; но я знал, что так плохо они обо мне не думают.

Борьба должна быть серьезной. И я постарался всеми способами показать им, что схватился сам с собой не на жизнь, а на смерть. Тогда как на самом деле я успел решить для себя все, еще пока они договаривали свои тексты. Репутация человека слова стоит, конечно, немало. Но она — мое личное достояние, и я вправе распоряжаться ею, как мне заблагорассудится. И если ты готов ради какого-то дела пожертвовать другим своим достоянием — жизнью,— то можно принести в жертву и репутацию. Хотя, откровенно говоря, порой она бывает дороже жизни.

Прошло уже минуты три из дарованных мне пяти, когда тишину нарушил сам Охранитель.

— Капитан! — сказал он.— Я вижу, что вам думается нелегко. Весы колеблются. Поэтому позвольте мне бросить на одну их чашу некое обещание. Если вы сделаете для нас все возможное — я не говорю, заметьте, «все, что нам нужно», но лишь — что сможете, то у вас не будет проблем в воссоединении с той женщиной, по которой вы так глубоко тоскуете. Причем воссоединение это произойдет не на условиях Мастера — только в пределах Фермы,— но там, где вы захотите. Потому что мы можем повторить ее планетарный цикл. У нас есть такие возможности. Я бы сказал даже, что наши возможности неисчерпаемы.

Честно говоря, то был удар ниже пояса. И, как от такого удара, я внутренне согнулся.

— Это вы могли сказать и раньше,— проговорил я слегка севшим голосом.

— Я понимаю, капитан,— продолжал он, слегка улыбнувшись,— что это новое обстоятельство вам тоже нужно всесторонне обдумать. Мне не нужны поспешные решения: бывает, от мгновенных обещаний так же скоропостижно и отказываются. Поэтому сейчас вас отведут в спокойное место, где вы сможете поразмыслить глубоко и всесторонне, и лишь после этого сообщите мне ваш окончательный вывод.

— И если я все же не соглашусь?

— Увы! — Охранитель развел руками.— Я предупредил вас еще в самом начале нашей содержательной беседы...

— Помню,— кивнул я.— Хорошо. Мне действительно нужно как следует подумать.

— Желаю вам ясного мышления,— напутствовал меня Охранитель. После чего меня вывели — снова под руки, словно дряхлую вдовствующую императрицу или еще кого-нибудь в этом роде.

Вероятно, Охранитель полагал, что рассудок мой успешнее всего будет работать в небольшом помещении с надежным запором; во всяком случае, именно в такое место меня водворили. Обстановка

была под стать монастырской: жесткая коечка, столик, два стула, одна массивная дверь и ни одного окна. Что же — выбирать не приходилось, поскольку платы за постой с меня до сих пор не требовали. Я уселся на стул в ожидании, пока мой конвоир не оставит меня наедине с моими мыслями.

Однако он, похоже, даже и не собирался ретироваться. Напротив, он взял один из стульев, поставил его рядом с дверью, попробовал пошатать — видно, чтобы убедиться, что стул не разъедется под его тяжестью и не убежит из-под него, как взыгравший жеребчик,— а после этого испытания на прочность плотно уселся и еще поерзал, устраиваясь поудобнее. Это, вероятно, должно было означать, что страж мой утвердился здесь всерьез и надолго.

— Парень! — сказал я ему нетерпеливо.— По-моему, тебя там заждались, тебе не кажется?

Он ухмыльнулся и доложил, что ему не кажется.

— Тогда, может быть, ты уйдешь просто так?

Он дал понять, что не собирается.

— Ты что же,— сказал я ему,— не слышал, зачем меня сюда отправили? Чтобы я мог подумать, не так ли?

Он кивнул.

— Ну, а как же я могу думать в твоем присутствии?

Ему понадобилось некоторое время, чтобы обдумать мой тезис. Потом он пожал плечами.

— Ну и что?

— Слушай, тебе случалось когда-нибудь в жизни думать?

Тут он заподозрил, что я над ним смеюсь, и нахмурился.

— А тебе какое дело?

— Если бы приходилось,— пояснил я,— то ты бы знал, что думание — это процесс очень интимный. Самый интимный, может быть. И присутствие посторонних ему совершенно противопоказано.

Кажется, слово «интимный» у него с чем-то ассоциировалось, и он ухмыльнулся. Но «посторонний» ему явно не пришелся по вкусу.

— Это я, что ли, посторонний? — спросил он мрачно.

— Ага,— согласился я.— Не я же!

Он поморгал, сосредоточенно глядя на меня. Похоже было, что ему очень захотелось дать мне в ухо — или еще куда-нибудь. Но он сделал усилие и сдержался.

— Ты давай, думай молча,— посоветовал он.— И не серди меня. Я ведь и стукнуть могу. И ничего мне не будет. Потому что тебе все равно крышка.

Слышать это было, конечно, не очень приятно, но я и глазом не моргнул: и без его слов я понимал, что положение мое вполне можно было назвать критическим.

— Стукал один такой,— сказал я.— И куда покрепче тебя был.

— Ну и что? — Он не удержался, как я и думал — спросил.

— Очень пышные похороны были. Все очень жалели. Он, в общем, и неплохой человек был, только глуповатый: стукнуть захотел.

— Ну ты! — сказал мой страж угрожающе.

— Не бойся,— успокоил я его.— Сегодня я в добром настроении, так что можешь сидеть спокойно, если уж тебя ноги не держат. Я потерплю. Хотя несет от тебя, правду сказать, как из болота. Ты хоть иногда умываешься?

— Чего-о?

— Умываться, понимаешь? Ну, это когда берут воду, желательно и мыло, и при помощи одного и другого удаляют с себя грязь. Не понял еще?

Я понимал, что перегибаю, но другого выхода просто не видел. Надо было поторапливаться: я не знал, когда Охранитель снова потребует меня, чтобы выслушать мой отказ. Мне обязательно нужно было перехватить инициативу еще раньше. Потому что из всей нашей долгой беседы я сделал один серьезный вывод: все то, что он мне пел там, была чистой воды липа: принципиальные вопросы такого типа, как судьба Вселенной, не решают при помощи перехвата чужих эмиссаров и прочей уголовщины. Здесь явно готовилось что-то куда более сиюминутное и конкретное. И раньше, чем я приложу усилия, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову, мне нужно было хоть в общих чертах уяснить — что тут затевается. А для этого требовалась свобода передвижения — хотя бы в пределах Заставы. Свобода же начиналась с устранения этого типчика.

Впрочем, сейчас он уже не сидел, привольно развалившись. Он весь собрался, готовый вскочить в любую минуту. Кажется, желание поговорить со мной по-мужски уже вызрело в нем до такой степени, что вот-вот должно было посыпаться зерно. Оставалось добавить совсем немного.

— Ну, я вижу, насчет умывания ты не специалист,— констатировал я печально.— А в чем ты специалист? На что ты вообще способен, кроме сидения на стуле? А, да, жрать ты здоров — это я еще за столом заметил. Жаль только — у тебя все в жир уходит. (Мой собеседник плотно стиснул челюсти и засопел носом, все громче и громче; мне это понравилось.) А ты еще хочешь, чтобы тебя боялись. Вот смотри: я сейчас подойду и дерну тебя за нос — и ничего ты мне не сделаешь...

И я на самом деле встал, в три шага приблизился к нему и решительно вытянул руку в направлении его носа.

И тут он наконец взорвался. Толчком метнулся вперед (стул отлетел и с треском впечатался в стену), заранее вытянув руки с увесистыми кулаками. Кажется, он пытался что-то сказать, но получилось одно лишь громкое шипение — словно челюсти его свело судорогой и он не в состоянии был разжать их.

Ярость, однако, не заменяет умения. Мне и до того представлялось, что драться этот парень любит, но не умеет — я имею в виду, профессионально. И выпаду его можно было лишь улыбнуться. Он, конечно, заслуживал того, чтобы поиграть с ним — однако я чувствовал, что времени у меня в обрез, и поставил ему мат в один ход, легко уклонившись и рубанув его ребром ладони в переносицу. Это серьезный удар. Страж упал и выбыл из строя, думается, надолго.

Секунду-другую я постоял, прислушиваясь. Кажется, наша возня не привлекла ничьего внимания. Я осторожно отворил дверь. Тихо. Я двинулся по коридору — бесшумно, как меня учили на Ферме. В доме царил покой, где-то недалеко звучали голоса. Я определил направление. Приблизился, остановился перед двухстворчатой дверью. Она вела в то самое помещение, в котором мы вели переговоры; я установил это, потому что такая дверь была тут единственной, остальные — попроще, одностворчатые. Я вслушался. Говорили двое. Один голос я узнал сразу: то был Охранитель. Другой, низкий и хрипловатый, принадлежал, как мне припомнилось, тому здоровенному мужику, которого я тоже отметил с первого взгляда. К сожалению, начало разговора прошло без моего присутствия, но и продолжение его оказалось достаточно интересным.

— ...Непростительно. Две попытки — и обе неудачны. Вы потеряли время, Магистр, и не выиграли ничего. Я начинаю сомневаться, способны ли вы вообще добиться успеха.

— Стечение обстоятельств, Охранитель, способно разрушить даже самые лучшие планы. Но в третий раз осечки не будет.

— Наоборот, теперь она гораздо более вероятна. Они там не младенцы и понимают, что два покушения — это уже система. Они неизбежно примут меры.

— И все же я...

— Хорошо, хорошо. Но пусть это будет запасным вариантом.

— А что же — основным?

— Подумайте о ней.

— О...

— Да, именно. Потому что ведь если со сцены сходит она, законная передача власти произойти не может, не так ли? И это дает вам некоторые шансы. То есть, во всяком случае ваши шансы тогда уравняются.

— Вы правы, Охранитель.

— Отправляйтесь и сделайте это. Я напоминаю еще и еще раз: у нас мало времени. Если через самое большее две недели мы не начнем схватку — можно будет ее вообще не начинать: все окажется бесполезным.

— Я помню это, Охранитель. Вы распорядились о моей отправке?

— Разумеется. Вам нужно будет лишь назвать адрес.

— Я сделаю это сию же минуту. Позвольте лишь один вопрос.

— Да?

— Вы и в самом деле полагаете, Охранитель, что этот... капитан, как вы его называете, захочет работать на вас?

— Я не придерживаюсь столь низкого мнения об эмиссарах Мастера. Нет, конечно.

— Но вы все же собираетесь отпустить его?

— Я рассматривал такую возможность. Если бы вы обеспечили качественное наблюдение за ним на планете, мы через него обнаружили бы и его сообщников. Я не буду до конца спокоен, пока они скрываются где-то на Ассарте — и, безусловно, действуют.

— Кучка людей — следует ли вам опасаться их?

— Маленькая горсточка песка способна вывести из строя громадный и точнейший механизм. Но сумеете ли вы сейчас обеспечить наблюдение?

— Увы, нет,— после паузы последовал ответ.— Я потерял слишком многих в этих двух попытках.

— Я так и думал.

— Следовательно, мне не надо будет опасаться встречи с ним на Ассарте?

— Можете быть спокойны. Он не уйдет отсюда.

— Вы... ликвидируете его?

— Ни в коем случае! Тогда он снова окажется в распоряжении Мастера — уже в другом качестве. Нет, нет. Пусть пока побудет здесь; а время покажет.

— Благодарю вас, Охранитель. И еще одно...

Мне очень хотелось услышать, в чем заключалось это «еще одно». Но больше рисковать нельзя было. Я должен был опередить Магистра, стартовать прежде, чем это сделает он: ведь для меня они вряд ли станут включать транспортную систему. И я без колебаний покинул свой пост у дверей и бросился по коридору в его дальний конец.

Я действовал не совсем наугад, но исходил из того, что планировка жилища Заставы должна была в общих чертах походить на ту, по которой была создана Ферма. На Ферме транспортное помещение находилось на втором этаже, а лестница начиналась в самом конце коридора. Так оказалось и здесь. Я промелькнул по ней, едва касаясь ступеней. На втором этаже было так же безлюдно. Я обратил внимание на то, что даже условные обозначения на дверях тут были такими же, как на Ферме; что же — большое спасибо, теперь я не рисковал ошибиться. Вот за этой дверью — связь; на мгновение у меня возникла нахальная мысль: войти туда и передать сообщение Мастеру. Наверное, я так и поступил бы, но сейчас самым важным

было все-таки — выбраться отсюда живым и по возможности здоровым. Связь можно будет установить и с Ассарта,— думал я, не замедляя шага. Будущее показало, что в этом я ошибался; но даже знай я это заранее, все равно не стал бы задерживаться.

Вот и нужная мне дверь. Я рывком распахнул ее. И на мгновение застыл от неожиданности. Почему-то я решил, что здесь будет пусто, никто мне не помешает. Однако в транспортном помещении находился человек — наверное, один из обслуживающих эту сверхтехнику. Он повернулся ко мне — брови его полезли вверх, рот стал медленно открываться... Я пожалел его задним числом — когда он уже лежал, скорчившись, в углу и судорожно хватал ртом воздух. В конце концов, он ни в чем не был виноват. Но ведь и я, кажется, тоже?

Встав на светящийся круг посреди комнаты, я едва не назвал Ассарт. И спохватился лишь в последний миг. Лететь отсюда на Ассарт нельзя было, потому что я попал бы в их точку выхода — и вряд ли меня встретили бы там гостеприимно. Мне надо было оказаться там, где еще ждали, как я надеялся, меня — а не Магистра. И я скомандовал:

— Точка Таргит!

В тот неуловимо малый промежуток времени, что проходит между командой и ее выполнением, я успел еще заметить, как стала отворяться дверь из коридора. Наверняка это был Магистр. Но он опоздал. Темное облако упало на меня — и все исчезло. Это означало удачный старт.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В Жилище Власти в Сомонте царила суета и взволнованная неуверенность, какие всегда сопровождают конец старого и начало нового правления. Все понимают, что перемены неизбежны, при этом одни надеются, что изменения их не коснутся, другие — что преобразования окажутся к лучшему для них, третьи с тоской предчувствуют свой закат. Самые немногочисленные — четвертые — предпочитают во благовремении уйти самим, не дожидаясь, пока сверху им придадут поступательное движение в направлении черного хода. Все знали, что сейчас, до Проводов усопшего Властелина в Великую Семью, ничего не произойдет, но потом изменения посыплются лавиной; и остававшиеся день-два были самыми мучительно-беспокойными. Пока же новым был лишь сам Властелин. Когда он, возвратившись из Летней Обители, впервые вступил в Жилище Власти пусть еще официально не утвержденным традицией, но факти-

чески уже полноправным Властелином, выражение лица его было мрачным, и многие сердца дрогнули. Все успели уже утвердиться в мысли, что он — человек суровый и решительный и действовать будет круто, так что многие сразу же бросились в поисках соломы, чтобы своевременно подостлать ее на том месте, куда предстояло упасть.

Однако и в первый день правления, и во второй не произошло ничего. Властелин, как все понимали, скорбел об отце; как-то не думалось о том, что ведь сам он отца и убил: все понимали, что не сын убил, но Порядок, так что никому и в голову не приходило применить к Властелину такое определение, как «отцеубийца»; ему самому, кстати, тоже. Тем не менее, на лице его была скорбь — но лишь он один (и разве что еще Ум Совета) знали, что вызвана она была не смертью отца,— смерть эта была неизбежной и необходимой,— но непонятно сложившимися отношениями с Ястрой, Жемчужиной Власти. А ведь раньше казалось, что где-где, но тут не приходится ожидать никаких подводных камней...

Об этом и размышлял Властелин, когда вошел Ум Совета. Вошел без доклада, воспользовавшись привилегией, предоставленной ему еще покойным Властелином много лет тому назад. Выглядел старик необычно торжественно, и одет был во что-то, ранее ни на ком не виданное: в длинный черный балахон с капюшоном, оставлявшим на виду только глаза и нос. Изар, недовольно подняв голову, сперва даже не узнал его; мгновенно и суматошно ударила в виски не мысль, но какой-то внутренний отчаянный крик: «Убийца! Вот оно!..» — и рука сама потянулась к рукоятке кинжала, который висел на поясе постоянно. Но старик успел заговорить, и звук его голоса сразу привел Властелина в сознание.

— Вставай, Властелин. Пойдем.

— Куда и зачем? — спросил Изар, тоном выказывая недовольство.— И что это на тебе за черные паруса?

В другом случае Ум Совета наверняка ответил бы шуткой; на сей раз он остался торжественно-серьезным.

— В этот день ты должен вознести просьбу Богу Глубины.

— Ага,— пробормотал Изар, понимая.— Посвящение?

— Да. Только сперва надень это.

Он выпростал из балахона руку со свертком. Изар развернул. Там оказался такой же маскарадный наряд.

— Цвет мог бы повеселее быть,— упрекнул он.

— Придумано не нами. Черный — цвет Глубины.

— Глубины чего? Моря?

— Всего. Земли. Пространства. Постой. Помогу тебе облачиться.

Изар набросил на себя одеяние.

— Люди шарахаться будут...— пробормотал он.

— Мы никого не встретим по дороге. Я приказал. Меня еще слушаются — по старой памяти.

— Куда же мы пойдем?

— Увидишь. Недалеко.

Они вышли. Долго шли коридорами, сворачивая, опускаясь на несколько ступенек, потом опять поднимаясь; человеку, плохо знакомому с Жилищем Власти, заблудиться в его переходах ничего не стоило. Потом стали спускаться по лестнице — одной из заброшенных, каких в Жилище было множество. Оказались на первом этаже. Еще одна лестница вниз. Подвал.

— Ты ведешь меня в преисподнюю?

— Здесь это слово неуместно. Будь осторожен в речах. Кто знает...

Старик не закончил, умолк.

— Мы придем когда-нибудь?

— Еще немного терпения, Властелин.

Узкй подвальный ход. Протискиваясь по нему, Изар задевал плечами за стены. Потом ход расширился. И кончился, упершись в железную дверь.

— Что это, Ум Совета?

— Тут ты должен называть меня: Посвященный.

Изар повиновался, невольно проникаясь ощущением серьезности и таинственности предстоящего.

— И все-таки: что там, Посвященный?

— Не забудь: Жилище Власти некогда было крепостью. Она строилась постепенно, разрасталась век за веком. Вот эти стены сложены четыре тысячи лет тому назад, а может быть, и еще раньше... Конечно, дверь куда новее. А за ней начинается подземный ход.

— Тоже древний?

— Под нашим городом целый подземный лабиринт, а под Жилищем Власти он особенно разветвлен. Никому не известно, когда он создавался.

— Во времена самой первой Истории?

— Первая она для нас. Но ведь и до нее что-то могло быть...

— Ты веришь в это?

— В молодости не верил. Как и ты сейчас. Но чем больше живешь, тем лучше понимаешь простую истину: в этом мире все возможно. Потому, может быть, что, как сказано в легендах — хотя и не прямо,— этот наш мир тесно переплетается с другими мирами — не «этими» и не «нашими».

— Наверное, чтобы размышлять о таких вещах, нужно иметь много свободного времени... Но чего мы ждем?

— Я жду, пока ты перестанешь внутренне суетиться. Постарайся ко всему относиться серьезно.

Они постояли перед дверью еще минуту-другую.

— Теперь можем идти.

Замысловатым старинным ключом Посвященный отпер замок, с усилием отворил дверь. Первым вошел в подземный ход, подождал, пока не перешагнул высокий порог Изар, и запер дверь изнутри. Их охватила мертвая темнота.

— *Если бы ты предупредил, я взял бы фонарь...*

— Это было бы неуместно. Обожди немного.

Во мраке лишь по шуршанию одежды можно было понять, что старик совершает какие-то движения, делает шаг, другой... Потом звякнуло железо, посыпались искры — невиданной, как подумалось Изару, яркости. Впрочем, вероятнее всего, это в темноте так казалось. Еще удар, еще... Затлел трут. Старик дул, закашливаясь. Потом возник язычок пламени: загорелся тонкий лоскутик древесной коры. И неожиданное пламя осветило ход, в котором они стояли — каменную кладку стен, пол, сводчатый потолок.

Это загорелся факел, который старик теперь держал в руке. Из стенного зажима он вынул еще один, зажег от первого, вручил Властелину.

— Теперь можем идти.

Двинулись. Ход изгибался, местами от него ответвлялись другие коридоры, поуже или пошире; Ум Совета шел уверенно, ни разу не замедлив шага. Свернули еще раз; за поворотом ход стал опускаться все ниже и ниже. Воздух был сыроватым, но не затхлым — наверное, тут существовала какая-то система вентиляции. Глубже, глубже, еще глубже...

— Подниматься назад будет весело,— проворчал Изар.

— Нелегко, да. Особенно мне. Но я проделываю этот путь, надо полагать, в последний раз.

— Почему?

— Надеюсь, что теперь Посвящение перейдет на тебя. И освободит меня.

— Разве у меня и так мало дел?..

— А тебе ничего не придется делать. Отцу твоему, во всяком случае, это ни разу не доставило никаких забот.

— Зачем же тогда вообще...

— Так повелось издавна.

— Форма осталась, смысл утерян?

— Можно судить и так. А может быть — не было надобности в наших действиях.

— Какие же действия, если суть дела непонятна?

— Понадобилось бы — стала бы понятной.

Изар не стал возражать, справедливо полагая, что со стариками вообще спорить бессмысленно: они уже мыслят иными категориями. Да, собственно, так и должно быть.

Наконец (одна Рыба знает, сколько они уже прошли) уклон начал уменьшаться, скоро совсем исчез, пол снова стал горизонтальным. А впереди почудился свет. Нет, не почудился: на самом деле оказался. Светилось непонятно что: как будто самый потолок — бледным, но вполне достаточным светом; достаточным, чтобы и без помощи факелов увидеть, что ход здесь кончается, упираясь в гладкую каменную стену. Не дойдя до нее несколько шагов, Ум Совета остановился.

— Пришли,— сказал он.

Изар осмотрелся вокруг. Ничего не было. Просто кончился ход. Или, может быть, не стена была перед ними, а тоже какая-то дверь особого толка?

Он высказал эту догадку вслух. Старик кивнул.

— Да. Глубина начинается за ней.

— Почему же ты не откроешь? Чего мы ждем?

— Ничего. Открыть ее нам не только не по силам; нам запрещено пытаться проникнуть за нее именем Бога Глубины.

— Зачем же мы пришли?

— Совершить обряд. Преклони колени.

Ум Совета сам опустился на колени, Изар повторил движение.

— Теперь ты будешь повторять за мной.

— Хорошо...

Старик помолчал. Вздохнул. И начал:

— Повелитель Глубины, стоящей на страже Вселенных и Миров...

Он сделал паузу. Изар повторил слова.

— Глубины, лежащей на ободе колеса Времен... Глубины уязвляющей и уязвимой... Повелитель сущего, мнимого и неведомого... Твои слуги стоят на страже недреманно... И теперь пришла пора смены. Я, преклоняющийся и посвященный, ухожу. Но прежде посвящаю сего преклоняющегося. Узнай его, и найди, и пришли посланца. Мир Глубине!

С минуту помолчав, старик встал. Отряхнул колени.

— Вот и все,— сказал он.— Возвращаемся в молчании...

2

Было холодно и сыро. Я сидел на траве, медленно приходя в себя. Похоже, в точке Таргит что-то разладилось с транспортировкой или я по неопытности не совершил каких-то необходимых действий; так или иначе, когда меня раньше перебрасывал Мастер, это проходило без всяких неприятных ощущений. Сейчас же я был в состоянии крепкого похмелья. Надо было окончательно очухаться и собраться с мыслями.

Я попал сюда ночью. Стояла густая темнота. Это несколько удивило меня. Я никогда не бывал на Ассарте, но знал, что темных ночей здесь практически не бывает — ну, несколько в год, не больше. Ассарт ведь находился в центре звездного скопления, и ночное небо на нем — это не наше звездное небо даже в самую ясную погоду; наш звездный пейзаж — лишь хилый намек на то, что видно — или во всяком случае должно быть видно — в ассартских небесах. Великое множество звезд, составляющих скопления Нагор и расположенных относительно недалеко друг от друга, делают ночное небо Ассарта похожим не на черный бархат с блестками — как хотя бы у нас на Земле, на окраине Галактики,— но наоборот, на серебряную сферу, на которой лишь кое-где заметны темные пятна. Здесь множество звезд видно даже среди бела дня — во всяком случае, так объясняли мне те, кто готовил меня к этому путешествию. Но сейчас все это великолепие надежно закрывали от меня черные облака, их слой был, видимо, достаточно толстым, и они пропускали свет не больше, чем ватное одеяло, наброшенное на ночник. И это в общем-то пустяковое обстоятельство почему-то сильно портило мне настроение, которое и так было, откровенно говоря, не блестящим. Потому что все началось не так, как предполагалось, а я по давнему опыту не люблю плохих начал. И в голову лезла всякая ерунда.

Хотелось думать, что меня, пусть и не лучшим образом, все-таки забросили на Ассарт. Но не было гарантии, что именно в то место, где наши должны были ждать. Да и если бы — что толку? Я прекрасно понимал, что все уговоренные сроки моего прибытия прошли и меня больше никто не ждет. Потому что нас было мало, а дела много. Каким-то образом надо было выбираться самому. Куда? Вероятнее всего, в столицу. И начинать работать. Скверно, конечно, что какое-то время придется действовать в одиночку. Но действовать надо: ведь я могу найти своих, а они — меня только по результатам нашей работы. Если даже ты угодил на дно — пускай понемножку пузыри, а те, кто тебя ищет, не пропустит их мимо взгляда. Это я понимал; недаром когда-то тонул.

Я почувствовал, как озноб пробирается все глубже, грозя дойти до костей. К своим костям я, как правило, отношусь доброжелательно, и не хотелось подвергать их лишнему испытанию. Надо двигаться. У меня была полная свобода действий: я мог отсюда направиться в любом угодном мне направлении. Все они сейчас были для меня одинаковы. Каждое вело куда-то — или никуда не вело. Впору было подбросить перышко и идти за ним. Я пошарил по траве, но никакого перышка не обнаружил. Я залез в карманы. Там оказалось столь же пусто. Ничего особенного у меня с собой, конечно, не было, но и то немногое, что оставалось, охранители, верно, забыли положить на место. Ну, конечно, им не до таких мелочей. Но там, кроме

всего прочего, была моя любимая зажигалка. Будь она здесь, я попытался бы разжечь костерочек и погреться. А будь при мне и пакетик с бутербродами, неведомым путем оказавшийся в моем кармане еще на Ферме, я сейчас бы поел; вероятнее всего, поужинал: сумерки, окружавшие меня, явно были вечерними, а не предрассветными. Вскоре совсем стемнеет. Значит, задача номер один — отыскать какое-то местечко для ночлега. Потому что переться в темноте неизвестно куда, да еще по лесу, было бы далеко не самым благоразумным. «Черт дери, да когда же это ты бывал благоразумным? — спросил я сам себя, и тут же ответил: — Ничего не значит, пора им становиться...»

Я встал, сделал несколько приседаний, слегка подрался с тенью, стараясь не сделать ей больно. Кровь стала обращаться чуть быстрее. Наступила пора выбрать направление. Кругом был лес. Так. Я помнил, что мне и следовало прибыть в лес: место встречи, понятно, было выбрано в уединении, резонансные транспортировки на Ассарт происходили, как нетрудно сообразить, без ведома здешних властей. Ну, хорошо. Чтобы поправить настроение, предположим, что я оказался действительно в условленном пункте. Карты мне не дали, да и будь она у меня — охранители ее наверняка тоже присвоили бы. Жуликоватый народ. Чем дальше я об этом думал, тем больше приходил к убеждению, что они старались навешать мне на уши как можно больше лапши — к сожалению, совершенно несъедобной. Нет, не в сохранении Вселенной было тут дело, под всем этим была какая-то другая подоплека, и хотя во всем том, что они говорили, была своя логика, мне все время чудилось, что это была легенда, специально разработанная для меня. Ладно, разберемся на досуге... Да, так что же? Значит, я прибыл в условленное место. Если так, то здесь меня ждали. Ждали не пять минут. И не час. Дня два, пожалуй. Потому что был еще и резервный срок прибытия. Если здесь столько времени околачивался даже один-единственный человек, то он должен был оставить хоть какие-то следы. Даже если не хотел этого. А если хотел?..

В самом деле: а если хотел? Мои друзья знали, что я не прибыл вовремя. Но они неплохо знали и то, что я не так быстро поджимаю лапки. Иными словами, надежда на то, что я все-таки доберусь сюда, у них должна была остаться. И поэтому они не могли исчезнуть, не оставив для меня какой-то посылочки. С указанием на то, где искать их. С едой. С фонарем. С оружием...

«Ну конечно,— прервал я сам себя.— Со сменой белья. С новым костюмом. С небольшим, но ходким автомобилем. А лучше — вертолетом. С полдюжиной до зубов вооруженных парней охраны... Как же, все они для тебя припасли, все...

Ладно, ладно. И все же — надо искать».

К счастью, я все это время оставался на том самом месте, в ко-

тором впервые соприкоснулся с Ассартом. Теперь я зашарил вокруг себя в поисках уже не перышка, но чего-то более серьезного. Где можно было оставить передачу? По нашей практике — в месте, где ее можно без особого труда обнаружить не только днем, но и ночью. Почему-то искать такие вещи чаще всего приходится ночью. В то же время, схорон не должен бросаться в глаза: иначе днем его совершенно случайно обнаружит и подберет кто-то из местных, кому передача, в отличие от меня, совершенно не нужна. И все равно, он ее утащит. Значит: она не должна быть заметна даже при свете, но ее можно без труда обнаружить и во тьме — если искать.

Я знал только один такой способ. И знал, как ищут скрытую таким образом вещь: так, как отыскивают подо мхом боровики. Мне очень не хотелось, но я разулся. Носки сунул в карман, тяжелые бутсы связал шнурками и перекинул через плечо. В росистой траве ноги сразу же стали мерзнуть, так что я не стал мешкать и приступил к поискам клада.

Способ этот прост: медленно ставишь босую ногу на почву, ощущая подошвой и пальцами каждую неровность, и, когда нащупываешь ее — осторожно исследуешь. Чаще всего это не то, что нужно; кроме того, в местах, где устраивают пикники, лучше к этому способу не прибегать: первый же осколок бутылки отобьет у вас охоту искать дальше. Но тут, кажется, пикниками не пахло, место прибытия как-никак выбирали профессионалы.

Медленными шажками, плотно ставя ногу к ноге, я двигался по все расширяющейся спирали. Далеко спрятать они не могли, знали, что время будет дорого. И тем не менее... Нет, это не то. Плотная почва, пружинящая трава... Глупо, если они надумали положить сверху толстый квадрат дёрна, не оставив под ним пустоты: тогда я при всем желании не смогу нащупать. В конце концов мой вес... Эп!

Было от чего вскрикнуть чуть ли не вслух: правая нога не успела еще как следует опуститься на траву, как дерн ухнул куда-то вниз — и нога устремилась за ним, заставив меня упасть. Яма оказалась чуть ли в полметра глубиной. Да нет, где там полметра, глубже! Голеностоп пронзила нехорошая боль. Пока я высвобождал ногу из ямы, хотелось выть. Очень похоже на вывих — как нельзя более кстати... Ну, мастера, ну, мыслители!..

Нога наконец вернулась на поверхность, боль, казалось, все усиливалась, но я, стараясь не орать вслух, лег на живот и запустил в яму руку. Да, это была передача. Я извлек маленькую брезентовую, с пленкой внутри, сумку. В ней оказалось куда меньше, чем мне хотелось бы, но вещи были полезными: фонарик — один, пистолет — один, запасная обойма — одна, сложенный листок бумаги тоже в единственном числе. Что же, и на том спасибо. Если бы они еще догадались засыпать все это землей, только не утрамбовы-

вая ее, не было бы необходимости ломать ноги. Костыля они, к сожалению, к посылке не присоединили.

Ладно. Как говорится, так или не так — перетакивать не будем. Я снял куртку, снова лег, засунул под куртку бумажку, фонарь и собственную голову. Как я и надеялся, был нарисован маршрут. Профессионально, с указанием на север — юг. Жаль только, что здешние созвездия были мне совершенно неизвестны. Судя по плану, надо было держать на запад, оставляя справа единственное, по-видимому, в этой округе населенное место; выйти на дорогу, и по ней свернуть налево. Что будет дальше — схема не указывала, да и не могла. Дальше будет, что будет.

Значит, на запад... Я рассовал все полученное по карманам, платком вытер мокрые ноги и стал обуваться. Правая нога упорно сопротивлялась этому; даже прикосновение к ней вызывало злобную реакцию вышедшего из себя сустава. Я попытался сам вправить вывих; не получилось; наверное, чересчур жалел сам себя. Что сейчас? Надо добраться до леса — полянка была метров сорока в поперечнике и я находился почти в центре; ничего, столько мы преодолеем и на одной, обутой ноге — вприпрыжку. Там попытаемся найти или выломать палку и определить север. И — в путь.

Так я и сделал. Если мох на деревьях растет в Ассарте по таким же правилам, как на Земле, то направление я избрал в принципе верное. Выбрать, однако — полдела, надо его еще преодолеть... После некоторой возни — ножа у меня не было, а пистолет в таком деле плохой помощник,— я выломал сук, на который можно было опереться. Идти, конечно, я не мог — в лучшем случае ковылять. Но лучше даже видимость дела, чем полное бездействие.

Я одолел примерно километр, и с каждым метром мне становилось хуже, нога болела все сильнее. Наконец настал миг, когда я совершенно ясно понял, что ни до какой дороги мне не добраться. Нужен был кто-то, кто вправит мне сустав; сам я попробовал еще раз и понял, что это не по моим способностям. И все же надо было идти. Тогда я придумал такую штуку: вытащил брючный ремень и как мог туго привязал палку к ущербной ноге — так, что конец ее торчал ниже стопы — на этот конец можно было опираться, и усилие передавалось на голень, минуя дефектный сустав. Пошло несколько веселее, хотя ремень то и дело сползал и его приходилось водворять на место,— и я совсем уже поверил было, что доберусь до дороги, а там меня кто-нибудь да подберет; однако тут трава кончилась и начался сухой песок и все опять сделалось очень плохо. Потому что палка охотно уходила в песок, и нога вынуждена была раз за разом упираться в него — и каждый раз сустав протестовал все громче. Я позволил себе посидеть несколько минут, переводя дыхание и успокаивая боль; осторожно ощупав пальцами лодыжку, понял, что она уже опухла почти до упора — и, наверное, будет

продолжать в том же духе. Кстати был бы холодный компресс, но воды не было, даже чтобы напиться — а я и в этом испытывал все более серьезную потребность. Сведя воедино все эти обстоятельства, я понял, что единственный более или менее приемлемый выход в моем положении заключался в том, чтобы добраться до обозначенного на схеме обитаемого места и попросить там первой помощи, а если повезет — и ночлега. Бояться местных жителей у меня не было причины: я вполне мог сойти за их соотечественника, потому что одет был, разумеется, во все ассартское, язык был в меня вложен крепко-накрепко, и даже сочиненная на всякий случай легенда — кто я и откуда — прочно сидела в памяти. Конечно, серьезный допрос расколол бы меня довольно быстро, но тут его опасаться вроде бы не приходилось, от обитающих здесь отшельников вряд ли следовало ожидать проявления сыскных инстинктов. Так что оставалось одно: свернуть с маршрута и добираться до жилья. Хотя бы доползти до него.

Ползти как раз и пришлось — на четвереньках, потому что нога совершенно уже отказалась служить и мне минутами чудилось даже, что она торчит как-то под прямым углом к остальному телу — что, разумеется, было лишь игрой воображения. Я пополз, уповая единственно на свое чувство направления. Было уже совершенно темно, хоть глаз выколи; не знаю, за сколько времени, но я преодолел песчаное поле, по траве пробираться стало легче. Впереди уже угадывалась масса более густого мрака, чем тот, что окружал меня; это вполне могли быть деревья. Но одновременно я ощутил впереди и нечто другое, чуждое. Я рискнул и, вытащив фонарик, на мгновение включил его. То была хорошая, добротная колючая проволока на бетонных, похоже, столбиках, высотой забор был метров до трех. Та-ак. Проволока была не на изоляторах, но бетон и сам по себе неплохо изолирует, так что ограда вполне могла находиться под током. С одной стороны — чего ради? Может быть, огорожено просто пастбище — чтобы скотина не разбредалась; но мои друзья не потрудились указать, что тут такое находится — не рассчитывали, верно, что мне такая информация понадобится,— а это мог вполне быть и, скажем, склад боеприпасов или какое-нибудь секретное заведение... Во всяком случае, мне не захотелось использовать себя в качестве вольтметра; с другой стороны, ограда свидетельствовала, что я продвигаюсь правильно. Пришлось, жертвуя временем, подкапываться под нижний ряд проволоки. Лопатка для меня, естественно, тоже не была припасена, пришлось орудовать наподобие крота — руками. Все же я прополз и, даже не попытавшись замаскировать место нарушения границы, последовал дальше. Метрах в десяти обнаружилось еще одно препятствие. На этот раз им оказался высоченный забор из кованых железных прутьев; решетка была, как мне показалось при мгновенной вспышке фонарика,

выполнена художественно — мастером, а не просто деревенским кузнецом,— но мне от этого легче не было. Забор опирался на бетонный фундамент. Так что путь здесь был прегражден надежно — и сверху, и снизу.

Может быть, самым разумным сейчас было бы — отступиться, отдохнуть немного и попытаться найти какой-то более приемлемый вариант. Но во мне уже взыграло любопытство: что же такое прячут за решеткой во всеми забытом уголке? Мне не пришло тогда в голову простое решение: оттого-то угол этот и заброшен, что в нем что-то такое прячется, чему чужое соседство противопоказано. Любопытство оказалось настолько сильным, что даже нога, кажется, стала болеть меньше: в конце концов, это была моя нога, а значит, не менее любознательная, чем я сам.

Не имея возможности преодолеть решетку, я встал на ногу, коленом другой оперся о фундамент, ухватился за прутья и попытался что-нибудь разглядеть за деревьями, что поднимались по ту сторону ограды. Сперва это показалось мне безнадежной затеей; но у нашего зрения есть свои резервы. И постепенно я пришел к выводу, что за ними наличествует некое строение, здание, причем не крестьянский дом, а что-то покрупнее. Понял я также, что наблюдения будут куда успешнее, если я продвинусь вдоль забора влево — там, показалось мне, деревья росли пореже. Я пополз, правым плечом все время ощущая фундамент. Потом, через сколько-то метров, фундамент исчез. Я остановился, пошарил вокруг и понял, что забор здесь свернул направо. Пришлось и мне менять направление. Еще метров через двадцать у меня возникло ощущение близости людей. Я сразу же остановился и напряг слух. Ощущение не обмануло: я услышал голоса. Два: женский и мужской. Приглушенные, но один раз женщина рассмеялась, неприятно привизгивая. Голоса — а следовательно, и люди — оставались на том же месте; это позволяло предположить, что там имелась калитка или ворота — одним словом, проход. Моя задача конкретизировалась. Я снова пустился в путь. Голоса становились все яснее, и я, при всем отсутствии практики, начал уже разбирать сначала слова, а потом и целые обороты речи. Слова, а еще более — интонация, позволили мне довольно быстро сообразить, в чем дело. Тема разговора была стара, как сама жизнь: один уговаривал, другой неохотно, как-то неуверенно сопротивлялся. Необычным (для меня) оказалось лишь то, что в данном случае активной стороной выступала дама. Когда ей все же удалось уговорить своего партнера и они, сойдя с места, на секунду-другую оказались передо мной на фоне уже слабо светлевшего у меня за спиной (так что подобие света падало на них) неба — я понял причину удивившего меня расклада: мужчина был вооружен. Следовательно, он находился на посту и не сразу решился его покинуть. Я терпеливо обождал, пока они, исчезнув

в траве, не проделали необходимой разминки; когда же игра пошла всерьез (судя по доносившимся звукам), я безбоязненно двинулся вперед — думаю, если бы я даже подъезжал на танке, часовой не среагировал бы. Так и есть — тут ограда упиралась в башенку с воротами и калиткой, благополучно продолжаясь по другую сторону сооружения. Я мысленно возблагодарил природу за то, что на свете еще существует любовь, нырнул в приоткрытую калитку и заторопился дальше — к тому белому дому, который заметил из-за деревьев. Не знаю, насколько разумно было ползти именно к дому — может быть, лучше было бы подождать, пока страсти улягутся, и попросить помощи у любовников: женщины в таких ситуациях бывают добры и отзывчивы к страданиям ближнего. Однако дом слишком уж заинтересовал меня; во всяком случае, другого объяснения я и сейчас не могу найти — разве что сослаться на интуицию. Может быть, то и на самом деле была она.

Дом оказался куда больше, чем казалось мне издали. Был он старой архитектуры, с башенками, эркерами, стрельчатыми окнами, галереями на каждом из трех его этажей. Впрочем, может быть, на Ассарте именно такая мода господствовала сейчас — я судил по земным меркам. Окна были темны. Я успел определить, что, кроме главного входа, в доме были еще и другие, и обрадовался: уж какой-нибудь из них мне удастся уговорить,— и стал прикидывать, куда лучше направить — не стопы свои, но ладони и колени.

Я находился примерно на полдороге между калиткой и домом, и полз не по подъездной дороге, достаточно широкой для двух машин, а сбоку, вплотную к росшему по обе ее стороны кустарнику, когда позади — за моей спиной и за оградой — раздался крик, и почти сразу — второй. Кричала женщина, переживавшая момент счастья; в этот миг она уже не помнила и не понимала ничего, кроме бьющего через край ощущения полноты и великолепия жизни. Это не всякой дано, и даже из тех, кому дано, не всякой удается достичь его — это зависит и от партнера,— но вот ей сейчас удалось. Я порадовался за нее, а за себя огорчился.

И не напрасно. Потому что едва я успел проползти еще несколько шагов, как услышал звук открывшейся двери, и на галерее первого (но на метр с лишним поднятого над уровнем почвы) этажа появилась светлая фигура. Человек. Если бы он спал, этот крик вряд ли разбудил бы его — хотя бывают люди с очень чутким сном; но вернее — человек не спал и теперь вышел навести справки. Он постоял у балюстрады (я лежал, прижавшись к кустам, тихий, как покойник), потом сделал несколько шагов к сходившей вниз широкой лестнице, вновь остановился и громко спросил:

— Атина, это ты?

Ответа, разумеется, не последовало,— не думаю, чтобы там ее услыхали, тут надо было бы орать во весь голос,— и женщина

(судя по голосу, это была именно женщина), поколебавшись, ступила на лестницу и начала спускаться. И тут меня что-то словно толкнуло. Я встал,— больная нога, словно оценив серьезность положения, позволила даже опереться на нее и даже сделать несколько шагов вперед. Я остановился посреди дороги, так что женщина никак не могла не заметить меня. И заметила.

— Это вы, Серт? — спросила она, потому что в темноте, конечно, не могла разглядеть ее лица, как и я ее.— Что происходит? Я слышала крик. Какое-то несчастье? Что с Атиной?

— С ней просто любовь, донка-ла,— ответил я, употребив самое почтительное из известных мне обращений к высокопоставленной даме (согласно старой мудрости: лучше пересолить, чем недосолить; мудрость эта не для кухни, но на службе она, как правило, выручает). Конечно, любовь бывает и несчастьем; но не в этом случае.

Услыхав мой голос, женщина остановилась как вкопанная. Чувствовалось, что она напряглась. Однако я рассчитал верно: вряд ли мой ответ мог исходить от злоумышленника. Я тоже стоял неподвижно, стараясь ничем не испугать ее. Тем более что явственно различил в ее полусогнутой руке пистолет. Небольшой, но на расстоянии пяти шагов вполне убедительный.

— Вы не Серт; кто вы? Зачем вы здесь?

— Я не Серт, вы совершенно правы, донка-ла. Я путник. И здесь я потому, что мне нужна срочная помощь.

Кажется, она колебалась.

— Не бойтесь меня,— продолжал я.— К тому же, мне кажется, что Атина и Серт уже в состоянии вас услышать — если вы крикните погромче. Но тогда кричите сейчас: через несколько минут они снова отвернутся от мира.

Мне показалось, что она усмехнулась.

— Вы знаете, какова любовь?

— Знаю,— ответил я с чистым сердцем. Это был, пожалуй, единственный вопрос, на который я мог дать правдивый ответ.

— Что с вами? Какая помощь вам нужна?

— Я вывихнул ногу. Не могу идти. Боюсь, что она сильно распухла.

— К сожалению, поблизости нет ни одного врача. И в доме тоже.

— Но, наверное, кто-нибудь из домочадцев сумеет вправить вывих? Я обещаю не кричать, чтобы не пугать вас. Я не кричу от боли. Только от любви.

(Не знаю, почему я стал разговаривать в таком ключе. Тоже интуиция, наверное.)

Еще поколебавшись, она кивнула.

— Хорошо. Идемте. С вывихом я справлюсь сама.

Я сделал два шага. Она заметила, что перемещаюсь я с трудом.

— Обождите.— Она приблизилась ко мне. Остановилась.— Только имейте в виду: я вооружена.

— Я это понял сразу, донка-ла. И я боюсь вашего оружия. Не того, конечно, что у вас в руке — это меня не пугает.

— Однако, вы... смелы.

— Увы, нет. Я лишь откровенен.

— Но знаете ли вы, с кем разговариваете?

— Кем бы я был, если бы не знал этого? С прекрасной женщиной. Самой прекрасной из всех, кого мне случалось видеть.

Откровенно говоря, я не был на сто процентов уверен в своих словах. Но за девяносто могу поручиться.

Она наконец решилась и подошла ко мне вплотную.

— Обопритесь на мою руку, господин путник.

— Но мне, право, стыдно...

— Я велю,— сказала она голосом, привычным к приказам.

Я повиновался, вдыхая тонкий, горьковатый аромат, исходивший от ее волос. Она поняла.

— Что это за аромат, по-вашему?

— Горькой красоты. Горькой любви, быть может.

Мы подошли к крыльцу.

— Кто вы?

— Путник,— повторил я.

Мы медленно поднялись наверх.

— Ну что же,— негромко сказала она.— Может быть, так лучше.

— Несомненно,— согласился я. Она повернула голову.

— Вы знаете, о чем я?

— Я знаю, что это сказали вы. Этого достаточно.

Она покачала головой — то ли удивляясь мне, то ли осуждая.

— Вы всегда такой?

— Нет.

Мы вошли в дом. Задержавшись у двери, женщина включила свет. Я осмотрелся и не сдержал удивленного восклицания:

— О!

И в самом деле, разглядывая дом снаружи, можно было заключить лишь, что он стар и надежно построен. Тем неожиданнее было то, что открывалось взгляду внутри. Обширный холл, резные панели какого-то, наверняка ценного, судя по глубокому коричневому с золотистым отливом цвету, дерева; набранный из самоцветов пол, на который просто жалко было ступать; резные колонны такого же дерева, уходившие на шестиметровую высоту, где тяжелые балки перекрещивались, давая опору потолку, с которого свисала на цепях массивная люстра желтого металла (я не очень удивился бы, если бы мне сказали, что она из золота, хотя не думаю, чтобы на самом деле было так). Две резных лестницы в противоположных

концах помещения уводили наверх. Вокруг, на некотором расстоянии от стен, размещались диваны, кресла, столики — судя по стилю, очень старые, хотя не исключено, что то была лишь стилизация. На стенах, выше панели — портреты. Бородатые, усатые и чисто выбритые, в костюмах разных эпох, они были схожи выражением лиц, сурово-повелительным. Портреты были хороши, устремленные на зрителя глаза обжигали. Я невольно поежился.

Кажется, женщина осталась довольна произведенным впечатлением, но постаралась не показать этого. Она помогла мне добраться до ближайшего кресла.

— Садитесь.

— Я так грязен, мадам...

(На самом деле сказано было все то же «донка-ла». Но сейчас, когда я рассказываю об этом, мне легче пользоваться терминологией Земли.)

— О, пустяки. Хотя... тогда на этот диван, кожаный. Вы босиком? Может быть, вы путешествуете по обету?

— В какой-то степени, мадам.

Она чуть улыбнулась.

— Что же, мне нравятся люди со странностями. А теперь займемся вашей ногой.

— Может быть, прежде я бы помыл ее...

— Потом. Сейчас горячая вода только повредит.— Она опустилась на колени, задумалась на несколько секунд, видимо, прикидывая, как совершить предстоящее действие. А я во все глаза смотрел на нее и радовался.

Все последнее время — после того, как я остался один,— я как-то не замечал женщин. Они просто перестали восприниматься как женщины, не вызывали больше никакого интереса, хотя раньше это было совершенно иначе, и я, может быть, слишком часто глазел по сторонам. Меня некоторое время после происшедшей перемены даже озадачивало — как сразу она совершилась: мгновенный скачок от точки кипения к нулевой температуре. Довольно быстро я к этому привык и нашел, что так жить легче. И только сейчас — может быть, сама необычность обстановки тому способствовала — я снова воспринял женщину именно как женщину. Нет, то никак не было реакцией изголодавшегося солдата; скорее — как если бы вы вдруг после долгого перерыва услыхали некогда любимую музыку и с удивлением поняли, что, как бы вы ни менялись, музыка остается такой же прекрасной и так же действует на ваши чувства. Вот с таким примерно ощущением я смотрел сейчас на склонившуюся передо мной женщину с несколько удлиненным овалом лица, безукоризненно-правильными (по земным понятиям, во всяком случае) чертами лица, тонким и гордым носом, решительно изогнутыми губами. Никакого другого желания во мне не возникло — только смотреть. И

это было очень радостно: оказывается, произведения искусства еще интересовали меня, еще волновали...

Я совсем забыл о своей ноге; и когда женщина сказала мне: «Обопритесь руками... Сейчас будет больно... Ну!» — я не сразу сообразил, чего от меня ожидают, и выполнил ее указание почти машинально. В следующий миг ветвистая, усеянная шипами боль пронзила меня от пят до головы. Мне стоило большого труда не закричать. Но я удержался.

— Ну вот и все,— сказала женщина, поднимаясь с колен и оправляя на себе нечто облачно-туманное, взбитое, что было на ней надето.— Боль скоро пройдет. Если хотите, я могу применить обезболивающее.

— Нет,— сказал я, переведя дыхание.— Пусть будет так.

— Хорошо. Сейчас я велю Атине вымыть вас...

— Ни в коем случае, мадам,— возмутился я.— С этим я всегда справляюсь сам!

— Очень хорошо.— Она, не скрывая, внимательно наблюдала за мной.— В таком случае, я попрошу, чтобы для вас подыскали какую-нибудь одежду. Эту придется облить бензином и сжечь (она, разумеется, сказала не «бензин», а «схип», но ведь мы и вообще говорили по-ассартски), она не придает вам достоинства.

— Как вам угодно, мадам.— Я нагнул голову, одновременно прислушиваясь к утихающей боли.

— Вы, вероятно, проголодались, господин путник по обету?

Откровенно говоря, так оно и было. Я кивнул.

— В таком случае, после ванны... это будет уже ранний завтрак. Что вам угодно будет получить на завтрак?

— О, на ваше усмотрение, мадам; я буду благодарен за все.

— Вы очень непритязательны... Атина!

Она произнесла это негромко, но уже через секунду-другую внутри дома послышались шаги. Вошла служанка. Я посмотрел на нее. Откровенно говоря, у меня успело сложиться несколько иное представление о женщине, что упоенно предавалась любви в траве. Хотя — любви все возрасты покорны...

— Приготовьте ванну, Атина, и посмотрите в гардеробе хозяина... Старого хозяина... что-нибудь, что подошло бы господину,— она кивнула в мою сторону.— Потом проводите его в ванну.

— Да, хозяйка.— Служанка присела.— Сию минуту, хозяйка.

Она унеслась. Я глядел ей вслед. Когда я снова перевел взгляд на хозяйку, то увидел на ее губах откровенную усмешку.

— Что-нибудь не так, мадам?

Она на миг стала серьезной.

— Все не так... Хотя...

Не договорив, она повернулась и вышла. Атина уже входила, чтобы отвести меня, куда было приказано.

Примерно через час я не без сожаления покинул ванну; но голод уж слишком настойчиво напоминал о себе — по мере того, как боль в ноге утихала. Я полагал, что хозяйка легла досыпать, и не думал, что заставляю ее ждать. Однако, когда Атина отконвоировала меня в обширный зал, служивший, судя по всему, столовой, женщина оказалась там; она уже сидела за столом, размерами напоминавшим теннисный корт (хотя и без коридоров для парной игры). Женщина жестом пригласила меня сесть — не рядом с нею, во главе стола, где стоял еще один стул, но сбоку, справа от нее. Я послушно уселся. И понял, что снова попал в затруднительное положение. Мне наверняка следовало предложить даме что-то из множества яств, которыми был уставлен стол; но черт меня возьми, если я мог назвать хоть одно из них или хотя бы определить, что из чего приготовлено. Женщина, как бы не замечая, что загнала меня в тупик (но, в конце концов, у меня просто не было времени, чтобы изучить ассартианский быт во всех его деталях!), предложила сама:

— Прошу вас, не стесняйтесь и простите за скудость выбора. Советую вам начать с липота... вот это — житар из парты... Грудка шушника — правда, соус очень острый, из китранских молав. Налейте мне, пожалуйста, кирбо, а себе — по вашему выбору...

Я беспомощно водил глазами по столу. Будь там бутылки с этикетками, я разобрался бы: настолько я владел языком. Но все было в хрустальных графинах и различалось лишь цветом; что-то было налито, вероятно, и в два серебряных кувшина, стоявших там же; но тут даже и цвет напитка оставался загадкой. Я попытался сделать обходный маневр, рискуя прослыть неотесанным вахлаком:

— Мадам, насколько было бы приятней, если бы вы своими руками...

— Я понимаю: болит нога...— Она произнесла это серьезно, но глаза ее — большие, серо-зеленые — откровенно смеялись.— Я с удовольствием поухаживаю за вами... Мне следовало бы понять сразу.

Она налила мне и себе чего-то темно-красного из графина, добавила светлой жидкости из кувшина. Положила на тарелку что-то — белое, залитое коричневым соусом.

— За ваш путь,— сказала она, поднимая бокал.

Я ухватился за свой и чуть не потянулся чокаться, но вовремя вспомнил, что на Ассарте это не принято. Выпил. Вкусное и крепкое. И с внутренним отчаянием (так бросаются в холодную воду) принялся за закуску. Вместо вилок здесь полагались плоские лопатки с короткими зубчиками с одной стороны; я постарался орудовать ими как можно непринужденнее.

Я наелся быстрее, чем ожидал; дама давно уже отложила свою лопатку и сидела, глядя куда-то вдаль и изредка отпивая из бокала

уже что-то другое, зеленоватое. Когда я наконец отвалился от стола, она перевела взгляд на меня и еще несколько секунд помолчала. Под ее взглядом я почувствовал себя неудобно — ощущение было таким, словно меня насадили на вертел и сейчас начнут поджаривать.

В общем, так оно и получилось. Потому что она тут же сказала:

— Ну, а теперь, господин путник, расскажите мне сказку. Я люблю слушать сказки по ночам.

— Сказку мадам? Я не уверен...

— Но вы ведь все равно начнете рассказывать мне сказку, если я спрошу вас, кто вы и откуда.

Черт, она была права. У меня уже просилась на язык разработанная нами легенда.

— Мадам, почему вы...

— Погодите, я не закончила. Хочу предупредить вас: вымысел о путешествии по обету, или же о нападении, при котором вы лишились всего, или о заблудившемся горожанине — и так далее, и тому подобное — исключается. Вы не горожанин и не фермер, не купец и не ученый, и не инженер, и не солдат, и уж подавно не принадлежите к Сфере Власти. То есть, может быть, вы — и то, и другое, и какое угодно по счету, но с одной оговоркой: не здесь. Короче — вы не ассартианин.

— Но мадам, что дало вам повод...

— Да все на свете. Если бы вы хотя бы прожили на Ассарте достаточно продолжительное время, вы бы знали: что в высших семьях принято всех слуг называть одним именем — легче для запоминания, а отзывается всегда ближайший; что житар никогда не подают на завтрак; что, отказываясь от служанки при купании, вы наносите серьезную обиду хозяину...

Она была совершенно права; но ведь мы рассчитывали, что у меня здесь найдется хоть какое-то время для изучения именно обычаев, правил и всего такого — и не моя вина, что все получилось так, а не иначе. Однако, независимо от причин, это был провал. И надо было уходить немедленно.

— Мадам, я...

— Помолчите еще,— сказала она повелительно.— И, наконец, вы даже не знаете, куда попали и с кем разговариваете. Нет-нет, мне были очень приятны ваши слова. Любой женщине они были бы приятны. Но всякий ассартианин скажет вам, что с Жемчужиной Власти разговаривают не так. И любой ассартианин с первого взгляда понял бы, что находится в Летней Обители Властелинов — и вел бы себя соответственно. Итак, я объяснила вам, чего не следует касаться в вашей сказке. Потому что сказка хороша, когда она правдоподобна. В сказку нужно верить, иначе незачем слушать ее. Вы готовы?

Да, я, пожалуй, успел уже в какой-то степени прийти в себя.

— Мадам,— сказал я.— Предположим, что вы правы. Поэтому скажу вам лишь одно — и это не будет сказкой: кем бы я ни был и каковы бы ни были мои цели — в них нет ничего такого, что грозило бы вам, вашей власти, вашим близким и приближенным. А теперь позвольте от всего сердца поблагодарить вас за гостеприимство и помощь и уйти. Мне не хотелось бы, чтобы мне пытались помешать в этом.

Жемчужина Власти усмехнулась.

— И тем не менее, я задержу вас. В ваших интересах: вам необходимо хотя бы отдохнуть в нормальных условиях. Здесь вы в полной безопасности. Сейчас вы настолько устали, что я даже не расспрашиваю вас всерьез. Но когда вы проснетесь — вы мне расскажете все. Быть может, даже несколько раньше... Господин путник, ускользнуть вам сейчас никак не удастся: все выходы заперты и стража больше не будет предаваться страсти, пока ее не сменят. Оцените положение — и согласитесь. Потому что я ведь обойдусь и без вашего согласия...

Я секунду подумал. Меня несколько встревожили ее слова: я расскажу ей все, еще не успев проснуться. Что же, она могла заранее подсыпать мне что-то в еду, в питье... Или, когда я усну, подключить какую-нибудь аппаратуру и заставить меня в бессознательном состоянии выболтать все на свете. Но отдохнуть и вправду следовало. Что же: если нужно, я могу и не спать сутки-другие даже без стимуляторов. А нога тем временем придет в полный порядок.

— Я верю вам, мадам. Я согласен.

— Очень хорошо. Атина!

Вот эта вполне могла бы оказаться там, у ворот. Я пригляделся. Могу поспорить — это она и была. Что же, солдату повезло.

— Проводи господина в спальню для великих донков. Но не задерживайся!

Последние слова были сказаны с расстановкой.

— О да, хозяйка. Ни в коем случае, хозяйка!

Я встал, отвесил даме поклон и секунду смотрел на нее. Я не был уверен, что увижусь с нею утром: исчезнуть все-таки следовало прежде, чем она продолжит свой допрос. Ничего, если нога будет в порядке, их решетка меня не остановит... Но мне хотелось запомнить ее облик. Она выдержала мой взгляд, не моргнув.

— Желаю вам приятных снов, путник.

— И вам, мадам.

— Я постараюсь...

Сон мой был более чем приятен.

Мне снилось, что служанка повела меня к лестнице и довела

до спальни на втором этаже. Едва успев показать мне все, что следовало, она выбежала с такой скоростью, будто я собирался загрызть ее. Хотя, видит Бог, у меня не было таких намерений.

Мне снилось, что я разделся, поискал пижаму и не обнаружил ее. Вероятно, здесь предпочитали спать нагишом (еще один пробел в моем образовании; впрочем, сейчас это было уже все равно). Я лег на широченную кровать и накрылся легчайшим и теплым одеялом. И твердо решил не спать.

Дальше мне приснилось, что дверь отворилась и в спальню вошла Жемчужина Власти. Но уже не в облачном наряде, а в чем-то что, строго говоря, не было ничем. Я попытался встать, но вспомнил, что на мне-то уж и подлинно ничего нет. Она подошла и остановилась у кровати.

— Ты не ассартианин,— сказала она.— И в этом — мое спасение.

Она сделала паузу.

— День тому назад меня насиловали на глазах всего мира.

Я пискнул что-то, но она повелительно протянула руку.

— После этого я решила не жить. Но сейчас поняла, что есть иной выход. Отплатить. Тогда я смогу жить дальше.

Движением плеч она сбросила на пол то воображаемое, что на ней было. Она была ослепительна.

— Этой ночью я тоже хочу кричать от любви.

Еще мне снилось, что была любовь. В криках, в стонах, в горьком аромате ее благовоний, в поту, в сплетении, когда уже не различить, кто где.

И очень много слов. Говорила она. Говорил я. И она. И я. И...

И снова стоны. Кажется, кричал и я. Хотя мне это не свойственно.

Такими были сны.

Потом я проснулся. Стояла еще глубокая ночь. Рядом со мной лежала Ястра, беззвучно дыша. Ее рука покоилась на моей груди.

Я поцеловал ее, стараясь не разбудить. Мне было странно. Я не хотел и не искал ничего подобного и внутренне не был готов. Но так получилось; может быть, следовало пожалеть об этом, но у меня не было сожаления. Я знал, что когда-нибудь потом меня упрекнут в этом. Но сейчас, наверное, нельзя было поступить иначе. Не ради меня. Ради Ястры. Могущественные тоже бывают слабы...

Я выскользнул из постели, осторожно переложив руку женщины на скомканную простыню. Что-то не позволяло мне вновь безмятежно уснуть. Нечто такое, что я знал, но сейчас никак не мог вспомнить. Подсознание предупреждало о какой-то опасности. Никогда не следует пренебрегать подобными сигналами.

Я быстро оделся и, бесшумно ступая, подошел к двери. Оглянулся. Ястра крепко спала; наверное, душа ее нашла пусть хоть небольшое успокоение. Буду рад, если так... Дверь отворилась без единого звука, и я вышел в холл второго этажа. Толстый ковер скрадывал шаги, так что можно было двигаться свободнее. Я сделал несколько шагов и остановился, пытаясь все-таки понять, что именно меня беспокоило и как надо было поступить, чтобы тревога исчезла. Однако никаких идей не возникало. Я хотел было подойти к огромному окну, целиком занимавшему одну из стен холла и выходившему на висячую галерею. Однако в последний миг передумал — и, как оказалось, правильно.

Правильно — потому что в следующее мгновение мне почудилось, что мгла по ту сторону окна странным образом уплотнилась. Я замер, напрягаясь, приводя себя из расслабленного состояния в боевое. Пятясь, отступил к стене, остановился в простенке между той дверью, за которой спала Ястра, и другой — что было за нею, я не знал. Я был безоружен, но это меня не очень беспокоило: на Ферме меня вооружили умением, которое стоило многих стволов и лезвий. Теперь я почувствовал, что готов применить его. Оставалось лишь ждать развития событий.

Они не замедлили произойти. Я не увидел даже, но почувствовал по едва уловимому движению воздуха, что одна из створок окна отворилась, постояла открытой не более секунды и мягко притворилась снова. Незваный гость был уже здесь — я ощутил его присутствие так же уверенно, как если бы видел его глазами; однако в этой преисподней темноте я не мог увидеть ничего — зато и он тоже. Так что я находился в выигрышном положении: я знал, что он тут, а он, похоже, и не подозревал о моем присутствии.

Воздух снова едва ощутимо заколебался; это означало, что пришелец, выждав, чтобы убедиться, что его приход остался незамеченным, двинулся вперед. Видимо, у него не было точного представления о планировке этажа, и он стал обходить холл по периметру. Остановился подле первой, считая от него, двери. Медленно-медленно приотворил, затем рывком распахнул настежь. Сделал шаг и остановился в проеме — наверное, вслушивался. Комната оказалась пустой. Он отступил, затворил дверь. Пока он изучал ту комнату, я успел опуститься на корточки, сгруппироваться, чтобы в нужное мгновение распрямиться взрывным движением и ударить. Человек приблизился, теперь я слышал его дыхание — глубокое, размеренное, вовсе не говорящее о страхе или хотя бы волнении. Поведение гостя свидетельствовало об известном опыте. Интересно, что он все-таки ищет? Кто он? Вор? Или хуже? Почему-то воровская версия не вызвала у меня доверия: слишком просто это было бы. Вор не станет просачиваться сквозь охрану, не станет рисковать жизнью — но не может ведь быть, чтобы он не знал, куда вламывается...

Пока я размышлял, человек сделал попытку отворить вторую дверь — совсем рядом со мной. Мне пришлось некоторое время не дышать, иначе он непременно услышал бы. Дверь оказалась запертой. Однако взломщик не собирался мириться с неудачей. Едва слышное бряканье, потом звук металла, трущегося о металл, сказали мне, что у человека было кое-какое техническое оснащение. Он отпер замок не более чем за три секунды. Дверь покорно отворилась. Я решил, что больше ждать нечего.

Он стоял ко мне правым боком, левой рукой придерживая отворенную дверь, и вслушивался, пытаясь понять, обитаема ли комната, или пуста. То, что она оказалась запертой, ни о чем не говорило: комнаты могли оказаться и смежными, и за запертой дверью вполне возможно было обнаружить спящего — или даже не спящего человека. Я не стал дожидаться, пока он придет к какому-нибудь выводу. Рывком распрямившись, я взлетел в воздух и сплетенными кистями рук с размаху рубанул его по голове.

Вернее, по тому месту, где, по моим соображениям, должна была находиться его голова. Ничего подобного: там оказалось плечо. Гость, похоже, был на голову выше, чем я предполагал. Порази я его в голову, он вырубился бы мгновенно; но голова уцелела. Правда, я тут же понял, что его правая выключена из борьбы: что-то глухо стукнулось о ковер — предмет, который он сжимал в правой руке. Как ни неожиданна была моя атака, человек лишь едва слышно крякнул — видимо, попадать в неожиданные ситуации не было для него непривычным делом. Чтобы не позволить ему оценить обстановку, я сделал поворот вокруг оси и ударил ногой; в пустоту — он успел отскочить. Тогда я решительно шагнул вперед и применил один из тех приемов, какими только на Ферме, пожалуй, и владели: когда не надо даже прикасаться к противнику. Странно, однако он устоял, и это красноречиво свидетельствовало о том, что и ему приходилось проходить подобную же подготовку. Ага, вот, значит, какие дела... Любопытно, как он поступит теперь. Попытается взять меня на подобный же прием или применит иную уловку?

Он поступил самым разумным образом: предпочел исчезнуть. Неуловимый ветерок скользнул, створка окна пропустила налетчика и осталась отворенной. Я усмехнулся: нет, бесполезно ждать, что я подойду, чтобы затворить ее, это для младенцев...

Вместо этого я опустился на колени и, не сводя глаз с окна, принялся шарить руками по ковру. Через несколько секунд рука укололась обо что-то острое; я едва не выругался вслух. Это был нож, длинный, широкий, образцово наточенный. Ну что же — вот я и вооружился... Теперь, пожалуй, пора и закрыть окно.

Чтобы никого не вводить в искушение, я добрался до окна ползком и левой рукой затворил его, готовый в любой миг ударить, если потребуется, трофейным ножом. Не потребовалось. Видимо, посети-

тель признал свое поражение и предпочел удалиться, не ожидая продолжения. Разумно, весьма разумно... Я встал, запер окно, проверил заодно и все другие створки и повернулся, чтобы возвратиться в спальню.

И только теперь я сообразил наконец, какая мысль все время подсознательно тревожила меня. Я вспомнил подслушанный на Заставе разговор о том, что из игры надо вывести — ее. «Она» — это была Ястра; стоило понять это, как становился ясным и нынешний визит, и то, чего следовало еще ожидать и опасаться. Да, можно считать, что ей повезло, когда она решила приютить меня. Да и мне тоже. Во всяком случае, никак нельзя сейчас бросить ее на произвол судьбы. Ее табельная охрана ни гроша не стоила — это я понял еще раньше.

Еще постояв и прислушавшись, и не уловив ничего подозрительного, я вернулся в спальню.

Ястра не спала — или делала вид, что не спит. Опираясь на локоть, она приподнялась в постели.

— Что там было такое? — спросила она, сонно растягивая слова.— И куда ты девался?

— Выходил посидеть в холле. Ничего не случилось; просто в темноте зацепился за ковер, чуть не упал.

— Надо было включить свет... А вообще — пожалуйста, не исчезай среди ночи. Хорошо?

— Хорошо,— пробормотал я.— Не буду.

— И вообще... Ты помнишь, что успел рассказать мне все?

Честное слово, я не помнил. Но сразу поверил ей.

— Ты уже назначен моим советником,— сказала она.— Мне такой полагается.— Она улыбнулась.— Штатный любовник. Так скажут. Ну и пусть.

Советник... Черт, а ведь это очень кстати! — мгновенно сообразил я. Хотя подозреваю, что кроме холодной логики здесь сыграло роль и другое: мне просто не хотелось расставаться с нею.

— О да, хозяйка,— ответил я.— Конечно, хозяйка.

Тут она засмеялась — как смеется женщина, изнасилованная и отомстившая насильнику.

— Завтра я еду на Проводы моего покойного мужа,— сказала она.— А еще через пару дней придется присутствовать на моем собственном бракосочетании. Успокойся: не с тобой.

— Однако, ты не теряешь времени.

— Как иноземцу объясняю: таков закон. Таков Порядок. Но все это время, и потом тоже, я буду нуждаться в твоем совете.

— Это называется советом? — спросил я.

Она проследила за моим взглядом.

— О, бесстыдник! — сказала она.— Ну, я встаю. Не смей отворачиваться!

3

Весь Ассарт оделся в траур.

На флагштоках, мачтах кораблей, над воротами и подъездами домов флаги Державы — квадратные полотнища, по диагонали разделенные на золотое и серебряное поля, с черной восьмилучевой звездой в круге посреди диагонали — были спущены до половины и украшены траурными — зеленовато-голубыми — лентами. Это был цвет океана, в глубине которого, по верованию, находили новую, вечную жизнь те, кто прожил отмеренный им срок на суше.

Громадными полотнищами такого же цвета было задрапировано Жилище Власти.

Каждый житель Ассарта понимал, что суша есть нечто временное, ненадежное, размываемое Океаном. *Океан же велик и постоянен.*

Настал день Проводов Властелина в Великую Семью.

Все было закрыто. Транспорт на всей планете не работал. На сутки жизнь прервалась. Лишь один механизм находился в движении: самолет, на котором ковчег с телом усопшего переносился из одного донкалата в другой. В Городе Власти каждого донкалата происходило прощание. Оно занимало полчаса. Донкалатов было двадцать. Церемония началась трое суток назад. Сегодняшний день был заключительным. Властелин вернулся в столицу, чтобы оттуда отправиться к Великой Семье, к которой он отныне принадлежал.

Все, кому полагалось по рангу, и другие, кому было разрешено, собрались на площади напротив Жилища Власти.

Ровно в полдень с холма над городом ударили пушки. Они прогремели восемьдесят семь раз — по числу лет, прожитых ушедшим. *И сразу же распахнулись главные ворота. Их тяжелые броневые* плиты с низким рокотом раскатились в стороны. Колесница с ковчегом выехала на площадь.

Ковчег был похож на лодку с высоко поднятыми и закрученными спиралью форштевнем и ахтерштевнем. Высокие борта были накрыты округлой крышкой. Над ней возвышалась невысокая мачта с двумя полотнищами: выше — Державным, и под ним — с личным штандартом Властелина: золотой рыбой на голубом поле. Династия Властелинов принадлежала к роду Рыбы, издревле самому знатному. Во всяком случае, так учила история.

В погребальную колесницу было запряжено шестнадцать лошадей парами. Лошади были в бирюзового цвета чепраках, над головами их колыхались белые султаны. В колеснице, на каждом углу, навытяжку стояли офицеры Дворцовой гвардии с обнаженными шпагами; то было лишь церемониальное оружие, непригодное для серьезного боя.

Зато Ратанские гвардейцы, чей батальон следовал сразу же за

колесницей, были вооружены как для настоящей войны: кроме ритуальных мечей и копий, они несли на груди лазерные фламмеры, на боку — длинноствольные армейские пистолеты, на другом — кинжалы для рукопашного боя. Покойный Властелин был Почетным Шефом Ратанской гвардии.

За батальоном ехала запряженная четверней коляска. В ней сидел Наследник. Официально он должен был еще два дня оставаться наследником. Лишь после бракосочетания с Жемчужиной Власти он будет всенародно и непреложно признан Властелином.

За коляской Наследника шла рота Черных Тарменаров; Наследник считался их шефом, в то время как Горные Тарменары находились под покровительством Жемчужины Власти, чем немало гордились. В народе ходил слух, что в былые времена молодые жены состарившихся Властелинов выбирали любовников именно среди Горных Тарменаров, и, возможно, некоторое количество Наследников вели свое происхождение именно от них.

Затем, в такой же коляске, следовала Вдова Власти; так должна была именоваться Жемчужина в те немногие дни, что отделяли смерть Властелина и бракосочетание Жемчужины с Рубином Власти, после чего он, как уже сказано, становился Бриллиантом, она же возвращала себе титул Жемчужины.

Затем, за Горными Тарменарами, тоже представленными на церемонии своей Знаменной ротой, шли в строгой иерархии представители Сферы Власти. Первым выступал Ум Совета в сопровождении двух телохранителей, чьей главной задачей было — поддержать его под руки, когда старику станет трудно идти. Ум Совета мог, по преклонному возрасту, тоже воспользоваться коляской, хотя и запряженной лишь парой; то, что он отказался от этого, свидетельствовало о его глубочайшем уважении к требованиям Порядка и к памяти усопшего.

За умом шел Совет Властелина, насчитывавший около двухсот членов.

Дальше следовал Советник Жемчужины Власти — только что неизвестно откуда возникший выскочка в новехоньком, еще не обмявшемся придворном мундире, державшийся, впрочем, весьма уверенно. О его появлении перешептывались, но твердого мнения пока никто еще не составил.

Позади Советника шел немногочисленный Совет Жемчужины — большинство его составляли высокопоставленные дамы среднего возраста; были также два весьма зрелых старца.

Потом мимо зрителей, плотно стоявших по обе стороны проспекта, проследовал генералитет. Его возглавляли командующие силами почвы, воды, воздуха и пространства. Следующая шеренга состояла из командующих силами донкалатов, Народного войска и Внешней защиты.

Шли воины Космического десанта. Те, кто, собственно, и воевал за пределами Планеты. Гвардейские же войска предназначались для действий на поверхности Ассарта — если, не приведи Рыба, дошло бы до этого.

Шли руководители департаментов. Видные промышленники. Торговцы. Инженеры. Ученые. Судьи. Хранители порядка. Кормящие Рыбу. Люди свободных профессий. Фермеры. Школьные учителя.

Замыкал официальную колонну Легион Морского Дна в серебристых чешуйчатых парадных мундирах. Дальше шла толпа.

Колонна казалась бесконечной. Когда погребальная колесница уже достигла гавани, толпа еще не успела покинуть центр Сомонта.

Колесница пересекла набережную и остановилась. Дальше было море. Ехать стало некуда.

Наследник и его гвардия приняли вправо и тоже остановились. Жемчужина — влево. И все новые подходившие группы таким же образом растекались в обе стороны набережной, окаймлявшей обширную бухту.

На внутреннем рейде стояли военные корабли и торговые суда. Флаги были приспущены, команды выстроены на верхней палубе.

По набережной шныряли корреспонденты и мальчишки, продававшие мороженое и прохладительные напитки.

Расположившийся в небольшом отдалении от воды сводный оркестр исполнял попеременно две мелодии: траурный марш и Гимн Державы. Ничего другого.

Когда официальная колонна разместилась на набережной, на вышке, с которой обычно следили за купающимися, появился Старейшина Совета Рыбы. Он поднял руки, потом вытянул их перед собой, сложив ладони чашей. Он вознес просьбу. Никаких речей не полагалось. Такова была традиция. Все человеческие слова были слишком мелкими перед безысходным горем, постигшим Державу.

Когда Просьба завершилась, к стенке гавани самым малым ходом подошел Погребальный катер.

Ковчег был перенесен на него и установлен на палубе. За ним на борт взошли Наследник, Жемчужина, их советники, Министры Верха и командующие. Старейшина Совета Рыбы утвердился на носу. Катер отвалил. Военные корабли салютовали залпами. Кораблей было немного: военный флот по сути был роскошью, он мог бы понадобиться, как и Гвардейские полки, только в случае вторжения на Ассарт, которое не представлялось вероятным. Впрочем, Гвардейцев можно было при крайней нужде все-таки перебросить на другие планеты, что никак не относилось к кораблям. Но традиция требовала, чтобы флот был, и он был.

Катер прошел мимо кораблей и судов и устремился в открытое море.

На набережной продолжал играть оркестр. Усилители разносили музыку далеко вокруг. Сейчас пришла очередь маршей Армии и Флота, Летчиков и Десанта.

Никто уже не мог различить, но все знали, что сейчас происходило в море.

Катер достиг заданной точки, по пеленгам уточнил свое положение и лег в дрейф, слегка подрабатывая машинами, чтобы дувший с берега ветер не сносил его с заданного места.

Шлюпбалки правого борта вынесли Ковчег с палубы. На миг он завис над морем, потом плавно опустился и закачался на легкой зыби.

Тросы отцепились, Ковчег получил свободу.

Всем, кто наблюдал с палубы, показалось, что ковчег, едва заметно набирая скорость, устремился в море.

На самом деле это катер, дав самый малый назад, стал отходить к гавани.

Казалось, что Ковчег удаляется все быстрее, стремительно уменьшаясь в размерах. В действительности же он, принимая воду в специальную балластную часть, шел к дну. Вот уже виднелась только крышка. Мачта с флагом. Вот и флаг постепенно скрылся в воде. Ковчег затонул на ровном киле. Это считалось добрым предзнаменованием.

Едва флаг скрылся, над катером расцвела целая клумба сигнальных ракет.

Орудия флота и расположенные в городе ударили последним салютом.

С катера в воду полетели венки, охапки цветов. Целая флотилия лодок и катеров с желающими бросить в воду цветы уже устремилась от берега.

Катер, после плавной циркуляции, взял курс на то же место, где был принят на борт Ковчег.

Церемония шла к концу. Предстояло лишь возвращение в город, причем во главе теперь поедет Наследник, а за ним зашагают уже не Ратанские гвардейцы, но Черные Тарменары...

Изар и Ястра сидели на мягких стульях в гостевом салоне катера.

— Послушай, что за притча? — спросил Изар.— У тебя советник — мужчина? Да еще неизвестно какого рода-племени? Боюсь, что над тобой будут смеяться.

— Как знать,— ответила Ястра невозмутимо.— Но если и будут... я постараюсь посмеяться последней.

— Может быть, ты все-таки передумаешь?

— Нет.

— Почему?

— Я так хочу. Кстати, ты ведь еще не назначил советника? Для симметрии можешь выбрать женщину.

— Ястра!

— Прошу тебя: оставь меня в покое... хотя бы на время. Мне самой еще очень многое неясно.

— Что тут может быть неясного? Все идет, как должно быть. Ты же... ты же не собираешься откладывать Вторую церемонию?

Она покачала головой.

— Нет. К чему?..— Тут она поняла.— Успокойся. Я не стану бороться с тобой за власть.

Он медленно кивнул, однако выражение тревоги не исчезло с его лица.

— Ястра... я приду сегодня.

Она вскинула голову:

— Нет! Ни за что!

— Тише! Здесь тонкие переборки... Почему? Что изменилось? Неужели дело в этом... проходимце? Стоит мне пальцем шевельнуть — и от него даже следа не останется!

— Какие глупости! Я ведь сказала: мне очень многое неясно — и в тебе, и во мне самой.

Он вздохнул и вышел на палубу. Было грустно. Как знать — не придется ли и ему в скором времени повторить сегодняшний путь — в ковчеге? Два покушения, самое малое, а сколько еще будет? Кто?..

И вдруг его словно ударило: а если это Ястра? И этот человек возле нее — вовсе не случаен...

Он посмотрел. Новый советник стоял на носу, придерживаясь за релинг. Он смотрел вдаль и улыбался.

Изар не был единственным, кого всерьез заинтересовал Советник.

— Послушай-ка... Ты заметил того расфуфыренного малого, что шагал подле Жемчужины, как индейский петух?

— Не только заметил. Я с него глаз не сводил.

— Ну, и?

— Честное слово, напоминает. И фигура его, и походка, манера держаться... Жаль — на таком расстоянии не рассмотреть лица. И поближе никак не подберешься!

— Значит, все-таки он добрался до Ассарта.

— Ну, а ты чего ждал?

— Как он ухитрился сразу попасть в милость у Вдовы Власти?

— Мало ли что бывает. Надо придумать, как до него добраться. Он ведь понятия не имеет, где нас искать. А у него, я думаю, есть связь с Мастером. Вслепую мы долго не проработаем...

Колонна двинулась в обратный путь. Оркестр играл «Атаку».

Почти о том же самом думал и Ульдемир — и в процессии, и на катере, и снова в процессии. Где искать экипаж? Будь он свободен — наверняка нашел бы их быстро. Но теперь он был привязан к Ястре. Не по ее прихоти. А для того, чтобы охранять. А у экипажа, наверное, есть связь с Фермой. Без связи невозможно. Не исключено ведь, что тут же Ястру не защищать надо, а наоборот — как знать?

Он шагал, сохраняя на лице грустное выражение, приличествующее случаю. Кстати, это было совсем не трудно.

4

Итак, в близости ему отказано. Хотя она прекрасно знает, что он и не виноват. Никто не виноват, кроме истории и Порядка.

Неужели они действительно неизменны? Но ведь все зависит от людей. Люди совершают поступки, люди их истолковывают.

Душно здесь, в Жилище Власти. Душно и тягостно.

— Эфат! Одеваться!

Старик материализовался немедленно.

— Куда собирается Бриллиант Власти? — спросил знаток этикета.

— На улицу. В толпу!

— О-о... Уместно ли, Властелин? В такой день...

— Инкогнито. Найди что-нибудь такое...

— Осмелюсь спросить — не лучше ли было бы сейчас навестить прекрасную Вдову Власти?

— Не лучше! — отрубил Изар.— Подыщи — что сойдет для толпы.

— Трудно, Властелин.

— И побыстрее!

— Да, Властелин. Конечно, Властелин.

Старик исчез. Изар подошел к крайнему шкафу. Открыл. Налил. Выпил. Утерся рукавом, хотя платок был в кармане и салфетки — на полочке. Нет. Рукавом. Как в толпе.

— Эфат, ты уснул?

— Старики не спят, Властелин... Вот, я разыскал.

— Что это? Мундир?

— Мундир отставного солдата, Властелин.

— Чем это от него несет?

— От моли, Властелин. Он долго лежал...

— Вытряхни как следует и подай.

— Сию минуту, Бриллиант Власти.

— И позаботься, чтобы у меня был достаточный выбор всяких нарядов... такого типа.

— Да, Властелин. Завтра же... Вот, прошу вас.

— Ну-ка... Широковат, тебе не кажется?
— Зато оружие не будет заметно.
— Ты прав. Раздвинь занавес!
Изар оглядел себя в зеркало.
— А что на голову?
— Есть, есть, Властелин. Вот, прошу вас.
— М-да. Чучело. Сойдет в толпе, Эфат?
— Как нельзя лучше. Что Властелин возьмет с собой?
— Дай «Диктат». И те кинжалы. Они приносят удачу.
Он сунул пистолет во внутренний карман мешковатого мундира, заткнул кинжалы за брючный пояс, застегнулся.
— Ну, вот видите? Снаружи совсем незаметно.
— Ты прав, Эфат. Теперь еще одно: мне не нужна охрана.
— Я боюсь, Властелин...
— Излишне. Я буду крайне осторожен. Но, по легенде, предки не брали охраны в такие вылазки. А времена были пострашнее.
— Верно, Властелин, времена, как рассказывают, были жестокие. Но и сейчас...
— Хорошо, хорошо. Побеседуем потом. Как избавиться от охраны?
— Вам стоит приказать — и они останутся.
— Эти — да. Но я не о них. Я о невидимых.
— Ну... не так просто, конечно. Но можно.
— Научи.
— Увы, Властелин, не смогу. Мне проще вывести вас таким ходом, за которым охрана не следит.
— Разве в Жилище Власти есть такой? Странно.
— Мир полон странных вещей...
— Тогда идем!
Изар вышел вслед за камердинером. Охрана в приемной встрепенулась — он жестом приказал им оставаться на местах. Вышли в коридор. Миновали то место — Изар невольно отвернулся, проходя. Окликнул старика:
— Эфат...
— К услугам?
— Вдова Власти... заняла свои старые комнаты?
— Нет, Властелин. Она приказала перенести все в правое крыло.
— М-да... Ну что же: будем жить просторно. Места много, на всех хватит. Эфат, а куда ты ведешь меня?
— Жилище Власти, Бриллиант, некогда было настоящей крепостью. Не год, не сто лет. Тысячи. Никто не знает, когда были построены первые стены, первые башни. Конечно, до наших дней они не сохранились — во всяком случае, в первоначальном виде; надстраивались, перестраивались, сносились... В крепости когда-то

жили сотни людей: не только Властелины, но и весь двор, и войско, и множество прислуги... Что же удивительного, Властелин, что сейчас нам здесь просторно?

— Ты хитрец, Эфат. Я ведь спросил: куда ты ведешь меня?

— Я и отвечаю на вопрос Бриллианта Власти. На месте, где сейчас стоит большой дом, раньше было множество отдельных построек. И каждая из них имела не только свой главный вход, но и один-два тайных — без таких мало кому известных ходов не обходилась ни одна крепость. Конечно, часть их за долгие годы осыпалась или просто память о них потеряна. Однако другая часть сохранилась. И если нужно покинуть Жилище Власти незаметно...

— А, вот что. По-моему, один такой ход мне известен: он ведет вниз, туда, где находится...

— Властелин! Не нужно громко говорить о том, что находится внизу, в Глубине. Те, кому нужно об этом знать,— знают.

— Ты прав, ты прав. А ты ведешь меня к другому ходу?

— Не знаю, какой можно назвать другим. Все так сплетено там, в подземелье. Да, и тем ходом, где мы сейчас окажемся, можно достичь известного тебе места. Но я выбрал его лишь потому, что он самым кратким путем приведет к одному из выходов в городе — на уровне второго городского цикла.

— Приключения, приключения... Какой тут замок?

— Электронный, с шифром, Властелин. Но я оставлю дверь незапертой, так что вы можете вернуться в любое время.

— Я не заблужусь, как ты думаешь?

— Надеюсь, что нет, Властелин. Вы пойдете по ходу и достигнете развилки. Там освещение закончится — но в стене есть ниша, и в ней вы найдете фонарик. Дальше пойдете по среднему ходу. Он и выведет вас на поверхность. Хочу нижайше просить: как бы ни было жарко, не снимайте мундира — он с кольчужной прокладкой. Впрочем, об этом вы уже догадались...

— Мудрено было бы не догадаться: при его-то весе.

— Она позволит вам не опасаться случайного удара ножом в толпе. И все же будьте внимательны, учитывайте каждый, даже случайный толчок, скрытый взгляд...

— Неужели ходить по улицам моей столицы так опасно?

— Для привычных людей — нет. Но вам не приходилось...

— Выходит, я действительно не знаю мира, в котором живу?

— Никогда и не бывало иначе, Изар. У Блистательных — свой мир, у остальных он совсем иной — и тоже не один, миров много.

Изар лишь покачал головой, не найдя подходящего ответа. Вошел в подземный ход. Дверь за ним притворилась. В сыром воздухе гулко звучали шаги.

Все было так, как сказал старик. На развилке нашелся фонарик, судя по яркости луча, недавно заряженный. Светя себе под ноги, изредка направляя луч в глубь коридора, Изар шел, то погрузившись в полный покой и безмолвие подземного мира, то ощущая легкое сотрясение стен, слыша едва уловимый гул,— там, где ход пролегал под оживленными городскими магистралями. Потом идти стало труднее: ход поднимался к поверхности. Затем путь преградила тяжелая дверь. Изар налег плечом — дверь беззвучно отворилась. За нею был полумрак, на стене были жирно написаны непристойные слова. Изар усмехнулся. Двинулся в глубь подвала. Тут было светлее — под потолком виднелись окошки, за ними шумела улица. Лестница вывела Изара в темный, глухой двор. Слева открывалась подворотня, за нею мелькали люди — там проходила улица. Изар оглядел себя — вроде бы все было в порядке — и вышел, сразу смешавшись с прохожими. Никто, судя по всему, не обратил на Властелина никакого внимания, никого он не интересовал.

Он шел по неширокому, выщербленному тротуару, осторожно поглядывая по сторонам — знакомился, не поворачивая головы, чтобы никому не пришло в голову, что окружающее для него внове. Судя по расстоянию, пройденному Изаром под землей, это и впрямь был второй городской цикл. То есть совсем близко от центра, от величественной Площади Власти, стен и бастионов Жилища Власти пролегал этот кое-как уложенный булыжник, стояли невзрачные дома и домишки с никогда не мывшимися окнами, с дверями и стенами какого-то бывшего цвета; иные из них уже готовы были упасть и рассыпаться, но держались лишь потому, что тугая вонь, обитавшая в них, создавала изнутри нужное давление, и еще грязь скрепляла все — куда более прочная, чем цемент... Изар шагал, напевая военную песенку, и ему казалось, что никому не под силу выделить его из заполнявших улицу людей ни по одежде и ни по чему другому; впрочем он, возможно, ошибался. Во всяком случае, пока он обгонял прохожих и они обгоняли его, пока его толкали и он толкал — один и другой раз были на него брошены не беглые, случайные, но строгие, опознающие, запоминающие взгляды. Ему следовало бы почувствовать, заметить эти взгляды — но слишком интересно было все вокруг: люди прямо на тротуаре играли в кости, вислоусый старик стаканами продавал что-то странного фиолетового оттенка — наливал суповой ложкой из объемистой кастрюли. Старуха брякала на треснувшей гитаре, унылые звуки смешивались с доносившимся из отворенных окон шумом телепередачи. Как-то труднее стало идти — вокруг Изара стало тесно, так, что не протолкнуться. Он попытался было высвободиться, работая плечами, толкая все теснее прижимавшихся к нему людей бедрами — безуспешно. Уже казалось, не сам он идет, но толпа — или какая-то часть ее, изнутри трудно было понять это — увлекала его с собой туда, где на сво-

бодном от людей пятачке стоял здоровенный мужик, крепко державший за руку миловидную девушку, скромно, без вызова одетую и чем-то не схожую с остальными. Она морщилась — видимо, ей было больно. Другую руку здоровяк воздел к небу, и как раз в ту секунду, когда Изар — и все вокруг него — остановились,— широко взмахнул ею.

— Люди! — воскликнул он гулким голосом.— Вы меня знаете?

— Кто же не знает, Задира! — крикнули в ответ, и толпа согласно загудела.

— И мои права тоже знаете — такие, как у всех нас!

Снова ответом был утвердительный гул.

— Тогда рассудите! Я эту шлюшку склеил на проспекте. Угощал пивом. Сводил в кино. Она еще там стала себя показывать, не хотела, чтобы я ее погладил (толпа заворчала неодобрительно). Теперь мы вышли. Я в своем праве хочу, чтобы она пошла со мной полежать в кустиках на заднем дворе — все знают где. А она — как это понять? — не хочет! Она со мной пошла, так? Я потратился, так?

— Все правильно, Задира,— рассудил стоявший невдалеке от Изара пожилой уже горожанин.— Если бы не пошла, то другое дело. Но она пошла. И, значит, должна лечь за так, раз не уговорилась заранее. А ты, девушка, не бойся. Он попользуется и отпустит, даже сам проводит. Если, конечно, вы с ним потом не договоритесь как-нибудь иначе.

Толпа снова одобрила сказанное.

— Я ведь не знала! — крикнула девушка со слезами в голосе.— Что у вас такие правила!

— У нас! А ты сама откуда же?

— Там я живу... За проспектом...

— Из Первого цикла, значит? Ну, не знаю, может, у вас там *и другие порядки,— сказал все тот же рассудительный горожанин,—* а у нас здесь всегда так было и есть. Значит, не надо было тебе переходить проспект. Да ну что, полежишь — тебе не убудет...

— Нет! — крикнула девушка отчаянно.— Не хочу...

— Мало ли чего ты не хочешь! — возразил Задира.— Ну, пойдешь ножками или на руках нести? Я могу...

Уже потеряв надежду, не знающая порядка девушка обвела окружавших ее людей глазами. Встретила взгляд Изара. И уже ни на кого больше не смотрела.

— Помогите...— проговорила она еле слышно, и слово это было явно адресовано ему.

Изар решительно вырвался из толпы, подошел к стоявшим в середине.

— Отпусти ее, ты! Слышишь? Тебе говорят!

— Это ты мне? — с неподдельным изумлением спросил Задира.— Да ты кто такой? Ты откуда?

— То есть как? Я здесь живу,— ответил Изар, даже не успев подумать.

— Не знаю тебя. Эй, люди! Кто-нибудь знает этого мазурика?

Толпа зашумела, загалдела:

— А кто он такой?

— Вора поймали? Задира, ты не выпускай его!..

— Постой, постой... Я его вроде знаю. Встречал. Вроде бы он.

— Да кто?

— Кот с Продольной. Тот тоже в солдатском. И фуражка такая.

— Фуражка... А без нее? — Задира одним щелчком сшиб с головы Изара названный головной убор.— А так? Глядите все!

— Нет... В первый раз видим...

Сейчас можно было еще попытаться кончить дело миром: объяснить, что, произнося криминальные слова, Изар имел в виду лишь, что живет в этом же городе и поэтому никакой не чужак; никто и никогда не объяснял ему, что если для него и людей, близких к нему кругов, чужими могли быть лишь прибывшие с других планет, то в этом же городе подавляющее большинство людей считало чуть ли не иностранцами всех, кто жил не в их квартале, и в самом крайнем случае — не в их секторе этого городского цикла. Нет, никто не объяснял. Но трудно сказать, чем бы закончилась попытка оправдаться, если бы она состоялась; она, однако, не случилась. Если бы с него не сбили шляпу... Но ее сбили. С него. С властелина Державы. Мира.

— Хам! — сказал он медленно и четко.— Подними шляпу. Почисти. Подай. И принеси извинения.

Оппонент его был так удивлен, что даже не ответил. Он просто обвел изумленным взглядом окружающих, как бы вопрошая: слышали? Что же остается сделать с человеком, говорящим такие несообразные ни с чем слова?

— Да кто ты такой, чтобы Задира тебе шляпы подавал! — не выдержал пожилой обитатель из числа окружавших их.

После мгновенного колебания Изар решился.

— Я — Властелин.

Не надо было объяснять — какой властелин, чего. Слово это в Ассарте употреблялось только в одном-единственном значении. И однако, ожидаемого результата оно не дало. Скорее, наоборот.

— Ну, бродяга, ты силен!

— Слушай, а может, ты сама Великая Рыба?

— Люди, а он не психический?

— Стой, стой! — Видимо, в голову Задире пришла какая-то остроумная мысль, и он замахал руками, чтобы утихомирить окружающих. Для этого ему пришлось выпустить из пальцев плечо Изара, но их сейчас окружили уже так плотно, что Властелин не смог бы вырваться, даже возникни у него такое желание.

— Ты, значит, Властелин, по-твоему? Только мы тебе не больно-то верим! Назваться всякий может! Я тоже могу сказать, что я Властелин. А ты докажи!

— Вы что, Властелина в лицо не знаете? (Конечно же, не знают,— был уверен Изар,— но все равно, надо удивиться.)

— А нам его давеча в первый раз показывали. И то не лицом, а задницей. Но мы по задам еще не научились отличать. Так что придется тебе свои слова доказывать.

— Каким же образом?

— А очень просто. Телевизор тогда смотрел — когда его показывали?

— Нет.

— Много потерял. Но мы все смотрели. И видели. Он парень, что надо: оседлал свою мачеху и так прошел дистанцию, что любодорого, я на нем пятерку выиграл — ставил, что он продержится десять минут, а он дал четырнадцать. Не знаю, как он нами станет править, но вот это дело у него получается. Так что вот сейчас кто-нибудь, кто живет поближе, принесет коврик. Мы его тут расстелим. И ты тут перед нами поскачешь на этой вот.— Он сильно дернул девушку за руку.— А ты,— он схватил ее за подбородок, поднял ее голову, посмотрел в глаза,— ты противься. Толкай, кусай, бей — как умеешь...

— Да она не обучена,— сказал рассудительный горожанин.— Она же из первого цикла.

— Ну, уж как сумеет. Понял, парень? А то ведь силой разденем обоих и заставим! Вы тут, держите ее! — подозвал он двоих и передал им совсем уже перепугавшуюся, до дрожи девушку. Положил тяжелую руку на плечо Изара.— Ну — созрел?

— Руки прочь! — крикнул Властелин. Вывернулся из цепких пальцев Задиры. Выхватил оба кинжала и постарался принять стойку, насколько это возможно было в такой тесноте.

— Ах, вот ты как...— со странным удовлетворением произнес Задира, растягивая слова. Беглым взглядом окинул толпу.— Ладно, проверим, на самом ли деле тебя обучали в академии принцев...

Мгновенным движением он вынес из кармана нож — вернее, то был десантный штык облегченного образца, обоюдоострый, голубоватой стали, без малого в локоть длиной. Для такого оружия надо было иметь специальный карман, вшитые ножны — а это, в свою очередь, означало, что Задира носил нож при себе постоянно. В хороших руках штык был опасным оружием, а у Задиры руки, похоже, были как раз такими.

— Дорогу! — И, уставив кинжалы, Изар решительно шагнул в ту сторону, где людей было меньше.

В следующий миг он повернулся на каблуке, уклоняясь от удара. Не Задиры; кто-то из толпы попытался сразу же решить схватку,

но бронированный мундир предотвратил несправедливость. К счастью, толпа состояла, видимо, главным образом из людей разумных и справедливых. Потому что сразу же с двух сторон послышались голоса:

— Расступитесь, дайте им место!

— Они стыкаются, остальные смотрят!

И тут же трое распорядителей выискались — стали оттеснять зрителей, освобождая пятачок — молодой человек городского облика и двое мужчин постарше, смахивавшие на провинциалов. Молодой встал между противниками, сдерживая их до поры:

— Начнете, когда скажу. Бой по правилам — до третьей крови!

Взволнованная предстоящим зрелищем, толпа неохотно отступала. Когда очистился круг метров в десять диаметром, тот, что разделял бойцов, отпрыгнул назад:

— Начали!

Задира решительно двинулся вперед. Штык он держал в опущенной ниже пояса, как будто даже расслабленной правой руке, левую, полусогнутую, выставил перед собой, защищая живот, готовый перехватить руку с кинжалом, если будет выпад. Что же, грамотно. Не самоучка, нет... Но, пожалуй, сегодня как раз это и было нужно Властелину: честная, откровенная драка. Хотя убивать Изару не хотелось. Достаточно было и того, что произошло в Жилище Власти, Хотя, если противник покажет, что у него серьезные намерения...

Противник показал. Не выжидая, не тратя времени на разведку, он сделал выпад, и сразу же второй. Контратаку Изара отбил без труда, хотя удар Властелина был не из самых примитивных, не солдатский удар, хотя и не из самых избранных, академических. Удары Задиры тоже говорили о глубоком знании такого боя. Схватка оказалась серьезнее, чем можно было предполагать. А характер ударов говорил о том, что Задира не остановится ни перед чем, что не только пустить кровь он хотел, задев, скажем, руку или бедро; не тратил он времени и на удары в мундир — видно, сразу понял бесполезность таких атак. Направление его действий четко указывало: он хотел добраться до горла или до паха — а это уже не шутки, не просто стремление покрасоваться перед толпой...

Такой бой выглядит не столь эффектно, как обычная драка, когда противники бросаются друг на друга, взлетают руки, блещут ножи и кровь течет из легких, поверхностных ран, царапин даже. Схватка умов и тактик, где каждое незначительное вроде бы движение тут же разгадывалось противником, что в свою очередь сразу же понимал нападающий, никак не была занимательным зрелищем: шахматы, а не бокс. Зрители заропта ли, самый активный из них выскочил в круг:

— Ты что топчешься, судья? Это правильный бой, что ли? Да они раза три могли разделать друг друга под красный мрамор, а они?

Ты, судья, или сойди, или заставь этого паренька драться, как надо — не то мы сами его заставим!

— Не лезь под руку! — ответил на это судья, не спускавший глаз с бойцов и как бы даже не видящий протестующего; но тут же как бы случайно дернул рукой в его сторону — никто даже заметить не успел, что, собственно, произошло, но правдоискатель как-то неловко отступил, взмахнул руками и грохнулся бы наземь, если бы зрители не приняли его на руки. Тут уж толпа разгневалась вперед, и сразу несколько человек кинулись к судье, чтобы научить его вежливости. На помощь рефери пришли оба боковых — но и на них в свою очередь нашлась управа, так что вместо честного поединка возникла куча мала, где мелькали кулаки и даже палки, слышались рыки, стоны и тупые звуки полновесных ударов, причем никто уже не понимал, туда ли он бьет, куда следовало бы,— главным было ударить, отвести душу. Поэтому никто даже не заметил, как пришлый драчун, перехватив оба кинжала в левую руку, провел точный удар кулаком — и вырубил противника, так что тот мягко осел на мостовую, тут кто-то нечаянно добавил ему грубым уличным башмаком — и Задира на некоторое время выбыл из игры. Таким образом Изар получил возможность выскользнуть из поголовно уже бушующей толпы. Только после этого он спохватился: понял, что даже не знает, куда идти: сюда-то он пришел, сам того не сознавая, просто шел, задумавшись — и теперь оказался в неизвестном ему архипелаге, не имея при себе даже компаса. Где остался тот дом с выходом из подземелья?..

Неизвестно, что он предпринял бы, если бы из драки почти сразу после него не выскочил тот молодой человек, что выполнял там роль судьи на ринге, а за ним и те двое, что помогали ему расчистить место для состязания. Оба — немолодые уже, но, судя по их поведению в драке, находившиеся в хорошей спортивной форме. Они тут же приблизились к Властелину.

— Представление окончено,— сказал молодой.— Думаю, участники могут разойтись по домам, предоставив остающихся их собственной судьбе.

— Может быть,— заикнулся Изар,— нужно вызвать службу порядка? Тут могут быть жертвы...

— Видно, что вы человек неопытный,— не согласился молодой.— Я участвовал в подобных действиях, самое малое, раз десять. И могу вас уверить: ничего серьезнее синяков не будет. Их хватит еще на полчаса — потом они поймут, что мы улизнули, пожмут друг другу руки и всей толпой пойдут отпраздновать победу в ближайшую пивную. Ну, а мы к тому времени, я полагаю, будем вне сферы их влияния. Итак, расходимся?

— Если только вы подскажете мне направление,— сказал Изар.

— Ах, вы еще и заблудились? Хотя в Сомонте это не трудно.

— Куда же вы хотите попасть?

— К Жилищу Власти.

— Сейчас? Но там все спят... Постойте. Вы что — не шутили? Вы и на самом деле?..

— Я никогда не шучу после полуночи,— ответил Изар.

— Ваше Всемогущество, если это так — простите меня... и всех их. Прошу позволить мне отвести вас к вашему жилищу. За углом стоит моя машина.

— Благодарю вас и принимаю вашу услугу. Что же касается вас, друзья мои...— он повернулся к обоим пожилым,— то я очень благодарен и вам — за помощь и готов проявить свою благодарность в каких-то конкретных формах. Могу ли я, в свою очередь, оказать вам помощь в чем-либо?

Оба переглянулись.

— Ваше Всемогущество,— сказал один из них.— Мы сочтем высочайшей наградой за то, что мы будто бы сделали, если вы позволите проводить вас до конца пути. Мы не простим себе, если не сделаем этого.

Изар внимательно выслушал сказанное. И молодой, и этот, постарше, говорили как люди из общества; но молодой — на легко узнаваемом сомонтском диалекте, старший же — с акцентом, которого Властелин так и не определил.

— Вы сомонтские горожане?

— Увы, нет,— ответил старик.— Мы лишь несколько часов назад впервые приехали в ваш прекрасный город, нашу столицу.

— Откуда?

— Оба мы — уроженцы донкалата Алона.

— А, вот оно что... Ну что же, не вижу причин отказать вам в просьбе. Постойте. Вы успели где-нибудь устроиться на ночь?

— Мы были близки к этому,— ответил уже второй приезжий.— Нам сказали, что на этой улице недорого сдаются комнаты, и мы хотели снять одну на двоих. Правда, теперь я не уверен, что тамошние жители благосклонно отнесутся к нашей просьбе.

— Да,— сказал молодой.— Они вам могут всыпать как следует.

— Я бы сказал, что это не так просто,— проговорил второй приезжий.— Тем не менее, мы не хотели бы лишних осложнений.

— Знаете,— сказал молодой,— на эту ночь я, пожалуй, смогу приютить вас. Будет не очень просторно, но уютно. Надеюсь, нам удастся преодолеть сопротивление привратника, если уж мы без малого справились с целой толпой... Ну, вот и моя колымага. Ваше Всемогущество, соизвольте сесть впереди. А вы, друзья, размещайтесь; там, правда, две пачки книг — но уместиться можно.

Когда машина тронулась, Изар сказал:

— После того, что я услышал, чувствую себя просто обязанным пригласить всех вас провести эту ночь под моей крышей.

— Мы не смеем отказаться, Властелин.
— Где ваш багаж?
— У нас его нет. Мы путешествуем налегке.
— Вы мне нравитесь,— сказал Властелин.

5

— Вы опаздываете, Магистр. Несмотря на все, что я говорил вам о ценности времени.
— Прошу извинить, Охранитель. Возникла непредвиденная ситуация, которую можно было использовать в наших целях.
— Можно было — но вы не использовали?
Магистр не ответил.
— Видимо, избранные вами пути, Магистр, нас никуда не приведут. Очень жаль, но придется действовать иначе.
— Прошу вас, Охранитель, повремените еще немного.
— Чего ради? Чтобы вы совершили еще одно покушение, которое точно так же завершится провалом? Это несерьезно.
— Для меня это очень серьезно, Охранитель. Я ведь рискую жизнью — и все-таки иду еще на одну попытку. Просто жаль не использовать ее. Другой возможности нам не представится.
— Вы имеете в виду церемонию бракосочетания?
— Именно. Единственный случай, когда и он, и она будут как на ладони. И ничто не сможет защитить их.
— Вам просто не дадут приблизиться.
— И не нужно. Я буду действовать издалека.
— Вас не смущают преследующие вас неудачи?
— На сей раз действующим лицом буду не я. Два человека, которые верны мне. Но и они ничем не рискуют.
— Они хорошо стреляют?
— Первоклассные снайперы, Охранитель.
— У вас есть надежное оружие?
— Все приготовлено.
— Ну, хорошо. Кстати, если вам подвернется наш беглый...
— Разумеется, Охранитель. На этот раз он не ускользнет.

6

— Вы мне нравитесь,— повторил Изар уже в Жилище Власти, когда все четверо, успевшие вымыться и переодеться (всякого рода запасы здесь были велики, и удалось подобрать каждому наряд не только по размеру, но и по вкусу, хотя камер-офицерам с невозмутимыми лицами и пришлось изрядно побегать), расселись в обшир-

ном покое, уставленном застекленными шкафами из драгоценного дерева раш; сквозь стекла видны были — не сосчитать — круглые, четырехугольные, пирамидальные, шарообразные хрустальные сосуды, а если и были среди них изготовленные из простого стекла, то их украшали выразительные этикетки великих торговых домов. Они содержали утеху на любой вкус — малого ли ребенка угощали, или просоленного, прожаренного и разве что не политого острым соусом моряка дальнего плавания. Жилище Власти всегда было гостеприимным для друзей — вот друзей, правда, временами не хватало. Но, может быть, на этот раз Властелину повезет?

— Нравитесь потому,— продолжал он, вертя в пальцах округлый, приземистый бокал с прозрачным питьем,— что не избегаете острых положений, готовы помочь попавшему в беду; хотя бы и совершенно вам неизвестному, не боитесь закрыть его грудью. Мое правление только начинается. Мне нужны люди, которым я смогу доверять. Надеюсь, что никто из них не пожалеет о моей благосклонности. Никто из вас, следовательно,— если не откажетесь идти за мной. Но предупреждаю: это не всегда будет марш-парад по рассыпанным под вашими ногами розам.

— Вы пришли очень вовремя, Властелин,— молвил в ответ молодой житель Сомонта.— Я готов отдать вам мою жизнь. Клянусь.

— Благодарю. Принимаю.— Властелин на миг склонил голову, потом перевел взгляд на обоих провинциалов: — А вы? Если мое предложение вас не устраивает — можете отказаться, даю слово: на вашей судьбе отказ никак не отразится, я навсегда сохраню благодарность вам за оказанную помощь.

— Властелин,— после крохотной паузы ответил один из них; он был повыше своего спутника, темноволос, с четким профилем и темно-карими глазами, лицо его было окаймлено короткой кудрявой бородкой.— Что мы можем сделать для вас такого, чего не сможет любой и каждый? Боюсь, что вы нас переоцениваете. Мы простые охотники, проведшие жизнь в лесах, и лишь теперь, на старости лет, собравшиеся повидать мир. Все, что мы умеем — это владеть оружием; если это может вам пригодиться — располагайте нами.

— Я чувствую,— сказал Властелин,— что могу положиться на вас. Не думаю, что убийцы ждут меня за каждым углом; но любой человек, обладающий властью, находится в опасности — хотя бы потому, что постоянно на виду,— и как бы притягивает к себе пули и лезвия, даже если совершенно не заслужил чьей-то ненависти. Итак, я принимаю вас — пока телохранителями, но уверен, что вы способны на большее и ваш опыт и житейская мудрость не раз мне сослужат хорошую службу.

— Благодарим, Властелин.

— В таком случае, выпьем за ваше будущее!

Властелин поднял бокал, описал им, как полагается, круг перед собой и поднес к губам. Отпивая, сквозь полуопущенные ресницы наблюдал за собеседниками. Молодой непринужденно, привычно повторил его движения, осушил бокал, на мгновение замер, проглотил не сразу — на лбу его выступили капли пота. Что же удивительного: жидкий огонь под названием «Молния с небес» был разлит по бокалам, трофей, захваченный покойным Властелином в одной из давних войн, напиток абсолютной крепости, на Ассарте никогда не производившийся, а потому и неизвестный. Властелин уже совсем было улыбнулся, но тут же раздумал, крохотная морщинка на миг обозначилась на лбу: оба охотника, тоже повторив ритуальный жест (но не очень уверенно, как бы с запинкой) выпили невозмутимо, как если бы то была вода, только один из них, проглотив, прищелкнул языком и промолвил: «Лихо!» — но тоном, выражавшим удовольствие, никак не наоборот. Этим людям питье такой пробивной силы оказалось явно не в новинку; может быть, конечно, они потихоньку гонят что-то подобное у себя в дебрях. Но ведь могли быть и другие объяснения? Крепкие люди, да. Таких смутить нелегко. Подобных людей хорошо иметь вблизи — если, конечно, они тебе преданы. Однако этой ночью они, кажется, это подтвердили? Разумеется, ни в какие советники они не годятся, но для охраны от разных неожиданностей...

Решиться было нелегко — и на то, чтобы оставить их, и чтобы распрощаться — и забыть. Ну, не совсем забыть, конечно,— поручить вниманию Легиона; как ни презирай это войско, но оно бывает весьма полезным.

Однако, если оценивать нынешнюю вылазку в целом, надо признать, что она оказалась удачной: все-таки три новых человека...

Постой, а может быть, зачислить их в охрану Жемчужины? Будут и в отдалении — и на глазах...

Ястра, Ястра... Что произошло с тобой? Меньше всего ожидал какого-то подвоха именно от тебя. Ладно, заключим брак — тогда...

Там, на Погребальном катере, Ум Совета успел еще сказать: «Ястра сейчас неустойчива. Тем скорее нужно окружить своими людьми самого себя — и ее тоже. Этот советник подозрителен».

«Понимаю».

«Однако запомни: если обычная ошибка приводит к неприятностям, то ошибиться в таких людях означает — проиграть жизнь. Так что будь — не робок, нет, но осторожен и проницателен. Без этих качеств нет Властелина, есть лишь кукла на чьих-то пальцах. Вовремя определи того, кто будет стремиться надеть тебя на пальцы. И когда найдешь — убей, не сомневаясь».

Так сказал тогда отец, среди всего прочего. И вот сейчас — может быть, следовало проявить осторожность? Хотя сердце под-

сказывало, что в этих людях можно быть уверенным. Что же, этот голос сердца и была проницательность? Или это — ошибка?

— Ну, а вы,— обратился Властелин теперь уже к горожанину,— вы, как сами уже сказали, происходите не из лесной чащи. К чему же приложили вы свои способности?

— Я занимаюсь историей, Властелин. Пытаюсь хоть как-то приохотить к ней наших мальчишек и девчонок.

— Историей? Это очень интересно... И усилия увенчиваются успехом?

— Успех заставляет себя ждать, Властелин. Я готов был признать, что у меня отсутствуют нужные способности. Но, приглядевшись, понял, что и никто из моих коллег не добивается успеха; однако не может же быть, что историей занимаются исключительно бездарные люди? Среди моих коллег, Властелин, есть люди талантливые, даже очень.

— В чем же тогда дело?

— В самой истории, Властелин. Хотя, возможно, и не полагается говорить вам такое. Надо ли объяснить, чем плоха наша история?

— История — или то, что мы из нее делаем?

— Конечно, я имею в виду второе: ведь того, что было на самом деле, практически никто не знает. Архивы замкнуты, на поиски старины нет денег. И еще... Наших мальчишек и девчонок не очень интересует то, что было. Для них важно то, что есть сегодня. И то, что будет завтра. День послезавтрашний заботит их уже куда меньше. Потому что есть хочется сегодня, а не вчера. А в то же время...

Историк запнулся, как будто испугавшись вдруг собственной смелости. Но Властелин одобрительно кивнул:

— Да-да, говорите. Ваши мысли очень интересны.

— А в то же время, Властелин, если бы меня спросили — что нужно сделать для того, чтобы жизнь на планете изменилась к лучшему, изменилась быстро и необратимо, я, не колеблясь, ответил бы: измените историю! Потому что корни всех наших успехов и всех неудач лежат в прошлом. Измените прошлое — и настоящее изменится само.

— Изменить прошлое? — с сомнением в голосе переспросил Властелин.— Мне кажется, ничто не является столь необратимым, как то, что уже совершилось.

— О, Властелин! Уверены ли вы, что мы знаем, что именно совершалось, когда и как? История не ниспослана нам Великой Рыбой, историю пишем мы сами — люди. А людям свойственно ошибаться — по незнанию, непониманию или с определенной целью. А тем, кто не пишет историю, но читает или слушает ее, свойственно верить в то, что они читают или слышат — если только оно не находится в явном противоречии с действительностью. Да пусть даже

и так — это лишь вопрос времени, противоречия сотрутся, как стираются со временем любые острые углы!

— Интересная теория... И что бы вы предприняли, если бы вам предоставили такую возможность? Изменили бы историю?

— Именно это я и сделал бы, Властелин!

— И вам известно, как это сделать?

— О, есть несколько путей. Но если вы хотите, чтобы я всерьез разработал — ну, скажем, рекомендации...

— Именно этого я и хочу.

— Я очень рад этому, Властелин. Потому что время уходит...

— А жизнь не становится лучше, хотите вы сказать. Вы правы. Ну, а что скажете о нашей жизни вы, люди издалека?

Охотник, к которому обратился Властелин, пожал плечами:

— Мы, Властелин, в лесах всегда жили тем, что добывали сами. И жаловаться могли только на самих себя.

— Не стало ли меньше дичи? Рыбы в реках?

— Нам хватает. А как в городах — мы не знаем.

Ответ не очень удовлетворил Властелина. Но пока он предпочел своего недовольства не выказывать. Вместо этого, как хозяин, налил еще. Своими руками: в разговоре не должны были даже и пассивно участвовать никакие слуги, пусть и самого высокого ранга. Пойдут, конечно, слухи: Властелин якшается со всякой рванью. Но лучше пересуды, чем утечка серьезной информации.

— Скажите, историк... вы отмечены ученым градусом?

— Да, Властелин. Градусом Познавателя.

— Что же, надеюсь, не за горами день, когда вы станете Знающим... Кстати: вы упомянули о способных историках. Вы знаете таких? Знакомы лично?

— О да, Властелин. Таких немало.

— Вы можете привести их ко мне?

— В любой час дня и ночи.

— Очень хорошо. Охотники, а у вас тоже много друзей?

— С историками мы не знакомы, Властелин,— ответил второй из лесных людей — кряжистый, мускулистый, смуглокожий.— Но если вам нужны толковые охотники — мы кликнем клич.

— Нужны.

Они и в самом деле были нужны. Люди, проводящие жизнь в лесу, где каждый на виду и на счету, как правило, лучше разбираются в человеке, чем горожане, редко выделяющие личность из толпы. Это очень важно сейчас. Нигде ведь не сказано, что те, кто хочет устранить его, ограничатся двумя попытками. Наоборот, можно ожидать, что будут предприняты новые покушения: раз уж за ним охотятся, то, наверное, мотивы для тех, кто осуществляет это, достаточно серьезны. И пренебрегать безопасностью никак нельзя.

— Мы найдем таких людей, Властелин.

— Выпьем за тех, кто откликнется на наш зов.

На этот раз Познаватель справился со своим бокалом более успешно. Охотники остались верны себе.

— Ну, кажется, пора на покой. Комнаты вам отведены, вас проводят... Хотите сказать еще что-то?

Изар спросил это, заметив, как переглянулись охотники.

— Да, Властелин... Тут ходят слухи, что вас пытались... ну... убрать, что ли? Одним словом, убить. Верно?

— А что, если верно?

— Вы уж извините, мы думаем просто, без затей. У вас ведь еще свадьба впереди?

— Я вижу, вы все знаете.

— Ну, кабы так... Может, вы разрешите нам пока суд да дело пройтись по вашим маршрутам, поглядеть, прикинуть, откуда чего можно ожидать. Знаете, охотничий глаз точный.

— Хорошо,— сказал Изар.— Разрешаю. Утром вас ознакомят с планом. Благодарю вас, охотники.

— Да ну что вы. Дело обычное...

— Я зачисляю вас в мою личную охрану. Согласны?

— Премного благодарны...

Изар позвонил, вызывая камер-офицеров — показать, где спальни.

Изар снова задумался, распрощавшись с гостями.

Ну хорошо, с охотниками, в конце концов, все обстоит просто. Одного из них можно оставить в своей охране. Другого зачислить к Жемчужине Власти. И поручить ему не спускать глаз с этого ее... советника. Пожалуй, разумно. Он-то скорее всего и есть враг.

А с историком?

С какой стати все последние дни мысли об истории буквально преследуют его? И старый Ум Совета, и сам Изар думает о ней все чаще. Теперь подвернулся вот этот Познаватель. Случайно ли? Или в этом — некий перст судьбы?

В судьбу, в предначертанное и предопределенное, Изар верил.

История... Прошлое определяет направление, в каком движется будущее. Но прошлого не изменить. Так он считал всегда. Не один он.

Гм. А почему, собственно, нет? Все на свете подвержено изменениям. Значит, и прошлое тоже. В конце концов, настоящее — та точка, из которой можно управлять и минувшим, и предстоящим. Потому что они инертны, активна только современность. В истории события уже произошли, в будущем — еще только произойдут. И только в нынешнем дне они происходят. Так считает историк.

Если наша история тяготит нас, если она угрожает будущему — дело за малым: надо изменить ее? Гм, интересно...

Да-да, вот именно. Бродяга, узнав, что он является потомком славного донка, начинает видеть мир совсем в ином свете. Он чувствует за собою права и возможности, которые раньше были от него сокрыты.

Нужно изменить историю. Но сделать это всерьез. Не по-любительски, не кустарно, не наивно.

Наивным было бы — созвать сочинителей и повелеть им написать новую историю.

Нет, они, конечно же, напишут, и, возможно, вовсе не такую нелепую. Но эта история будет плоха изначально, потому что она ни на чем не основана. Истории мало слов. Нужны материальные, вещественные доказательства. Нужны непрерывные нити, связующие прошлое с настоящим, как стальная арматура пронизывает массу бетона и делает ее намного крепче. Доказательства. Где они? Откуда возьмутся эти документы, имена, употреблявшееся в древних битвах оружие, мундиры, развалины крепостей... Откуда?

И тут же — словно озарение на него снизошло — Властелин ответил себе:

Они есть. В истории каждой из семнадцати соседних планет есть события, периоды и люди, заслуживающие того, чтобы ими гордились, чтобы ими вдохновлялись, идя в будущее. Есть. И если взять лучшее из семнадцати историй, то этого наверняка хватит на одну воистину великолепную историю — Новую Историю Ассарта! Да, они есть. А дальше все просто. Если у кого-то есть то, что мне необходимо, я могу купить это. Нет непродажных вещей — дело только в цене. Конечно, деньгами мы не очень богаты, но у нас есть многое другое, начиная с тяжелых элементов, которыми, по странной игре случая, Ассарт богат, а остальные планеты — и обитаемые, и мертвые — бедны.

Ну, а если цену заломят слишком уж непомерную или вообще откажутся продать — могут найтись и такие упрямцы — то придется...

Нет, нет. Я не хочу драки. Я хочу получить все нормальным путем, согласно всем законам и правам, с уплатой нужного выкупа и закреплением в договорах и соглашениях.

Но, конечно, вести такие торговые переговоры будет легче, если за спиной купцов будет незримо стоять великая армия Ассарта. Его непобедимый космический десант и могучий флот Пространства.

Так или иначе, мы получим то, что нам необходимо.

Конечно, соединить множество фактов в одну непротиворечивую и прекрасную историю — очень хитрая работа. Такой мозаики никто в мирах еще не создавал. Но специалисты справятся. Я создам Департамент Истории и Академию Истории. Из лучших специалистов назначу — как бы получше их назвать — композиторов

истории. Они справятся. У нас будет лучшая история во Вселенной. Самая родовитая аристократия. Самые великие герои. Самые победоносные войны во все времена. Аристократия на Ассарте, говорил Ум Совета, была уничтожена, когда к власти пришли мои далекие предки. Они, может быть, и были правы — тогда. Но для нашего времени это выглядит, скорее, ошибкой. Я восстановлю ее — закуплю родословные на всех планетах, где аристократия сохранилась. Старик сказал, что нужны люди честолюбивые? Да будет так. Какой простор окажется для честолюбий!..

Да и самомалейший камешек в стенах Державы почувствует себя совершенно иначе. Он ощутит, как исходят из него лучи уверенности в себе, словно он уже стал драгоценным камнем.

Итак: завтра я назначу этого так кстати подвернувшегося Познавателя Композитором Истории. Даже Верховным Композитором. Пусть сразу же начинает.

Воистину, судьба благосклонна ко мне. Или это действует таинственный Бог Глубины?

И завтра же соберу генералов. Они, кажется, впали в некоторую панику: опасаются, что я не захочу воевать. Я, собственно, и не скрывал этого — и слухи просочились. Да, я не большой сторонник войн. Однако это вовсе не значит, что я собираюсь пренебрегать интересами армии, ее авторитетом, ее статусом. Ничего подобного. Армия и война — разные вещи. Армия — такая, как у нас,— более угрожающа, когда она не воюет. Война, как и всякая практика, вносит свои коррективы в предварительные расчеты — и не всегда в лучшую сторону. А пока войны нет, недостатки армии никому не видны, достоинства же всегда находятся на виду — потому что их стараются показать как можно лучше.

И генералов я соберу вовсе не для того, чтобы пугать их, но напротив — чтобы успокоить. Я скажу им, что мне нужна армия еще более сильная и великая, чем до сих пор. Что не собираюсь жалеть для них ничего. Потому что наши вооруженные силы обязательно должны будут соответствовать той Новой Истории, которая возникнет. Скажу и о том, что генералитет и некоторое количество офицеров будут причислены к нашей аристократии — той, что возникнет вместе с историей.

Генерал граф Трах-и-Тарарах! — это им наверняка понравится. Или я ничего не понимаю в военных...

Старик был прав: Великий Мир никого уже не волнует. Идея стерлась, как напильник от слишком долгого употребления, она уже скользит поверху — не задевает и не затачивает.

Великое прошлое сулит великое будущее, требует его! — вот новые слова. Нужно только, чтобы за ними последовали дела.

Надо пойти к Ястре, рассказать ей, поделиться мыслями. Она должна меня понять. Проникнуться. Помочь...

Изар вышел, почти выбежал в коридор. Распахнул нужную дверь. Там было пусто. Он вспомнил, что Вдова Власти переселилась в правое крыло. Направился туда. Дверь, закрывавшая переход, была заперта. Можно было дернуть за звонок. Он уже поднял было руку. Но передумал.

Через два дня — Бракосочетание. Через два дня он войдет к ней по праву.

А пока...

Изар вернулся в свои покои.

— Эфат!

Камердинер возник, как и всегда, без промедления.

— Послушай... Сегодня ночью я был в одном месте... Расспроси тех людей, что пришли со мною, они объяснят, где это. Там была одна девушка... (он вспомнил ее глаза — когда девушка смотрела на него с просьбой о спасении) — ее необходимо найти и доставить сюда.

— Когда, Властелин?

— Сейчас, разумеется! Не через год же!

— Наверное, это будет трудно...

— Я что — должен повторить?

— Властелин, прошу прощения... Как на это посмотрит Вдова Власти, ваша невеста?

Изар хмуро усмехнулся.

— Если она спросит тебя — можешь сказать ей, что я подбираю себе советника по ее рекомендации. Она поймет. Иди и приведи ту девушку. ну!

— Да, Властелин. Конечно, Властелин. А ей что сказать?

— Ничего. Да она вряд ли спросит.

«Ну, что же,— подумал он, оставшись один.— Я тоже могу запереть свои покои изнутри. И посмотрим еще, кто постучится первым».

7

— Нет, Питек, эти места громко кричат каждое о себе, их, я думаю, обезопасит его охрана, это элементарно. И шпиль Дома Рыбы они тоже, конечно, подстрахуют. А вон та башня — видишь? — кажется мне, заслуживает внимания.

— Ну, она за три улицы отсюда...

— Но с нее площадь прекрасно просматривается, верно? А расстояние это для снайпера — не помеха. Вот там, мне думается, должен засесть один из наших.

— Хорошо, Рыцарь. Ты в этом больше понимаешь.

— Посадим туда Георгия. Как ты, воин?

— Как прикажешь, Рыцарь.

— И если кто-то с оружием появится там — успокой его.

— Понимаю.

— Ну что же, значит, три подходящих места мы уже отметили. Пойдемте дальше?

— Нас мало.

— Ничего, вождь. Зато у нас неплохой опыт...

— Рыцарь!

— Чтс Рука?

— Посмотри туда.

— Этот дом?

— Если бы мне надо было устроить засаду, я, пожалуй, выбрал бы его. Он такой маленький, скромный — не бросается в глаза. А между тем, вон из того углового окна...

— Ты прав. Что же, этот дом отдаем тебе. Засесть всем с ночи.

8

Знатоки и тонкие ценители впоследствии пришли к заключению, что церемония Бракосочетания на этот раз прошла не столь пышно, как, судя по воспоминаниям, проходила в былые, всегда хорошие времена. Впрочем, единого мнения даже среди знатоков не было. Но интересно, что ни один из писавших, снимавших и показывавших ни сразу, ни потом не упомянул об одной детали: уже после церемонии на крыше одной из городских башен, где помещалось множество контор, а также в пустующей квартире ничем не примечательного дома были обнаружены два трупа; рядом с каждым лежал до предела заряженный флазер с оптическим прицелом. Нет, писали о том, что Жених Власти был ослепителен, пребывал в прекрасном настроении, улыбался, шутил с приближенными, щедро одаривал народ, в большом числе собравшийся на площади Чешуй перед Верхним Домом Рыбы, охотно позировал перед объективами и брал на руки детей, которых к нему допускали беспрепятственно. Властительная же невеста, напротив, выглядела не лучшим образом, даже умело наложенный грим не мог скрыть выражение усталости на ее лице (об источниках усталости мнения расходились, от высоких — еще слишком свежа была рана, и прочее, до в полном смысле слова непристойных: не могла попоститься хотя бы одну-единственную ночь перед свадьбой; нравы нынче, скажу я вам!..); разговаривала она мало и неохотно, и детей гладила по головкам как-то судорожно, и к Источнику Вод в Доме Рыбы шла неохотно, будто против воли, корреспондентам же не уделила ни минуты, хотя времени у нее было предостаточно. Из других же источников мы получили бы исчерпывающую информацию о том, что невеста

в последние минуты своего вдовства была благородно-сдержанна, как того и требовала обстановка, скромна, не крутилась перед фото-, кино- и видеокамерами, словно уличная танцовщица, но в полной мере показала ту медленную величавость, по которой только и узнаешь настоящую знать; что лицо ее, словно прекрасное зеркало, правдиво отражало ее чувства, скорбь по ушедшем супруге, к которому, как известно, она испытывала чисто дочернюю привязанность, и неразрывно связанные с этой скорбью размышления о бренности этого мира и мимолетности нашего пребывания в нем; что, в отличие от других, окружила себя свитой в пределах лишь того минимума, какой категорически требовался Традициями — ни на человека больше. И что достаточно сдержанно разбрасывала на площади специально отчеканенные к торжеству монеты, тем самым демонстрируя всему миру, что разумная бережливость является незаменимой чертой характера современной женщины — в наши не самые лучшие времена. Что же касается жениха, то веселье его наталкивало на мысль об обильном и отнюдь не постном завтраке с офицерами Черных Тарменаров, что его расточительные манеры не обещают Державе финансового благополучия, что его эволюции перед объективами невольно наводят на предположения, что всего более он преуспел бы на эстраде в разговорном жанре — судя по смеху его окружения, они там в самые торжественные минуты обменивались анекдотами, а что касается детей, то он оказывал предпочтение девочкам в том счастливом возрасте, когда угловатость начинает уступать место округлости форм, с удовольствием сажая на колени именно таких и не очень охотно отпуская. И тэ дэ, и тэ пэ.

Со своей стороны мы можем заверить, что последнее замечание совершенно не соответствует действительности. Это я говорю вам как на духу. Что же касается разноголосицы мнений, то вы сами знаете, что свобода слова, как и любая другая свобода, имеет столько же недостатков, сколько и достоинств, и чем ближе человек к Центру Власти, тем больше он испытывает это на себе. Со своей стороны скажем, что Изар действительно был как-то нервозно весел. Однако мы уверены, что дело тут не в завтраке (утренняя трапеза его была по-солдатски непритязательной), а в том, что, во-первых, всякое пребывание среди множества людей, в центре их внимания, действовало на него тяжело — и он старался как-то компенсировать это ощущение, порой действительно немного перехватывая через край; Ястра же была гораздо более спокойной, некоторая же озабоченность ее была вызвана тем достаточно непростым положением, в котором она оказалась, когда узнала, что на мужской половине Жилища Власти, которое пока еще принадлежало исключительно ей, появилась какая-то (тут одно слово мы вынуждены выпустить; что делать — даже Жемчужина Власти иногда снисходит до сильных выражений); когда этот факт оказался оконча-

тельно установленным и подтвержденным, первым движением ее было — отложить бракосочетание до летних снегов и править самой, заставив Изара прогнать негодную девку в три шеи при стечении публики, после чего женить его на самой старой и уродливой из дам — членов своего Совета, а потом... Одним словом, планы складывались обширные, и ее советнику понадобилось некоторое время, чтобы успокоить ее. Вот чем была вызвана некоторая синева под ее глазами. Вот так обстояли дела в действительности.

Что касается прочих деталей великого торжества, то, по нашему мнению, не имеет никакого смысла останавливаться на них, потому что они в целом очень похожи на те, что сопутствовали Проводам усопшего Властелина. Разница была лишь в том, что на этот раз флаги Державы были подняты на всех флагштоках на полную их высоту, что кроме них город пестрел флажками, повторявшими личные штандарты нового Властелина (его штандарт, впрочем, был тем самым, что перешел к нему по наследству от покойного) и Невесты Власти (три белые розы в красном круге на белом же полотнище), процессия занимала в два раза больше места по ширине, так как колонны Жениха и Невесты продвигались параллельно, Черные Тарменары вышагивали на расстоянии нескольких шагов от Горных, а поскольку между этими войсками наличествуют давние вражда и соперничество, торжество не раз грозило осложниться; к чести воинов сразу скажем, что они проявили героическое терпение и серьезная драка между ними состоялась лишь поздно вечером, когда в обширном Зале Законов шел свадебный пир. К счастью, колонна двигалась не к набережной, где пришлось бы миновать узкие улицы, а по широченному проспекту от площади к площади. Что еще? Ну, хотя бы то, что цветы на этот раз бросали не в воду, а на мостовую. Само бракосочетание прошло спокойно, без запинки, были заданы вопросы, Изар провозглашен Властелином, ударили, салютуя новобрачным, пушки — и все подумали было, что пришли спокойные времена. Но не тут-то было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Миновали дни торжеств, и Держава как-то сразу притихла. Так затихает природа перед грозой. Все чувствовали, что гроза приближается, хотя никто не знал, в чем она проявится. Однако внутренним чутьем ощущали: скоро.

Признаки приближения событий усматривались в том, что телевидение, радио и газеты, до сей поры основное внимание уделявшие разным сугубо внутренним проблемам, как, например, чистота языка

(все пишущие и громкоговорящие Ассарта издавна делились на два приблизительно равных по численности движения, из коих одно полагало, что для подлинного и всестороннего очищения языка необходимо вернуться к великоассартским литературным нормам, существовавшим Большой Круг лет назад — примерно семьсот восемьдесят земных лет, добавим мы для удобства читателей,— другое же движение придерживалось мнения, что чистоты языка можно добиться, лишь выкинув как можно больше старых слов и оборотов и заменив их новыми, самостоятельно изобретенными или на худой конец слышанными на иных планетах); немалое место в вещании отводилось взаимным претензиям отдельных донкалатов; путям развития морали (которые более всего походили на бурю на море в разрезе по вертикали: вверх-вниз — так, в частности, проституция каждые пятьдесят лет запрещалась, чтобы еще через пятьдесят вновь узакониться); преступности и ее колебаниям; да много еще чему,— итак, телевидение, радио и газеты вдруг заговорили о срочной необходимости извлечь из бронированных кладовых главное богатство нации — ее историю, и сделать ее общедоступной, без чего совершенно невозможно достичь еще более тесного единства (которое и так было куда уж теснее), а также высочайшего уровня жизни (поскольку сейчас он был, разумеется, самым высоким в Скоплении). Прозрачно намекалось на то, что Ассарт на протяжении многих Кругов Жизни обворовывался бесчестными соседями, присваивавшими лучшие эпизоды истории великой Державы — благодаря ее извечному миролюбию. Доходило даже до советов Властелину,— высказывавшихся в крайне почтительных тонах,— строже спросить с сановников, коим ведать надлежало.

Поэтому как признак близящихся перемен был воспринят и тот факт, что в одно прекрасное утро площадь перед Жилищем Власти оказалась тесно заставлена генеральскими машинами всех родов войск. Пока шоферы их мирно спали, раздвинув сиденья, генералы, рассевшись в соответствии с субординацией в зале Большого Преклонения, с великим вниманием вслушивались в обращенную к ним речь молодого Властелина — и в слова ее, и еще более в то, что было за словами — во второй, так сказать, эшелон мыслей. И тут же делали для себя необходимые выводы.

Властелин начал с того, что посвятил цвет вооруженных сил в некоторые проблемы построения Великого Мира в Ассарте. Он прямо заявил о том, что завершение эпохального строительства откладывается на неопределенный срок вследствие того, что средств на него катастрофически не хватает. И не стал скрывать, почему именно не хватает. Потому — оказалось — что слишком много уходило на поддержание обороноспособности...

(В этом месте генералы слегка загудели — совсем как трудолюбивые пчелки над цветущим лугом.)

— И следовательно,— продолжал Властелин,— единственным способом исправить положение может явиться сокращение указанных расходов; иными словами — сокращение вооруженных сил.

(Тут гудение усилилось и перешло в шмелиный регистр.)

— Я понимаю,— продолжал Властелин, не очень, кажется, испугавшийся такой реакции,— что вам неприятно слышать это. Вы боитесь дисквалификации. Думаю, что ваши страхи необоснованны. Ибо вечного мира я сейчас вам обещать не могу. Но какой-то перерыв нам нужен. Держава должна прийти в себя. Нам мало победоносного настоящего; нам нужно победоносное прошлое — чтобы можно было уверенно продвигаться к еще более победному будущему.

— Бриллиант Власти Главнокомандующий! — Один из генералов, пятилучевой, осмелился на небывалое: прервать всемогущего оратора.— Но как же можно завоевать победоносное прошлое, отказываясь воевать в настоящем? Нам это не представляется возможным!

— И тем не менее, попытаемся,— ответил Властелин, решивший, видимо, не обращать внимания на бестактное поведение военачальника.— Кроме вооруженных сил на свете существуют и политики, и дипломаты. Попробуем положиться на них. Тем более, что, если говорить откровенно, последняя кампания закончилась вовсе не такой уж блестящей победой, о какой трубили газеты. У нас с вами имеется ведь куда более достоверная информация...

Зал снова загудел — на этот раз с некоторой обидой.

— И поэтому если бы мы даже намеревались применить самые радикальные меры, то решили бы прежде испробовать наши возможности в каком-либо локальном конфликте. Вы согласны?

На это зал отреагировал несколько иначе, чем до сих пор. И потому, что из слов Властелина можно было заключить, что хоть какое-то применение в ближайшем будущем армия найдет; а также и по той причине, что он был прав: последняя длительная война закончилась в общем-то бесславно, хотя официальные оценки были, разумеется, другими.

Помощь к военным пришла с той стороны, с которой они, откровенно говоря, ее не ожидали. Слово попросил представитель Державного Департамента финансов.

— Мы вкладываем громадные средства во все,— начал он.— В силы Почвы, Воды, Воздуха и Пространства. И если мы хотим быть разумными хозяевами, то должны принять меры, чтобы затраченные деньги начали приносить доход.

— Уж не хотите ли вы заставить военный флот рыбу ловить? — громогласно поинтересовался один из адмиралов, оскорбленный уже тем, что на совещании высших военных чинов осмелился говорить какой-то штатский. Финансист, однако, и бровью не повел.

— Всякая система приносит доход лишь тогда, когда используется по назначению,— хладнокровно ответил он.— Армия должна воевать, иначе к чему она?

Тут генералы наконец уразумели, что штафирка не против них выступает, но наоборот, за.

— Когда государство испытывает финансовые трудности,— продолжал финансист,— а наше сейчас находится именно в таком положении, у него есть два способа поправить дела. Первый — прибегнуть к займам, внутренним или внешним. Внутри Ассарта взять ничего нельзя. Извне? Никто нам ничего не дает и не даст, потому что все кредиты во всех семнадцати мирах уже исчерпаны. Кроме того, у займов есть одна неприятная особенность: их надо возвращать, а кроме того — платить проценты. Однако имеется еще один способ поправить финансовое положение, а именно: потребовать дивиденды от армии. В самом деле, если идут военные действия, в результате которых мы осваиваем некие новые территории, то мы приобретаем, во-первых, трофеи, а во-вторых — возможность требовать репарации и тому подобное. Все полученное таким способом не надо будет возвращать, и равным образом мы будем свободны от уплаты процентов. Таким образом армия сможет вернуть те немалые средства, которые она задолжала Державе.

Тут генералы, люди в общем достаточно сдержанные, не выдержали и принялись аплодировать, громко и чуть ли не демонстративно. Властелин, казалось, не ожидал подобного удара в спину; однако поведением своим доказал, что является уже достаточно зрелым политиком. Он не стал ни протестовать, ни возмущаться, даже не повысил голоса. Наоборот, терпеливо выслушал представителя финансов до конца и ответил следующим образом:

— Я целиком согласен со сказанным. Однако я по сути дела сказал то же самое; с той лишь оговоркой, что перед тем, как начинать выгодную войну, надо убедиться в том, что она будет именно выгодной. А получить такую уверенность можно лишь опытным путем, при помощи именно такой локальной операции, на какую я уже выразил свое согласие. Что же касается политиков и дипломатов, то они будут действовать параллельно с армией и ни в коем случае не в ущерб ей. Я полагаю, что все государственные силы должны прилагать усилия в одном и том же направлении, никак не каждая в своем.

Нет, видит Рыба, готовясь к собеседованию с военными, он вовсе не этого хотел. Но вовремя почувствовал, что перегибать палку нельзя: вместо тугого лука получишь два обломка, которые по тебе же и ударят.

Военные же, напротив, почувствовали себя если не полностью, то хотя бы в достаточной мере удовлетворенными. Оставались лишь частности.

— Будет ли дано приказание Торговому флоту о выделении кораблей для вывоза трофеев? — поинтересовался Главноначальствующий Департамента оборонных транспортировок.

— Трофеи на сей раз будут особого рода,— ответил Властелин.— Так что вы сможете переправить их собственными силами. А что касается различных частностей — ну что же, я думаю, Торговый флот вам поможет не упустить ничего, заслуживающего внимания.

Хотя любой понимает, что для генерала — ассартского, или какого угодно другого, все равно,— защита Державы есть высокое призвание, не отягощенное никакими грубо-житейскими соображениями, тем не менее, и генерал (пусть и во вторую очередь) всего лишь человек, не чуждый мелким слабостям. А потому, спускаясь по широкой лестнице и выходя — опять-таки строго по этикету, без суеты и толчеи — из Жилища Власти, военачальники обменивались репликами, по которым можно было понять, что молодой Властелин, действительно, человек крутой, но не только крутой, но — главное — разумно мыслящий, оперирующий практическими категориями. Так что армии бояться за свою судьбу, пожалуй, не приходится. Ну что же: самое время! Застоялись, застоялись... Сколько же это месяцев никакой войны? — Виноват, Ваше Всеоружие, что́ месяцы: год ведь уже миновал, второй пошел, так и разучиться впору.— Ну-ну, теперь, по всему судя, нам залеживаться не дадут. Святое дело! — Так точно, Ваше Всеоружие, святое!..

Вот, значит, это явление тоже не ускользнуло от общественного внимания. Потому что, как и обычно, сразу же в курсе дела оказались шоферы, которым даже спать положено вполуха, ну, а там — пошли круги по воде.

Зато другое событие, состоявшееся на следующий день и по значению своему не менее, а скорее даже более важное, как-то не прозвучало и пристального интереса со стороны не привлекло. Наверное, потому, что созванные назавтра люди не подъезжали на лимузинах — им по рангу полагался лишь общественный транспорт, не более; и мундиров с эполетами и трехцветными кушаками не носили, а одеты были в обычные костюмчики, даже не новые. То были люди, предметом изучения и интересом которых была история — как Ассарта, так и прочих семнадцати планет Скопления.

Разговаривать с ними Властелину было как-то проще и свободнее, чем с генералами: за спиной историков не стояли войска, за ними не было силы. В своем новом качесте Изар успел уже понять самое главное: Властелин сам не является силой, он — лишь прибор, координирующий и направляющий действия подлинных сил. Поэтому, как ни старался он выглядеть уверенным в собеседовании с генералами, на самом деле ему было немного не по себе. Помогло

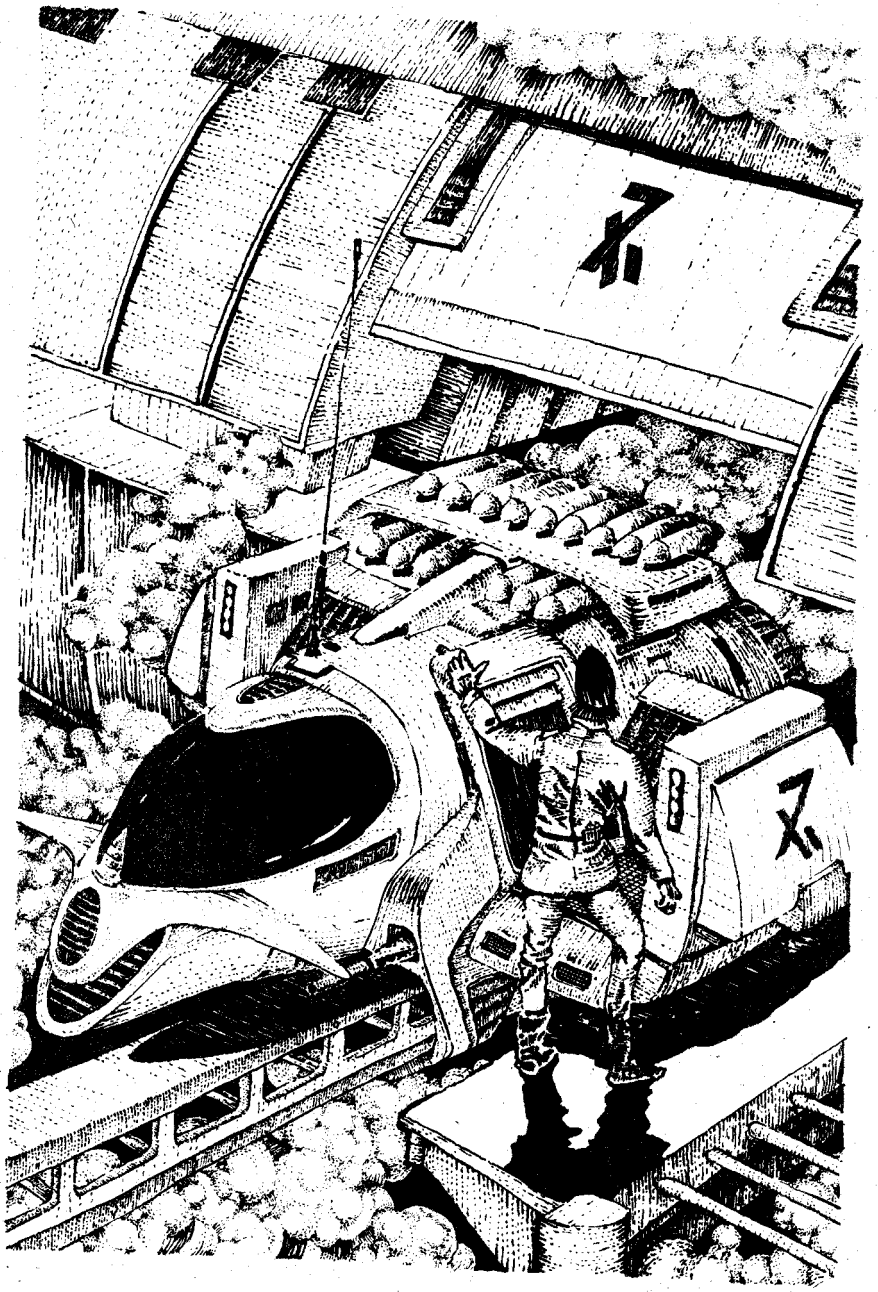
прежде всего то, что и генералы хотели видеть в нем то, чем он должен был быть: надежный регулятор своей силы — военной.

Да, с историками было намного проще. И он, конечно, мог бы собрать их в тот же день — время оставалось,— чтобы сразу покончить с самыми неприятными делами; а крайне неприятным для него было, как мы уже знаем, пребывание на людях. Вначале он так и собирался сделать. Потом передумал. Перенес на завтра.

Тут пришло, наверное, время сказать, почему же такую неловкость испытывал Изар, оказываясь среди толпы или перед нею, в особенности, если толпа была хоть как-то организованной. Дело в том, что он легко поддавался влиянию чужой мысли, стороннего настроения. То, что думал и решал он, находясь в спокойном одиночестве, всегда претерпевало перемены, стоило ему вынести эти мысли или решения на всеобщий суд, пусть и безмолвный. Он переставал быть собой. Вот и с генералами он собирался говорить вовсе не так, не обещать им под конец никаких благ — и не выдержал, пообещал, хотя сам еще как следует не понимал, что же выиграют генералы от изменений, которые предстояло внести в историю Ассарта. Но — пообещал.

А когда они наконец разъехались — вместе с чувством облегчения испытал вдруг некий ностальгический приступ, этакую тоску по определенному времени своей жизни. И вместо того, чтобы настраиваться на предстоящее обращение к историкам, Властелин приказал перенести все приглашения на следующее утро, распорядился вызвать машину и в сопровождении лишь малой охраны направился не к Источнику Вод, чтобы духовно укрепиться перед завтрашним решением (огласив его, он уже вступал на дорогу, с которой не смог бы свернуть до самого ее конца), и не в маленький уютный домик в Первом городском поясе, где с недавних пор жила большеглазая девушка по имени Леза,— возможно, он заедет туда на обратном пути,— но в парк Третьего Десантного полка Летучей Рыбы, в составе которого участвовал в одной из высадок.

Есть что-то порочное (по представлениям современной морали) в каждом нормальном мужчине — нечто, влекущее его к орудиям уничтожения, от маленького кинжала до многотысячетонного военного корабля, крейсера межзвездных пространств. Каждое из них имеет не только функциональную, но и эстетическую ценность, которые трудно разделить, как трудно отделить красоту человеческого тела от его здоровья. И вот, наглядевшись с утра на эполеты, аксельбанты, ордена и коралловое шитье на воротниках, наслушавшись зычных командных голосов, Изар ощутил вдруг тоску по своим скромным знакам различия и далеко не столь нарядному мундиру, по безусловному повиновению команде, по бездумной легкости действий, по дрожи палубы под ногами — палубы маленького десантного катера, только что покинувшего борт округлой космической

матки, по приближению непредсказуемого — а конкретность опасности всегда непредсказуема, потому что есть множество способов убить тебя, и ты не знаешь, каким из них воспользуется судьба — а может быть, и вообще пронесет... И ему захотелось вновь зачерпнуть хоть горсточку воды из давно уже и бесповоротно протекшей реки.

На этот раз он не выдавал себя ни за кого другого, он был Властелином и носил мундир Главнокомандующего. Так что в парк был пропущен незамедлительно. Он строго приказал, чтобы по начальству не докладывали о его прибытии, зная, впрочем, что все равно доложат (как он и сам доложил бы, будь он сегодня начальником караула) — и представляя четко, сколько минут остается у него на одиночество здесь, среди военных машин. Немного времени было ему отпущено на изъявление чувств. Поэтому он не стал заходить вглубь, но приказал открыть первый же эллинг и оставить его там одного.

Здесь стояли атмосферные штурм-агралеты, низкие, плоские машины, очертаниями схожие с рыбой скатом — ужас для всего, что ехало, бежало, ползло или окапывалось внизу, на атакуемой планете. Лишенные собственного хода в пространстве, они выстреливались с десантных маток в верхних слоях атмосферы, пронизывали ее, теряя одноразовое защитное покрытие — и, оказавшись в плотных слоях, сразу же шли в атаку: первая волна — на ракетные противодесантные установки, вторая и прочие — на все остальное, что могло взрываться, гореть и умирать. Те, кто пилотировал машины первой волны, редко оставались в живых; поэтому Изар в то время был назначен только во вторую,— он пытался протестовать, но отец его посчитал, что и такой стажировки более чем достаточно: в конце концов, вторая волна тоже не лечебница для нервных, просто там больше убиваешь, но реже гибнешь сам — однако это уж как повезет. И вот теперь Властелин подошел к ближайшей машине, с белой единичкой в черном круге на крыльях (номер волны) и тройкой на горбике фюзеляжа, означавшей собственный номер штурмовика. Подошел, на миг заставив себя поверить, что это — его машина, что это он сейчас займет место в кабине и приготовится к старту и атаке. Возникло вдруг странное чувство единства, едва ли не родства с этой машиной; он прижался щекой к холодному, зеркально-гладкому борту, приласкал его пальцами, как если бы то была женщина,— хотя с женщиной, он, скорее всего, больше стеснялся бы. Щека его повлажнела — то ли роса села на холодный металл, то ли слеза скатилась? Нет, скорее роса все-таки...

Так Изар простоял минуты две — безмысленно, растворенно... Потом снаружи застучали по бетону торопливые шаги: командир полка, конечно. Изар выпрямился, задрал подбородок, прищурил на всякий случай глаза.

— Отставить,— сказал он, прервав начатый было рапорт.— Вы хорошо содержите технику, Острие полка. Вы, конечно, захватили журнал поверяющих? Дайте свет, я сделаю запись.

Он хотел было спросить, кто служит на тройке, но удержался: вопрос дал бы повод для лишних разговоров, пилоту же мог в чем-то помочь, а мог и повредить. Ничего, не составляет труда узнать это и завтра. Зачем? Изар не смог бы ответить на этот вопрос. Может быть, ему показалось, что незнакомый пилот будет его личным представителем в будущих атаках?

Да нет; каждый пилот будет его личным представителем. И каждый командир полка. Каждый генерал. Все как один.

— Благодарю за службу,— сказал он, прощаясь.

— Слава Власти! — четко прозвучало в ответ.

Кого видел перед собой Острие полка в тот миг? Мальчишку — пилота с небольшим стажем? Или — Главнокомандующего, Властелина?

Он был военным человеком. Значит — все-таки, Властелина.

И уж подавно Властелином выступил он наутро перед историками — людьми, не избалованными вниманием верхов и потому то ли испуганными, то ли смущенными, а скорее — и то, и другое пополам.

Говоря с ними, он переводил взгляд с одного на другого, стараясь угадать: вот этот, похоже, станет пробиваться, делать карьеру, ну что же, отправим в разведку, пусть покажет, каков он как специалист и как человек. Сосед его — явно ведомый, но такие часто зарываются в предмет глубже остальных, не тратя сил на лидерство. Надежный рычаг композиционной группы? Поживем, увидим...

С ними Властелин не собирался заигрывать, как с военными. Наоборот. Сразу ошарашить перспективами. Чтобы они — не дай Рыба — не стали искать моральных основ, этических решений. К Синему Осьминогу мораль, и этику туда же — когда речь идет о судьбе Державы.

— Вы — люди науки,— сказал он (быть может, льстя большинству).— И знаете, что у наук, как у людей, народов, искусств, бывают свои периоды застоя, который на деле есть постепенное накопление сил, и периоды взлета, расцвета, когда одна какая-то наука сосредоточивает в себе коренные интересы эпохи. Это могла быть — и была — химия. Физика. Биология. Раньше — планетография. Теперь пришли дни истории. Они стучатся в дверь. И мы не можем впустить их, оставаясь неподготовленными.

Для того, чтобы встретить эти дни во всеоружии, я повелеваю создать Державный Департамент Истории. И Академию Истории. Буду рад видеть в составе одного или другой каждого из вас.

Из глубины веков наши пращуры глядят на нас с укоризной. Разве такой видели они свою планету в будущем? Разве они виноваты в том, что мы прошли не тот путь, каким следовало бы идти?

Впрочем, на самом ли деле мы прошли тот путь, который сейчас себе приписываем? Не есть ли наша сегодняшняя история всего лишь компиляция из обрывочных сведений, произвольных истолкований, предвзятых мнений? Разве каждое из сохранившихся свидетельств не может быть истолковано не единственным образом, но многообразно?

Я, Властелин, уверенно говорю вам: нет, наш путь не был таким. И нам — вам в первую очередь — предстоит восстановить его во всем ослепительном сиянии. Для этого и создаются названные выше учреждения. Их задачи различны, но поведут к общей цели. Департамент будет искать — и находить — новые факты прошлого, новые свидетельства и доказательства. Академия — определит их места на многоцветной карте нашей истории, которая в результате сделается совершенно неузнаваемой.

Впрочем, каждый из вас знает, что история — настолько же искусство, насколько наука. Вы знаете разницу между гениальным полотном мастера и плоской мазней ремесленника. И меня, и вас учили по беспомощным картинкам, пригодным разве что для умственно отсталых. Но разве не вошли мы в пору зрелости, когда по силам становится и создание шедевров?

Я хочу, я требую, чтобы был создан великий труд под названием «История Ассарта». Вы должны захотеть того же. Разведчики истории и Композиторы истории — вот две группы людей, которые, создав ее, оставят в ней свой неизгладимый след.

Вы спросите: а раньше?.. Раньше силы уходили на другое — на то, что было нужнее в тот час. Сегодня мы уже достигли всего, что могла нам обещать старая, худосочная история. Пришла пора влить ей в жилы свежую кровь. И мир Ассарта окажется способным на новые, величайшие свершения.

Сегодня у нас есть на это средства и есть силы. Дело за вами. Пора начать.

Сразу же скажу вам, с чего начать. Разведчики будут посланы на другие планеты — чтобы там найти детали нашей новой истории. Потому что, как вы знаете, прежде чужие силы не раз обрушивались на нас. Грабили. И историю в том числе. Но еще прежде Академики и Композиторы быстро и внимательно изучат истории остальных планет — чтобы найти события, которые, как подскажет вам чутье и логика, могли прежде принадлежать нам. Затем Разведчики на местах уточнят и проверят их. И возьмутся за дело Композиторы истории. Ясно ли я изложил вам вашу задачу?

Он обвел историков взглядом. Глаза их горели, и Властелин понял, что изложил ясно. Один только решился спросить:

— А согласятся ли они... э-э... вернуть нам... все это?

— Об этом,— ответил Изар,— позаботится Держава.

— Значит ли это, Властелин, что нам придется возвращать свое с оружием в руках?

«Нет,— подумал Изар.— Это не генералы, и война их никак не воодушевляет».

— Я предпочитаю иные методы. Например, могу сказать вам, что в самом скором будущем мы направим в один из соседних миров представительную делегацию, которая постарается приобрести интересующие нас детали истории, выкупив их или обменяв на то, что может заинтересовать другую сторону.

— Вы полагаете, Властелин, что их привлекает наша история?

— Боюсь, что нет,— невольно улыбнулся Изар.— Но их интересуют тяжелые элементы, которыми Ассарт достаточно богат. И мы могли бы предоставить им концессию или даже уплатить за историю обогащенными рудами.

— Это представляется разумным путем,— заметил спрашивавший.— Когда мы должны начать работу?

— Разве вы не заметили? Мы уже начали!

Изар не стал говорить историкам о том, что будет предпринята и локальная военная операция. Не потому, что не хотел прежде времени пугать их; просто в глубине души надеялся, что обойдется и так. Если торговая делегация сумеет договориться, его позиция против военных станет куда предпочтительнее.

В делегацию надо включить этого историка, Хен Гота, будущего Верховного Композитора Истории. Но представлять Ассарт будет, разумеется, не он: его никто не знает. А кто же?

Властелин на мгновение задумался.

Ум Совета, вот кто! Его знают во всех мирах. Он, конечно, стар, но еще одну такую поездку выдержит. И самому старику будет лестно закончить свою карьеру таким блестящим образом.

А пока делегация будет вести официальные переговоры, в других мирах неофициальные представители Ассарта будут прощупывать почву для таких же переговоров в будущем. Действовать надо через людей деловых, через купцов. Они как-то всегда ухитряются договориться даже там, где политики терпят поражение.

Вот так и будем действовать...

Властелин позволил себе немного расслабиться, помечтать, закрыв глаза, не вслушиваясь в оживленные разговоры историков.

Новая история. В которой не будет гнетущей традиции. Того Порядка, согласно которому сын убивает отца, мужчина насилует женщину, а после этого заставляет ее стать его женой и родить ему сына. Того самого, который с детства будет знать, что ему суждено

со временем прикончить своего отца — и самому повторить проклятый цикл.

Люди, все живущие на Ассарте, все подданные Державы, сами не ощущают, как тяготит их жестокий ритуал. Не представляют, насколько свободнее станет им дышаться, когда власть и насилие окажутся разобщенными раз и навсегда. Совсем другая жизнь начнется на Ассарте...

И те, кто поумнее, без сомнения, понимают это уже сейчас. Даже финансисты, эти всегдашние враги всего живого с проволочными сачками — да-да, именно из колючей проволоки — гоняющиеся за хрупкими, но прелестными бабочками политической мечты. Даже они промолчали, когда он говорил о возможной продаже реальной руды за эфемерную историю. Право же, это стоило выигранной битвы.

Надо еще поговорить, пожалуй, с людьми искусства. Хотя, может быть, сейчас это еще преждевременно... Они — народ непредсказуемый. Одни просто не смогут проникнуться идеей в чистом виде, им подавай конкретное: факты, имена, даты — канву, по которой они смогут вышить узорчатый коврик. Другие, напротив, идею воспримут, запустят фантазию на полные обороты — и такого наизображают, что потом не будешь знать, как от их фантазий отделаться.

Нет, с ними — потом. Когда что-то уже начнет получаться.

Кстати, может быть, тогда прекратятся и покушения на его жизнь. Люди увидят, поймут, что он хочет лишь добра. Что на самом деле он вовсе не жесток, не кровожаден, он хочет мира и благосостояния для каждого.

Потому что три покушения уже совершены. И не его заслуга в том, что они не увенчались успехом.

Словно кто-то незримый бережет его, более умелый, чем его охрана, чем весь Легион Морского дна. Интересно: кто они, откуда, какими мотивами руководствуются?

Но, пожалуй, еще более необходимо установить — кто же организует эти попытки лишить его жизни.

Если его не станет — кто может претендовать на власть?

Как он ни прикидывал, получалось, что единственным человеком, кто после его смерти законно приходил к власти, была Ястра. И затем — тот человек, которого она выберет себе в мужья.

Трудно иногда бывает понять, что творится в душе женщины. Она ведь любила его, несомненно. Однако после ритуального насилия резко изменилась. Отвергла. И появился этот — ее советник. Уж не его ли она прочит в будущие повелители Ассарта?

Надо позаботиться о том, чтобы обезвредить этого непонятно откуда взявшегося человека, уже занявшего, как доносят, его, Изара, место в постели Жемчужины Власти.

Кстати: как по женщине он по ней больше не тосковал. Наверное, есть в насилии нечто, отвращающее обоих друг от друга.

А вот Леза — да. Маленькая глазастая девочка, и посейчас робкая, всегда была для него желанной.

Властелин взглянул на часы. Было без скольких-то сколько-то. Одним словом, не очень поздно.

— Эфат!

— Властелин?

— Машину. Маленькую. Без охраны. Поведу сам.

— Да, Властелин. Конечно, Властелин!

«Без охраны» означало, разумеется, лишь то, что охрана не должна лезть на глаза. Обязана стать невидимой — всего только. А сам он стать незримым не имел более никакого права.

Быть Властелином, честно говоря, очень неприятно. Однако кто-то должен ведь им быть?

2

Все-таки нет в мире справедливости. Вот и нас дела одной-единственной планеты заняли настолько, что можно подумать, что на свете вовсе и не существует других планет и других дел.

А есть. И с избытком. Даже только в нашей Галактике (она, конечно, из крупных, но все же не самая крупная из всех, имеющихся в известных и неизвестных нам мирозданиях) дел даже слишком много для двух человек — хотя бы и обладающих такой информацией, какая нам и не снится, и знающих способы использовать эту информацию для пользы жизни.

Не удивительно поэтому, что вечно озабоченный Фермер не выразил ровно никакой радости, когда зов Мастера заставил его оторваться от решения сложной задачи. Дело в том, что... Нет, не будем отвлекаться вещами, хотя и весьма интересными, но к нашему повествованию не имеющими никакого отношения.

— Я слушаю тебя, Мастер,— произнес он, оказавшись в месте, откуда, должно быть, и раньше было видно все в пространствах многих измерений.

На этот раз многое здесь изменилось. Словно серым туманом было окутано все, плотным, непроницаемым ни для взгляда, ни для других способов познания на расстоянии. Исключая, может быть, лишь мысль.

— Скажи, Фермер: у тебя такая же картина?

— Да. Я как раз пытался пробиться. Пока безуспешно.

— Как ты объясняешь это?

— Не нахожу истолкования. Никакая из известных мне причин не может вызвать такого эффекта. Бывает — затрудняется проник-

новение в какое-то из пространств — но именно в одно из многих. Тогда можно найти обходный путь. Но с таким явлением я сталкиваюсь впервые. Видимо, и ты тоже?

— Ты угадал, Фермер. И я тоже не нахожу объяснения. Может быть, попытаемся сделать это вместе?

— С чего все началось?

— С потери связи.

— Твоему эмиссару не удалось справиться с задачей?

— Этого я не знаю. Не знаю, оказался ли он на месте. Вступил ли в общение со своей группой. Какую сумел занять позицию. Как они оценивают положение на Ассарте.

— Ты не пытался послать для выяснения еще кого-нибудь?

— У меня почти не осталось людей. Кроме того, потеря связи была лишь первой бедой. Второй стала непроницаемость пространства. То есть, все наши каналы транспортировки перекрыты.

— Для природного явления — слишком целеустремленно.

— О, я почти сразу отказался от мысли о естественном характере помех. А сейчас, когда у нас отняли возможность даже наблюдать, не вмешиваясь, я совершенно уверился в том, что это — обдуманная, осмысленная атака на нас обоих.

— Конечно: мы ведь не действуем порознь, цель у нас всегда одна. У тебя уже возникли, я думаю, какие-то предположения?

— Я и пригласил тебя для того, чтобы поделиться ими.

— Говори, я слушаю.

— Мне показалось, что для объяснения настоящего надо отступить в прошлое.

— В мире множество прошлых. В какое именно?

— В наше с тобой, Фермер. Ты помнишь, когда мы еще только готовились к этой работе...

— Когда возникало это Мироздание?

— Да. Уже тогда у нас возникали различные мнения о том, как оно должно развиваться.

— Ты вспомнил о мнении Охранителя?

— Да, того, кто потом взял себе имя Охранителя, как ты — Фермера, а я — Мастера.

— Да, я помню наши споры.

— А тебе не кажется, что впервые за истекшие с той поры времена возникла ситуация, когда точки зрения — наша и его — неизбежно должны были столкнуться?

— Разумеется, я думал об этом. Было бы странно, если бы этого не произошло. Однако мне трудно представить, чтобы кто-либо из нас — тот же Охранитель — избрал для воздействия такие вот методы. Согласись: нас готовили не к таким действиям.

— Прошло достаточно времени, чтобы он мог измениться.

— Только в том случае, если цель, которую он перед собой в

конце концов поставил, настолько грандиозна, что позволяет для своего достижения применить даже и такие методы.

— Понимаешь ли, так поступают, когда... когда понимают, что дело зашло слишком далеко, возврата нет и остается лишь пуститься во все тяжкие, рисковать: или все, или ничего.

— Возможно; только я не очень представляю себе, чем же может оказаться это «все».

— Ты ведь помнишь Охранителя? Хоть немного?

— Никогда не жаловался на память. Думаю, что помню его неплохо. Как и любого из нас.

— Он всегда был человеком крайностей, согласен?

— Да, был близок к такому образу мыслей. Ну и что же?

— Помнишь ли, как он спорил?

— А он и не спорил, собственно. Аргументация всегда давалась ему с трудом. И его излюбленным доводом было «Потому, что потому».

— Верно. Люди такого склада, не задумываясь, прибегают к силе, чтобы — не доказать, нет, но навязать свои взгляды.

— Ты хочешь сказать, что сейчас он чувствует себя сильным?

— Пожалуй, не совсем это. Скорее — он увидел способ стать сильным. Настолько сильным, чтобы заставить всех — тебя, меня, других — поступать так, как будет угодно ему.

— В это мне не очень верится. Потому что он всего лишь — человек Больших сил. И достаточно будет вмешаться силам Высоким...

— Вероятно, он считает, что может получить выход к еще более высоким силам.

— К Высшим, ты имеешь в виду? Не очень верится.

— Но рискнем все же предположить, что он так считает. Теперь подумаем: что может оказаться настолько сильным, чтобы составить угрозу даже для Высоких и Высших сил, не говоря уже о нас с тобой?

Фермер задумался ненадолго.

— Мне кажется,— сказал он после паузы,— что, во всяком случае, это не угроза созидания. Да, это может быть только лишь угрозой деструкции. Разрушения. Потому что разрушение всегда требует меньших усилий, чем созидание, это известно давно и каждому.

— Я рад, что ты думаешь так, как и я. Но если мы не ошибаемся, то попытаемся продвинуться дальше и сообразить: какое же разрушение, доступное ему, может оказаться настолько большой угрозой, чтобы с ней вынуждены были считаться даже и Высшие силы?

— Что же, подумаем. Наверное, тут надо не упускать из виду, что он достаточно долго находился где-то — не только в иных мирозданиях, но и других пространствах. Может быть, там он получил

какие-то возможности, неизвестные нам? Нельзя оперировать понятиями, каких мы не знаем.

— В этом я почти не сомневаюсь: хотя бы то, что мы сейчас отрезаны от всего Мироздания — убедительное доказательство. Но ведь не этим же станет он угрожать всем и каждому. Нет, здесь должно быть что-то более... более страшное.

— Уничтожение, уничтожение... Ну хорошо, предположим, он получил такую возможность: разрушать, уничтожать. Но в каком масштабе? Допустим, он уничтожит Ассарт. Да, это станет великой трагедией для всех, населяющих планету. Но зачем? Все огромное Мироздание от этого не очень-то пострадает.

— А если не одну только планету? Но все скопление Нагор?

— Нам с тобой это под силу?

— Просто так взять и уничтожить мановением руки? Нет. Но мы ведь говорили о каких-то неизвестных нам возможностях...

— Уничтожение, вообще любой процесс такого масштаба могут быть основаны лишь на фундаментальных законах бытия. Мы с тобой как будто неплохо разбираемся в них?

— Но если он может вызвать какое-то перезаконие...

— Так ведь это тоже происходит не как мне вздумается, а лишь определенным образом. Перезакония тоже предсказуемы.

— Надо основательно проанализировать их возможность.

— Согласен. И тем не менее думаю, что не в перезакониях дело. Они ведь совершаются относительно медленно. Почти всегда остается время, чтобы принять какие-то контрмеры. Нет, нужно искать что-то иное. Неожиданное. И — страшное не только для какой-то локальной части пространства, но, может быть, для Мироздания в целом.

— Мне приходит в голову картина: сумасшедшей с факелом — на пороховой бочке...

— Вот эту бочку нам и надо бы отыскать.

— Что же, придется отложить все остальные заботы и заниматься этим. Однако, Мастер, мне, откровенно говоря, не очень в это верится. Не такая уж слабая вещь — Мироздание. Оно, что ни говори, достаточно устойчиво. Разве я не прав?

— Я тоже все время рассуждал именно так.

— Ну и что же? Ты изменил свое мнение?

— Знаешь, в какой-то мере изменил. Потому что, рассуждая так, мы упускаем из виду Время.

— Время...

— Именно его. Мы берем состояние Вселенной в момент ее устойчивости. И произвольно распространяем его на все периоды существования Мироздания. А ведь это не так.

— М-м... Пожалуй, в этом что-то есть...

— Я тоже так думаю. И стоит поинтересоваться: каково со-

стояние Вселенной именно сейчас. Устойчива ли она? Или, может быть, находится как раз в какой-то стадии неустойчивости? Мы просто забыли о таких периодах, потому что нам с тобой никогда не приходилось соотносить наши действия с этим фактором...

— Да попросту это не наша область. Состояние Вселенной — забота Высших Сил. Нам с тобой известны наши пределы.

— Но значит ли это, что человек нашего уровня Сил не может создать фактор неустойчивости Вселенной? Когда, чтобы нарушить ее состояние, достаточно приложить не такую уж большую силу, может быть, даже — очень незначительную...

— Конечно, если обладать рычагом, к которому можно приложить такую силу...

— Можно ли с уверенностью сказать, что такого рычага — или рычагов — не существует?

— Нет. Не возьмусь утверждать это.

— Вот и я.

— Значит, ты предполагаешь, что Охранитель, находясь где-то, смог, во-первых, получить информацию о возможной сиюминутной неустойчивости Мироздания, и во-вторых, обнаружить способ, при помощи которого можно этой неустойчивостью воспользоваться?

— Даже не воспользоваться, Фермер. Но — создать угрозу такого действия.

— Что же... К сожалению, такого положения нельзя отвергнуть. Оно возможно. В нем нет противоречий.

— При этом мы можем с достаточной уверенностью предположить еще одно: что это как-то связано со Временем.

— И не только это. Еще и то, что все планы Охранителя каким-то образом связаны с Ассартом. Именно с Ассартом. А ведь мы, по сути, об этой планете знаем очень мало. Мы всегда считали ее одной из многих. А если на самом деле это не совсем так? Или даже совсем не так?

— Вот и определяется круг поисков. Интересы Охранителя на Ассарте. И какие-то, пусть небольшие, аномалии Времени — если он как-то на него влияет.

— Поэтому он и постарался изолировать нас от Ассарта?

— Совершенно верно. И он мог добиться этого, чуть сдвинув нас во времени — вместе с Фермой. Пусть даже на доли секунды...

— К такому обороту событий я, откровенно говоря, совершенно не готовился. Что мы можем предпринять в ответ?

— Я тоже не могу ответить сразу. Однако что-то сделать необходимо. Я должен знать, как развертываются события в Ассарте. Иначе Охранитель может поставить нас перед печальным фактом.

— Что же можно сделать? Ты говоришь, что послать тебе некого...

— Ну, может быть, не совсем так. Дело в том, что ни один

человек, сколь бы ни был он подготовлен, не пробьется сквозь капсулу, пока мы не восстановим своего положения во времени. Но это под силу тем, кто находится уже в космическом цикле. Их у меня двое. Ты их знаешь, Фермер. Одному из них придется вскоре уйти в неизвестность...

— Кто это будет: женщина или мужчина?

Мастер вздохнул.

— Я с радостью сказал бы: мужчина. Но вынужден ответить: первой пойдет женщина.

— Почему? Я думал, ты дашь ей отдохнуть, прийти в себя...

— Ты думаешь, я не хотел бы этого? Но то, что я собираюсь ей поручить, она может выполнить лучше, чем Иеромонах. Не хочу входить в подробности...

— Ну и не нужно. Ты думаешь, она сможет помочь Ферме выйти из капсулы?

— Это одна из задач. Есть и другие. Но решать — как и что делать — будет она сама, как только увидит, что там на самом деле происходит.

— Она должна найти твою группу?

— Конечно. Но вступать ли в контакт с ними, опять-таки решит она. Может создаться обстановка, когда это будет и не нужно. Я бесконечно доверяю ей, Фермер. И надеюсь, она справится...

3

Торговую делегацию Ассарта на планете Лезар принимали торжественно. Уже по тому, что возглавлял ее известный политик, долголетний Советник покойного Властелина Ассарта, понятно было, что делегация прибыла для обсуждения не только и даже не столько торговых, сколько политических вопросов. Лезар официально именовался торгово-демократической республикой, поэтому дела торговые в ней всегда котировались не ниже политических, а если говорить совершенно точно, были они переплетены столь тесно, что вряд ли кто-нибудь смог бы определить, где кончается одно и начинается другое.

Никого не удивило поэтому, что в первый же день пребывания на Лезаре делегация была принята президентом, который до выдвижения на этот ответственный пост занимал еще, пожалуй, более высокое кресло, а именно — был председателем совета директоров всепланетного экономического концерна. Однако те, кто полагал, что этим приемом внимание президента к переговорам и ограничится, были немало удивлены, когда оказалось, что он и в дальнейших заседаниях принял весьма деятельное участие. Средства массовой информации о содержании переговоров сообщили в общих

выражениях: что, мол, велись они по вопросам, представляющим взаимный интерес, проходили в обстановке взаимопонимания, однако не привели к каким-либо конкретным результатам, оставив, правда, открытым путь к дальнейшему обсуждению проблем, интересующих обе стороны.

На самом же деле события развивались вот как. Поскольку Лезар заранее не был предупрежден о предмете переговоров, его представители уже на первое заседание явились, ожидая каких-то подвохов: Ассарт, мир богатый, но, по общему мнению, скверно организованный и во многом отстающий от времени, известен был своей традицией добиваться каких-то мелких и непринципиальных выгод, не обращая внимания на то, что куда более существенная общая выгода при этом заметно страдала. То есть Ассарт никогда не умел отойти несколько назад, чтобы затем как следует разбежаться и прыгнуть сразу на изрядное расстояние. Торговые отношения между Ассартом и Лезаром находились уже продолжительное время на точке замерзания, и это заставляло не ждать от приезда делегации никакого сколько-нибудь ощутимого толка. С другой же стороны, это был первый выход молодого Властелина на межмировую арену, пусть и не личный, и всех интересовало, насколько его политика будет отличаться от всем привычной и надоевшей. Так что с одной стороны Лезар не ожидал вроде бы никаких неожиданностей, с другой же — был готов к ним.

И тем не менее, то, что они услышали, было настолько непредсказуемым и даже, казалось, нелепым, что многоопытные политики и экономисты Лезара поначалу оказались в состоянии полного недоумения и даже не сразу поверили, что Ассарт говорит именно о том, о чем говорит, то есть, что надо понимать его слова буквально, а не иносказательно.

— Властелин Изар,— заявил в самом начале переговоров глубокоуважаемый Ум Ассарта,— исполнен желания наладить взаимовыгодные торговые, а равно и политические отношения со всеми мирами Нагора. Он почел за благо начать с Лезара потому, что торговая репутация этого мира не оставляла желать лучшего. Властелин намерен ни более, ни менее как открыть новую главу в истории торговых отношений, и надеется, что Лезар окажется достойный партнером в этом историческом деянии.

В ответ на эту преамбулу официальный глава делегации Лезара, президент Всепланетной Торговой Конгрегации, поблагодарил за высокое мнение и заверил, что его планета, со своей стороны, с радостью пойдет навстречу любому разумному предложению Ассарта.

— Мы были бы признательны,— заключил он,— если бы делегация, посланная Властелином Изаром, перешла к конкретным сделкам.

— С удовольствием,— ответил Ум Ассарта.— Мы, в частности,

учитывая неоднократные просьбы правительственных и частных фирм Лезара, готовы предложить трансурановые элементы в таких количествах, которые Лезар будет в состоянии оплатить.

Заявление было воспринято не без некоторой иронии: Лезар был миром богатым и мог позволить себе платить много. Что касается тяжелых элементов, то они и в самом деле были нужны, поскольку энергетика торгового мира основывалась в первую очередь именно на них. Так что предложение в общем виде выглядело весьма заманчиво.

— По каким же ценам Ассарт намерен поставлять названный продукт? — поинтересовались практичные лезарские дельцы.

— Ассарту известен уровень межмировых цен. Однако, учитывая желание Властелина сделать операции взаимовыгодными, Ассарт готов предоставить Лезару определенные льготы.

— Это всегда приятно слышать,— признал Лезар.— А в чем эти льготы могли бы заключаться?

— Ну, в частности, в том, что Ассарт не настаивает на денежной оплате. Он согласен на бартерные операции.

— Очень хорошо. Лезар может похвалиться разнообразием и высоким качеством производимой на нем продукции. Что конкретно интересует уважаемую делегацию?

Тут-то и был задан вопрос, прозвучавший, мягко выражаясь, неожиданно, когда все принялись лихорадочно отыскивать в нем подтексты и иносказания.

— Не скажут ли уважаемые контрагенты, сколько стоит один год лезарской истории?

Члены делегации Лезара лишь недоуменно переглянулись. И одновременно ощутили свою некоторую ущербность. Казалось бы, все и всяческие цены на все на свете были им известны; но вот оказалось, что над стоимостью такой вещи, как собственная история, никто из них никогда не задумывался. Ценность земли была точно известна, ценность воды, воздуха даже; но вот чего стоит прошлое? Может ли вообще существовать единая цена? Или в истории, как и в производстве, бывает товар экстра-класса, бывает среднего, а то и просто низшего? Все это были вопросы неожиданные и не простые, на них нельзя было ответить так сразу, не анализируя. А чтобы анализировать, надо было прежде изобрести методику анализа, что уже само по себе требовало немалого времени, потому что совершенно не было понятно — с какой стороны надо подходить к выработке такой методики. И во всяком случае, для обсуждения таких вопросов необходимо было пригласить специалистов, то есть историков, которые до сих пор в такого рода конференциях участия не принимали, поскольку эрудицией в вопросах текущей экономики никогда не отличались.

— Мы не готовы сразу же ответить на этот вопрос,— ответил

наконец Президент конгрегации.— Полагаю, что пройдет некоторое время, прежде чем мы, посоветовавшись со специалистами, сможем дать хотя бы приблизительную оценку. А почему, собственно, цена нашей истории заинтересовала высокую делегацию?

— Потому,— сообщил в ответ Ум Ассарта,— что Властелин Изар намерен обменивать имеющиеся у нас в избытке трансурановые на имеющуюся у вас историю. То есть, точнее говоря, не на всю историю, а на некоторые ее эпизоды. По нашему выбору. Мы можем назвать их уже сейчас, поскольку в состав нашей делегации включены и специалисты в этой области знания. Они готовы определить и хотя бы приблизительную стоимость отобранных нами элементов истории, хотя стоимость эта, разумеется, при дальнейшем обсуждении способна меняться в ту или иную сторону. Прошу вас, достойный Хен Гот.

Историк заговорил, нимало не смущаясь, словно всю жизнь только тем и занимался, что участвовал в межпланетных конференциях:

— Как известно, история мира Лезар не очень богата крупными, значительными, исторически выразительными событиями. Однако и в ней существуют определенные эпизоды, вызывающие наш интерес и желание приобрести их в собственность. В частности, это могли бы быть, прежде всего, эпизод войны против горных лезитов в период распада Средне-Гиметской империи на Лезаре, когда небольшой отряд гиметской гвардии стремительным налетом заставил выйти из войны и капитулировать Горно-Усанское княжество, что, в конечном итоге, предотвратило полный распад империи, а в дальнейшем привело к началу восстановительного, собирательного процесса. Этот эпизод, протяженностью всего в два с половиной Лезарских месяца, что соответствует сорока восьми дням Ассарта, мы оцениваем приблизительно в двести пятьдесят тысяч Ассартских чешуй — золотых, разумеется,— и готовы уплатить означенную сумму трансурановыми элементами по мировым ценам, но с пятипроцентной скидкой. Затем, во-вторых, это мог бы быть...

— Одну минуту,— остановил его глава Лезарской делегации.— Не объясните ли вы, как следует понимать вышесказанное. То есть, как это возможно — продать историю, и как возможно купить ее.

— Нет ничего проще,— ответил историк.— Продать — это значит передать в нашу полную собственность. То есть, продав эпизод своей истории, вы исключаете его из перечня событий, имевших когда-либо место на вашей прекрасной планете; из архивов, летописей, научных и популярных работ по истории, включая школьные учебники, а также из литературных произведений, посвященных этой теме, в случае, если таковые существуют. Мы же, напротив,

приобретя этот эпизод, получаем полное право включать его в нашу историю в любых ее вариантах, научных, популярных, художественных, и так далее.

— Гм,— промолвил президент.— Это действительно новый и, я бы сказал, нетривиальный подход к торговле. Должен признать, что мы в некотором затруднении. Потому что, прежде всего, не вполне ясно, кто является собственником истории, а следовательно — кто имеет и кто не имеет права продавать ее, а также — кто вправе и кто не вправе пользоваться тем, что является платой за эту историю.

— С нашей точки зрения,— возразил уже Ум Ассарта,— тут нет ни малейших поводов для сомнений. Вряд ли вы станете возражать против того, что любой продукт принадлежит тому, кто произвел его. Следовательно, история точно так же является собственностью того, кто ее произвел.

— Кто же произвел ее? Мы полагаем, что тут могут существовать самые различные мнения. Производителем истории можно, например, считать народ. Или течение времени. Или Господа Бога... Но вряд ли Господь нуждается в ваших трансурановых?

— По нашему разумению,— отвечал Ум Ассарта,— производителем истории является государство. Ибо — и специалист готов подтвердить это — под историей мы понимаем то, что запечатлено в официально признанных текстах. Если мы начнем прослеживать генезис этих текстов, то в конце концов придем к государству, которое их заказывало и оплачивало. Таким образом, собственником истории является государство, и только оно. Следовательно, оно имеет право приобретать историю, отчуждать ее и в полной мере пользоваться результатом таких продаж или приобретений.

— И все же это нуждается в тщательном обдумывании,— упрямо не сдавались лезаряне.— Однако, желая пойти навстречу столь ценному партнеру, мы предлагаем другое. Пока будет происходить обсуждение и уточнение этого вопроса как в научной, так и правовой и экономической плоскостях, мы, возможно, могли бы обдумать и решить вопрос о передаче интересующих вас эпизодов нашей истории в краткосрочную, для начала, аренду — ну, хотя бы на десять лет. Это послужило бы неплохим экспериментом, и если в процессе его осуществления эксперты с обеих сторон не найдут ничего, противоречащего принципам гуманности и законам межмировой торговли, мы сможем возобновить переговоры уже в плане продажи в вечное и нераздельное владение.

— Это нас не устраивает. Ибо аренда лишит нас права обращаться с упомянутыми эпизодами в соответствии с нашими концепциями,— возразил историк, а Советник поддержал его.

Так что на этом этапе переговоров соглашение достигнуто не было.

4

— А если это он тебя подослал, то я тебя просто убью!

Выкрикнув это, она метнулась к выходу и хлопнула дверью так, что на меня обрушился ветер. Нет, чего-то в ней все-таки не хватало для подлинной Жемчужины Власти, как я это понимаю. Плавности движений, умения говорить так, словно за каждым словом скрывается вагон мудрости, царственного — лениво-пренебрежительного взгляда... Бывало, она смотрела, как море, иногда — как кошка, а случалось — и вообще никак не смотрела, а просто закрывала глаза. Одним словом, нормально ненормальная молодая женщина, среднее арифметическое взбалмошной девчонки и многоопытной старой ведьмы.

Стыдно признаться, но мне было с ней хорошо. И все же чувствовал я себя не наилучшим образом. Потому что во снах ко мне приходила Эла. И смотрела печально. Хотя не говорила ни слова.

Нет, формально все было — лучше не придумаешь. Не успев по-настоящему приехать, я стал — не знаю точно, каким по счету, но во всяком случае одним из первой десятки сановников огромной Державы. Как говорится, ел на золоте, спал на лебяжьем пухе. Если бы я направлялся сюда, чтобы изловчиться и ухватить фортуну за хохол, то большего и желать было бы невозможно.

Однако меня привели сюда совсем другие соображения. И вот в этом плане я сидел на мели — и так основательно, что никакому приливу было меня не поднять.

Я был всеми уважаемым и (очень сильно подозреваю) ненавидимым советником Супруги и Жемчужины Власти. Теоретически то была наилучшая позиция для ненавязчивого влияния на самого Властелина: жены в таких ситуациях работают как идеальный сверхпроводник — если только вы правильно подключили их к своему генератору политических и прочих идей. Но это — теория. Что же касается практики, то ко мне-то Ястра подключилась, но другой конец этой связи — выход на Властелина — был то ли напрочь обрублен, то ли, самое малое, наглухо заизолирован и заблокирован. Так что ни малейшего напряжения в цепи не возникало. Иных же путей к Властелину, во всяком случае до самого последнего времени я не видел — хотя бы потому, что у него действительно были некоторые основания относиться ко мне, мягко говоря, с неприязнью.

То, что девица — я имею в виду Ястру — после выполнения всех ритуальных обрядов на какое-то время отшатнулась от него, можно считать совершенно нормальным. Даже в мои времена (хотя и не в моей стране) можно было схлопотать вполне уютный срок за изнасилование собственной жены. А Ястра тогда даже супругой не была.

Но вот именно — на какое-то время. Потому что немного спустя

очень большой пакет соображений — политических, престижных, династических, бытовых и прочих — заставил бы ее смягчиться. Тем более, что в ее (и не только в ее) возрасте потребность в любви вовсе не исчерпывается платоникой, а Властелин — мужчина, безусловно, приятный на взгляд, в этом я ему не соперник, да и все остальное у него вроде бы в порядке. Я прекрасно понимал, что подвернулся ей под руку как раз в те минуты, когда ей самой страшно хотелось изнасиловать хоть кого-нибудь в отместку за учиненное над нею,— а солдат охраны успели расхватать горничные и кухарки. Нет, я, конечно, не хочу сказать... Собственно, у меня нет серьезных оснований полагать, что она... Ну, ладно. Одним словом, я подвернулся, стал ее соучастником в свершении акта мести (потом она пыталась мне втолковать, что такой ритуал тоже существовал в свое время, но не афишировался и постепенно заглох — после какого-то очень уж громкого скандала не то шесть, не то семь поколений назад). Что сделано — сделано, и она имела полное право и возможность наутро вытурить меня на все четыре стороны, а я не стал бы обижаться, потому что, с одной стороны, мне были оказаны помощь и гостеприимство, а с другой — я их отработал, так что никто из нас не остался никому должен. Но она меня не вытурила.

Может быть... А черт его знает. Нет, вероятно, все-таки потому Ястра меня не выпроводила, что... Ну, в общем, ночью, когда это все происходило, я как-то помимо воли стал думать, что это — не какая-то малоизвестная инопланетянка, но — та, которой у меня больше не было. Знал, конечно, что не она, их не спутаешь. Но — стало так казаться. И поэтому я был — одним словом, как если бы она вернулась, и мы на одну ночь оказались вдруг вместе, и все, что я к ней чувствовал и что осталось невыраженным, надо было в эту ночь выразить — и не словами. Сам не думал, что во мне еще столько нежности; казалось, все умерло, ушло. Короче — Ястру, как я понимаю, эта нежность и свела с пути: после насилия-то! А она, как потом уже выяснилось, человек привязчивый. И было мне велено остаться. Чему я, если уж быть до конца откровенным, обрадовался.

А когда она объявила мне, что назначает меня своим советником (даже не спросив, хочу ли я; монархия — не самая демократическая система, это вам любой скажет), я сгоряча решил, что мое дело сделано. Я уже говорил — почему.

В действительности же получилось, что я остался с носом, и не самым коротким в мире. Потому что вскоре выяснилось, что меня изолировали от всякого выхода в политику даже успешнее, чем если бы я сидел в самой надежной тюрьме Державы — в ручных и ножных кандалах, да еще прикованным к стене. Ведь участвовать в политике я мог только при помощи Ястры, то есть через нее. А она о политике и слышать не желала. Оказалось, что ей доставляет удовольствие то, чего она все время была лишена: тихая семейная

жизнь, в которой мне была отведена роль обыкновенного домашнего мужа. Надо полагать, что светской жизни она успела хлебнуть досыта, и теперь могла с чистой совестью сидеть дома, не рискуя свихнуться от тоски и скуки.

Причем без всякого риска. Мой официальный статус целиком оправдывал мое постоянное пребывание при ней. А сколько-нибудь серьезного протеста с моей стороны бояться тоже не приходилось. И едва я начал топорщить шерсть, она исчерпывающе объяснила мне, почему.

— Милый Уль,— сказала она, полулежа на софе и не выпуская из рук глянцевитого красочного журнала,— что-то по женской линии,— который пролистывала, когда я начал было атаку.— Если хочешь, я объясню тебе твое положение, а выводы сделаешь сам. Сместить тебя мне не труднее, чем было назначить. И сразу же найдется очень много охотников задать тебе целый ворох вопросов, на которые они сейчас не решаются. Например — кто вы, почтенный экс-советник, и откуда. Каким образом вдруг оказались на поверхности Ассарта. С какой целью прибыли. С кем должны были встретиться. Кто ваши истинные хозяева. И так далее. Думаю, что тебе было бы крайне нелегко на них ответить — потому что вряд ли ты захотел бы сказать правду. Мне кажется, тебе куда спокойнее жить, пока никто ее не знает.

— Можно подумать, что ты ее знаешь,— попробовал сопротивляться я.— И видишь в ней нечто страшное. Хотя на самом деле...

Она подняла руку, прерывая меня.

— На самом деле я не знаю — и не желаю знать. Твоя правда мне не нужна. С меня достаточно моей. А она заключается в том, что ты меня совершенно устраиваешь как раз по тем причинам, по которым не устроил бы других. Ты чужак, незаконно прибывший в Ассарт. У тебя нет здесь корней. Нет родных, нет сторонников, просто знакомых, которые пытались бы через тебя добраться до меня с просьбами, пожеланиями, угрозами, которые втягивали бы тебя — и меня — в разного рода авантюры и вообще мешали бы жить. Наверное, у тебя есть на планете какие-то люди, которым ты нужен — иначе тебя не занесло бы в наши края,— но сюда, как ты знаешь, не так-то просто попасть с улицы — да и не с улицы тоже. С другой стороны, это лишает тебя возможности самому ввязываться в какие-нибудь истории, потому что у тебя нет предлогов, чтобы исчезать из Жилища Власти — скажем, навестить больную тетку, или выпить кружку пива со школьными товарищами, или купить подарок незаконному сыну, которого ты прижил с билетершей из кино «Цабл» на окраине. И даже чтобы сходить в магазин за дюжиной носовых платков: у тебя есть все, а если чего-то не хватает — достаточно приказать, и тебе доставят. Вот причины, по которым...

Она потянулась за каким-то соком, стоявшим на столике, и я использовал эту микропаузу, чтобы все-таки хоть что-нибудь сказать.

— Величайшая из Жемчужин, по-моему, ты себе противоречишь. Ведь если все-таки есть кто-то, кому нужно бы со мною повидаться, и попасть к нам с улицы или со двора он не может, то разве не естественно для меня выйти из Жилища именно для того, чтобы встретиться с ним, если даже он не приходится мне теткой, ни больной, ни здоровой?

— Нет, не естественно,— убежденно сказала Ястра.— Потому что это действительно вряд ли тетка, но очень может оказаться достаточно молодой племянницей. Такие сумасшедшие эскапады, как незаконное прибытие на незнакомую планету, чаще всего делают именно из-за какой-нибудь пары длинных ножек.— Тут она откинула полу своего — не-знаю-как-это-назвать,— чтобы напомнить, что такие ножки, как у нее, встречаются в мире не часто (словно бы я мог об этом забыть).— Длинных ножек и смазливой, хотя и туповатой мордашки. А я делить тебя не собираюсь ни с кем — пока ты мне не надоешь. Однако хочу честно предупредить: судя по многим признакам, это случится не скоро. Может быть, очень не скоро. А теперь сядь сюда, дай руку и расскажи, как ты меня любишь. Если не хватит слов, найди другой способ, чтобы я поняла... Осторожно! Ты порвешь! Великая Рыба, почему я полюбила такую деревенщину — хуже, чем из донкалата Хапорим!..

Способов, которые имела в виду Ястра, существует не так уж мало; по этой причине я смог возобновить разговор лишь спустя некоторое время.

— Ослепительная,— сказал я невнятно (потому что лежал, уткнувшись носом в то место ее тела, где плечо начинает переходить в шею; лежать так очень приятно, но поза плохо отражается на чистоте произношения),— но почему обязательно племянница? Почему вообще женщина? По-моему, ты уже достаточно изучила мой характер...

— А что, уже читают такой курс? — спросила она и слегка дернула меня за волосы.

— ...чтобы понять, что я вовсе не... м-м... как называется по-ассартски такая скотина — с рогами, бородой, жутким запахом и неиссякаемой потенцией?

— По-моему, имя ей — Ульдемир. Ах нет, прости — он же с бородой... Скорее всего, это зандак. Который говорит «ме-е». Тоже очень похоже, верно?

Гордый и обиженный, я промолчал.

— Ну ладно,— сказала она,— нет рогов, нет, нет! Ну, прости.

— Прощаю,— сказал я великодушно.

— Нет, ты прости по-настоящему!

— Я и так по-настоящему.

— Ты не прощаешь, только болтаешь языком. А я не верю.

— Опять способы? Я же действительно не зандак!

— Ты в десять раз лучше. Во сто!

— Послушай, Ястра... Хорошо, что мы добрались до этой темы. Я уже давно хотел. Мы ведем себя до жути легкомысленно. Как дети. Никаких мер... Или ты уверена, что со мной это безопасно?

— Очень опасно. Ты бываешь невменяем. Кусаешься. И кричишь.

— Вранье. Это ты кричишь.

— Нет. Я слишком хорошо воспитана. Конечно, ты очень опасен.

— Ястра! Стань хоть на пять минут серьезной!

— Вот еще! Для этого я слишком высокопоставленная особа. Ну ладно, что ты хочешь сказать?

— Что у таких игр бывают последствия.

— Ты меня пугаешь! Что-нибудь серьезное?

— Ястра!

— Что я могу поделать, если твоей серьезности хватает на двоих, для моей просто не остается места... Значит, ты боишься последствий?

— Естественно.

— Я тебя успокою. Не бойся. Совершенно нечего бояться.

Тут я почувствовал себя несколько лучше. Значит, она все же предохраняется. Она легкомысленна только с виду. Но мне хотелось полной гарантии.

— Ты уверена?

— Не только я.

— Что ты сказала?

— Что не только я уверена, но и мой врач тоже. Все анализы показывают, что бояться нечего.— Ястра чуть повернула голову, чтобы бросить на меня быстрый взгляд.— Уже нечего. Бояться надо было раньше. Но я очень рада, что ты не оказался трусом.

— Ты что?.. Ты хочешь сказать, что...

— Да не бойся же! Еще самое малое полгода я не буду тебя гнать. Интересно, а сколько это продолжается там, у вас?

— Девять месяцев,— мрачно сказал я, понемногу начиная понимать, в какую мы попали катастрофу.

— Странно: совсем как мы... Уль, кто умер?

— Что-о?

— Ну, у тебя такое выражение лица, что я подумала...

— Ты еще можешь шутить?

— Бывает, это не проходит до старости.

— До старости надо еще дожить,— угрюмо огласил я мою мысль.— Но думаю, нам это не грозит.

— Я понимаю, что ты меня не переживешь. Но у нас от родов не умирают. Давно уже. Два малых круга.

— А от чего у вас умирают? Как делают в таких случаях? Расстреливают? Вешают? Отрубают голову? Подсыпают яду? Или просто присылают шелковый шнурок — для самодеятельности?

— Рыба, Великая Рыба! О чем ты вдруг заговорил?

— О том, что предпримет Властелин, когда узнает.

— Наверное, обрадуется. Хотя должен бы ты. Но ты не радуешься, и это меня глубоко оскорбляет.

— Я радуюсь. Но боязнь за твое будущее сильнее. Не понимаю, чему должен радоваться твой муж.

— Он мне не муж, а пасынок. Муж — тот, с кем делят пищу, кров и ложе. С кем я делю, попробуй догадаться. Что касается юного Изара...

— Какой юный; он старше тебя.

— Ну, я вообще еще девочка... Так вот, он должен радоваться тому, что кто-то выполнил за него тяжелую работу.

— Опять смеешься?

— Нет, я совершенно серьезна. Разве не тяжело — ложиться в постель с женщиной из чувства долга?

— Ты уверена, что он тебя не любит?

— Он любит эту свою канарейку. И я не удивлюсь, если он ей сделает ребенка, как ты мне.

— Ястра!

— Не хочешь, чтобы я тебе напоминала? Пусть так; стану говорить, что забеременела от кого-то другого. Угодно тебе?

— Нахалка,— буркнул я.

— Не забывайтесь, Советник! У него должна быть и еще одна причина для радости. Будущий Властелин обязательно окажется очень удачным ребенком.

— Ну, думаю, что и его сын тоже...

— Нет. Ты — совершенно чужая кровь. Свежая. А наши родовые связи здесь так запутаны — все на всех женились, все от всех рожали, все всем родня... Нет, и сравнивать нечего.

Я невольно вздохнул.

— Ты мне напомнила: я твой советник. Угодно Властительнице прибегнуть к совету своего приближенного?

— Скажи — предельно приближенного. Угодно — если совет окажется разумным... и человеколюбивым. Таких советов я могу выслушать множество.

— Только два. Первый: сделай аборт. Второй: помирись с Изаром хотя бы настолько, чтобы родить сына от него.

— Негодяй!

— Могу объяснить...

— Уже объяснил — лучше некуда!

И она закатила мне пощечину. Она очень спортивная девица. И оплеуха была не символической. Но я стерпел. Еще когда Мастер сватал меня сюда, я чувствовал, что здесь придется солоно. Так и вышло. По-моему, она расшатала мне зуб.

— Ястра! Поговорим спокойно и разумно. Изар — Властелин...

Вот тут-то она и крикнула:

— Такие советы может давать только прихвостень Изара! А если это он тебя подослал, то я тебя просто убью!

И вихрь унес ее, и хлопнул дверью. По-моему, даже искры посыпались. Мне же осталось только сидеть и переживать, что я и проделал на ваших глазах.

Однако вскоре я услышал приближающиеся шаги. Кто-то быстро и легко шел по коридору. Я сообразил, что это принесли то ли уведомление об отставке, то ли повеление убираться — под арест или на все четыре стороны, а скорее всего — и то, и другое. Шаги остановились перед дверью. Она распахнулась. И вошел мужик в форме ее телохранителя. Мрачный типчик с накаченными мускулами и отвратной мордой. С порога он стрельнул глазами и оскалился. Я сказал грубо (терять-то было нечего):

— Ну, что у тебя, ты, обезьяна? Давай сюда!

Он отдал салют и сказал:

— Рад видеть в добром здравии! Как поступим, капитан: вы оденетесь или мне раздеться? Мундир очень стесняет.

Я опустил глаза на собственный живот. Действительно, я был крайне не одет. Потом вгляделся в него.

— Питек?!

— В собственном соку, капитан!

— Питек!

— Личный телохранитель Ее Всемогущества, Супруги и Жемчужины Власти, к вашим услугам, господин Советник!

Тут он понизил голос:

— По велению Властелина-бриллианта. С возложением дополнительных обязанностей: скрытно надзирать над указанным Советником и пытаться выяснить, что он за личность и под каким соусом его можно будет съесть.

— Господи! — сказал я.— Ну наконец-то! Каким ты стал красивым! И разговорчивым!

— Здесь очень говорливый персонал,— ответил он.— У Жемчужины. И кроме нас, караульщиков — одни... это... женщины. Я как раз на посту в коридоре. Жемчужина прокатилась. Я понял, что у вас перерыв в служебных обязанностях. Она застегивалась на ходу.

Он всегда был несколько нахален. Первобытное воспитание.

— Перерыв, перерыв. Неизвестно только, когда он кончится и как. Так что давай — к делу.

— О да, Советник. Разумеется, Советник. Что вы знаете и что — нет?

— Абсолютный девственник по части информации. Давай.

— Я изложу кратко, чтобы у вас было, что сообщить Мастеру.

— Разве у вас нет связи с ним?

— Нет. Но уж если вы добрались сюда, то установите ее.

Я немного напрягся и вспомнил, что я — капитан. Все еще. И тут же стал приводить себя в нормальный капитанский вид. Хотя мы были не на корабле, но уже дул крепкий ветер и назревал шторм.

5

Все-таки приближенность к власти имеет свои преимущества. Только что, например, мы были свидетелями страданий некоего высокопоставленного, причиной коих была невозможность заняться хоть еще одним каким-то делом. А вот людям, располагающимся на уровнях пониже, часто кажется, что работы могло бы быть и поменьше, и неплохо ей оказаться чуть полегче. Но что делать — внизу не выбирают, за исключением, может быть, уж самого низа, где, правда, выбирать и не из чего.

Много, много работы. Хотя бы у Историков. Вот когда они почувствовали, что заниматься главной на сегодня наукой — вовсе не мед. Начинаешь затемно и кончаешь затемно. Кое-как перекусываешь на ходу. Над душой висит ближайший начальник, как спутник связи: улавливает все, не двигаясь с места. «Донк Истиг (теперь называют донками, как благородных,— как-никак, академики и композиторы — звания звучные), донк Истиг, у вас на сегодня осталось еще два обширных эпизода по планете Тулесир, средние циклы, а вы, похоже, решили подремать? Чем же вы дома занимаетесь?». Кровопийца, клянусь плавниками!.. Только и утешения, что через пять минут уже с удовольствием слышишь, как еще выше окликают именно его, начальника: «Донк Эгор, обстоятельства заставляют думать, что в вашем секторе происходит утечка информации, и даже не просто тайной, а тайно-тайной! А ведь ответственность, если не ошибаюсь, на вас? Уже заинтересовались Легионеры Дна!..». Вот так тебе и надо, донк Эгор, начальничек, рыбью кость тебе в горло! Чем вы дома занимаетесь, видишь ли, его любопытство гложет! Да ничем, то-то и оно! Слава Рыбе, что хоть отвозят, потому что своими силами просто не доберешься — здесь они остаются без остатка, эти свои силы; доползешь до постели, и — хлоп, даже раздеться сил нет, даже поужинать, разве что стакан сока жена вольет в тебя по ложечке, а чтобы тебе самому в нее что-нибудь влить — об этом она даже мечтать перестала, уже, по ее словам, и сниться не снится — это в наши-то годы. Вот так вот, донк Эгор!

Ну и потом, конечно, эта чертова работа засасывает. Хорошо, жил ты, как все, преподавал историю в лицее поваров мясных блюд, был сыт, не переутомлялся, отчитал шесть, иногда восемь часов, а порой и только четыре в день — и пшел вон — куда глаза глядят. И жалованья хватало, потому что званий-титулов не носил — значит, ни тебе, ни жене, ни детям выкобениваться не было повода. И слава Великой. Но скребло, скребло на душе: история все-таки — интереснейшая вещь, даже и такая, какую преподавали, прямо-таки хмельное дело — история, а эти кандидаты в мастера разделки и панировки твою науку видели даже не на сковороде без масла, а прямо в мусорном ведре. В синем соусе они ее видели, твою историю. Их, оглоедов, совершенно не интересует вся масса тонкостей, вся эта ювелирная сеть, какую История сплела из ничтожного, как обрывок нитки, факта, что Властительница Эригата уступила чарам несравненного донк-донка Меркаса Абовы именно в Саталане и именно в третий день недели, и не где-нибудь, а на краю площадки для игры в мяч, и, потрясенная пережитым, возвращаясь, забыла на указанном месте не что-либо иное, а как раз ту часть туалета, которую снимают лишь при самых крайних обстоятельствах. Вероятно, дул приятный ветерок, а дни стояли жаркие в месяце Лукаре восемьсот семьдесят четыре года назад. Казалось бы, что тут такого? Ну, забыла так забыла. Но вот тут ты и начинаешь посвящать их, толсторожих оболтусов, во все обстоятельства, явные и скрытые, личные и державные, которые то сбегаются и вяжутся в узелки (ну, помните хотя бы разговор владетельного донка Ропа из Фегарны со Вторым Судьей Власти, Его Справедливостью Такитом Гарским; ведь когда вспоминаешь, что и тот, и другой в разные времена домогались благосклонности Эригаты, когда она еще не была Супругой Власти, и первого она передала своей сестре, донке Матире, а со вторым... однако это длинная история, и боюсь, что сейчас мне ее не закончить, вы уж потерпите до другого раза, благородный донк),— так вот, ты посвящаешь их — а на их мурлах выбито, я не преувеличиваю — именно выбито, как письмена на древних табличках, на два пальца вглубь (кстати, с этими табличками однажды случилось, вы не слыхали? В другой раз обязательно напомните, хорошо — я вам расскажу, это такая прелесть, не пальчики даже — локоть свой оближете!) — итак, выбито на их мурлах полусальной кондиции, что им решительно наплевать, почему, как, где и с кем впала в грех Властительница, а заботит лишь — впадет ли в грех Рушка из Высшего Вышивального училища сегодня или завтра, и с ним — или с кем-либо иным. В грех — я имею в виду, что сумеет он ее... э-м... ну, вы понимаете, не так ли? — или не сумеет. Вот такое отношение к великой науке. И поэтому, когда новый Властелин — да позволит ему Рыба подольше задержаться на суше! — объяснил нам, что такое История (он сам не историк, но разби-

рается, смею вас заверить, лучше, чем мы, профессионалы; нет-нет, я совершенно серьезно, недаром же он Властелин!), никто из нас не то, что раздумывать не стал: мы просто ему закончить не дали, все закричали «Ура!», было всеобщее ликование. Совсем как восемнадцатого сура в год двух правых рук и одной левой Восьмого большого круга, вы помните? Ну, это ранние средние круги; тогда еще донк Аталан из Серитога выступил...

Слышите? Это опять меня. Да готов у меня эпизод, готов, я вовсе не только разговариваю, у меня ведь уже рука набита, действия доведены до автоматизма и глаз отточен, и все нити, нитки и ниточки, что торчат из сопредельных эпизодов, я одним взглядом фиксирую. Монтаж — это все-таки не самое тяжелое. Вот потом, когда пойдет общая отделка — круга, периода, эпохи, эры — тогда действительно нужно ювелирное мастерство, тогда чувствуешь себя без малого наместником Надвысшей Воли... А сейчас — да вот я как раз иду сдавать эпизод, если вам любопытно — пожалуйста... Только не вместе, охрани нас Великий Омар, у нас очень строго, ведь войска отмобилизованы, ждут только наших результатов — надо же знать, что завоевывать! — так что никакой утечки информации, ни-ка-кой! А вы идите как бы сами по себе, как бы случайно зашли и прогуливаетесь — ну, мало ли, что охрана, я знаю, что охрана, но ведь охранник тоже человек,— может отвернуться, может с кем-нибудь заговориться, с девицей там, я знаю? — так вот, идите спокойно, а если все-таки остановят — скажите, что вы — свидетель по эпизоду хотя бы... хотя бы процесса властопреступницы Утаны в году пяти правых рук Пятого большого... Хотя нет, нет: на столько лет вы не выглядите. Хорошо, скажите, что по эпизоду вступления в брак Властителя Изара; это же легидонники здесь ходят, они же идиоты, они еще тупее поваров: те только к истории, а эти — всесторонне! И — вон к тому столу, видите — большой, круглый, и толпятся. Вот там мы и сдаем отработанные эпизоды. Вот, я уже взял мои материалы... Значит, вы — вдоль левой стены, а я — прямиком. Как вас зовут, кстати, благородный донк? Как? Уве-Йорген Риттер фон Экк? Красиво. И глубоко. Веет древностью рода. И-и... Воин, разумеется? Я не ошибся? Много поколений. А кроме того в роду — судьи, жрецы Рыбы — или кто у вас там? То есть как — где? Там, откуда вы приехали, конечно. Донк Риттер, то, что вы ассартианин, можете рассказывать кому угодно, только не серьезному историку. Вы знаете, сколько различных этносов в основе нашего народа? Сто восемьдесят шесть. Сколько определяющих признаков характеризует каждый из них? Девять. Помножьте девять на сто восемьдесят шесть, вот машинка... Да, одна тысяча шестьсот четыре, верно. И знаете, сколько этих признаков я определяю у вас? Сейчас я вас обрадую: ноль. Иными словами, ни одного. А вы мне говорите. Это вы можете сказать вон тому, видите — стоит как бы в задумчивости?

Ну вот, он из Легиона Морского Дна, заботник нашего сектора. Вот он вам поверит, потому что тоже почует в вас знатного военного — на это его хватит,— а что касается этнологии — у него кишка тонка, их этому или вообще не учат, или учат где-то, куда он не попал. Да. Ну а когда подойдете к столу — только стойте и смотрите. Вопросов не надо. Там есть, кому спросить, там их много, а отвечать буду я один: это же мой эпизод, я его вынашивал, лелеял, пестовал целых три часа! Да, такие у нас темпы. Могут быть ошибки? Вам известна наука, в которой не ошибались? Мне — нет. Цена ошибки? Цена — не моя стихия. Я создаю историю, я получаю от этого удовольствие, как — как от... э-м... ну, вы понимаете, не так ли? Вдоль левой стены!

...Ваше Постижение, Главный Композитор Периода! Представляется к сдаче эпизод Истинной Истории Великого Ассарта. Хронология: с седьмого по шестнадцатое Второго Никаза года Пяти Правых рук и трех пальцев правой и одной и одного пальца левой руки Четвертого Большого Круга!

Содержание эпизода: героическая защита укрепленного замка Иш-Шутар на юге провинции Саш донкалата Самус воинами Восьмого полка Оранжевых Тигров под командой благородного донка и острия, Седа ар-Рагона ти Утас шу Ратана, осажденного Правым крылом Второго Скачущего Войска Младшего Властителя мира Нерашах Икана баш-Адона.

Связи: с эпизодами вторжения Второго Скачущего Войска — снизу, с победоносным разгромом того же войска — сверху, с эпизодом междоусобной войны Ратана и Гамота — слева, и Высочайшего внимания, оказанного Властелином младшей дочери донка Седа — Итире, приглашенной для ночных преклонений и смущенных услуг. Все нити выведены и вяжутся. Прошу благосклонно оглядеть схему.

В настоящее время эпизод противоестественно включен в историю мира Мигул. Местонахождение документов: Главная Консервация Истории Мигула, город Рангат планеты Мигулана. Местонахождение вещественных доказательств: одежда, вооружение — Музей Мигульской Славы, адрес тот же. Развалины замка Иш-Шутар — на прежнем месте, на юге провинции Саш, теперь — деканат Сашит. Жизнеописания участников: Большой Свод Великих жизней. Места погребения участников установить не удалось.

Предлагается назначить к изъятию: все упомянутые документы и вещественные доказательства; жизнеописания и родословное дерево донка Седа и его дочери, впоследствии известной как Итира Изящная, а также трех старших офицеров Восьмого полка Оранжевых Тигров. Родословные древа пересадить на Ассартскую почву, для чего материалы по получению передать в Сектор Родословных. Назначение современных представителей указанных родов на Ас-

сарте предоставить на благоусмотрение Власти. Место для размещения развалин замка Иш-Шутар предложить выбрать Департаменту Топографии.

Эпизод представлен Композитором Истории Второго класса Истигом. Прошу направить ваши мысли и снисходительно принять. С трепетной уверенностью ожидаю проницательных вопросов, благородные донки и коллеги.

Вопросов не последовало — все устали до кругов перед глазами. Только один из композиторов, зевнув, сказал:

— Значит, эту — как ее, Итиру, что ли? — придется тоже вешать на нашего тогдашнего Властелина Сита Эноса. В среднем на десятилетие их приходится тридцать четыре на одну планету, этих смущенно услуживавших. Множим на семнадцать. Да, Властелин Сит будет выглядеть веселым правителем: пятьсот семьдесят восемь девочек за десять лет; по наложению хронологий, ему в те годы было от семидесяти восьми до восьмидесяти восьми лет. Надо подумать, кому заказать его портрет — чтобы люди поверили, что это было ему по плечу.

— Не он один. Все наши Алмазы Власти станут выглядеть так же,— пробормотал другой Композитор.— Только при чем тут плечо?

— По-моему, работа выполнена профессионально,— сказал Главный Композитор Периода.— Включаем? Отрицающих нет? Чудесно. Ну, последний эпизод — и по домам. Что там у нас?

— Представляется к сдаче эпизод Истинной Истории Великого Ассарта. Хронология: пятое сура в год...

— А, однодневка? Ну, это мы быстро расщелкаем...

Работать подчиненным тяжело. Но бывает интересно.

«Интересно,— подумал Уве-Йорген, уходя,— у генералов тут тоже такой же... э-м... вы меня понимаете, не так ли?».

И рыцарь загоготал по-солдатски искренне — так, что прохожие стали оглядываться.

Хотя знал прекрасно, что им-то смеяться было особенно не над чем. И не над кем. Над самими собой разве что.

Он лениво шел по ставшим уже знакомыми улицам Сомонта, постепенно удаляясь от центра. Миновал первый пояс, и теперь перед его глазами проходили невзрачные пейзажи второго.

Рыцарь казался рассеянным, но на самом деле постоянно был начеку. Он понимал, что сейчас идет двойная игра, гонки преследования между их Экипажем и группой Заставы: кто первым обнаружит противника? Каждый служил одновременно наживкой и рыбаком.

Уве-Йорген миновал кинотеатр, не обращая вроде бы внимания

на обычную суету у входа; поравнялся со знакомой пивной и вошел.

А входя, боковым зрением увидел, как кто-то свернул за ним.

6

Забравшись с ногами на диван, Леза сидела с полузакрытыми глазами и улыбалась — сама себе, рядом никого не было, никто ее не видел. Улыбалась воспоминаниям; когда человеку дано такое умение — снова и снова переживать то лучшее, что в жизни приключалось, то, даже не имея иных доказательств, можно считать его счастливым, как бы солоно ему ни приходилось потом. Лезе сейчас было очень хорошо, и о прошлом она вспоминала не для того, чтобы отвлечься от настоящего, случись оно неблагоприятным, но наоборот, чтобы сделать его — настоящее — еще более приятным.

Вспоминала, как тогда — ночью — все еще перепуганной, чудом избежавшей насилия, ускользнула она домой, в свою небогатую комнатенку в плотно обитаемой квартире очень недорогого (хотя и в Первом поясе) дома, заперлась на все обороты, залезла под одеяло, и только после этого ее пронял настоящий страх и заколотила дрожь. Задним числом пережитые страхи кажутся еще страшнее потому что есть время испугаться как следует, переживая каждую всплывающую в памяти мелочь и ужасаясь тому, во что она могла бы развиться, к чему привести. Представляла, как, опрокинув навзничь, плющит ее о землю наглый Задира, отвратительный и, наверное, очень тяжелый и скверно пахнущий, и грубо, без бережения, срывает то, что ему мешает, так что она обнажившейся кожей ощущает, как жестка и холодна трава — или асфальт, или мостовая — и как ей становится очень больно и страшно, еще страшнее. То есть она не вспоминала, как это было — слава Рыбе, не было, пощадили ее высшие силы, да и за что было бы так наказывать,— но представляла, как случилось бы, если бы высшие силы не вмешались. Но тогда это впечатление о предстоящем промелькнуло как-то очень быстро — некогда было вникать в детали,— а вот под одеялом время нашлось, и она вникала и боялась. Еще более боялась потому, что с этой стороной жизни была знакома хотя и хорошо, но теоретически, а теоретически боль не представишь, и она то ли кажется совсем ничтожной, то ли напротив, такой невыносимой, какой на самом деле не бывает. Вот почему-то боли Леза, очень целомудренная, тогда больше всего и боялась.

Теперь, в уютной, богато убранной комнате, на широком диване, она улыбалась и тому страху, и следующему, едва ее не убившему: она только-только успела угреться под одеялом, как в дверь квартиры заколотили так, словно хотели ее высадить, с такой нетерпеливой злостью. Леза не ожидала, что это к ней, не было у нее таких

знакомых, чтобы ломиться в дом среди ночи, да и вообще она знакомств избегала. Почему? Потому что ждала. Знала и верила: если сильно верить и терпеливо ждать, то непременно придет единственный, сказочный и прекрасный, увидит ее, поднимет на руки и унесет. Раньше она различала его как-то не очень ясно, словно сквозь дымку, знала только, что он прекрасен, добр и могуч, иначе это был бы не он. А потом увидела в реальности и сразу поняла, о ком все время потаенно мечтала.

Увидела, поняла и приняла. И ничто ее не отвратило: ни то, что на ее глазах помог он уйти из этого мира своему папе, ни то, как расправился с напавшими на него; а когда он набросился на ту отвратительную, злобную и старую женщину и почему-то вместо того, чтобы просто оттолкнуть ее и убежать, стал делать с нею то самое, что нельзя делать на людях, потому что это самая большая человеческая тайна,— у нее, конечно, сердце ёкнуло, но и то — не потому, что он это делал вообще, а потому что — с другой... Впервые пережилось такое бессильное ощущение, такая истома и колючее сожаление, что это не она там, не ее обнаженные ноги вздрагивают от движений его тела... Нет, с ним она могла бы и при всех,— вот что стало ей ясно, и она не отворачивала бы так свое лицо, но улыбалась всему миру счастливо и победоносно. Но она была здесь, по эту сторону экрана, а он — невообразимо далеко...

Раньше она не осмеливалась выходить из дому вечерами: ночной мир вызывал опасения, она была слаба и одинока, а они сильны и их было множество. Кто «они», оставалось не вполне ясно, но это смелости не прибавляло. А вот теперь с наступлением темноты что-то упорно гнало ее на улицу — скорее всего, подсознательное ощущение того, что она его встретит,— и она шла с сердцем, трепетавшим от страха и предчувствий, и с отблесками той самой истомы, снова и снова возникавшими в ее теле... Когда Задира, хотя и незнакомый пригласил ее в кино, разумнее было, конечно, отказаться, но что-то, в тот миг ставшее сильнее, чем она, заставило согласиться — и как-то очень спокойно, и даже первые прикосновения его рук, когда погас свет, встретить спокойно, и крепко двинуть его локтем в ребра, чтобы знал свое место. Всю последнюю неделю возникали в ней такие вот вспышки — на три-пять секунд, потом ей становилось еще страшнее. Он засопел, но лезть не стал, а потом потащил на суд улицы, и Леза поняла, что сейчас умрет от страха. И тут вдруг увидела его.

Все происходило так, как и должно было быть. Он встал на ее защиту, и он победил. Только что-то помешало ему понять ее правильно. Когда Задира потребовал, чтобы он, прекрасный Повелитель, Властелин, тут же, перед всеми, сделал с ней это, он решил, что она испугалась. Наверное, она еще не умела говорить глазами. Она тогда хотела, чтобы он понял: согласна, да, тут, сейчас, мне не

стыдно — с Тобой, мне не страшно — с Тобой, ну сделай это, я жду с того самого вечера... Не понял. Но он сражался за нее, и она поняла: нет, не сейчас, это случится потом, а сейчас надо бежать и укрыться дома. Он не обидится моему уходу, он все поймет, когда схлынет жар боя, и найдет меня. И она убежала. Однако дома, под одеялом, ей представлялось, что он найдет ее сам. Неслышно отворится дверь, сколько бы она ее ни запирала, и он войдет и остановится на пороге, увидит ее и, улыбаясь, войдет в ее ожидание. Так что стук в дверь, грубый и несвоевременный, в мыслях Лезы никак не соединился с ним.

Поэтому в конце концов у входа забрякал засовами кто-то другой из обитателей квартиры. Судя по топоту, вошло сразу несколько. Заговорили громко, властно, каждое слово доносилось до нее через тонкую переборку. «Живет у вас тут такая...» (последовало описание; на самом деле она была совсем не такой, как пришедшие описывали, но соседи, как ни странно, поняли)! — «Живет. Вот тут. А что такое?» — «Не твое дело. Посторонись?». Соседи были добрыми людьми, они жалели ее бедность и одиночество и гордились тем, что жила она честно и нравственно. «Да что она такого сделала? Чего вы от нее хотите?». Судя по звуку, старика просто отшвырнули и тут же рванули ее дверь. Леза еще не решила, открывать или нет, а ноги уже несли ее. Отперла. Вошли трое, обшарили ее глазами, но не допустили никаких грубостей. «Сходится?» — «Похоже, она». Тогда ей кивнули: «Собирайся. Поедешь с нами».— «Куда?» — на всякий случай, а скорее — чисто механически спросила она. «Куда повезем». Потом один, постарше возрастом, видно, пожалел ее, как и соседи. «К большому начальству»,— пояснил он без насмешки. «Зачем?» — спросила она так же механически — просто чтобы занять время, пока причесывалась перед зеркальцем; одеваться не надо было: она еще и не успела раздеться, все мерзла. «Может, хотят о тебя ноги вытереть,— сказал другой безразлично.— Это дело не наше». Первый только покачал головой. «Ну, поехали?» Она только кивнула. «С собой ничего не берешь?» Она подумала и сунула в сумочку пушистого зверька с полочки, умевшего смешно качать головой. И вышла без страха.

Она думала, что ее повезут в Жилище Власти — как-то само собой ей казалось, что все произойдет там же, где показывали по телевизору — прямо в коридоре, только телевизора, наверное, не будет. Тех, кто снимает. Но ее привезли в другой дом, и Леза поняла, что это — его дом, и ей стало совсем спокойно. Так было лучше: в его доме та женщина, лишняя, наверняка не жила, была чужой, а она, Леза, не будет. Ее ввели, привезшим сказал кто-то из встретивших (Леза смотрела на них, но не видела и потом не узнала бы ни одного, для нее их здесь не было, никого нигде не было, только он — и она сама): «Вы обождите, мало ли что —

может, не она еще». Тут Леза улыбнулась: они были страшно глупы, если не увидели сразу, что она это, она. Ее повели, ввели в большое помещение, где ожидал разодетый старик. Он посмотрел на нее внимательными глазами, пожевал губами (она глядела напряженно, ей казалось, что от старика этого многое зависит) и задумчиво произнес: «Да... Ну что ж, ну что ж...» Указал ей на дальнюю дверь, сам заторопился, чтобы отворить. «Прошу»,— сказал и вежливо наклонил голову, а Леза, как ни волновалась, не забыла вежливо присесть перед ним. Потом она вошла и дверь за ней затворилась.

Он стоял почти в самой середине комнаты, там была какая-то обстановка, но Леза не обратила внимания, это было неважно, заметила только, что ничего такого не было, дивана или кровати, и подумала мельком: «Значит, не здесь». Она осталась близ двери. Он смотрел на нее долго, не меньше минуты; она стояла, вольно опустив руки, и улыбалась ему, смело и широко. Но ей показалось, что это ему не понравилось, и улыбка ее исчезла. Он сказал: «Подойди». Она подошла и остановилась шагах в двух. Он опять смотрел. Потом спросил: «Тебе страшно?» Она покачала головой и честно ответила: «Нет. Совсем нет». Он чуть усмехнулся. «Ты помнишь меня?» — «Да». «Они тебе ничего не сделали?» Тут она ощутила испуг: может быть, он думает, что ее потом... что с ней... что она уже не такая, одним словом, и не захочет, побрезгует... «Нет, нет, что вы»... Он снова усмехнулся. «Ты ведь знаешь, кто я?» — «Конечно. Кто не знает?» — «Они хотели, чтобы я тебя изнасиловал...» — «Я помню». «Зачем я позвал тебя, знаешь?» Она сказала: «Да». «Чтобы изнасиловать?» — «Да».— «И ты согласна?» — «Я и там была бы согласна»,— не стала она скрывать. Он поднял брови. «Вот как... А мне казалось... Ну, все равно. Ну, раз ты согласна, это не насилие, да?» Леза подумала, что ему нужно именно — чтобы с силой. «Я могу противиться,— сказала она.— Только я не сильная»,— добавила, как бы извиняясь. «Не надо. Ну, раздевайся». Она почти разделась, замялась, хотела спросить, надо ли до конца, но решилась и сама сняла все, и сама удивилась, что не ощутила ни стыда, ни страха, как если бы стояла перед зеркалом, гордясь своим ладным телом; она и вправду видела себя в его глазах. Он подошел, протянул руку и коснулся ее левой груди; Леза невольно вздрогнула и покраснела — оттого, что не смогла сдержаться. Но он не смотрел в тот миг ей в лицо, а на свою руку и ее грудь. «Хорошо,— сказал он, и глянул ей в глаза,— теперь помоги раздеться мне». «Хо-хорошо,— откликнулась она, запнувшись от неожиданности.— Только я не... я плохо умею». «Ну? — удивился он.— Ну, расстегни здесь. А это развяжи...» У нее не очень получалось: она совсем не умела, да и руки дрожали от волнения, так что разделся он все-таки сам. Тоже до ничего. Она посмотрела на то, что у него было и чего ей раньше не приходилось видеть. «Не пугает?» —

спросил он с какой-то странной усмешкой. Она не поняла, но на всякий случай сказала: «Нет». «Тем лучше». Она не знала, что делать дальше, и стояла, и он тоже просто стоял и смотрел на нее, потом легко провел ладонью по ее бедру. «Ты очень красива»,— сказал он. «И ты»,— искренне отозвалась она, и тут же внутри что-то как оборвалось в ней от этого нечаянного «ты»; в мыслях она давно называла его так, но он-то не мог знать об этом. Он заметил ее смущение и засмеялся: «Ничего, в этом все равны, особенно раздетые». Он подошел вплотную, обнял за спину, прижался, и она почувствовала частые сильные удары его сердца, невольно напряглась, но не знала, как ответить на это его действие, нерешительно подняла руки и снова опустила. Его ладони рассматривали ее тело с боков, сзади, это было сладко, и Леза даже прикрыла глаза. Потом почувствовала, как он клонит ее назад, и обхватила его плечи, чтобы не упасть. Он медленно опустил ее на толстый белый ковер, на котором они стояли. Пока он опускал, Леза, не удержалась, спросила: «Будет больно?» — «Что?» — очень удивился он. «Нет, я так...» — «Так ты что — раньше?..» — «Что ты, что ты, нет!» — «Правда? А я подумал... Почему же?» — «Ждала».— «Меня?» — «Тебя. Я тебя люблю». Он промолчал; наверное, не поверил. Лежал рядом, руки ласкали ее. «А свет будет?» — прошептала она. «А что? Тебе мешает?» — «Не знаю, нет, наверное»,— решила Леза. Шло время, ей хотелось, чтобы оно никогда не кончалось. Его прикоснове́ния становились все более плотными, она все ждала, когда он подвинет руку туда,— ждала, чтобы не вздрогнуть опять. Он прикоснулся, наконец и она сейчас же стала разводить ноги: знала, что так надо. «Не спеши»,— шепнул он, легко прикасаясь губами к ее телу в разных местах. Она и не хотела спешить, но боялась задержать его, по теории знала, что иным это мешает. Наконец, он оказался над ней, но не налег — держался на локтях. «Не бойся»,— на всякий случай поощрила его она. «Ты прелесть,— сказал он.— Вот сейчас... может быть немножко больно. Ты потерпи». «Я тебя люблю»,— повторила она,— и все же, когда боль кольнула, невольно дернулась выползти, но его руки держали ее за плечи. Боль была небольшая. Правда, ничего такого, о чем рассказывали, тоже не было. Но она знала, что это приходит не сразу. После боли она спросила «Мне что делать?» — «Просто лежи»,— ответил он не сразу, в два приема.

Ночью они были в другой комнате, где была широченная кровать. Когда ложились, Леза сказала: «Ковер жалко. А тебе нет?» — «А, отчистят»,— отмахнулся он. «Тебе стыдно, что поймут?» — спросил он через минуту. Тут отмахнулась уже она.

Наутро он сказал ей:

— Я тебя не отпущу. Ты легкая. Ты на меня не давишь. Все люди давят. Ты — нет.

Она сначала удивилась: как она могла бы давить на него? Это он... Потом поняла.

— Я легкая, да. Мама так говорила, когда я еще была маленькой.

— Где она?

— Умерла.

— И отец?

— На войне.

— А ты хочешь со мной остаться?

— Иначе не пришла бы.

Таким было начало. Это и вспоминала Леза сейчас. Не в первый уже раз, но воспоминания не выгорали от времени, не изнашивались.

Она не давила. И не пыталась занестись выше, чем была. Чувствовала, что нужна ему, что близка; чего еще? Потом, хотя и не сразу, стала понимать, что он — один. Нелюдим и недоверчив по природе. Она сказала ему: «Если тяжелые мысли — ты делись со мной. Я тебе советов давать не могу, но все равно, когда выговоришься — легче становится». Он невесело усмехнулся: «Как-то не привык...» «А ты попробуй».

Изар попробовал. И в самом деле, каждый раз, когда он перед нею выговаривался — сначала стесняясь, скованно, а чем дальше — тем свободнее и откровеннее,— становилось легче. И потом, слыша самого себя со стороны, он сразу заметил не только сильные, но и уязвимые или просто неверные предпосылки или выводы. Леза слушала всегда очень внимательно, откладывала всякое дело (любила читать, вышивать, неплохо рисовала, но Изар был, конечно, на первом месте), мнений своих вслух не высказывала, если он не спрашивал, но у нее лицо было — открытая книга, каждая мысль или ощущение на нем отражались сразу же и недвусмысленно (ему как-то подумалось, что вышла бы из нее хорошая актриса, он даже сказал ей об этом, она покачала головой. «Что ты, я робкая, у меня только с тобой получается — быть смелой».), и Властелин быстро приучился воспринимать смену выражений ее лица, как сигналы светофора, и если видел красный (сведенные брови, опущенные глаза, рот в болезненной гримасе) — незамедлительно затормаживал речь, откидывал, так сказать, капот и начинал разбираться — какая из мыслей не дает искры. Он никогда не говорил ей об этом, и для него оставалось непонятным, знала ли она сама, чувствовала ли, как разговаривает своим пусть не классически красивым, но трогательно-прелестным лицом; скорее всего не знала.

В свою комнатку она тогда так и не вернулась; впоследствии однажды зашла — навестить соседей, старики обрадовались, стали расспрашивать — Леза сказала просто, что вышла замуж и счастлива. Жила она в небольшом отдельном домике, немудреное хозяйство вела сама, только дважды в неделю приходила уборщица. Деньги давал Изар. Сначала ей было неудобно сознавать себя и на самом деле быть не более, чем содержанкой, постельной грелкой. Однажды она заговорила об этом, сказала, что хотела бы поступить на службу, все-таки она знала стенографию, компьютер, прилично снимала, и журналистика, живое дело, всегда ее привлекала. По насупленным бровям поняла, что разговор этот ему неприятен, но заставила себя не удариться в панику и договорила до конца, ожидая взрыва: пост Властелина (это она уже поняла) нередко ограничивает в действиях, но дает почти полную свободу в форме выражения своих мыслей. Странно,— Изар сдержался, даже улыбнулся ей едва ли не одобрительно, и ответил так:

— Давай разберемся, Былинка (так он звал ее в минуты и часы нежности, то есть — всегда). Тут на самом деле не одна проблема, а две. Первая — содержанка. Если бы ты была мне женой, то не видела бы ничего унизительного в том, что я приношу деньги, а ты их тратишь (Следя за ее лицом, он увидел: зеленый сигнал). Кто же ты мне? Я считаю — жена. Ты, видимо — нет. Поразмыслим. Где мой дом? Не резиденция, а дом. Разве не здесь?

— Ты бываешь не каждый день...

— Верно. Но не потому, что не хочу. Это специфика работы. Если бы я был, скажем, капитаном парохода или торговым агентом, то бывал бы дома куда реже: такова специфика. Но от этого ты не переставала бы считать меня мужем, верно? Дальше: как ты считаешь, есть у меня другая женщина, кроме тебя?

— Нет,— уверенно ответила Леза.— Но... есть жена.

— Моя жена — ты. А там — супруга. Формально — партнер по Власти. Тоже специфика. Но вот представь, что твой муж — актер в амплуа любовника. И на сцене — особенно в наши времена — он хватает постороннюю даму за что попало, тискает и целует, и так далее. Ну что поделаешь: такова роль, а его специальность — играть роли. Как и моя, кстати...

— Ну,— сказала она уже бодрее,— у той дамы тоже, наверное, муж есть...

Изар просвистел такт какой-то песенки.

— У этой тоже, не беспокойся. И, кажется, ее вполне устраивает существующее положение. Для нее я также не более, чем партнер по роли. Да и от роли она уклоняется.

— Я не знала...

— Ну, ты не живешь в Доме Власти — в отличие от того мужа. Он, наоборот, оттуда не вылазит. Или — его не выпускают...

— Теперь я буду лучше о ней думать.

— Значит, считаем установленным: здесь — мой единственный настоящий дом, и в нем — моя единственная жена, все остальное — видимость, специфика работы, роль на сцене. Согласна?

Леза кивнула и улыбнулась.

— Второе,— продолжал он.— О работе. Ты считаешь себя достаточно сильной, выносливой, чтобы работать в двух местах сразу?

Ее брови взлетели очень высоко.

— Что ты... Я не поняла.

— У тебя уже есть работа. Ты мой домашний секретарь. Даже референт. Трудно объяснить тебе, насколько мне стало легче заниматься своими делами после того, как мы стали обсуждать их с тобой...

— Я не обсуждаю. Как я могу...

— Можешь, можешь. И делаешь. Поверь: я не для красного словца, и не в утешение тебе. Чтобы заменить тебя, мне придется брать двух человек. И платить им куда больше, чем я приношу тебе. И при этом ждать, когда же они меня продадут. Ты ведь знаешь: я никому не верю. Кроме тебя. Ну, хочешь — назначу тебя официально, с жалованьем, машина будет дежурить...

— Не надо, не надо! — засмеялась Леза. Но что-то еще оставалось, до чего ему докопаться не удалось. А хотелось. Чтобы уж раз и навсегда.

— Тебе, я понимаю, важно, чтобы все было по закону. Да?

Она кивнула. Ей хотелось, конечно же.

Изар надменно откинул голову:

— В этом мире закон — это я. Мое слово. И я его тебе дал.

И уже другим тоном — прежним, с нежностью:

— Примирись пока с этим, Былиночка. А там...

Он помолчал, словно проигрывая в ума какой-то вариант.

— А там видно будет. Жизнь — не более, чем стечение обстоятельств. И если уметь их использовать... Ну, ладно. Ты заставила меня произнести целую речь сверх программы. Я устал. И заслужил поцелуй. Ты согласна?

— Твое слово — закон,— сказала она и поцеловала его.— Сейчас я тебя накормлю. Ты ведь голоден?

— Невыносимо. И, кстати, сделай с дюжину бутербродов для охраны. Они тоже с утра постятся.

— Я их никогда не вижу...

— Еще не хватало. Это означало бы, что мне подсунули худших. Ты поставь тарелку на тумбу у крыльца, и все.

— Как птичкам?

— Вот именно,— кивнул он и улыбнулся: птички по центнеру каждая, в непробиваемом оперении и со множеством клювиков

немалой убойной силы... Тоже специфика...— Постой. Куда ты еще?

— У меня там... ну, на кухню, конечно же.

— Я же сказал, что невыносимо голоден. Так что — в спальню...

И этим воспоминаниям она тоже улыбалась, сидя на диване с ногами. Нет, конечно, она была счастлива. Хотя однажды ей показалось, что уютный домик ее счастья в следующую минуту рухнет и погребет ее под обломками.

Всего три — нет, четыре. Четыре дня тому назад Леза вышла в магазин, тут за углом, на бульваре: вдруг захотелось чего-нибудь соленого — рыбы, наверное? — а дома не оказалось. Купила и, глотая слюну, поспешила домой — и вдруг кто-то придержал ее за локоть. Она обернулась, недовольная — и даже пошатнулась от неожиданного и сильнейшего приступа страха.

Громадный, массивный стоял перед нею и улыбался не кто иной, как Задира. Тот самый. Насильник, драчун, темный человек. Она хотела проглотить сразу помешавший дышать комок и не смогла: во рту мгновенно пересохло. Без голоса она вытолкнула слова:

— Я закричу...

И поразилась: вместо тупого бычьего гнева (как тогда) на буграстом, кирпичного цвета лице его усилилась совершенно, казалось бы, невозможная смущенная улыбка.

— Да вы не бойтесь... это... мадам. Честно. Это я с виду такой... неудобный. Тогда, конечно, получилось... Стыдно мне. Честно. Я ведь вас специально караулил. Хотел извиниться. Не верите?

Леза все еще не могла прийти в себя.

— Хотите — помогу донести...

Нет, она не хотела. Она, откровенно говоря, сейчас и шагу сделать не могла бы — так дрожали ноги. Глядя на нее, Задира встревожился.

— Ох, нехорошо вам, мадам... Я напугал вас, конечно, мне бы поделикатнее как-нибудь, а я — хвать! Привык, что сделаешь, грубый человек, таким жизнь сделала, а меняться — трудно. Вот вы всегда, наверное, были такой... благородной. Мадам, вот до скамейки два шага — посидите, отдышитесь, я рядом постою, в случае если кто-нибудь — то...

Он сжал здоровенный кулак. И почему-то именно этот кулак ее успокоил. Можно было, даже нужно было и вправду передохнуть. Интуиция подсказывала: у Задиры нет никаких плохих замыслов.

— Дайте руку — я обопрусь...

Он тихо, осторожно подвел ее к скамейке. Усадил. Отступил на шаг и остановился, все улыбаясь и откровенно любуясь ею.

— Еще красивее стали, чем тогда...

Она на всякий случай осторожно огляделась: еще увидит кто-нибудь... Но бульвар в этот дневной час был пустынен, только двое мужчин прошли мимо, оживленно, хотя и негромко разговаривая, скользнули по ней, по Задире взглядом, равнодушно прошли дальше. Нет, они не побегут докладывать Изару, что она — на бульваре, с таким типом... Изар не поверил бы. И вообще: стоит представить, как кто-то захочет донести Изару, Властелину...

От этой мысли Лезе стало весело, и она улыбнулась. А Задира пришел в восторг:

— Ну вот, ну вот, и расцвели! К вашей красоте, мадам, улыбка — знаете, как идет! Поверьте мне, я уж в этом разбираюсь...

Она с подозрением глянула на него. Он понял.

— Ни-ни, не сомневайтесь! Я никому не враг — и себе тоже. Я ведь знаю, кто вы нынче. В смысле — за чьей спиной живете! Теперь кто вас хотя бы только подумает обидеть — и двух часов не проживет. Да я такого первый!.. Да вы не смущайтесь, мадам. Дело житейское, жить всем надо, и все живут, кто как может. Вам, скажем, повезло — так вы того и стоите. Я еще тогда это кишками почувствовал. В таких случаях ведь к улице не обращаются, а — рот зажал и в подъезд ближайший, а там ей уже самой кричать стыдно, да и что ее — убудет? Грубый мы народ, грубый. А я почувствовал, но ведь соображение у меня какое: тоже грубое; люди ведь видели, как я вас в кино повел, это вы там неизвестны были, а меня каждый знает, меня не заметить трудно, верно ведь? И вот, если бы я вас просто отпустил — а я ведь и в кино не стал вас ла... то есть, не стал досаждать насильно; но если бы отпустил, то надо мной смеялись бы: что, Задира, в пустой расход вошел? Мне надо было как-то с приличием из этого выйти — и чтобы вы не пострадали притом. Ну, вот я и придумал...

— Ну, и что же вы потом за мной — следили?

— Ну, рыбьи жабры!.. То есть в смысле: нет, конечно, но хотелось вас найти — вот чтобы извиниться. Стал искать. Я ведь помнил, где вас тогда встретил. Спрашивать. Ну, меня знают. И сказали: жила там-то, может, и сейчас тоже. Пошел. Старики там. Рассказали: ночью, мол, пришли, увезли, кто такие — не назвались, но машина была от большого начальства, точно. И тут меня как обухом по голове: тот парень ведь назывался Властелином, я подумал — он тень на плетень наводит, ну, а вдруг — правда? И это по его указу вас?.. Правду говоря, я тогда о нем плохо подумал. Но решил: а если он по-честному? Мало что Властелин, там ведь тоже и неплохие люди попадаются, среди них. Попросил ребят, стали приглядывать, издали, конечно — куда он ездит. Видим — а он и не скрывается. К вам сюда — как к себе домой. Ну, тут мы его зауважали... А по-вашему, он хороший человек?

— Очень! — сказала она с жаром.

— Вот и мы подумали. Тем более, что и управляет он верно. То есть мы, старые солдаты, так между собой судим. Теперь снова к войне идет — может, и нам выпадет поучаствовать, а это ведь, знаете, и дело достойное, да и разживешься чем-нибудь, жизнь свою поправишь... Только вот — не знаю, верно или нет, но ребята наши, то есть приятели, из десанта, которые и сейчас служат, говорят, что команда будет такая: один десант только воюет, а всем остальным — шиш. Но я не верю. Он человек понятливый, он свой народ так обижать не захочет. Он уж как-нибудь так сделает, чтобы на всех на нас войны хватило. А иначе будет большое недовольство. Живем ведь уныло — да что я буду вам говорить, вы ведь хотя раньше и в Первом цикле жили, но совсем рядом с нами Скудно живем, верно? Значит, никак нельзя нас лишать этого дела. Или неправ я?

Но Леза уже совсем пришла в себя, страх исчез. Этот дылда стал ей даже в чем-то нравиться. Простодушием, искренностью. Конечно, воспитание — увы... Но ведь он прав: все от жизни.

— Помогите встать, Задира... Не обиделись, что я вас так?

— Да меня все так зовут! Я и правда такой. Чего ж обижаться. Если бы я на это обижался, в наших кварталах половина народу на костылях ходила бы, а вторая — пластом лежала. Нет, мне от вас слышать приятно даже... Позвольте проводить вас?

— Но только до угла, хорошо?

Они прошли несколько шагов.

— А относительно войны... Мне трудно судить, Задира, я не мужчина, да и среди женщин не очень-то боевая. Трусиха. Но, наверное, есть в ваших словах правда. Хотя — а если убьют?

— Мадам! Разве же мы жить не хотим? Она хоть какая — жизнь — но все лучше никакой. Только это ведь война какая будет? Не знаю, придется ли и выстрелить. Они все уже ждут, когда минута придет — сдаваться. А мы не кровожадные. Но, конечно, с них возьмем. За беспокойство как бы. Да нет, никого не убьют...

— Ну, все, Задира. Дальше я одна.

— Счастливо, мадам. Очень я рад, что встретил. Поверите — как на душе полегчало. Вы идите спокойно, а я тут на углу еще постою, если кто что — вы только крикните, даже не громко. Услышу.

Она помахала ему рукой и пошла есть солененькое, о котором снова затосковала душа. Шла и корила себя: думала о человеке, как о последнем подонке. А разберешься — человек не из худших...

Было, было в памяти немало, чему улыбаться. Был, кстати, и повод для воспоминаний. Но...

И получилось так, что вечером — нет, не тем вечером, а уже следующего дня — Изар тоже заговорил о войне. Это наверняка означало, что в чем-то он не был уверен и теперь пробовал на ней. Леза же — не постельная грелка, но домашний секретарь-референт Властелина Державы — слушала по-прежнему внимательно, и лицо ее играло, как сигнальное табло. И в одном месте на нем зажегся красный свет такой яркости, что Изар невольно прервал сам себя, чтобы спросить:

— Тебе что-то не нравится?

— Хочешь, чтобы я сказала?

— Великая Рыба, да конечно же!

— Хорошо...— Она собралась с духом, вступая в первое в своей жизни деловое обсуждение.— Ты говоришь — война малыми, но стремительными силами. Я верно поняла?

— Былинка, ты прямо стратег!..

— Обожди, не то собьюсь... Так, верно?

— Да. Это дает нам преимущества — я уже говорил...

— Я помню. Может быть, ты и прав. Но есть другая правда, мне кажется. И не одна. Например — наша, женщин. Какой бы легкой ни оказалась эта война, но пока она закончится, матери и жены будут жить в страхе за своих мужчин. Ведь и победителей убивают. А страх заразителен — в этом я больше разбираюсь, поверь. И по-моему, пусть лучше боятся многие — но очень недолго, чем одна часть, но продолжительное время. Ведь все равно остальные тоже не найдут покоя, ожидая: а вдруг понадобятся подкрепления? Я помню, Изар. Я ведь тебе говорила: мой отец погиб на войне. Но пока он еще был жив, и даже пока еще не воевал, а другие уже были призваны — помню, как изводилась мама. Или это, ты считаешь, не заслуживает внимания?

— Нет, не думаю,— проговорил он задумчиво.— Наверное, ты права, травка моя, прекрасный цветок. А какие еще правды?

— Та была женской. Но есть еще и мужская. Изар, вот сам ты: ведь воевал когда-то — помнишь, ты рассказывал...

— Да. Была такая пора. Недолгая, правда, но была.

— А теперь скажи: если начнется война — ты пойдешь на нее?

Властелин вздохнул.

— Теперь я — Верховный Главнокомандующий. И воевать мне суждено лишь по карте. Даже приближаться к зоне активных действий запрещено.

Он пожал плечами:

— Да и не будет войны. Не хочу я. Не ко времени. Торговать надо, а не драться. Создавать новую историю... Ну, один рейд, может быть, проведем — чтобы генералы утихомирились. Нельзя раздражать генералов...

— Ну, а если бы все-таки — ты захотел бы?

Он мечтательно прищурился.

— Если бы... Эх, Былиночка, если бы мне опять за штурвал, да ведомых сзади, да на бреющем — над порядками противника...— Он мотнул головой, махнул рукой.— Не судьба больше. Мои войны миновали. Да и вообще — мальчишество это...

— И все же ты, все понимая, от этого страдаешь, верно? А в Державе таких — миллионы, бывших и нынешних солдат, которые останутся без этой вашей мужской радости... и без трофеев тоже. А ведь мы небогато живем, даже бедно, если честно сказать.

— Ты-то откуда знаешь?

— Ну, Изар... Позабыл уже, откуда взял меня?

— Прости, Леза. Знаешь — забыл. М-да...— Он скрестил руки на груди, постукивая пальцами по плечам.— Действительно. Победителей будет мало, а обиженных — много, много. Но не воевать же из-за этого всерьез, на самом деле! Мы сейчас ведем торговые переговоры, надо, чтобы нам поверили; я и с этим единственным рейдом буду тянуть, как только смогу.

— А если все-таки тебе миром не отдадут того, что ты хочешь?

— Тогда... Ну, тогда другое дело. Тогда придется показать, кто силен.

— А кто силен — тот и прав?

— Не мы это придумали. Так повелось в жизни. Ну что же, могу твердо пообещать тебе: если все-таки заставят нас воевать, я твой совет запомню. И использую...

Теперь Леза — сегодняшняя, на диване — улыбалась уже совсем весело.

Нет, прав Изар: свои деньги она отрабатывает. И если... Нет, ей, конечно же, никакая война не нужна, и сегодня — меньше, чем когда бы то ни было. Потому что... Но если все-таки заставят — ее совет придется как раз кстати. И он это оценит. Уже оценил.

Сегодня должна была возвратиться делегация с Лезара. От того, что они привезли, зависит: быть миру или войне. Быть может, Изар сам этого еще не понимает. Но она точно знает: именно так обстоит дело.

Ну что же это, действительно! Долго ли ей еще страдать от неизвестности? Изар — лучший из мужчин во всех мирах, но и ему порой не хватает тонкости чувств. Неужели нельзя было позвонить, хотя бы в двух словах рассказать о результатах переговоров? Какая-то тупая бесчувственность!

Тут же она одернула себя: нет, его можно простить. Потому что он знает, как обрадует ее успешный исход — или огорчит неудача — и хочет в этот миг быть с нею рядом, разделить радость или печаль.

Дверь? Шаги. Приехал!..

Леза кинулась ему навстречу.

— Ну? Ну?

И по выражению его лица увидела: неуспех.

Изар, однако, старался держаться бодро.

— Ничего,— сказал он.— Ничего... Это ведь не единственная наша попытка. Кроме этой, официальной делегации, мы без шума отправили еще несколько — с таким же заданием. Если хоть один из миров согласится, мы это сразу же используем. Ладно, Былинка, еще будет по-нашему. Создадим мы себе такую историю, что все завидовать станут. Благородную. Красивую. Без насилий, без убийств, хотя с героизмом, с высокой честью.

— Ты сядь, сядь. У тебя и правда усталый вид...

— Что же удивительного.

— Изар... А ты думаешь, это возможно — чтобы у вас, на самом верху Власти, обходилось без всех этих ужасов?

— О чем ты?

— Об убийствах. О насилии...

— Сегодня — нельзя. Этого не поймут. Но в конце концов... Это долгая песня, Былинка, но и у нее есть конец. Сперва создадим историю. Потом постепенно добьемся, что все поверят — другой у нас и не было. И тогда естественным покажется, что народ с таким прошлым, как наш, не желает иметь ничего общего с этими, как ты сказала, ужасами. И все произойдет как бы само собой...

Только теперь он сел, наконец, в кресло, откинул голову. Позвал ее. Она прижалась. Помолчали. Потом она сказала негромко:

— Изар... Я тебе правда жена?

— Это — самая большая правда.

— Тогда он тебе — сын?

— Что ты гово... Сын? Кто? Кто сын?

— Он. Тот, кто в пути. Дай руку...

Он послушно протянул ей ладонь. Она приложила ее к животу.

— Вот здесь он... Он уже есть, Изар!

Великая Рыба! Такого буйства, такого безумства никто не мог бы себе представить. Все летало по воздуху, сотрясались стены. Леза всерьез испугалась, что не уцелеет. Но напрасно взывала:

— Опомнись! Нельзя! Он все слышит! Он испугается! Он уже испугался! Да перестань же! Изар! Ну Изар!

Утихомирить его оказалось трудно. А когда он наконец остановился, Леза — вот дура, ну просто дура! — спросила (ну, кто ее тянул за язык).

— Ты вправду рад?

И снова земля затряслась и заревел ураган. Ей пришлось улизнуть на кухню, но и после этого Властелин притих не сразу.

Потом они, тесно прижавшись, отдыхали на развалинах ее чин-

ного порядка. Он, закрыв глаза, улыбался. Потом улыбка исчезла, брови шевельнулись, на лбу нарисовалась морщинка.

— О чем ты подумал?

— О законодательстве.

— Изар... Не нашел другого времени?

— У Ястры от меня детей не будет. Даже если она захочет воспользоваться искусственным... Я просто не дам.

— Но ты говорил, у нее есть...

— От него? Не посмеет! Нужно принять закон, по которому наш сын будет мне наследовать.

— Изар! Только... если не останется ужасов. Не хочу, чтобы мой сын стал убийцей моего мужа! Ни за что! Никогда!

Он хотел ответить, но зазвонил телефон. Сюда разрешалось звонить, лишь если приключалось что-то сверхъестественное.

Изар выслушал сообщение. Швырнул трубку. Стал собираться.

— Изар, что случилось?

— Сволочи. Предатели. Начали рейд. Сейчас! Идиоты. О, Рыба...

7

Даже когда до начала войны остаются считанные дни, люди продолжают жить своими повседневными интересами, радоваться обычным радостям и горевать над столь же заурядными горестями. А также предаваться давным-давно известным страстям.

Два господина, два дня тому назад случайно оказавшиеся вблизи скамейки, на которой Леза приходила в себя после только что перенесенного страха, говорили именно о страстях — вернее, об их последствиях. И разговором были весьма увлечены, так что ни Лезу, ни Задиру не удостоили ни малейшего внимания.

— А я говорю вам, милейший Сомба, что Бодинское пиво нельзя давать даже лошадям. Лично я не позволил бы даже собаке понюхать бутылку, в которой оно было неделю назад. Поэтому я рассматриваю как личное оскорбление приглашение, полученное вчера от донка Шандогеса, где черным по белому написано: «На кружку Бодинского пива»! Ну что бы ему было написать хотя бы «Полерского»! То можно хоть нюхать без тяжелых последствий. Я уже не говорю, что, будь он порядочным человеком, он выставил бы Черное Киторанское...

— Ну, ну, Забеат, друг мой, вы слишком близко принимаете к сердце это маленькое недоразумение. Уверяю вас, Шандогес не имел в виду ничего плохого! Просто он... м-м... неудачно воспитан...

— Браво, Сомба! Неудачно воспитан — прекрасно. Я запомню.

— На здоровье...

Метров с двадцать они прошли молча неспешной походкой без-

заботных фланеров. Потом Забеат сказал, оживленно жестикулируя:

— Ты заметил парочку? Она на скамейке, он — рядом.

Второй, широко размахивая руками, ответил:

— Лишний вопрос. Я их видел раньше. А ты?

— Ее — нет. Его — безусловно.

— Что-нибудь опасное?

— Боюсь, что да. Девушка — кто она?

— Та, из-за которой завязалась драка около той пивной, куда мы сейчас идем.

— Постой-ка. Но ты ведь говорил, что потом она сделалась...

— Именно. Это она и есть.

— Ах, как интересно. А кто, по-твоему, тот... тяжеловес?

— Он и притащил ее туда. С ним Властелин затеял драку.

— Ах, вот откуда ты их знаешь... Постой. Ну-ка...

Они резко остановились, повернулись друг к другу — похоже было, что сейчас начнется разговор на кулаках. Но быстро остыли и продолжали свой путь.

— Их уже нет,— сказал Сомба.

— Не удивлюсь, если мы скоро обнаружим, что он у нас на хвосте. Черт, какая интересная цепочка: он — она — Властелин...

— Не вижу, в чем может заключаться смысл такой цепочки.

— Зато я вижу, Питек, я-то вижу.

— А в твоей модели — кто он?

— В моем — эмиссар Заставы.

— Капитан! Не может быть! Ты не ошибся?

— Один из них. Он там был. Согласись: запомнить его нетрудно.

— Ого-го... Но погоди, это же удача! Мы на них вышли!

— И неудача: они вышли на нас.

— Думаешь?

— Он же эмиссар, Питек! И ручаюсь, что разглядел нас не хуже, чем мы его. И память у него вряд ли уступает нашей. Так что и ты, и я уже индентифицированы. Мы в проигрыше: нас двое, он — один.

— Почему? А девушка?

— Наверняка здешней вербовки. Хорошая информация, конечно, но ценность — на порядок ниже.

— Не согласен, Уль. Она — канал к Властелину. Зная его, мы можем разрубить в любой миг. Жалко, конечно: милая девушка. Но раз она влезла в эту игру...

— Может быть, ее используют вглухую?

— А нам от этого легче?

— Н-ну... может быть. Тогда, если помочь ей разобраться, она сможет начать другую партию. За нашим столом.

— Ты просто пожалел ее, Уль.

— Да, я жалею женщин. А ты — нет.

— У нас это не было принято.

— Женщины умнее нас, Питек.

— Вздор.

— До тех пор, пока Ястра не позволяла мне высовывать нос из Жилища Власти, я был надежно прикрыт. Стоило ей позволить — и сразу же засветка.

— Это я виноват. Мне, телохранителю, было поручено следить за... за твоей безопасностью. Слушай, а если...

— Нет. Ее я включать в игру не стану.

— Здесь уже не мы решаем, а сама игра.

— Давай-ка прибавим шагу. Что-то мне не по себе. Слишком много зелени — и никакого укрытия.

— Ничего, в пивной... Дьявол, там мы как раз скорее всего можем налететь на него: он живет в том районе, на той самой улице.

— Ну и местечко вы выбрали!

— Не забудь, капитан: они оказались тут раньше нас, и мы не знаем, сколько их. Зато знаем, что нас лишь пятеро.

— Придется сменить точку.

— Нет. Там есть и свои выгоды. Объясню потом... Ах, дорогой мой Шандогес, согласитесь, что когда нет другого пива, то и Бодинское утоляет жажду... Да-да, не отрицайте так рьяно — заболит шея!..

— Нет, кажется, мы действительно пока никого не интересуем. Не станем терять времени: боюсь, что моя хозяйка уже выходит из себя. Да и у меня душа не на месте: однажды мне удалось ее выручить, но кто знает, когда нанесут следующий удар?

— Ну, она, по-моему, раз навсегда решила вообще не покидать Жилища Власти.

— Это еще ничего не дает. Хорошо. Итак, что у нас есть?

— Легче сказать, чего у нас нет. Нет связи. Нет никакой возможности сманеврировать в пространстве...

— А корабль?

— Он сейчас далеко. Георгий сделал такой ход: зарегистрировал его как торговый корабль и отправился на нем в один из миров. На Китору.

— Зачем?

— Приказ Властелина. Кроме главной делегации он послал на все остальные планеты своих, как бы сказать, торговых агентов. В надежде, что кого-нибудь удастся уговорить поступиться кусочками своей истории.

— Какой же из Георгия торговец?

— Представь себе, прекрасный. Это, видимо, в крови... Но и вообще — Властелин послал не только купцов, но и военных, и дипломатов — испробовать, какая методика лучше...

— По слухам, официальная делегация потерпела фиаско?

— Это не слухи, капитан, это сама истина. Но это бы еще полбеды. Ты заметил, что весь город сразу заговорил о войне?

— Ты забыл: это мой первый выход в город. Я питаюсь лишь дворцовой информацией.

— Так вот, дело обстоит именно так. Наверняка эти настроения кем-то запущены.

— Вполне возможно.

— Следовательно, это кому-то выгодно. Властелин говорит о миролюбии, а некто другой толкает тележку к войне. Мало того: рейдовая группа — профессиональные десантники — стартовала к одной из планет. Не знаю точно, к какой — говорят разное.

— Зачем?

— Вероятно, чтобы наглядно доказать, что то, чего не желают продать, можно с легкостью заполучить силой. Если операция пройдет успешно — будет трудно предотвратить большую войну.

— Как же Властелин решился...

— Я слышал, что его и не спросили. И формально ни к чему нельзя придраться: он ведь дал согласие на проведение локальной операции.

— Это все прекрасно. Однако мне сейчас непонятно одно: как должны относиться к этому мы? Мы, люди Мастера. Что выгоднее для его планов? Война? Или мир? Допустим, мы будем стараться притормозить одно или другое — а вдруг как раз не то, что нужно?

— Капитан, капитан...

— Ну что — капитан? Я не ясновидящий. Да и никто из нас. Я способен выполнить четкое указание. А гадать на ромашке...

— Ты просто слишком долго жил безмятежной жизнью.

— Ну, если то, что творится у меня дома, можно назвать безмятежной жизнью, то я просто не знаю, что такое чертова карусель.

— Но там тебе не приходилось решать задач планетарного масштаба. И ты отвык.

— Ну и к дьяволу. Выбирайте другого капитана. Уве-Йоргена хотя бы.

— Уве не пират. Он кадровый воин. И заменит тебя только по приказу свыше. Это пустой разговор.

— Ну, что же нам остается в таком случае?

— Думать, капитан. И искать связь. Действовать...

8

По высочайшему соизволению или без него, но рейд с высадкой десанта и захватом необходимых трофеев был — надо признать не колеблясь — задуман и осуществлен профессионально.

Начать с того, что удар был нанесен не кому-либо другому, но именно торгово-демократической республике Лезар — той самой, откуда только что возвратилась официальная делегация. Это было остроумно. С одной стороны, рейд как бы говорил: вы не согласились на почетные и выгодные условия, которые вам предлагались — так вот, придется все равно отдать то, что нам нужно, но теперь вы за это не получите ни мелкой чешуйки. Это было высказано Лезару совершенно ясно, хотя и не открытым текстом; расчет же, кроме прочего, был на то, что другие услышат — и убоятся, и с ними разговаривать будет легче. С другой — как бы ни старался теперь Властелин убедить кого угодно в том, что сам он к военной операции никакого отношения не имеет — ему не поверил бы даже его собственный камердинер: уж больно хорошо все совпадало.

Властелин это, кстати, понял, и ничего никому даже не пытался доказывать. Примирился с происшедшим, поскольку все равно изменить его нельзя было совершенно никак.

Разумеется, если бы рейд сорвался, если бы десант был разгромлен или пусть и уцелел бы, но не овладел тем, что и составляло цель налета — тогда наверняка полетели бы головы с плеч и уж во всяком случае — лучи с генеральских эполет. Но операция не должна была сорваться по нескольким причинам. Во-первых, потому, что участвовали в ней лишь лучшие из профессиональных ударных космических войск. Во-вторых, вследствие того, что Лезар, торговый мир, никогда и не отличался какими-либо серьезными военными качествами. И наконец, в-третьих,— по той причине, что, едва проводив высокую и миролюбивую делегацию, на Лезаре ничего не ожидали так мало, как военной карательной экспедиции, и совершенно не были готовы к сопротивлению.

Поэтому когда из-за низких облаков неожиданно вывалились воющие штурм-аграпланы и на высоте нескольких десятков метров помчались над улицами и площадями, над многоэтажными конторами, торговыми рядами, домами, домиками и дворцами, над казармами и школами и над всем прочим, что имелось в столице Лезара, городе Фестре, когда — хотя с немалым опозданием — заулюлюкали сигналы воздушной тревоги,— жителям оставалось лишь одно: испугаться до полусмерти и попрятаться, кто куда мог. Что и было ими незамедлительно исполнено. Противовоздушная оборона была выбита из игры в первые же несколько минут, три или четыре успевших подняться перехватчика оказались взорванными уже на первых метрах набора высоты. Пока толстобрюхие транспортные капсулы разгружались на захваченных аэродромах, извергая все новые и новые подразделения десантников, особая группа — специалисты по точному приземлению — прыгнула прямо на крышу президентского дворца, где захватила правительство в полном составе, в ужасе наблюдавшее за разгромом Лезара на экранах телемо-

ниторов. Остальное было, как говорится, делом техники. Пока в президентском дворце наспех разрабатывался и подписывался немногословный акт капитуляции, подразделение специального назначения, состоявшее из наряженных в солдатские комбинезоны историков призывного возраста, хозяйничало в архивах и музеях, изымая необходимые документы и вещественные доказательства согласно подробному списку, привезенному с Ассарта. Захваченные тут же на улицах города машины свозили бесценные трофеи на аэродром, где их грузили в заранее подготовленные контейнеры и воздухом отправляли в торговый космопорт, откуда стартовали и куда приземлялись десантные катера с больших кораблей.

К чести ассартских воинов, следует сказать, что они держали себя в высшей степени корректно. Это не означает, разумеется, что помимо научных трофеев Лезар не лишился еще кое-чего, что его жителям, а в особенности жительницам не был нанесен определенный ущерб как физический, так и моральный. Среди солдат, к сожалению, была широко распространена поговорка: «Что позволено Властелину — можно и подданным». Говоря же о корректности, мы хотели отметить лишь, что национальные чувства населения Лезара не были оскорблены ни в малейшей степени, ни флаг, ни герб республики не подвергались поношению, а в акте капитуляции было особо указано, что Ассарт не имеет к Лезару совершенно никаких территориальных претензий, а также не намерен оккупировать республику сколько-нибудь продолжительное время.

Особое остроумие командования рейдом можно усмотреть, пожалуй, в том, что наряду с историческими трофеями с Лезара были вывезены все запасы трансурановых элементов — подобных тем, что не захотели принять в уплату за ничтожные крохи своей истории надменные правители торговой республики.

Все эти действия заняли немногим более трех лезарских суток. К исходу этого срока последний катер Ассарта стартовал с поверхности Лезара, увозя последних солдат и последние трофеи. И на торговой планете наступила блаженная тишина.

Обратный путь эскадра космического флота Ассарта проделала благополучно.

Приземлившись на родной планете, участники славного рейда удостоились торжественной встречи. Многие были награждены, некоторые — повышены в звании и должности.

А что еще оставалось Властелину? Его перехитрили, он понимал это. И понимал, что теперь от войны уже никуда не уйти.

9

— Ну, что же, Магистр,— сказал Охранитель.— Могу вас поздравить.

Магистр молча поклонился.

— Откровенно говоря,— продолжал Охранитель,— после провала всех ваших покушений я решил, что вы не способны на серьезные поступки. Что вы умеете лишь претендовать, но не можете реализовать свои претензии. Ну что можно сказать в ваше извинение: кратчайший путь не всегда является самым удобным. И если бы у нас было достаточно времени...

Он помолчал,— Магистр не решился вставить ни словечка,— а когда заговорил снова, голос его зазвучал совсем по-иному: холодно и резко; каждое слово походило на мгновенный взмах мечом.

— Но времени нет. Как бы мы ни были сильны, мы не сильнее природы. И она отказывает нам в каких-либо дополнительных сроках.

— Если бы вы объяснили, Охранитель, в чем же дело, почему время так важно для нас — я бы смог...

— Вы обязаны смочь и так. Без всяких дополнительных объяснений. Я говорю — значит, так оно и есть. И ни слова больше об этом!

Магистр снова склонил голову.

— Я хвалю вас за то,— продолжал Магистр,— что вы заставили Ассарт совершить ошибку, которая окажется для него роковой. Теперь все дело — в том, чтобы этот рок поразил Властелина не позже определенного срока. Вы поняли?

Магистр склонил голову набок, что можно было понимать как угодно.

— Мы заставим Изара делать то же самое, что в первом варианте пришлось бы осуществлять вам самому. Это — к вашему благу. Потому что теперь вести заранее проигранную войну будете не вы, а он. И побежденным окажется он, не вы. Таким образом, вы сможете прийти к власти в минуту, когда нынешний Властелин будет окончательно и безнадежно скомпрометирован в глазах всех миров — и в первую очередь своего собственного.

— Именно так, Охранитель,— согласился Магистр.

— Но для того, чтобы все получилось именно так, нужно еще много работать. Властелин Ассарта ошибся: он предпринял военные действия...

— Собственно говоря, Охранитель...

— Молчите. Я знаю, что он не хотел этого. И ваша заслуга — в том, что экспедиция эта осуществлена против его желания — но тем не менее от его лица. Прекрасно. Однако теперь нужно совершить некоторые усилия, чтобы прочие, узнав об этом, не убоялись, но напротив, решили объединить силы, создать коалицию против воинственного Ассарта. У нас теперь есть доверенные люди на каждой из планет. Не могу назвать их эмиссарами, они не прошли нужной подготовки — как вы, например,— но на это не остается ни

минуты, действовать надо немедленно. Продумайте механизм, при помощи которого можно будет в считанные дни созвать совещание глав всех семнадцати миров, на котором будет создана коалиция с единым командованием.

— Кому вы намерены поручить командование?

— Мне все равно, кому его поручат: лишь бы точно выполнялись мои указания. Но не вам: вы нужны как мой представитель.

— Понимаю, Охранитель.

— Необходимо также обеспечить строгую секретность: если Ассарт прежде времени узнает о коалиции, он остережется, и...

— Будет сделано, Охранитель.

— В таком случае — желаю дальнейших удач. В путь, Магистр!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Война стояла на пороге, и все это чувствовали. И хотя ничто вроде бы не заставляло, но люди невольно начинали жить быстрее, словно спеша закончить все нынешние, мелкие дела, чтобы потом с легкой душой взяться за выполнение дел завтрашних, великих.

В исторических учреждениях великая наука ускорила свое течение. Хотя, как назло, последние задачи оказались самыми сложными и каверзными.

Например: когда к сдаче был предъявлен эпизод Коротанской битвы, в которой (девятьсот пятнадцать лет тому назад) вооружившийся народ мира Ра-Тиг, при поддержке армии, наголову разбил вторгшиеся с планеты Ктол орды, завязался ожесточенный спор по поводу вещественных доказательств.

Дело в том, что главным доказательством и историческим памятником в данном случае являлось само Коротанское Плоскогорье, послужившее полем названного сражения. В установлении этого факта противоречий как раз не возникало. Однако оказалось совершенно неясным, как же с этим доказательством поступить. Очень сильная и высокоавторитетная группа ортодоксальных историков стояла на том, что Коротанское плоскогорье должно быть перенесено на Ассарт целиком и полностью, вместе с развалинами оборонительных сооружений, линиями окопов (давно уже заплывших бы землей, если бы их ежегодно не расчищали специальные армейские команды Ра-Тиганцев), всеми шестнадцатью хуторами, располагавшимися вокруг Срединного пастбища, самим этим пастбищем и слоем грунта толщиной никак не менее двух метров, а лучше — трех. Ибо,— по твердому убеждению ортодоксов,— сама земля Плоскогорья была пропитана духом повального героиз-

ма и служила неиссякаемым источником высоких гражданственных чувств; а разве не ради укрепления именно этих чувств было начато великое строительство, воздвижение Истинной Истории Ассарта? Безусловно, ради этого, и несомненно, что ортодоксы были правы в своем благородном упорстве.

В то же время своя правда была и у противостоявших им упростителей. Не отрицая ортодоксальных предпосылок, они, однако, указывали на то, что выполнить предлагаемые действия оказалось бы по меньшей мере весьма затруднительно — чтобы не сказать невозможно. Ибо если уже переносы исторически прославленных замков и крепостей представлялись крайне сложными (и, добавим, дорогостоящими), то что же можно было сказать о плоскогорье, чья площадь составляла девятьсот квадратных элов (т. е. восемь тысяч сто квадратных километров)? Оперируя числами, упростители доказывали, что одна эта операция потребовала бы усилий всего Ассартского космического флота на протяжении ста шестидесяти лет, и такого количества топлива, какого и в природе — имея в виду природу Ассарта — вообще не существовало. Не говоря уже о том, что помимо шестнадцати исторических хуторов на территории Плоскогорья на сегодняшний день существовало еще сто пятьдесят возникших в позднейшие времена населенных пунктов, в том числе два города с населением в сорок тысяч Ра-Тиганцев в одном и шестьдесят пять — в другом, с развитой промышленностью и оживленной торговлей, тесно связанными с экономикой всего Ра-Тигана; как же следовало бы поступить с ними? Тоже переносить? Но сложности, какие возникли бы в результате такого действия, представлялись воистину неисчислимыми и непреодолимыми; оставить на старом месте, поскольку к историческому эпизоду они отношения не имели? Но ведь старого места как раз и не останется, но лишь дикая и взрытая земля, да и вообще — как это сделать? Согласитесь: был резон у рьяных упростителей, предлагавших вместо описанной выше операции просто найти подходящую площадку и создать на ней точный макет Коротана со всеми окопами и эскарпами, а для полного правдоподобия привезти пару кораблей подлинной Коротанской земли и рассеять ее над макетом вместе с пропитывавшим ее пресловутым духом. Ортодоксы, тем не менее, стояли на своем, утверждая, что все эти трудности суть мнимые, что все задачи и расходы по перемещению Коротанского Плоскогорья надлежит просто-напросто возложить на побежденных при подписании ими Акта капитуляции, а самим лишь наблюдать, чтобы все исполнялось своевременно и аккуратно. И, наконец, была еще и третья сторона — представители Департамента Топографии,— утверждавшая, что даже и о макете в натуральную величину говорить не приходится, потому что Ассарт не является необитаемым островом (какие-то дефекты произношения Главного топо-

графа заставляли звучать эти слова как «Необъедаемый остров»), и размещение макета потребовало бы срыть с лица Ассарта множество жилищ, предприятий, дорог и так далее, не говоря уже о полях, засеянных зерновыми, в которых Ассарт и так ощущал известный недостаток. Вместо этого топографы предлагали соорудить достаточно обширную «Панорамскую Коротану» (так он выговорил; на самом деле, конечно, речь шла о Коротанской Панораме) и этим ограничиться, из подлинников же перевезти от силы один редут. Для сооружения Панорамы они уже нашли местечко, занятое, правда, невысокой горкой, но срыть ее представлялось чистым пустяком по сравнению с изложенными выше замыслами. Этот демарш привел к возникновению временной коалиции ортодоксов и упростителей, бросившихся с примкнутыми штыками в контратаку.

— Дай вам волю,— кричали они вместо «ура!»,— так вы всю Истинную Историю разместите в одном чулане вашего департамента, а героев нанижете на одну вязку, как сушеные грибы! А мы к народу обратимся, мы пойдем в массы — тогда не только от вас, но и от всей вашей топографии и камня на камне не останется!

— А вы в своих пергаментах зарылись, как мыши в головке сыра, кроты подземные! — слышали они в ответ.— Если вас послушать, то что мы станем делать завтра, когда возьмемся принимать эпизод с Арелайским морским сражением? Вы, чего доброго, потребуете, чтобы вам на Ассарте Кутирый океан вырыли?

— И выроете,— кричали историки.— Как миленькие выроете, и Кутирый океан, и любой, какой потребуется!

— Ан нет! Этого на нас не возлагали! А вот мы вам лопатки раздадим, и ройте-ка океан сами!.. И воду ведрами сами носите!

Вот так спорили, и никакого, как говорят на Ассарте, консенсуса не добились. А ведь и на самом деле, с Кутирым океаном еще только предстояло разбираться. Наконец решили вынести разногласия на суд Властелина и на том закончили.

Да разве только у историков были сложности?

Ничуть не легче, а, скорее, даже куда запутанней оказалось с родословными. Там работали, в общем, по той же методике: родословы всех рангов готовили отдельные генетические линии с гнездами, а заполнение этих гнезд конкретными кандидатурами осуществлялось уже соборно и решалось большинством голосов. Всего на планете Ассарт в результате деятельности родословов должно было возникнуть восемь тысяч шестьсот девятнадцать новых древних родов, имевших на сегодняшний день около шестидесяти тысяч живых представителей. Не очень и много для такого мира, каким был Ассарт; однако своих тонкостей, сложностей и подводных камней и течений тут было, почитай, больше, чем во всей Истории.

Собственно, поначалу все шло гладко и не обещало никаких трудностей. Потому что первые сто пятьдесят семь вновь возникших родов (титулованное дворянство многих планет) были распределены между самими родословами, что, согласитесь, совершенно естественно, потому что сапожники давно уже нигде не ходят без сапог, но напротив, хорошо обуты (хотя в большинстве почему-то предпочитают привозную обувь, а не сшитую самими же). Так что пока шла эта первая стадия распределения, новые герцоги, эрлы, маркизы, бароны и прочие были весьма предупредительны друг к другу, проявляли крайнюю уступчивость и глубокое понимание чужих проблем в полном соответствии с древним правилом: «Даю, чтобы и ты дал». Но вот когда этот период благорастворения завершился, начались сперва просто расхождения во мнениях, а затем и недоразумения и всякого рода противостояния, из-за которых работа одно время совсем застопорилась.

— Ну, как же, высокочтимый коллега,— можно было услышать тогда в стенах благородного учреждения,— как же это у вас язык повернулся возвести в графы Горенского королевства этого вашего Гримаса Перса! Право, постыдились бы!

— Не понимаю, глубокоуважаемый коллега, что заставило вас взволноваться до такой степени! Гримас Перс — весьма достойный и всеми уважаемый господин, обладающий множеством заслуг...

— Пфуй! Заслугами он обладает разве что в глазах тех, чьи машины ремонтирует...

— Ну и что же? Да, он их ремонтирует — и делает это прекрасно. Однако скажите, глубокоуважаемый: с чьей это подачи получает титул баронессы Шу-Маркам некая мадам Гузура? Не является ли она хозяйкой того самого косметического салона, в котором аккредитована ваша супруга, ныне герцогиня Урманская?

— Клянусь чешуей Рыбы, ваша светлость маркграф Эсанский чересчур примитивизирует! Напомню вам, что родитель мадам Гузуры имел высокие заслуги перед Державой, занимая в течение тридцати лет высокоответственный пост Старшего Раздатчика в Источнике Благ номер сто тридцать семь на улице Белых Мышей! А ведь наши правила требуют не только личной безупречности удостаиваемого, но и благонадежности и заслуг его предков на протяжении не менее чем полутора поколений! А у вашего Гримаса в происхождении вот уж воистину одна гримаса на другой! Ибо его достойная матушка в свое время неоднократно — повторяю, неоднократно, никак не менее семи раз была занесена в Желтую книгу Департамента Благочиния, как отъявленная...

— Не забывайте, герцог, что ваши обвинения звучат при свидетелях, но если дело дойдет до суда, то...

— А вам, милейший маркграф, не худо было бы вспомнить, что...

Крики. Пламенные взгляды. Стиснутые кулаки. Одна Рыба

знает, до чего могло бы дойти, если бы новое древнее дворянство успело обзавестись шпагами хотя бы. Но перед войной это трудно: вся промышленность работает на оборону.

— ...Господа, господа! В конце концов, вы спорите по пустякам! Не забудьте, что, когда наши предки вышли из Океана, сапожники или, так сказать, общественные дамы среди них и были, но эрлов не было, так что самый первый герцог тоже произошел от кого-то, кто...

— А вы не вмешивайтесь, пожалуйста, маркиз! Кто бы уж говорил... Ответьте лучше: это ведь вы вчера подсунули нам кандидатуру Сира Эмахи для закрепления за ним рода баронов Гарских?

— Что же неприличного вы в этом усматриваете?

— Вчера после работы я стал прослеживать разветвления этого рода в ближайшем прошлом. И нашел — страшно сказать! — что по родовым связям его двадцатилетняя дочь приходится мне ни кем иным, как бабушкой с материнской стороны, в то время как...

— В то время, как на самом деле она вот уже три года ваша любовница. Ну и что? Конечно, есть определенная пикантность в том, чтобы в один прекрасный день проснуться любовником своей бабушки, но такова жизнь, герцог, такова жизнь...

— Но ведь это просто неприлично!

— Заведите другую любовницу.

— С какой стати? Я глубоко к ней привязан, да и вообще — перемены хороши в раннем возрасте...

— Тогда перестаньте вообще думать об этом. Кстати, подлинных аристократов подобные мелочи никогда не волновали...

— Подлинных?! Что вы хотите сказать, ваше сиятельство?

— Лишь то, что сказал, ваша светлость!

— В таком случае, я...

— Господа, господа! Так мы никогда не закончим! А ведь времени у нас остается весьма немного! И если в назначенный день мы не сможем представить Его Всемогуществу Властелину полной картины, то боюсь, что многие из нас, если не все, лишатся...

Несколько минут молчания, прерываемого лишь понемногу утихающим сопением.

— Да, господа. Надо как-то ускорить...

— Есть идея.

— У вас? Гм... И в чем же она заключается?

— Да, барон, у меня. Для того, чтобы ускорить дело, я предлагаю раздать основную часть вакансий по департаментам и службам. Пусть они предлагают. А на нас останется лишь рассмотрение и утверждение.

— А что, господа, в этом что-то есть! И давайте знаете что? Пусть они представляют нам двойной комплект — чтобы была возможность маневра. Кстати, герцог, знаете, что я сделал бы на вашем

месте? Проблема решается ведь очень легко: надо сделать так, чтобы ваша прелестница не была больше дочерью Сира Эмахи, вот и все. Тогда она выходит из зацепления с вашим родом. А ей мы подыщем небольшой персональный род... Вот и вся недолга.

— Э-э... Звучит, конечно, заманчиво. Но ведь... она же действительно родная дочь Сира Эмахи...

— Вы уверены? Гарантируете?

— Э-э... Ну, как вы понимаете, в таких делах...

— Вот именно, герцог. Да если даже и так — что с того? Сир Эмаха за баронский род откажется не то, что от дочери — от родной матери, от Великой Рыбы...

— Господа, мы опять теряем время. Хочу сказать вот что: сейчас, если я правильно понимаю, мы начнем вязать родословные в пучки для передачи департаментам...

— Нет, резерв, конечно, нужно оставить...

— Несомненно, но я о другом: чтобы с самого начала не возникло претензий, прошу каждого из вас проследить за тем, чтобы титулы были разбросаны как можно равномернее. Скажем, герцогов — по десятку...

— Много.

— Хорошо, по восемь... ну, по семь. И в таком духе. Ведь потом нам же придется разбираться...

— Простите, маркиз, но... нет, в общем виде это, разумеется, правильно, однако — откровенно говоря, мне трудно представить, что мы даем Легиону Морского дна столько же титулов, сколько и...

— Ну что вы, разумеется, нет. Я говорил лишь о принципе. О правиле, из которого, естественно, существуют исключения. Легион, потом Большой военный дом, далее, конечно же, Жилище Власти...

— Туда нужно дать два пучка: команде Бриллианта Власти и отдельно — команде Жемчужины. Есть такая тонкость...

— Вы совершенно правы, тут существует тонкость. И в заключение хочу еще раз обратить ваше внимание, господа: время, время подхлестывает нас. А кандидатов, в которых мы, так сказать, заинтересованы лично, мы спокойно разбросаем по резерву. За дело!

2

Нет, там, где работали генералы, порядка было, конечно, больше. На порядок больше — сказали бы мы, если бы не боялись скаламбурить, что ныне почитается неприличным. Ну что же, это не предел: есть народы, у которых даже есть (ну, что ты скажешь — опять!) на глазах у других считается верхом невоспитанности. Так что мы, как издавна повелось, можем утешаться тем, что все же

не самые... Не самые первые, разумеется. Вы же поняли, не так ли?

Больше, больше было порядка, чем у ученых. И потому, что последние, как известно, строем не ходят, и еще более — по той причине, что на совещаниях генеральской верхушки бывал (хотя не на каждом) и сам Властелин. У историков не бывал, а тут — да. Поелику Самым Главным Историком он хотя и был признан, но не был назначен. Верховным же главкомом был назначен, хотя и не каждым профессионалом в глубине души признан. А раз назначен — то будь любезен, поддерживай свой авторитет. Стратегом можешь ты не быть, но занимать свой стул обязан — так или почти так сказал некогда поэт, хотя и по другому поводу.

Нынче Верховный присутствовать соизволил. Потому что обсуждался — а раз Властелин здесь, то мог и решиться — основной вопрос предстоящей кампании: побеждать разом — или серией.

Как полагается во всяком приличном обществе, мнения разделились почти что поровну. То есть твердых сторонников было точно поровну, но существовала еще и метеорологическая группа, зависевшая от погоды и постоянно дрейфовавшая по ветру. Такие группы тоже являются, как показывает опыт, непременным условием существования вполне зрелого незрелого общества. Эта группа и составляла большинство той стороны, к которой ее прибивало течением воздуха. Да, впрочем, кому мы это объясняем!

Итак, вернемся к нашим баранам (нет, упаси нас Рыба, тут нет ни параллели, ни намека — ничего, кроме привычки к распространенным цитатам). Мы уже сказали, что одним твердым мнением было: собрать не очень большой, но зато отборный и сверхмобильный кулак и действовать по принципу — пришел, увидел, заказал — победил, хотели мы сказать, разумеется. И действовать как бы по команде генератора случайных чисел — чтобы сегодня никто не мог догадаться, на кого обрушится завтрашний удар. По мнению сторонников такой тактики, это создавало гарантию того, что никто не двинется ни на помощь сегодняшней жертве, ни на объединение с прочими планетами для ответного удара или для перехвата пиратствующей эскадры в пути: куда ты пойдешь из дома, если через час к тебе могут нагрянуть гости? А если даже и возникнет какая-то ответная группа из небольшой части вооруженных сил семнадцати планет и захочет навалиться на Ассарт — то главная часть Ассартских вооруженных сил как раз будет дома в полной готовности к торжественной встрече нападающих. В таком случае даже и морально выигрывал Ассарт: он проводил маневры малой частью своих войск, а на него скопом напали семнадцать языков, и все длинные. Безусловно, такая война обошлась бы и дешевле, хотя бы в смысле расхода топлива: известно ведь, что одна окружность значительно короче семнадцати своих радиусов, а именно в пять с лишним раз.

С топливом же, особенно для кораблей высшего класса, на Ассарте было не то, чтобы совсем плохо, но и не очень хорошо — как и с другим топливом, впрочем, и не только с топливом. Так что сторонники плана «Рикошеты» — так его назвали — стояли крепко.

Что же касается их оппонентов, считавших, что бить надо всех сразу, то они оправдывали свою точку зрения совсем другими мотивами. Конечно,— говорили они,— если бы предстоящая кампания была обычной, традиционной, то никто и не стал бы возражать. То есть, будь целью этой войны завоевание территорий или получение контрибуций в любой форме, или захват военно- и невоеннопленных, то именно рикошетное ведение операций было бы наилучшим. В данном же случае,— говорили адепты варианта «Взрыв» — целью войны является приобретение в целом и сохранном виде максимального количества таких хрупких субстанций, как документы, музейные экспонаты и все такое прочее. В чем разница? В том, что территорию или природные богатства даже при всем желании уничтожить нельзя, население — можно, конечно, но не до конца, а вот бумаги и всякие черепки ликвидировать очень легко, или даже просто спрятать так, что и за десять лет не найдешь. А поскольку цель кампании станет очевидной уже после первого десанта, то объект номер два даст уже меньший урожай, а последующие — и вообще ничего. Так что какой бы экономичной ни оказалась рикошетная война, она все равно будет невыгодной, поскольку даст нулевой результат. Война же «Взрыв» — разом во все стороны — никому не позволит заблаговременно получить информацию об ее целях, так что весь товар будет получен в целости и сохранности, останется только погрузить его. Конечно, средний уровень нападающих, их профессиональная подготовка будут несколько ниже, чем при выполнении «Рикошета», поскольку одними десантниками тут не обойтись; однако и сопротивление будет наверняка менее упорным: когда крики о помощи будут лететь со всех сторон одновременно и каждой планете будет ясно, что она предоставлена ее собственной судьбе, то это, безусловно, подорвет моральное состояние обороняющихся. Так что не исключено, что потерь со стороны Ассарта будет даже меньше, чем в первом варианте; что же касается топлива, то тут не возникает никаких проблем: его можно будет получить в виде репараций из побежденных и капитулировавших миров.

Вот в таком духе дискутировали высокие представители военной мысли. Властелин внимательно слушал. Стоявший за его креслом личный телохранитель — длинный, со странным цветом лица — непонятно, слушал или нет,— веки его почти всегда были приопущены, хотя стоило хоть кому-то сделать лишнее движение, как мгновенный взгляд устремлялся в его сторону. Может, и слушал, кто его знает. Да и какое это имеет значение?

Наконец все, у кого было, что доложить, доложили, метеогруппа взволнованно заклубилась, но довольно быстро успокоилась — все ожидали, что скажет Властелин. И он не заставил себя ждать.

— Если бы не форма и уставные формы обращения,— проговорил он, и генералы с удовольствием заметили, что за небольшой относительно срок Верховный приобрел настоящий командный голос и соответственные манеры,— если бы не это, я решил бы, что шофер ошибся и привез меня на товарную биржу. Стоимость топлива, репарации, контрибуции, товары... Это моя забота, а не ваша, и никто не приказывал вам думать за Главнокомандующего, который еще и Властелин этой Державы. Не было приказа подсчитывать — на то есть Счетный Департамент! Ваше дело — Вооруженные Силы. Скажите, генерал,— обратился Властелин к главе «Рикошета», немедленно вскочившему и вытянувшемуся.— Ваш вариант гарантирует победу?

— Так точно, Ваше Всемогущество!

— А ваш вариант, генерал?

— Так точно, Властелин!

— Итак, в этом оба подхода равны. Теперь спрашиваю всех: солдат, одержавший победу, отличается от солдата, не одерживавшего ее?

— Так точшшшш...

— Что именно — так точш?

— Победитель! Куда! Лучшшш!

— В каком же варианте победу одержит большее количество солдат, офицеров, генералов Ассарта?

Тут, откровенно говоря, генералам стало стыдно (что с ними бывает весьма редко): и в самом деле, как-то погрязли они в маклерстве, стали забывать о том, что они в первую очередь — отцы солдатам, и святой долг их — заботиться о том, чтобы солдат шел умирать не просто, а вприпрыжку, весело чтобы шел, радостно. И вот им об этом напомнили; и хотя это было сделано не со светской вежливостью, а по-воински прямо и откровенно, они на это не обиделись, но окончательно признали Верховного своим братом, военной косточкой. Одобрительно загудели:

— Да, конечно, тут и думать, выходит, не о чем. Каждый должен быть победителем, до последнего старшины-писаря с вещевого склада, командующего сапогами и штанами солдатскими безразмерными с усиливающей прокладкой на коленях и повыше в середине — везде, где возникает наибольшее трение. «Взрыв», конечно же, а «Рикошет» — тоже план отличный, не зря думали, но его — как-нибудь в другой раз. Не на последнюю войну ведь собираемся, надо полагать, с таким Верховным не то, что какие-то там семнадцать планет завоевать можно, но и — одним словом, что прикажут, то и завоюем, и весь, как говорится, хрен по деревне.

Так что они приосанились и, глубоко вдохнув, ответили Властелину просто и незамысловато: грянуло солдатское «Ура!», и не просто, а с перекатами. А поскольку было их немало собрано тут, «ура» получилось внушительное и сомнений никаких не вызывающее.

На что Верховный Главнокомандующий милостиво улыбнулся и приказал:

— На подготовку, отработку, пополнение личным составом и техникой, доведение запасов до нормы даю три недели. День «Д» назначаю через месяц, а точно будет объявлено в приказе. Свободны.

Так что и со стороны людей военных, как видим, никаких задержек не возникло. Под умелым руководством... Ну и так далее.

3

Четверо сидели в пивной, подперев головы кулаками. Судя по выражению лиц, пиво — а здесь нашлось все-таки и Черное Киторанское — не шло им нынче впрок, не помогало работе мысли. А думать приходилось быстро и решать по возможности точно.

— Что же будем делать, капитан?

— Постараемся быть умнее самих себя. Из того немногого, что мы знаем, построить какую-то приемлемую схему. И действовать по ней.

— Впятером против восемнадцати миров,— пробормотал Питек.

— Что же,— сказал Уве-Йорген.— Будем действовать своим умом. Как солдаты на поле боя. Нам не привыкать.

— Вот и начнем.— Капитан поднял толстую кружку, подержал и, не отхлебнув, поставил на стол.— Что мы, по сути, знаем? Установили, кто эмиссар Охранителя. И через какой канал влияет на Властелина. Следовательно, знаем, кто заказывает музыку. Результаты уже ощущаются. Все говорит за то, что Властелин воевать не хотел, но будет. Что выгодно той стороне, чего хочет Охранитель: чтобы Ассарт выиграл войну — или проиграл? Думаю, что Заставе нужен проигрыш.

— Почему ты так считаешь?

— Им почему-то мешает Властелин. Иначе на него не покушались бы так упорно. Не удалось устранить его так — теперь пытаются сделать это, нанеся ему поражение в войне.

— Мастер наверняка понял бы сразу,— проговорил Рука.— Нет связи. А у эмиссара Заставы и связь, и транспортировка...

— Заманчиво...— признал Ульдемир.— Забрать его канал, перестроить... А для начала установить — где выход...

— Его надо ловить на муху,— сказал Питек.— Эмиссара. Поймать и загнуть ноги к ушам. Чтобы заговорил.

— А кто муха?

Питек пожал плечами.

— Капитан, наверное. Он от них ушел. Но он им зачем-то нужен, иначе его не стали бы перехватывать. Вот и надо сейчас его подставить.

— Спасибо тебе, Питек,— сказал Ульдемир признательно.— Я всегда знал, что ты мне друг.

— Гнусно,— сказал Уве-Йорген.— И потом, здесь не парламент. Командует капитан. Если пойдет на риск — значит, пойдет. Если нет, мы не имеем права настаивать. Но сразу говорю: я против. И потом, ну загнем ему ноги к ушам. Питек, тебе загнуть — ты заговоришь?

— Еще как! — сказал Питек.

— Предашь?

— Не обижай меня,— сказал Питек.— Так легко обидеть невинное дитя природы.

— Будешь врать?

— Само собой.

— Ну, а он, думаешь, слабей тебя?

— Хорошо бы,— сказал Питек.— Но думать так нельзя.

— Разговорить можно всякого,— сказал Гибкая Рука, и глаза его на миг затуманились.

— Наверное; только мы не в лесу. Играем, по существу, на их поле. И теперь они нас знают.

— Не доказано...

— Когда докажут — будет поздно.

— Думайте, думайте,— сказал Ульдемир.— Муха пусть сидит на запасной позиции. Лучше бы, конечно, найти выход канала, перестроить и воспользоваться без их ведома.

— Следить за ним можно,— сказал Рука.— Но не долго. А когда именно он беседует с Заставой, нам неизвестно. Может быть, вызов идет оттуда. Вызов он может воспринять в любом месте. Как и каждый из нас, когда вызывает Мастер.

— Значит,— медленно проговорил Ульдемир,— что-то должно принудить его самого выйти на связь с Заставой. Что именно?

— Опасность,— сказал Рука.

— Грозящая ему? Вряд ли. Если он настоящий эмиссар, то у него свобода передвижения с выходом из трех измерений. Уйдет из любой ловушки.

— Питек прав,— согласился Рыцарь.— Нет, не угроза лично ему. Но — опасность, которой подвергаются их планы. Что для него, для их команды сейчас опаснее всего?

— Потеря выхода на Властелина,— после паузы ответил капитан.— Потому что если мы рассуждаем правильно, то для них самое скверное - потерять контроль над Властелином непосредственно

перед началом войны, и тем более — в ее ходе. Если они действительно хотят его поражения, они должны получать сведения обо всех его замыслах.

— Погодите минутку,— попросил Уве-Йорген.— Все время вертится какая-то мысль, скверное состояние — словно собираешься чихнуть и никак не можешь... Ага, вот! Понял! Знаете, господа, что кажется мне во всей этой неразберихе самым странным?

Он сделал паузу, но не получил ответа; все ждали продолжения.

— Такое ощущение, что они спешат. Почему-то очень спешат! Подумайте: ведь все эти покушения были организованы наспех, на живую нитку смётаны — иначе уже первое удалось бы... Можно подумать, что они бегут за минутной стрелкой.

— Ну, пожалуй, похоже на то... А какое значение это имеет для нас?

— По-моему, это определяет наши действия. Они спешат — значит, мы должны как можно более успешно тормозить...

— Слишком тяжелый автомобиль, дорогой Рыцарь.

— Конечно, если даже все мы уляжемся поперек взлетной полосы, это мало чему поможет. Замедлить все то, что происходит, под силу только самым высокопоставленным. Но мы ведь все-таки занимаем не такие уж далекие от них позиции! Гибкая Рука — личный телохранитель самого Властелина, Георгий — тоже, хотя он сейчас и в отлучке; капитан — первый человек у супруги Властелина, Питек — в ее охране...

— Я в охране, да,— подтвердил Питек.— Если надо ее похитить — я могу. Но если я стану давать ей советы — думаю, что и двух часов не продержусь в ее окружении. Охранник есть охранник — бей и беги... Если кто-то и может влиять на нее, то только капитан.

— Пока что она сторонится политики,— сказал Ульдемир.— Попробую, конечно, объяснить ей, что к чему. Правда, не уверен, что она будет так уж сочувствовать Изару.

— Пусть сочувствует Ассарту,— сказал Рыцарь.— Может быть, у нее есть какие-то личные связи с другими мирами? Нам очень нужно было бы знать — что сейчас происходит там. Ведь если войну организует Застава, то вряд ли их действия ограничиваются Ассартом; думаю, они наследили по всему скоплению Нагор.

— Это не только нас интересует,— откликнулся Питек.— Множество народа, в том числе наш Георгий, отправились во все концы.

— Отправились торговать,— сказал Ульдемир.— Ну и что?

— Тень всегда рядом,— неожиданно сказал Рука.

— Ты это к чему?

— Я — тень Властелина, его щит. Все говорилось при мне. Это купцы по легенде. Да, они будут заключать сделки. Но они разведчики.

— Это ты давно сказал. Ну и что?

— Пока не вернулось ни одного. А давно пора бы.

— Ты хочешь сказать, что ни один разведчик... Но ведь и до них там была, конечно, сеть, разведка не создается за день... Так что же: никаких сигналов, никакого...

— Ничего. Ни один не вернулся. Ни один не выходил на связь. Эфир молчит. Вот и Георгий тоже.

— Это плохо,— сказал Питек.— Игра втемную? Не люблю.

— Ошибаетесь,— проговорил Уве-Йорген.— Потому что тут, можно считать, они уже немножко раскрылись.

— Объясни.

— Очень просто. Может провалиться разведчик. Или половина всех разведчиков. Могут смотать одну сеть. Или половину всех сетей, или три четверти. Бывают разные случайности. Но когда молчат все до единого — это уже не теория вероятности. Это — операция. Задуманная, подготовленная и осуществленная операция прикрытия. А если так, то вывод один: есть, что прикрывать на каждой планете. Да, сдается мне, моя интуиция еще работает.

— Тень Властелина, давай-ка по порядку. Здесь ведь все разрабатывалось при тебе.

— Рука все помнит. Ассарт выпустит эскадры на исходные рубежи последовательно, чтобы все были готовы начать в одно время — ближе ли, дальше — все равно. Семнадцать одновременных ударов на семнадцать застигнутых врасплох миров с неотмобилизованными армиями и снаряженными по нормам мирного времени флотами. Для этого Ассарт вынужден слать десанты, сильно разбавленные резервистами. Это может сойти с рук при неожиданном и мгновенном ударе. Но если речь пойдет о войне в семнадцати очагах, то Ассарт проиграет ее в лучшем случае на третий день.

— Разве ассартские генералы не понимают этого?

— Понимают, отчего же нет. Они — генералы не хуже других. Но приказ дан, и они его выполняют.

— А как иначе? — сказал Уве-Йорген.— Они — солдаты.

— Ну, а сам Властелин — он же не дурак!

— Властелин решил, что История спасет мир. Хотя если мир вечно должны спасать — то экономика, то история, то армия — это неразумный мир. Разумный — инстинктивно не доходит до грани, за которой надо бросать все и вытаскивать себя из ямы.

— Ну ладно,— сказал Ульдемир.— Говорить об этом можно долго — и без толку. Все равно, наши консультации никому не нужны. И полно своих дел. Вернемся к связи. Итак, нужно поставить Эмиссара перед необходимостью поспешить с выходом на связь. Для этого — создать угрозу его влиянию на Властелина. Потому что если Властелин вдруг выйдет из-под контроля, то он сам, а если с ним что-то случится — то кто-то другой может немед-

ленно переиграть. В конце концов, ни один корабль еще не вышел на исходные.

— Не исключено,— сказал Уве-Йорген.

— Как принудить Эмиссара?

После паузы Питек сказал:

— Ты знаешь как, Ульдемир.

Капитан медленно кивнул.

— Да.

— Нам придется пойти на это.

— Убрать девочку,— сказал Уве-Йорген.— На поле боя я бы себе такого не позволил. Но сейчас играется тайная война, в которой нет запрещенных приемов.

— Убрать?..— повторил Ульдемир.— Я бы сказал иначе: вывести из игры. Изолировать...

— Ну, знаешь,— сказал Питек.— Ты преувеличиваешь наши возможности. Не станем бояться страшных слов. Убрать — значит убить. Это очень просто: одно движение. А изолировать — значит не только улучить момент, но и схватить, заставить молчать, транспортировать в надежное место, которое еще надо найти, стеречь днем и ночью, кормить и поить — и при этом постоянно рисковать, что ее найдут, потому что искать станут, и даже с двух сторон сразу — и все труды окажутся попусту. Нет, я за простоту. А ты?

Уве-Йорген пожал плечами.

— Я... Если есть серьезная возможность обойтись без крови, то я предпочел бы ее использовать. Но, откровенно говоря, такой возможности пока не вижу. Потому что можно ручаться, что девочка эта находится под охраной — и тоже, не исключено, сразу с двух сторон. Не знаю, какой образ жизни она ведет...

— Чаще всего — дома,— вставил индеец.

— Тогда тем более трудно будет подобраться к ней. Никто из нас не вызовет у нее такого прилива доверия, чтобы она позволила... Нет, я не вижу такой возможности.

— Что же, решено? — спросил Питек.

— Как скажет капитан.

Ульдемир ответил не сразу. Он сидел, закрыв глаза пальцами. Потом отнял ладони.

— Вы правы в оценке положения. Верно, что никого из нас она и близко не подпустит. Ни она, ни тем более ее охрана, о которой она может и не знать. И никому из нас не под силу выманить ее в такое место, где все можно было бы осуществить тихо и аккуратно. Места, в котором можно было бы держать ее хоть какое-то время — пока Эмиссар не засветит свой канал,— у нас тоже нет. Все именно так и обстоит.

— Ну что же,— сказал Питек.— Черную работу я готов взять на себя.

— Постой,— сказал Уве-Йорген.— Капитан еще не закончил...

Ульдемир кивнул, но продолжил не сразу. Он глядел на дверь. В пивную вошли двое, внимательно прошли взглядом по столикам и стойке, на миг останавливая глаза на каждом присутствующем. Ничего не заказав, повернулись и вышли.

Четверо за столиком переглянулись.

— Еще несколько минут у нас есть,— проговорил Питек спокойно.— Ты успеешь закончить, капитан.

— Хорошо. Итак, у нас нет ни возможностей, ни помещения — ничего. Но этот никак не означает, что их нет вообще. Есть и люди — или человек — которого она не только подпустит к себе, но к которому даже придет сама — если ее позвать. И у этого человека найдется и нужное место, и все остальное...

— А этот человек захочет работать на нас?

— В какой-то мере,— сказал капитан,— он будет работать и на себя.

— Кто это, Ульдемир?

— Ястра.

— Браво! — сказал Уве-Йорген.— А она захочет?

— Дело зашло так далеко, что ее все равно надо включать в игру. Нам не обойтись без ее помощи — быть может, уже сегодня.

— Время,— сказал Питек.— Пошли!

Он положил на столик деньги и прижал кружкой. Все встали.

— Одному придется прикрыть,— предупредил Питек.— Я на этот раз не могу: я проводник. Прикрыть надо так, чтобы никто не понял, куда мы денемся.

— А куда мы денемся? — спросил Ульдемир.

— Провалимся сквозь землю.

— И окажемся — в аду?

— Наоборот: в Жилище Власти. Так кто же?

— Не ты и не капитан,— сказал Уве-Йорген.— И не Рука: если он не явится вовремя на свой пост, возникнет беспокойство и все охраны будут усилены. Кто остается?

— Удачи тебе, пилот,— сказал Ульдемир.

— Сделай это здесь,— посоветовал Питек.— Мы выскочим, как только они ворвутся — а ты постарайся не позволить им кинуться за нами.

— Мы не пойдем той дверью,— сказал Рука.— Видите — дверца в углу?

— Там удобства.

— А за ними запасной выход — для деликатных ситуаций.

— Думаешь, его не блокируют?

— Наверняка. Но полагаю, что сделают это не милые девушки.

Капитан усмехнулся.

— Вперед,— сказал он.— Вернее — назад!

— У тебя что? — спросил Питек.

— Кинжал,— ответил Уве-Йорген.

— Возьми мой. Но обязательно отдай потом: это мой любимый.

Рыцарь усмехнулся:

— Постараюсь... Счастливого пути!

— Приятных развлечений,— ответил Питек уже из коридорчика.

На их уход никто не обратил внимания, потому что именно в это мгновение дверь, выходившая на улицу, распахнулась как от взрыва, и в пивную ворвалась толпа. При виде опустевшего столика, их главарь на миг остановился. Это было очень кстати.

— Их слишком много,— пробормотал пилот.— Придется нарушить традицию. Одним нарушением больше, одним меньше...

На него бросились в ту долю секунды, когда кинжалы были уже за поясом, а руки Рыцаря сжимали рукоятки двух фламмеров. Сверкнули молнии. Запахло горелым мясом.

— Это не охота на бекасов,— процедил Рыцарь сквозь зубы.— Но тоже развлекает...

4

— Итак, товар будет доставлен в контейнерах к вашему кораблю к восьми часам, если этот срок вас устраивает.

— О, совершенно.

— Вы же, со своей стороны, прибыв домой, позаботитесь о немедленной отгрузке закупленной нами техники, не так ли?

— Разумеется. В тот же час.

— Не сомневаюсь в этом. Мы прекрасно понимаем, что ваш торговый дом в данном случае выступает в качестве представителя Державы...

— Откровенно говоря, я и не очень старался скрыть это.

— Мы это поняли. Следовательно — позвольте поздравить вас с удачной сделкой.

— Благодарю. Со своей стороны, могу ответить вам тем же.

И собеседники пожали друг другу руки — торжественно и крепко.

— В вашем распоряжении еще почти весь день,— проговорил затем хозяин.— Может быть, у вас есть какие-то пожелания? Мы с удовольствием сделаем ваше пребывание на Киторе как можно более приятным...

— У меня нет никаких особых пожеланий. Разве что — где-нибудь хорошо пообедать и отдохнуть до вечера на лоне природы.

— Ну что же. Могу вам посоветовать...

— Простите, я перебью вас. Еще на Ассарте я слышал о воис-

тину прелестном и комфортабельном уголке вашей чудесной планеты — здесь, неподалеку от города...

— А, я знаю, что вы имеете в виду: парк «Южная звезда». Те, кто рекомендовал его вам, не ошибся. Места настолько красивые и удобные, что там проводятся все межмировые совещания, конференции, встречи... Правда, в таких случаях посторонним попасть туда становится затруднительно.

— Но сейчас, я надеюсь, там не происходит ничего подобного?

(Гость кривил душой; по имевшейся у него информации, именно там что-то и должно было произойти. Но он не стал говорить об этом хозяину кабинета. Неведение иногда является благом.)

— Насколько мне известно, нет.

Нажав кнопку, хозяин кабинета вызвал секретаря.

— Устан! Распорядитесь немедленно: во-первых, доставку товара в контейнерах, отправляемого в адрес торгового дома «Штак и товарищи», в торговый космопорт произвести сегодня, начиная с восьми вечера.

— Это... макулатура, железный и прочий лом?

Конечно, товар можно было — для спокойствия — назвать и так. На самом деле с Киторы вывозились архивные документы и музейные экспонаты: оружие, костюмы, посуда... Георгий с самого начала предполагал, что с купцами договориться будет куда проще, чем с государственными деятелями. Стоит лишь предложить хорошие условия. Он предложил — и не прогадал. И деловые люди, нимало не афишируя, благодаря своим связям во всех кругах Киторского (как и всякого другого) общества, без особого труда получили желаемое.

— Да, именно — макулатура и железный лом.

— Будет сделано.

— И, во-вторых,— вызовите машину. Госпоин Шар-Бит намерен пообедать и отдохнуть в «Южной звезде».

— Прекрасное место, господин Шар-Бит. Машина будет подана через пять минут. Угодно вам, чтобы она ждала вас там?

— О, нет надобности. Я полагаю, что, когда мне понадобится ехать, я смогу найти машину там, на месте?

— Вне всякого сомнения.

— Не хочу быть привязанным к месту. После обеда я имею обыкновение подолгу прогуливаться. Но, так или иначе, к восьми я буду ждать контейнеры в порту.

Секретарь удалился.

— Должен сказать,— проговорил хозяин кабинета прежде, чем распрощаться,— в последнее время я не ожидал больше каких-то интересных операций — и вообще, и с Ассартом в особенности. В мирах неспокойно. Уже и сейчас вы подвергаете себя определенным опасностям.

— Увы, торговля — всегда риск, не в одном, так в другом. У меня тоже были определенные сомнения. Но я решился. Интересно, а что слышали вы?

Хозяин пожевал губами.

— Не в моих обычаях пересказывать слухи. И тем не менее... Есть основания полагать, что возникнут какие-то осложнения между мирами. Еще не знаю — зачем, но на Китору прибыли и продолжают прибывать весьма высокопоставленные представители всех миров...

— Ну, я надеюсь, что если и возникнут осложнения, то не надолго. Но я рассчитываю проделать весь путь и отправить закупленный вами товар еще до того, как... что-либо случится.

— Я уверен, что так оно и будет. Итак — всего наилучшего...

«Хорошие дороги,— думал представитель торгового дома Штак.— Хорошие дороги и прекрасные машины. И обед, надо полагать, будет достоин того и другого. И сень деревьев, великолепных деревьев с густой тенью... На межмировую конференцию я, увы, не приглашен. Но необходимо на ней присутствовать, так или иначе. Это может оказаться очень важным. Что-то увидеть, как можно больше услышать и записать. И стартовать еще сегодня, обязательно сегодня — потому что завтра это может уже не получиться. Только бы Властелин не учудил чего-нибудь. Стартую сегодня, если даже товар вообще не прибудет. Торговый дом Штак на планете Нельта, надеюсь, простит мне такое пренебрежение его интересами — тем более что я не уверен, что такая фирма вообще существует, это было бы странно, поскольку я сам ее придумал. Стартую. Если выпустят. Ну а если под каким-то предлогом старта не дадут — значит, дела совсем плохи. И мои собственные, и всего Экипажа, я уже не говорю о мире Ассарта...»

— Что это? Мы уже приехали?

— Совершенно верно, господин Шар-Бит. К ресторану — по правой аллее, идти придется совсем немного. Здешние правила запрещают ехать дальше.

— Это не беда, друг мой. С разумными правилами всегда приятно мириться.

— Совершенно верно. Прошу извинить — мне сказали, что ждать вас не нужно? Если вы передумали, я готов...

— Нет-нет, ни в коем случае. Поезжайте и скажите, что я очень благодарен за все...

Шофер поклонился. Купец Шар-Бит неторопливо двинулся по аллее — отлично одетый, уверенный в себе деловой человек, которого дела на несколько дней занесли в другой мир.

«Несколько дней в торговых делах — это очень много,— думал

он, едва заметно усмехаясь.— Правда, приходится крутиться, чтобы успеть побывать в главных торговых городах, которые, как правило, являются крупными центрами и других отраслей деятельности... Нет, разумеется, на их широких площадях не стоят готовые к старту корабли космических эскадр, в кудрявых парках не располагаются противодесантные батареи. Но города эти набиты информацией. Она — в газетных киосках, в обширных магазинах, на стоянках машин, в вагонах подземки, на городских пляжах, в дорогих ресторанах и дешевых пивных, информация входит в здания и выходит из них, спешит по тротуарам и отдыхает на скамеечках. Все это говорит, даже кричит — надо только понимать язык... Если, например, в отеле, в котором вы остановились — не из очень дорогих, торговцы не расточительны, но и не из самых дешевых: престиж все-таки требует расходов,— если в этом отеле вечером — наплыв, а утром перед ним выстраивается колонна автобусов, очень хороших автобусов для дальней дороги — то достаточно лишь поинтересоваться, не можете ли вы с ними добраться, скажем, до городка Пуш — сто пятьдесят с *лишним* элов,— где завтра начинаются скачки; и достаточно получить в ответ процеженное сквозь зубы «Нет» и тот исполненный множества смыслов взгляд, который нельзя описать, но нельзя ни с чем и спутать: во всей обозримой Вселенной именно таким взглядом военные смотрят на всех остальных мужчин,— этого достаточно, повторяешь ты это еще раз или нет,— достаточно, чтобы заключить, что спешно мобилизуются офицеры резерва; раз такое количество офицеров — значит, войска массированно пополняются. А это, в свою очередь, может означать только одно: мир готовится к схватке, и будет ли его роль в ней ролью *атакующего или обороняющегося*, но она уже никак не сможет быть ролью мира, застигнутого врасплох. Ты начинаешь думать так в первом же городе, а когда, закончив дела в последнем, едешь за город пообедать и по пути встречаешь три колонны военных машин,— а близ города, из которого ты едешь, находится (как прочирикала тебе певчая птичка) один из военных космопортов планеты,— ты уже более чем уверен: планета готова, и отнюдь не только к обороне. Остается самая малость: донести эту информацию до тех, кто сможет ею воспользоваться. И вот тут...»

— Благоугодно господину занять этот столик? Или господин предпочтет что-нибудь другое?

— В тени и поближе к балюстраде. Люблю смотреть на воду. (Скажи это так, чтобы было понятно: не на воду, а на юных купальщиц в ней — чтобы тебя сразу классифицировали определенным образом). Проводите меня вот туда (ленивый жест).

— Сделайте одолжение!

Не спеши. Обожди, пока не отодвинут стул. Вот теперь.

— Прошу...

— Нет, нет. Я не собираюсь выбирать. Я голоден, накормите меня обедом. Я иностранец и сегодня улетаю. (Что ты иностранец, он понял с первого взгляда, с первого же сказанного тобою слова.) Так накормите же меня так, чтобы память о вашем гостеприимстве сохранилась у меня и в родном мире.

— С огромным удовольствием. Господин с Лезара?

— Я? (Естественное возмущение, пригашенное хорошим воспитанием. Клянусь Аполлоном. Мастер все-таки предусматривает все на свете; тонкости интонации вовсе не просто усвоить тому, кто издавна привык к боевому кличу.) Я родился и живу на Нельте (так же промодулировать гордость), хотя, конечно, не раз бывал и на Лезаре (и пусть в воздухе повиснет недосказанное: «и он в подметки не годится моему миру»),— да мало таких мест, где бы я не бывал.

— Нравится ли господину у нас?

— У вас очень мило. Да, очень.

— В таком случае... Осмелюсь предложить такой обед: на закуску — салат из пинейских раков с...

Какая разница — все равно ты этих блюд не знаешь. Важно кивай, время от времени вопросительно вскидывай взгляд — это естественно, ты иностранец и тонкости местной кухни тебе неведомы. Теперь что-нибудь, чтобы последнее слово осталось за тобой.

— Только проследите, чтобы не было ничего слишком острого. Здоровье требует внимания, не так ли?

— В таком случае...

— Нет-нет, я не на диете, просто предусмотрителен. Скажите, этот ручеек — куда он течет?

— Господин шутит... Это река. Река Улуза. Здесь она, правда, еще не столь широка, но дальше...

— Ага, вспомнил. Она впадает в Зенский залив, не так ли?

— Совершенно верно. Зенский залив Утанского моря.

— Да, да. Улуза, конечно. Просто я не думал, что она может быть такой узкой.

— Это очень глубокая река. И обратите внимание, какое быстрое течение. Здесь купаются лишь у берега. Дальше — опасно.

— Хорошо. Благодарю вас (взгляд должен ясно выразить: не приставай, не забывайся).

Убежал. Тишина, если не считать легкого, усыпляющего шелеста листьев. На веранде ресторана пусто, час второго завтрака миновал, обеда — еще не наступил, случайных посетителей тут, наверное, почти не бывает — не город... Река впадает в залив. К торговому порту отсюда ведет прямая дорога, город остается в стороне. Значит, если в порту станет горячо, надо вернуться сюда, а дальше — по реке, вниз по течению — в залив. По его берегу — или

вдоль берега — продвинуться на две тысячи стадиев — там найти место встречи контрабандистов, у них — свои корабли, больше рассчитывать будет не на кого. Следовательно, сейчас нужно подготовить свое возвращение сюда — чтобы оно никого не удивило. Такой шаг одновременно отвлечет внимание тех, кто мною интересуется — если такие существуют. Будем считать, что существуют, чувство безопасности часто оказывается ложным.

И в самом деле, кормят здесь хорошо. Вкусно. Ты молодец: не забываешь, как учили, в каждое блюдо подбрасывать крупинку индикатора, реагирующего на определенные химические соединения. Если тебя захотят накормить или напоить чем-то таким — ты увидишь. Но пока все, кажется, благополучно.

— Можно подавать кофе?

— Разумеется. Но не сюда. Куда-нибудь, где я мог бы послушать известия. Сегодня я весь день блуждаю по природе. Но ведь нельзя надолго отвлекаться от деловой жизни, не так ли?

— К сожалению, мой господин, известия закончились несколько минут назад. Теперь придется ждать целый час. Но вы, конечно же, слышали о главном?

— Я только что сказал вам: сегодня с утра я ничего не слышал. А что произошло?

— Ассарт, снова этот проклятый Ассарт!

— Ну-ну, и что же он? Разлетелся на куски?

— О, если бы! Они снова напали!

— На кого же?

— На Лезар, мой господин. Все миры в тревоге...

— Я думаю, особых поводов для этого нет. Ассарт не так силен, как всем представляется.

— Дай-то Бог... Но если война... Так не хочется идти!

— Вы — призывного возраста?

— Запас первого разряда. Так что кому-кому, а мне придется идти сразу. У меня маленький ребенок, болезненная жена... Но разве кто-нибудь станет считаться с этим?

— Ну, не волнуйтесь. Может быть, все обойдется. Держите себя в руках... Так вы говорите, напали на Лезар? Зачем же?

— Наверное, хотели, чтобы все снова начали их бояться... По-моему, это неразумно...

«Неразумно! — подумал Георгий.— Это идиотизм высшей марки, вот что это такое! Значит, генералам удалось сделать по-своему. А ведь можно было иначе — вот так, как я. Договорился, купил, везу. Но теперь эта конференция становится совсем интересной... Обязательно нужно пробраться, и сразу дать полную информацию».

— Итак, прикажете подать кофе сюда?

Кивни. Заговоришь, когда принесет кофе.

— Э-э... Любезный... Здесь у вас и на самом деле очень приятно.

Так что я, пожалуй... Есть здесь где-нибудь поблизости что-то такое: отель, пансионат...

— Господин хочет заказать комнату?

— Номер... на день-другой, а если понравится — то и дольше.

— Здесь по соседству — прекрасная гостиница. Совсем рядом, только деревья ее скрывают. Если господину угодно — я могу позвонить...

— Сделайте это. Удобный номер, с видом на реку... Хотя — может быть, и не на реку? Гм...

— Если угодно — можно взять угловой, с балконом на две стороны.

— Именно то, что я хотел.

Ну что же, можно спокойно допить кофе. Рассчитаться. Не сделать ошибки с чаевыми: не мало, но и не чрезмерно много.

— Простите... Нужно ли — это они спрашивают — прислать носильщика за вещами?

— Вы же видите — у меня нет вещей. Зачем отягощать себя грузом, если все можно купить на месте, не так ли?

— Господин совершенно прав. Итак: выйдя от нас, вы повернете направо, выйдете на главную аллею, и первое же ответвление под углом вправо... Может быть, дать вам провожатого?

— Вряд ли я заблужусь. Ну что же...

— Благодарю, благодарю!..

Неторопливо уходим. С собой действительно ничего, только легкий деловой чемоданчик. Совершенно естественно. Здесь — направо. Остановись, насладись запахом цветов... Хорошо. Никто не показался, значит, обошлось без провожатых. Пока все благополучно. Ага, вот это, видимо, и есть... Отель «Тишина». Да ниспошлют мне ее боги...

Стой. Больше ни шага вперед. Наоборот. В сторону. В тень. В кустарник. И тихо. Смотри внимательно. Кого ты видишь впереди? Людей. Крепких мужчин в расцвете сил. Что они делают? Как будто бы ничего. Прогуливаются перед крыльцом отеля. Сидят в плетеных креслах. Читают газеты. Потягивают что-то из высоких бокалов через соломинку... Тебе все понятно? Да, мне все поняно.

Значит, в гостиницу нельзя. Во-первых, все равно не пропустят. Во-вторых, могут вплотную заинтересоваться тем — кто ты таков. И это будет полным провалом.

В гостиницу нельзя. Но — нужно. Непременно нужно.

Хорошо, что чемоданчик с собой. Но даже с чемоданчиком — это еще полдела.

Ах, почему я не являюсь полномочным представителем какой-то нейтральной планеты? Я предъявил бы все документы, какие полагается предъявлять, прошел бы, занял отведенный мне номер и в назначенный час уселся бы на свое место там, где будет происходить

эта самая конференция... Почему я не чей-нибудь король или хотя бы президент? Нет, лучше даже не то и не другое: вряд ли тут соберутся сегодня первые лица. Вот вторые — наверняка. Это хорошо: вторых лиц не так часто видят на снимках и на экранах, поэтому возможности, что тебя опознают, значительно меньше.

Но ведь ты и не второе лицо — и не видишь никакой возможности выдать себя за таковое.

В самом простом варианте в таких случаях подмена совершается заранее. Где-нибудь по пути. В звездолете, самолете, автомобиле, который можно остановить не одним, так другим способом... Однако для этого нужна группа, хорошо оснащенная и подготовленная группа. А ты — один и совершенно не снаряжен. Потому что тебя направили сюда для торговли и сбора информации. А не для оперативных мероприятий. Нет, перехватить по дороге и совершить подмену кого-либо самим собой у тебя не получится.

Что же остается? Совершить эту подмену уже в гостинице, вот единственный приемлемый, единственный мыслимый сейчас способ.

Для этого нужно прежде всего попасть в отель. Однако, как ты уже понял, тебя туда не пропустят.

Значит, надо попасть без спроса. Только и всего.

Вечером, в темноте, это было бы куда легче. Сейчас стоит белый день. Но придется рискнуть. Только нужно прикинуть — с какой стороны это будет удобнее.

Надеюсь, что они начнут не поздно. Потому что мое время очень ограничено. В восемь вечера я должен быть в космопорте. Если я сегодня не улечу, то не улечу вообще никогда. Даже и сегодня нет никакой гарантии. Но, в конце концов, мне нужно главным образом выяснить — о чем они будут говорить. Повестку дня. И сразу же сообщить об этом на Ассарт. Чтобы там приняли меры. А потом — как получится. Если окажется очень интересно — придется пожертвовать кораблем и товаром, пропадай он пропадом. Хотя не хотелось бы, разумеется, подводить контрагента: это было бы грубым нарушением купеческой морали. Пожертвовать кораблем — так, чтобы никого не подвести. Ну что же — есть такой способ. А затем останется лишь пожертвовать самим собой — потому что на этой планете, которая уже сегодня окажется враждебной, тебе долго не продержаться — без каких-либо связей, без базы, без ничего... Нет, это и в самом деле дремучий идиотизм. Но уже не изменить ничего.

Некогда нас было триста. И мы были готовы умереть.

Для меня этот результат просто оказался на время отложенным. Спасибо и на этом.

Ну а сейчас — начинаем действовать. Практически наугад. Будем надеяться на благосклонность обитателей Олимпа...

Тщательно осмотревшись, не увидев ничего угрожающего, Геор-

гий вылез из кустов. Медленно пошел — не к гостинице, а в сторону. Нужно было описать вокруг нее довольно большого радиуса круг — чтобы понять, с какой стороны проникнуть в охраняемое здание будет безопаснее всего.

Надо найти такое место еще до того, как начнут подъезжать участники. И как только они появятся — двигаться самому. В первые минуты внимание охраны будет привлечено именно к прибывающим. Значит, для проникновения надо избрать тыльную сторону отеля. Там хозяйственные постройки, огороженный забором двор. Там меньше охраны, чем у фасада. И следят там главным образом за служебными выходами и за окнами первого этажа.

Это разумно с их стороны. Но мы-то проникнем не снизу. А сверху.

На крыше, очень возможно, тоже угнездился кто-то. Для предохранения от возможных снайперов. Но мы и на крышу не полезем. Нет надобности.

На верхнем, четвертом этаже все окна затворены. Это плохо.

Зато на третьем — два окна открыты. Вряд ли это номера; скорее — какие-то подсобные помещения. Вот эти окна и нужно использовать. И немедленно. Не то их могут закрыть. Для этого зайдем-ка снова в кустарник, что погуще...

В кустах Георгий раскрыл чемоданчик. Вынул тончайший (в сложенном виде он занимал места не больше, чем коробка сигар) комбинезон из двойного мимикрона. Одежда эта, конечно, не делала человека совершенно невидимым, но изрядно мешала различить даже его очертания уже в нескольких метрах. Каждый эмиссар Мастера был снабжен таким — за исключением тех, кто мог становиться совсем невидимым без всякой техники. Надел комбинезон прямо поверх костюма. Защелкнул чемоданчик, прижал его к груди. Чемоданчик был о двух замках, но запором служил лишь один из них. Георгий нажал на вторую кнопку и легко, беззвучно всплыл. Круто набрал высоту. Аппарат работал без малейшего звука. Удобная вещь. Георгий заскользил к открытым окнам. Повис перед одним из них. Нет, он ошибся: это был все-таки номер. Что ж — тем лучше. Внутри никого не было. Он опустился на подоконник, глянул вниз. Нет, никто не задирал головы, не указывал на него. Он прислушался. Где-то разговаривали — внизу, наверное, у служебного входа, отсюда не было видно, слова тоже не различались. Но разговор был спокойный, в голосах не чувствовалось напряжения. Потом, заглушая голоса и все прочие шумы, завыла полицейская сирена, завизжали на крутом повороте тормоза. Ага, начали прибывать участники. Самое время.

Георгий легко соскочил на пол. Номер был обширным, из трех комнат. Гостиная, кабинет, спальня. В спальне его внимание привлек большой — во всю стену — шкаф. Он открыл его. Шкаф был пуст.

Пока. Хорошо. Не снимая комбинезона, Георгий поднялся к потолку. Над шкафом была антресоль. Осторожно, чтобы не повредить комбинезон, Георгий забрался туда. Это было не так легко: сытный обед давал себя знать. В конце концов он устроился. Накрыл себя запасными одеялами, лежавшими в антресоли. И принялся ждать.

Прошло, по его расчету, минут двадцать. Все новые и новые сирены звучали так пронзительно, что звук проникал и сюда, сквозь все переборки и одеяла. Георгий терпеливо ждал. Он услышал, как отперли дверь. Вошли, судя по звуку шагов, сразу несколько. Шаги разбрелись по всему номеру. Внизу скрипнула дверца шкафа. Потом кто-то, подставив стул, открыл и антресоль и сейчас же закрыл: одеяла выглядели убедительно. «Все чисто,— проговорил голос,— можете располагаться, экселенц. Мы будем внизу, если понадобимся». «Вряд ли понадобитесь»,— сказал другой голос, начальственный, уверенный. Они ушли. В ванной зашумела вода. Тогда Георгий вылез.

Медленно, не спеша, он снял комбинезон, тщательно осмотрел его: маскировочное одеяние еще должно было пригодиться, предполагал он. Комбинезон был цел и невредим. Георгий аккуратно сложил его, водворил в чемоданчик, убедился, что все, что еще могло ему понадобиться в ближайшие минуты, было налицо. Закрыл чемоданчик, отворил дверцы шкафа. Там висел костюм. Георгий прикинул; несколько тесноват будет, но ничего, сойдет. Засунул руку во внутренний карман чужого пиджака. Кто же это сейчас плещется и фыркает в ванной, смывает дорожную пыль? Ну-ка, ну-ка... Ага. Его высокопревосходительство, вице-председатель правительства всеобщей республики военных и гражданских на планете Фегарн. Военный, конечно, он и изображен в мундире, при орденах и оружии. Ничего удивительного, что в штатском костюме он будет чувствовать себя несколько стесненно... Чего мне не хватает? Усов. Ну, это минутное дело... Из того же неиссякаемого чемоданчика Георгий достал несколько баллончиков, размером каждый с хорошую сигару — они и выглядели как сигары, только курить их было нельзя. Георгий и вообще не курил, в Спарте не курили в его времена. Он остановился перед зеркалом, в левой руке держа документ вице-председателя с четкой голограммой. Правая рука орудовала баллончиками — одним, другим, третьим. Любопытно было видеть в зеркале, как постепенно твое до мелочей вроде бы знакомое лицо меняется, становится другим, чужим... Четвертый сигарообразный баллончик Георгий осторожно засунул в карман. Ну, все. Теперь даже охрана вряд ли уловит разницу между их подопечным и ассартским купцом-разведчиком... Скоро он там кончит плескаться?

Скоро; вода перестала течь — сейчас он вытирается. Вот зашлепали шаги... На цыпочках Георгий подошел к двери ванной,

вынул из кармана четвертый баллончик. Дверь отворилась — и в лицо вице-председателю правительства ударила сладковато пахнувшая струя.

5

Я постарался придать лицу как можно более скорбное выражение. Ястру это не разжалобило. Она обрушилась на меня со всеми присущими ей энергией и категоричностью.

— Я так и думала! — заявила она, кружа около меня и, кажется, выбирая место, куда удобнее было бы вцепиться.— Ни совести, ни малейшего чувства собственного достоинства! Уже не говорю об унижении, которому подвергаюсь я!

— Красавица моя,— сказал я.— Ну, я понимаю, и ты видишь, как я переживаю. Но ведь, если говорить серьезно, ничего не случилось! Согласен, я немного задержался...

— Немного! — Господи, что за ирония была в ее голосе.

— Разумеется. Не на неделю же я пропал, и даже не на день.

— Ты обещал вернуться...

— Я же не говорю, что вернулся точно во время. Но бывают обстоятельства, когда...

— Общество солдата, телохранителя, в какой-нибудь грязной пивной ты предпочитаешь моему? Хотя о чем я! Если бы вы провели это время в пивной, вас пришлось бы доставлять сюда на носилках! Клянусь Рыбой, вы были не там. Как я сразу не сообразила? Вы ходили к девкам! О, эти мужские развлечения!.. Ты! К девкам! Негодяй! Мой советник, да что советник — мой муж позволяет себе... Плебей! Подонок! Вон! Я немедленно прикажу вышвырнуть тебя вон!

Ястра, кажется, и впрямь утратила контроль над собой. Право, не ожидал. Мне она казалась все-таки более уравновешенной. В другое время я поступил бы соответственно. Но именно сейчас мне никак не улыбалось покидать Жилище Власти. Не говоря уже о том, что я полдня не видел ее и успел в какой-то степени соскучиться.

— Ну что же, я уйду, если ты того хочешь,— сказал я с глубокой грустью.— А когда наш мальчик со временем спросит у тебя, где его папа, ты скажи ему, что выгнала папу из дому за то, что он единственный раз задержался по делам в городе.

— По делам! — воскликнула она, но уже не столь решительно.

— По делам, и только по делам. Поверь.

— Интересно, какие могут быть дела в городе у тебя! У тебя, никого здесь не знающего, ни с кем...

— Постой.— Я поднял руку.— Давай вспомним. Не ты ли при-

шла однажды к мысли, что к кому-то все-таки я сюда приехал?

— Ты? Ну конечно. К племяннице...

— За то время, что я живу в этом доме, даже самая юная племянница успела бы не только выйти замуж, но и стать бабушкой. И уж во всяком случае я сейчас интересовал бы ее меньше всего. Племянницы — весьма легкомысленный народ.

— Болтовня,— сказала она, еще немного успокоившись.— Может быть, в таком случае ты объяснишь мне, что у тебя за дела? Кстати: а к кому же ты приехал в самом деле? Я все забываю тебя об этом спросить.

— А мне давно хотелось рассказать об этом.

— Более удобного случая тебе не найти.

— Ты никуда не спешишь?

— Я готова тебя выслушать.

— Слушать придется довольно долго.

— Ты придерживайся истины, насколько ты вообще способен. Истина не бывает многословной.

— Это всего лишь заблуждение.

— Говори.

Я несколько помедлил, раздумывая: с чего начать? Кто я для нее? Эмиссар Мастера? Она понятия не имеет, и не может иметь, ни о Мастере, ни о Ферме, да и вообще о силах высших уровней...

— Ну, что? Придумываешь, как бы половчее соврать?

— Нет... Хорошо, давай сделаем так. Я расскажу тебе главное. А потом, если понадобится, остановимся на...

— Начни с главного. Итак?

— Ястра... Ты знаешь, что происходит в Державе?

— Разумеется. Я ведь общаюсь не только с тобой. Забавно, что и ты, видимо, что-то знаешь? Я была уверена, что тебя ничто подобное не интересует.

— Следовательно, ты знаешь, что вот-вот начнется война.

— Знаю. Даже знаю когда.

— Откуда?

— Великая Рыба, откуда ты свалился? Советник! Неужели ты забыл, что я по положению принадлежу к Малому Кругу Власти и потому получаю полные официальные отчеты о происходящем.

— Прекрасно. Почему она начнется? Зачем нужна?

— Потому что этому дураку, в перерывах между утехами с его курочкой, приходят в голову идиотские мысли. А какая-то шантрапа, которой он захотел окружить себя, помогает ему на основе глупых мыслей совершать еще более глупые события. То есть действия.

— Почему же ты не попыталась предотвратить? Отговорить его хотя бы...

— Да какое мне дело до этого? Пусть воюет, если ему так нравится! Все, что мне от него нужно,— чтобы не приставал ко мне.

— Ястра, милая! А последствия?

— Наконец-то. Скажи еще три раза «милая».

— Милая, милая, милая. Так последствия?..

— А какие могут быть последствия? Они выпустят пар, постреляют, погорланят и завоюют некоторое количество трофеев. Нет, это все не стоит серьезного разговора. Скажи лучше... Тут мне пришла в голову интересная мысль... Хочешь быть герцогом?

— Герцогом? Каким герцогом?

— Это можешь выбрать сам. Мне тут прислали список вакантных родов, вместе с родословными деревьями, среди них три герцогских фамилии. Я как раз прикидывала, какое лучше пошло бы тебе, хотела посоветоваться, а ты, как назло, исчез.

— Да, это, конечно, очень серьезная проблема.

— Только не надо смеяться. Кстати, для меня это тоже важно. Кто ты сейчас? Никто. С тобой неудобно даже показаться в нашем кругу. А если ты станешь герцогом — совсем другое дело!

— Требую самого большого герцогства и самого развесистого родословного древа. Тебя устраивает? Кстати, о герцогстве. Хоть я и мало что знаю, но мне кажется, что все эти титулы еще нужно завоевать. Или я ошибаюсь?

— Ну конечно, ради этого и начнется война.

— И ты уверена в победе?

— Странный вопрос. А ты хочешь, чтобы я думала о поражении?

— Думать всегда полезно.

— Ох! Не смеши меня, милый. Женщина должна — и может — думать только о победе. Остальное — дело мужчин. Но их у нас много, и все они очень воинственны. Конечно, они победят.

— Боюсь, что на этот раз — нет.

— Так может думать только чужестранец.

— Ястра! Поверь: о войнах я знаю не меньше ваших мужчин. А об этой — куда больше. Боюсь, что на этот раз проиграет Ассарт.

— Ассарт? То есть мы? Глупости. Уже сотни лет...

— Милая, все, что имеет начало, имеет и конец. В том числе и победы.

— Ну, это не аргумент.

— Тебе нужны аргументы?

— Естественно! Уж коли ты заносишь руку на самое святое, что у нас есть...

— Пожалуйста. С одним уговором: только слушать. Удивляться и спрашивать начнешь потом. Согласна? Итак...

Мне понадобилось около сорока минут,— потому что Ястра, конечно, не выдержала и почти сразу начала перебивать меня, переспрашивать и давать оценки,— да, около сорока минут, чтобы нарисовать веселую картинку того, как Ассартские силы, разделенные на семнадцать кучек, разлетаются в разные стороны — и в

каждом месте назначения встречают хорошо подготовленное сопротивление тамошних флотов.

— Даже если каждый мир выставит для защиты лишь половину своих армий, этого будет более чем достаточно. В то время, как другие половины, объединившись под общим командованием, одновременно покажутся над Ассартом, лишенным защиты — кроме разве ополчения, но это же несерьезно... Те из наших, кто уцелеет там, у тех миров, кинутся под защиту родных стен — а в стенах этих успеют уже засесть те же самые враги. Ваши мужчины, как ты говоришь, окажутся между молотом и наковальней...

— Невозможно! То, что ты говоришь, Уль, просто невозможно!

— Увы, еще как!

— Да нет же! Это все ужасы из пивной. Начать с того, что у нас есть разведка. Сейчас ее еще усилили. И...

— И,— перебил я,— ни один разведчик, ни старый, ни новый, ни разу не вышел на связь. Не передал ни единого сообщения. Ни полсообщения. Ни четверти.

— Не может быть! — сказала она уже достаточно тихо.— Откуда у тебя такие сведения?

— Потому что я и сам — разведчик,— сказал я.— Это, кстати, ответ на твой вопрос — почему я оказался здесь.

— Ты — разведчик? Чей?..— Видно было, как желание верить мне борется в ней с подозрительностью.— Кого из них? Значит, тебя специально подослали ко мне? Я... Я...

— Успокойся, родная моя. Я — не из них. Я от тех сил, которым нужно, чтобы Ассарт сейчас — ну, хотя бы не проиграл. Это серьезные силы. Но и те, что противостоят им, тоже достаточно велики.

— Но кто они? Где? Если они не на Ассарте, то, значит, на одной из тех планет — или в нескольких мирах сразу?

— Вовсе не значит. Они далеко, далеко... и одновременно очень близко. Но это как раз разговор для более спокойного времени. Сейчас важно другое. Надо предпринять все, что еще возможно, чтобы предотвратить ошибочный шаг.

— То есть получается, что воевать сейчас не нужно?

— Ты очень точно и правильно сказала.

— Великая Рыба! Но Изар так упрям...

— Да ничего он не упрям! — сказал я с досадой.— Просто ты отказалась от него, и он взамен нашел себе ту девочку.

— Городскую шлюху. Ну и что? При чем тут она?

— При том, что у него нет Советника. Но есть она. И он слушает ее.

— Смеха достойно! Безродная девка советует Властелину!

— Прости, а кто твой советник? Безродный мужик.

— Ну... да, но... это же совсем другое. Ты опытный человек, и

даже при всех своих недостатках способен давать неплохие советы. А что может она?

— Она может передавать как свои мысли, внушенные ей другими.

— Ну, для этого большого ума не надо. А... другие есть?

— Да.

— Здесь, на Ассарте?

— Вот именно.

— Кто они?

— Вот они — это люди серьезные. Не менее, чем я. Представители той другой силы, о которой я тебе говорил только что.

— Это на самом деле так происходит? То есть, они внушают ей, она передает — а он слушается?

— Она передает, сама не понимая, что мысли эти ей внушены. Она, как и ты, хочет, как лучше...

— Как ты смеешь сравнивать ее со мной!

— Ах, ради Рыбы, извини, я оговорился. Она, как простая ассартская женщина, хочет, чтобы было как лучше. Она не злоумышленница. Просто наивная девочка...

— Ты-то откуда знаешь?

— Один из моих людей — телохранитель Изара. Он не раз видел ее. Даже разговаривал.

— У тебя есть свои люди? Где они?

— Вокруг нас. Это надежные люди.

— Телохранитель Изара... Ну хорошо, она глупая девчонка, но он! Он же Властелин! Как он может...

— Ястра, эти мысли продиктованы умными людьми. И им придан такой вид, что Изар, и даже, наверное, ты не сумели бы раскусить, во всяком случае сразу, что в этой сладкой конфетке отравленная начинка.

— Хорошо, в конце концов, не это сейчас главное...— Она произнесла это уже совсем по-деловому, а я с удовольствием наблюдал, как место вздорной и избалованной женщины занимает другая, та, что все время жила в ней: умная, осторожная и решительная. Ведь не ради одних лишь красивых глаз ее избрали в свое время второй партнершей старевшего Властелина. Это всегда было государственным постом.— Неважно, откуда пришла мысль — важно, что Изар ее принял. А он все-таки очень упрям, и в этом, поверь, я разбираюсь больше. Мы с ним достаточно времени провели в одной постели... (Она проговорила это совершенно спокойно, даже не поинтересовавшись, приятно ли мне будет это услышать. Было неприятно. Конечно, я давно знал об этом, да и кто не знал? И все же знать — одно, а услышать из ее собственных уст — другое. Впрочем, она тут же спохватилась). Тебя это огорчило, дорогой? Но что я могу поделать? Хочешь, я тебя успокою? В постели ты не хуже, даже лучше...

— Вернемся к делу,— сказал я.

— Ты прав. Итак, он упрям. И я пока не вижу, что можно предпринять. Обратиться через его голову к генералам? Не получится. Они и сами хотят воевать. И привыкли к тому, что традиционно побеждаем мы...

— Тут есть о чем подумать. Но одно надо сделать сразу же.

— Говори, Советник.

— Оторвать его от тех, кто порождает мысли.

— Но если мы их не... А-а! Я поняла.

Она действительно поняла — судя по тому, как блеснули ее глаза: очень недобро.

— Что же, Уль: это несложно. Есть люди. Ты прикажешь им. Я могла бы и сама, но тогда это припишут моей ревности. Не хочу. Пусть это исходит от тебя.

— Что же именно?

— Ее надо устранить.

— Согласен.

— Ты говоришь таким тоном, словно как раз не согласен.

— Устранить и убить — разные вещи.

— По-моему, одно и то же. А почему не убить?

— Хотя бы потому, что она не заслужила этого.

— Ах, ах, как мы благородны! Тебе жаль ее?

— Разумеется.

— Послушай... Может она и есть пресловутая племянница?

— Я ее видел раз в жизни. Дело не в этом. Она нам может понадобиться. Мы ведь не знаем почти ничего о тех людях, что противостоят нам: сколько их? Где они? Нам важно разорвать эту цепь, а потом узнать от нее все, что ей известно.

— Думаю, что немного.

— Лучше, чем ничего.

— Хорошо, в конце концов... Каков твой план?

— Похитить и изолировать.

— Ну, на худой конец... Кто и как похитит ее? Она ведь наверняка под охраной.

— Несомненно. Любому это было бы сложно. Но не тебе.

— Я — в роли похитительницы?

— Ну нет, зачем! Но согласись, что у вас имеются некоторые, так сказать... ну, не общие интересы, нет. Но хотя бы темы для разговора. Ты — официальная супруга Властелина, она — фактическая...

— О, пожалуйста, не называй ее так!

— Хорошо, не буду, хотя от этого ничего не изменится. Но ты согласна, что могут быть темы для разговора?

— Ну, при желании... можно найти.

— И если ты решила, что время для такого разговора настало —

ну, предположим, ты хочешь надолго уехать хотя бы в тот же — ну, где мы познакомились...

— В Летнюю обитель, милый мой хромоножка!

— Ничего подобного, давно уже... Итак, ты приглашаешь ее сюда — чтобы искренне и доверительно поговорить.

— Ага. И потом, мило разговаривая... Знаешь, мне будет очень трудно не выцарапать ей глаза.

— Да! А мне казалось — ты говорила, что уже не любишь его.

— И говорю. Но это же совсем не то! Ну, как тебе объяснить, надо быть женщиной, чтобы понять это... Любить его или не любить, это только мое дело и больше ничье. А она все равно не имела права...

— Вообще-то, это в какой-то степени, наверное, и его дело, а?

— Ну конечно, разве ты можешь не защищать мужчину... Ну, хорошо. Я сделаю усилие и сдержусь. Я буду разговаривать с ней по-матерински ласково. Хотя... Ну, по-сестрински. Допустим. А что потом? Подсыплю ей чего-нибудь в кофе?

— О, господи!

— Наброшусь и надену наручники? Уль, я спрашиваю: что я должна буду сделать, когда она придет?

— Поговорить. И вежливо проводить до двери. Вот до этой. Не дальше. Нужно, чтобы отсюда она вышла. А по дороге к выходу из Жилища она исчезнет.

— Так просто?

— Будем надеяться.

— А потом? Куда вы денете ее потом?

— Мы — никуда. У нас нет такого места. Ты ее спрячешь.

— Я? Оригинально. Где? У меня под кроватью? Но тогда придется запретить тебе приходить ко мне, а на такую жертву я не пойду. Много чести!

— Думаю, жилище достаточно велико, чтобы найти уголок.

— Хорошо. Я придумаю. Тут и на самом деле полно всяких каморок и закоулков. А кто будет стеречь ее?

— Об этом мы позаботимся. А ты — о том, чтобы у нее было все, что должна иметь женщина.

— Само собой разумеется. Уж если она останется в живых, то жизнь эта должна быть не ниже определенного уровня — иначе что она обо мне подумает!.. Но в таком случае мне ведь вовсе не обязательно с нею разговаривать! Схватите ее, едва она войдет!

— Я думал. Не годится. Ведь наверняка будет известно, что ты пригласила ее в гости. Если она не пришла к тебе, ты, естественно, должна поинтересоваться — почему, и, когда выяснится, что из дому она вышла, а к тебе не пришла — немедленно поднять тревогу. А так — ты совершенно в стороне: пригласила, приняла, поболтали, ты проводила ее до двери — а дальше провожать ты не обязана, это было бы уже нарушением Порядка.

— Наверное, ты прав. Итак, мы ее изолируем, и Властелин останется без своих неизвестных советников. Но война-то все равно начнется!

— Это другое дело. Придется начать на него атаку с другой стороны — с противоположными мыслями.

— С твоими.

— С нашими.

— И ты сам станешь доказывать ему?..

— Упаси меня Рыба! Это было бы очень глупо. Доказывать будешь ты. Больше некому.

— Ты же знаешь: я не общаюсь с ним.

— Вот именно. И то, что ты, преодолев себя, все-таки хочешь говорить с ним о делах Державы, лишь свидетельствует о твоей искренней тревоге о судьбе Державы — и, естественно, Властелина и твоей собственной. У него, я полагаю, уже выработалась привычка прислушиваться к мнению женщины. И он...

— Вот как? А если он захочет несколько расширить наши отношения? Ну-ну, не сердись, Уль, я пошутила. Ты меня поцелуешь?..

6

Георгий вернулся в номер через три часа. Заседание было непродолжительным, но нигде не сказано, что значительные решения принимаются на длинных совещаниях; напротив, они чаще всего и бывают бестолковыми. Войдя, он сразу же запер за собой дверь. Прошел в спальню, открыл шкаф. Вице-председатель крепко спал. Он не придет в себя еще часа полтора-два. «К тому времени меня и след простынет,— подумал он.— Что же, положение предельно ясно. К сожалению. Рейд на Лезар был хуже, чем ошибкой: он был преступлением. Государственным. Только что принято решение о создании каолиции семнадцати миров. Об учреждении единого командного центра. О немедленном выходе эскадр первой волны на каждой планете на исходные позиции. О призыве очередных и запасных повсеместно. И так далее. Одним словом — решили все, что полагается решать в таких случаях. Даже странно: совещание прошло без сучка, без задоринки. Словно бы не раз репетировалось. А ведь репетиций — во всяком случае такого рода — не было, иначе до Ассарта это бы хоть как-нибудь да дошло. Видимо, была какая-то иная подготовка. Да, чувствуется умелая рука. Но это сейчас уже не самое главное. Важнее всего то, что Ассарт не ждет удара, сам готовится нанести его — но может не успеть, а если даже успеет — это вовсе не гарантирует успеха...»

Он вытащил из чемодана приборчик, подключил к здешнему телевизору. Приопустив веки, он смотрел на крохотный глазок индикатора. Аппарат исправен. Прослушаем канал — может быть, меня

ищут? Канал молчит. Ну, что же: неурочный час. Тогда я сам...

Он приподнял ладони, зашевелил пальцами, словно пытаясь усыпить кого-то, лежащего перед ним. Спите, спите, спите... Клянусь Цербером, что они там, на Ассарте — и вправду уснули? Ни единого шороха, ни малейшего признака жизни, на дисплее величиной с почтовую парку — безжизненная прямая.

Попробуем первый запасной.

Молчание.

Второй, он же последний.

Тот же результат.

Мрак Аида... Но это же туннельная связь! Я понимаю — можно забить, заглушить, размазать по частотам, подавить нормальный канал связи на планете или в пространстве. Но это — туннельная! По имеющейся информации, здесь ее вообще не знают! И вот она перекрыта. Очень плотно, очень надежно. Это, собственно, только и показывает сейчас аппарат: туннель перерезан энергетическим экраном. Мой сигнал отражается. Если я сейчас заговорю, то услышу лишь собственный голос, возвращенный мне в отражении. Но в таком случае, мой голос может услышать и кто-то другой. А это лишнее. Сидящий в засаде не издает воинственных кличей.

Что же, приходится примириться с тем, что опасность не только снится. Она наяву. Пора принимать меры.

Он вышел на балкон, уселся в легкое кресло, запрокинул голову, из-под опущенных ресниц поглядывая то на дорогу слева, то на реку. Шесть часов. Начинает смеркаться. Это естественно: южные широты. В семь будет почти совсем темно. До окрестностей торгового порта — по лучу — минут десять. Пусть пятнадцать. Добраться там до корабля — еще пятнадцать. Одним словом, в семь часов полная готовность. А пока — можно на полчаса расслабиться: все силы могут еще понадобиться.

Туннельная связь... Значит, активно работает Застава. Понимая, что мы это заметим. Пренебрежение осторожностью? Нет, осторожность им просто не нужна — следовательно, все, что нужно было, они уже сделали и сейчас раскрывают себя даже с вызовом: да, это мы, мы здесь, и вам с этим ничего не поделать, проще всего — сразу признать свое поражение! — вот смысл, пусть не главный, такой демонстрации. Застава свидетельствует: нам не нужно прослушивать ваши разговоры, вся нужная информация у нас есть — а вот у вас ее нет, и мы не хотим, чтобы вы ее получали...

И ведь это наверняка везде так,— думал Георгий дальше.— На всех планетах. Вряд ли они знают, что туннельной связью может пользоваться только один человек: я. На остальных планетах — добрые нормальные разведчики Ассарта, они неплохо снаряжены, но лишь в рамках трехмерного пространства. Хотя — откуда уверенность, что туннели перекрыты везде? Может быть, это как

раз персональный салют в мою честь. Да и какая разница?

Есть разница, есть. Если на других планетах туннелями можно пользоваться, то имеет смысл, при невозможности попасть на Ассарт, лететь куда угодно, и оттуда искать связь. Не с Ассартом — он-то уж точно забит. Нет. Напрямую — с Фермой. Ферма должна знать все, не Ассарт. Что же, это, пожалуй, вариант...

Вариант — в случае, если меня не выпустят с планеты.

Остановись на мгновение. Подумай. А если выпустят? Разве для них не проще — позволить тебе стартовать с планеты — и тут же учинить нечто. Аварию. Катастрофу. Распылить. Это очень красивое решение. Тебя не стало — не стало информации, не стало связи, одним отвлекающим фактором оказалось меньше...

Но если Застава с самого начала знала, что разведчики высланы и что, допустим, именно я лечу именно сюда — почему они дали долететь? Уничтожить меня было проще еще по пути сюда, когда у меня вообще никакой информации еще не было. Так было бы надежней. Значит — не знали. Узнали с запозданием.

Это, собственно, мне ничего не дает. Но все же приятно. Значит, они перехватывают не все. Раньше, во всяком случае, не перехватывали. Все было бы совсем хорошо, если бы я сейчас обладал полной свободой передвижения. Но у меня запас энергии — только добраться по лучу до корабля. Собственно, если я благополучно доберусь, то все в порядке. На корабле смогу зарядиться заново. Но вот в случае, если на борт мне не попасть, тогда я буду целиком зависеть от местных возможностей. Конечно, при случае и ноги могут спасти. Бывает, можно ускользнуть и вплавь. Но если они поймут, что особых средств передвижения у меня нет — то им останется только локализовать меня и устроить систематический поиск. Тогда мне придется туго.

Впрочем, стоит ли исходить из самого плохого?

Стоит, стоит. Всегда будь готов к худшему, а с лучшим уж как-нибудь справишься. Ну вот и все. Теперь — полчаса отдыха...»

Он смог, наконец, расслабиться. Ускользнуть мыслью из стягивающейся петли. На сухую землю у подножия горы. Под тень олив. Туда, где не умолкая славят жизнь цикады...

Он очнулся, когда было без четверти семь. Вслушался прежде, чем открыть глаза. Было тихо. Внизу, у подъезда и на дорожках, уже зажглись матовые фонари. Он встал, внимательно всмотрелся — не прибавилось ли машин на стоянке. Их стало на две больше, но это может ничего и не обозначать — прибыло еще два постояльца. Или больше. Да, или больше... А собственно, какая разница?

С балкона он вошел в спальню. Зажег малый свет на тумбочке. Вице-председатель устал, он отдыхает. Он будет отдыхать до самого ужина, то есть часов до восьми... Да, к девяти все уже станет ясно. Окончательно. Но в девять он будет далеко. Или — ... Или.

Георгий встрепенулся, заставил себя отогнать мрачные мысли. Ничего, все будет в порядке. Такое ли бывало в жизни?

Он поднял трубку телефона, заказал ужин в номер. К восьми. А пока — кофе. Ему не очень хотелось, но после заседания было вполне естественно. Мальчик принес почти мгновенно. Тут умели обслуживать, хотя у Георгия каждый такой случай, когда ему что-то подавали, вызывал какое-то внутреннее неудобство. Мальчик помедлил у двери. Улыбнулся. Спросил: — Может быть... компанию?

Георгий глянул укоризненно, ничего не ответил. Мальчишка испарился. Что же, теперь можно снять грим...

Он сделал это. Потом переоделся в свое, на ходу отпивая из стоявшей на столике чашки. Снова надел комбинезон. Взял чемоданчик. Вышел на балкон, оставив свет в гостиной гореть. Встал в самом углу. Прислушался. Все было спокойно. Взлетел. Лег на курс — к торговому космопорту. Не вдоль дороги, а по прямой — по лучу своего корабля. Пока корабль испускает непрерывный луч — можно считать, что на нем все в порядке: никто посторонний не проник на борт. Экипажа на корабле нет: один человек и куча устройств. Как только появится чужой — луч из непрерывного станет пунктирным, длина каждого штриха будет зависеть от количества визитеров. Сейчас луч шел, не прерываясь. Хороший признак.

Георгий летел на высоте примерно двух стадиев (оставаясь в одиночестве, он предпочитал пользоваться мерами, привычными с детства). Поверхность планеты казалась бархатной, иногда серебром взблескивали водоемы, и снова тянулась пушистая чернота, тут и там украшенная огоньками. Потом впереди возникло все усиливающееся зарево. Космопорт. Опуститься надо будет, не долетая до его границы, чтобы к кораблю приблизиться нормально, у всех на глазах. Да еще зайти предупредить, что вот-вот привезут товар, чтобы подогнали погрузчик, не мешкая.

Он опустился благополучно. Пользуясь последними клочками темноты (в тени от окаймлявшей территорию порта ограды), снял комбинезон, водворил на место, достал пакетик с капитанским мундиром. Мундир тоже занимал места не больше, чем комбинезон, но, если ненадолго поставить его на зарядку, он примет вид добротного, плотного форменного одеяния. Хватит ли еще на зарядку? Хватило. А лететь еще можно? Индикатор показал: ну, метров на триста пятьдесят — если не тратить на набор высоты. Значит, где-то около двух стадиев. Хорошо бы, конечно, побольше...

Он закрыл чемоданчик. Вышел на дорогу как раз напротив автобусной остановки. Машины подъезжали часто. Вошел в высокий, легкий предпорт, приблизился к справочной конторке, спросил, не доставлен ли еще груз на одиннадцатую площадку, борт «Алис». Конторщица поиграла на клавиатуре. «Да, прибыл». Была половина восьмого; ни один нормальный человек не станет отправлять груз,

зная, что придется потерять полчаса на ожидание — это Георгий успел уже понять здесь, на Киторе, здесь стоимость каждой рабочей минуты была рассчитана и учтена. «Контейнеры, не так ли?» —«Не указано... Но две машины пропущены к одиннадцатой».— «Давно?» — «Двадцать минут». «Тогда мне надо поспешить. Спасибо...»

Двадцать да тридцать; без малого час. Две машины. Вместо восьми с грузом. Все было ясно. Однако для вящей уверенности Георгий на миг опять включил пеленгатор. Корабль продолжал излучать — длинными импульсами. Люди внутри. Вот так-то. Засада на борту. Значит, не будет ни энергии для подзарядки, ни старта... А что будет? На миг возникла сумасшедшая мысль: спокойно взойти на борт и, не дожидаясь приглашения, открыть огонь — и стартовать без разрешения, без оповещения — вырваться с планеты. Он лишь усмехнулся. Лихо было задумано, только нереально. И стрелять не из чего. И космическая стража, конечно, уже на военном положении — разнесут вдребезги, не успеешь высунуть нос за пределы атмосферы. Может быть, на этом и построен их расчет... Нет, никаких безумств. Ситуация не для храбрых — для хитрых.

«Что же сейчас? Возвращаться в гостиницу? Глупее ничего не придумаешь. Ты не зря обосновался там столь капитально, что об этом уже знают все, кому нужно. Сейчас тебя будут ждать здесь. До восьми часов, и еще минут десять. Потом свяжутся с теми, кто наверняка уже пасется в отеле. Начнут ждать там. Это — еще часа полтора. Значит, у меня два часа времени для какого-то маневра,— думал он, постепенно отклоняясь от взятого было направления к кораблю — отклоняясь туда, где была стоянка транспорта работников порта: стрекозы, карусели, прыгуны. Укрыться было негде: отлично освещенное забетонированное пространство, размеченное на стартово-финишные площадки.— Два часа,— думал он.— Два часа...» Потом понял, что двух часов у него нет. Минут десять, от силы. Потому что уловил начавшееся в противоположном конце порта движение казалось бы ничем не связанных между собою людей — ничем, кроме направления, скорости, кроме замысла. Прочесывание. Уже? Бессмертные боги, да конечно же: что им стоило связаться с предпортом и получить информацию, что он прибыл? А может быть, им и не пришлось, они предупредили заранее. «Так что мне было отведено времени — лишь добраться до корабля. Я не появился — и машина завертелась. Но спокойно, спокойно, никакого волнения, все тот же размеренный шаг, на таком расстоянии они тебя не опознают, тем более, что ты был в светлом костюме, а тут идет дядечка капитан — идет, может быть, чтобы сесть на свою карусель, взлететь и спешить домой, к жене и ужину...»

Ну ладно, а на самом деле куда? Аэропорт — воздушного сообщения, не космического — далеко, не добраться. Да и куда лететь? Напарник — ассартский разведчик — сидел в другом полушарии,

два дня тому назад умолк,— более чем очевидно, что сгорел. Увести сейчас со стоянки чью-нибудь машину? Куда лететь? Собьют здесь же, не успеешь даже набрать скорость — это ведь все тихоходы... Затаиться в торгопорте? Негде. Что остается?

Оставалось одно: умереть.

«Да, кажется, это единственный вариант,— думал Георгий, не ускоряя шага.— Они прочесывают территорию. В это время я, не видя иного выхода, иду на авантюру — действительно врываюсь в корабль и пытаюсь стартовать, но что-то там не срабатывает или это я сам от волнения делаю что-то не так — взрыв, грохот — и преследуемый гибнет вместе со своим кораблем. Что автоматически снимает возможность какого-то преследования его в этом мире.

Жаль корабля, конечно,— думал он, на ходу раскрывая чемоданчик.— Хорошая была машина, Ферма не зря старалась. Ладно... А не раскроют они твой трюк? Вряд ли. Конечно, на деле никто не будет врываться в корабль. Но те, кто это будет знать — погибнут вместе с машиной. А кто не погибнет — те, кто сейчас ищет меня на территории, и те, кто этим командует,— те не будут знать. Да и если разберутся, то не так уж сразу. А я тем временем успользну...»

Устройство было уже взведено. Только теперь он остановился, медленно повернулся лицом к кораблю. Нащупал его антенной. Корабль охотно отозвался, он был общителен и доверчив, как собака. Георгий вздохнул. «Нет, жаль, жаль. Да и людей жаль, хоть они и подонки — впрочем, только в моем понимании, а не абсолютно. Враг должен быть подонком, не то начнешь его, чего доброго, жалеть. Ну, прощай, «Алис», нам было хорошо вместе, но — не судьба. Не обижайся — просто не выходит иначе.

Да, после убийства корабля трудно будет показаться Рыцарю... Ничего, будут у нас еще корабли».

Прежде чем послать импульс на самоуничтожение — в последнюю долю секунды — он оглянулся, повинуясь подсознательному ощущению. И медленно, словно в нерешительности, опустил чемодан. Потому что увидел: из грузовых ворот медленно вытягивалась колонна машин. Брезентовые тенты длинных платформ были украшены знакомой эмблемой. «Семья Мерил». Георгий кинул взгляд на часы. Груз прибыл с опозданием на три минуты. Да здравствует пунктуальность купцов, эвоэ! Так что же — может быть, еще и не все потеряно?

Он заспешил наперерез. Редкая цепь прочесывавших стала приближаться быстрее: сейчас он сам шел ей навстречу. К полосе, отведенной для грузового транспорта, он успел вовремя. Поднял руку. Передняя машина затормозила. Водитель высунулся, лицо его не обещало ничего хорошего.

— Вы опоздали,— Георгий не дал тому и слова сказать.— Я опаздываю. Даже вышел навстречу.— Он открыл вторую дверцу,

повелительно кивнул сидевшему с этой стороны грузчику.— Потеснись, я сяду.

— Это ваш груз?

— Я не хозяин, всего лишь суперкарго. Хозяин оформляет стартовые дела. Мне приказано погрузить быстрее. Поехали, поехали. Вон мы стоим — видите?

Машины тронулись. На полдороге к кораблю прошли сквозь сеть загонщиков. Машины шли не к выходу, наоборот — и потому особых подозрений, видимо, не вызвали. Ближайший в цепи только оглянулся, проводил колонну взглядом — и все. Изворачиваясь в тесной кабине, Георгий натягивал комбинезон. «Я полезу сразу же в трюм. Документы у вас?» Водитель кивнул. «Разберетесь там с охраной. Где кран?»— «Кран на последней машине. Что за охрана?»— «Хозяин специально попросил. У нас первый трюм набит деликатным грузом. А время беспокойное». Наверное, объяснение удовлетворило водителя, больше он ничего не стал спрашивать. Когда приблизились к «Алис», Георгий показал: «Вы давайте к главному люку, а я поднимусь через малый, чтобы сразу в трюм». Он распахнул дверцу, в момент поворота соскочил — длинное тело машины в этот миг надежно закрыло его от охраны. Он затаился, прижавшись к ближайшему амортизатору. Возле главного люка начался разговор — сначала спокойный, потом на повышенных тонах. Долдон, охранявший малый люк, как и следовало ожидать, побежал к главному — на помощь своим, наверное. Малый люк послушно отозвался на сигнал Георгия, гостеприимно распахнулся. Георгий проскользнул и тут же заблокировал его изнутри. Кинулся в лифт. «Наверху обязательно кто-то топчется»,— подумал он, пока лифт отщелкивал палубы. Так и оказалось. Он не успел еще отодвинуть дверцу, когда кто-то подбежал: «Что там внизу происходит?»— и тут только напрягся, начиная понимать. До конца понять охранник так и не успел; переборка гулко отозвалась, когда цербер врубился в нее головой, дернулся и заскользил в мир теней. «Надо надеяться,— мельком подумал Георгий,— что у него в кармане найдется мелочь для Харона...» Он вскочил в ходовую рубку. Уфф. Благословенны боги... Уселся. Включил внешние микрофоны. У главного люка высокие недоговорившиеся стороны честили друг друга на все корки. «А где хозяин? Хозяин-то куда пропал?»— Охране был очень нужен хозяин. «Сейчас будет с ордером на старт. А я пока начинаю погрузку». «Пока ты ничего не начнешь!»— «За простой ты заплатишь? Сойди с дороги, придурок!» — «Ребята, ну-ка растолкуйте этому нахалу...»— «Парни, тут у кого-то зубы чешутся...». Захлопали дверцы машин: шофера и грузчики спешили на помощь. Прекрасно. Георгий включил режим тихого старта, застоявшийся кораблик благодарно дрогнул, откликаясь на первый импульс антигравов. Конечно, за атмосферой, да еще и в атмосфере можно

было ожидать всяческих пакостей. Однако, если все время бояться, не останется времени на дело... Там, внизу, не сразу заметили, что корабль беззвучно подвсплыл, в торговом порту не привыкли к антигравам, купцы ходили еще по старинке на химических ускорителях, ядерная тяга включалась лишь в пространстве, для разгона, и потом, после выхода — чтобы затормозиться, приближаясь к финишу. Там шла драка — от души, в охотку. Когда спохватились, что корабля нет, тот уже растворялся во мгле. С двухминутным запозданием вспыхнули прожекторы — на них Георгию наплевать было, он включил радарные помехи и усилил тягу. Незагруженный «Алис» шел играючи, звезды за бортом яснели. Где-то в стороне вспыхнул фейерверк, другой — кто-то не пожалел антидесантных ракет, но стреляли по наведенной противоракетной аппаратурой иллюзии. «Значит, и тут они успели понатыкать ракет, неделю назад их не было»,— подумал Георгий мельком. Приборы показали, что путь свободен, но не успел он войти в режим подготовки к разгону, как все информаторы заволновались. И было отчего. Георгий покачал головой, даже причмокнул. До сих пор он и не подозревал, что представляет такую ценность. Не один, не два корабля — эскадра скользила наперерез. От резкого торможения «Алис», показалось пилоту, даже взбрыкнул. Ну и что? Он сосчитал на экране локатора: девятнадцать кораблей! Им размазать «Алис» по пространству было легче, чем разжевать оливку. «Ну и пускай,— упрямо подумал спартиот,— во что-нибудь да это им обойдется...» Он отщелкнул предохранители, готовый одним движением пустить в ход всю свою боевую мощь. Прищурился, выбирая цель. Странно: эскадра проходила, не обращая на него ровно никакого внимания. Тогда он понял: нужен им был занюханный торгаш, как же! Эскадра шла в боевом порядке по своим делам; для нее война уже началась.

«И для меня тоже,— подумал он, включая корректировку и ложась на новый курс.— До встречи, Китора». И он начал разгон.

7

Принадлежавшая Киторианскому флоту эскадра Дальнего Удара и на самом деле не собиралась охотиться за «Алисом» или за любым другим законно или незаконно покинувшим планету кораблем. Был получен боевой приказ, и весь флот немедленно приступил к его выполнению.

Задача эскадры заключалась в том, чтобы выйти в заранее назначенный район пространства и там ожидать следующей команды. Эта команда должна была последовать из так называемого Объединенного Центра; что это такое, не было известно даже самому адмиралу — он знал лишь, что, согласно решению правительства, он должен повиноваться такому Центру, всем его приказам. Для адми-

рала, как и для любого военного человека, этого было достаточно. Однако, хотя и не располагая точными данными, адмирал, руководствуясь своим немалым опытом, предполагал, что ожидаемая команда последует тогда, когда флоты всех семнадцати миров, объединившихся — это было совершенно ясно — для разгрома Ассарта и установления таким способом вечного мира,— точно так же, как и он, займут исходные рубежи и будут готовы к одновременному броску на Ассарт. Флоты должны были возникнуть вблизи Ассарта одновременно и сразу же атаковать, чтобы растянуть в разные стороны и те скудные остатки ассартских сил, которые не принимали участия в задуманном Ассартом нападении. Несмотря на всю свою простоту, этот план обещал быстрый и полный успех, потому что на сей раз обычное оружие Ассарта — внезапность — обращалось против него самого. Поэтому по кораблям эскадры было заранее объявлено, что любая попытка отвлечься от неукоснительного выполнения приказа будет считаться воинским преступлением и виновный немедленно понесет кару по законам военного времени.

Это обстоятельство, как мы уже видели, оказалось спасительным для Георгия с его корабликом, хотя и должно было стать роковым для Ассарта, куда спартиот так стремился.

Одновременно, или почти одновременно, пришли в движение и ударные флоты остальных шестнадцати миров.

Миры эти во многих отношениях совершенно не были похожи один на другой. У каждого была своя система правления, в чем-то напоминавшая другие, но в чем-то другом и резко отличавшаяся; свое мировоззрение; своя религия — или вовсе никакой (во всяком случае, формально); свои, не всегда совпадавшие представления о добре и зле; о красоте и уродстве; об уме и глупости; да мало ли о чем. У каждого мира была своя история — у одних богаче, у других беднее; но какой бы ни была эта история, никто не хотел лишаться ее. И поэтому, когда верховная власть каждого из миров получила неоспоримые доказательства того, что Ассарт, этот вечно больной зуб в челюсти Мира Миров (так обозначали на тех мирах всю их совокупность — то, что мы предпочитаем определять как обитаемые планеты звездного скопления), вновь готовится пройти огнем и мечом по процветающим (ну, пусть даже не очень) городам и весям, а одновременно с информацией — и предложение способствовать заключению всеобщего наступательно-оборонительного союза, следовавшее от неких Высших Сил,— правители и правительства после недолгих размышлений и обсуждений решили предложение принять и союз заключить. Они исходили, кроме всего прочего, из той разумной мысли, что выйти из союза, если очень захочется, будет не столь сложно, чем снова пытаться заключить его после того, как первая попытка провалится. Союз был заключен, и вот, как мы уже видели, пришел и приказ.

Поскольку исходил он, по сути дела, от этих самых Высших Сил, приказ оказался неожиданным для всех; и тем не менее, никто не промедлил и минуты с его выполнением.

Что делать: войны всегда начинаются в самый неподходящий момент для всех — кроме, разумеется, тех, кто отдал команду. Да и существуют ли подходящие моменты для войн?

Король Мигула, Алеата Четырнадцатый, услышав, что сигнал получен, отложил сборы на охоту и немедленно созвал маршалов.

— Его величество король! — возвестил Главный Гофмейстер.

Король вошел, милостиво улыбаясь военачальникам.

— Господа,— сказал он.— Клянусь моим охотничьим ножом, я вам завидую. Какая охота предстоит! Буду с нетерпением ожидать известий о ваших победах. Вся Вселенная должна раз и навсегда понять, что охотничьи угодья Мигула неприкосновенны! По возвращении приглашаю вас на большую охоту. Надеюсь, мои войска не испытывают недостатка ни в чем? Привезите, пожалуйста, образцы ассартских охотничьих костюмов. Победы, господа, и только победы. Высшие Силы на нашей стороне. Счастливого пути!

И все. Король знал, что не должен слишком углубляться в военные проблемы. Чтобы в случае неудачи можно было сказать: — Я целиком полагался на моих маршалов, я верил им, как самому себе, а следовательно, вся вина на них: короли не бывают виноваты.

Президент Денома Ар Матог на мгновение задумался.

— Согласно Конституции,— сказал он затем,— право объявлять войны принадлежит только Всемирному Собранию. Однако для того, чтобы решить этот вопрос, им понадобится не менее месяца. Пожалуй, многовато. Следовательно, что? Следовательно, я вынужден распустить Собрание, поскольку этого требуют интересы Денома. Бог свидетель, я делаю это с тяжелым сердцем. Но другого выхода история мне просто не оставляет. После победоносного завершения войны будут назначены новые выборы.

Такой возможности Президент ожидал уже пять с лишним лет. Умение ждать необходимо каждому серьезному политику.

Глава Тайного Совета Цизона, чье имя, по традиции, считалось никому не известным, напутствовал своих соратников кратко:

— По возвращении каждый из вас представит Совету доклад о делах, словах и мыслях каждого генерала, офицера и солдата. Победа должна быть одержана. Но одержать ее имеют право лишь люди с безупречным образом мыслей. Впрочем, опыт показывает, что только такие и выживают, а те, кто может быть заподозрен хоть в малейшей нелояльности Тайному Совету, как правило, гибнут. Надеюсь, вы не допустите сколько-нибудь серьезных ошибок.

Что касается населения, то сообщать ему о начале военных действий я считаю преждевременным. Как и всегда, сначала завершим войну, а потом решим, каким образом о ней объявить. Строгая секретность, господа — залог победоносной кампании.

Председатель Верховного Круга Посвященных мира Вигул, Президент Всемирного банка Ишшах, как раз к получению сигнала успел закончить подсчеты.

— В связи с объявлением войны,— заявил он,— совершенно необходимым представляется ввести два новых налога. Налог на оружие уплачивает каждый вооруженный — в размере десяти процентов стоимости того оружия, которое вручено ему народом. Второй налог — на погибших. Пока семьи не внесут этого налога, по сумме равного подоходному, погибшие не будут внесены в списки героев.

Флоты, между тем, выходили на исходные рубежи.

8

Черный песок Заставы, если долго в него вглядываться, переставал казаться надежной, непреходящей субстанцией. Возникало впечатление, что каждая песчинка не соприкасалась со всеми остальными, но существовала как бы сама по себе, и даже не пребывала в неподвижности, но едва уловимо колебалась, словно готовая в каждое мгновение сорваться с места и улететь куда-то, а может быть, и вообще исчезнуть, обратиться в ничто, которым она была раньше и которое неодолимо притягивало ее и сейчас. Что-то было в этом песке, что не вызвало бы доверия у стороннего наблюдателя. Но сторонних наблюдателей тут не было.

Да, фигуры, поочередно возникавшие из ничего и поспешно направлявшиеся к приземистому строению Заставы, посторонними тут не были. Поэтому никаких сомнений в надежности окружавшей их среды у них не возникало, и, как бы откликаясь на это доверие, черный песок надежно держал их. Доверие прибывавших и на самом деле было, вероятно, глубоким, все были так убеждены в своей безопасности, что ни один из них — а их прибыло уже около дюжины — ни разу даже не оглянулся по сторонам, но упорно смотрел прямо перед собой, и только. Впрочем, по напряженным лицам этих людей можно было бы предположить и другое: они старались не смотреть по сторонам так упорно, словно опасались, повернув голову, увидеть нечто, что им видеть никак не следовало или, во всяком случае, очень не хотелось. А может быть, они просто предполагали, что излишнее любопытство произведет плохое впечатление на Охранителя, ожидавшего и встречавшего каждого из

них на веранде, опоясывавшей Заставу. Одного из прибывших Охранитель встретил, могло показаться, с особым удовольствием.

— Я рад приветствовать тебя, Магистр Хитрости,— проговорил Охранитель, протянув навстречу обе руки — в то время, как всех остальных удостаивал лишь кивка.— Наконец-то ты приходишь с удачей! Воистину, счастье повернулось к тебе лицом.

— Я счастлив, что оправдываю твои надежды, Охранитель.

— Итак, коалиция против Ассарта создана?

— Без единого возражения. Мало того: передовые эскадры уже заняли места в пространстве. Нужна только диспозиция.

— Она готова. Это и есть причина, по которой я призвал всех вас. Теперь я начинаю надеяться, что мы успеем сделать все к нужному сроку. В особенности, если Ассарт как можно дольше не узнает о случившемся.

Магистр замялся. Но скрывать было опаснее, чем признаться.

— К сожалению, Охранитель, на конференции был посторонний. И, вероятно, именно человек Ассарта — ничего другого нельзя представить. Ему удалось...

Охранитель плотно сжал губы. И, процедил:

— Почему удалось ему — а не вам?

— Вы ведь сами говорили, чтобы я там не присутствовал...

— Ему удалось уйти?

— Видимо. Думаю, он где-то на пути к Ассарту.

— Ну что же... Досадно. Но на Ферму-то он не попадет — даже если это человек Мастера. Об этом я позабочусь. Безусловно, Магистр, это не твоя вина.

— Тем не менее досадно, вы правы. Охранитель...

— Я слушаю. Еще одна неприятная новость?

— Надеюсь, что нет. Я хотел лишь спросить — надеясь на то, что сегодня мною, может быть, заслужен более откровенный ответ. Потому что я задавал вам этот вопрос уже два или три раза — и вы всегда уходили от ответа.

— Ну, что же — спрашивай,— проговорил Охранитель доброжелательно.— Сегодня ты и в самом деле имеешь право требовать объяснений.— На самом деле он вовсе не так мирно был настроен, и ничего удивительного. Ничтожные исполнители, мелкие фигурки в игре — все хотят знать, каким же будет выигрыш самого Охранителя — если уж им обещается так много. Да, выигрыш каждого из них им ясен: власть, богатство, или и то и другое вместе, или же, самое малое — списание всех былых грехов — а, надо сказать, люди с планет, поддерживающие его — вовсе не самые чистые и честные личности каждого из этих миров... Но этого, видите ли, им недостаточно — их интересует и природа заинтересованности главного героя всех происходящих событий — самого Охранителя... Но можно сказать им все, что угодно — кроме истины.

И не потому, чтобы в ней было что-то... скажем, постыдное; ничуть. Просто — такая информация не для их уровня. О мире, о Вселенной, в которой они живут, эти люди знают вполне достаточно — для них достаточно, для их умственных возможностей. Им следует знать ровно столько, сколько им уже известно — и ничего больше.

Ну, что же, лазутчику с Фермы, которому, к стыду Заставы, удалось сбежать, была изложена одна версия, весьма благородная в силу того, что она с начала до конца была и останется чисто теоретической, не предназначенной для осуществления. Этому — союзнику — придется преподнести другую, и так, чтобы он поверил. Только и всего. И это даже не будет ложью. Это всего лишь политика — на его, Охранителя, уровне.

— ...Итак, Магистр, я жду твоего вопроса. Кажется, из приглашенных представителей миров еще четверо не явились? Но и назначенный час еще не наступил, так что я, пожалуй, успею ответить тебе. Надеюсь, вопросы ты обдумал заранее?

— Разумеется, Охранитель. Хочу предупредить: я не претендую на знание того, чего не должен знать. Но я крайне любопытен. И мне будет очень не по себе...

— Если ты не найдешь объяснения моим действиям, не так ли?

— Да, и это тоже. Но сейчас я хотел спросить о другом. Раз уж мы толкаем одну и ту же тележку, я имею право, мне кажется, знать, на что мы рассчитываем. Нет-нет,— он поднял руку, как бы предостерегая от неправильного мнения, ложного истолкования его слов.— Это относится только к средствам, не к смыслу наших действий; что касается смысла, то тут, я думаю, каждый знает, на что он надеется, и этого с него хватит...

— Разумное суждение.

— Но мне интересно — как, допустим, идущему в атаку стрелку не безразлично, что и как будет его поддерживать — и он, естественно, хочет знать об этом как можно больше. Как по-вашему, имею я право на такую информацию?

— Бесспорно.

— Тогда объясните хотя бы: что такое — Черное, или Мертвое пространство?

— Гм... В каких отношениях ты с физикой?

— Я бы сказал — вооруженного нейтралитета.

— Я спрашиваю серьезно — чтобы знать, на каком уровне объяснять тебе.

— Моих знаний хватает, чтобы пилотировать корабль.

— Не так уж мало. Следовательно, тебе приходилось совершать сопространственные прыжки, не так ли?

— Разумеется.

— В сопространстве.

— Где же еще?

— Что ты знаешь о его свойствах?

— По-моему, этого никто не знает.

— Но все же — чисто практически, как пилот?

— Ну — мы прорываемся в него и удерживаемся там некоторое время, непрерывно работая двигателями. Время это зависит от того, как далеко должны мы прыгнуть.

— Так, верно.

— Когда, по нашему расчету, время это истекает — мы выключаем двигатели, и сопространство тотчас же выталкивает нас в наше обычное пространство.

— Вполне грамотное описание. Ты упустил лишь одну деталь.

— Да?

— Что по часам твоей планеты ты войдешь в прыжок и выйдешь из него совершенно в другом месте в один и тот же миг времени.

— Ну, конечно, это все известно.

— То есть, в сопространстве есть движение — но нет течения времени, так?

— Да.

— Ну, а если мне нужно, допустим, удержать тебя в сопространстве против твоей воли? Ты выключаешь моторы, хочешь оказаться в своем пространстве — а сопространство тебя удерживает?

— Насколько я могу судить, это невозможно.

— Ответ будет совершенно правильным, если ты добавишь: в обычных условиях.

— А разве они могут быть иными?

— Мертвое пространство и есть область других условий.

— То есть, там можно находиться вне времени — и без движения относительно нашего пространства?

— Вот ты и понял все.

— Как же это достигается?

— Ты, наверное, видел здесь, на втором этаже...

— Машину?

— Можно назвать это и так. Машина, устройство, приспособление — как угодно.

— Которым управляют те двое — или трое, они когда как...

— Да, один из них обладает такой способностью — множиться. Правда, на краткое время.

— Они не из наших миров.

— Даже не из нашего мироздания. Но я попросил их помочь нам, и они согласились.

Наступила краткая пауза — ровно столько времени прошло, чтобы один успел задать самому себе мысленный вопрос: «Сколько и чего им за это обещано?», второй же — безошибочно определить: «Ему очень хочется спросить о плате, но он не задаст вопроса: понимает, что это уже совершенно не его дело».

— Охранитель, а зачем вам может понадобиться такое свойство сопространства?

— Чтобы помочь в определенный момент — хотя бы тебе. Будут ли у тебя вопросы?

— Наверняка. Хотя бы такой: Охранитель, зачем тебе война? Я знаю, что в результате победоносной войны смогу взойти на высоту, которая полагается мне уже по рождению. Я не хочу спрашивать о твоих целях — ты их знаешь, и это главное. Но желал бы слышать другое: если я действительно окажусь на том месте, на котором хочу быть — что потребуешь ты от меня? Согласись, это уже относится целиком ко мне, и ты не должен уходить от ответа.

— От тебя я потребую значительно меньше того, что ты получишь от меня — хотя, безусловно, при твоем деятельном участии.

— И все же? Прости меня, Охранитель, но жизнь научила меня заранее четко определять условия контракта.

— Хорошее правило. Но почему ты решил, что я стану уклоняться от ответа? Ничего подобного. Готов назвать мои условия.

— С нетерпением слушаю.

— Когда ты овладеешь Властью на Ассарте — и, следовательно, и Жилищем Власти в вашей столице, ты пригласишь меня туда.

— Буду весьма польщен!

— Постой, я еще не кончил. И дашь мне полную возможность провести там некоторые... скажем так: некоторые исследования.

— Сколько угодно!

— Они не потребуют много времени. И не приведут к каким-либо нежелательным последствиям. Это я могу обещать заранее.

— Считай, что это решено. Что еще?

— Еще? Ничего.

— Совсем ничего?

— Хочешь, чтобы я повторил?

— Охранитель, а...

— Достаточно. Надо идти: пока мы тут беседовали, прибыли все остальные посланцы миров. Пора говорить с ними. Напоследок скажу тебе лишь одно — зато крайне серьезное. Что бы ни произошло на Ассарте, Жилище Власти не должно пострадать от войны. Ни в коем случае! Больше того: самое лучшее, если война не коснется всего Сомонта. То есть, при взятии города может, конечно, быть — и неизбежно будет — стрельба, не обойтись без жертв — но никаких снарядов, ракет, бомб...

— Возможно ли будет?

— А на что ты? Ради чего из тебя, заурядного ублюдка Власти я воспитал неплохого эмиссара? У меня с самого начала были связаны с тобой определенные планы. Остальные нужны только для этой операции, не более. И я искренне опасаюсь,— губы Охранителя изогнулись в усмешке,— что никто из них не переживет предстоя-

щей войны. Потому что прямо отсюда им предстоит направиться на корабли семнадцати объединенных флотов. Но весьма сомнительно, чтобы эти корабли когда-либо вернулись на свои планеты.

— Значит, ты все-таки решил отдать победу Ассарту?

— Победу я решил взять себе. Только я смогу извлечь из нее все, что она сможет дать. А что касается Ассарта, то пока мне нужно лишь, чтобы ты не утратил возможностей направлять действия Изара. Кстати, сложно ли было установить такое влияние?

— Легче, чем я ожидал. С самого начала я подставил к нему двух человек, рассчитывая, что первый из них станет основным каналом влияния, а второй — запасным. Но жизнь хитроумней любого из нас, так что в результате получилось наоборот: запасной канал превратился в основной и очень мощный, а первый канал влияния у меня до сих пор в резерве.

— Недаром я всегда оценивал тебя высоко.

— К сожалению, у меня возникли опасения по поводу нынешнего основного канала.

— Кто этот человек? Царедворец?

— Женщина. Любимая женщина.

— Женщина... И ты начал опасаться только сейчас? На твоем месте я бы боялся с самого начала. Пути женщин непостижимы.

— До сих пор все шло гладко. Но теперь...

— Как ты подчинил ее себе?

— Искренностью простого человека.

— Магистр, Магистр! На этот раз я не узнаю тебя. Когда же это ты успел забыть, что заставляет повиноваться только страх? Ведь только что мы говорили об этом. Держи ее в страхе!

— Мне отчего-то кажется, что это будет излишним. Она...

— Казаться может только тем, у кого недостаточно знания. А мне вот не кажется, поверь. Она должна бояться!

— Пригрозить смертью?

— Это примитивно. Бывают положения, из которых смерть кажется выходом. Ты говоришь — любимая женщина. И любящая?

— Несомненно.

— Используй это. Она должна бояться, что их любовь рухнет.

— В это я не очень верю.

— Зависит только от тебя. Если женщина будет знать, что в твоем распоряжении находится нечто... какие-то факты, которые, попади они в руки ее любимого, приведут к концу их блаженства — она подчинится тебе бесповоротно. Сделай так. Это нужно. Потому что именно сейчас нам предстоит оказать на Властелина Ассарта еще более серьезное давление. Иначе в нашей драме не будет хватать последнего акта.

— Жаль, что у меня нет таких фактов. Не знаю за ней грехов.

— Создай их.

— Например?

— Ну, пусть она изменит ему. Хоть раз; этого хватит.

— Для этого еще нужно найти человека...

— Ты найдешь его, глянув в зеркало.

— Я?..

— Разве ты не мужчина?

— Боюсь, что не в ее вкусе.

— Ее вкусы меня меньше всего интересуют. Ты достаточно силен, чтобы заставить ее сделать все, что хочешь.

— Охранитель! Мне представляется, что это уж слишком...

— Отчего же? Мне кажется, что на Ассарте подобные действия являются традицией. Хотя, может быть, ты считаешь Изара настолько выше себя, что...

— Ни в коей мере.

— Кроме того — если не ошибаюсь, ты относишься к нему без особой симпатии?

— Слабо сказано.

— Вот тебе прекрасный способ сделать ему больно. Согласен?

— Сейчас могу обещать тебе лишь, что я обдумаю все, что ты сказал. Пока будем рассматривать сказанное как крайнюю меру. *Если возникнет надобность и не отыщется* других способов.

— Не спохватишься ли ты слишком поздно?

— Постараюсь успеть вовремя. И, кстати, чтобы до конца разбираться в обстановке, мне нужно знать: что еще должен сделать Властелин Изар?

— Надо заставить его нарушить одну из старых традиций. Если не ошибаюсь, закон, или как это там называется — Порядок запрещает Властелину покидать планету, когда идет война?

— Ты не ошибаешься.

— А мне нужно, чтобы он покинул ее.

— Чего ради?

— Это придумай сам. И второе: нужно, чтобы перед тем он назначил, наконец, Советника.

— Кого же?

— Не так давно еще мне казалось, что для этой цели пригодится эмиссар Мастера, что был перехвачен нами. Видимо, я ошибся.

— Боюсь, что да, Охранитель. Я уже говорил тебе, что он стал советником — но только не Изара.

— Я помню. Но есть кандидатура, намного лучшая. Ты.

— Я — в качестве Советника Властелина? Задира и сутенер?

— Пусть она добьется этого. Понял? И отправляйся сейчас же. Когда это случится — мы уже просто не сможем проиграть...

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

...И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА. *Повесть* 5

ВЛАСТЕЛИН. *Роман* 167

Книга первая. **И ПРОЧИЕ УСЛЫШАТ И УБОЯТСЯ**

Литературно-художественное издание

МИХАЙЛОВ
Владимир Дмитриевич

Избранные произведения

Том 3

...И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

Повесть

ВЛАСТЕЛИН

Книга первая

Фантастический роман

Редактор Н. В. РЕЗАНОВА
Художественный редактор А. В. ГРИШИН
Технический редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректор И. С. ПИГУЛЕВСКАЯ

Сдано в набор 20.05.93. Подписано в печать 17.09.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 27,91. Усл. кр.-отт. 25,57. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4111. С 020.

Издательство «Флокс», 603000, Н. Новгород, ул. Костина, 20

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Н. Новгород, ул. Варварская, 32

Владимир МИХАЙЛОВ